

Средневековый Лондон, том 2. Экклезиастический

Уолтер Безант

MEDIAEVAL LONDON

VOL. II

ECCLESIASTICAL

BY

SIR WALTER BESANT

The Project Gutenberg eBook of Mediæval London, Volume 2: Ecclesiastical

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Mediæval London, Volume 2: Ecclesiastical

Автор: Уолтер Безант

Дата выхода: 4 января 2019 [eBook #58614]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Лесом Галлоуэем и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEDIÆVAL LONDON, VOLUME 2: ECCLESIASTICAL ***

Примечания транскриптора

Обложка была создана путем добавления текста на обычный фон и является общественным достоянием.

Очевидные опечатки исправлены. Вариации дефиса и орфографии оставлены без изменений, за исключением случаев, когда они противоречат указателю.

Воспроизведенные древние документы, особенно в Приложении IX, содержат аббревиатуры, представленные символами, которые больше не используются. Они были представлены тильдой ~ .

Латинские цифры в нижнем регистре, дополненные символом xx (счет), обозначаются так: iiii / xx.

Два генеалогических древа в главе 19 тома 3 были дополнены генеалогическими таблицами, подготовленными транскриптором.

УНИФОРМА С ЭТИМ ТОМОМ

ЦЕНА 30/НЕТТО ЗА ШТУКУ

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА ТЮДОРОВ

Со 146 иллюстрациями и репродукцией карты Агаса, изображающей Лондон в 1560 году.

"Для студента, а также для тех случайных читателей, которых редкое очарование Лондона привлекает к чтению ее страниц, эта книга будет иметь ценность и очарование, не превзойденные ни одним из ее предшественников" - Pall Mall Gazette.

"Яркая и увлекательная картина жизни Лондона в XVI веке - картина романиста, полная жизни и движения, но с точными деталями антикварного трактата" - Contemporary Review.

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА СТЮАРТОВ

Со 116 иллюстрациями и репродукцией карты Огилби, изображающей Лондон в 1677 году.

"Это шахта, в которой студент, изучающий как топографию, так и нравы и обычаи, может копать и копать снова с уверенностью найти что-то новое и интересное" - The Times.

"Перо готового писателя здесь бегло; картина не нуждается в полноте. Записи города и королевства были перерыты в поисках фактов и документов, и они собраны с непревзойденным мастерством" - Pall Mall Gazette.

ЛОНДОН В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Со 104 иллюстрациями и репродукцией карты Лондона 1741-5 годов, выполненной Рокком.

"Книга увлекательна, а ее манера изложения восхитительна" - The Times.

"Фактами и цифрами, подобными этим, эта ценная книга будет полна до краев, и поэтому она рассчитана на интерес всех типов читателей, от студента до дилетанта, от романтика, ищущего материал, до самого жадного изучающего "сиськи-письки" - "Атенеум".

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН VOL. I. HISTORICAL AND SOCIAL

Со 108 иллюстрациями, в основном с современных гравюр.

"Книга одновременно точна и жива в своих изложениях; в ней нет ни одной неряшливой страницы - везде присутствует ощущение движения и цвета, а также очарование, присущее живой картине." - Standard.

"Поражает восхитительная группировка, последовательность и порядок работы на протяжении всей книги, и ни в одном случае не больше, чем в этой последней части." - Pall Mall Gazette.

Исследование Лондона

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН ЦЕРКОВНЫЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН

VOL. II

ЦЕРКОВНЫЙ

СЭР УОЛТЕР БЕЗАНТ

ЛОНДОН
АДАМ И ЧАРЛЬЗ БЛЭК
1906

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I		
ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛОНДОНА		
ГЛАВА.		СТРАНИЦА
1.	Документы	3
2.	Хартия Генриха Второго	8
3.	Коммуна	11
4.	Палаты	24
5.	Фракции города	35
6.	Век неопределенных шагов	66
7.	После Коммуны	72
8.	Городские компании	108
ЧАСТЬ II		
ЦЕРКОВНЫЙ ЛОНДОН		
1.	Религиозная жизнь	127
2.	Церковная мебель	159
3.	Календарь года	164
4.	Отшельники и анхориты	170

5.	Паломничество	179
6.	Испытание	191
7.	Убежище	201
8.	Чудеса и мистерии	213
9.	Суеверия и т. д.	218
10.	Порядок погребения	223
	ЧАСТЬ III	
	РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА	
1.	Общий	227
2.	Сен-Мартен-ле-Гран	234
3.	Приорат Святой Троицы, или Приорат Крайст-Черч	241
4.	Дом Хартии	245
5.	Шпиталь Элсинга	248
6.	Святой Варфоломей	250
7.	Святой Фома Аконский	263
8.	Святой Антоний	268
9.	Приорат святого Иоанна Иерусалимского	270
10.	Клеркенвельский женский монастырь	284
11.	Святой Иоанн Креститель, или Холиуэльский женский монастырь	286
12.	Аббатство Бермондси	288
13.	Святая Мария Овери	297
14.	Больница Святого Фомы	309
15.	Сент-Джайлз-ин-те-Филдс	311
16.	Святая Елена	313
17.	Шпиталь Святой Марии	322
18.	Святая Мария Вифлеемская	325
19.	Клерки	329
20.	Церковь Святой Катерины у Тауэра	334
21.	Костыльные монахи	342
22.	Остинские монахи	344
23.	Серые монахи	348
24.	Доминиканцы	354
25.	Уайтфрайерс	360
26.	Святая Мария Грейс	363
27.	Малые фонды	365
28.	Братства	382
29.	Больницы	385
	ПРИЛОЖЕНИЯ	
1.	Список отделений Лондона	391

2.	Список олдерменов	393
3.	Алфавитный список олдерменов, чьи имена указаны на документах в XIII веке	395
4.	Список приходов	397
5.	Патронаж городских церквей	400
6.	Праздники	401
7.	Келья анхорита	404
8.	Монашеские дома	406
9.	Доминиканский дом	407
10.	Папез	411
11.	Благотворительный фонд	413
12.	Братства	420
	ИНДЕКС	423

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
Отрывок из книги писем Е, датированный 1316 годом, относящийся к компании бакалейщиков	5
Аверс и оригинал реверса печати Лондонского Сити с изображением святого Фомы Бекета	13
Старая печать мэрии, XIII век	15
Король Джон подписывает Магна Чарта	<i>Лицевая сторона</i> 20
Олдгейт Хаус, Бетнал Грин	25
Части южной и западной стен монастыря	30
Лондонский Тауэр около 1480 года	39
Корона, предложенная Ричарду III в замке Байнард	<i>Лицевая сторона</i> 56
Король Ричард проводит совет знати и прелатов	61
Генрих Болингброк оспаривает корону	62
Ричард II совещается со своими друзьями в замке Конвей	63
Ричард II и его святые покровители	69
Уиттингтон и его кот	73
Смерть Уиттингтона	74
Арбалетчик	77
Утро Азенкура	81
Факсимиле заголовка счета, 1575-1576, с изображением Купера за работой	85
Вид на юго-восток старого дома, стоящего в последнее время в проезде	91

Свидона, Груб-стрит	
Вид на юго-запад на зал Джеррарда	<i>Лицевая сторона</i> 100
Факсимиле герба хирургов, 1492 г., с изображением святых Космо и Дамиана, поддерживающих его	101
Интерьер Гилдхолла	103
Счет на 6 с. 8d., выданный казначеем Эдуарда I шерифу Линкольншира	105
Предвыборная гирлянда, подаренная Робертом и Сисели Чемберлейн, 1463 год	105
Играющий на волынке	110
Иллюстрация из книги Целлера <i>"Англоязычная Франция и Карл VII"</i> .	111
Печать компании виноделов, 1437 год	112
Надгробие Уильяма Уоррингтона, мастера-масона, в аббатстве Кройланд, 1427 год	113
Марки Куперов, 1420 г. н.э.	114
Часть факсимиле оригинала хартии, выданной королем Ричардом III Обществу почетных сургучных мастеров Лондонского Сити (16 февраля, 1 Ричарда III).	116
Ливреи Лондона	117
Фронтиспис к гранжевому изданию <i>"Лондона и Мидлсекса"</i> Брейли	<i>Лицевая сторона</i> 118
Уильям Смоллвуд, мастер компании оловянных дел мастеров	121
Церковь Святой Этельбурги, Бишопсгейт-стрит	129
Настоятельница	131
Монах и его борзые	131
Капелла Генриха V в Вестминстерском аббатстве	133
Граф Нортумберленд принимает мессу	135
Интересные древности в Вестминстерском аббатстве	<i>Лицевая сторона</i> 138
Савойская капелла и дворец	141
Башня лоллардов, Ламбетский дворец	149
Рыцари Святого Духа, отправляющиеся в крестовый поход	151
Священник по имени Джон Болл поднимает большой переполох в Англии	155
Вышивка XIV века, предположительно являющаяся частью фронтисписа или антепендиума	160
Архиепископ Кентерберийский проповедует от имени Генриха, герцога Ланкастера	161
Королева Маргарита, жена Генриха VI, на молитве	168
Всех святых, Лондонская стена	175
Уилсдон, Мидлсекс	181
Табард Инн, Боро	187

Босс из руин восточного клуатра приюта Святого Варфоломея	195
Стук святылища, Даремский собор	202
Мученичество святого Фомы	203
Латунь в церкви Святого Варфоломея Меньшего, Смитфилд	207
Церковь-убежище в Вестминстере	209
Вид с северо-запада на руины дворца епископа Винчестерского в Саутварке	215
Адские муки	219
Часовня больницы для прокаженных на Кент-стрит в Саутварке, называемая Ле Лок	<i>Лицо</i> 220
Погребальная служба	223
Северный вид на ораторий Древней гостиницы, расположенной на Тули-стрит в Саутварке и ранее принадлежавшей приорам Льюса в Сассексе	229
Святылище Сент-Мартинс-ле-Гранд	235
План Свято-Троицкого приорства (первый этаж)	} <i>Между</i> 244 и
План Свято-Троицкого монастыря (второй этаж)	
Дом Хартии	246
Предположительная реконструкция зданий приорской церкви Святого Варфоломея Великого, существовавших во времена настоятеля Болтона (около 1530 г. н.э.)	251
Часть хора с остатками южного трансепта церкви Святого Варфоломея Великого	252
Гробница настоятеля Рахера	253
Ворота приорства Святого Варфоломея	255
Святой Варфоломей Меньший	257
Интерьер монастыря святого Варфоломея Великого	259
Восточный клуатр монастыря святого Варфоломея	261
Печать госпиталя святого Фомы Аконского	263
Бекет получает письмо от Генриха II о назначении его канцлером. Посвящение Бекета в престол Кентербери. Бекет обращается к королю с неодобрением	265
Приорат Святого Иоанна Иерусалимского, Лондон	271
Крипта церкви Святого Иоанна, Клеркенвелл	273
"Тамплиеры": древний дом в Хакни	275
Рыцарь-тамплиер	276
Рыцарь-тамплиер: Церковь Храма	276
Эффигия в церкви Темпл, ошибочно названная эффигией сэра Джеффри де Мандевиля	277
Интерьер храмовой церкви	279
Древние клуатры в Клеркенвелле	285
Гербы и печати настоятеля и монастыря Святого Спасителя в Бермондси	289

Аббатство Бермондси	293
Общий вид остатков аббатства Бермондси, Суррей	<i>Лицевая сторона</i> 294
Фигура рыцаря-тамплиера	298
Традиционная фигура старого Овери	
Памятник Гоуэру, Сент-Мэри Овери	299
Гробница епископа Эндрюса, Сент-Мэри Оверис	301
Ворота Приората Святой Марии, Саутварк	303
Древний склеп, Саутварк	305
Вид на церковь Святого Спасителя с северо-востока	307
Юго-западный вид на интерьер церкви Святой Елены на Бишопсгейт-стрит	314
Вид на юго-восток женского монастыря Святой Елены, Бишопсгейт-стрит	315
Склеп женского монастыря Святой Елены на Бишопсгейт-стрит	317
Печати женского монастыря Святой Елены	319
Готическая алтарная часть в коллегиальной церкви Святой Екатерины с памятниками герцогу Эксетеру и достопочтенному Г. Монтегю	335
Церковь Остинских монахов	345
Герб сэра Р. Уиттингтона, Грей Фрайерс, ныне госпиталь Христа	348
Госпиталь Христа, со стороны клуатров	349
"Платформа серых монахов", 1617 г.	351
Приорат Блэкфрайерс	355
Колонна в зале монастыря Блэкфрайерс	357
Крипта старого приорства Уайтфрайерс	361
Флагелланы	367
Интерьер старой часовни Ламбе, Монквелл-стрит	369
Экстерьер южной стороны часовни Старого Ламбе	371
Вид на северо-восток часовни Святой Троицы, Лиденхолл, в приходе Сент-Питер-апон-Корнхилл, Лондон	375
Зал Братства Святой Троицы	383
Страница списка, содержащего имена "Братьев и сестер" гильдии братства Тела Христова, 1485, 1486, 1488 гг.	<i>Лицевая сторона</i> 384
Вид с северо-запада на часовню и часть большой лестницы, ведущей в зал больницы Брайдвелл, Лондон	386

ЧАСТЬ I

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛОНДОНА

ГЛАВА I

ДОКУМЕНТЫ

Прежде чем перейти к рассмотрению управления Лондоном при королях Плантагенетах, давайте сначала спросим, в каких документах мы найдем информацию из первых рук.

Ни один город в мире не обладает столь древним и полным собранием архивов, как коллекция в Гилдхолле. Райли в своем "Введении к Liber Albus" начинает список тех, кто обращался к архивам, с Джона Стоу. Несомненно, однако, что составитель самой Liber Albus, Джон Карпентер, также обращался к архивам, даже в его время ценным и древним. Страйп, готовя свое издание Стоу, также обращался к городским архивам: - "И снова, - говорит он, - мы обращаемся к архивам.

"Опять же, - говорит он, - еще одна вещь, на которую были потрачены труд и усердие, относится к законам, обычаям и нравам города. В них содержатся свободы и привилегии, а также обязанности горожан. И потому должны быть им известны, и в этом отношении необходимо изложить их, как можно точнее и подробнее; поскольку эти вещи столь существенны для того, чтобы они были осведомлены о них. Это было похвально начато А. М. в прошлом издании, но очень улучшено и расширено в этом. А чтобы я мог лучше справляться с этой задачей, пришлось не только собрать и представить многочисленные и наиболее важные акты парламента и общего совета, касающиеся города и его дел, но и прибегнуть к подлинным книгам и записям, принадлежащим Лондонской палате: где можно было бы найти множество древних и любопытных сведений такого рода. Но это, похоже, было довольно трудно получить. Тем не менее, с помощью некоторых друзей высокого качества и хорошего счета, ознакомив суд олдерменов с моим замыслом и попросив у них разрешения и лицензии, я добился от них приказа для мистера Эшхерста, тогдашнего городского клерка, дать мне доступ к некоторым из их книг, которые могут быть наиболее подходящими для моей цели, и их разрешения переписать из них то, что я сочту нужным: но вместе с тем суд обязал меня оставить в руках мистера Эшхерста все мои книги. Town Clerk's hands all my Notes that I should so collect thence, to be reviewed and examined; I am nevertheless some things published from them might seem prejudicial some way or other to the City, or be judged not so convenient to be known; or I'm any mistake might be made by me in transcribing. Что (как и подобает), я с готовностью выполнил. Оттуда я извлек много замечаний, касающихся как древнего состояния города, так и судов, обычаев, магистратов, чиновников и т. д. Главными книгами, с которыми я общался, были два знаменитых древних тома, один из которых назывался Liber Horne, по имени писателя, а другой - Liber Albus, *то есть* Белая книга. Оба они так часто использовались и цитировались мистером Стоу. Эта последняя из упомянутых книг была написана на латыни в 1419 году. 7. Н. 5. mense Novembris. А о том, что она содержит, известно из того, что написано на одной из первых страниц, а именно: Continens tam laudabiles Observantias, non scriptas, in dict. Civitate fieri solitas, quam notabilia memoranda, &c., sparsim et inordinate scripta. То есть "Содержащая также похвальные обычаи, не написанные, которые принято соблюдать в указанном городе, а также другие примечательные вещи, достойные запоминания, разбросанные здесь и там, не написанные в каком-либо порядке". Составителем этой Белой книги был некий Плотник, чье имя честно и крупно написано на первой странице. Я полагаю, что это тот самый Дж. Карпентер, бывший городским Кларком в царствование Генриха V., которого Стоу в своем "Обзоре" упоминает среди достойных благодетелей города: и чьи дары там описаны. В этот том включены мемории мэров, шерифов, регистраторов, камергеров и других главных должностных лиц города: также все хартии, дарованные несколькими королями Англии от Вильгельма Завоевателя, и их подтверждения. Есть также трактат о манерах и порядке, "Как

бароны и университеты гражданствуют". London, &c. То есть, как бароны (*т.е.* свободные люди) и община Лондонского Сити должны вести себя и вести себя по отношению к королю и его юстициариям в то время, когда королю угодно проводить судебные заседания короны в Лондонском Тауэре: Вместе со многими другими вопросами и темами, содержащимися в этом избранном MS".

Другая книга, которую я также имел честь просмотреть, а именно "Хорн", была старше почти на сто лет, названная так от имени Эндрю Хорна, бывшего камергером Сити, то есть во времена короля Эдуарда Второго. О том, что содержит эта книга, говорит надпись в одном из ее мест, а именно: "Iste Liber restat Andreae Horne Piscenario London, de Breggestrete. In quo continentur Cartae, & aliae Consuetudines predict. Civitat. Angliae & Statuta per Henricum Regem, & Edwardum Regem fil. predict. Regis Henrici edita. И снова: "In isto Libro continentur tota Statuta, & Ordinationes & Cartae & Libertates, & Consuetudines Civitat. London & Ordo Justitiorum itinerantium apud Turrim Lond. & ipsum iter.

Затем писатель переходит к описанию Лондона: несколько хартий, палаты, улицы, проезды и места, привилегии мэров и т. д.

К этому я добавляю "Calendarium Cameræ, London", которая также была другой книгой в палате, полезной для меня в моих поисках".

В течение восемнадцатого века, за исключением Страйпа, архивы, похоже, не подвергались посягательствам. В начале прошлого века сэр Фрэнсис Пэлгрейв сделал множество выписок из этой сокровищницы. Совсем недавно М. Огюст Тьерри опубликовал некоторые торговые договоры XIII-XV веков между жителями Лондона и купцами Амьена. В 1843 году М. Жюль Дельпит провел некоторое время в Гилдхолле, собирая по копиям документы, касающиеся связей между Францией и Англией. С тех пор работа по публикации и аннотированию этих документов ведется с большим усердием.

Список предметов, составляющих городской архив, приводится Райли: "Помимо ранних реестров, в Гилдхолле хранятся и другие документы.

"В дополнение к ранним реестрам, или книгам писем, от А до К включительно (соответствующие даты которых указаны в конце этого тома), в зале записей в Гилдхолле хранятся следующие сборники:- Журналы и отчеты судов олдерменов и общего совета с 1417 г. н. э. по настоящее время. Liber de Antiquis Legibus, латинская хроника городских сделок с 1178 по 1274 год, единственная из дошедших до нас записей. Liber Horn, сборник различных документов, датированный 1311 годом и составленный, вероятно, его первоначальным владельцем Эндрю Хорном. Liber Custumarum, сборник аналогичного характера, датированный примерно 1320 годом и составленный, вероятно, под руководством того же Эндрю Хорна. Liber Albus. Liber Dunthorn, сборник на латинском, англо-французском и английском языках, составленный между 1461 и 1490 гг. н.э. Liber Legum, сборник законов за период с 1342 по 1590 гг. н.э. Liber Ordinationum de Itinere, составленный при Эдуарде I. Эдуарда I: кроме того, существуют Assisa Panis, начатая в 1284 году; Liber Memorandum, датированная 1298 годом, и несколько других рукописных томов меньшей значимости и ценности.

Среди книг, которые, как известно, ранее принадлежали Лондонской корпорации, но теперь утрачены, следующие:- Liber Niger Major и Liber Niger Minor, обе цитируются в Liber Albus, Speculum, Recordatorium, возможно, идентичны Liber Regum Antiquorum, также утраченной; Magnus Liber de Chartis et Libertatibus Civitatis; Liber Rubeus и Liber de Heretochiis, обе упоминаются в "Книгах писем", согласно М. Дельпиту, как ранее существовавшие. Не исключено, что эти тома исчезли по катастрофическому случаю, когда в правление Эдуарда VI лорд-протектор Сомерсет взял три телеги книг из библиотеки в Гилдхолле, и ни одна из них так и не была возвращена" - Введение Райли к Liber Albus.

С момента составления этого списка корпорация предприняла публикацию "Мемориалов XIII, XIV и XV веков" Райли; "Календаря завещаний" Шарпа; "Календаря писем"; "Лондона и королевства" Шарпа; "Описательного отчета о Гилдхолле" Прайса; "Карты Лондона" Агаса; "Хроники старого Лондона" Райли. Помимо этих томов, нельзя не упомянуть "Хронику таможен" Арнольда, изданную в 1811 году; публикации Камденского общества, включающие множество документов, бесценных для изучающего историю города; другие хроники, перевод которых сделал доступным сайт, например, "Диалог Скаккарио", полностью опубликованный в "Избранных хартиях" Стаббса.

ГЛАВА II

ХАРТИЯ ГЕНРИХА ВТОРОГО

Хартия, данная Генрихом Вторым, хотя и была, по-видимому, полной, содержала некоторые пропуски, которые являются значительными и важными. Раунд расположил эту хартию рядом с хартией Генриха Первого, разделив их содержание на пронумерованные пункты и выделив курсивом места различий (Geoffrey de Mandeville, pp. 368-369).

Генрих Первый

- (1) Cives non placitabunt extra muros civitatis pro ullo placito.
- (2) Sint quieti *de schot et de loth de Danegildo et de mурdro*, et nullus eorum faciat bellum.
- (3) Et si quis civium de placitis coronæ implacitatus fuerit, per sacramentum quod iudicatum fuerit in civitate, se disrationet homo Londoniarum.
- (4) Et infra muros civitatis nullus hospitetur, neque de mea familia, neque de alia, nisi alicui hospitium liberetur.
- (5) Et omnes homines Londoniarum sint quieti et liberi, et omnes res eorum, et per totam Angliam et per portus maris, de thelonio *et passagio et lestagio et omnibus aliis consuetudinibus*.
- (6) Et ecclesiæ et barones et cives teneant et habeant bene et in pace socnas suas cum omnibus consuetudinibus ita quod hospites qui in soccis suis hospitantur nulli dent consuetudines suas, nisi illi cuius socca fuerit, vel ministro suo quem ibi posuerit.
- (7) Et homo Londoniarum non iudicetur in misericordia pecuniæ nisi ad suam *were*, scilicet ad c solidos, dico de placito quod ad pecuniam pertineat.
- (8) Et amplius non sit miskenninga in hustenge, neque in folkesmote, neque in aliis placitis infra civitatem; et husteng sedeat semel in hebdomada, videlicet die

Генрих Второй

- (1) Nullus eorum placitet extra muros civitatis Londoniarum de ullo placito *praeter placita de tenuris exterioribus, exceptis monetariis et ministris meis*.
- (2) Concessi etiam eis quietanciam mурdri, [et] *infra urbem et Portsokna*, et quod nullus faciat bellum.
- (3) De placitis ad coronam [spectantibus] se possunt disrationare secundum antiquam consuetudinem civitatis.
- (4) Infra muros nemo capiat hospitium per vim vel per liberationem Marescalli.
- (5) Omnes cives Londoniarum sint quieti de theloneo et lestagio per totam Angliam et per portum maris.
- (Это положение полностью опущено).
- (7) Nullus de misericordia pecuniæ iudicetur nisi secundum legem civitatis quam habuerunt tempore Henrici regis avi mei.
- (8) In civitate in nullo placito sit miskenninga; et quod Hustengus semel tantum in hebdomada teneatur.

Lunae.

(9) Et terras suas *et wardemotum* et debita civibus meis habere faciam *infra civitatem et extra*.

(10) Et de terris de quibus ad me clamaverint rectum eis tenebo lege civitatis.

(11) Et si quis thelonium vel consuetudinem a civibus Londoniarum ceperit, *cives* Londoniarum capiant de burgo vel de villa ubi theloneum vel consuetudo capta fuit, quantam homo Londoniarum pro theloneo dedit, et proinde de damno caperit.

(12) Et omnes debitores qui civibus debita debent eis reddant vel in Londoniis se disrationent quod non debent. *Quod si reddere noluerint, neque ad disrationandum venire, tunc cives quibus debita sua debent capiant intra civitatem namia sua, vel de comitatu in quo manet qui debitum debet.*

(13) Et cives habeant fugationes suas ad fugandum sicut melius et plenius habuerunt antecessores eorum, scilicet Chiltre et Middlesex et Sureie.

(9) Terras suas *et tenuras et vadimonia* et debita omnia juste habeant, *quicunque eis debeat*.

(10) De terris suis et tenuris *quæ infra urbem sunt*, rectum eis teneatur secundum legem civitatis; et de omnibus debitis suis quae accomodata fuerint apud Londonias, et de vadimoniis ibidem factis, placita [? sint] apud Londoniam.

(11) Et si quis *in tota Anglia* theloneum et consuetudinem ab hominibus Londoniarum ceperit, *postquam ipse a recto defecerit* Vicecomes Londoniarum namium inde apud *Londonias* capiat.

(12) Habeant fugationes suas, ubicumque habuerunt tempore Regis Henrici avi mei.

(13) *Insuper etiam, ad emendationem civitatis, eis concessi quod sint quieti de Brudtolle, et de Childewite, et de Yaresive, et de Scotale; ita quod Vicecomes meus (sic) London[iarum] vel aliquis alius ballivus Scotalla non faciat.*

Текст первой грамоты приведен в "Избранных хартиях" Стаббса, текст второй - в транскрипции Liber Custumarum (сверенной с Liber Rubeus).

В первой хартии Раунд обнаружил одну очень любопытную ошибку. В пункте 9 использовано слово *wardemotum*. В сравнении с соответствующим пунктом второй хартии Генриха оно должно быть *vadimonia*: иными словами, обе хартии подтверждали гражданам "заложенное им имущество и причитающиеся им долги".

Рассмотрим различия:.

(1) Граждане не должны выступать в суде без стен. Во второй хартии добавлено: "За исключением ходатайств по внешним владениям, за исключением моих казначеев и слуг".

Согласно второму пункту, граждане освобождаются от шотландского и лотского, данегельдского и убийственного права. Генрих Второй заменяет оправдание убийства в пределах города и Портсокена.

(6) Пункт 6 опущен во второй Хартии.

- (9) Пункт 9. Я уже показал ошибку, обнаруженную Раундом в слове *wardemotum*.
- (10) Здесь есть ограничение: "*quæ infra urbem sunt*", которые находятся в пределах города.
- (11) Пункт о должниках, опущенный во второй Хартии.
- (12) О взимании пошлины или других обычаев с горожан: вместо "горожан" - шериф.
- (13) Обратите внимание, что Генрих Второй говорит не о шерифе Лондона, а о моем шерифе.

Однако самым важным упущением второй хартии является то, что она дает горожанам право владеть Мидлсексом на *твердую* сумму в 300 фунтов стерлингов в год, а также право избирать своего собственного юстициара и шерифа.

ГЛАВА III КОММУНА

Теперь мы можем приступить к созданию Коммуны. Этапы любой важной реформы - это, во-первых, правильное понимание фактов; затем предварительное обсуждение фактов; затем оживленное обсуждение фактов; затем гневное отрицание фактов; затем отказ от рассмотрения вопроса о реформе вообще; наконец, невольное принятие реформы с мрачными пророчествами катастрофы и разорения. Ничего не известно об этих предварительных этапах великой Гражданской революции 1191 года. Но я совершенно уверен, что так же, как это было с биллем о реформе 1832 года, так было и с созданием мэра в 1191 году. Тогда не было ни газет, ни памфлетов, ни средств для объединенных действий, кроме "Народного мота" на Полс-Кросс, который явно не пригодился бы в таком деле, и случайных встреч купцов на берегу реки. Не было Королевской биржи, не было Залов компаний, в которых они могли бы встречаться; у нас нет записей о каких-либо собраниях, но мы можем быть уверены, что неудобства ситуации обсуждались всякий раз, когда собирались двое или трое. Мы также можем быть уверены, что среди них были консерваторы, те, кто любил старые времена и боялся власти центрального органа. Мнения по поводу реформ всегда разделялись и всегда будут разделяться; всегда найдутся те, кто предпочтет терпеть существующие беды, чем встретиться с неизвестными бедами, которые могут быть навлечены на них переменами. Я не знаю, как долго продолжались дискуссии и терпелось недовольство. В этом вопросе история ничего не знает. Однако один или два момента несомненны. Во-первых, все крупные города Западной Европы стремились к Коммуне; во-вторых, модель, которую они предлагали скопировать.

Нашим королям на протяжении всего двенадцатого века должно было быть хорошо известно, что создание Коммуны в великих торговых городах Западной Европы не только горячо желалось горожанами, но и уже было достигнуто многими. Они хотели создать корпорацию, муниципалитет, самоуправление в собственных стенах. Лондон наверняка с завистью смотрел на Руан, город, с которым его связывали не только торговые, но и родственные узы, ведь Руан получил свою коммуну за пятнадцать лет до того, как Лондон обрел лишь ее тень. Фактически именно из Нормандии город взял свое желание обладать

коммуной. Связь между Лондоном и Руаном была гораздо теснее, чем мы обычно готовы признать. Связь была легкой, Ла-Манш можно было пересечь при благоприятном ветре, англичанин оказывался на дружественной земле, когда высаживался в Нормандии, стране, которой управлял его собственный принц. Норманны также оказались среди дружественного народа на земле Англии. Они прибывали в большом количестве, особенно в Лондон. Купцы Руана имели свой порт в Даугейте со времен Эдуарда Исповедника. Многие из ведущих лондонских купцов были выходцами из Руана и Кана. Поэтому все, что происходило в Руане, было известно в Лондоне. И вот, в 1145 году, пришло большое и поразительное известие. Стало известно, что город Руан получил Коммуну, то есть муниципалитет, с мэром во главе и полномочиями по управлению всем городом. Далее пришло известие о том, что Коммуна была создана в других частях Франции и в Нидерландах, и что повсюду города объединялись в муниципалитеты, отрываясь от старых традиций и организуясь самостоятельно. Это происходило не без серьезного противодействия. Права церкви, права баронов, права короля - все это было затронуто созданием Коммуны. Однако это было великое народное движение, непреодолимое. На какое-то время оно увенчалось успехом, но в одном городе за другим развалилось на куски. В Англии оно имело большой успех, продолжало расширяться и процветать. Между тем лондонские купцы прекрасно понимали, что в этом отношении то, что устраивало жителей Руана, устраивало и их. Действительно, условия в двух городах были очень [похожи](#)¹.

После этого среди лондонцев началась серьезная агитация - но не по современной моде - в пользу новой гражданской организации. Генрих Второй не желал ничего подобного. Ревностно относясь к передаче власти народу, он не позволял создавать гильдии иначе как с его согласия; одним ударом он подавил восемнадцать созданных таким образом "прелюбодейных" гильдий. Но он не смог подавить горячее стремление народа к Коммуне.

Если бы преемник Генриха был таким же мудрым королем и таким же прозорливым, как его отец, желание города можно было бы сдержать еще на одно поколение. Но Ричард не был Генрихом. Когда он отправился в крестовый поход, управление городом перешло в руки его канцлера Уильяма Лонгчампа. И тут последовал один из тех эпизодов, когда история Лондона становится фактически историей всей страны.

Лонгчамп стал непопулярен среди всех сословий. Бароны чувствовали власть его руки и возмущались ею; купцы постоянно подвергались вымогательским штрафам, духовенство - поборам. Он занимал все королевские замки; его сопровождала тысяча всадников; он выглядел парадно, как подобает королевской особе. Рассматривая эту личность, следует помнить, что у него было много врагов во всех сословиях, и что его характер в основном нарисован его врагами. Разумеется, против него выдвигались и постоянно бросались в него зубами тезисы о том, что он был скромного происхождения; его также, как само собой разумеющееся, обвиняли во всех видах безнравственности. Его надменность, которую можно было оправдать положением вице-короля, была несомненна; враги называли ее наглостью; и не могло быть никаких сомнений относительно налогов, которые он ввел. В письме, написанном Хью, епископом Ковентри, после низложения Лонгчампа, даже церковная инвектива, кажется, достигла своего наихудшего предела. Истинная причина смертельной ненависти выражена в следующих словах

"Не говоря уже о других вещах, он и его гуляки так истощили все королевство, что не оставили мужчине его пояса, женщине - ее ожерелья, дворянину - его кольца или чего-либо ценного даже для еврея. Кроме того, он так опустошил королевскую казну, что во всех сундуках и мешках, в которых она находилась, по прошествии двух

лет нельзя было найти ничего, кроме ключей". (Роджер де Ховеден, перевод Райли, т. ii. стр. 235).

АВЕРС И ОРИГИНАЛ РЕВЕРСА ПЕЧАТИ ГОРОДА ЛОНДОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. ТОМАСА БЕКЕТА

С воскового слепка, хранящегося в музее Гилдхолл.

С другой стороны, Петр из Блуа ответил мягкому епископу Ковентри письмом, которое, должно быть, пробудило в сознании этого прелата что-то вроде неуправляемого гнева, свойственного его времени. Он пишет: "Епископ Эли [Лонгшамп], любимый Богом и людьми, человек приятный, мудрый, щедрый, добрый и кроткий, щедрый и либеральный в высшей степени, был по милости Божьей и в соответствии с требованиями своих собственных манер и заслуг удостоен управления государством и таким образом получил верховную власть. С чувством гнева ты увидел это, и тут же он стал предметом твоей зависти. Соответственно, ваша зависть зародила досаду и породила беззаконие; в то время как он, идя в простоте своего ума, принял вас в освященные пределы своего знакомства, с чистосердечием, в узы дружбы и строгого союза. Весь его дух был на вас, и все ваши мысли по отношению к нему были во зло". (Роже де Ховеден, перевод Райли, т. ii. стр. 238).

Нам не нужно определять виновность или невиновность канцлера; достаточно узнать, что существовали противоположные мнения.

Баронов и епископов возглавлял Джон, граф [Мортейн2](#), брат короля.

Было известно, что из всех, кто отправился сражаться с сарацинами, вернулись немногие. Ричард, находясь в Святой земле, не щадил себя, поэтому было вполне вероятно, что он встретит свою смерть на поле боя. А поскольку наследник короны был ребенком, и поскольку на трон хотели посадить мужчину, а не ребенка, у Иоанна были все основания полагать, что его воцарение будет встречено с радостью. Поэтому он подготовил почву для этого, присоединившись к народному делу и поставив себя во главе недовольных.

И вот, наконец, горожане увидели свой шанс. Они предложили использовать всю мощь города для поддержки Джона и баронов, но на определенных условиях. ДЖ. Раунд в своей книге "Происхождение лондонской мэрии", стр. 3, пишет

"Примерно в то же время, когда "Коммуна" и ее "мэр" с триумфом достигали Дижона в одном направлении и Бордо в другом, они перелетели на север и обрушились на Лондон. Не в первый раз в своей истории трудности короны стали для Лондона

возможностью, и когда в октябре 1191 года администрация оказалась парализована конфликтом между братом короля Джоном и представителем короля, знаменитым Лонгшампом, Лондон, обнаружив, что весы находятся в ее руках, быстро назвал уступку "Коммуны" ценой своей поддержки. Летописцы того времени позволяют нам представить себе сцену, как возбужденные горожане, которые в течение ночи с фонарями и факелами приветствовали Иоанна в столице, утром 8 октября по известному призыву большого колокола, раскачивающегося на кампаниле в церковном дворе Святого Павла, стекались вместе. Там они услышали, как Джон принес присягу "Коммуне", подобно французскому королю или лорду, а затем в Лондоне впервые появился собственный муниципалитет. То, чего никогда не смогла бы добиться английская территориальная организация, могла осуществить и осуществила иностранная Коммуна с ее коммерческой основой.

И как в Лондоне была своя "коммуна", так и в Лондоне был свой мэр. Мэр", несомненно, был завезен вместе с "Коммуной", хотя впервые мэр Лондона упоминается лишь весной 1193 года. Но уже в 1194 году некий горожанин обвиняется в том, что хвастался: "Что бы ни случилось, у лондонцев никогда не будет никакого короля, кроме их мэра".

"Не в первый раз". Вспомните, что в 1066 году, после битвы при Гастингсе, Лондон признал Вильгельма королем только на определенных условиях. Лондон избрал Генриха Первого королем на определенных условиях. Лондон сделал Стивена королем на определенных условиях. Лондон принял императрицу на условиях; неделю спустя королеву - тоже на условиях; и вот теперь, снова, Лондон увидел свой шанс - такой шанс, который, возможно, никогда больше не повторится, - получить то, что он хотел, на условиях.

Давайте, однако, подробнее разберемся в деталях этой победы и в причинах, которые привели к уступке.

Лонгшамп дал баронам шанс, попытавшись исключить Джеффри, архиепископа Йоркского (родного брата короля), из королевства, и насильно схватив архиепископа у самых рогов алтаря. Джеффри пожаловался Иоанну, который отдал приказ, чтобы канцлер предстал перед судом за нанесенное архиепископу оскорбление. Помня о положении Лонгшама как фактического представителя короля, этот вызов носил характер ультиматума. Что касается города, то Лонгшамп оттолкнул от себя многих горожан своими поборами и большими работами, которые он проводил в Тауэре, где горожане всегда были крайне ревнивы.

СТАРАЯ ПЕЧАТЬ МЭРИИ, XIII ВЕК

С воскового слепка в музее Гилдхолл.

Для рассмотрения дела был назначен день. Суд, или Совет, заседал в Рединге.

Присутствовали: Джон, граф Мортэйн; архиепископ Йоркский в качестве истца; архиепископ Руанский - его появление наиболее значимо, - с епископами и главными баронами королевства.

Но канцлер не появился, от него не поступило ни одного послания или ответа.

Суд был распущен, бароны отправились из Рединга в Виндзор, а канцлер удалился из Виндзора в лондонский Тауэр.

На следующий день бароны отправились из Виндзора в Лондон. Из этого заявления можно понять, что с горожанами уже все было решено, иначе ворота были бы закрыты. Бароны со своими приближенными были допущены в Сити; они провели еще одно собрание в капитуле собора Святого Павла; здесь Джон, архиепископы Йорка и Руана и почти все епископы и бароны королевства приняли главных горожан и торжественно даровали Лондонскому Сити его давно желанную Коммуну и поклялись твердо поддерживать ее до тех пор, пока она будет угодна королю.

Слова Роджера из Ховедена совершенно ясны; удивительно, что могли возникнуть какие-либо сомнения в том, что было сделано:

"В тот же день граф Мортэйн, архиепископ Руанский и другие судебные деятели короля предоставили гражданам Лондона привилегию их общего владения; и в тот же год граф Мортэйн, архиепископ Руанский и другие судебные деятели короля принесли клятву, что будут торжественно и нерушимо соблюдать упомянутую привилегию, пока это будет угодно их господину королю. Граждане Лондона также дали клятву, что будут верно служить своему господину королю Ричарду и его наследникам, а в случае его смерти без потомства примут графа Джона, брата короля Ричарда, в качестве своего короля и лорда". (Roger de Hoveden, Riley's trans., vol. ii. p. 230.)

Сделав это, они без особых проблем свергли канцлера, который бежал и после многих приключений благополучно добрался до Нормандии.

Обратите внимание на то, какое огромное значение придавалось этому шагу. Это было условие, в обмен на которое Лондон присоединился к баронам, чтобы избавиться от хищного вице-короля; уступка была сделана не легкомысленно, а торжественно, как мера величайшего веса, в присутствии главных лиц королевства; все присутствующие приложили руку к акту; все присутствующие поклялись его поддерживать.

Один из летописцев, Ричард из Девайзеса, очень сильный консерватор, показывает нам, что думали об этом шаге в его партии:

"В тот самый день, - говорит он, - была дарована и учреждена Коммуна лондонцев, и магнаты всего королевства, даже епископы самой провинции, были вынуждены присягнуть ей. Получив Коммуну, Лондон впервые узнал, что у королевства нет короля, ибо ни Ричард, ни его отец Генрих никогда бы не позволили сделать это даже за миллион марок серебра. Насколько велико то зло, которое порождает

Коммуна, можно понять из распространенного высказывания, что она раздувает народ и пугает короля".

Ральф де Дисето говорит более кратко: "Все вышеупомянутые *магнаты* [то есть Иоанн, архиепископ, епископы, графы и бароны] поклялись [что будут поддерживать] Лондонскую коммуну". Именно он сообщает нам то, чего не говорят другие, - что этот парламент проходил в лондонском капитуле Святого Павла.

Гиральдус Камбрэнсис говорит:...

"In crastino vero convocatis in unum civibus, communione, vel ut Latine minus vulgariter magis loquamur, commune seu communia eis concessa et communiter jurata."

Таким образом, совершенно очевидно, что граждане желали получить от Иоанна концессию коммуны и получили ее.

Другой летописец сообщает нам, что Коммуна была дарована всему собравшемуся вместе народу. Это означает, что она была объявлена на народном молебне, специально созванном у Павлова креста. Я не могу не думать, что важность уступки требовала сбора всего народа. Мистер Раунд, должно быть, прав в своей картине. После собрания в Капитуле зазвонил Большой колокол собора Святого Павла; народ стекался к нему; епископ встал на Кресте Павла и сообщил им великую новость: они наконец-то завоевали свою общину; впервые они стали одним городом; впервые у них появился свой лидер и свой оратор.

Город получил свою коммуну. Был избран первый мэр, Генри ФицЭйлуин, или Генри из Лондонского камня. Через два года после этого о нем заговорили как о мэре Лондона. Он занимал этот пост в течение пяти с половиной лет: только через двадцать четыре года после избрания он был признан королем. Признание Джона, когда он был не более чем графом Мортейном, наследником короны, не было официальным. Как мы уже слышали, Ричард никогда не признавал ни Коммуну, ни мэра.

Мистер Х. К. Кут в своей работе, опубликованной Археологическим обществом Лондона и Мидлсекса, утверждает, что столь значительные изменения, как переход от прежней конституции к поздней, требовали хартии; что, следовательно, эта хартия должна была быть предоставлена; и что она должна была быть утеряна. Достаточно отметить тот факт, что такой хартии не существует. Учитывая обстоятельства, не похоже, что Хартия могла быть предоставлена. Коммуна была предоставлена до тех пор, пока это было угодно королю. Это не устраивало короля, который так и не признал Коммуну. Поэтому можно предположить, что никакой Хартии не существовало.

В 1215 году горожане получили от Иоанна право избирать собственного мэра.

Что касается значения Коммуны, то Стаббс говорит: "Создание Коммуны - это

"Создание "коммуны" жителей Лондона, которая, как утверждают историки, была специально подтверждена баронами и юстициаром по случаю отстранения Лонгчампа от должности юстициара, представляет собой некоторую сложность, поскольку слово "коммуна" не встречается в английских городских хартиях, а официальной записи об акте подтверждения в настоящее время не сохранилось. Однако, интерпретируя иностранные обычаи и более позднее значение слова "Communitas", следует понимать, что оно означает корпоративную идентичность муниципалитета, на которую он мог претендовать и раньше и которая, возможно, даже иногда признавалась, но теперь была прочно установлена: своего рода

консолидация в единый организованный орган разнообразных франшиз, гильдий и других подразделений местной юрисдикции. Вероятно, это было связано с назначением мэра, который появился впервые, и, возможно, подразумевалось под этим. Однако его нельзя определить с уверенностью". (Stubbs's Select Charters.)

Раунд3 отмечает, что слова "concessa est communæ Londinensium" в точности совпадают со словами о предоставлении французских коммун. Те же слова использовались для коммун Сенлиса, Компьена, Аббевиля и Пуатье. Коммуна, опять же во Франции, не обязательно подразумевала избрание мэра. В Бове и Компьене сначала не было мэра.

Далее Раунд показывает, что очень примечательно, что долгая борьба горожан за то, чтобы удержать город и графство на уровне 300 фунтов стерлингов, которые корона упорно пыталась поднять до 500 фунтов и более, закончилась в 1191 году, когда была дарована Коммуна, возвращением к старой сумме в 300 фунтов. Это очень важный факт. Записи 1192 и 1197 годов показывают, что эта ежегодная сумма оставалась на прежнем уровне. Таким образом, можно с уверенностью утверждать три момента:.

1. Коммуна была дарована Лондону в 1191 году.
2. Фирма города и графства была одновременно снижена с более чем 500 фунтов стерлингов до прежней суммы в 300 фунтов стерлингов.
3. Мэр Лондона впервые появляется в 1193 году.

Именно в этот момент почти современный документ, обнаруженный мистером Раундом в Британском музее и представляющий собой не что иное, как клятву Коммуны, проливает свет на ситуацию.

"Sacramentum commune tempore regis Ricardi quando detentus erat Alemaniam (sic).

Quod fidem portabunt domino regi Ricardo de vita sua et de membris et de terreno honore suo contra omnes homines et feminas qui vivere possunt aut mori et quod pacem suam servabunt et adjuvabunt servare, et quod communam tenebunt et obedientes erunt maiori civitatis Lond[onie] et skivin[is] ejusdem commune in fide regis et quod sequentur et tenebunt considerationem maioris et skivinarum et aliorum proborum hominum qui cum illis erunt salvo honore dei et sancte ecclesie et fide domini regis Ricardi et salvis per omnia libertatibus civitatis Lond[onie]. Et quod pro mercede nec pro parentela nec pro aliqua re omittent quin jus in omnibus rebus p[ro]sequentur et teneant pro posse suo et scientia et quod ipsi communiter in fide domini regis Ricardi sustinebunt bonum et malum et ad vitam et ad mortem. Et si quis presumeret pacem domini regis et regni perturbare ipsi consilio domine et domini Rothomagensis et aliorum justiciarum domini regis juvabunt fideles domini regis et illos qui pacem servare volunt pro posse suo et pro scientia sua salvis semper in omnibus libertatibus Lond[onie]." (Round, p. 235.)

Сравните эту клятву с клятвой современного свободного человека: - "Я торжественно заявляю, что я свободен.

"Я торжественно заявляю, что буду добр и верен нашему суверенному лорду королю Эдуарду, что буду послушен мэру этого города, что буду поддерживать его франшизы и обычаи и буду хранить этот город без вреда для того, что во мне есть; что я также буду хранить мир короля в моем собственном лице, что я не буду знать никаких собраний или заговоров против мира короля, но я буду предупреждать

мэра об этом или препятствовать этому в моей власти; и что все эти пункты и статьи я буду хорошо и истинно соблюдать в соответствии с законами и обычаями этого города в моей власти."

И снова цитата из Раунда: "Впервые мы узнаем, что

"Впервые мы узнаем, что управление городом находилось тогда в руках мэра и эшевенов (*skevini*). Об этих последних должностных лицах до сих пор никто даже не подозревал. Доктор Гросс, главный специалист по английским муниципальным учреждениям, похоже, считал этих чиновников чисто континентальным институтом. Но в этом документе мэр и эшеваны не исчерпывают состав органа управления. Об олдерменах, действительно, мы ничего не слышим; но мы читаем о "*alii probi homines*", связанных с мэром и эшеванами. За ними мы можем обратиться к другому документу, к счастью, сохранившемуся в этом томе, который показывает нам орган из "двадцати четырех", связанный с управлением Лондоном примерно двенадцатью годами позже (1205-6 гг.).

Sacramentum xxiii^{or} factum anno regni regis Johannis vij^o.

Quod legaliter intendent ad consulendum secundum suam consuetudinem juri domini regis quod ad illos spectat in civitate Lond[onie] salva libertate civitatis et quod de nullo homine qui in placito sit ad civitatem spectante aliquod premium ad suam conscientiam reciperent. Et si aliquis illorum donum aut promissum dum in placitum fatiat illud nunquam recipient, neque aliquis per ipsos vel pro ipsis. Et quod illi nullum modum premii accipient, nec aliquis per ipsos vel pro ipsis, pro injuria allevanda vel pro jure sternendo. Et concessum est inter ipsos quod si aliquis inde attinctus vel convictus fuerit, libertatem civitatis et eorum societatem amittet." (Round, pp. 237-238.)

"О теле из *двадцати* четырех советников до сих пор ничего не было известно. Об органе из двадцати *пяти* человек есть только одно упоминание (Liber de Antiq. Leg. Camden Soc. p. 2):

Hoc anno fuerunt xxv electi de discretioribus civitatis, et jurati pro consulendo civitatem una cum Maiore.

Год - Мих. 1200 - Мих. 1201; но авторитет не первоклассный. Отрывок, стоящий особняком, много обсуждался. Последнее изложение принадлежит доктору Шарпу, делопроизводителю городской корпорации (London and the Kingdom, i. 72):

Вскоре после воцарения Иоанна мы находим первое упоминание о суде олдерменов, как о сознательном органе. В 1200 году, пишет Тедмар (сам он был олдерменом), "были выбраны пять и двадцать человек из более осмотрительных людей города, которые поклялись давать советы от имени города, вместе с мэром". Как в конституции королевства палата лордов может претендовать на большую древность, чем палата общин, так и в Сити, описанном лордом Коуком как *epitome totius regni*-, учреждение суда олдерменов предшествовало учреждению общего совета".

Но они не могли быть олдерменами приходов, просто потому, что их число не совпадает.

Чтобы выяснить, кем они были, мы должны обратиться к иностранным свидетельствам. В Руане советники мэра состояли из двадцати четырех человек, избираемых ежегодно.

Присяга при избрании была следующей. Как видно, она очень похожа на клятву английской коммуны.

"(II). De centum vero paribus eligentur viginti quatuor, assensu centum parium, qui singulis annis removebuntur: quorum duodecim eschevini vocabuntur, et alii duodecim consultores. Isti viginti quatuor, in principio sui anni, jurabunt se servaturos jura sancte ecclesie et fidelitatem domini regis atque justiciam quod et ipse recte judicabunt secundum suam conscienciam, etc.

LIV. Iterum, major et eschevini et pares, in principio sui eschevinatus, jurabunt eque judicare, nec pro inimicitia nec pro amicitia injuste judicabunt. Iterum, jurabunt se nullos denarios nec premia capturos, quod et eque judicabunt secundum suam conscienciam.

LV. Si aliquis juratorum possit comperi accepisse premium pro aliqua questione de qua aliquis trahatur in eschevinagio, domus ejus ... prosternatur, nec amplius ille qui super hoc deliraverit, nec ipse, nec heres ejus dominatum in communia habebit.

Три общие черты: (1) клятва справедливо отправлять правосудие; (2) специальные положения против взяточничества; (3) изгнание любого члена органа, осужденного за получение взятки.

Если бы у нас была только "клятва Коммуны", мы могли бы продолжать сомневаться в природе административного органа; но теперь мы можем утверждать по континентальной аналогии, что его двадцать четыре члена состояли из двенадцати "скевини" и такого же количества советников. Мы также можем утверждать, что он отправлял правосудие, хотя это и не предполагалось и, возможно, поначалу вызывало вопросы". (Round, p. 240.)

Таким образом, по континентальной аналогии мы приходим к выводу, что двадцать четыре Лондона состояли из двенадцати "скевини" и такого же количества советников. Что же стало с этим Советом?

Раунд придерживается мнения, с которым согласится большинство, что этот Совет был зародышем Общего совета, и он указывает, что клятва члена Общего совета, как и клятва древнего Совета двадцати четырех, по-прежнему обязывает его: (1) не поддаваться влиянию частной выгоды; (2) не покидать Совет без разрешения мэра; (3) хранить тайну заседаний.

Клятва олдермена (Liber Albus, перевод Райли, стр. 267) совершенно иная. Это клятва магистрата и начальника тюрьмы.

"Вы должны поклясться, что будете хорошо и законно служить нашему лорду королю в Лондонском Сити, занимая должность олдермена в округе N, где вы избраны олдерменом, и будете законно обращаться и информировать жителей того же округа о тех вещах, которые им следует делать для сохранения города и поддержания мира в нем; и что законы, обычаи и франшизы указанного города вы будете соблюдать и поддерживать в городе и за его пределами, согласно вашему уму и силе. И что вы будете внимательны к сохранению и поддержанию прав сирот, согласно законам и обычаям упомянутого города. И что вы будете готовы и с готовностью придете по вызову и предупреждению мэра и министров упомянутого города, на время, чтобы ускорить рассмотрение дел в суде, судебных процессов и решений на слушаниях, а также других нужд упомянутого города, если вам не помешают нужды нашего господина короля или другие разумные причины; и что вы дадите хороший законный совет по таким вопросам, которые касаются общей прибыли в том же городе. И что вы не должны продавать в розницу никаких

продуктов питания, то есть хлеба, эля, вина, рыбы или мяса, ни вы, ни ваши подмастерья, наемные люди, слуги или кто-либо другой; и вы не должны получать прибыль от любых таких продуктов питания, проданных во время вашей должности. И что хорошо и законно вы должны (вести себя) в упомянутой должности и в других вещах, касающихся города... Да поможет вам Бог и святые "4.

И снова английские свидетельства. Город Винчестер также свидетельствует о существовании Совета из двадцати четырех человек, который просуществовал до 1835 года:

"Il iert en la vile mere eleu par commun assentement des vint et quatre jures et de la commune ... le quel mere soit remuable de an en an..... Derechef en la cite deivent estre vint et quatre jurez esluz des plus prudeshommes e des plus sages de la ville e leaument eider e conseiller le avandit mere a franchise sauver et sustener." (Round, p. 242.)

"В городе должен быть мэр, избираемый по общему согласию двадцати четырех "юратов" и коммуны. Этот мэр должен быть сменяем из года в год. Кроме того, в городе должно быть двадцать четыре "присяжных", избранных из самых знатных и самых мудрых жителей города, которые будут лояльно помогать и советовать вышеупомянутому мэру защищать и поддерживать франшизу".

В Винчестере эти двадцать четыре человека сохранили свое особое положение, и только в XVI веке олдермены стали посредниками между мэром и Советом.

Таким образом, Лондон получил признание своей коммуны - своего сообщества, - а вместе с ним и мэра. Безусловно, подозрительность и враждебность старомодных консерваторов по отношению к новой конституции имела под собой основания. Некоторые граждане, как нам рассказывают, в первой бурной радости по поводу вновь обретенных свобод думали, что отныне король вообще не нужен. Они представляли себе суверенное государство, подобное Генуе, Пизе или Венеции, в котором город должен быть независим и отделен от остальной части страны. Смею предположить, что такие мечтатели были. Три года спустя, в 1194 году, мы слышим о горожанах, которые хвастались, что "несмотря ни на что, у лондонцев никогда не будет никакого короля, кроме их мэра". К счастью, сам мэр оказался мудрее.

И теперь мы можем спросить, что именно получил Сити с новой формой правления. Мэр взял на себя весь контроль над торговлей, который раньше находился в руках таинственной гильдии купцов; но с тем существенным отличием, что он был наделен полномочиями для обеспечения исполнения своих указов. Кроме того, он взял на себя отправление правосудия, поддержание порядка в городе, подчинение всех различных судов и приходских мотов одному центральному суду с его магистратами, приставами, чиновниками и слугами. Лондон как корпорация фактически начал существовать в 1191 году. Шерифы потеряли значительную часть своего значения; олдермены стали, но не сразу, магистратами города, а не только приходов; горожане сами стали избирать своих представителей для управления городом; правила различных ремесел перешли под лицензионную власть судьи и его ассессоров, которые исполняли свои приказы с помощью штрафов. Одним словом, Коммуна отменила древнее представление о городе как о совокупности частных владений, каждое из которых имело своего лорда, или олдермена, и заменила его одним большим городом, возглавляемым представителем, обладающим властью и авторитетом и опирающимся на сильную руку закона.

КОРОЛЬ ИОАНН ПОДПИСЫВАЕТ МАГНА ХАРТУ

По картине Эрнеста Норманда в Королевской бирже в Лондоне. С разрешения художника.

Этот шаг, по сути, сделал дальнейшее развитие Лондона возможным и естественным. Там, где есть самоуправление, есть возможность корректировать законы и обычаи в соответствии

с изменившимися условиями. Там, где нет самоуправления, нет и такой возможности. Длинная череда самых мудрых и благожелательных королей никогда бы не сделала для Лондона того, что Лондон смог сделать для себя сам, потому что, если воспользоваться известной иллюстрацией, только нога знает, где жмет ботинок.

Мы не должны утверждать, что благодаря мудрости наших предков Лондон сразу и одним шагом дошел до полного осознания открывшихся перед ним возможностей. Я признаю, что было много неудач; мы знаем, что были ревность и вражда; что были времена, когда мэр не мог справиться с трудностями ситуации - например, когда Эдуард Первый полностью подавил мэрство и в течение одиннадцати лет управлял городом решительно и мудро, - но мы можем утверждать, что для Сити это был постоянный и неуклонный прогресс в направлении упорядоченного и справедливого управления, и что единство города, признанное и признанное таким образом, стало мощнейшим фактором в расширении и увеличении города и его торговли.

Вернемся к изменениям, которые стали возможны. Главное должностное лицо города называлось мэром, по французскому обычаю; мэр не назначался королем, он избирался горожанами из их собственного состава; его полномочия поначалу были неопределенными и неопределенными; так, первый акт Эдуарда Третьего, сто лет спустя, состоял в том, чтобы сделать мэра одним из судей *Oyer and Terminer* для суда над преступниками в Ньюгейте; право горожан избирать мэра всегда неохотно признавалось и постоянно нарушалось. Далее я полагаю, что практика избрания олдерменов, которая вводилась постепенно, была ускорена естественным желанием горожан избирать всех своих чиновников. Другой причиной, несомненно, был тот факт, что поместья, или палаты, города не оставались в руках исконных семей. Владельцы расставались со своей собственностью; возможно, они сохраняли некоторые права на поместье, которые впоследствии выкупались. В тех приходах, где это произошло, стали избирать своих олдерменов; к 1290 году осталось только четыре прихода, названных в честь лордов манора. И кажется разумным, что как только у города появился признанный глава и начальник при короле, его стали рассматривать в первую очередь, так что епископское олдерменство, естественно, отошло на второй план. Разумеется, мы больше не находим хартий, адресованных епископу. Первый мэр оставался мэром в течение двадцати пяти лет, то есть пожизненно. Естественно предположить, что поначалу его выдвигали в качестве официального представителя города, а также его главного должностного лица. Нет полной уверенности в том, что мэр впервые был назначен в 1191 году, когда Иоанн даровал "Коммуну". В некоторых французских городах мэр, как мы видели, появлялся после Коммуны, но здесь он упоминается в 1193 году. В 1194 году в Хартии Ричарда мэр не упоминается; он, конечно, существовал, но еще не был признан. В 1215 году - 8 мая - Джон предоставил горожанам привилегию избирать мэра.

За этой уступкой Лондону последовали такие же уступки другим городам Англии. Лондонская коммуна, или муниципалитет, стала образцом для всех других муниципалитетов, предоставленных другим городам. Она также является образцом для всех муниципалитетов, созданных везде, где селится наша раса, и везде, где основывается англоязычный город. Этот факт делает историю, которую мы только что рассмотрели, чрезвычайно интересной и важной для каждого горожанина или бюргера, в каком бы городе он ни управлялся мэром, олдерменами и судом общего совета.

Я не могу сделать ничего лучше, чем подвести итог этим заметкам об изменениях, произведенных Коммуной, еще одной цитатой из Дина Стаббса

"Коммуна Лондона и других английских городов, которые в двенадцатом веке стремились к подобной конституции, была старой английской гильдией в новом французском одеянии; это была древняя ассоциация, но направленная на достижение муниципальных, а не меркантильных привилегий; как и французская коммуна, она была объединена и поддерживалась клятвами своих членов и тех, кого она могла заставить поддерживать ее. Мэр и юраты, мэр и юраты были основой коммуны, как олдермены и братья составляли гильдию, а рив и добрые люди - магистратуру волости. И система, возникшая в результате сочетания этих элементов, история которой лежит за пределами нашего сегодняшнего периода и рамок, свидетельствует об их существовании в виде самостоятельной непрерывной жизни. В Лондоне, да и в целом в муниципальной системе, мэр является реликтом общинной идеи, олдермен - представителем гильдии, а советники приходов - наследниками прав древнейшей общинной системы. Юраты коммуны, братья гильдии, старосты приходов либо исчезли вовсе, либо приняли формы, в которых их едва ли можно опознать".

Мы уже говорили о первом мэре Лондона, и все, что мы знаем о нем, было обобщено Раундом для "Словаря национальной биографии". Нам неизвестно его происхождение. Есть предположение, что он был внуком Леофстана, портье Лондона до Завоевания. Но было три или четыре Леофстана. Стаббс предполагает, что он происходил от Эйлвина Чайлда, который в 1082 году основал или одарил аббатство Бермондси. Также есть предположение, что он был наследственным бароном Лондона. В "Трубном списке" 1165 года некий Генри ФицЭйлуин, фиц Леофстан, вместе с Аланом, его братом, платят за наследование земель в Эссексе или Хартфордшире. Теперь ФицЭйлуин-мэр действительно владел землей в Хартфордшире на правах сержанта. Это имя встречается в четырех документах как Генри Фиц Эйлвин, или Этельвин, до того, как он стал мэром, и во многих документах после того, как он стал мэром. В первом случае самая поздняя дата - 30 ноября 1191 года, а во втором - апрель 1193 года. Таким образом, создается впечатление, что мэрство не было установлено сразу после получения гранта. Вполне возможно, что горожанам потребовалось время, чтобы принять свою полную организацию. Мы можем с уверенностью предположить, что его должность, если не его избрание, датируется днем этой уступки.

Фиц-Эйлуин был одним из казначеев королевского выкупа в 1194 году. Его также называли Генрихом из Лондонского камня, потому что его дом стоял на северной стороне Кэндлвик-стрит, рядом с церковью Святого Свитина, напротив Лондонского камня. Он председательствовал на собрании горожан 24 июля 1212 года, а через несколько недель умер. Он оставил детей, от которых многие люди до сих пор могут проследить свое происхождение. Среди них, как я полагаю, два живых представителя первого мэра - леди Бомонт и граф Абингдон. Пятьдесят лет назад знатный антиквар Стэплтон составил список всех потомков Генри Фиц-Эйлуина.

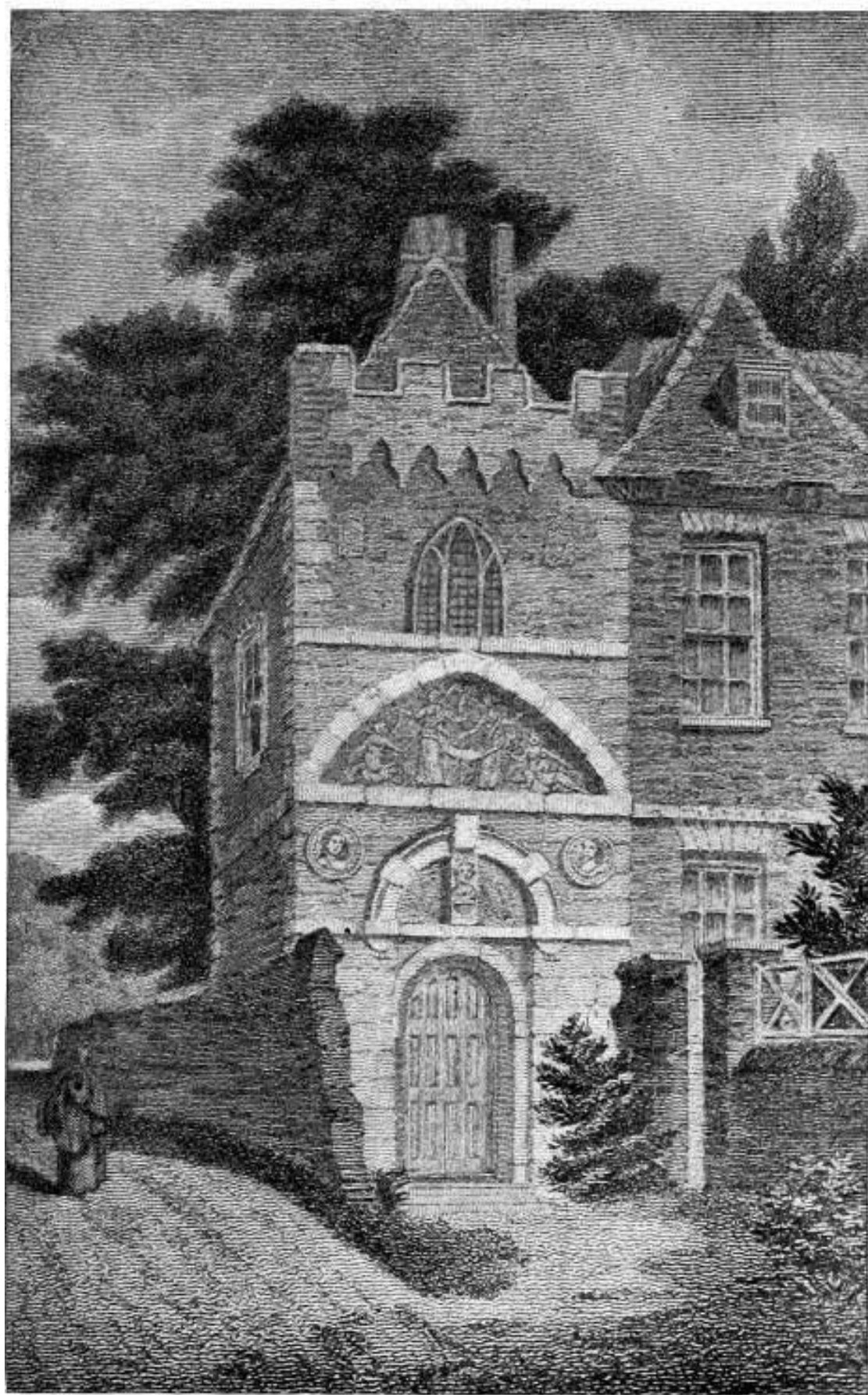
Король Ричард не предпринимал никаких враждебных действий против мейоралитета. Он так и не признал его, но и не пытался отменить, а поскольку враги Коммуны заметили, что в городе не было создано ничего нелояльного королю и ничего опасного для церкви, они научились относиться к этому учреждению без опаски и подозрений, так что когда мэрия была наконец признана королем Иоанном, не было больше ни вражды, ни даже опасений. Старый порядок ушел, уступив место новому. Насколько необходим был этот новый порядок, как он вписался в старый, чтобы произошла революция без потрясений, доказывает его принятие во всех наших городах, его долгое существование и его нынешняя жизнеспособность.

ГЛАВА IV ВОЙНЫ

Большая территория, которую занимала Римская стена, после саксонской оккупации была разделена на поместья, соксы или эстейты, принадлежавшие частным лицам. Некоторые из них перешли во владение церкви, некоторые - во владение города, некоторые переходили из рук в руки. То, что эти поместья включали в себя самые густонаселенные части Сити, Темз-стрит и улицы к северу от этой главной артерии, доказывает, что первое распределение произошло в самом начале саксонской оккупации, когда Сити еще был заброшен; этот факт, действительно, является еще одним доказательством этого заброса, потому что мы не можем поверить, что густонаселенный квартал, покрытый складами и купеческими домами, должен был быть назначен одному человеку или дюжине людей. Стоимость поместья, состоящего из садов, лежащих среди разрушенных фундаментов, отгороженного от реки и ее рыбы высокой и толстой каменной стеной, могла быть не больше, чем стоимость поместья у северной стены, на которой росла кукуруза и были посажены фруктовые сады. Как лондонское поместье Бедфорд началось с полей Блумсбери; как Вестминстерское поместье началось с болот вокруг острова Торни, так и первоначальные поместья Лондона, сначала сады и пустоши, стали застраиваться или продаваться под строительство. Каковы же были права манора? Давайте прочитаем наставления архидиакона Холла по этому вопросу. Он говорит: - "Манориальная собственность была владением.

"Манориальная собственность была владением, во многих отношениях отличающимся от того, что сейчас называется земельной собственностью. Это был не просто участок земли, который лорд мог обрабатывать или не обрабатывать по своему усмотрению, заселять его или превращать в пустыню; это было владение или империя, в пределах которой лорд имел власть над подданными разных рангов, причем его власть над ними была не абсолютной, а ограниченной законом и обычаями. Лорд манора, получивший от короны пожалование, *saca* и *soca*, *tol* и *team*, был не просто владельцем, а князем; его суды были не только судами закона, но часто и уголовного правосудия. Демесн, ассенизированные и пустующие земли принадлежали ему; но узуфрукт на ассенизированные земли принадлежал, на определенных условиях, арендаторам, а пустующие земли не были настолько полностью его, чтобы он мог лишить арендаторов возможности пользоваться ими. Именно эта двойная роль, в которой лорд выступал по отношению к своим арендаторам как арбитр их прав, а также как владелец земли, делала необходимым для надлежащего исполнения обязанностей своей должности, чтобы лорд манора был таким человеком, каким его описывает Флетта: Правдивым в своих словах, верным в своих поступках, любителем справедливости и Бога, ненавистником обмана и неправды, поскольку больше всего его заботит не действовать насильственно или по своей воле, а следовать советам, руководствуясь не мнением какого-нибудь молодого прихлебателя, шута или льстеца, а мнением людей, сведущих в законах, людей верных и честных, обладающих большим опытом. Поместья были мелкими королевскими владениями; двор и хозяйство лорда в

какой-то степени напоминали королевские. В "Флете" рассказывается о должностных лицах королевского дома: сенешале-госпитальере, который держал свой двор во дворце; марескалле, камерарии, клириках-панетариях; Но во второй части книги, где речь идет об управлении поместьями, мы находим господина поместья в сопровождении Senescallus, который проводил свои суды, Marescallus, который отвечал за его конюшню, и Coquus, который предоставлял Senescallus отчет о ежедневных расходах."

ОЛДГЕЙТ ХАУС, БЕТНАЛ ГРИН

Нарисовано Шнеббели и выгравировано Уорреном для "Описания Лондона" д-ра Хьюсона.

Некоторые из этих поместий принадлежали епископу, церкви или религиозному фонду, но права, управление и менеджмент у всех были одинаковыми. Снова процитируем архидиакона Холла

"Поместья, будь то королевские и баронские, или епископальные и церковные, были для их владельцев источниками богатства, получаемого из двух разных источников - осуществления законной юрисдикции и ренты за обработку земли. Церковные поместья ничем не отличались от тех, которые находились в мирских руках. Они были источниками дохода, а не полем духовного труда. Они способствовали поддержке епископа или капитула, а также религиозного хозяйства собора за счет прибылей и доходов, ничем не отличавшихся от тех, что получали государь и лорды от других поместий. Примечательно, что ни в Exchequer Domesday, ни в Domesday Святого Павла нет никаких свидетельств того, что церковные поместья обладали какими-либо высшими религиозными привилегиями или были центрами, из которых религиозные знания распространялись по окрестностям. Поместья религиозных домов на самом деле были светскими владениями, и их история, как показано в "Domesday of St. Paul's", ценна как иллюстрация социального, а не религиозного состояния того времени".

Однако следует отметить, что ни одно из поместий Сити не было королевским; ни одно из их поместий не принадлежало ни одному знатному или мелкому дворянину. Дворяне имели свои городские дома, многие из которых были большими и величественными дворцами, занимавшими обширную территорию, но они никогда не были лордами какого-либо лондонского поместья. А церковные владения в Сити со временем стали включать в себя только территории различных религиозных фондов и те дома, которыми они владели. Приход Портсокена, о котором уже упоминалось, - единственное исключение из этого правила.

Затем поместья стали приходами города.

Самый ранний список приходов содержится в документе, найденном в архиве собора Святого Павла и озаглавленном: "Измерения земель собора Святого Павла в пределах Лондонского Сити". Он датируется началом двенадцатого века.

Список, к сожалению, не полный, и не все палаты могут быть идентифицированы. Но он очень ценен тем, что в нем содержится. Факсимиле опубликовано в книге J. E. Price's Guildhall. Итак, первый приход - "Варда Епископи", епископский приход, Корнхилл. Затем идет *Варда Хако*, т.е. Св. Николая Аконского на Ломбард-стрит; *Варда Алволд* (Крипплгейт); *Варда Фори* с Маркет-плейс-Чепе; *Варда Ральф*, сын Алгода; *Варда Осберт Дрингепинн*; *Варда Хью*, сын Ульгара; *Варда Брошесганж*; *Варда Лиред*; *Варда Реймунд*; *Варда Герберт*; *Варда Эдуард*, сын Визеля; *Варда Сперлинг*; *Варда Брихмар Монер*; *Варда Брихмар Котмеджер*; *Варда Годвин*, сын Эсгара; *Варда Алегат*; *Варда Рольф*, сын Лививы; *Варда Алгар Маннингестепсунн*; *Варда Эдуард Пароль*.⁵

Всего в городе двадцать палат. Следует заметить, что все они названы по именам одиноких людей, за исключением Варды Рыночной площади и Варды Алегата. Эти одинокие люди были собственниками, баронами, владельцами земли; приходы были частными поместьями, на которые был разделен город. (См. Приложение I.)

Невозможно сказать, сколько вардов было во всем Сити. Владельцы были баронами по праву, и это звание впоследствии перешло к их преемникам - выборным олдерменам.

Первый орган управления Лондоном состоял из владельцев этих поместий, к которым добавились более важные купцы. При переменах и удачах судьбы поместья переходили из рук в руки; семьи вымирали и сменялись; например, в XIV веке мы видим, что все старые семьи, имена которых нам известны, к тому времени исчезли, покинули Сити или влились в общую массу населения. Но сами поместья, похоже, по большей части оставались неизменными. Даже в наши дни трудно разделить поместье на части. Лорд поместья, называемый олдерменом, входил в состав правящего органа на основании владения. Другими словами, правительство Лондона, несмотря на выживание Народного мола, было территориальной аристократией. В Liber Albus (стр. 30) Карпентер обращает внимание на тот факт, что хотя в его время - в начале XV века - приходы назывались своими именами, раньше они носили имена своих олдерменов. Так, он говорит, что приход Канделвик-стрит ранее был приходом Томаса Басынга; приход Касл-Байнард - приходом Симона Хадестока; приход Тауэр - приходом Генри ле Фровика; приход Винтри - приходом Генри ле Ковинтра; приход Фаррингдон Без - приходом Анкетилля де Оверна. Также, как указывает У. Дж. Лофти, приход Бридж был в свое время приходом Джона Хорна; приход Кордвейнеров - приходом Генри ле Вейлиса; приход Лэнгборн - приходом Николаса де Винтона; Олдгейт - приходом Джона Нортгемптонского; Уолбрук - приходом Джона Адриана; Брод-стрит - приходом Уильяма Букереля; Олдерсгейт - приходом Вольмана де Эссекса; Бред-стрит - приходом Уильяма де Денхема. Ни одно из этих названий не встречается в только что приведенном списке.

Ко времени Карпентера приходы были четко определены. Вплоть до правления Эдуарда Первого их границы оставались неустановленными.

По словам Стоу, уорд-моут держался с незапамятных времен. Иными словами, всякий раз, когда поместье становилось оседлым и населенным, олдермен был заинтересован в том, чтобы иметь суд помощников, которые могли бы действовать как его полиция, его констебли, его детективы.

В какой период олдермены перестали быть наследственными и стали избираться горожанами, я не знаю. Выборы олдерменов не упоминаются ни в хартиях Генриха Первого, ни Генриха Второго, ни Ричарда Первого, ни Иоанна. Во второй хартии Генриха Третьего бароны (*то есть* олдермены) города назначаются для избрания мэра. В хартии Эдуарда Второго говорится, что олдермены "сменяются ежегодно и удаляются в день святого Григория (12 марта) и в следующем году не переизбираются, а вместо них избираются другие". (Liber Albus.)

В 1354 году старый порядок был восстановлен, и олдермены остались на своих постах пожизненно.

Ниже приводится список двадцати четырех округов, на которые был разделен Лондон до конца XIII века, с именами соответствующих олдерменов

Варда	Фори	Олдермен.	Стивен Асви.
"	Ладгейт и Ньюгейт	"	Уильям де Фарндон.
"	Замок Байнард	"	Ричард Асви.
"	Олдерсгейт	"	Уильям ле Мазенер.
"	Bredstrete	"	Дюкан де Ботевиль.
"	Quenehythe	"	Симон де Хадестук.

" Винтри	" Джон де Жизорс.
" Дугейт	" Грегори де Рокесли.
" Уолбрук	" Томас Бокс.
" Коулман Стрит	" Джон Фиц Питер.
" Бассишоу	" Radulpus le Blound.
" Cripplegate	" Генри Фровик.
" Кэндлвик-стрит	" Роберт де Бейсинг.
" Лангефорд	" Николас де Уинтон.
" Улица Кордевен	" Генри ле Уэйлис.
" Корнхилл	" Мартин Бокс.
" Лайм-стрит	" Роберт де Роксли.
" Бишопсгейт	" Филипп ле Тейлор.
" Алегейт	" Джон де Нортгемптон.
" Тауэр	" Уильям де Хадесток.
" Биллингсгейт	" Вулман де Эссекс.
" Бридж	" Жозеф де Ахатур.
" Лодынжебери	" Роберт де Аррас.
" Портсокен	" Троица.

В этом списке мы видим, что приход Дешели все еще называется приходом Фори; приход Лэнгборн выглядит как Лангефорд; приход Брод-стрит - Лодынгебери; Фаррингдон - Ладгейт и Ньюгейт; Олдгейт - Алегат. Сорок лет спустя был найден еще один список приходов, в котором фигурируют современные названия, за исключением Alegate, которое пишется Algate. Названия приходов в четырех случаях происходят от профессий, которыми они занимались, в четырех - от главных семейств, в остальных - от зданий или памятников, относящихся к ним. Имена олдерменов показывают, что шестнадцать из них принадлежат к старым правящим семьям, семь - к новым семьям или ремеслам, а один, настоятель Святой Троицы, является официальным олдерменом.

Датой составления этого списка приходов и олдерменов, вероятно, является 1290 год, почти двести лет спустя после составления первого списка. Таким образом, среди олдерменов по-прежнему представлены старые городские семьи. Были ли они избраны? Невозможно сказать, как долго сохранялась наследственная система, и когда она была заменена выборной. Революция была мирной и бескровной, поскольку о ней не сохранилось никаких записей. Уильям Фаррингдон, купивший свой приход, и его сын Николас были последовательными олдерменами прихода на протяжении не менее восьмидесяти двух лет.

Изменение названий в приходах, по-видимому, происходило в период между 1272 годом, когда начинаются "Мемориалы Райли", и 1314 годом, когда появляется список приходов с названиями, относящимися к улице или кварталу.

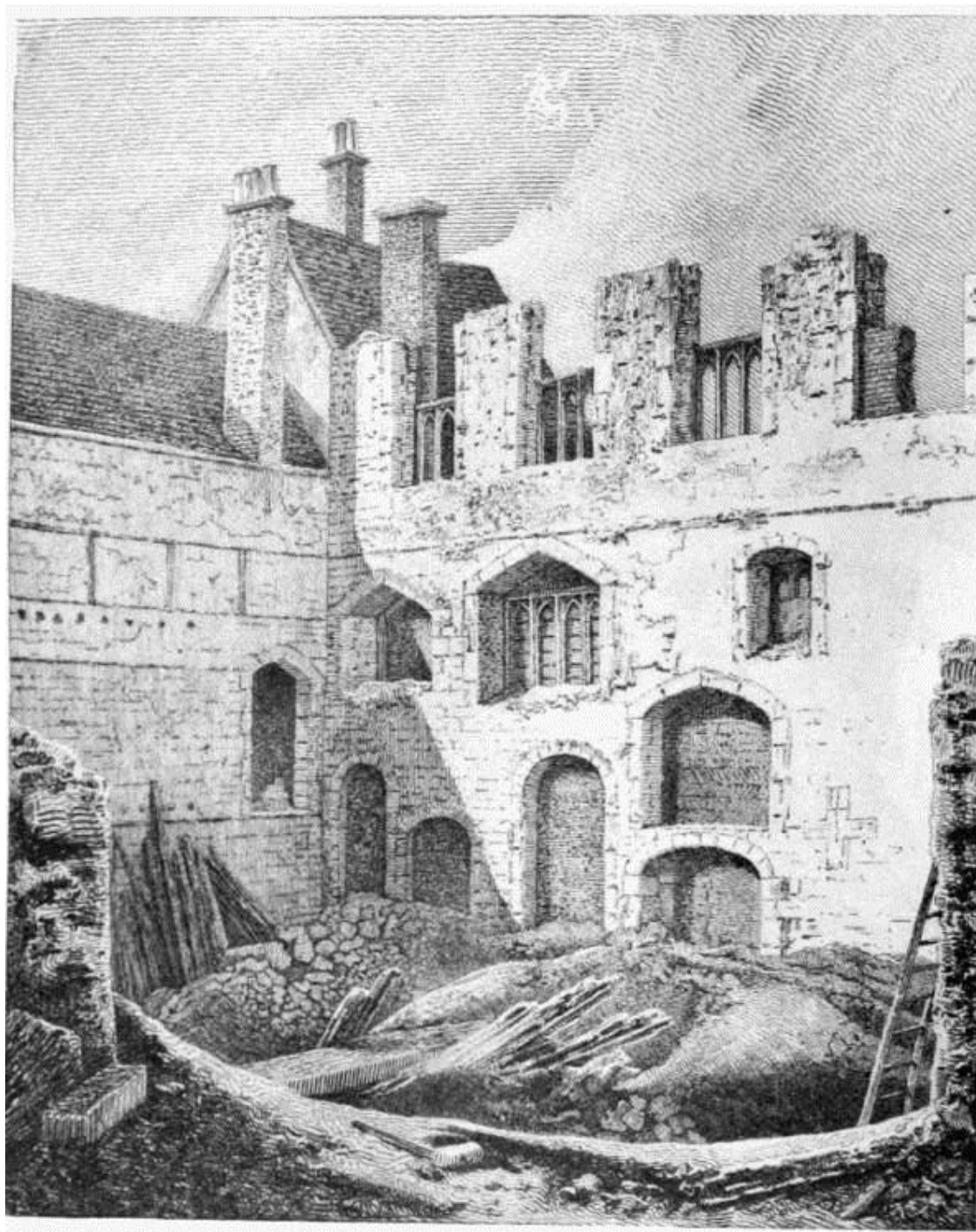
Таким образом, мы **имеем**:-

1272. Приход Томаса де Бейсинга (Бридж-ворд).

1276. "Замок Байнард.

- 1277. "Подопечный Уильяма де Хадестока (подопечный Тауэра).
 - " " " Портсокен.
 - " " " Генри де Ковентр (Винтри Уорд).
 - " " " Анкетиль де Оверн (отделение Фаррингдон без).
 - " " " Генри ле Уэйлис (палата кордвейнеров).
- 1278. " " " Джон Адриан (палата Уолбрук).
 - " " " Чепе.
 - " " " Уильям Букерель (Брод-стрит Уорд).
 - " " " Джон де Блэкторн (приход Олдерсгейт).
 - " " " Генри де Фроуик (приход Крипплгейт).
 - " " " Ральф ле Лихорадка (район Фаррингдон).
- 1283. "Уильям де Фарндон (в пределах Фаррингдона)⁷.
- 1291. " " " Уолбрук (см. выше).
 - " " " Корнхилл.
- 1295. " " Брод-стрит (см. выше).
 - " " " Бишопсгейт.
- 1300. "Бэссишоу.
 - " " " Колман-стрит.
- 1303. "Крепелгейт.
 - " " " Лангеберн.
 - " " " Тауэр Уорд (см. выше).
- 1310. " " " Без Ладгейта (без Фаррингдона).
- 1311. " " " Даугейт.
 - " " " Винтри (см. выше).
 - " " " Олдерсгейт.
 - " " " Кордвейнер-стрит (см. выше).
 - " " " Хлебная улица.
 - " " " Лайм-стрит.
 - " " " Кандельвик-стрит.
 - " " " Бридж Уорд (см. выше).
- 1312. "Королева Хайте.

Из этого списка следует, что в период с 1272 по 1283 год из четырнадцати приходов, названных в мемориалах, три имеют только название своей улицы или квартала, а все остальные названы по именам своих олдерменов. Но с 1283 по 1314 год упоминаются девятнадцать приходов, и все они названы по имени своей улицы или квартала. Поэтому можно с уверенностью заключить, что за эти сорок лет олдерменство перестало быть имущественным или наследственным. Мы можем связать этот факт с историей избрания Уолтера Херви в 1272 году (см. [с. 52](#)), которая доказывает, что олигархия уже потеряла большую часть своей власти.

ЧАСТИ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СТЕН МОНАСТЫРЯ, 1293 ГОД

Повторимся. Город первоначально состоял из некоторого количества поместий или частных владений: владельцами этих владений были так называемые бароны города: некоторые из поместий оставались в руках своих владельцев на протяжении многих поколений: эти владельцы без всякого закона, кроме как по давнему обычаю, составляли правящий совет города. Границы поместий сохранились и после того, как имущество было разделено между многими владельцами. Возможно, олдермены остались вместе с представителем старой семьи. Когда один за другим первоначальные владельцы исчезали, умирали или расставались со своим имуществом, древние границы прихода сохранялись, а жители вместо наследственного олдермена избирали старосту, которого по-прежнему называли олдерменом. В XIII веке было предписано, что олдермен, как и мэр, должен избираться каждый год и уходить в отставку после того, как отработает свой год. Но поскольку новый

метод оказался затруднительным, через полвека вернулись к старому плану пожизненного избрания олдермена, и с тех пор этот обычай сохранился. Олдермен прихода представляет лорда поместья и является его главным пожизненным судьей.

Внимание было обращено на "Warda Episcopi". Был ли епископ Лондонский олдерменом в прошлом? Был. Он занял свое место среди олдерменов на правах собственности церкви. Поэтому он принимал участие во временном управлении городом не как епископ, а как олдермен. Это право он передал проректору. Так же и настоятель Святой Троицы был олдерменом, но не как настоятель, а как лорд поместья Портсокен.

Когда епископ перестал председательствовать в приходе, я не знаю. Однако несомненно, что в те времена для лондонского Сити было неизмеримо выгоднее, чтобы его мирскими делами частично управлял тот, кто был великим церковником, великим лордом, человеком, часто бывавшим с королем, ученым и государственным деятелем, кому ничего не стоило посягнуть на свободу народа, а значит, тому, кому можно было доверять. Известно, что в некоторых случаях он действовал не через своего проректора, а лично. Несомненно, именно епископ убедил горожан принять Вильгельма в качестве короля на условиях, не подразумевающих бесчестия, а совсем наоборот - ничего не меняя, сохранить все права и свободы, которыми горожане пользовались при Эдуарде Исповеднике или самом Альфреде.

Следует помнить, что границы прихода и границы округа - это далеко не одно и то же. Есть один случай, когда приход и округ совпадают, - это приход Святого Михаила Бассишоу.

Мейтланд приводит список приходов в 1393 году с указанием их доходной стоимости в одну пятнадцатую. Таким образом

"Приходы на западе Уоллбрука.

Приход Дешевых, облагаемый в Лондоне налогом в 72 фунта 16 шиллингов, а в Казначействе - 72 фунта.

Приход Винтри, облагаемый в Лондоне налогом в 36 фунтов стерлингов, а в казначействе - в 35 фунтов 5 шиллингов.

Приход Квинхит, в Лондоне, облагаемый налогом в 20 фунтов стерлингов, а в казначействе - в 20 фунтов стерлингов.

Приход Байнард-Касл, облагаемый в Лондоне налогом в 12 фунтов стерлингов, а в казначействе - 12 фунтов стерлингов.

Приход Кордвейнерс-стрит, облагаемый в Лондоне налогом в 72 фунта 16 шиллингов, а в казначействе - 72 фунта.

Приход Хлебной улицы, облагаемый в Лондоне налогом в 37 фунтов стерлингов, а в казначействе - в 36 фунтов 10 шиллингов.

Приход без Фарингдона, в Лондоне облагается налогом в 35 фунтов стерлингов, а в казначействе - 34 фунта 10 шиллингов.

Приход Фарингдона в Лондоне, облагаемый налогом в 54 фунта стерлингов, а в казначействе учитываемый как 53 фунта стерлингов: 6: 8.

Приход Олдричгейт, в Лондоне облагаемый налогом в 7 фунтов стерлингов, а в казначействе - в 7 фунтов стерлингов.

Приход Крипплгейт, облагаемый в Лондоне налогом в 40 фунтов стерлингов, а в казначействе - 39 фунтов 10 шиллингов.

Приход Крипплгейт без, в Лондоне облагаемый налогом в 10 фунтов, а в казначействе учитываемый как 10 фунтов. *N.B.* - Это был не отдельный приход, а только свобода или часть прежнего, под управлением одного олдермена, как и в настоящее время.

Приход Бассингшо, облагаемый в Лондоне налогом в размере 7 фунтов стерлингов, а в казначействе - 7 фунтов стерлингов.

Приход Коулман-Стрит, облагаемый в Лондоне налогом в размере 19 фунтов стерлингов, а в казначействе - 19 фунтов стерлингов.

Приходы на восточной стороне Уоллбрука.

Приход Уоллбрук, облагаемый налогом в Лондоне в размере 40 фунтов стерлингов, а в казначействе - 39 фунтов стерлингов.

Приход Даугейт, облагаемый в Лондоне налогом в 36 фунтов, а в казначействе - 34 фунта 10 шиллингов.

Приход Брайдж, облагаемый в Лондоне налогом в 50 фунтов стерлингов, а в казначействе - 49 фунтов 10 шиллингов.

Приход Байлингсгейт, облагаемый в Лондоне налогом в 32 фунта, а в казначействе - 31 фунт 10 шиллингов.

Приход Тауэра, облагаемый в Лондоне налогом в размере 46 фунтов стерлингов, а в казначействе - 45 фунтов 10 шиллингов.

Приход Портсокена, облагаемый в Лондоне налогом в 9 фунтов стерлингов, а в казначействе - в 9 фунтов стерлингов.

Приход Олдгейт, облагаемый в Лондоне налогом в размере 6 фунтов стерлингов, а в казначействе - 5 фунтов стерлингов.

Приход Лайм-стрит, облагаемый в Лондоне налогом в 40 фунтов стерлингов, а в казначействе - 40 фунтов стерлингов.

Приход Байшопсгейт, облагаемый в Лондоне налогом в 22 фунта, а в казначействе - 21 фунт 10 шиллингов.

Приход Брод-Стрит, облагаемый в Лондоне налогом в размере 27 фунтов стерлингов, а в казначействе - 25 фунтов стерлингов.

Приход Корнхилла, облагаемый налогом в Лондоне в размере 16 фунтов стерлингов, а в казначействе - 16 фунтов стерлингов.

Приход Лэнгборн, облагаемый в Лондоне налогом в размере 21 фунта стерлингов, а в казначействе - 20 фунтов: 10s.

Уорд с Кэндлвик-стрит, облагаемый в Лондоне налогом в 16 фунтов, а в казначействе - 16 фунтов".

(Maitland, vol. i. p. 181.)

За пределами приходов, не относящихся к ним и не входящих в их юрисдикцию, находились некоторые соксы, либерти или свободные пространства. К ним относились участок Святого Павла, участки религиозных домов, святилище Святого Мартина ле Гранд, а также

"румленды" или открытые пространства Вест Чепе, Ист Чепе, Тауэр Хилл и другие места, которые впоследствии были включены в состав приходов.

Имена тех, кто владел этими поместьями, вместе с именами, встречающимися в современных документах, достаточно убедительно доказывают, что нормандские короли сдержали свое обещание и оставили лондонским купцам их собственность и земли. За редким исключением все они носят саксонские имена. Первый мэр, Генрих из Лондонского Камня, был Фиц-Эйлуин: Бейсинг, Батт, Роксби, Дурман, Паунтни, Букерель, Биллинг, Фарингдон, Тетмар, Оргар, Леофвин, Брехмар, Алволд, Алгод, Эсгар, Алгар, Лиуред - все это саксонские имена. Бекет, правда, - имя из Кана в Нормандии. Блант - это Блонд; Анкетиль де Оверн заявляет о своем происхождении.

Мы также отмечаем, что деревенские парни уже начали искать свою судьбу в Лондоне. Мы видим Генриха де Ковинтра, Вольмара де Эссекса, Джона де Нортгемптона и многих других.

В этом месте мы рассматриваем только Сити. Но мы не можем не связывать земли вокруг Сити, особенно земли Мидлсекса, которые горожане держали в фермерском хозяйстве, с самим Сити.

Город был окружен широким поясом поместий. В основном они принадлежали епископу, собору, некоторым аббатствам и религиозным домам: помимо этих собственников было также несколько дворян и частных лиц. Вестминстерское аббатство владело огромным поместьем, включая Стрэнд и земли между рекой и Оксфорд-стрит: де Вересы владели поместьем Кенсингтон, но передали его Абингдонскому аббатству. Капитул собора Святого Павла владел поместьями в Уиллесдене, Брондесбери, Браунсвуде, Чемберлен Вуде, Мапесбери, Мардене, Харлесдене, Твайфорде, Сент-Панкрасе, Рагмере (St. Giles's), Тоттенхолл, Кентиш-Таун, Ислингтон, Ньюингтон, Холборн, Портпул (Грейс-Инн), Финсбери, Хокстон, Винкок, Барн, Мора и Фалд-стрит; "охватывая пояс земли, простирающийся от Сент-Панкраса на западе до епископального поместья Степни на востоке".

В связи с этим возникает вопрос о том, какие преимущества получил Сити, получив ферму Мидлсекса за 300 фунтов стерлингов в год. Несомненно, они не стали бы так рьяно приветствовать эту привилегию, если бы не преимущества, которые она давала. Эти преимущества можно свести к тому простому факту, что права короля на Мидлсекс были переданы Сити. Во-первых, графство больше не могло оставаться, как Саутварк, убежищем или безопасным пристанищем для преступников, которых было трудно поймать и еще труднее, в условиях конфликта королевских и манориальных прав, привлечь к ответственности: во-вторых, это был большой шаг, хотя и не сразу понятый, к созданию единства Сити. Архидиакон Холл описывает и другие преимущества этого гранта: - "Шерифы Мейнориджа - шерифы Мейнориджа - шерифы Мейнориджа".

"Шерифы Мидлсекса - то есть все лондонские бюргеры - отныне оказывались, так сказать, во владении, когда возникали споры между королем и народом; кроме того, существовал определенный доход от судов, который в конечном итоге мог превышать арендную плату; военная защита города стала более легкой, когда его гражданская юрисдикция распространилась так далеко за пределы стен, а предоставленное горожанам право охотиться в окрестных лесах стало внешним символом полноты их власти - символом, который при нормандском короле значил больше, чем когда-либо впоследствии. Признание обычаев и законов самого города, разрешение древних собраний, хустинга и фолкмота, санкционирование избрания магистратов все еще не объединенными бюргерами - все это имело значение, но пожалование Мидлсекса было больше, чем любое из них".

Говорят, что эти поместья сделали невозможным рост пригородов. Но не во всех направлениях. Не было никаких препятствий для роста прибрежного пригорода, называемого Стрэнд; здесь длинная линия величественных домов вытеснила рыбаков от Блэкфрайарс до Вестминстерской лестницы: не было никаких препятствий для расширения Лондона вдоль реки на восток, но он не расширялся в этом направлении. О том, как церковь, которая была главным владельцем пригородных поместий, влияла на сменяющие друг друга поселения, рассказывает архидиакон Холл

"Пригороды, как я уже говорил, обязаны своим нынешним состоянием не столько городу, сколько церкви. К тому времени, когда Генрих I передал графство Сити, обширные земли Мидлсекса почти полностью перешли во владение великих церковных фондов. То, что оставил Святой Павел, приобрел Святой Петр; а Святой Мартин, Святой Варфоломей и чуть позже Святая Троица в Олдгейте следили за тем, чтобы подбирать фрагменты, которые другие упустили из виду. Поэтому мы должны приписать современные пригороды с их любопытными аномалиями местного самоуправления, так называемую "столичную область" с ее воображаемыми границами, ее районы и участки, ее коллегии и ризницы, отвечающие стоикам и вольностям, святыням и приходам в стенах, скорее духовенству, чем муниципалитету. Город поставлял население для колонизации пустошей и лесов, а церковь - дома, в которых они жили, размечала их улицы и контролировала направление каждого нового потока эмигрантов. Когда первые поселенцы вдоль Холборна, или в Нортоне, или у Белой часовни выходили из городских ворот, можно было ожидать, что правители, которые властвовали в этих стенах и которым Мидлсекс теперь принадлежал так же, как графу Леофвайну в добрые времена короля Эдуарда, будут направлять их шаги и продолжать управлять их действиями. Но если горожане образовывали "палаты без стен", то только с разрешения или вопреки запрету церкви. Король, передав Лондону юрисдикцию, которую он осуществлял в Мидлсексе, не мог вместе с ней передать и землю. К моменту проведения межевания королевские владения уже перешли к Церкви, и Вильгельму едва ли принадлежал акр земли в графстве. Поместья нормандской знати к моменту воцарения Генриха почти все перешли в те же руки, а перечисление мидлсекских маноров, которые никогда и нигде не находились во владении "in mortmain", не составило бы и полудюжины имен. Горожане не могли защитить от "мертвой руки" свои общественные собрания, свои парадные площадки, свои рынки в стенах города; тем более они не могли защитить новые колонии горожан в Кенсингтоне или Челси, в Хакни или Тайберне, далеко за городом".

ГЛАВА V

ФРАКЦИИ ГОРОДА

Длительная борьба между олигархической и народной партиями, которая не прекращалась на протяжении по меньшей мере двухсот лет, достигла наибольшей остроты в XIII веке. Здесь необходимо отметить, что она оказала огромное влияние на развитие муниципальных

институтов. К этому вопросу я вернусь после того, как мы рассмотрим основные черты борьбы фракций, осложненной махинациями короля.

Прежде всего следует отметить, что различные хартии, дарующие и подтверждающие старые и новые права, не устанавливали законов для управления городом; не предполагалось, что город будет управляться ремесленниками. По саксонскому обычаю каждый человек был лордом или зависимым от лорда, но существовала народная мота: по нормандскому правилу каждый горожанин подчинялся обер-лорду, а каждый сельский житель - лорду поместья, но народная мота сохранялась. То, что городские ремесленники должны были стать правителями города, что они должны были иметь право голоса, как мы понимаем, в управлении городом, рассматривалось "баронами" города, олддерменами, богатыми купцами и знатными людьми как вещь, которой следует всячески сопротивляться. И все же, повторимся, существовал "Народный мот" с томительной памятью о том времени, когда народ был созван и кричал о своем одобрении или отказе.

Опять же, мы так долго привыкли считать Лондон одним из величайших и важнейших городов мира, что не осознаем его положения в двенадцатом или тринадцатом веке по сравнению с некоторыми другими городами Западной Европы, давно пришедшими в упадок и ничтожество.

В то время города Брюгге, Гент и Ипр, ныне столь уменьшившиеся и опустевшие, по численности населения превосходили Лондон по меньшей мере вдвое, а их торговля и богатство были намного больше, даже в пропорциональном отношении, а свободы, которыми пользовались их граждане, были такими, о которых Лондон и не мечтал, пока не загорелся их примером. Торговля между Лондонским портом и этими городами, особенно Брюгге, позволила горожанам познакомиться с этими свободами и богатством. Трудно не связать вновь зародившиеся амбиции и стремления лондонских ремесленников с теми свободами, которые получили жители фламандских городов.

Лондоном, как мы видели, управляли владельцы земли; к ним присоединились более богатые купцы, но их оставалось мало. И они управляли городом в своих интересах. Мы видели, насколько ценной была Хартия Генриха Первого, как она способствовала развитию города, как позволяла купцам вести свою торговлю с большей безопасностью и легкостью, как давала горожанам право избирать своих шерифов и своих юстициаров, которые должны были назначаться самими горожанами. Как я понимаю, это означало, что олддермены выдвигали шерифов, а их избрание народом принимало форму согласия, объявленного на шумном и бурном Народном молебне. Это, конечно, не могло быть и не было выборами граждан в нашем понимании. То, что правящий орган обладал правом избрания, было для них уступкой первостепенной важности. Привилегии свободы от пошлин и т. д. опять же имели огромное значение для купцов, но только косвенно для ремесленников; теперь ремесленники понимали только прямую выгоду. Одним словом, хартии не вмешивались в управление городом, которое оставалось в руках небольшой компании олддерменов. Хартии были направлены на развитие торговли и процветание города, а не на предоставление новых свобод рабочему люду. Однако ремесленник начал понимать открывающиеся перед ним возможности.

Борьба начинается, насколько известно из истории, с короткого и бурного эпизода, произошедшего с Уильямом Длиннобородым незадолго до предоставления Коммуны. Его голос - первый внятный голос, прозвучавший среди ропота народного недовольства.

Возможно, до него были и другие Хэмпдены, чей прах лежит под нашими ногами и чья кровь, как и его, окрасила землю Смитфилда, но мы о них не знаем.

Ближе к концу двенадцатого века грянули перемены. Появились гильдии. Пока это были, как правило, не торговые, а религиозные общества. Как мы уже видели, в 1186 году Генрих Второй оштрафовал целых восемнадцать гильдий за то, что они были созданы без лицензии. Что может свидетельствовать об этом, кроме того, что регулирование торговли рассматривалось этими гильдиями так же, как и благотворительные и религиозные цели, ради которых такие объединения были основаны вначале?

Еще важнее, чем правила торговли, тот факт, что благодаря гильдиям люди, которые до сих пор были невняты и бессильны, теперь обретали способность говорить, слушать и действовать.

Поначалу их недовольство, похоже, было основано скорее на подозрениях, чем на доказательствах. Когда город облагался налогами, оценщиками были олдермены; ремесленники должны были платить то, что им приказывали; никто не знал, сколько платили сами олдермены. Поэтому их, естественно, обвиняли в том, что они перекладывают все бремя налогообложения со своих плеч на плечи ремесленников. Но подозрения в грубом и невежественном народе столь же опасны, как и претензии, основанные на фактах. Другой причиной недовольства был налог на голосование, по которому бедняки платили столько же, сколько и богачи. А стандартной жалобой в каждом промышленном городе и в любой эпохе является вопрос о заработной плате и продолжительности рабочего дня.

Вскоре появился Избавитель, который, однако, оказался вовсе не Избавителем.

Уильям, которого называли Фиц-Осберт, а иногда Уильям Длинная Борода, был внуком некоего Осберта, одного из олдерменов, который в 1125 году с разрешения короля передал Приорату Святой Троицы земли, принадлежавшие гильдии Книхтен.

Таким образом, по рождению он принадлежал к правящему классу, на злоупотребления которого он нападал. Кроме того, судя по первому эпизоду из его жизни, дошедшему до нас, он был натурой легко возбудимой, с богатым воображением и, как и его дед, склонной к благочестию. Такой ум принадлежит человеку, который инстинктивно ненавидит несправедливость и угнетение.

Большинство летописцев, рассказывающих эту историю, принадлежат к другой стороне и, следовательно, обвиняют его во всем, на что осмеливаются: преступления, однако, столь неопределенны, как, например, неясность происхождения, подлость внешности, неблагодарность к брату, что они ничего не значат и ими можно пренебречь. Я предпочитаю опираться на свидетельство историка Роже де Ховедена, который говорит следующее

"Богачи, не жалея своих кошельков, хотели, чтобы бедняки платили все. Но некий юрист, Уильям ФицОсберт, или Длинная Борода, осознав это, воспылав ревностью к справедливости и равенству, стал защитником бедных, желая, чтобы каждый человек, как богатый, так и бедный, давал в соответствии со своим имуществом и средствами на все нужды государства; и, отправившись за море к королю, он потребовал его защиты для себя и народа". (Анналы Роже де Ховедена, т. ii.)

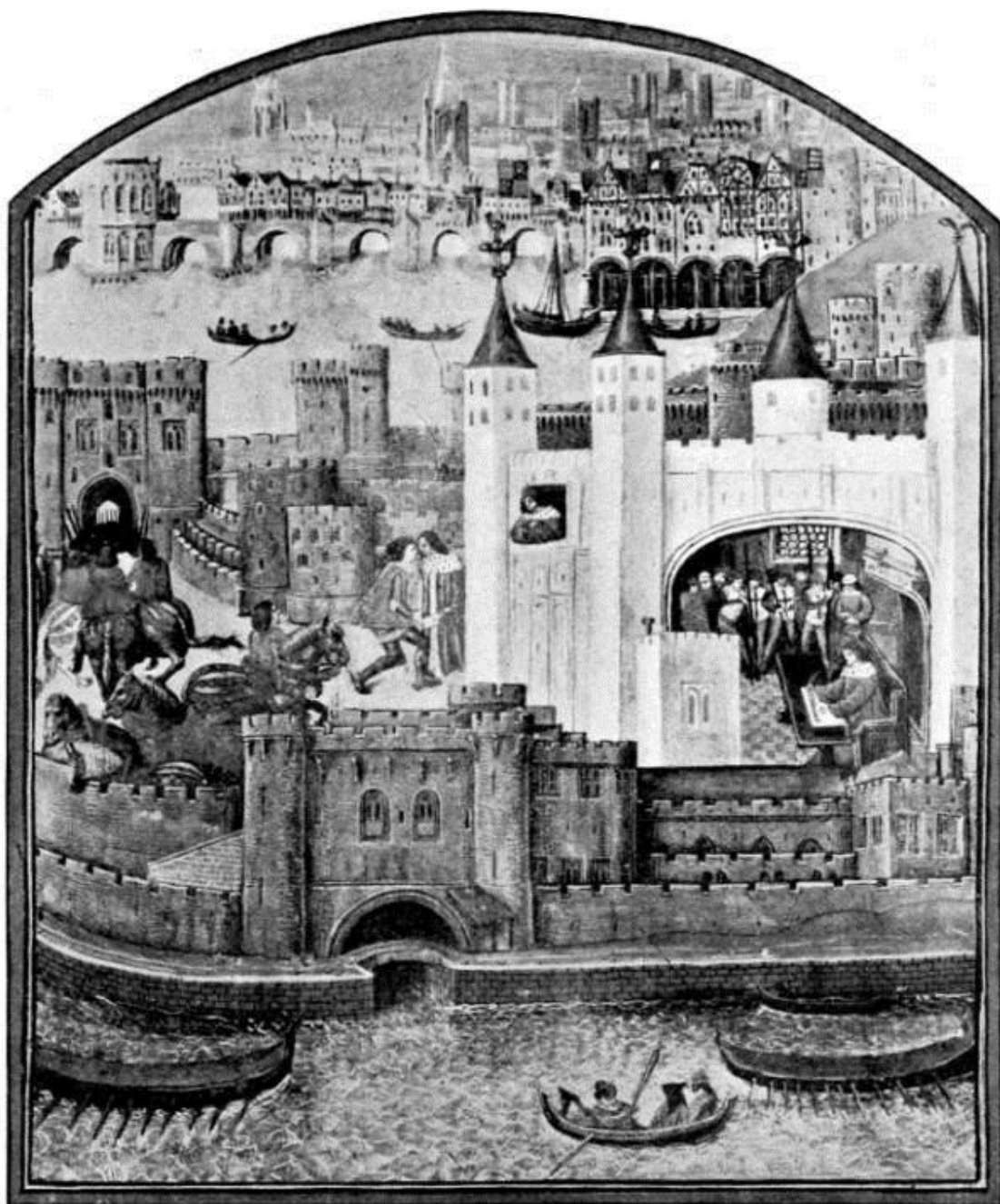
Факты в том виде, в каком они дошли до нас, немногочисленны. Но мы можем кое-что узнать об этом человеке. Прежде всего, он был провидцем; сейчас именно из провидцев получают мученики, исповедники и энтузиасты. О том, что он был провидцем, я знаю из небольшой истории, рассказанной о нем. Он был одним из тех, кто принял крест и обет,

когда король Ричард отправился в крестовый поход, и плыл в составе флота, в котором были лондонские и дартмутские крестоносцы, намеревавшиеся сразиться с неверными. Этот факт указывает на эмоциональный темперамент, легко переходящий в энтузиазм. Флот попал в Бискайский залив. После этого Уильям Фиц-Осберт вместе с Джеффри, ювелиром, обратился с молитвой к святому Томасу Бекету - недавно канонизированному святому, который уже считался естественным защитником Лондона. Святой Фома, к вящему удивлению верующих, лично ответил на их молитвы. Он явился им. Он велел им быть бодрыми, обещал благоприятный ветер утром, после чего они исполняют свои обеты и вернутся в целости и сохранности. Должно быть, это был провидец, который действительно видел святого и получил его послание. Утром поднялся обещанный бриз, корабли продолжили свой путь и зашли в португальский порт. Здесь они узнали, что король Португалии находится в тяжелом положении: его осаждают мавры с огромной армией. Крестоносцы решили отправиться к нему на помощь; среди них шел Уильям Фиц-Осберт, радуясь обещанию, данному ему святым Фомой Бекетом, что он исполнит свои обеты и вернется. В наши дни он бы сказал, что святой Томас нуждается в нем в своем родном городе.

Когда мавры были разбиты, лондонские крестоносцы решили, что выполнили свой долг в борьбе с неверными, и вернулись домой.

После этого крестового похода Уильям совершил описанное выше открытие. Он не был незнатного происхождения, поскольку принадлежал к одной из великих семей Сити; его дед был олдерменом, возможно, и отец тоже; он был ученым - один летописец называет его юристом; он был красноречивым человеком; он умел убеждать и увлекать за собой грубых лондонских ремесленников, которых он собрал на Полс-Кросс во имя старого народного мота. Он выявлял всевозможные нарушения со стороны правящего класса. Когда нет ни ревизии, ни контроля, нарушения неизбежны. Он рассказал об этих открытиях королю, который выслушал его с вниманием, и, несомненно, передал свои соображения по этому поводу архиепископу Кентерберийскому, занимавшему в то время должность судебного чиновника. Можно также понять, что его сообщения вызвали особую ненависть к его собственному классу, правящему органу, который он покинул. Его прозвище Длиннобородый обозначало его отпадение от того сословия, которое придерживалось нормандских обычаев и либо не носило бороды, либо носило очень маленькую бороду. Сам он вернулся к старому саксонскому обычаю, который, похоже, сохранился у ремесленников, и отрастил длинную бороду.

Итак, он покинул свой народ; он больше не принадлежал к правящему классу; он присоединился к партии ремесленников; чтобы показать изменение своих взглядов и планов, он отрастил бороду. И мы видим его великим оратором, томящим народ о его несправедливостях; созывающим их вместе на Полс-Кросс; за ним следует толпа, ожидающая его слов; идущим к королю с доказательствами злодеяний олдерменов; поначалу получающим ухо короля, пока Ричард не был настроен против реформ сообщениями о Фиц-Осберте, такими, что он постоянно возбуждал народ к дальнейшему недовольству. Историки, как уже говорилось, расходятся во мнениях относительно реального характера Вильгельма. Стоу, копируя некоторые хроники, говорит, что он был "беден в степени, злобен в форме ... фальшивый друг бедных ... человек злой жизни, убийца ... который ложно обвинил своего старшего брата в измене....".

ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ ОКОЛО 1480 ГОДА

Из книги "MS. Roy. 16.

Холиншед утверждает, что он был "подстрекателем и суетливым человеком". Рассказ Фабиана гораздо более благоприятен. Я привожу его рассказ обо всем эпизоде: - "И Вайльям с

"И Вайльям с длинным бердом показал кингу, что он был в долгу перед людьми, которые, как он сказал, спаривали себя и обижали бедных людей. Говорят, что этот Уильям родился в Лондоне и приобрел это имя благодаря своему причалу. Он был остроумен и несколько летлив, смел и упрям, и печален в своем содержании, и брал на себя больше дедов, чем сварил: а некоторых он использовал жестоко, как указано в апелляции к его собственному брату по измене, который был лондонским бюргером и

проявил к нему большую доброту в своем юте. Этот Уильям убеждал и призывал простых людей не любить и не любить фридов и либерти, и порицал излишество и злоупотребление рыцарских людей: с помощью этих средств он привел к нему много больших компаний, и, со всей своей силой, защищал дело бедных людей против рыцарей, и обвинял в этом короля, показывая, что с помощью этих средств король потерял много крепостей и энхатисов. За это на него ополчились господа и почетные люди, но он так утешил короля, что тот остался при своем мнении. Тогда король, предупрежденный о сборищах, которые устраивал этот Вильям, приказал ему прекратить такие сборища, чтобы люди могли заниматься своими искусствами и занятиями; по этой причине он был оставлен на некоторое время: но это продолжалось недолго, и люди последовали за ним, как они делали до его времени. Затем он обратился к ним с речами или увещеваниями и сказал в качестве антитемы: "Haurietis aquas in gaudio de fontibus saluatoris", то есть, вы будете черпать в радости воды из колодцев, из нашего савиура: и к этому он добавил: "Я, - сказал он, - вы, славный из бедных людей; вы бедны и нажились на тяжелых руках богатых людей; теперь черпайте вы, таким образом, полную воду знаний из моих колодцев, и это с радостью, ибо время вашего выситасьона наступает. Я, - говорит он, - уйду от вод к водам. Под водами я понимаю людей; тогда я отоюду от народа, который добр и мягок, к народу, который вумный и проворный, и я отделяю доброе от желтого, как отделяют лиг от деркенесса". Когда байсшоп был доставлен архиепископ Кентербери, он, по уговору повелителя спиритуальных дел, послал к этому Уильяму, приказав ему явиться к повелителю кенгисхопа, чтобы ответить на такие вопросы, какие ему будут заданы. В тот день этот Уильям явился, имея с собой множество людей, в таком количестве, что лорды были от него в восторге, и по этой причине они помянули его словами "pleaunt wordys for that tyme, and commaundyed certeyn personys", в тайне, чтобы узнать, когда он будет в компании, и затем взять его, и положить его в надежном кепинге, который, в соответствии с той договоренности, в удобное время, как они думали, установить на нем и взять его; Но он, с топором, resysted их, и убил один из них, и после бежал в Saynt Mary Bowe церковь, из Chepe, и взял это для его спасения, defendyngе его с силой, и не на ye suffragis из ye церкви: ибо к нему вскоре пришло большое количество народа, но в короткое время, под влиянием старейшин и правителей, народ уменьшился, так что в короткое время он остался с небольшим количеством людей, а после, по причине пожара, был вынужден оставить церковь, и так был взят, но не без пролития крови. После этого он был схвачен перед кувшинами, и там, с шестью его приверженцами, брошен и осужден на покраску, и был повешен, и они вместе с ним в следующий день. Но слухи не прекращались; ибо простой народ поднял большой крик на архиепископа Кенторберийского и других, и сказал, что, по их умыслам, Вайльям, который был невиновен в таких криках, как были возражения и путы против него, и был защитником народа пор от вымогателей и делателей зла, был ими несправедливо приговорен к смерти: approuyng hym an holy man and martyr, by this tale folowyng: что человек, страдающий от лихорадки, был излечен верностью чекана, которым этот Вайльям был связан во время своего заключения, о чем было открыто объявлено по доносу союзника сказанного Вайльяма. Он ввел людей в такое заблуждение, что они поверили его словам, и тайно, ночью, унес джебет, на котором он висел, и с благоговением отнесся к тому, что блад сделал там голое место, забрав тот эрт, и сказал, что сике мужчины и женщины были излечены от порочных сикенезов верностью того блуда и эрта. По этим средствам, и раздувание славы, то место было более vysyted с женщинами и недискретных людей, из вас, что некоторые watchyd там ye hoole nyght в молитве, так что чем меньше это contynuyd, ye более раскрытие было anotyed к справедливости, и к тому, как положить его

к deth: notwithstandynge, in processe of tyme when his actys were publyssed, as ye sleigne of man with his owne hande, and uysyng of his concubyne within seynt Mary Church, in tyme of his there beynge, as he openlye confessyd in the owre of his deth, with other detestable crymes, somewhat keyld ye great flame of ye hasty pylgrymage; Но не так уж и плохо, что архиепископ Кентерберийский проклял престарелого, который принес первую басню, а также заставил следить за тем местом, чтобы такое идолопоклонство больше не использовалось." (Fabyan's Chronicles, p. 306.)

Упоминание о женщине встречается и у Холиншеда. Он добавляет единственную строку, в которой заключен мир любви и пафоса, - слова "которая никогда не покидала его, опасаясь, что его может постигнуть опасность". Слова Фабиана "не без пролития крови" Холиншед показывает, что один из нападавших всадил нож в тело Уильяма, и его понесли в Тауэр. Можно представить, как верное, любящее существо - была ли она его женой? - всю ночь дежурило возле раненого, давая ему утешение в агонии его раны, какое только могла, а утром вышло посмотреть на его смерть - или, возможно, умереть вместе с ним. Его смерть была похожа на ту, что была уготована Уильяму Уоллесу сто лет спустя. Уильяма Длиннобородого и его друзей потащили за пятки в Смитфилд, а затем повесили. Расстояние от Тауэра до Смитфилда составляет миль с четвертью. Это долгий путь, чтобы тащить тело человека: сначала голова, руки и спина были в синяках от неровностей дороги; затем одежда была разорвана в лохмотья; когда страдалец добрался до виселицы, он был уже без сознания от ударов и ударов головой о камни и неровности дороги; когда его водрузили на виселицу, его тело, лишенное одежды, было в крови и разорвано. Присутствовала ли при этом бедная женщина? Возможно, они отвезли ее в Смитфилд в телеге и сожгли заживо.

Как я уже сказал, речь идет о реформаторе, опередившем свое время. Неизвестно, каких реформ он желал и за какие выступал. Однако пример его жизни и традиция его учения остались. Архиепископ мог бы проклясть священника или любого другого, кто защищал его. Но факт остается фактом: этот человек умер мучеником за дело справедливости против угнетения и деспотического правления. Такая жизнь не пропадает даром.

Затем наступила Коммуна с начатой Длиннобородым борьбой ремесленников против правящего класса, вызванной их стремлением получить свою долю в управлении. В каком-то смысле для Сити было удачей, что группировки и борьба, разделявшие город, постоянно осложнялись разногласиями короля и баронов. Таким образом, проблемы были в значительной степени затушеваны, и то, что могло бы стать гражданской войной в Сити, стало частью гражданских войн между королем и баронами.

Правление Генриха Третьего наполнено недовольством короля против Сити, а также ссорами и раздорами, которые разорвали город на две части. Давайте быстро пробежимся по основным происшествиям того времени, а затем рассмотрим, как эти группировки повлияли на рост и развитие Коммуны.

В 1221 или 1223 году беспорядки, за которые был повешен Константин Фиц-Арнульд, пробудили ревность и подозрительность молодого короля, потому что они показали существование или выживание французской партии в Сити. Я не могу не думать, что это глупое восстание стало первой причиной той ненависти к своему богатому городу, которую Генрих питал на протяжении всего своего царствования". Заговор, говорит Фабиан, был настолько "отвратителен и тягостен для короля, что он был настроен и намеревался уничтожить злодеев Сити". Однако на время он был умиротворен и вскоре издал свою Хартию подтверждения для города с предоставлением общей печати.

В 1229 году олдермены, с согласия жителей, решили, что шериф не должен занимать свой пост более одного года, поскольку против предыдущих шерифов были выдвинуты обвинения в получении взяток от торговцев вином, а также в различных вымогательствах. Обратившись к списку, мы обнаруживаем, что в последние годы пребывание шерифов на своем посту стало обычной практикой, о чем свидетельствует следующий список (Стоу):-

1218.	Шерифы.	Джон Виель8 и Джон ле Спайсер.
1219.	"	Джон Виель и Ричард Уимблдон.
1220.	"	Джон Виэль и Ричард Ренгер.
1221.	"	Томас Ламбарт, Ричард Ренгер.
1222.	"	Томас Ламбарт, Ричард Ренгер.
1223.	"	Джон Траварс, Эндрю Бокерел.
1224.	"	Джон Траварс, Эндрю Бокерел.
1225.	"	Роджер Дьюк, Мартин ФицУильям.
1226.	"	Роджер Герцог, Мартин ФицУильям.
1227.	"	Стивен Бокерел, Генри Кохэм.
1228.	"	Стивен Бокерел, Генри Кочам.

В 1240 году олдерменов стали избирать и менять ежегодно, "но, - говорит Стоу, - этот порядок продержался недолго". (См. Приложения II. и III.)

В том же году, следуя хронологии Фабиана, король стал выступать на стороне народной партии, намереваясь таким образом разрушить привилегии города.

В этот момент необходимо подробнее разобраться в причинах слабости, сделавшей Лондон почти непоколебимой добычей для поборов этого ненасытного короля. Город, который мог одолжить Симону де Монфору полностью укомплектованную армию в 15 000 человек, мог, конечно, в любой момент закрыть свои ворота, держать устье Темзы чистым и бросить вызов королю. Но в течение многих лет он не оказывал никакого сопротивления. Причина сразу же обнаруживается. В лондонском Сити и его институтах происходили изменения, настолько медленные и постепенные, что только в этот момент они стали важными, или, говоря точнее, сами институты оставались неизменными, но приобретали новые значения. Счастье Лондона, как уже говорилось, заключалось в том, что, за исключением очень короткого эпизода, его владыкой был король и никто другой. Рив района был бейлифом или управляющим этого лорда. От имени лорда он был магистратом; он собирал ренту, пошлины и сборы; он созывал бюргеров на соревы; он следил за тем, чтобы права лорда исполнялись должным образом. При соблюдении этих обязанностей бюргеры были предоставлены сами себе. Естественно, когда город становился процветающим, он начинал выкупать привилегии сеньора. Таким образом, хартии Лондонского Сити - это признание королем за королем того, что определенная часть прав оверлорда была выкуплена или уступлена. А правление такого короля, как Генрих Третий, - это постоянное игнорирование этих уступок или покупок, утверждение вновь и вновь прав и полномочий оверлорда, никогда, однако, не заходя так далеко, чтобы отдать Сити какому-либо другому оверлорду. Так, Генрих, как мы увидим, вопреки хартиям, устраивал в Сити суды с помощью своего собственного юстициария и призывал горожан вести свои дела в Вестминстере.

Таким образом, эти хартии даровали горожанам свободу. Но кто же были эти граждане? "Земля с самого начала была критерием свободы, и владение землей было тем, что определяло горожанина. В Англии безземельный человек, живший в боро, не принимал никакого участия в его корпоративной жизни: для целей управления или собственности город был просто ассоциацией землевладельцев в его пределах". (Green's History of the English People).

Эти слова объясняют всю ситуацию. В двенадцатом веке управление Лондоном полностью находилось в руках определенных семей, владевших землей. Как мы уже видели, приходы были их собственностью, названной в их честь: главы этих семей были наследственными олдерменами приходов. Члены этой корпорации или ассоциации в большинстве своем занимались торговлей. Это были оптовые торговцы - кузнецы, драпировщики, купцы-авантюристы. Они не принимали в свои ряды ремесленников, которые, однако, начали создавать для себя гильдии. И все усилия правящей верхушки были направлены против создания ремесленных гильдий, которые, как они ясно видели, приведут к разрушению их собственной власти. В правление Генриха Третьего эта борьба "мудрецов" (*Prud hommes*) против ремесленников достигла наибольшей остроты. В правление Иоанна они добились подавления всеобъемлющей гильдии ткачей. Медленный и трудный процесс, много уроков, которые должны быть усвоены, много притеснений, которые должны быть перенесены, прежде чем люди настолько преодолеют свою подозрительность друг к другу, чтобы объединиться ради общего блага. Лондонец - человек из простонародья времен Генриха Третьего - мог объединиться для борьбы; он мог доверять своему брату, что тот будет стоять с ним плечом к плечу; чего он не мог сделать, так это доверять своему брату-ремесленнику, что тот не переборщит и не перепродает его. Разве мы не видим то же самое сегодня? Мы считаем себя более образованными и мудрыми, и даже сейчас мы призываем людей делать именно то, что призывали эти народные лидеры XIII века, а именно - объединяться. Поначалу простолюдины были опечалены не столько отсутствием доли в управлении, поскольку они никогда и не искали ее, сколько подозрением, что реальное бремя налогообложения ложится на них самих, а не на богачей. Имена мэров этого царствования достаточно ясно показывают, на чьей стороне время от времени оказывалась власть. Так, Бейсинг, Блант, Букерель, Фроуик, Фиц-Уолтер - это имена старых семей: Ле Фуллур и Грейпфиг - имена ремесленников.

В начале долгого правления Генриха Третьего мы находим некоего Саймона ФицМэри, чье имя, возможно, указывает на столь туманное происхождение, что оно досталось ему только от матери, однако он был одним из олдерменов, членом популярной партии и, что немаловажно, состоял на службе у короля. Генрих, таким образом, играл на стороне народных масс против аристократов. В 1233 году Саймон был избран шерифом, но в первый же срок своих полномочий он был обвинен в "растрате имущества, составлявшего основу Шерифвика". Поэтому он был отстранен от должности - несомненно, очень сильный шаг, - а его клеркам было приказано вместо него собирать деньги, составлявшие *фирму*. Шесть лет спустя, в 1239 году, Саймон появляется на выборах шерифов. У него есть письма от короля, повелевающие городу избрать его. Здесь мы имеем дело с преднамеренной попыткой короля растоптать хартии. Город отказался повиноваться и обратился в суд в надежде примирить благосклонность короля, но не смог, "так что, - говорит ФицТедмар, - город три месяца оставался без мэра, когда был избран Джерард Бат, один из аристократической партии". На следующих выборах он снова был избран. Далее следует очень любопытная история. Вместе с ним "некоторые горожане отправились в Водесток, чтобы представить его; и его светлость король отказался принять его [в мэры] там, или до того, как он приехал в Лондон. На третий день после этого, по прибытии туда короля, он принял его; и после того, как ему была дана присяга, что он вернет все, что прежде было взято и получено, и не получит сорока фунтов, которые мэры прежде имели обыкновение получать от города, мэр сказал, уходя: "Увы, милорд, из всего этого я мог бы найти брачную долю, чтобы отдать свою дочь". По этой причине король пришел в ярость и, поклявшись на алтаре святого Стефана, святого

Эдуарда и клятвой, которую он в тот день принес на этом алтаре, сказал: "Ты не будешь мэром в этом году, и за очень малую плату я бы сказал: никогда. Ступай же". После этого упомянутый Джерард, не заботясь о недоброжелательности короля, сложил с себя полномочия мэра, и мэром Лондона был назначен Реджинальд де Бунге". (Riley's edit. FitzThedmar's Chronicles of Old London, p. 9.)

В то же время этот деспотичный король созывает горожан на Полс-Кросс и просит разрешения уехать за море в Гасконь!

По возвращении король взял город в свои руки за укрывательство некоего Уолтера Букереля без ордера, хотя было доказано, что Букерель был помилован. Он "взял город в свои руки", *то есть* приостановил действие всех хартий и вольностей; но отдал его на хранение мэру Ральфу Асви. Затем он отправился на север воевать с шотландцами, а по возвращении запретил шерифам исполнять любые их обязанности. Сити выкупил их помилование, заплатив штраф в 1000 фунтов стерлингов.

И снова мы видим, что Саймон ФицМэри активно участвует в выборах шерифов. Это было в 1244 году. В 1229 году олдермены дали клятву, что ни при каких обстоятельствах не позволят одному и тому же человеку быть шерифом два года подряд. Поэтому Саймон, поняв, что предлагается переизбрать Николаса Бата, встал на его место и назвал его лжесвидетелем. Читая между строк, мы понимаем, что самоотверженный ордонанс 1229 года был уступкой народной партии, а переизбрание Бата в 1244 году было связано с возвращением к власти другой стороны. Конечно, были жаркие дебаты, и в конце концов Саймону пришлось сложить с себя полномочия олдермена, а Николас Бат был переизбран. Дело, однако, было передано на рассмотрение королю, который отказался признать Николаса Бата.

К этому времени относится ряд решительных нападений короля на свободы города. Сначала было дело Марджери Вайел, затем притязания аббата Вестминстерского, и, наконец, Вестминстерская ярмарка. Ярмарка была предоставлена аббату Вестминстера на пятнадцать дней и проводилась на Тотилл Филдс. На время ее проведения в Лондоне должна была прекратиться любая торговля. Подумайте, насколько невыносимым было это постановление. Сити выкупил последнее постановление за сумму в 2000 фунтов стерлингов. Что касается претензий Вестминстерского аббатства, то они были осложнены вопросами средневекового права; долгое время они выдвигались в качестве средства для беспокойства Сити. Так, в 1249 году король назначил "день любви" (*то есть* примирения) между Сити и Вестминстерским аббатом. Встреча состоялась в Храме. Мэр в сопровождении "бесчисленной толпы" встретил аббата, с которым были некоторые из королевских судей. Но никакого совещания не состоялось; весь народ с единодушным согласием заявил, что не будет никакого совещания, а будет соблюдать свои хартии. Дело было передано на рассмотрение короля, но, похоже, ничего не было решено.

Так мы переходим к делу Марджери Вайел. Об этом рассказывает Арнольд ФицТедмар. Давайте, насколько это возможно, воспользуемся его собственными словами.

"В том же году" - 1246 г. н. э. - "в понедельник, следующий за Хоккеем [Хокингом назывался второй вторник после Пасхи], в Гилдхолле было решено, что женщина, наделенная определенным и установленным наделом, не может и не должна иметь имущества своего умершего мужа сверх определенного и установленного наделов, назначенных ей, если только не в соответствии с волей ее мужа. И это произошло через Марджери, монахиню Джона Вайла Старшего, которая многочисленными письмами его светлости короля потребовала на лондонских слушаниях третью часть имущества, принадлежавшего ее упомянутому мужу".

В следующем году (1247 г. н. э.) "в понедельник после святого Петра Цепного [святой Петр ад Винкула, 1 августа] Генри де Ба, юстициарий, посланный его светлостью королем, пришел в Сент-Мартинс-ле-Гранд, где находился протокол, выданный по жалобе Марджери Вайель, на решение которого упомянутая Марджери подала жалобу его светлости королю и нашла судей, чтобы доказать, что оно было ложным. После чего мэр и горожане, встретившись с ними, зачитали протокол и все грамоты его светлости короля, которые получила упомянутая Марджери, были зачитаны и выслушаны, судья сказал: "Я не говорю, что это решение ложное, но процесс его вынесения ошибочен, поскольку в этом протоколе вызова не упоминаются противники упомянутой Марджери, а поскольку Джон Вайел, ее муж, составил завещание, то вашему суду не подобает решать такой вопрос, как этот". На что горожане ответили: "Не было необходимости вызывать тех, кто владел имуществом покойной, ибо они всегда были готовы и предпочитали предстать перед судом по иску упомянутой Марджери в нашем суде: и кроме того, мы были вполне в состоянии рассмотреть такое заявление по согласию двух сторон, которые вовсе не претендовали и не требовали церковного суда, и, видя, что его светлость король своим указом повелел нам определить то же самое".

В конце концов, после долгих препирательств между юстициаром и горожанами, юстициар сказал, что они должны показать все это королю и его совету, и они удалились. Однако после этого, и исключительно по этой причине, король взял город в свои руки и своим указом передал его под опеку Уильяма де Хаверилия и Эдуарда де Вестминстера, а именно в бдение святого Варфоломея (24 августа): после этого мэр и горожане отправились к королю в Вудесток и показали ему, что не сделали ничего плохого, но не смогли вернуть его расположение. Поэтому по прибытии в Лондон Уильям де Хавериль потребовал клятвы от дьяков и всех сержантов, принадлежавших к Шривалти, что они будут ему послушны, а мэр и шерифы были удалены из своих бейлификов. После этого, в воскресенье перед Рождеством Святой Марии (8 сентября), мэр и шерифы, по разрешению короля, приняли город в свои руки, и им был дан день, чтобы дать ответ по вышеупомянутому решению перед королем и его баронами, а именно: в день празднования Дня Святого Эдуарда [9 июня] в Вестминстере, и в день Дня Св. Эдуарда, мэр и горожане явились в Вестминстер, чтобы дать ответы на упомянутое выше решение, вынесенное против вышеупомянутой Марджери Вайел, и так изо дня в день до четвертого дня, в последний день король попросил их разрешить аббату Вестминстера пользоваться правами, которые король предоставил ему в Мидлсексе, в обмен на другие свободы, которые горожане могли бы потребовать по праву. На что горожане ответили, что ничего не могут сделать в этом вопросе без согласия всей общины. Король, узнав об этом, как бы разгневанный, заставил их предстать перед ним, и после долгих препирательств по поводу упомянутого решения (Генри де ла Маре, родственник названной ранее Марджери Вайель, постоянно выдвигал обвинения против горожан) совет, наконец, состоялся перед королем между епископами и баронами, мэр и горожане были оправданы и удалились". (Издание Райли, "Хроники старого Лондона" ФицТедмара).

Следует заметить, что король нарушил хартии, во-первых, отправив в Сити своего собственного юстициара для рассмотрения апелляции; во-вторых, заставив мэра и горожан отправиться в Вестминстер для рассмотрения городского дела; в-третьих, предоставив аббату Вестминстера права или привилегии в графстве Мидлсекс, которое принадлежало и обрабатывалось Сити.

Город, ценой отказа от своих свобод, выиграл дело, которое, очевидно, считалось делом первостепенной важности. О вознаграждении, назначенном Саймону ФицМэри, рассказывает ФицТедмар:

"Следует заметить, что когда Саймон ФицМэри за свою провинность передал свое олдерменство в руки города, как было отмечено выше, с согласия всей общины мэр вернул ему олдерменство при

условии, что он согласится, что если в будущем он снова будет нарушать права города, мэр может, не оправдываясь и не возражая, вернуть его олдерменство в руки города и полностью удалить его оттуда. И вот, в этом году, поскольку упомянутый Саймон явно встал на сторону Марджери Вайел в жалобе, которую она подала его светлости королю на решение, вынесенное горожанами, - за что, как уже написано, она сама была осуждена, - а также за многие другие дурные и отвратительные действия, в которых он тайно был виновен против города, мэр взял его олдерменство в свои руки и полностью отстранил его от него; И люди того округа, получив свободу избирать в понедельник перед серединой поста, выбрали Александра ле Ферруна, да и то в его отсутствие; но он, явившись на выборы, в следующий понедельник был принят в олдермены." (Chronicles of Old London, pp. 16-17.)

И вот Саймон исчезает. Хотелось бы услышать больше о его политической карьере. Что касается его личной истории, то сохранилось его завещание, по которому он основал Дом Святой Марии Вифлеемской, так что он является основателем Королевской Вифлеемской больницы, которая так хорошо и долго служила городу. Возможно, он был скромного происхождения, и в этом случае он является ранним примером того, как бедный парень поднимается к богатству, что после его времени стало практически невозможным вплоть до XVIII века.

В 1257 году произошла еще одна из многих странных историй этого времени. В гардеробе короля в Виндзоре был найден запечатанный свиток. Никто не знал, кто его написал и как он туда попал. В нем содержалось "множество статей против мэра, в которых говорилось о том, что он и его пособники нанесли городу огромный ущерб, а также о тальянстве и других нарушениях, совершенных ими". Другими словами, в реестре содержалось заявление недовольных, несомненно, сильно окрашенное. Король, притворившись решительным, что с бедняками нельзя обращаться несправедливо, послал Джона Маунселла, юстициара, в Лондон с приказом провести народный моцион и выяснить истинность обвинений, что и было сделано. Затем олдерменам было приказано созвать свои приходские собрания и заставить народ в каждом приходе избрать шесть с тридцатью депутатами, *олдермены отсутствовали*; и этим шести с тридцатью мужчинам было приказано явиться в зал епископа Лондонского. Там их привели к присяге, но они отказались присягать, утверждая, что по законам города они не должны приносить присягу, кроме как в случаях, когда речь идет о жизни или конечностях, или о потере или приобретении земли. На следующий день в Гилдхолле депутаты по-прежнему отказались присягать. Тогда король заявил, что желает лишь узнать правду; что он готов оставить их права в неприкосновенности и желает выяснить, как и кем были ущемлены его верные люди в таллах. Тогда Джон Маунселл обратился к народу с приятной речью, спрашивая, не довольны ли они обещанием короля. И они закричали: "Да, да", "в знак презрения, - говорит Летописец, принадлежавший к городским баронам, - к своим собственным франшизам, которые, по сути, эти несчастнейшие существа не были теми, кто их обеспечил".

Затем Джон Маунселл приступил к захвату города в пользу короля и низложению мэра, шерифов и городского камергера. Состоялся суд в Вестминстере перед королем; был еще один суд в Фолк-Моте, на котором серебряный язык Джона Маунселла убедил народ кричать об уничтожении своих собственных свобод, в которых они мало что понимали. Летописец в негодовании называет их "сыновьями разных матерей, многие из них родились без города, а многие были подневольными". В то время, как можно заметить, они были очень далеки от возможности существования демократии.

Народное дело в любую эпоху не перестает привлекать к себе лидеров с другой стороны. Уильям ФицОсберт, о чьем взлете и падении мы уже писали, пытался сделать для простолюдинов во времена короля Ричарда то, что семьдесят лет спустя с большим успехом пытался сделать Томас ФицТомас. Он был шерифом во время дела о запечатанных рулонах; его брат, шериф Мэтью

Букерел, был смещен, и его заменил человек, чье имя уже упоминалось, Уильям Грейпфиг. Уильям ФицРичард, еще один представитель популярной партии, был назначен мэром. В 1261-62 гг. и в 1262-63 гг. мэром избирался Томас ФицТомас, несомненно, от народа, поскольку имена шерифов на этот год указывают на то, что они имели преимущество на тот момент. Первый год его правления был отмечен тем, что он оказал упорное сопротивление констеблю Тауэра, пытавшемуся взять "присмотр" за кораблями на реке. Одной из важнейших привилегий Сити была власть над рекой, поэтому никакие пошлины или сборы не должны были взиматься с кораблей, поднимающихся или спускающихся по реке, кроме как самостоятельно. Фиц-Томас был избран на второй год. А теперь послушайте, что в XIII веке думал купец старой школы о человеке, способном поощрять объединение профессий и ремесел.

"Да будет вам известно⁹, что этот мэр за время своего мэрства так избаловал городских жителей, что они, называя себя "общинами города", получили право первого голоса в городе. Ибо мэр, делая все, что от него требовалось, управлял и определял через них и говорил им: "Такова ли ваша воля, чтобы так было?", и если они отвечали: "Да, да", то так и делалось. С другой стороны, с олдерменами или главными гражданами в таких делах почти или совсем не советовались, но, по сути, их как бы и не существовало. Благодаря этому народ так воодушевился и так раздулся от гордости, что во время волнений в королевстве, о которых уже говорилось, они объединились в ковинсы и скрепили себя клятвой, по сотне и по тысяче, под видом сохранения мира, тогда как сами были явными нарушителями спокойствия. Ибо если бароны боролись только с теми, кто хотел нарушить вышеупомянутые статуты, и захватывали имущество каждого, и то днем, то другие врывались в дома жителей и других людей в городе, которые не были против упомянутых статутов, и силой отнимали имущество, найденное в таких домах, совершая при этом множество других незаконных действий. Что же касается мэра, то он порицал этих людей лишь вяло". (Chronicles of Old London, p. 59.)

Далее бароны, желая прежде всего примирить горожан, попросили их изложить в письменном виде все, что они пожелают для увеличения своих свобод, и обязались, если дело будет разумным, представить его на рассмотрение короля и Совета. Затем этот мэр призвал ремесленников и приказал им сделать такие запасы, которые будут им выгодны. "Соответственно, после этого изо дня в день отдельные представители каждого ремесла сами составляли новые уставы и положения, или, скорее, такие, которые можно назвать "мерзостями", - и это исключительно к их собственной выгоде, к нестерпимому ущербу всех купцов, приезжающих в Лондон и посещающих английские ярмарки, и к еще большему ущербу всех людей в королевстве".

Это был первый профсоюз. Их правила были разработаны самими рабочими. Память о старых братских гильдиях к этому времени исчезла, но существовали братства, или религиозные объединения, которые помогали им в определении правил, которые они должны были установить. Но, как сообщает Хроникер, они не были приведены в исполнение.

В 1263-64 годах Томас Фиц-Томас был вновь избран мэром, но король отказался принять его, будучи "по многим причинам сильно разгневан на город".

В том же году началась война баронов, в которой лондонцы сыграли заметную, если не сказать благородную, роль. Они уменьшили замок Рочестер, разрушили дворец в Айлворте, принадлежавший Ричарду, брату короля, убили пятьсот евреев, разграбили имущество иностранных купцов, а в битве при Льюсе бежали.

В следующем году был заключен мир, и Генриха, теперь уже пленного, заставили провести суд в соборе Святого Павла, где мэр, снова Томас Фиц-Томас, и олдермены присягнули ему на верность. Маргинальное примечание Хроники завершает историю этой присяги. "Тогда присутствовавшие могли видеть вещь дивную и неслыханную в наш век: ибо самый несчастный мэр, принимая присягу, осмелился произнести слова столь необдуманно, как эти, сказав его светлости королю в присутствии народа: "Милорд, пока вы будете для нас добрым лордом и королем, мы будем верны и любезны вам"". Мэр был за сорок лет до своего времени.

После поражения и смерти Симона де Монфора при Ившеме в городе возникла большая тревога. Одни предлагали закрыть ворота и созвать приверженцев дела баронов, другие - немедленно подчиниться. Последний вариант возобладал. Были составлены письма о покорности и отправлены королю в Виндзор. По дороге гонцы встретили сэра Роджера де Лильборна, который сообщил им, что послан объявить горожанам о благоволении короля. Благоволение короля заключалось в немедленном и полном подчинении: снятии всех цепей и столбов на улицах в знак покорности и отправке мэра и главных людей города в Виндзор с письмами о безопасном поведении. Они отправились. Фиц-Томас, к несчастью, снова стал мэром. Король проигнорировал письма о безопасном поведении и посадил их в тюрьму. Вскоре все они, кроме Фицтомаса, были освобождены. Генрих помнил слова, которыми Фицтомас поклялся в ограниченной верности. Фицтомас больше никогда не появлялся. Он исчез. Возможно, король приказал его казнить; возможно, он заставил его томиться в тюрьме до конца жизни. Как бы то ни было, Фицтомаса больше не видели.

Генрих приехал в Лондон с главным врагом под стражей; он отдал шестьдесят домов, принадлежавших главным горожанам; он оштрафовал город на 20 000 марок. 6 декабря того же года (1265) Джон де ла Линд, рыцарь, и Джон Валлрейвен, клерк, были назначены сенешалями, и лондонский Тауэр был передан в их руки. В тот же день в Вестминстер прибыли четыре с двадцать горожан, которые поклялись верно и надежно охранять город от имени короля под началом двух сенешалей.

Далее король передал Лондонский мост с его пошлинами королеве Элеоноре, которая позволила ему прийти в упадок. Затем она вернула его Сити.

ФицТедмар отмечает, что некоторые из тех, кто встал на сторону графа Глостера, обратились в бегство, и среди них были те, кто во времена покойного мэра ФицТомаса называли себя "общинниками Сити". При избрании горожанина "для исполнения обязанностей шерифа Мидлсекса и лондонского надзирателя", народ настойчиво требовал Фицтомаса, который, вероятно, к тому времени уже лежал в могиле.

Горожане подали прошение, но тщетно, о праве избирать мэра и шерифов. В следующем, 1266 году вместо шерифов бейлифами были избраны Джон Адриан и Люк де Баттенкурт.

Из неразберихи и проблем того времени мы можем узнать, что лондонская торговля пришла в упадок; что происходили массовые убийства евреев; что на улицах были беспорядки, ссоры между ремесленниками, в одном из которых до 500 человек вышли вооруженными и дрались на улицах; что ремесленники продолжали объединяться и создавать компании, но без правил и надзора, так что они требовали работы, принадлежащей другим ремесленникам, и вызывали неприязнь; что в палатах не было порядка, и не было власти олдерменов. Мэры в период после битвы при Ившеме назначались королем. Фабиан говорит, что на сайте существует неопределенность относительно этого времени, некоторые считают, что мэров не было, а были только *опекуны*. Фабиан также говорит, что Томас ФицТомас был освобожден. Он указывает его имя в качестве мэра в 1269-70 годах. Но его даты не совпадают с датами Стоу. В последний год принц Эдуард взял город в свои руки и назначил Хью Фиц-Ото констеблем Тауэра и хранителем

города. Несколько месяцев деспотического и военного правления сгладили беспокойные воды раздоров и восстановили порядок в смятенном Сити. Последние годы правления короля Генриха были годами мира и покоя. Но он сделал то, что хотел - лишил гордый Сити его богатства, свободы и прав.

Первый этап борьбы между олигархией и населением подошел к концу. Первая партия сильно раздроблена, палаты перестают называться именами своих олдерменов.

В декабре 1269 года король издает приказ, согласно которому все те лица, которые после возвращения города ему, покинули его, должны быть публично объявлены, и им должно быть запрещено когда-либо возвращаться в город под страхом жизни и смерти. Их имена были зачитаны в Гилдхолле, а затем выкрикивались на улицах. Их было пятьдесят семь человек; список сохранился у ФицТедмара. Все они, за небольшим исключением, были ремесленниками. Кофейник, пекарь, повар, золотых дел мастер, железных дел мастер, фуллер, плавильщик, брокер, мясник, оружейник, каменотес, а также несколько мерсеров и другие, принадлежащие к оптовым торговцам.

Этот акт правосудия свершился, и горожане вновь получили право избирать мэра и шерифов, но с увеличением *размера твердой* суммы с 300 до 400 фунтов стерлингов.

Они приступили к осуществлению этого права, по-видимому, с грустью и трезвостью, и пришли к компромиссу. Мэром стал Джон Адриан, представитель аристократической партии; шерифами - два ремесленника. В следующем году мэром стал Уолтер Херви, человек из народа, а шерифами - двое с другой стороны.

Выборы мэра в следующем году - интереснейшая и поучительная история. Фабиан, как мы можем заметить, относит выборы ко второму году правления Эдуарда; Арнольд ФицТедмар, один из олдерменов, а значит, очевидец, относит их к последним дням короля Генриха и самым ранним дням короля Эдуарда.

28 октября, в праздник святых Симона и Иуды, горожане собрались в Гилдхолле для избрания нового мэра. Олдермены и более "сдержанные" горожане - именно об одном из них рассказывается в этой истории - предложили имя Филиппа ле Тейлора. Согласно обычаю, их кандидатура должна была быть принята; но люди в зале отказались принять его и с большим воодушевлением закричали: "Нет, нет, мы не примем никого, кроме Уолтера Херви", и против воли олдерменов - одна из картин, в которой было много суеты и толкотни, - они посадили на место мэра своего человека.

Неудивительно, что те же обвинения, которые ранее выдвигались против Уильяма Лонгберда и Томаса Фицтомаса, теперь были выдвинуты против Уолтера Херви. Говорят, что он убедил и пообещал людям, что освободит их от всех поборов, поборов и пошлин, и они поверили его слову и пошли за ним тысячами, даже толпами, без числа. Мы помним, что, по слухам, за Длиннобородым последовали 50 000 человек. Обвинение в том, что он завоевывал народ грандиозными обещаниями, вполне вероятно, справедливо; демагоги всегда прибегали к одним и тем же методам убеждения, в конечном счете во вред или на погибель делу. Можно понять, что более популярными лидерами Лондона между 1190 и 1272 годами были люди, которые хотели, прежде всего, сделать невозможным бремя неравномерного налогообложения и дать общинам право голоса в управлении их собственными делами. Эта двойная цель на самом деле была единой, поскольку считалось, что народ, если у него есть власть, будет использовать ее мудро и справедливо. Однако лидеры не понимали, что средний человек понимает под справедливостью

перекладывание своего бремени на плечи другого человека, и ему совершенно безразлично, кто этот другой человек.

Однако с Херви был народ.

Олдермены, обнаружив, что их таким грубым образом отстранили от власти, отправились в Вестминстер, чтобы поставить вопрос перед королевским советом. За ними последовал сам Херви, сопровождаемый огромной толпой своих сторонников. Дело олдерменов было изложено с большим умением: их не столько беспокоила потеря собственной власти, сколько возможность новой гражданской войны из-за необузданной гордыни населения.

"Олдермены и их приверженцы, явившись в Королевский совет, как уже было написано, с жалобами показали им, как это население силой насильственно и несправедливо препятствовало их избранию теми, кому выборы мэра и шерифов в городе по праву принадлежат более, чем кому-либо другому, и всегда принадлежали. Они также любезно просили его светлость короля и его Совет, чтобы король соблаговолил приложить к этому руку, дабы эта публика, называющая себя "общинами города" и исключая олдерменов и благоразумных людей города, не восстала против его мира и мира его королевства, как это случилось во времена графа Лестера; А именно, когда Томас Фиц-Томас и Томас де Пуллесдон так возвысили народ города над олдерменами и благоразумными людьми города, что, когда это было необходимо, они не смогли сделать этот народ поддающимся правосудию; из-за чего, как известно всему миру, в Англии разразилась смертельная война." (Riley's edit., FitzThedmar's Chronicles of Old London, pp. 154-155.)

Народ, не желая отвечать на эти аргументы, поднял крик: "Мы - общины. Нам принадлежит избрание. Мы избираем Уолтера Херви".

Это было время больших тревог. Король был болен; он был уже стар - для того времени очень стар; наследник находился в Святой земле; было очень желательно, чтобы мир был сохранен.

Олдермены продолжали спорить. Те же самые аргументы использовались перед принятием каждого последующего закона о реформе. Олдермены указывали, что они - голова, а народ - лишь низшие члены, руки и ноги; олдермены также по праву должности выносили решения по искам, рассматриваемым в городе; у них была доля в стране; население же в большинстве своем не имело ни земель, ни домов, было неясного и низкого происхождения, занималось скромным трудом, было грубым и невежественным и не заботилось о благополучии города. Однако народ не переставал кричать, что доносилось до ушей короля, лежащего на больничной койке.

Поэтому Совет отложил решение этого вопроса. Херви было велено уйти и вернуться не более чем с десятью или дюжиной последователей. Так что на этот день он уехал.

На следующий день, после обеда, Герви собрал всех людей и, держа их под уздцы, снова отправился в Вестминстер, и там, не объясняя причин, они продолжали кричать то же самое. Олдермены были там до них. Совет сказал обеим сторонам, что они должны договориться о мэре и что, когда они договорятся, король примет его.

Но они не могли договориться; не было никакой возможности договориться. Так, день за днем, в течение целой недели, то есть до 11 ноября, народ с каждым днем становился все более возбужденным, а олдермены - все более настойчивыми, и в Вестминстер-холле разыгрывалась все та же бурная сцена.

Что касается Херви, то он утверждал - весьма вероятно, что он говорил правду, ибо положение было полным опасностей, и нельзя было забывать об исчезновении Фиц-Томаса, - что он хотел стать мэром не ради себя, а исключительно из любви к Богу и из побуждений благотворительности; он был готов вынести это бремя и этот труд, чтобы таким образом поддержать бедных жителей города против богатых, которые стремились угнетать их в вопросах тали и расходов города.

Многое говорит в пользу правдивости историка, что тот, кто стоял среди олдерменов и принимал участие в управлении, увидев, как у него внезапно отняли власть и полномочия, должен был написать эти слова, не сомневаясь в мотивах, которыми руководствовался его враг.

11 ноября Совет, действовавший, судя по всему, со странной слабостью и нерешительностью, решил, что, поскольку они не могут прийти к согласию, король возьмет город в свои руки и назначит Кустоса или Смотрителя. Соответственно, Генри де Фроуик, один из олдерменов (его палата впоследствии стала называться Крипплгейт), был назначен надзирателем.

Затем было решено, что каждая сторона должна назначить по пять человек, и этот комитет из десяти человек должен избрать мэра, причем обе стороны обещали придерживаться принятого решения.

После смерти короля это соглашение было отменено. Возникло опасение, что население воспользуется замешательством, вызванным отсутствием нового короля; ФицТедмар превращает смутное беспокойство в открытие заговора против собственности олдерменов. Архиепископ Йоркский с графом Глостером и другими дворянами встретился с горожанами в Гилдхолле и, видя огромное количество сторонников Херви, убеждал олдерменов избрать его. Те по-прежнему отказывались; не желая по собственной воле сложить с себя полномочия, они заявили Глостеру, что дело передано на рассмотрение Комитета десяти.

Однако граф, не обращая внимания на эту договоренность, приказал созвать на следующий день народный собор на Полс-Кросс, встретился с олдерменами отдельно в Капитуле и умолял их уступить и позволить Херви стать мэром на один год, чтобы не навлечь на город беду. Они уступили, и Херви, после принесения клятвы, что он не станет ущемлять или позволять ущемлять тех, кто был против его избрания, был представлен народу под радостные аплодисменты в качестве мэра.

Год его пребывания на этом посту прошел без происшествий. ФицТедмар говорит, что он брал взятки у пекарей, чтобы те делали буханки на вес, но мы не должны верить этой истории; и что он не разрешал никаких выступлений, или очень редко, на слушаниях по земельным делам. "Причина в том, что он сам был привлечен к делу в отношении некоего земельного участка, который Изабелла Букерель требовала от него по соглашению между ними". Арнольд, как мы видим, все еще затаил обиду.

На следующих выборах олдермены выставили своего человека, Генри Уэйлиса, или ле Уэйлиса. Он был одним из самых богатых и важных купцов. Он снова был мэром с 1280 по 1283 год. В 1275 году он был мэром Бордо.

Мы уже видели, как, по словам хрониста, ремесленники создавали ковинги и комбинации, то есть торговые союзы, к чему их призывал Томас Фиц-Томас. Оказывается, когда мэром стал Уолтер Херви, он подтвердил эти объединения собственными хартиями, дающими право регулировать торговлю для общей пользы. Теперь мы имеем первый случай "черной ноги". Один из тех, кто получил такую хартию, вероятно, для собственной выгоды, предстал перед мэром и горожанами в Гилдхолле с жалобой на то, что некий человек его профессии работает в нарушение устава,

содержащегося в хартии, которую он и его торговля получили. От кого, спросили его, они получили эту хартию? От Уолтера Херви, когда тот был мэром. "Вот она, - сказал он, протягивая копию документа. "Это правда, - сказал Уолтер Херви, - я дал эту хартию своей властью как мэр". Затем встал Грегори де Роксли, олдермен и один из самых "осторожных" людей в городе. "Такие хартии, - сказал он, - не имеют силы за пределами мэрии того, кто их выдает. Более того, эти хартии были составлены только для выгоды богачей во всех ремеслах, а не для бедняков, и они ведут к гибели и разорению бедняков, равно как и всех остальных горожан и королевства". После этого Уолтер Херви вскочил на ноги, и последовала теплая и личная беседа. В конце концов Уолтер Херви удалился в церковь Святого Петра на Корнхилле, где созвал народ и призвал его соблюдать свои хартии, о чем он позаботится; и весь тот день и следующий он ходил по городу, изводя народ, так что бароны Казначейства и Королевский совет опасались народных волнений. Поэтому они послали в город королевский приказ позаботиться о том, чтобы действия упомянутого Уолтера Херви и других не привели к беде. Городские магистраты истолковали этот приказ как арест Херви. Что и было сделано, но под поручительство двенадцати человек его отпустили. Это произошло незадолго до Рождества. После Рождества мэр созвал собрание в Гилдхолле и приказал принести ему хартии Херви. Через две недели он заставил их прочесть и объяснил, что они приведут к ущербу и разорению торговли; что хартии не имеют никакого веса и ничего не стоят; что люди всех ремесел должны вернуть себе прежнюю свободу заниматься своим делом где угодно и как угодно; только работа их должна быть хорошей и правдивой. Другими словами, хартии, которые дал им Херви, должны были научить людей необходимости порядка и дисциплины, чтобы добиться своих прав; и этот мэр мягко вернул их под видом свободы к прежней зависимости. Но с Уолтером Херви еще не было покончено. Оставалось лишить его сана олдермена Чепе. Это было сделано очень ловко. Большая часть прихода Чепе представляла собой рыночную площадь, заполненную сараями, стадами и магазинами. По объяснению Стоу, "сарай" означали небольшие открытые лавки, над которыми возвышалась "солнечная" или небольшая верхняя камера. Один из таких "сараяв" до сих пор находится рядом с рынком Клэр.¹⁰ Сэлды представляли собой деревянные склады с магазинами. Торговцы этого рынка, самого большого и важного в королевстве, были особыми друзьями Херви, его избирателей, которые сделали его олдерменом. Поэтому, чтобы избавиться от Херви, нужно было избавиться и от этих людей. Коронация короля подсказала подходящий вариант. Хотя торговцы, мясники, рыботорговцы и представители других профессий заплатили большие суммы денег за аренду или разрешение открыть свои лавки на рынке, мэр послал сообщение, что, чтобы очистить место от всякого мусора, когда король будет проезжать через Чепе, все они должны пойти и продавать свои товары в других местах. Затем, по словам Хроники, -...

"На следующий день после Святой Троицы, когда мэр и горожане пришли в Гилдхолл для рассмотрения общих дел, туда пришли некоторые рыботорговцы, и особенно те, кто был удален из Чепе. На что мэр ответил, что это было сделано по решению совета его светлости короля, дабы в Чепе не осталось мусора по его прибытии туда. Уолтер Херви, однако, изо всех сил поддерживал жалобы упомянутых рыботорговцев на мэра и олдерменов, из-за чего между мэром и упомянутым Уолтером в присутствии всего народа возникла бурная распря. После этого мэр, охваченный гневом, вместе с некоторыми из более благоразумных жителей города отправился в Вестминстер к Совету его светлости короля и показал ему, что произошло в Гилдхолле. На следующий день, когда мэр и олдермены собрались в Гилдхолле, чтобы разобраться в делах, начатых накануне, перед Уолтером и всем народом был показан и прочитан некий список, в котором содержалось множество статей о самонадеянных поступках и преступлениях самого отъявленного характера, которые Уолтер совершил, будучи мэром, против общин

города и вопреки своей присяге: после чего упомянутый Уолтер был в судебном порядке лишен своего олдерменства и исключен из Совета своего города. Также было дано повеление людям, живущим в этом олдерменстве, выбрать подходящего человека, чтобы стать олдерменом Чепе вместо него, и представить его на следующем суде в Гилдхолле, что и было сделано".

Так исчезла форма Уолтера Херви. Он снимает свою олдерменскую мантию, выходит на улицу, становится простым горожанином, и, смею предположить, на следующий день ремесленники забывают обо всем, что он пытался для них сделать. Но память об этих хартиях сохранилась.

И вот они-то и положили политический конец этому реформатору. Однако именно ему принадлежит заслуга в создании или возрождении духа объединения и инкорпорации ремесленников. Я говорю "возрождение", потому что нельзя забывать о "прелюбодейных" гильдиях времен Генриха Второго; и потому, что там, где существовала гильдия для религиозных и благотворительных целей, недалеко находилась другая торговая гильдия для коммерческих и практических целей.

Мы видели, как в течение сорока лет после этого приходы перестали называться по именам своих олдерменов и владельцев. В этот промежуток времени произошла тихая революция, шаги которой сейчас трудно или даже невозможно проследить. О характере революции говорит стремительный рост компаний в последующие несколько лет. Власть аристократической партии была подорвана, хотя и не уничтожена; исчезла и тень их былой власти в присвоении своих имен палатам. Теперь мы видим, что управление Лондоном перешло от олдерменов к торговцам.

Память о трех первых реформаторах, Уильяме Лонгберде, Томасе Фицтомасе и Уолтере Херви, должна быть лучше известна тем, кто интересуется происхождением и историей гражданских свобод. Как мне кажется, они имеют поразительное сходство друг с другом. Все трое принадлежали к аристократическому сословию; все трое покинули свой народ, за что были горько осуждены; все трое отказались от своих собственных интересов; все трое были исполнены той всепоглощающей страсти к справедливости, которая делает мучеников и продолжает дело. Остается надеяться, что, пока первого тащили за пятки к виселице, второго убивали в темнице, третьего лишили должности и права говорить и действовать, им было дано какое-то видение будущего; какой-то голос шептал в их умирающие уши, что дело их жизни не пропало, а еще принесет плоды в грядущей свободе народа, для которого они работали и за который страдали.

КОРОНА, ПРЕДЛОЖЕННАЯ РИЧАРДУ III. В ЗАМКЕ БАЙНАРД

Воспроизведено с картины в Королевской бирже с разрешения художника, Сигизмунда Гетце, эсквайра, авторские права которого сохранены.

Длительное существование этих группировок, гражданские войны, беспорядки последнего царствования не могли не отразиться на состоянии города самым худшим образом. Улицы были полны убийств, грабежей, взломов домов и насилия всех видов. Первой попыткой восстановить

порядок, по всей видимости, было признание того, что нужна сильная и постоянная рука. Соответственно, мы видим, что должность мэра в течение двенадцати лет занимали два человека, каждый по два-три года вместе. Они были купцами из аристократической партии; они были личными друзьями, придерживавшимися тех же взглядов, причем не демократических; они были богаты; они одарили город крупными пожертвованиями; им доверял король. И все же они не добились успеха. Лофти считает, что они были слишком заняты собственными делами и были вынуждены оставлять большую часть своей работы подчиненным. С другой стороны, они могли быть очень хорошими купцами, но не были хорошими администраторами. Первые страницы "Мемориалов Райли" заполнены случаями убийств и насилия. Для сохранения мира были приняты прекрасные законы. Ничто не могло быть лучше, чем следующие:.

(1) Каждый торговец должен представить имена людей, занимающихся этим ремеслом, указать, где они живут и в каком приходе. Это постановление доказывает, что все ремесла имели свои гильдии или союзы.

(2) Олдермены должны выяснять, кто живет в общежитиях.

(3) Обеспечить охрану подозрительных лиц.

(4) Два сержанта должны стоять у каждых ворот, чтобы наблюдать за людьми, входящими или выходящими из города.

(5) Комендантский час должен объявляться в каждой приходской церкви, по времени Святого Мартина-ле-Грана.

В комендантский час все ворота должны быть закрыты; таверны должны быть закрыты; по улицам не ходить; в каждом приходе должны дежурить шесть человек.

(6) Никому не переходить реку ночью.

(7) Сержантам Биллингсгейта и Куин-Хайта охранять реку, каждому со своей лодкой и командой из четырех человек.

Однако, несмотря на эти предписания, состояние города становилось все хуже, а не лучше. Дело Лоуренса Дьюкета в 1284 году, закончившееся повешением семи мужчин из хорошей семьи и сожжением одной женщины, вызвало всеобщее недовольство и ропот. В конце концов Эдуард решил взять управление городом в свои руки. То, как это было сделано, показывает, что комедия была согласована заранее, чтобы соблюсти достоинство каждого.

Мэром стал Грегори де Роксли. По приказу лейтенанта короля он вместе с олдерменами и шерифами отправился в Тауэр, где должен был ответить на некоторые вопросы о состоянии города. Он повиновался, но оставил за собой в церкви Оллхоллоус-Баркинг мантию и цепи, оправдываясь тем, что горожане подают или отвечают на жалобы только в пределах своих владений. Его арестовали и вместе с другими офицерами продержали в Тауэре день или два. Тем временем, поскольку город формально оставался без мэра, король использовал этот факт как предлог, чтобы взять дело в свои руки. Он так и сделал, назначив сэра Ральфа Сэндвича кустосом, или надзирателем. Город находился под властью Сэндвича и его преемника, сэра Джона Бретона, в течение двенадцати лет. По сути, они были постоянными мэрами, которых горожане не могли сместить, но которые брали олдерменов в советники. Правление этих двух надзирателей было отмечено многими реформами, в том числе определением приходов, очисткой Вальбрука, пресечением ночных ярмарок, ремонтом мостов, восстановлением порядка. Торговля велась свободно и процветает, торговые гильдии имели возможность укрепиться, чтобы стать, задолго до получения хартий, необходимыми для ведения дел в Сити; Лондон приобрел новое лицо,

когда в 1298 году Эдуард вернул мэру, и Генри Уэйлис вновь вступил в должность. Не то чтобы насилие совсем прекратилось, но оно стало менее частым и более вероятным для наказания.

Мы уже видели, как широко распространялось мнение о Лоллардии среди людей в четырнадцатом веке. История Джона Нортгемптонского и его соперника Николаса Брембре относится к концу этого века, к завершению борьбы между работодателями и ремесленниками.

Джон родился в Нортгемптоне, в семье уважаемых родителей, о чем свидетельствует тот факт, что он был принят в Общество драпировщиков, всегда одно из самых эксклюзивных городских гильдий; он был олдерменом в 1376 году, шерифом в 1377 году, одним из членов городского совета в 1378 году; в 1380 году он был уполномоченным по возведению какой-то башни; а в 1381 году он стал мэром. Первое, что он сделал на посту мэра, показало, каковы были его взгляды. Он взял в свои руки большую часть обязанностей, относящихся к епископскому двору. Он приказал, чтобы всем лицам, мужчинам и женщинам, совершившим акт распутства, коротко остригли волосы, а затем публично пронесли по городу под звуки труб и барабанов для открытого позора; мужчин поместили в столб, женщин - в плетень. Второй проступок требовал аналогичного наказания. За третье преступление их вообще изгоняли из города. Далее он урезал плату приходским священникам. За отпевание умершего полагалось не более фартинга, за крещение - не более сорока пенсов, за брак - не более половины марки. Умножьте эти цифры на двадцать, по крайней мере, чтобы представить современную стоимость: тогда мы получим мессу, которую поют за пять пенсов; крещение - за 3 фунта 4 пенса 8 пенсов; а брак - почти за семь фунтов. Не свидетельствует ли дешевизна мессы о неверии в ее действенность? Он также ознаменовал свое мэрство преследованием рыботорговцев, чью монополию он подавил. Предполагается, что их преступлением была высокая цена, по которой они продавали свою рыбу. Мы должны еще раз напомнить себе, что четвертая часть года была временем поста, поэтому было очень важно, чтобы рыба была дешевой, обильной и свежей. Иоанн не только отнял у рыботорговцев эти привилегии, но и унизил их. Им было запрещено продавать рыбу в деревне, они были вынуждены продавать ее в городе по цене, установленной мэром, и не имели права занимать какие-либо должности. Джон был переизбран мэром в следующем, 1382-83 году, который прошел спокойно. Его преемником в 1383-84 годах стал его враг, Николас Брембре, при котором все реформы Джона были сметены. В январе 1384 года Иоанн был связан обязательствами по поддержанию мира на сумму 5000 фунтов стерлингов; в следующем месяце он был арестован мэром. Говорили, что он ходил по городу в сопровождении четырехсот своих приверженцев; говорили также, что он устроил беспорядки. Одного из его людей, Константина, кордмейстера, повесили за участие в бунте, а Джона отправили в замок Корф. Затем его привезли в Лондон, судили перед советом, созданным королем в Рединге, и приговорили к смертной казни. По личной просьбе королевы приговор был заменен на тюремное заключение. Поэтому его отправили обратно в замок Корф. Затем, по неизвестной причине, его привезли в Тауэр и снова сообщили, что он должен быть повешен, привлечен и четвертован; и снова его отпустили. Затем его отправили в замок Тинтагель, несомненно, размышляя о том, что пока есть жизнь, есть и надежда, и что у него есть друг в лице Джона Гонта, который не оставит его.

Джон Гонт не оставил его. Время от времени он возобновлял свои попытки добиться его освобождения и обещал, что Джон не должен возвращаться в Лондон, если его отпустят. Тогда Николас Брембре, мэр города уже четыре года подряд, спросил мнение олдерменов и общего совета о целесообразности освобождения этого ужасного узника. Все согласились, что выпускать его на свободу было бы опасно, даже если бы он жил в сотне миль от Сити. Однако в 1389 году ему разрешили вернуться и вернули его имущество. Но мэр строго-настрого запретил обсуждать ссору между Джоном Нортгемптонским и Николасом Брембре.

Теперь необходимо вернуться на некоторое время назад и проследить карьеру сэра Николаса Брембре. Он был богатым бакалейщиком, сыном сэра Джона Брембре, рыцаря и сельского джентльмена из Кента. Это один из многих примеров, которые можно увидеть в Сити, когда деревенский парень, не деревенщина, а джентльмен, приезжает в Лондон, чтобы сделать свое состояние (см. т. I. стр. 216).

Поскольку в 1372 году он приобрел поместья в Кенте, а в 1376 году стал олдерменом, можно предположить, что он родился около 1322 года. Он примкнул к аристократической партии в Сити, которая стремилась лишить ремесленные компании права голоса в городе, и был таким же ярым сторонником Куртенэя, как и врагом Джона Нортгемптонского.

В 1377 году, когда Стейпл, мэр, был смещен, на его место был назначен Брембре. Через год после этого Брембре был обвинен на заседании парламента в Глостере Томасом Вудстокским, дядей короля, в небрежном исполнении обязанностей по случаю бунта, когда...

"На Корнхилле в Лондоне жители этого района напали на слуг упомянутого графа, избили и ранили их, преследовали их, когда они прибежали к его общежитию, и выломали и выбили двери топорами и другим оружием, причем упомянутый граф был тогда внутри и лежал в своей постели, и по этой причине был не мало встревожен; к тяжкому ущербу для упомянутого графа и столь пагубному примеру для всего королевства; и все это, по его утверждению, произошло из-за непростительной нерадивости упомянутого Николаса, и он просит возместить ему ущерб за это." (Riley's Memorials, p. 427.)

Брембре, однако, дал полный и исчерпывающий ответ на обвинение и, по словам современников, с честью вернулся в свою обитель.

Томас Вудстокский, однако, не забыл и не простил, хотя Брембре в знак примирения дал ему сто марок. Далее следует очень красивый отрывок, показывающий, с каким духом относились к городским вольностям:...

"О чем и было рассказано по порядку мэру и Общему совету, и каждый из них сердечно поблагодарил упомянутого Николаса; зная наверняка, что он претерпел такие труды и расходы не за какие-то свои недостатки, а ради сохранения свобод города и по той крайней любви, которую он питал к нему. Посему, единодушно, упомянутыми мэром, олдерменами и всеми прочими согражданами, было верно дано и обещано, что город будет держать упомянутого Николаса под страхом компенсации в отношении упомянутых 100 марок, а также всех прочих расходов, понесенных им в связи с этим делом. И чтобы это было сохранено в памяти, было дано распоряжение общему клерку, чтобы это было записано". (Riley's Memorials, p. 428.)

Затем Брембре стал одним из двух таможенных сборщиков Лондонского порта, а Джеффри Чосер - его контролером. После восстания общин Брембре вместе с Филпотом и Уолвортом поскакал в Смитфилд к королю и был посвящен в рыцари за свои заслуги по этому случаю.

Именно после этого произошла великая борьба между ним самим, как лидером аристократической партии, а значит, и великих компаний, и Джоном Нортгемптонским, как лидером народного дела. Мы уже видели, как Джон Нортгемптон исполнял обязанности мэра (1381-1383). В последнем году мэром был избран Брембре, но это произошло силой оружия.

В январе 1384 года Джон был арестован, а его сторонник Константин, как мы видели, был повешен Брембре. В 1386 году десять городских компаний подали петицию в парламент, обвиняя Брембре в тираническом и деспотичном поведении, особенно в том, что он обеспечил повторные

выборы с помощью насилия. Ведь он заполнил Гилдхолл вооруженными людьми, которые с большим шумом набросились на представителей противоположной фракции с криками: "Убивайте! Убивайте! Убивайте! Убивайте! Убивайте! Убивайте!". Томас Вудстокский, помня о старой обиде, обвинил Брембре в заговоре в пользу Саффолка. Однако он сбежал и был принят королем в свой Совет. В ноябре 1387 года Томас Вудстокский вновь обвинил его в государственной измене. Четверо других членов Совета короля также были обвинены в измене: архиепископ Йоркский, сэр Роберт Вер, герцог Ирландский, Майкл де ла Поль, граф Саффолк, и Трессилиан, лорд Верховный судья.

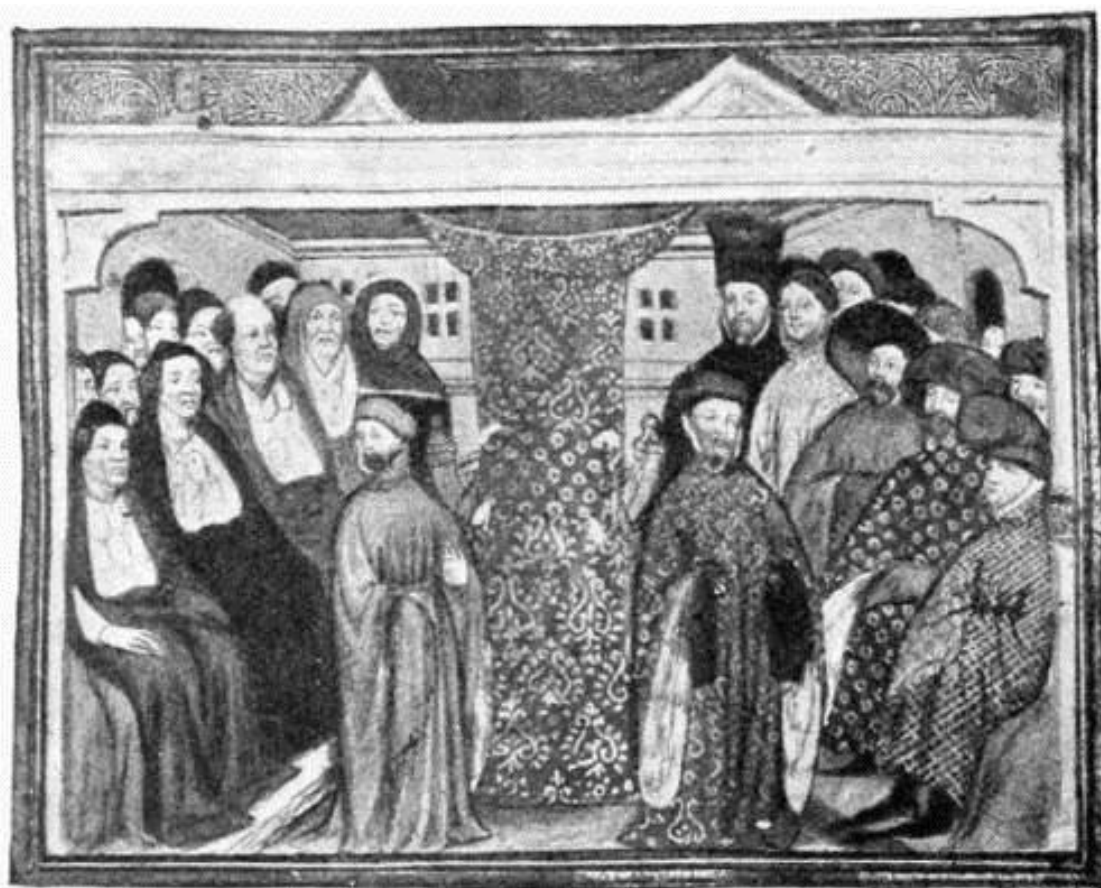

КОРОЛЬ РИЧАРД ПРОВОДИТ СОВЕТ ДВОРЯН И ПРЕЛАТОВ
Из Фруассара, т. iv.

Король ответил, что взял их под свою защиту. Тем не менее, все они сочли разумным разбежаться в разные стороны.

Король послал за мэром. "Сколько лучников и вооруженных людей город мог бы предоставить в случае необходимости?" Мэр ответил уклончиво; он сказал, что горожане - лишь солдаты, защищающие свой город, а что касается его самого, то он просит разрешения уйти в отставку.

Король покинул Виндзор и поселился в Тауэре, решив оставить Сити между собой и лордами. Но Томас Вудстокский, теперь герцог Глостерский, с графами Арунделом, Ноттингемом, Уориком и Дерби поспешили в Лондон и потребовали впустить их в Сити. Горожане колебались; в конце концов, однако, они уступили, и лорды со всей своей свитой вошли в город. О состоянии города говорит тот факт, что лорды предложили посредничество в торговых спорах, но их предложение не было принято.

ГЕНРИХ БОЛИНГБРОК БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОРОНЕ

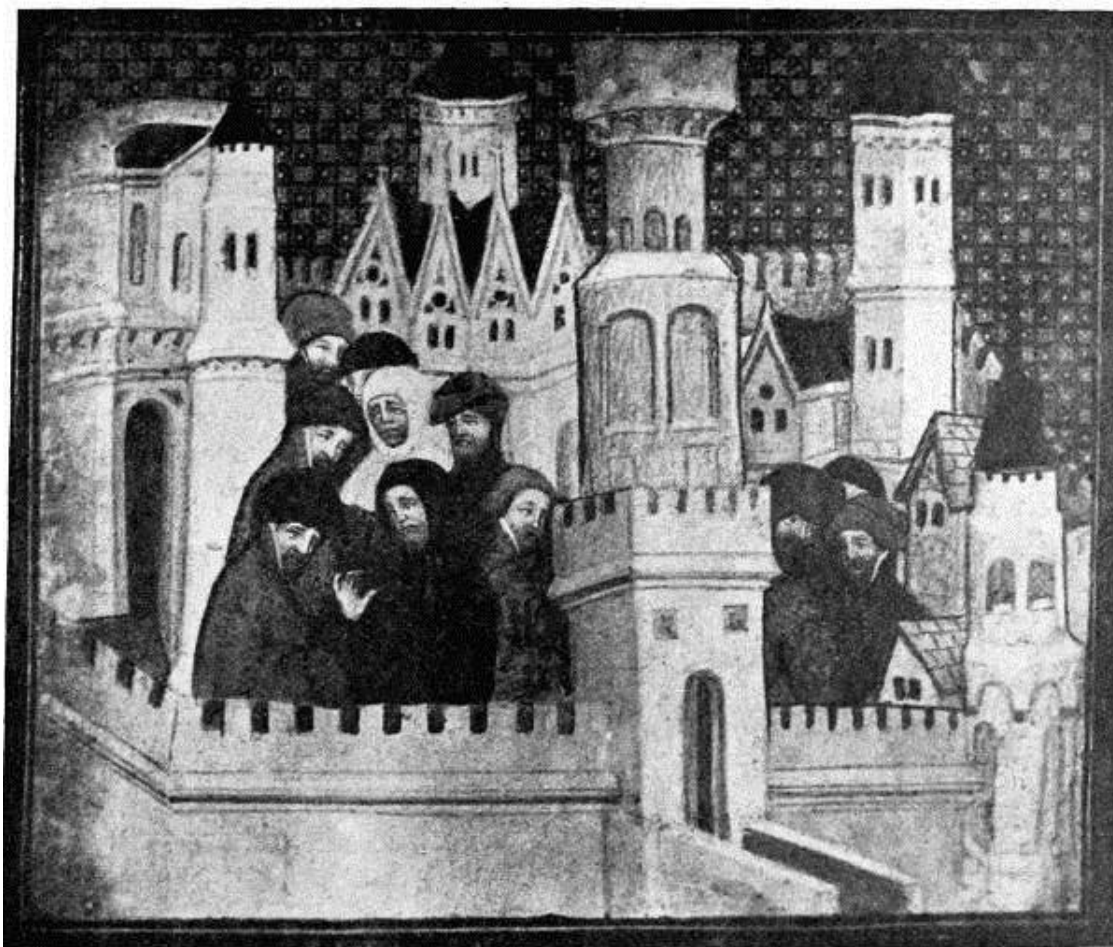
Тем временем Брембре, бежавший в Уэльс, был схвачен и доставлен в Лондон.

Суд над ним состоялся, как только собрался парламент. Против него было выдвинуто тридцать девять обвинений как против одного из членов Совета короля. Он попросил отсрочки, чтобы подготовить ответ. Получив отказ, он предложил пари на бой. Все присутствующие лорды и общинники бросили перчатки, но было решено, что это не тот случай, когда нужно устраивать испытание боем.

Судебное разбирательство возобновилось на следующий день, и присутствовавший на нем король полностью высказался в пользу заключенного. Дело было передано в руки комиссии лордов, которые вынесли вердикт о невиновности. Но они не собирались позволить Брембре сбежать. Они послали за мэром и олдерменами. Так (цитирую Р. Р. Шарпа):- "Можно было подумать, что с Николасом

"Можно было подумать, что с Николасом Экстоном, его старым другом и союзником, который будет выступать в его защиту, жизнь Брембре будет, по крайней мере, спасена, даже если он не будет полностью оправдан. Однако это было не так. Мэра и олдерменов спросили, по их *мнению* (а не по их осведомленности), был ли Брембре осведомлен о некоторых вопросах, и они высказали *мнение*, что Брембре скорее был осведомлен о них, чем нет. Обратившись затем к регистратору, лорды спросили его, как обстоит дело с законом в таком случае? На что тот ответил, что человек, знавший о таких вещах, которые были вменены Брембре в вину, и не раскрывший их, заслуживает смерти. На основании таких доказательств 20 февраля Брембре был признан виновным и приговорен к казни. Его провезли на дыбе через весь город к Тайберну, он демонстрировал свое раскаяние и убедительно просил всех молиться за него. В

последний момент он признался, что его поведение по отношению к Нортгемптону было гнусным и нечестивым. Когда он просил помилования у сына Нортгемптона, "его внезапно отвернули, и палач, перерезав ему горло, умер". (London and the Kingdom, vol. i. p. 237.)

РИЧАРД II. СОВЕТ С ДРУЗЬЯМИ В ЗАМКЕ КОНВЕЙ
MS. Harl. 1319.

История Брембре показывает, что он был сильным человеком, по крайней мере, бесстрашным в то время, когда обвинения в измене легко придумывались и безжалостно применялись, когда король, его защитник, был молод и слаб, а другая сторона, на которой были лондонские ремесленники, была сильна и хорошо организована.

Рассматривая долгую борьбу ремесленников против своих работодателей, мы не должны забывать о некоторых соображениях.

На самом деле было неизбежно, что мастера, работодатели, будут контролировать, как я уже отмечал, каждое ремесло. Люди, совершенно не знающие самых грубых принципов политической экономии, живущие от недели к неделе, не требующие ничего, кроме недельной зарплаты и дешевой еды, вскоре начали задаваться вопросом. Почему всем должны управлять хозяева? Почему люди не должны сами распоряжаться своей зарплатой и своим рабочим временем? Вопросы, которые мы слышим вокруг себя сегодня, задавались шестьсот лет назад. Рабочие создавали свои объединения, или союзы, и продолжали пытаться их создать; количество зафиксированных случаев, которые, конечно же, не являются полным числом или чем-то

подобным, доказывает глубокое и повсеместное недовольство и угрюмую решимость рабочих взять, если возможно, управление своим трудом в свои руки. Они потерпели неудачу, однако их поражение было абсолютным и полным. Они предстали перед мэром и олддерменами; их объединения были распущены; они были отправлены обратно в свою компанию; ни одному союзу, или ассоциации, или объединению рабочих людей не было позволено находиться в Лондоне за пределами компании. В качестве примера можно привести случай с Дэвидом Брекенхофом. Этот человек вместе с полудюжиной других предстал перед мэром по обвинению в восстании против работодателей. Они отделились от компании, покинули отведенные им жилища, сняли дом в другом приходе, устроили здесь мастерские, созывали собрания других рабочих, сами назначали себе заработную плату, набросились на одного из мастеров, который пришел с ними объясняться, и ранили его; спасли своих товарищей от ареста, когда их схватили городские сержанты. Как вы понимаете, это были очень решительные действия, объединенные с собраниями других рабочих и подкрепленные призывом к оружию. Приговор мэра показывает, насколько серьезно относились к опасности. Он не осмелился вызвать дух мести среди рабочих. Преступники остались безнаказанными, им просто велели оставить свой дом, вернуться в свою компанию и послушно приступить к работе. И вот Дэвид Брекенхоф и его бунтари снова исчезают, и мы больше о них не слышим. И до девятнадцатого века в Лондоне больше не было объединений рабочих людей.

С учетом современных представлений этот отказ ремесленникам в объединении кажется тиранией. Однако мы должны вернуться к идеям тринадцатого века. Предположения, теории, вера в то, что рабочие классы должны иметь право голоса в управлении своими делами, если и сохранились в Лондоне тринадцатого века, то это были отголоски Народного мота, Гражданского парламента на Полс-Кросс. Народный мот все еще существовал; его использовали в партийных целях; он не имел реальной власти, но сохранял память о ней. Он перестал проводиться после XIII века; он угас, когда был создан Суд общего собрания, и знаменательно, что когда старый Народный парламент перестал собираться, мы больше не слышим о восстании рабочих людей против компаний.

Горожанин вроде Уиттингтона думал и говорил примерно следующее: "В большом городе правящий класс должен быть богатым, просвещенным и образованным. Оно должно знать торговые порты, спрос на импорт, рынки для экспорта, пределы производства, цифры, необходимые для определения заработной платы и розничной цены. Кроме того, в век искусственной вежливости он должен понимать, что такое хорошие манеры, и не бояться предстать перед королями. Что касается людей другого сословия, которые не имеют никаких знаний, кроме одного ремесла, то для государства лучше, чтобы они находились под властью и управлением". И в меру своих сил Уиттингтон, который был суровым магистратом, но справедливым человеком, действительно держал народ под властью и управлением. Я считаю, что средневековые хозяева, как правило, были благосклонны; они заботились о своих людях; они давали им зарплату, которая позволяла жить на более высоком уровне, чем любой другой рабочий человек в мире; они заботились о стариках и воспитывали молодых.

Что касается меня, то я не могу не думать, что если бы ремесленники тогда добились своего, то результат был бы катастрофическим для судьбы Сити. Лондон стал бы еще одним Гентом или Брюгге; сейчас он был бы городом заброшенной торговли. Время еще не было готово для правления народа народом. Им требовалось образование, опыт, страдания, прежде чем они смогут править. Пока они ничего, абсолютно ничего не понимали в свободах; они не хотели ничего, кроме контроля над своей работой. Одним словом, я считаю, что взгляды Уиттингтона были правильными для человека его времени.

ГЛАВА VI

ВЕК НЕУВЕРЕННЫХ ШАГОВ

Был ли мэр избран сразу после уступки Коммуны или через год или два, как это произошло в некоторых французских городах, не имеет большого значения. Важно то, что даже после его избрания и избрания Совета его полномочия были неопределенными. Во времена правления Ричарда Первого, когда он даже не был признан королем, мы можем понять, что мудрый мэр не стал бы стремиться к возвеличиванию своего поста; безопаснее было бы позволить Коммуне спокойно существовать, чтобы приучить короля к ее существованию. Именно такой политики, как я понимаю, придерживался Генри Фиц-Эйлуин, первый мэр, на протяжении трех и двадцати лет своего пребывания на посту.

Можно предположить, что обязанности и полномочия гильдии купцов сразу же перешли к мэру и его совету. Но каковы были обязанности этого органа? Каковы были его полномочия? Каковы были его пределы? Чтобы показать неопределенность в этом вопросе, вспомним, что когда мэром был Уолтер Херви, он выдал хартии некоторым ремеслам. Не оспаривалось, что мэр не имел права выдавать хартии, но то, что эти хартии не имели силы после того, как его мэрство подошло к концу. Полномочия мэра были пока неопределенными; не считалось желательным ограничивать или слишком строго определять их. Поэтому право мэра выдавать хартии не подвергалось сомнению. В то же время, несомненно, считалось, и совершенно справедливо, что если один мэр будет выдавать хартии, не посоветовавшись с олдерменами и более "осмотрительными" горожанами, это может нанести городу непоправимый вред.

И все же, сто лет спустя, мы видим, как ремесленники разрабатывают ордонансы для регулирования своих ремесел и молят о том, чтобы они были приняты и переданы под защиту мэра и олдерменов. Тем временем, очевидно, власть и полномочия мэра были определены более четко. Статуты, переданные под его защиту, были также переданы под защиту Суда олдерменов.

Еще один момент, иллюстрирующий неопределенность, внесенную новым порядком. В 1200 году, согласно книге, которая станет текстом этой главы, Совет из двадцати пяти "самых благоразумных людей города" был приведен к присяге, чтобы помогать мэру. Раунд, как мы видели (стр. 18), показывает, что их было не двадцать пять, а двадцать четыре; он обнаружил их клятву, которая ничуть не напоминала клятву олдермена; и он привел другие примеры такого Совета. Так что не может быть никаких сомнений в его существовании. Теперь в той же книге, где записано его создание и ведется летопись города вплоть до 1273 года, нет ни слова об этом Совете. Мы слышим об олдерменах, о более сдержанных гражданах, о главных горожанах. Но ни слова о Совете. Таким образом, либо, во что трудно поверить, Совету позволили прекратить свое существование, либо, что гораздо более вероятно, он был чисто гражданским органом, не признанным хартиями и не имевшим никаких юридических полномочий; органом, который приобрел свою значимость благодаря мэру года и был скорее чем-то вроде частного консультативного комитета, с которым мэр мог советоваться, если хотел, или которым он мог пренебречь, если хотел.

Книга, которую я назвал учебником для данной главы, - это Хроника, напечатанная Камденским обществом по Liber de Antiquis Legibus Арнольда ФицТедмара. Из всех средневековых документов, связанных с историей Лондона, эта книга, пожалуй, самая важная. Ведь это работа современника, того, кто принимал участие в событиях, которые он

описывает, сильного сторонника, но справедливого к своим врагам; очевидно, человека высочайшей чести и принципов, и такого же осудителя простых людей, как любой старый тори 1832 года.

История его семьи показывает, с какой легкостью в двенадцатом веке иностранцам разрешалось проживать, торговать и становиться гражданами лондонского Сити.

Его дед, по имени Арнальд, или Арнольд, или Арнульф, был кельнским купцом. Он женился на некоей Оде из того же города, с которой прожил несколько лет без детей. Однако, услышав о чудесах, ежедневно совершаемых святым Томасом Бекетом, супруги пересекли море и совершили паломничество к святыне в Кентербери, прося святого о благосклонности в вопросе потомства. Сделав это, они отправились дальше, чтобы посетить знаменитый лондонский Сити. Здесь жена обнаружила, что святой Томас услышал и исполнил ее молитвы. Соответственно, пара оставалась в Лондоне до рождения ребенка. Затем они купили дом и полностью остались в Лондоне. У них родилось одиннадцать детей, шестеро из которых умерли молодыми. Одна из оставшихся в живых дочерей - Джулиана - вышла замуж за уроженца Бремена, также купца-резидента в Лондоне. Младший сын, Арнольд, и был автором рассматриваемой нами хроники. Чудесный сон, с гордостью рассказывает он, сопровождал его рождение. Большинство средневековых семей могли с гордостью рассказывать о чудесных вмешательствах и снах. В данном случае, как говорит сам Арнольд, разница между деревянным поленом и мраморной плитой, из которых состоял сон, была известна только Богу. На этом можно и закончить.

Арнольд стал человеком с большим состоянием. Он был олдерменом, а когда город был оштрафован Генрихом на 20 000 марок и на 1000 марок за его брата, Ричарда из Алмейна, его таллаж составил 132 марки, или почти сто пятую часть от всей суммы. Обложение происходило следующим образом: сначала он платил четыре марки и сорок пенсов за свой дом, затем 20 марок "по расспросам соседей", потом прибавку в пять марок, после чего Джон Уолеран, констебль Тауэра, и Уильям Хазелбех, комиссар, назначенный королем, начисляли единовременную сумму в 100 марок. После этого - полмарки, а затем пятнадцать шиллингов с его ренты. Из этой оценки следует, что основную часть штрафа должны были заплатить зажиточные люди. У Арнольда было много проблем с бизнесом, ему досаждали Уолтер Херви и Генри Уэйлис, сменяя друг друга, за то, что он не платил достаточно. Однако он получил защиту сначала от короля Генриха, а затем от короля Эдуарда.

Теперь перейдем к тому, чтобы на основе книги Арнольда показать "неуверенные шаги" Сити в течение века нового порядка.

Должность олдермена выходила из стадии наследственности; в народе было распространено мнение, что городские должности должны занимать только при хорошем поведении. Так, в 1216 году Джейкоб Олдермен (не было ли у него другого имени по профессии или рождению?), будучи мэром, был смещен королем и назначен другой мэр. Мы видели, что в 1233 году Саймон ФицМэри был лишен своего шривалти за растрату городского имущества. В 1248 году тот же гражданин был лишен олдерменства за связь с Марджерии Вайел. В 1254 году из-за побега преступника шерифы были лишены должности. В 1257 году восемь олдерменов были низложены за предполагаемые злоупотребления.

Список из шестидесяти двух имен, приведенный в Приложении III, спасает от забвения почти столько же олдерменов тринадцатого века. Если всмотреться в эти имена, то можно с некоторой степенью уверенности выделить те, которые принадлежат к аристократической партии, включая старые городские семьи и некоторые из тех, что стали натурализованными. Так, мы имеем Aswy, Basing, Blunt, Bukerel, Farndon, или Farringdon, Fulk, Gisors, Hardel,

Haverhill, de Lisle, Renger, Sperling, Rokesley, Tovy, Tidmar (один Арнольд ФицТедмар), Vyel и т. д., около трети от общего числа.

Далее мы находим некоторые имена без фамилий, такие как Адриан, Эдмунд, Джеффри, Мэтью; мы с уверенностью можем заключить, что они принадлежали к ремеслу; такие имена, как ФицМэри и ФицЭлис, которые указывают на мать, но не на отца; имена, где отцовское имя также является христианским, как Томас ФицТомас, который, как мы знаем от ФицТедмара, принадлежал к народной партии; названия профессий, как Кордвайнер, Феррун и Поттер. Все они могут быть отнесены к народной партии, и на их долю приходится еще почти треть. Остается около двадцати пяти имен, которые являются местными, как, например, Уильям де Херефорд, о котором трудно сказать с уверенностью. Однако несомненно, что в тринадцатом веке уже многое было сделано для разрушения олигархии и прихода к власти народной партии.

РИЧАРД II. И ЕГО СВЯТЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ

С репродукции современной картины, хранящейся в Уолтон-Хаусе, принадлежащей Арундельскому обществу.

Не приходится сомневаться в том, что Генрих на протяжении всего своего правления был настроен враждебно по отношению к Сити. С другой стороны, надо признать, что Сити, с его беспокойством и претензиями на привилегии и свободу, доставлял деспотичному монарху немало беспокойства. Главным оружием Генриха было взять город в свои руки, то есть сместить мэра и шерифов, лишить олдерменов их полномочий и назначить старосту. В 1245 году, обвиненный в укрывательстве предателя, Генрих захватил город, восстановив Хартию после наложения штрафа в 1000 фунтов стерлингов. В 1247 году, во время знаменитого дела Марджери Вайел, король снова взял город в свои руки (см. [с. 46](#)). Также в 1249 году, после бурных выступлений населения против аббата Вестминстера; в 1254 году, по причине несоблюдения хлебной ассамблеи, действительно вызванной ссорой между Ричардом Альмейнским и городом; в 1259 году, когда город отказался платить "золото королевы"; в 1257 году, когда "Зеленый" вал дал повод для расследования таллажей; в 1263 году, после битвы при Эвешеме; в 1265 году, причина не указана; в 1266 году, после того как Глостер удержал город. Это значительный список преступлений и наказаний.

Что касается выборов на городские должности, то здесь было много неопределенности и много изменений. В 1265 году был разрешен только один шериф. В 1267 году городу было приказано избрать и представить королю шесть человек, из которых король должен был выбрать двух шерифов.

Народная соринка использовалась на протяжении всего этого периода как оружие против аристократической партии. Народные лидеры, Уильям Длинная Борода, Томас Фицтомас, Уолтер Херви, все использовали народную мольбу. Король использовал его, в частности, после дела о "Зеленом рулоне", когда он послал Маунселла убедить народ в том, что ему угодно. Именно на народном моте в 1241 году и на другом в 1259 году король официально покинул город, прежде чем отправиться в Гасконь. Томаса Фиц-Томаса обвиняли в том, что он баловал народ, называя его "общиной города", собирал его на Народном моле, спрашивал, какова его воля, не советуясь с олдерменами. Так что люди объединялись, врывались в дома ростовщиков, устраняли посягательства, открывали права на проезд и многими другими способами демонстрировали грубое, но решительное желание добиться справедливости. В 1271 году, после спорного избрания Уолтера Херви, народ снова поднял крик: "Мы - общины города. Нам принадлежит избрание мэра".

Несмотря на всю эту очевидную тиранию, можно с уверенностью сказать, что король всегда признавал важность Лондона. Он поддержал Сити в их решимости не допустить разорения рыбных промыслов на Темзе; он удовлетворил их вполне разумную просьбу о том, чтобы евреи, "содержащиеся под гарантией в Writ of Exchequer", могли выступать перед горожанами по поводу владений в Лондоне и чтобы еврейские "cheirographs", то есть хранители "starrs", или дел и заветов евреев, были облагаемы налогом, как все остальные люди. Его брат Ричард, несмотря на постоянные разногласия с городом, написал самое дружелюбное и интересное письмо о своем приеме в Германии. Когда король ввел новую золотую монету, он прислушался к совету Сити по поводу этой меры, и поскольку они были против, он сделал необязательным, примет ли народ золотую монету или нет. Он удовлетворил просьбу города о том, чтобы дела горожан, связанные с долгами, рассматривались только в городе и перед шерифами. В 1268 году, когда король предоставил своему сыну Эдуарду таможенные пошлины на все, что ввозится в Англию или вывозится из нее, а Эдуард сдал их в аренду некоторым итальянцам, Город подал прошение принцу

против продолжения этого бремени. Принц отказался от этой привилегии и тем самым облегчил положение города.

Из этой короткой хроники можно было бы извлечь еще многое. Однако и этого достаточно, чтобы показать неуверенность города в течение первого века нового порядка: народ всегда был готов отстаивать свои права, мнимые или реальные, как общинники; олдермены, как правило, отстаивали старые права; король обижался, часто, надо признать, заслуженно, и мстил, беря город в свои руки, штрафами, показаниями, отказами в приеме мэра или шерифов; Ничего не решено относительно прав и методов процедуры выборов, пребывания в должности, власти и полномочий мэра, а о новом Совете из двадцати четырех человек, как я уже сказал, ни слова.

В следующей главе мы должны будем рассмотреть город в его новой форме правления, после того как будут определены полномочия различных должностей и установлен порядок выборов.

ГЛАВА VII

ПОСЛЕ КОММУНЫ

В 1419 году от Рождества Христова Джон Карпентер завершил свой большой труд о временном управлении лондонским Сити - Liber Albus. Именно в этом труде мы находим единственное полное описание управления городом, каким оно было в начале пятнадцатого века, со всеми должностными лицами, их обязанностями и ответственностью, а также законами, которыми руководствовались горожане.

Автор был городским клерком с 1417 по 1438 год. Он дважды был членом парламента от города; был душеприказчиком Уиттингтона; похоронен в церкви Святого Петра на Корнхилле.

Сама книга и копия, сделанная в 1582 году, хранятся в крипте Гилдхолла. Райли, просмотревший копию, говорит, что она изобилует ошибками, которые так и не были исправлены. Его собственный перевод был сделан с оригинала, который уже давно утратил ту чистоту аспектов, от которых он получил свое название. Кто-то написал на обложке следующие латинские строки:

"Qui 'Liber Albus' erat, nunc est contrarius albo,

Factus et est unctis pollicibusque niger.

Dum tamen est extans, istum describite librum;

Ne, semel amisso, postea nullus erit.

Quod si nullus erit-nonnulla est nostraque culpa-

Hei! pretii summi, perdita gemma, Vale!".

Замысел произведения изложен самим Джоном Карпентером следующим образом

"Ибо, поскольку несовершенство человеческой памяти и краткость жизни не позволяют нам получить точные сведения обо всем, что заслуживает памяти, даже если это было зафиксировано в письменном виде, тем более, если это было зафиксировано без порядка или расположения, и тем более, если такого письменного отчета не существует; Видя также, что, когда, как это нередко случалось, все престарелые, самые опытные и самые благоразумные правители Лондонского королевского города сгинули в одном и том же месте, как бы от моровой язвы, молодые люди, сменившие их в управлении городом, в разных случаях часто оказывались в растерянности из-за отсутствия таких письменных сведений; Результатом чего неоднократно были споры и недоумения среди них относительно решений, которые они должны принимать; уже давно было признано необходимым, как высшими властями упомянутого города, так и подчиненными, чтобы из более примечательных меморандумов, которые лежат разбросанными без порядка и классификации по всем книгам и спискам, а также хартиям упомянутого города, был составлен том - из-за того, что он содержит постановления города, он может быть назван "Реперториум". И так как подобный замысел по неизвестной причине, если, конечно, речь не идет о чрезвычайной трудоемкости этого дела, до сих пор не был приведен в исполнение, то теперь, по милости нашего Господа, этот том наконец-то составлен, и это произошло во время правления этого выдающегося человека, Ричарда Уитнингтона, мэра упомянутого города; то есть в месяце ноябре, в год Воплощения Господа нашего тысяча четыреста девятнадцатый, то есть в седьмой год правления короля Генриха, пятый по счету со времен Завоевания; Содержащий в себе не только те похвальные предписания, которые, хотя и не записаны, обычно соблюдались и одобрялись в упомянутом городе, дабы впредь они не были преданы забвению, но и те достойные внимания памятки, которые были записаны, но лежат в беспорядке, как уже упоминалось выше; дабы, выяснив их, высшие власти упомянутого города, равно как и подчиненные, могли впредь с большей точностью знать, что следует делать в редких и необычных чрезвычайных обстоятельствах."

УИТТИНГТОН И ЕГО КОТ

С небольшой каменной статуи в музее Гилдхолл.

В этой главе я намерен привести такие выдержки, цитаты и сокращения из книги, которые позволят объяснить в общих чертах, избегая мельчайших подробностей, которыми переполнена книга, характер управления городом во времена Уиттингтона.

Сначала автор рассматривает должности мэра, олдермена и шерифа. Должность мэра, говорит он, не обращая внимания на тонкости законов графства и коммуны, первоначально называлась Портгрейв или Портрив; он был представителем короля в городе, эсквайром, камергером и юстициаром, а также Портривом. Согласно Хартии Генриха III, баронам [города¹¹](#) была подтверждена привилегия ежегодно избирать своего мэра. Выборы мэра были событием, которого очень боялись из-за опасности беспорядков, если бы народу позволили буйно ворваться в Гилдхолл. Поэтому возник обычай, согласно которому мэр, олдермены и шерифы собирались вместе за несколько дней до выборов и так распоряжались делами, чтобы избежать опасности. Они выбрали несколько благоразумных граждан, по столько человек от каждого округа, и призвали их присутствовать на выборах в день святого Эдуарда, короля и исповедника, и в этот день в Гилдхолл не пускали никого, кто не был бы призван.

СМЕРТЬ УИТТИНГТОНА

Из MS. 1421 г., хранящегося у Мерсерской компании.

Между олдерменами и wybranнми таким образом простолюдинами возникли разногласия: последние требовали назначить мэра. Олдермены, однако, отказались удовлетворить это требование, сославшись на то, что они тоже являются горожанами и, следовательно, имеют право голоса. Поэтому они пришли к компромиссу, по которому простолюдины, находящиеся в одном конце зала, выдвинули двух олдерменов, которые уже выполняли обязанности шерифов, и представили их имена мэру и олдерменам в другом конце зала, которые приступили к избранию одного из них.

В первые годы мэрства один и тот же мэр часто переизбирался; причина такого обычая заключалась в том, что поначалу должность не приносила никаких расходов; когда же мэру пришлось давать ливреи, проводить скачки, содержать слуг и устраивать пиры, расходы оказались слишком велики, чтобы один человек мог продержаться больше года. Когда вошло в практику, что мэр уходит в отставку через год, тогда, и только тогда, олдермены пошли на то, чтобы предложить ему второй срок в качестве комплимента.

"Наступил праздник апостолов Симона и Иуды, и около десятого часа по часам мэра, все олдермены, одетые в плащи фиолетового цвета, и многочисленные простолюдины собрались в Гилдхолле. Тишина и внимание были призваны Общим глашатаем, иначе говоря, оружейным сержантом, и должным образом соблюдены, после чего регистратор, сидящий по правую руку от мэра, объявил народу, что, согласно древнему обычаю города, в этот день тот, кто станет мэром на следующий год, должен принести присягу. Затем по обычаю он похвалил уходящего мэра по тем пунктам, которые заслуживали похвалы; и мэр, если ему было что сказать, тоже был должным образом выслушан. После этого уходящий мэр освобождал свое место, а избранный мэр занимал его; прошлый мэр, однако, садился рядом с ним, по левую руку. Затем сержант-оруженосец, держа перед собой книгу с календарем, на внешней стороне которого было изображено распятие, а он тем временем положил руку на книгу, зачитал ему клятву, которую он должен был принести на следующий день в королевской казне. Когда он дал обещание и должным образом поцеловал книгу, старый мэр передал ему печать Статута купца вместе с печатью мэрии, вложенные в два кошелька. Новый мэр был также выслушан, если ему было что сказать, чтобы попросить помощи у своих коллег-олдерменов на время его работы, а также у шерифов и значительных людей из общины для лучшего управления городом".

На следующий день мэр принес присягу в Казначействе.

"На следующий день после праздника апостолов Симона и Иуды, если этот день не был воскресеньем - в этом случае его заменял следующий понедельник, - по обычаю, как новый, так и прошлый мэр, а также олдермены, облачались в такие же мантии, в присутствии шерифов, и столько же людей в ливреях мэра и нескольких таинств, одетых в соответствующие костюмы, собирались на лошадях на площадке перед Гилдхоллом около девяти часов, причем меч несли прямо перед лицом, назначенным на пост мэра. Выехав оттуда, они вместе проехали по Чепе, через ворота Ньюгейта, а затем, свернув на Флит-стрит, направились в Вестминстер.

Прибыв туда, мэр, олдермены и шерифы сошли с коней и, предшествоваемые булавоносцами и меченосцем мэра, поднялись в зал Казначейства, где находились канцлер, казначей, хранитель королевской тайной печати и бароны Казначейства. Затем мэр, олдермены и шерифы встали у барной стойки, и регистратор заявил, что лондонский Сити, в соответствии со своими древними обычаями и свободами, избрал Н. мэром на следующий год, попросив баронов от имени Сити принять избранного человека, который тогда и сейчас явился лично. В ответ на это главный барон или его представитель отвечал, что им угодно это сделать, мэру вручалась книга, приложив руку к которой, он приносил ту же клятву, что и в Гилдхолле".

Эта клятва полностью приведена в Liber Albus, и мы можем сравнить ее с клятвой олдермена на с. 78.

"Ты должен поклясться, что хорошо и законно будешь служить нашему лорду королю в должности мэра в Лондонском Сити, и этот же Сити ты будешь уверенно и надежно хранить в интересах короля Англии и его наследников, королей Англии; и прибыль короля ты будешь делать во всем, что тебе принадлежит делать, и права короля, в той мере, в какой они принадлежат короне в пределах упомянутого Сити, ты будешь законно хранить. Вы не должны соглашаться на уменьшение или сокрытие прав или франшиз короля; и если вы узнаете, что права короля или короны, будь то на земли, или на ренту, или на франшизы, или на иски, будут скрыты или изъяты, вы должны всеми силами противодействовать этому; а если вы не сможете этого сделать, вы скажете об этом королю или тем из его Совета, о которых вы должны быть уверены, что они скажут об этом королю. И что законно и

справедливо вы будете обращаться с жителями вашего бейливика и правильно поступать с каждым из них, как с чужеземцами, так и с жителями, как с бедными, так и с богатыми, в том, что принадлежит вам делать; и что ни за высочество, ни за богатство, ни за обещание, ни за благосклонность, ни за ненависть вы никому не сделаете зла; ни права кого-либо вы не нарушите, ни возьмете ничего, от чего король может проиграть или чем его право может быть нарушено. И что во всем, что касается мэра упомянутого города, так же как и в регулировании питания, так и во всем остальном, вы будете вести себя хорошо и законно - да поможет вам Бог и святые".

Сделав это, главный барон Казначейства от имени короля и лордов поручил мэру особо охранять мир и спокойствие в городе, а затем, в меру своих сил, осуществлять надзор за продавцами всех видов провизии, чтобы публика не страдала от чрезмерных цен. И после этого было принято, чтобы покойный мэр представил себя готовым к отчету за свою должность эсквайра; после чего он также был приведен к присяге, чтобы дать хороший и верный отчет об этой должности, назначив там человека, которого он мог бы счесть нужным, чтобы действовать в качестве своего поверенного при сдаче счетов.

Мэр и олдермены, от имени города, назначили члена Казначейства поверенным упомянутого города, чтобы оспаривать и требовать свои вольности, когда того потребует необходимость; после чего, получив разрешение от их светлостей, они удалились. Таким же образом в Общей коллегии они назначили одного из ее членов поверенным города. Но в Королевской скамье у них был обычай назначать двух поверенных, совместно и по отдельности, чтобы они отстаивали вольности и древние обычаи упомянутого города, как и когда того потребует необходимость. Покончив с этим, они вернулись, и общинники отправились на лошадях компаниями, одетые в костюмы своих соответствующих тайн. Те же, кто был членом мистерии, к которой принадлежал мэр, а также те, кто был в его ливрее, проследовали перед мэром. Никто, однако, не подходил к мэру так близко, чтобы между ними оставалось заметное пространство, в то время как оружейные сержанты, булавоносцы и меченосец шли перед ним, причем один шериф - по правую руку, а другой - по левую, держа в руках белые жезлы. Далее по порядку следовали регистратор и другие олдермены, которые сопровождали его через середину рынка Уэстчепа до его дома, после чего они вернулись домой, столько, сколько не было приглашено на пир.

КРОССБОУМАН

В тот же день, после обеда, по обычаю, новый мэр отправлялся из своего дома в церковь Святого Томаса де Акона, а его ливрея следовала за ним; после того как там собирались олдермены, они вместе направлялись в церковь Святого Павла. По прибытии туда, на месте, а именно в середине нефа церкви, между двумя малыми дверями, было принято молиться за душу епископа Уильяма, который, как говорят, своими мольбами добился от его светлости, Вильгельма Завоевателя, больших свобод для Лондонского Сити; священник повторял *De Profundis*. Затем они отправились на церковный двор, где покоятся тела родителей Томаса, покойного архиепископа Кентерберийского; там они также повторили *De Profundis* и т. д. от имени всех верных Божьих усопших, возле могилы его родителей, о которых уже говорилось. После этого они вернулись через рынок Чепе (иногда с зажженными факелами, если было уже поздно) к упомянутой церкви Святого Фомы, и там мэр и олдермены сделали подношение по одному пенни; сделав это, каждый вернулся в свой дом, и утро и вечер стали одним днем.

Далее мы переходим к должности олдермена. В старину олдермены не только носили титул баронов, но и были похоронены с баронскими почестями: - "Ибо в церкви, где находится олдермен, есть церковь, в которой он живет.

"Ибо в церкви, где собирались похоронить олдермена, появлялся человек на взнузданной лошади, одетый в доспехи покойного, со знаменем в руке и неся на себе щит, шлем и остальное оружие вместе со знаменем, как до сих пор принято при погребении лордов баронского ранга. Но из-за внезапной и частой смены олдерменов и постоянных эпидемий

эта церемония в Лондоне постепенно угасла и исчезла. Из этого, однако, видно, какие высокие почести воздавались олдерменам в древние времена".

Избрание олдермена происходило следующим образом.

"По обычаю, мэр отправляется в приход, который освободился, и в том месте, где обычно проводится вардмот этого прихода, вызывает к себе всех свободных людей, которые населяют этот приход, если сочтет нужным: и там немедленно, если они желают и могут, или в другой день, олдермен должен быть избран большей и более значительной частью из них, при условии, что пятнадцать дней не истекнут до проведения таких выборов; ибо в таком случае мэр обязан, и это было принято, с совета своих коллег-олдерменов, назначить какого-нибудь человека, честного, богатого и осмотрительного, олдерменом такого прихода. Кроме того, после избрания, как уже говорилось, жители такого округа обязаны представить избранного мэру и олдерменам для утверждения.

И если избранный, после того как он был принят, откажется принять или взять на себя эту обязанность, по обычаю города он теряет свою свободу; и он не может быть вновь принят в него без внесения значительного штрафа и выкупа. Если же избранный таким образом человек будет должным образом принят, то в этом случае он должен принести присягу, которая записана во второй части Книги III настоящего тома, лист 125; при условии, что если мэр и олдермены по какой-либо заметной причине не сочтут нужным принять избранного человека, то палата должна вновь приступить к проведению более подходящих выборов. Если же члены палаты откажутся сделать это, или если, по злобе и гордости сердца, они выберут другого человека, которого суд, принимая во внимание выгоду и честь города, не сможет настолько унижить, чтобы принять, то, как и в первом случае, мэр и олдермены, выждав пятнадцать дней, должны избрать и принять другого". (Liber Albus, pp. 35-36.)

Вот форма присяги, которую приносит вновь избранный олдермен:...

"Вы должны поклясться, что хорошо и законно будете служить нашему лорду королю в Лондонском Сити в должности олдермена в округе N, где вы избраны олдерменом, и будете законно обращаться и информировать жителей того же округа о тех вещах, которые им следует делать для сохранения города и поддержания мира в нем; и что законы, обычаи и права указанного города вы будете соблюдать и поддерживать в городе и за его пределами, согласно вашему уму и силе. И что вы будете внимательны к сохранению и поддержанию прав сирот, в соответствии с законами и обычаями указанного города. И чтобы вы были готовы и с готовностью приходили по вызову и предупреждению мэра и служителей упомянутого города, пока что, для ускорения заседаний, слушаний и судебных процессов, а также других нужд упомянутого города, если вам не помешают нужды нашего господина короля или другие разумные причины; и чтобы вы давали добрый законный совет по таким делам, которые касаются общей пользы в том же городе. И что вы не должны продавать в розницу никаких продуктов питания, то есть хлеба, эля, вина, рыбы или мяса, ни вы, ни ваши подмастерья, наемные люди, слуги или кто-либо другой; и вы не должны получать прибыль от любых таких продуктов питания, проданных во время вашей должности. И что хорошо и законно вы должны (вести себя) в упомянутой должности, и в других вещах, касающихся города.- Да поможет вам Бог и святые." (Liber Albus, p. 267.)

Раньше, говорит автор, приходы назывались по именам своих олдерменов, как приход Анкетиля де Оверна, приход Генри ле Фроуика и другие; но потом олдермены стали называться по именам своих приходов.

Личность олдермена была священна. Если человек ударял олдермена, ему отрубали руку; если он порочил олдермена, его подвергали грабежу и тюремному заключению.

Олдермен занимал свой пост пожизненно. Он был мировым судьей, почти деспотом, в своем приходе; ему подчинялись его офицеры или сержанты, и он председательствовал в суде, называемом приходским мотом, на котором выяснялось состояние прихода.

Шерифы избирались в день святого Матфея, 21 сентября.

"Что касается выборов шерифов, то мэр, регистратор, олдермены и общинники должны собираться в день святого апостола Матфея [21 сентября], как это предписано при выборах мэра; И прежде всего мэр должен выбрать по своей воле авторитетного человека, свободного от города, чтобы он был одним из шерифов на следующий год; за него он готов отвечать половиной городских ферм, причитающихся королю, если тот, кого изберет мэр, окажется недостаточным. Но если мэр изберет его по совету и с согласия олдерменов, то и они должны отвечать вместе с ним. И те, кто избран в Общий совет, сами, а также другие, созданные мэром для этой цели, как уже было объявлено, должны выбрать другого шерифа от общего собрания; за которого все общее собрание обязано отвечать в отношении другой половины фермы, причитающейся королю, если он окажется недостаточным. И если между общинами возникнут какие-либо разногласия по поводу выборов, то этот вопрос должен рассматриваться и обсуждаться таким образом, как указано в статье об "Общем совете" в 13-й главе этой Первой книги.

И если кто-либо из тех, кто будет избран шерифом, откажется или отлучится, чтобы не быть готовым в Гилдхолле в бдение Святого Михаила, следующее за этим, в десять часов, чтобы получить свое поручение, то немедленно взыскивается сто фунтов из имущества, земель и владений того, кто отлучится, одна половина в пользу Палаты, а другая половина в пользу того, кто будет внезапно избран и поручен по причине такого отступления. А если второй избранный откажется от обвинения, то все его имущество, земли и поместья будут арестованы на все расходы, связанные с этой должностью.

И старые шерифы должны прийти в Гилдхолл не позднее одиннадцати часов и передать мэру (не позднее, чем на общем суде мэра, который проводится после праздника Богоявления) все записи по искам, касающимся фригольдов, которые были поданы им в свое время, и все другие записи, касающиеся взысканий, понесенных любым человеком, под страхом штрафа в сто шиллингов, который должен быть взыскан с каждого из них и уплачен в пользу Палаты. Для этого мэр предупреждает их о дне, в который они получают свое поручение. Затем мэр передает [кокетку](#)¹² такому шерифу, которого он сам выберет, а записи - камергеру для надежного хранения". (Liber Albus, перевод Райли, стр. 39-40.)

Шерифы приносили следующую присягу

"Вы должны поклясться, что будете добры и верны N, королю Англии и его наследникам, а также франшизе Лондонского Сити, которую вы будете сохранять и поддерживать в Сити и за его пределами, в соответствии с вашими полномочиями; и что хорошо и законно вы будете держать графства Лондон и Мидлсекс, и должности, которые в тех же графствах

должны быть сделаны, хорошо и законно вы будете делать, согласно вашему уму и силе; и что право вы будете делать так же хорошо для бедных, как и для богатых; и что никакой добрый обычай вы не нарушите, ни злой не сохраните. И что хлебные, и эльские, и все другие приказы, которые к вам относятся, в пределах города и за его пределами, вы будете хорошо и законно выполнять и обеспечивать их выполнение. И что решения и исполнения вашего суда вы не должны задерживать без разумной причины и не должны нарушать никакого права; и что Writs, которые к вам придут, касаясь состояния и франшизы города, вы не должны возвращать, прежде чем не покажете их мэру, на данный момент, и Совету города, и не получите от них совета. И что вы должны быть готовы, по разумному предупреждению мэра, для сохранения и поддержания мира и состояния города. И что все прочее, относящееся к вашей должности и содержанию указанных графств, вы будете делать законно, вы и ваши, и указанный город сохраните от вреда, согласно вашему уму и силе. И что графство Мидлсекс или содержание Ньюгейтской тюрьмы вы не допустите, чтобы они были повреждены - да поможет вам Бог и святые". (Liber Albus, pp. 266-267.)

Когда шерифы были приведены к присяге, все их слуги должны были принести присягу: их сержанты, клерки, камердинеры, судебные приставы таможи и Мидлсекса, а также тюремщик Ньюгейта и его клерк; и в тот же день шерифы должны были отправиться в Ньюгейт и принять там заключенных, соблюдая условия присяги, что им не разрешается пускать тюрьму "в ход" и графство Мидлсекс.

Другими должностными лицами были регистратор, который по назначению должен был быть барристером не старше шестнадцати лет, камергер, сержант-юрист и общий клерк. Были и низшие должностные лица, клерки и сержанты.

Оставив чиновников, Джон Карпентер переходит к тому, как бароны и общество должны вести себя по отношению к королю и его юстициарам: другими словами, он говорит о способе получения королевских грамот и о подаче петиций по делам короны. Пропустим эти моменты, любопытные для антиквара, и перейдем к методам рассмотрения уголовных дел: - "Следует заметить, что

"Следует заметить, что в соответствии с древними свободами и обычаями Лондонского Сити в делах королевской короны существуют три чистки, посредством которых лица, подавшие апелляцию, обвиненные и подсудимые, обязаны оправдаться. Первый из них применяется в случаях убийства или убийства; такое очищение называется "Великим законом". Второй вид чистки применяется в случае убийства и известен как "средний закон". Третье очищение применяется в случаях нападения, побоев, изнасилования, нанесения ран, ударов, кровопролития и других повреждений подобного рода, нанесенных в сезон Рождества Господа нашего и в недели Пасхи и Пятидесятницы; такое очищение называется "Третьим законом".

Когда человек обязан очистить себя по Великому Закону, способ про цедирования в соответствии с этим законом таков: - Тот, кто так обжалуется, обвиняется и обвиняет, должен шесть раз принести клятву от своего имени, в своем собственном лице; для того, чтобы сказать, что каждый раз он невиновен и не виновен в преступлении и нарушении мира его господина короля, а также во всех преступлениях, вменяемых ему в вину, - "Да поможет ему Бог и эти святые Евангелия". После этого шесть человек должны принести клятву, что, насколько им позволяет совесть и понимание, клятву, которую он дал, является надежной и безопасной, - "Да поможет им Бог и эти святые Евангелия". И эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет исчерпано число шести с тридцатью присяжными; при этом необходимо следить за тем, чтобы в каждом случае обвиняемый приносил присягу первым, в

указанной выше форме, а затем, после него, шесть человек, пока не будет исчерпано упомянутое число.

УТРО АЗЕНКУРА

По картине сэра Джона Гилберта, хранящейся в картинной галерее Гилдхолла. С разрешения художника.

При выборе этих шести и тридцати человек процедура, согласно древнему обычаю лондонского Сити, должна быть следующей: обвиняемый отсутствует, необходимо выбрать восемнадцать человек с восточной стороны Уолброка и восемнадцать человек с западной стороны Уолброка, людей, которые не являются родственниками, кузенами или членами семьи обвиняемого, не связаны с ним браком или каким-либо другим способом, а только заслуживающими доверия людьми, имеющими право голоса в Сити. Имена этих лиц должны быть зачитаны обвиняемому, который, выслушав их, должен показать мэрам и баронам города имена тех из них, кого он подозревает. И если он покажет разумные основания против них, имена этих людей будут вычеркнуты из составленного списка, а вместо них будут выбраны другие, чтобы дополнить вышеупомянутое число и должным образом быть зачитанными перед ним. И когда обвиняемый будет удовлетворен внесенными именами, и будет приведен к ним, чтобы очистить себя от упомянутого обвинения, тогда, по совету города, он должен предстать перед Юстициарами его светлости Короля, в определенное время и в определенном месте, чтобы огласить и принять свой закон. Но в соответствии с древним обычаем Города, такой человек должен иметь передышку для составления своего закона на срок не менее сорока дней. И имена шести и тридцати человек, выбранных таким образом, должны быть переданы юстициарам его светлости короля.

При принятии Среднего закона процедура следующая: человек, а именно тот, кто обвиняется и привлекается к ответственности за разгром, должен трижды присягнуть от своего имени, в своем собственном лице, то есть каждый раз, что он невиновен и не виновен в этом преступлении и в нарушении мира своего господина короля, а также во всех

преступлениях, возложенных на него, - "Да поможет ему Бог и эти святыя Евангелия". После него шесть человек должны присягнуть, что клятва, которую он дал, является законной и безопасной, в меру их совести и понимания, - "Да поможет им Бог и святыя Евангелия". И эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет исчерпано число восемнадцати присяжных; при этом необходимо следить за тем, чтобы в каждом случае обвиняемый приносил присягу первым, в указанной выше форме, а затем, после него, шесть человек, пока не будет исчерпано упомянутое число.

При выборе этих восемнадцати человек должна соблюдаться та же процедура, которая изложена выше во всех вопросах, касающихся Великого закона, о котором говорилось выше.

При принятии Третьего закона процедура следующая: человек, обвиняемый в нападении, побоях, изнасиловании, ранениях, ударах, кровопролитии и других повреждениях подобного рода, нанесенных в указанные святыя времена, должен один раз принести присягу от своего имени, в своем собственном лице; в том, что он невиновен и не виновен в проступке, возложенном на него, и в нарушении мира его господина короля в указанные святыя времена, - "Да поможет ему Бог и эти святыя Евангелия". После него также шесть человек должны присягнуть, что клятва, которой он поклялся, является законной и безопасной, в меру их совести и понимания, - "Да поможет им Бог и эти святыя Евангелия". И да будет известно, что эти шесть человек должны быть выбраны из того района, в котором проживает обвиняемый; при условии, что они не будут ни двоюродными братьями, ни родственниками, ни членами его семьи, ни связаны с ним браком, ни каким-либо другим образом, но только заслуживающими доверия людьми из этого района и с правом голоса в этом городе. И имена таких людей должны быть зачитаны обвиняемому и т. д., как указано выше в Великом законе".

Старый обычай проведения Народного мота сохранялся, хотя его важнейшие функции теперь выполнял Общий совет: - "Три главных народных мота.

"В году бывает три главных фолькмота. Один - на праздник Святого Михаила, чтобы узнать, кто будет шерифом, и выслушать обвинения. Второй - на Рождество, чтобы распределить палаты. Третий - на праздник святого Иоанна (24 июня), чтобы защитить город от пожара из-за сильной засухи. Если кто-либо из жителей Лондона пренебрегает посещением одного из этих трех фолькмотов, он должен отдать королю сорок шиллингов. Но, по закону Лондона, шериф должен дознаться, кого он сочтет нужным, то есть узнать, находится ли он там или нет. А если кого-нибудь не окажется на месте, а его допросят, то такого человека следует вызвать на слушания, если он обязан соблюдать городской закон. Если добрый человек скажет, что его не вызывали, то это должно быть известно через беделя прихода. Если же постельничий скажет на слушаниях, что его вызывали, даже если будет доказано, что у постельничего нет другого свидетеля, ему не нужно иметь никаких свидетелей, кроме большого колокола, в который звонят на фолькмоте в соборе святого Павла".

Самым важным судом был тот, который назывался Hustings.

"Да будет известно, что все земли и владения, ренты и услуги в Лондонском Сити и его пригородах могут быть рассмотрены в Гилдхолле того же города на двух слушаниях, из которых одно называется "слушания земельных дел", а другое - "слушания общих дел"; эти слушания проводятся в упомянутом Гилдхолле перед

мэром и шерифами того же города в понедельник и вторник каждой недели; то есть в понедельник, для требования явки требующих, и для присуждения неявок, и для разрешения эссоинов; и во вторник, для присуждения неявок, и для состязаний - исключая определенные времена года и праздничные дни, а также другие разумные причины; в это время никакие слушания не могут проводиться, по обычаю вышеупомянутого города. Следует также знать, что слушания по земельным делам должны проводиться через неделю, а по общим делам - через неделю, в указанные дни; но в списках и названиях этих слушаний упоминается только понедельник".

Я обязан доктору Р. Шарпу во Введении к его Календарю завещаний за следующие дополнительные заметки о "Суде Хустинга". (1) Начнем с того, что это был единственный институт, который саксы позаимствовали у датчан. "Husting" = Hus-thing, дело, которое рассматривается в суде, а не под открытым небом.

Суд Хустинга упоминается в Законах Эдуарда Исповедника как место, где каждый понедельник проходит суд короля. Это самый старый суд в городе, и в свое время он был единственной инстанцией для разрешения споров между горожанами и жителями. После учреждения суда мэра и шерифа для разрешения личных дел все дела, затрагивающие законы, рассматривались в суде Хустинга. Это был апелляционный суд для суда шерифа, в то время как апелляции на решения могли рассматриваться определенными комиссарами в Сен-Мартен-ле-Гран. После этого можно было подать окончательную апелляцию в Палату лордов.

Долгое время суд заседал только по понедельникам. Так вошло в обычай заседать в понедельник для того, чтобы требовать явки ответчиков, выносить решения о неявке и разрешать *essoins*, то есть оправдания за неявку. Заседание во вторник предназначалось для вынесения решения о неявке и для подачи ходатайств. В конце концов, заседания по понедельникам были прекращены.

Во время ярмарок в Бостоне и Винчестере, а также в период сбора урожая суд не заседал.

Судьями в суде Хустинга были мэр и шерифы, а регистратор выступал в качестве заседателя для допроса свидетелей и вынесения предварительного решения. Поскольку суд не мог проводиться в отсутствие мэра, а это иногда причиняло большие неудобства, в 1584 году был принят закон, согласно которому, если лорд-мэр не может присутствовать на заседании по болезни, его может заменить любой олдермен, занявший кафедру. Но уже в XIII веке вошло в обычай, что любой олдермен мог присутствовать на хустинге и выступать в качестве судьи.

Должностное лицо, вызывавшее олдерменов в суд, должно было продемонстрировать свое уважение к ним и к суду, оседлав лошадь стоимостью не менее ста шиллингов.

Городской клерк был секретарем.

Адвокатами, работавшими в суде, были четыре городских адвоката; поверенными - клерк мэра.

Читатель может обратиться к страницам доктора Шарпа за подробным описанием общих дел и судебных решений, используемых в этом суде.

Иностранцы могли быть допущены к свободе города только через этот суд.

Споры о строительстве решались этим судом.

Это было даже место для публичного покаяния. Лжесвидетельство наказывалось заключением в тюрьму до следующего хустинга, когда преступника ставили на высокий табурет перед всем народом, а его преступление зачитывали вслух. После этого его отпускали на свободу.

В этом суде регистрировались акты и завещания.

В этом суде земля передавалась способом, "описанным Блэкстоном как разновидность реального контракта, при котором торговец за определенное денежное вознаграждение заключает сделку и продает, то есть заключает договор о передаче земли получателю, и становится по этой сделке доверенным лицом или владельцем для использования получателем, а затем Статут об использовании завершает покупку; другими словами, сначала сделка обеспечивает использование, а затем Статут обеспечивает владение". (Календарь завещаний, i. 23.)

Завещание, естественно, принадлежало суду, который регистрировал завещания.

Суд брал на себя опеку над сиротами. Лондонский горожанин имел право завещать только часть своего имущества; определенная его часть, по его желанию или без него, переходила к его вдове и детям. Это ограничение было снято только вторым актом Георга Первого. Вдова, например, по обычаю города, имела право на одну треть его имущества, дети - на другую треть, а остаток оставался в свободном распоряжении завещателя и назывался легатом или долей покойника.

Среди завещаний, зарегистрированных в суде Хустинга, Шарп упоминает следующие:- "1.

"1. Джон де Киркеби, епископ Эли, который наделил свою кафедру домами, виноградниками и садами, расположенными в Холборне, о чьем даре в наши дни напоминают названия Эли-плейс, Вайн-стрит и Кирби-стрит, а сады, являющиеся частью дара, вызывают в памяти известные строки, вложенные Шекспиром в уста герцога Глостера (Ричард III., акт iii. sc. 4):-

"Милорд Эли, когда я в последний раз был в Холборне,
я видел в вашем саду хорошую клубнику".

2. Уильям де Фарндон, олдермен Фаррингдонского округа, которому он дал свое имя, и Николас [ле Февр?], который женился на его дочери, взял его имя и стал олдерменом его округа, который он впоследствии передал по завещанию Джону де Пултенею, хотя последний, похоже, никогда не был олдерменом округа *де-факто*.

ФАКСИМИЛЕ ЗАГОЛОВКА СЧЕТА, 1575-1576 ГОДЫ, С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КУПЕРА ЗА РАБОТОЙ

Из иллюстраций компании "Куперс".

Более крупное изображение доступно [здесь](#).

3. Уильям де Элсинг, основатель Элсинг-Спиталя, на месте которого впоследствии был построен Сионский колледж с его альмаматер, один из немногих живописных реликтов старого Лондона, до недавнего времени сохранявшихся до нас, но теперь исчезнувших.
4. Уильям Уолворт, чья доблесть при мэре против мятежника Уота Тайлера в Смитфилде достаточно хорошо известна.
5. Сэр Джон Филпот, который был назначен совместным с Уолвортом казначеем для получения субсидии, предоставленной Ричарду II при его воцарении, и который получил рыцарское звание вместе с Уолвортом, Николасом Брембре и другими.
6. Джон Нортгемптон и Николас Экстон, так долго соперничавшие друг с другом, последний поддерживал Николаса Брембре в его стремлении сохранить монополию, которой пользовались свободные рыботорговцы Сити, в противовес первому.
7. Ричард Уайтингтон, четырежды мэр Лондона, чьи щедрые дары и благотворительные акции не нуждаются в описании, поскольку они уже стали привычными.

8. Джон Колет, декан собора Святого Павла, сэр Эндрю Джадд, сэр Эндрю Лакстон и многие другие, чьи имена связаны с делом образования не только в лондонском Сити, но и во всех частях страны.

9. Сэр Мартин Боус, богатый и благотворительный ювелир, чьи альманах в Вулвиче до сих пор свидетельствует о его щедрости, и который завещал мэру Лондонского Сити и его преемникам золотой крест с жемчугом и драгоценными камнями, чтобы повесить его на золотой воротник, который мэр надевает на высокие праздники, "как указано в Репертуаре".

10. И, наконец, сэр Томас Грешем (не говоря уже о многих других), основатель колледжа в Сити, который до сих пор носит его имя, и чьей щедрости купцы Сити были обязаны своей первой биржей, или Королевской биржей". (Календарь завещаний, ii. 2-4.)

Таким образом, городскими судами были Народный суд и Суд Хустинга, что придавало городу ощущение единства, хотя пока еще не было коллективного органа управления, а также главы или вождя, который бы выступал от имени города.

Далее располагался Вардмот, занимавшийся местными делами каждого прихода.

"Вардмот" называется так потому, что это собрание всех жителей прихода, созданное в присутствии его главы, олдермена или его заместителя, для исправления недочетов, устранения неприятностей и повышения благосостояния прихода. Собрания, которые мы называем "вардмотами", римляне называли *плебисцитой*; то же самое в древности саксы называли *фольксмотом*. Олдермены также имели обыкновение, на основании ордеров, выданных им мэром, проводить свои вардмоты, по крайней мере, дважды в год, а то и чаще; на них делался запрос о состоянии и спокойствии прихода, а выявленные недостатки исправлялись олдерменом, как будет показано далее.

Процесс проведения вардмута в Лондоне обычно выглядит следующим образом: олдермен, получив ордер, должен приказать своему беделю вызвать всех домохозяев, а также всех наемных слуг в своем приходе, чтобы они явились к нему в определенный день и час на следующий день после вызова в определенное место в пределах того же прихода для проведения вардмута. Эти имена, после того как люди были должным образом вызваны, постельничий должен внести в определенный список, имена свободных людей, а именно жителей города, которые живут в этом приходе, сами по себе, а имена наемных слуг и несвободных людей - сами по себе. И когда в назначенный час они должным образом соберутся вместе, олдермен займет свое место с более богатыми людьми прихода, каждый на своем месте, клерк олдермена должен приказать беделю от имени этих олдерменов, чтобы тот обратил на него внимание; После этого клерк обязан прочесть вслух ордер, о котором уже говорилось, а затем зачитать постельничему имена, которые внесены в список; постельничий же, в свою очередь, провозглашает вслух, что каждый, кто не ответит на свое имя и допустит неисполнение, будет посажен и подвергнут наказанию в размере не менее четырех пенсов. После этого бедель должен представить олдермену коллегия, составленную констеблями прихода, из тех авторитетных людей этого прихода, которым надлежит провести инквизицию; если олдермен сочтет это целесообразным, он будет вправе внести изменения. После этого присяжным должны быть зачитаны все статьи, касающиеся этого вардмута. После этого олдермен назначает присяжным определенный день для их представления. В этот день присяжные должны представить свой вердикт с оговорками, одна часть которого должна остаться у олдермена, а другая - в палате. Олдермен также обязан представить свою часть мэру на заседании его следующего общего

суда, чтобы после того, как она будет рассмотрена и выяснена, есть ли какие-либо вопросы, исправление которых относится к мэру и городу, вышеупомянутое соглашение могло быть вновь передано ему, чтобы быть принятым в других отношениях, и т.д.

А в упомянутом Уордмоте должны быть избраны олдермены и уважаемые люди прихода, а также присяжные заседатели, мусорщики, але-коннеры, бедель и другие должностные лица; которые на упомянутом выше общем суде должны принести присягу, подобающую их соответствующим должностям. Олдермен также должен был получить от беделя специальное свидетельство об именах таких хотельеров, пивоваров, пекарей, поваров, виктуоллеров и аукционистов, которые проживают в пределах прихода. Пекари также должны были иметь там свои печати, оттиски которых заносились на бумагу олдермена; за это каждый пекарь должен был заплатить олдермену четыре пенса, если только не случилось так, что он ранее платил за снятие оттиска со своей печати тому же олдермену прихода, и при этом не происходило смены олдермена. Олдермены также имели обыкновение опечатывать меры и весы в своих приходах и осуждать те, которые не были опечатаны, получая за это вознаграждение в свое собственное пользование, подобно тому, как сейчас его получает городская палата. Ибо в каждой палате была своя мера, сделанная из латуни и соответствующая королевскому штандарту города. На таком вардмоте также те лица, которые не являются свободными горожанами и которые ранее не присягали в этом, должны быть поставлены на франк, несмотря на то, что в других палатах они уже были приняты туда; по этому случаю они должны принести присягу для тех, кто собирается быть допущенным к франкмоуту. Каждый, кто собирается быть принятым, должен отдать клерку один пенни за вход; а если кто-либо из таких людей отлучится в Вардмот, он должен заплатить четыре пенса олдермену; если только этот человек не рыцарь, эсквайр, женщина, ученик адвоката, клерк или какое-либо другое лицо, не имеющее постоянного места жительства в этом городе.

Олдермену также надлежит лично наблюдать и исправлять все неисполнения и нарушения, допущенные присяжными заседателями в вышеупомянутом Вардмоте, если только не возникнут какие-либо затруднения, имеющие отношение к Палате; делами такого рода занимаются мэр и Камергер, при содействии шерифов и других должностных лиц. Кроме того, если олдермен найдет подчиненных ему чиновников нерадивыми или небрежными, он должен предупредить их, чтобы они исправили свое поведение; если же они не выполняют этого, он должен разумно наказать и наказать их, или же доложить об этом мэру, чья обязанность - обеспечить достойное средство для исправления этого". (Liber Albus, перевод Райли, стр. 32-35.)

Общий совет, начало которого мы видели в избрании Двадцати четырех, теперь был полностью организованным органом с определенными обязанностями и установленными методами работы.

"Порядок проведения Общего совета следующий:-За день до его заседания мэр и олдермены должны заставить сержантов палаты вызвать шестнадцать, двенадцать, восемь или четыре (в зависимости от того, велик или мал округ) самых мудрых и состоятельных людей каждого округа, чтобы они явились на следующий день в Гилдхолл; и [далее, уведомить], что никто не должен являться, если его не вызовут, или предполагать присутствовать на таком Совете под страхом тюремного заключения, согласно древнему обычаю, а также, согласно недавнему постановлению, под определенным наказанием и наказанием, названным в постановлении, принятом в мэрии Николаса Воттона. Все вызванные простолюдины также должны быть вызваны по одному сержантом Палаты, стоящим на возвышении; что касается тех, кто не явился, то они должны быть отмечены

клерком Палаты в списке, который он держит в руках, где записаны имена тех, кто был вызван.

Что же касается тех, кто явился должным образом, то они должны затем образовать конгрегацию; и если возникнет какое-либо затруднение или сомнение, по которому они не смогут прийти к согласию, то они должны быть по отдельности исследованы Сержантом Закона общего клерка и общего Сержанта Армии, под присягой, которой они связаны с городом, и т.д. И заметьте, что дела города не должны задерживаться из-за прибытия людей из одного или двух отделений, если они были должным образом вызваны; но они должны быть продолжены, и присутствие отсутствующих не должно ожидаться. Каждый из вызванных таким образом лиц, который не явится, должен быть наказан в размере двух шиллингов за каждый случай и т. д.

Присяга людей, избранных в Общий совет, выглядит следующим образом: -

Вы должны поклясться, что будете верны нашему господину королю N и его наследникам, и быстро придете, когда вас вызовут в Общий совет этого города, если не будете разумно оправданы; и хороший и правдивый совет вы дадите, после вашего ума и хитрости; и что в пользу любого человека вы не будете поддерживать никакой отдельной выгоды против общественной или общей выгоды этого города; и что после того, как вы придете в Общий совет, вы не должны покидать его без разумной причины или разрешения мэра, пока мэр и его товарищи не уйдут; и что то, что будет сказано в Общем совете, вы не должны разглашать, - да поможет вам Бог и Святое Божье Евангелие.

Во время мэрства Джона Варда было принято вышеупомянутое постановление о выборах членов Общего совета города, согласно которому, если до сих пор они избирались приходами, то в будущем члены Общего совета города должны избираться соответствующими мистериями, а не приходами, то есть шестью одними мистериями, четырьмя другими, а третьими двумя. И для этого мэр посылал законопроекты не олдерменам, а правителям соответствующих мистерий. Но пока это постановление оставалось в силе, в народе нарастали беспорядки, а великие пользовались презрением малых. Вследствие этого среди горожан возникли большие споры и разногласия, как это было видно на выборах Николаса Брембре, Джона Нортгемптона и других мэров и т. д. После этого, однако, более благоразумные и достойные люди упомянутого города, будучи созваны вместе, долго обсуждали вопрос об изменении упомянутого постановления; и в конце концов было решено, что, в соответствии с одобренной и установленной практикой древнего и похвального обычая, Общий совет отныне должен формироваться только палатами, а не мистериями. И это обыкновение, касающееся больших собраний в Общем Совете, сохраняется и соблюдается по сей день". (Liber Albus, перевод Райли, стр. 36-37.)

На суд шерифа возлагалось огромное количество работы и ответственности.

Также существовал Епископский суд для решения вопросов, связанных с церковным имуществом и претензиями церкви.

Городские чиновники состояли из следующих лиц.

Сначала главные должностные лица.

Мэр, олдермены, шерифы.

Суд общего совета.

Регистратор, камергер, сержант-юрист, клерк.

Общий сержант-атторней или общий глашатай, судебные клерки, сержанты мэра и камергера, констебли, мусорщики, бедели, брокеры, пивовары, подшерифы и клерки шерифов, сержанты шерифов, конюхи сержантов, приставы рынка, смотрители и приставы моста и т. д.

К свободе города относились с большой ревностью.

"Кроме того, поскольку как в прошлые времена, не помню, так и в наши дни, вышеупомянутый город принято защищать и управлять с помощью и советом как авторитетных людей из купечества, так и из других ремесел; И с давних пор повелось, что ни один чужой человек, туземец или иностранец, о чьих разговорах и состоянии не известно ничего определенного, не может быть допущен к свободе города, если сначала не будет законно созвано собрание купцов или торговцев города, занимающихся тем ремеслом, которое намеревается принять этот человек; чтобы в результате такого созыва его сограждане, вышеупомянутые мэр и олдермены, будучи удостоверены в состоянии и благонадежности лиц, подлежащих допуску, могли знать, следует ли допускать таких лиц или отклонять их; все общество требует, чтобы вышеупомянутая форма, в той мере, в какой она касается более важных ремесел и промыслов, в будущем неукоснительно соблюдалась, чтобы в будущем ни одно лицо не могло быть допущено к свободе города вопреки вышеупомянутому положению." (Liber Albus, p. 425.)

О должности и обязанностях коронера ценную информацию дает доктор Реджинальд Шарп (Letter Book B).

Функции коронера выполнялись камергером и шерифами. Дворецкий короля, к которому относилась должность коронера, обычно становился городским камергером. В декабре 1302 года королевское письмо уведомило мэра и шерифов о том, что Уильям Тренте, его камергер, к чьему ведомству относилась должность коронера в городе (*ad cuius ballivam officium Coronatoris ... pertinet*), будучи занят государственными делами, назначил Джона ле Клерка исполнять обязанности коронера.

Горожане не раз пытались добиться назначения коронера в свои руки. Именно Эдуард Четвертый, заплатив сумму в 7000 фунтов стерлингов, даровал городу хартию, которая, помимо прочего, позволяла горожанам назначать собственного коронера.

"Обычная процедура проведения дознания над телом любого, кто умер в Сити не своей законной смертью (*ex alia morte quam recta morte sua*), была следующей: -После получения уведомления о наступлении смерти и о том, что тело покойного лежит в определенном доме в определенном приходе, камергер (или коронер) и шерифы отправлялись туда и, созвав присяжных (частично из прихода, в котором было найдено тело, а частично из двух, а иногда и трех ближайших приходов), приступали к работе, чтобы тщательно выяснить (*diligenter inquisiverunt*), как покойный пришел к своей смерти. Если камергер и шерифы не проводили дознания или проводили его в недостаточной степени, то в случаях, когда выездные судьи считали дознание необходимым, они привлекались к ответственности.

Присяжные практически были одновременно судьями и свидетелями и давали показания по всем фактам, связанным со смертью покойного, насколько их можно было установить. Затем труп осматривали, и если его внешний вид соответствовал приведенным показаниям, а

присяжные решали, от кого наступила смерть, выдавалось предписание об аресте преступника (если он еще не находился под стражей), а его имущество оценивалось, за что отвечали шерифы. Обнаруживший труп, а также те, кто был свидетелем преступления, и два-четыре соседа обычно давали поручительство, чтобы в случае необходимости явиться к разъездным судьям в их следующий приезд в город.

Не только обнаруживший труп должен был поднять шум и крик, чтобы соседи (*patria*) пришли и помогли схватить преступника, но и каждый, кто видел, как совершается преступление, должен был сделать то же самое и не терять времени на уведомление камергера и шерифов, иначе он рисковал попасть в тюрьму при явке к судьям". (Letter Book B, p. xii.)

Обычай деоданда, который сохранялся до недавнего времени, был любопытен. Вещь, ставшая причиной смерти любого человека в результате несчастного случая, переходила в собственность короля в виде деоданда, или Божьего дара. Со временем деодандом становилась не сама вещь, а ее стоимость. Так, если лошадь, лодка, балка становились причиной смерти кого-либо, их стоимость конфисковывалась и выплачивалась шерифам для мэра и корпорации.

ВИД НА ЮГО-ВОСТОК СТАРОГО ДОМА, НЕДАВНО СТОЯВШЕГО В ПРОЕЗДЕ СВИДОНА, ГРУБ-СТРИТ

Законы, по которым управлялся Лондон, слишком длинны для цитирования; они четко изложены в Liber Albus. В 1191 году было предусмотрено, что орган из двенадцати олдерменов должен избираться на полном хустинге, чтобы решать все вопросы, которые могут возникнуть по поводу ограждения земли; они также имели право предотвращать возведение любого деревянного дома; стены, как наружные, так и внутренние, должны были быть высотой не менее шестнадцати футов и толщиной в три фута; крыши должны были быть из черепицы или шифера, а не из соломы. Этот закон, как и многие другие средневековые законы, был разумным и необходимым. Он провалился, как и все средневековые законы, из-за отсутствия полиции, которая могла бы его исполнять. В Лондоне на тот момент были тысячи домов, построенных из дерева с соломенными крышами. Похоже, не было сделано ни одной попытки заменить дерево камнем. Это, конечно, было бы невозможно из-за дороговизны; но, по крайней мере, поскольку дома рушились, а многие из них в узких дворах

были лишь плетнями, можно было попытаться заменить их более основательными домами с черепичными крышами. Средневековый способ заключался в том, чтобы четко понять, что должно быть, затем принять закон, предписывающий это, и затем сесть, чувствуя, что долг выполнен.

Общие правила, которые регулировали повседневную жизнь, приведены под заголовком "Инквизиция в Уорд-Моутс": - "Вы должны представить, если мир в доме не установлен.

"Вы должны представить, был ли нарушен мир его светлости короля, или произошла какая-либо драка в приходе с момента последнего вардмута, и кем или кем она была совершена, или если был устроен какой-либо покров или собрание против мира его светлости короля.

Если в этом приходе проживает или укрывается кто-либо, кто не является законным лицом, или не имеет доброй славы, или не находится под франк-залогом.

Если в приходе проживает какая-либо женщина развратной жизни, или обычная ругательница, или обычная шлюха, или куртизанка.

Если в приходе есть какая-либо печь, топка или неисправный ридикюль, из-за чего может произойти несчастие с огнем; или если кто-либо использует другое топливо, кроме дров или древесного угля, вопреки постановлению города.

Если кто-либо из тавернщиков, пивоваров, отельеров или чандлеров продает без мер, скрепленных печатью олдермена или палаты Гильдхолла, и если кто-либо из них продает вопреки приговору мэра, олдерменов и общего совета города, и если кто-либо из них принимает игроков или других буйных людей после часа, запрещенного постановлением города, и если в приходе есть лица, объявленные вне закона.

Пункт, если в приходе есть какой-либо лоточник.

Если какой-либо дом в приходе покрыт какой-либо другой кровлей, кроме черепицы, свинца или камня, и не покрыт камышом или соломой.

Если есть кто-либо, кто занимается тем, что выставляет нечистоты на любых улицах и переулках в пределах округа и оскорбляет других перед дверями.

Если в приходе разводят свиней или коров, досаждая соседям.

Если в приходе проживает прокаженный.

Если с момента последнего вардмута в приходе была заключена какая-либо ростовщическая сделка.

Если на улицах или в переулках, на стенах или в ямах города, на Темзе или на другой общей земле в пределах прихода были сделаны какие-либо пакости.

Если кто-либо из пекарей, выпекающих булки, будет печь белый хлеб или наоборот.

Если есть люди, имеющие привычку бродить в пределах округа в запрещенные часы и в порядке, запрещенном общим советом города.

Пункт, если кто-либо из должностных лиц города совершил вымогательство или потасовку в пределах округа под прикрытием своей должности, во вред и ущерб кому-либо; и что именно было сделано, и как это было сделано; или если кто-либо является содержателем или камергером судебных процессов, которые ведутся в округе.

Если кто-либо платит или дает жалованье каменщикам, плотникам, малярам, плиточникам или любым другим рабочим больше, чем предписано.

Если эль-шток любой таверны длиннее или простирается дальше, чем предписано".
(Liber Albus, перевод Райли, стр. 290.)

Затем следует регулирование различных профессий. На первом месте стоит пекарь, на которого наложено столько правил и запретов, что удивительно, как можно найти хоть одного желающего заниматься этим таинством. Мельники, пивовары и продавцы эля также находятся под отеческим надзором. Ростовщичество строго запрещено - частота запретов показывает, насколько бессилён был закон его предотвратить. Дважды в год компании проводили собрания своих членов, на которых зачитывались их постановления. Никто не должен был брать более двух или трех подмастерьев, и то на срок не менее семи лет. Никто не должен был бродить по улицам после комендантского часа, если только это не был человек с хорошей репутацией или его слуга. Никто не должен был носить оружие в городе. Каждый олдермен должен был хорошо следить за своим приходом. Никто, кроме свободных людей, не должен был допускаться к свободе города. Боевые пари не заключались между свободными людьми города, если они не давали на это согласия.

В дополнение к уже упомянутым судам существовали суды соков, то есть тех мест, которые находились вне юрисдикции города; такие места назывались впоследствии вольностями.

Итер, или Эйр, - это заседание, проводимое разъездными судьями по делам короны, на котором горожане получали ответы на ряд вопросов о своих привилегиях, обычаях, свободах и правах. Это был суд, который можно было провести за день или два, не доставляя особых хлопот, или суд, который мог быть досадным и притеснительным в высшей степени.

Джон Карпентер говорит об Итере так полно и ясно, как только можно пожелать. Он полагал, что дело будет рассмотрено в течение одного-двух дней. Но это было торжественное и важное мероприятие. Судьи заседали в Большом зале Тауэра; в назначенный день все миряне города должны были собраться в Олл-Холлоуз в Баркинге, одетые должным образом - "все миряне" - означает ли это всю массу купцов, торговцев и ремесленников? Это может означать компанию в 40 000 человек! Во время проведения судебного процесса ни одна лавка, ни один погреб, ни одна солярка не должны были оставаться открытыми, и ничего не должно было продаваться. Очевидно, итера не должна была занять много времени: - "Также в тот же день, в тот же день, в тот же день, в тот же день, в тот же день, в тот же день, в тот же день."

"Кроме того, в тот же день, с санкции Общего совета города, из Беркингерше должны быть отправлены шесть или более серьезных, почетных и благоразумных баронов города; которые должны войти в Тауэр, чтобы приветствовать его светлость короля, его совет и его юстициаров от имени города; умоляя их, чтобы, если его светлости королю будет угодно, они могли безопасно предстать перед ними в упомянутом Тауэре, сохраняя все свои свободы и обычаи для мэра и всех других горожан. Ибо его светлость король и все его предшественники, короли Англии, и их юстициары всегда сохраняли для всех граждан их свободы в целостности и сохранности.

И далее, названные люди должны показать его светлости королю, его совету и его юстициарам, что от имени его светлости короля они должны запретить кому бы то ни было брать на себя обязанность стоять на страже у дверей или ворот, если он не является одним из их собственных сограждан и не назначен ими на эту должность. Не должен также появляться среди их сограждан маршал или глашатай, если он не один из их числа и не

действует по желанию указанных граждан. Ибо, в соответствии с вольностями города, они должны и по обычаю имеют обыкновение не иметь ни носильщиков, ни привратников, ни маршалов, ни глашатаев, кроме как из их собственного числа и таких людей, которых они сочтут нужным. Все ворота и двери должны быть открыты для баронов и всех горожан, пока ведутся дела короны, чтобы они могли свободно входить и выходить. Ибо так должно быть, и по обычаю положено.

После этого следует выбрать трех человек, благоразумных и умеренных; один из них должен представить его светлости королю и его Совету и Юстициарам в должном порядке все происшествия и казусы, касающиеся короны его светлости короля, которые произошли в городе со времени последнего проведения судебных заседаний до настоящего времени, а двое других должны стоять рядом с указанным представителем, один - по правую, другой - по левую руку. И если случится так, что во время изложения он устанет, один из них должен продолжить изложение. А если по какой-то случайности он совершит ошибку при изложении, его должны негромким голосом поправить те двое, что стоят рядом, при этом подразумевается, что никто другой не должен осмеливаться беспокоить или поправлять такого излагающего, но только те двое, что стоят рядом с ним, как уже было сказано. Во время таких представлений среди народа не должно быть ни шума, ни ропота, ни раздоров, ни споров друг с другом; но все люди должны вести себя тихо и без споров, как они хотели бы сохранить честь и свободу города, и с той целью, чтобы ведущий был услышан всеми и должным образом понят в мире.

Следует также знать и помнить, что в случае всех обвинений, выдвинутых против баронов и общины горожан, ответ, который должен быть сделан городом, заключается в следующем: хотя они могут быть полностью проинструктированы и удостоверены, как делать ответ, тем не менее, они не будут давать его по совету; но, после проведения совета и совещания по этому поводу, они сделают ответ Общим советом, сохраняя всегда свободу города. И для подготовки таких ответов из общего совета должно быть выбрано четыре с двадцатью людьми или более, которые немедленно приступят к проведению общего совета города для обеспечения безопасности и защиты всего тела горожан. И ни один посторонний не должен входить к ним, чтобы выслушивать советы города, пока они будут совещаться по этому поводу.

После того, как юстициары его светлости короля вручат и покажут мэру и баронам города статьи, относящиеся к короне, они должны немедленно потребовать подходящего дня, чтобы должным образом подготовиться и посоветоваться по ним, с тем чтобы они могли спокойно дать ответ на упомянутые статьи в день, который им будет предоставлен юстициарами; и чтобы тем временем они могли осмотрительно записаться и кратко изложить те же статьи и свои ответы на них.

Из четырех и двадцати человек или более, упомянутых выше, должны быть выбраны четыре человека или более, из общего совета города, чтобы быть связанными с мэром для более конкретного ответа на обвинения и статьи, упомянутые выше. Кроме того, перед ними должны находиться секретарь мэра, а также общий секретарь города и секретари шерифов, чтобы отмечать в порядке памяти все выдвигаемые обвинения; чтобы они не были преданы забвению, если не будут отмечены таким образом. И один из таких людей должен выступать в качестве протонотария, с чьих записей все остальные должны снимать копии, записывая как обвинения короля, так и ответы, сделанные общиной.

Кроме того, что касается шерифов и олдерменов, должно быть сделано следующее: шерифы должны иметь при себе своих сержантов, а все олдермены - постельничих своих палат,

красиво и честно одетых и обутых, готовых исполнять и выполнять приказы мэра и баронов города, согласно предписаниям, которые могут быть даны каждому; их плащи и накидки также должны быть отложены, они должны быть честно одеты в плащи и сюртуки, с прямыми белыми жезлами в руках. Из них также четверо или больше, по мере необходимости, должны быть назначены для охраны ворот и дверей; также два глашатая и некоторые другие, которые должны действовать как маршалы, выполняя те обязанности, которые могут быть им предписаны. А если вдруг кто-то из них окажется пожилым, слабым или немощным, или у него будут болеть глаза, то за общий счет на его место должен быть поставлен другой человек из того же прихода, способный выполнять эти обязанности. Что же касается таких людей, то следует принять должные меры предосторожности, чтобы они были благообразными и правильными людьми, недавно выбритыми и постриженными".

Далее следуют "Статьи, касающиеся его светлости короля": - "О неисполнении обязательств по явке в суд".

"О неисполнении обязательств по явке к юстициарам. О тех, кто находится на милости короля и не был привлечен к ответственности. О старых делах короны, которые ранее рассматривались у юстициаров и не были решены. О новых тяжбах, которые возникли с тех пор. О юношах высокого происхождения и девицах, которые находятся и должны находиться под опекой его светлости короля: в чьей опеке они находятся и через кого, и какова стоимость их земель. О выморочных землях его светлости короля; что это за земли, и кто ими владеет, и через кого, и какова их стоимость. О демеснах, которые находятся в даре короля, что они собой представляют, и кто ими владеет, и через кого, и сколько стоят их земли. О церквях, которые находятся в даре короля, пустуют ли они или нет; какие это церкви, и кто ими владеет, и через кого. Об узорах, сделанных королем на суше или на воде, или в других местах; что они собой представляют, и кто их сделал, и через кого. О мерах, установленных по всему королевству; соблюдаются ли они так, как было велено, и дал ли кто вознаграждение зрителям таких мер, чтобы по мерам они могли продавать или покупать; и это следует понимать обо всех мерах, как винных, так и кукурузных, и обо всех мерах (длины). О винах, проданных вопреки приговору, и о том, кто их продал. О сокровищах, что они собой представляют, и кто их нашел. О христианских ростовщиках, которые умерли, кто они были и какое у них было имущество. О движимости французов, фламандцев или врагов короля, которая была захвачена; что это за движимость, которая была захвачена, и кто ее держит. О движимом имуществе евреев, которые были убиты, и об их долгах, делах и ценных бумагах; кто были эти евреи, и кто владеет их ценными бумагами или делами. О тех, кто владеет почестями Певрела в Лондоне и Певрела в Дувре; кто они, и какой землей владеют, и какой службой. О преступниках, грабителях, беглецах и других злоумышленниках, а также о тех, кто их приютил. О морских портах; хорошо ли они охраняются, и не перевозил ли кто-либо кукурузу или другие товары на территорию врагов короля для продажи. О тех, кто взял недостачу в тринадцатых; кто они, и сколько они взяли, и у кого. О сотенных сержантах и других, которые брали вознаграждение с людей за тринадцатую часть; кто они, и сколько, и с кого. О тех, кто имеет обыкновение причинять вред в парках и пискарях; кто они, и где они это делали, и в каких парках и пискарях. О беглецах, если кто-либо из них вернулся после своего бегства. О призах, взятых шерифами или констеблями, или любым судебным исполнителем против воли тех, чье имущество должно было быть взято. О фальшивомонетчиках и обрезателях монеты".

Но в Итере 4 Генриха Третьего было всего восемнадцать вопросов, заданных гражданам. И вопросы, и ответы на них касаются вопросов права. Легко понять, что такая инквизиция во

все времена была неудобной и могла стать тиранической и невыносимой. Таким случаем стала Итера 1321 года. Он продолжался шесть месяцев. Невозможно предположить, что в течение всего этого времени магазины были закрыты и ничего не покупалось и не продавалось. Статей и вопросов, вынесенных на суд горожан, было более сотни, и многие из них требовали расследования более чем двадцатилетней давности. Одним словом, судьи прибыли в Тауэр с указанием сделать себя как можно более неприятными, затянуть расследование, вызвать возражения и затруднения. Они выполняли эти указания, а горожане все больше и больше возмущались. Предполагалось доказать, что город был виновен в нарушениях, причем настолько, что король должен был взять дело в свои руки.

Однако через шесть месяцев после начала этих процедур в Уэльсе возникла угроза восстания. В связи с этим было решено больше не раздражать лондонцев, и итера была внезапно прекращена.

Давайте на этом этапе вкратце рассмотрим отношения Лондона с королем. Лондон, как мы уже знаем, за исключением очень короткого периода, не имел никакого владыки, кроме самого короля. Это, одна из величайших привилегий, привело к тому, что личный характер государя еще сильнее ощущался жителями Лондона, чем остальной частью королевства. В Лондоне, в гораздо большей степени, чем в остальной части страны, порядок и власть зависели от личного характера короля. Если он был силен, город был упорядочен; если слаб - город впадал в беспорядок и смятение. Эдуард Первый, когда город явно вышел из-под контроля чиновников, сместил мэра на некоторое время и управлял городом под руководством своего начальника, пока порядок не был восстановлен. Такая власть короля над городом не считалась узурпацией; она была частью признанного порядка вещей; каждый горожанин знал, что он слуга короля. По этому поводу позвольте мне процитировать некоторые полезные слова Каннингема (Hist. of Trade, p. 131):-

"Из всех нынешних измышлений об истории ни одно не является более пагубным, чем то, которое презирует историю реальных личностей и реальных событий и занимается абстракциями, которое говорит нам, что ее интересуют не короли и битвы, а жизнь народа. Действительно, в наше время к жизни народа можно относиться отдельно от рассмотрения личного характера Георга IV или Вильгельма IV. Но в норманнское царствование дело обстояло иначе; безопасность личности и имущества, сношения с другими народами и коммерческие успехи были напрямую связаны с личным характером короля; жизнь народа самым серьезным образом зависела от силы или слабости его нрава".

Доходы короля состояли из множества отдельных отраслей: (1) королевский домен, маноры и поместья, разбросанные по стране и сдаваемые арендаторам; (2) штрафы, выплачиваемые по большим поводам; (3) преемственность, то есть право покупать то, что ему угодно, по своей цене; когда его поставщики покупали товары, выставленные на продажу, это называлось "prise"; (4) военная аренда, по которой за каждые пять десятин земли король мог потребовать рыцарскую службу в течение сорока дней; (5) пособия и штрафы, назначаемые в торжественных случаях, например, при выдаче замуж дочери короля; (6) богатства евреев, которые были собственностью короля; он был наследником их владений и мог без сомнения захватить все, что у них было; (7) данегельд, который Вильгельм продолжал взимать; его название изменилось, но налог остался; (8) таллагы, которые были пособиями в случае особой нужды.

Сначала все налоги взимались с имущества. Генрих Второй ввел налог на движимое имущество. Иногда это была пятнадцатая часть. Характер этого налога можно представить, предположив, что он взимается с запасов торговца в наши дни. Его акции стоят, предположим, 9000 фунтов стерлингов; он заплатит за них 600 фунтов. Но у него есть дом с мебелью, тарелками, картинами и книгами, которые накапливались в течение двух или трех поколений. Содержимое дома стоит, скажем, 3000 фунтов стерлингов. По этому счету ему придется заплатить 200 фунтов. У него есть 12 000 фунтов стерлингов, которые он инвестировал; он должен заплатить 800 фунтов стерлингов. Таким образом, в один момент ему придется заплатить 1600 фунтов налогов. Эти налоги взимались не одновременно и не с одного класса; в один год призывали духовенство, в другой - рыцарей, в третий - лондонский Сити. Нам кажется, что это произвольный метод; но тогда мы утратили чувство королевской власти. Для наших предков, которых мы не должны считать пророками, было правильным и должным, чтобы король в любой момент призвал человека отдать большую часть своего имущества.

Первым доказательством плохого короля было то, что он слишком часто требовал от людей таких подмог. Другим доказательством было то, что, несмотря на помощь, он позволил стране впасть в беспорядок. В такие моменты незадачливому торговцу становилось невозможно вести свои дела в стране, кишасей разбойниками, и на морях, кишасих пиратами. Но даже тогда король требовал все больше и больше. Лучшей, единственной надеждой горожан было не освобождение от короля, а то, что король должен почувствовать свою власть как над ними, так и над страной. Им нужен был король, подобный Генриху Первому, Генриху Второму или Эдуарду Первому. Для Лондона было величайшим благословением, что их короли, за одним или двумя исключениями, были сильными и здравомыслящими людьми.

Король также осуществлял власть над монетчиками и монетным двором. Раньше монетные дворы находились во многих местах; мы видели, как Генрих Первый обращался с теми, кто портил монету. Генрих Второй держал монетный двор в Лондоне, где он мог контролировать его более эффективно. Он также учредил при монетном дворе контору для обмена иностранных денег: это было очень удобно для иностранных купцов.

В 1312 году король Эдуард Второй направил в лондонский Сити письма о сохранности города. О том, как мэры и олдермены принимали королевское послание, можно узнать из "Мемориалов" Райли (стр. 93). Ниже приводится текст письма.

"Эдуард, милостью Божьей, король Англии, лорд и т. д., мэру, олдерменам и всем жителям нашего Лондонского Сити, приветствие. Поскольку мы очень верим в верность, которая есть среди вас, и в привязанность, которую вы питаете к себе, такую, какую должны питать к своему сеньору; и, более того, в любовь, которую мы питаем и во все времена питали к вам, как вам хорошо известно; мы ласково молим вас, повелеваем и поручаем вам, строго требуя, по верности, которой вы нам обязаны, и поскольку вы хотите сохранить ваши тела, и ваше имущество, и все, что у вас есть, от наказания за небрежность по отношению к нам, чтобы вы обеспечили безопасное и надежное хранение нашего Лондонского Сити от имени нас самих и наших наследников; дабы не постигло его никакое повреждение или опасность, что не дай Бог из-за отсутствия хорошей и достаточной охраны; и дабы наша светлость и наше имущество были сохранены во всех пунктах, без какого-либо изъяна, как мы особенно доверяем вам и как вы бы избегали опасности для себя. И так хорошо поймите это наше повеление и так нежно храните его в сердце, чтобы мы могли похвалить вас за то же самое, и чтобы ни одно наше право, ни наша светлость в нашем городе не были потеряны, под

угрозой потери всего того, что вы можете потерять для нас. Дано за нашей Тайной печатью в Йорке 21-го дня января 5-го года нашего царствования".

В дополнение к этому общему письму ведущим горожанам было отдельно отправлено следующее письмо, а именно

"Джону де Гизорцу. Джону де Линкольну. Томасу Ромену. Генриху де Дарему. Уильяму Сервату. За Джона де Венграва. За Уильяма Трента. За Ричера де Рефхэма. За Уильяма де Лейра. За Джона де Берфорда. За Саймона Корфа. За Уильяма де Форнейса. За Уильяма Уолрейна. За Уильяма Бидика. За Роберта де Келеси. За Стивена де Абиндона. За Ральфа ле Балансера. За Хамонда Годчепа. За Роберта ле Каллера. За Эдмонда Ламбина".

"Эдуард и т. д., нашему любезному Джону де Гизорцу, нашему мэру Лондона, приветствие. Поскольку мы послали к вам весть, олдерменам и простолюдинам нашего лондонского города, что среди вас и среди них есть те, в чью верность мы очень верим, за привязанность, которую вы питаете к нам, как к вашему сеньору, особенно за любовь, которую мы питаем и во все времена питали к вам и жителям упомянутого города; и как вы сами хотели бы сохранить свои тела, свое имущество и все, что вы должны сохранить, от наказания за небрежность в отношении нас самих, вы делаете так, чтобы наш упомянутый город был надежно и уверенно сохранен от нашего имени, чтобы никакой ущерб или опасность не постигли его - что не дай Бог - и чтобы наша светлость и наше имущество были там сохранены во всех пунктах, без какого-либо изъятия; и поскольку мы знаем, что вы - человек в Лондоне, чьими советами руководствуется его население, и убеждены, что население нашего упомянутого города возьмет на себя заботу о сохранении того же нашего города и охотно сохранит его в пользование нам и нашим наследникам, как и подобает; Мы приказываем и поручаем вам, по верности, которой вы нам обязаны, и поскольку вы желаете избежать вышеупомянутого наказания, чтобы вы приложили все старания и все советы по отношению к упомянутому городскому обществу и ко всем тем из нашего упомянутого города, кто будет наиболее доступен для его хранения, чтобы они взяли на себя такое хранение и так надежно и уверенно сохранили тот же наш город от имени нас и наших наследников, чтобы в нем не пропало ничего из нашего права или нашего сиятельства; и чтобы мы могли воспринять усердие, которое вы приложите в этом деле; за что мы можем быть вам тем более благодарны. Дано за нашей Тайной печатью в Йорке 21-го дня января 5-го года нашего царствования" (стр. 94-95).

Вследствие этих писем Джон де Жизорс, мэр, созвал олдерменов и некоторых представителей простонародья из каждого прихода в субботу после Сретения, *то есть* 2 февраля. Примечательно, что в списке названы только семнадцать олдерменов, восемь не явились на собрание, а из тех, кому были написаны отдельные письма, только трое послушались особого приглашения короля.

Тем не менее, на собрании были приняты некоторые постановления о ремонте и безопасности стен, ворот и набережной. Эти и подобные постановления были изложены в других местах.

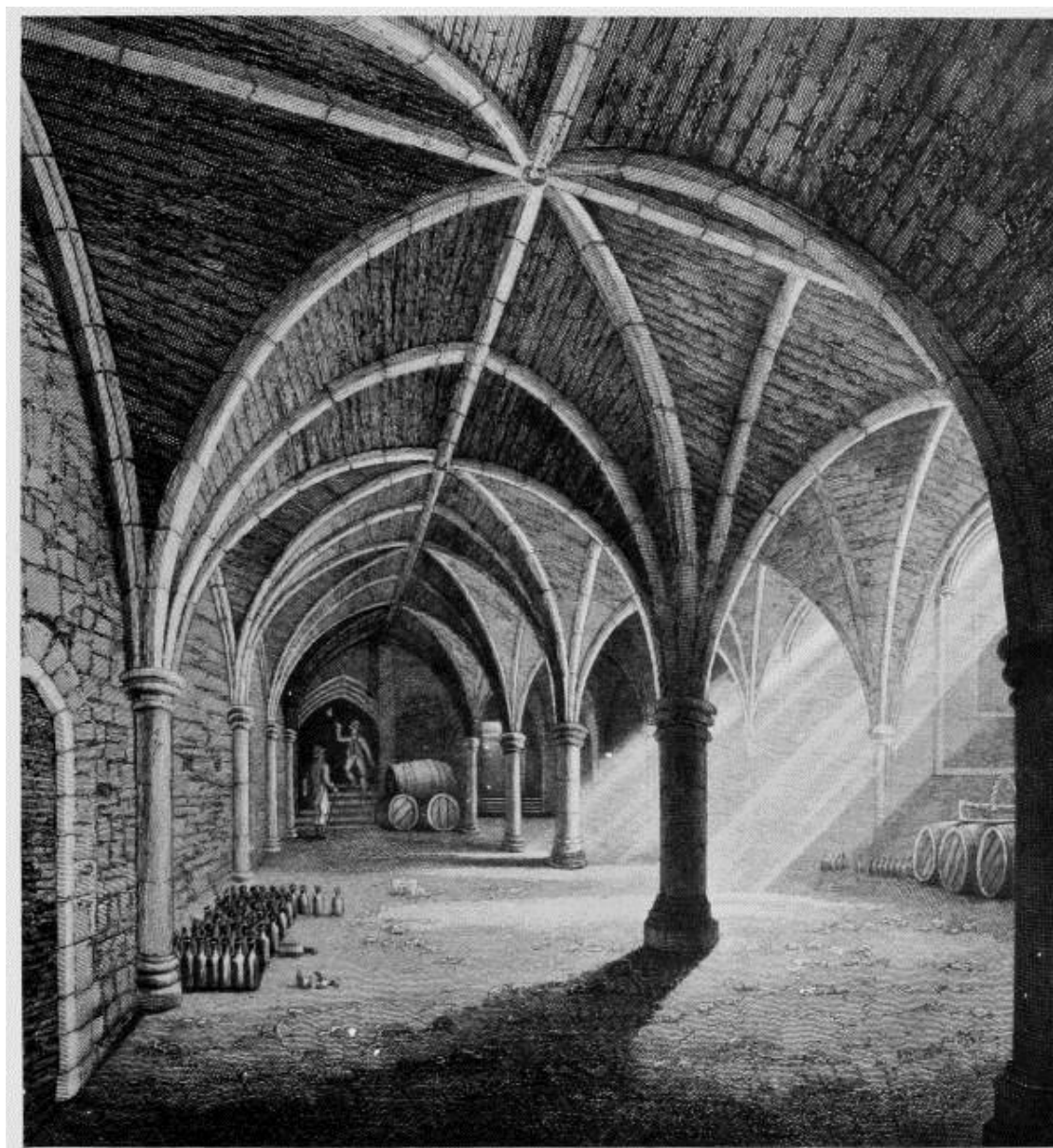
These regulations passed, the Mayor sent a letter to the King:—

"В то время как, сир, вы потребовали от нас своими письмами, чтобы мы обеспечили охрану и безопасность вашего упомянутого города от вашего имени и от имени ваших наследников, как это указано в вашем мандате; знайте, сир, что мы сами того же желания, и во все времена были, и всегда будем, в меру наших законных сил, если так будет угодно Богу. И мы сообщаем вам, что ваш упомянутый город находится в хорошем состоянии, да будет

благодарен Бог, и ваши люди приведены в порядок, как того требуют времена; и что было принято постановление укрепить и исправить ворота, и провалы в стенах, и многое другое, что относится к сохранению упомянутого города, так быстро, как только это может быть сделано должным образом. Богу, нашему самому дорогому Господу, мы вручаем вас, и да спасет он вас и сохранит; и да дарует он вам хорошую и долгую жизнь" (стр. 97).

К этому письму был приложен весьма необычный и наводящий на размышления всадник, который предъявителю было поручено передать королю

"Под первым пунктом: что мураж, который наш господин король пожаловал городу и за счет которого старые стены города должны быть отремонтированы, укреплены и исправлены, сейчас тратится на новую стену за монахами-проповедниками в замке Байнард, по направлению к Темзе, по вашему приказу и нигде более.

ВИД НА ЗАЛ ДЖЕРРАРДА С ЮГО-ЗАПАДА

(Гизорс-Холл, Бейсинг-Лейн, иначе называемый Gerrard's Hall Inn, резиденция сэра Джона Гизорса, мэра Лондона в 1245, 1246 и 1259 годах; перешел к другому сэру Джону Гизорсу, мэру и констеблю Тауэра, в 1311-1314 годах; им владели несколько

представителей этой семьи до 1386 года, когда он был отчужден Томасом Гизорсом). Из *Londina Illustrata*.

И еще, что эти расходы и издержки, которые велики и поспешно расходуются на столь многие ремонты, тогда как по справедливости их следовало бы взимать со всех, кто имеет ренту, и недвижимость, и движимое имущество в пределах города, обычно падают только на одну часть горожан, а не на лиц религиозных орденов и других, имеющих франшизы по хартии и в [almoigne](#)¹³; на сумму, действительно составляющую третью часть ренты указанного города. И эти люди не желают отдавать какую-либо их часть, или какую-либо помощь, или вклад, или какое-либо содействие, хотя они так же спасаются по всему упомянутому городу, как и остальные горожане. И если король сочтет нужным помочь им в этом, то жители города будут тем лучше утешены, тем лучше укреплены, и тем быстрее они приведут город в надлежащий вид".

Таким образом, новая часть стены за Черными монахами и между их домом и флотом была построена не монахами, как иногда утверждают, а на средства, выделенные королем. Следует также отметить, что уже в 1312 году, еще до начала реализации новых идей, в городе начался ропот по поводу освобождения религиозных деятелей от налогов и жалоб на то, что их собственность составляет третью часть от арендной платы всего города.

The year of our lord. m. cccc. lxxxii.
At the going over the sea of our sovereign
lord king Henry the viij. In to fraunce
Shes armoys were given on to the craft
of surgeons of london the viij. year of his
reign In the tyme of Thers Clapton ayn

ФАКСИМИЛЕ ГЕРБА ХИРУРГОВ, 1492 ГОД, С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. КОСМО И СВ. ДАМИАНОМ
Из книги Янга "Анналы цирюльников-хирургов".

О сравнительном богатстве Лондона во времена Завоевания свидетельствует тот факт, что Сити был оценен в 1200 шкур для данегельда, Вестминстер - в 118 шкур, а Мидлсекс - в 853-1/2 шкуры; Лондон заплатил 120 фунтов, Мидлсекс - 85 фунтов 0,6 пенса, а Вестминстер, надо полагать, по той же шкале - 11 фунтов 16 пенсов.

Хотя Лондон никогда не был отделен от страны ни по чувству, ни по сути, хотя сыновья деревенских джентльменов приезжали в Лондон и проходили там практику, торговля между Лондоном и страной велась с таким же количеством законов, ограничений и правил, как

если бы города находились в чужом государстве. Это происходило не из-за ревности Сити или городов, а в основном из-за власти оверлорда. Например, обычаи Честера в отношении "иностраннных" купцов - лондонские были иностранными - свидетельствуют о трех отдельных юрисдикциях в Сити: юрисдикции короля, графа и епископов. Торговля с внутренними районами велась в основном на ярмарках. На ярмарку съезжались люди со всей округи, в том числе и те, кто, подобно монахам в более поздние времена, бродил по деревням и фермам, продавая всякую мелочь.

Отдельно стоит остановиться на вкладе Лондона в королевскую казну. Здесь были таможенные сборы порта, таможенные пошлины городских ворот и городских рынков, "стойла" торговцев, штрафы иностранцев, сборы Биллингсгейта и Куин-Хите; часть из них платилась корпорации, а часть - королевским чиновникам. Всякий раз, когда деньги поступали в казначейство, их взвешивали и оценивали. Так, однажды шерифы внесли 245 фунтов стерлингов в счет причитающихся денег. Монету пересчитали и обнаружили нехватку 13 д. за фунт. При повторной проверке выяснилось, что в фунте не хватает 12 д. После этого шерифы потребовали провести третий суд. Счета велись с помощью тальи, а в качестве счетчиков использовались венецианские шиллинги и золотые безанты.

Помимо таможни и земель короны, доходы короля в значительной степени увеличивались за счет штрафов, амерсиментов, "мизерикордии", помощи, скутажа и таллажа, причем все эти методы представляли большой интерес для Сити. Что касается штрафов, то они существовали по любому поводу. Они налагались в виде денег, лошадей, вина, ястребов, собак, миног, мантий, фламандских шапок и других вещей. На страницах Мэдокса можно прочесть, как люди платили штрафы за то, чтобы стать олдерменом, за право наследования имущества, за помощь короля во взыскании долгов с евреев, за разрешение не выступать в суде, кроме как определенным образом, за разрешение выступать в суде вообще, за разрешение вызывать человека, о разрешении присяжным матронам выяснить, родила или не родила та или иная женщина ребенка, о расследовании, был ли тот или иной человек с Иоанном во время мятежа, об исследовании родословной, о расследовании старых обычаев, о разрешении ходатайствовать о том, чтобы определенные лица не заседали в суде присяжных, о расследовании, был ли тот или иной человек обвинен несправедливо или нет, о ходатайстве перед королем, чтобы разъездные судьи посетили город, об ускорении дела, об отсрочке дела, о разрешении занимать должность, о разрешении оставить должность, о разрешении выйти замуж, о разрешении (женщине) оставаться незамужней, если ей угодно (на всю жизнь или на пять лет - очень многие вдовы желали оставаться незамужними), за разрешение жениться на определенной женщине (Джеффри де Мандевиль заплатил штраф в 20 000 фунтов стерлингов, что, безусловно, равно полумиллиону наших денег, за разрешение жениться на Изабелле, графине Глостерской, со всеми ее владениями), за разрешение создать гильдию, импортировать и экспортировать, за согласие на дуэль, за разрешение иметь слугу.

The Photochrom Co. Ltd.

Компания Photochrom Co. Ltd.

ИНТЕРЬЕР ГИЛЬДХОЛЛА

Время от времени список штрафов заставляет задуматься, какая история скрывается за ними. Например, почему жена Хью де Невилла была оштрафована за разрешение остаться на одну ночь со своим мужем? Он был в тюрьме? Опять же, Реджинальд де Тьюарден оштрафован на двадцать марок за разрешение оставить свои земли после того, как он безуспешно прошел испытание раскаленным железом и отрекся от страны. Вина его была доказана. И разве штраф в двадцать марок был тем наказанием, которое могло бы удовлетворить дело? Уильям де Ворспат - отвратительное имя! - обращается с той же просьбой по тому же поводу и с тем же результатом. Железо, таким образом, иногда было горячим. Другой человек, некто Госпатрик, платит двадцать марок штрафа, чтобы избежать испытания раскаленным железом. Уильям из Шестнадцатой сказки платит крупный штраф в 80 фунтов стерлингов за ранение священника: Роберт, сын Хью, отделался 7: 2: 9 фунтами - впрочем, достаточными, чтобы сломать ремесленника, - за ранение "человека"; обратите внимание на разницу между человеком и священником. Священник Лоуренс должен заплатить двадцать марок "за домашний вклад". Кто, опять же, был "Джереми из Лондона"? Он принял убежище, отказался выходить, его оштрафовали на сто шиллингов, а потом? Больше ничего. Маргарет Фиц-Роджер должна заплатить штраф в 1000 фунтов стерлингов, прежде чем она сможет получить свое наследство, то есть имущество отца, мужа, свой собственный надел, который достался ее сыну, и освободиться от некоторых долгов перед евреями. Иногда штраф принимал форму взятки, как, например, когда Натаниэль Левеланд, наследственный смотритель королевских домов в Вестминстере и на берегу Флота, прислал

штраф в шестьдесят марок за разрешение сохранить эту должность, а Осберт де Лонгшамп заплатил такой же штраф за разрешение занять эти должности.

Каждый штраф, независимо от суммы, либо увеличивался на небольшую сумму, либо содержал эту небольшую сумму, которая называлась *Aurum Reginæ*, "золото королевы". Так, когда Томасу Фиц-Антеру был прощен его штраф в десять марок, одновременно с этим был выплачен *Aurum Reginæ*. В 1253 году Лондонский Сити был призван выплатить *Aurum Reginæ*, часть штрафа за возвращение своих свобод, а в 1254 году шерифам было приказано выписать штрафы на эту сумму.

Теперь для поощрения добродетели и наполнения казны использовались *мизерикордия* или *амерцемент*. Я не могу понять разницу между ними. Но это не имеет большого значения, оба они означали штраф. Изучив длинный список дел, предоставленный моим авторитетом [Мэдоксом14](#), я пришел к теории, а не к выводу, что *амерцемент* был наказанием за преступления, которые не могли быть рассмотрены в уголовном суде, но были настоящими преступлениями. Так, за ложное или несправедливое обвинение или жалобу человека подвергали *амерцементу*, за несправедливое задержание, за преступления в лесах, нарушение границ и т. д., за то, что заставили человека драться на двух дуэлях в один день, что было явно несправедливо, за "плохое ведение" дуэли, *то есть*.., за несоблюдение всех правил дуэли, за выдачу себя за свободного человека, когда он был холопом, за удержание овец, за укрывательство человека, не имеющего франкского залога, за повторное строительство дамбы, которую король приказал выровнять, за использование дважды на испытании железа, которое было нагрето только один раз, грубая несправедливость по отношению ко второму человеку, за погребение утопленника без присмотра слуги короля, за испытание человека водой (разве это тогда было запрещено?), за посягательство, а в случае с непокорной невестой - за то, что она не пришла замуж в назначенный день. За эти и подобные проступки граждане подвергались *amercement* и *misericordia*.

Более грозными, чем все перечисленные, более страшными, чем штраф, *амерцемент* или *мизерикордия*, были *помощь*, *помощь*, *скутадж* и *талладж*.

Существовало три основных вида помощи. (1) Помощь по случаю *замужества* дочери короля (*aid pur fille marier*). Генрих Первый брал за брак своей дочери по три шиллинга с каждой шкуры. Генрих Второй, со своей стороны, ввел налог под этим названием в размере одной марки с каждого рыцарского гонорара. Поскольку крупные лорды могли владеть многими рыцарскими платами, налог был значительным. (2) Помощь *кавалерам* по случаю присвоения рыцарского звания сыну короля. Этот налог был таким же по размеру, как и предыдущий. Третьим видом помощи был сбор денег, если это было необходимо для выкупа короля.

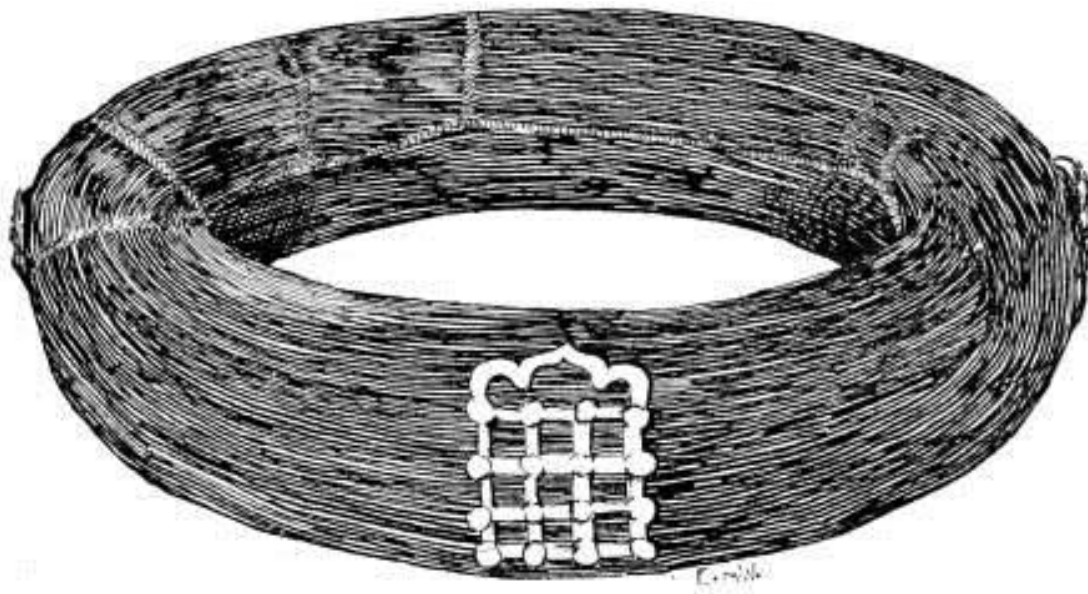

ИТОГ - 6 С. 8D. ВЫДАННЫЙ КАЗНАЧЕЕМ ЭДУАРДА I ШЕРИФУ ЛИНКОЛЬНШИРА

Облегчения были просто произвольными суммами, взимаемыми королем. В правление Генриха Второго рыцарское вознаграждение составляло пять фунтов, а баронское - сто фунтов. *Скутадж*, как следует из его названия, представлял собой оценку рыцарских податей.

Таллаж более близок к современным налогам. Город, получивший приказ собрать столько-то денег, оценивал свои земли по отдельности в такую-то сумму, которую олдермен каждого

участка должен был собрать, обложив всех свободных людей в своем приходе. В некоторых случаях отдельно оценивались частные купцы, известные своими богатствами. Так, в одном талледже Хью де Бейсинг оценен в двенадцать марок, Томас де Плейнс - в десять марок, Уильям Фиц-Адам - в сто шиллингов. Иногда отдельно оценивались служащие короля, как, например, когда лондонским денежникам Арчарду, Лефвину Безанту и Эйлвину Финчу было предписано выплатить соответственно сто шиллингов, пять марок и две марки.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ГИРЛЯНДА, ПОДАРЕННАЯ РОБЕРТОМ И СИСЕЛИ ЧЕМБЕРЛЕЙН, 1463 ГОД
Из книги Уэлча "История компании оловянных дел мастеров".

Сохранился табель о рангах города 1226 года. Я копирую его с Томаса Мэдокса ("История казначейства").

"Уильям филиус Бенедикт, r. c. de xxxv. marcis, de Warde Fori. Эндрю Букерел, r. c. de xxx l. xvii s. viii. d., de Warde sua. Михаил де Санкта Елена, r. c. de C & vii. s. & x. d., de Warda sua. Джосерес Фитц Петри, xxxii. l. xviii. s., de Warda sua. Робертус филиус Иоганнис (debet), iiij l. xvij s. & iiij d., de Warda sua. Иоганн Виель (дебет), xxj л. и xii s., де Варда суа. Эйс ле Майрен, r. c. de xxvij l. & xx. d., de Warda sua. Рогерус Бландус, p. k. xxvij l. xi. s. & v. d. & ob., de Warda sua. Стефан ле Грас Валеран (debet), xi. l. & xij. s. de Warda sua.

Варинус филиус Николай, r. c. de xiiij l. & xij s., de Warda sua. Рикардус де Руссие (дебет), xj l. и iiij s., де Варда суа. Рикардус Рейнгер, r. c. de xiiij l. x. s. & iiij d., de Warda sua. Радульфус Сперлинг, r. c. de ix. l. & viij s., de Warda sua. Радульфус Степеринг, r. c. de vj l. & vj s., de Warda sua. Гильбертус филиус Фулконис (дебет), xix. s., de Warda sua. Вальтер де Инсула, r. c. de L xxiiij s., de Warda sua. Портсокен (debet), xxiiij s., de Warda sua. Йоханнес Траверс, iiij l. xvj. s., de Warda sua. Петрус Филиус Рогери, iiij l. xvij s., de Warda sua. Якобус Блундус, viij l. xj s. & x. d., de Warda sua. Бассушаг, xxxii s., de Warda sua. Рогерус Бурсериус, r. c. de L s., de Warda sua. Иоганн де Соларийс (дебет), xxvij s. & iiij d., де Варда суа". (Примечание 5, vol. i. p. 709).

Мы также видим, что город оспаривает право короля облагать их. Мэдокс рассказывает следующую историю

"Примерно на 39-м году правления короля Генриха III Совет короля в Мертоне постановил, что король должен увеличить свои демарши в Англии в связи с

большими расходами, которые он совершал в иностранных государствах. Жители Лондона были созваны перед королем и его советом в Мертоне по поводу тальона для города, Ральф Харделл, мэр, и несколько других пришли, и король потребовал от них тальон в размере трех тысяч марок. Посоветовавшись со своими согражданами, они пришли и предложили две тысячи марок в качестве помощи, сказав, что не могут и не хотят дать больше. На это король послал своего казначея Филиппа Ловелла с другими людьми в Сент-Мартинс, чтобы получить от города штраф в три тысячи марок за таллаж, если они согласятся на этот штраф, а если не согласятся, то им было приказано оценить таллаж *на душу населения*. Город отказался заключить этот штраф, тогда казначей и другие комиссары собрались оценить таллаж *на душу населения*, приказав горожанам поклясться в стоимости движимого имущества друг друга. Горожане отказались принести такую клятву или заявить на веру, что они должны королю стоимость имущества друг друга. Тогда казначей и другие уполномоченные вернулись *обратно*. После этого граждане предстали перед королем и его Советом в Вестминстере в воскресенье после Рождества Христова. Там спорили, называть ли это тальей или помощью. Король приказал выяснить, платили ли эти граждане раньше таллаж королю или его предкам. В результате поисков было установлено, что в 16-м году короля Иоанна граждане заплатили две тысячи марок за снятие интердикта; в 7-м году короля Генриха III они заплатили тысячу марок; в 26-м году того же короля они заплатили тысячу марок в качестве таллажа; в 37-м году они отдали тысячу марок и шесть марок золота в качестве таллажа. После этого, назавтра, мэр и горожане пришли и признали, что они тальны, и дали королю три тысячи марок за тальяж". (Vol. i. p. 711.)

В этой главе я показал с помощью Джона Карпентера, что к концу пятнадцатого века дни "Неопределенных шагов" канули в Лету. Новый порядок, который все больше и больше отдавал власть и управление городом в руки содружества, теперь стал четко определенным и установленным; это конституция города; старые распри исчезли; старые городские семьи исчезли; ремесленники больше не ходят и не кричат, что они - содружество; они сведены к порядку, каждый в своей компании, и каждый человек знает свое место в своей компании; Место ремесленника - это место повиновения; он получил образование в Компании, подмастерье в Компании, стал свободным человеком Компании; он работает по правилам Компании; ему платят по ее правилам; когда он состарится, он будет пенсионером Компании; если он умрет молодым, его вдова и дети будут на попечении Компании. И вместо прежнего управления городом по наследственному праву, город теперь управляется в форме народных выборов, с гарантиями, выборными олдерменами, выборными шерифами, выборным общим советом и выборными надзирателями в качестве мастеров компаний. А что касается доли, которую ремесленники имеют в выборах, то чем меньше этот вопрос поднимался, тем лучше было для порядка и безопасности города.

ГЛАВА VIII

ГОРОДСКИЕ КОМПАНИИ

Далее нам предстоит рассмотреть происхождение, рост и развитие городских компаний.

О происхождении и древности гильдий я уже говорил (vol. i. p. 204). Невозможно представить себе время, когда после того, как люди начали жить в деревнях и городах, когда возникли искусства и ремесла, когда была предпринята попытка установить порядок, не существовало таких объединений, которые мы называем гильдиями. Люди, занимающиеся одним и тем же ремеслом, были вынуждены объединяться для использования инструментов, для обучения, для регулирования производства, для всевозможной защиты. В V веке существовали "консулы", или вожди, слесарей; пекари Парижа действовали как единое целое в правление короля Дагоберта; в Ломбардии были коллегии ремесленников; в Равенне в X веке существовала коллегия рыбаков; был глава корпорации торговцев; глава корпорации мясников. В Париже в 1162 году существовали пошлины, уплачиваемые корпорацией кожевников, сапожников и кошельков.

Старейшие статуты гильдий, сохранившиеся в нашей стране, - это законы трех гильдий: Абботсбери, Эксетера и Кембриджа. Общие принципы этих трех гильдий подытожены Брентано следующим образом

"Согласно последним исследованиям происхождения гильдий, составление всех этих статутов произошло в начале одиннадцатого века. В случае с одной из этих гильдий нет никаких сомнений в точности этой даты. Эта гильдия была основана и богато одарена Орси, другом Канута Великого, в Абботсбери, в честь Бога и Святого Петра. Согласно уставу, ее целью были поддержка и уход за немощными братьями-гильдийцами, погребение умерших, совершение религиозных обрядов и произнесение молитв за их души. Ежегодно в праздник Святого Петра ассоциация собиралась для совместного богослужения в честь своего святого покровителя. Кроме того, устраивалась общая трапеза, а чтобы бедняки также могли принять участие в радостях праздника, в день праздника им подавали милостыню; для этого братья-гильдии должны были накануне дня принести хлеб, "хорошо пропеченный и тщательно прожаренный". Гости допускались к общей трапезе только с разрешения хозяина и распорядителя. Оскорбления, нанесенные в злобном духе одним братом другому, наказывались со стороны гильдии, а также должны были быть искуплены оскорбленным. Тот, кто принял на себя должность, но не исполнял ее должным образом, подвергался суровому наказанию.

Гильдия Эксетера, чьи уставы также сохранились, имела абсолютно такой же характер. Здесь, однако, объединение для поклонения и молитвы выделяется в качестве цели братства более ярко, чем в первом случае. Три раза в год гильдийские братья собирались на , чтобы вместе поклониться за благополучие своих живых и умерших собратьев. Здесь также за каждой такой службой следовала общая трапеза. Когда кто-либо из братьев умирал, каждый член общины обязан был совершить особые молебны за усопшую душу. Взаимная забота братьев-гильдийцев проявлялась, кроме того, в денежных пожертвованиях в случае смерти, в поддержке тех, кто отправлялся в путешествие, а также тех, кто понес убытки от пожара. Устанавливались наказания за оскорбления, нанесенные братьями-гильдиями друг другу, а также за невыполнение обязанностей, возложенных на них гильдией.

Устав Гильдии в Кембридже показывает, что ее основная цель была совершенно иной, чем у двух уже упомянутых. С самого начала, в клятве, которую каждый член должен был принести на мощах святого покровителя Гильдии, они клялись в верном братстве друг другу не только в религиозных, но и в светских делах; И хотя устав обеспечивал гильдейским братьям такую же поддержку в случае болезни и смерти, как и уставы Эксетера и Абботсбери, и, как и те, содержал предписания относительно милостыни, богослужения и праздников, все это было незначительно по сравнению с мерами по защите членов гильдии от преступников и даже от дурных последствий их собственных проступков. Первым принципом можно считать следующее: "Если один провинился, пусть все терпят; пусть все разделят один жребий"; и для осуществления этого принципа существовала полная организация. Если кто-то из братьев-гильдийцев нуждался в помощи своих соратников, к нему на помощь должен был поспешить ближайший к нему младший офицер гильдии; если офицер пренебрегал этим, он подлежал наказанию, и точно так же глава общества, если он был небрежен в оказании помощи. Если брат гильдии был ограблен, вся гильдия должна была помочь ему получить компенсацию от нарушителя закона. Так же каждый гильдейский брат обязан был помочь, если члену общества приходилось искупать вину за убийство человека. Однако если у него не было оправданных мотивов для совершения этого поступка, если он не был спровоцирован на него в ссоре, если он не был обязан мстить, а убил человека просто по злему умыслу, то он сам должен был нести последствия этого поступка. Если один брат гильдии убивал другого, он должен был сначала примириться с родственниками убитого и, кроме того, выплатить восемь фунтов всем, кто принадлежал к его большой семье, а именно к гильдии; в противном случае ему закрывали доступ в общество, а членам гильдии запрещалось вступать с ним в какие-либо дружеские отношения. Подобным образом сурово наказывалось оскорбление, нанесенное одним гильдийским братом другому. Солидарность общества проявлялась даже в случае насилия и порчи имущества, которые один из членов мог понести от слуги другого; хозяин слуги отвечал за него и получал от общества компенсацию. Кроме того, это был главный принцип общества, которому каждый член должен был обязаться клятвой всегда поддерживать того, на чьей стороне право.

Суть разнообразных предписаний уставов этих трех гильдий сводится к братскому объединению в тесные союзы между мужчиной и мужчиной, иногда даже основанные на клятве и скрепленные ею, с целью взаимной помощи и поддержки. Эта важнейшая характеристика присутствует во всех гильдиях всех эпох, начиная с тех, которые впервые были известны нам в деталях, и заканчивая их современными потомками - профсоюзами. В соответствии с разнообразием потребностей и интересов в разные времена менялись и цели, механизмы и правила этих союзов. Как правило, братья-гильдии периодически собирались вместе на общие пиры". (English Gilds, p. lxxv, Toulmin Smith's edit.)

Стаббс делит английские гильдии на три вида: религиозная гильдия, которая имела социальную сторону, гильдия фритов и купеческая гильдия.

I. Приведем уже обобщенные постановления Эксетерской гильдии, относящейся к первому типу.

"Во-первых, это общество собралось в Эксетере ради любви Божьей и пользы для их душ, как в отношении процветания в этой жизни, так и в отношении будущего, которого мы желаем себе на Божьем суде.

1. В году должно быть три собрания: первое - в Михайлов день, второе - в праздник Богоматери после середины зимы, третье - в праздник Всех Святых после Пасхи.
2. Каждый брат должен вносить по два *секстария* солода, а каждый снихт - по одному и по одной порции меда.
3. Священник должен совершать две мессы, одну за живых друзей, другую за умерших, на каждом собрании; и каждый брат-мирянин должен читать две псалтири, одну за живых друзей, другую за умерших. В общей сложности это составит шесть месс и шесть псалтирей при трех общих собраниях.
4. На каждую экспедицию, заказанную королем, каждый брат должен вносить по пять пенсов.
5. При сожжении дома каждый брат должен вносить по пенни.
6. Если кто-либо из братьев пропустит назначенную встречу, то в первый раз он должен заплатить за три мессы, во второй - за пять, а в третий раз за пропуск не полагается никакой компенсации, кроме как по немощи или по делам его господина.
7. Если кто-либо из братьев пренебрегает назначением оплатить свою подписку или взнос, пусть возместит это в двойном размере.
8. Если кто-либо из этого братства будет поносить другого, пусть возместит это тридцатью пенсами". В заключение документ молится "ради любви Божьей, чтобы каждый человек этого собрания справедливо соблюдал то, что мы справедливо постановили. Да поможет нам в этом Бог".

ИГРОК НА ВОЛЫНКЕ

Из книги Николая "Некоторые сведения о Похвальной компании железоделателей".

Как раньше каждая семья представляла собой компанию, объединявшуюся против всего мира, так и гильдия была продолжением этого принципа и представляла собой объединение многих семей в одну. Таким образом, цитируя Брентано еще раз (стр. 5):-

"Семья, по мнению этих историков (Вайца и Лаппенберга), была общиной всепонимающего значения, и ее забота полностью обеспечивала почти все потребности человека. Это было возможно благодаря тогдашней простоте жизни. Несовершеннолетний находил в нем свою защиту; оскорбленный - естественных друзей, которые остро сочувствовали ему в каждой нанесенной обиде и помогали добиться удовлетворения. Тот, кто хотел заняться теми занятиями, которые только в ту эпоху были достойны свободного человека и которые в то же время сулили богатство и славу в погонях, междоусобицах и войнах, находил в семье своих естественных союзников. Естественно, тот, кто впадал в бедность, болезнь или любую другую беду, получал от семьи необходимую помощь; она же, разумеется, обеспечивала погребение умершего, чьим наследником он являлся. Таковы первые, да и в наши дни практически результаты семейного союза. Для убитого из среды его семьи появлялся мститель; ограбленному она оказывала необходимую помощь, чтобы преследовать и наказать вора и добиться возвращения награбленного. Дальнейшие последствия характера семейного договора заключались в том, что его члены были обязаны поддерживать мир между собой; они не имели права выступать друг против друга в суде; с другой стороны, они были призваны наказывать членов,

особенно женщин, которые нарушали право семьи. Перед общиной тоже стали отвечать за своих членов. Во всех случаях обид, которые, согласно древним обычаям, требовали возмездия, выплата конфискованного *вергильда* была заботой всей семьи. Семья представлялась таким тесным союзом ее членов, что эта ответственность всего тела за отдельного члена представлялась чувству справедливости народа как нечто само собой разумеющееся. Но как она отвечала за возмещение ущерба, принимала участие в его выплате и помогала виновному, чтобы он не лишился жизни и конечностей своего противника, так и обвиняемому она предоставляла пособников из числа своих членов, чтобы избежать несправедливого осуждения. В прежние времена эти семейные узы охватывали всех родственников без ограничения степени родства, но в более поздние времена они стали ограничиваться ближайшими родственниками".

Правила гильдий были похожи друг на друга. Каждая гильдия обеспечивала свои собственные мессы и церковные службы, а также погребение своих членов, привозя тело для погребения и обеспечивая восковые светильники, милостыню и мессы. Те гильдий, которые могли себе это позволить, содержали собственного капеллана; в члены принимались как женщины, так и мужчины. Иногда гильдии состояли из совершенно простых и незамысловатых людей; в Вустере, как известно, были гильдии столяров и плотников, а возможно, и другие; в Бристоле, среди прочих, гильдии фуллеров и звонарей; в Холбиче - пастухов; в Линне - корабельщиков; в Норвиче - "пелтиеров"; в Ладлоу - "бедняков". С другой стороны, в Городской гильдии, или Гильдии торговцев, состояли все самые богатые торговцы города. Иногда случалось, что люди разных профессий принадлежали к одной и той же гильдии. Так, у Чосера: -

"Галантерейщик и плотник

Веббер, Дейер и Тапизер,

Все были одеты в ливреи

Единомышленники и прекрасные братья".

Из книги Целлера "Англоязычная Франция и Карл VII".

Некоторые гильдии были очень популярны и насчитывали огромное количество членов. Гильдия Корпуса Кристи в Йорке, как говорят, насчитывала более 14 000 членов. Однако ее популярность объясняется тем, что она играла важную роль в городских представлениях. При вступлении члены давали клятву послушания. Существовал вступительный взнос и ежегодная подписка "housefee", сумма которой варьировалась от места к месту и от времени. Кроме того, к членам обращались с просьбами о погребении или о помощи в случае, если кто-то из них впадал в бедность, а также о завещаниях. Для собраний

назначались специальные дни; членов созывал декан или обычный звонарь. В день собрания они назначали должностных лиц, заключали договоры и делали другие необходимые дела. В один из дней в году, в день святого, все они надевали красные капюшоны и ливреи, собирались вместе, шли в церковь, неся восковые светильники, слушали мессу, делали приношения и, отправляясь в дом гильдии или в дом брата, пировали вместе в любви и добром общении.

ПЕЧАТЬ КОМПАНИИ ВИНОГРАДАРЕЙ, 1437 ГОД
Из "Компании виноградарей Николая".

В этот день более богатые гильдии устраивали шествия, представления, скачки, конкурсы и чудесные спектакли. Внутреннее управление гильдиями осуществлялось мастером- "груманом" или олдерменом, управляющими или надзирателями, деканом и клерком, причем двое последних были оплачиваемыми чиновниками. У каждой гильдии была своя ливрея. Те гильдии, которые носили чисто религиозный характер, были, например, Йоркской Гильдией Корпуса Кристи, целью которой было проведение большой и торжественной процессии в честь одной из важнейших церковных доктрин. Существовали также гильдии для постановки религиозных пьес, как гильдии святой Елены, святой Марии и Корпуса Кристи в Беверли. Существовали гильдии по ремонту мостов и строительству часовен. Существовали гильдии священников, особенно широко распространенная гильдия Календеров, названная так потому, что ее члены собирались на Календ или первое число каждого месяца. Эта гильдия в некоторых местах, как, например, в Бристоле, содержала школу. Другие гильдии, например гильдия Святого Николая в Вустере и гильдия Ладлоу, содержали школы. Все эти гильдии в конечном итоге были уничтожены с роспуском религиозных домов.

II. Вторым видом гильдий была старая саксонская гильдия фритов. Сохранился полный кодекс гильдии фритов времен правления Ательстана. В нем

"Можно признать отчетливую попытку государственных властей дополнить неполноценное исполнение закона мерами по взаимной защите ... если это действительно акт добровольного объединения, то он является серьезным прецедентом для действий германских лиг и кастильского германдада более поздних эпох". (Stubbs.)

После обычных правил религиозной гильдии следуют другие, связанные с отдельными целями общества. Каждый член платит четыре пенса, которые являются страховкой от

кражи; гильдия выделяет один шиллинг на преследование вора. Члены общества объединены в группы по десять человек, один из которых является главой ; они также объединены в десятки под руководством общего лидера, который, вместе с другим главой, выступает в качестве казначея и советника ста членов. Цели общества - преследование и поимка преступников и взыскание компенсации. Что касается организации, называемой Гильдией Книхтен, то она рассматривается в другом разделе.

III. Далее мы переходим к Гильдии купцов. Это просто совокупность купцов, организованных для регулирования торговли. В меркантильном городе такое общество, конечно, было бы чрезвычайно влиятельным.

НАДГРОБИЕ УИЛЬЯМА УОРРИНГТОНА,
МАСТЕРА-КАМЕНЩИКА В АББАТСТВЕ КРОЙЛАНД,
1427.

Уставы лондонских гильдий были записаны во времена короля Ательстана. На их основании Брентано полагает, что гильдии в Лондоне и его окрестностях были объединены в одну

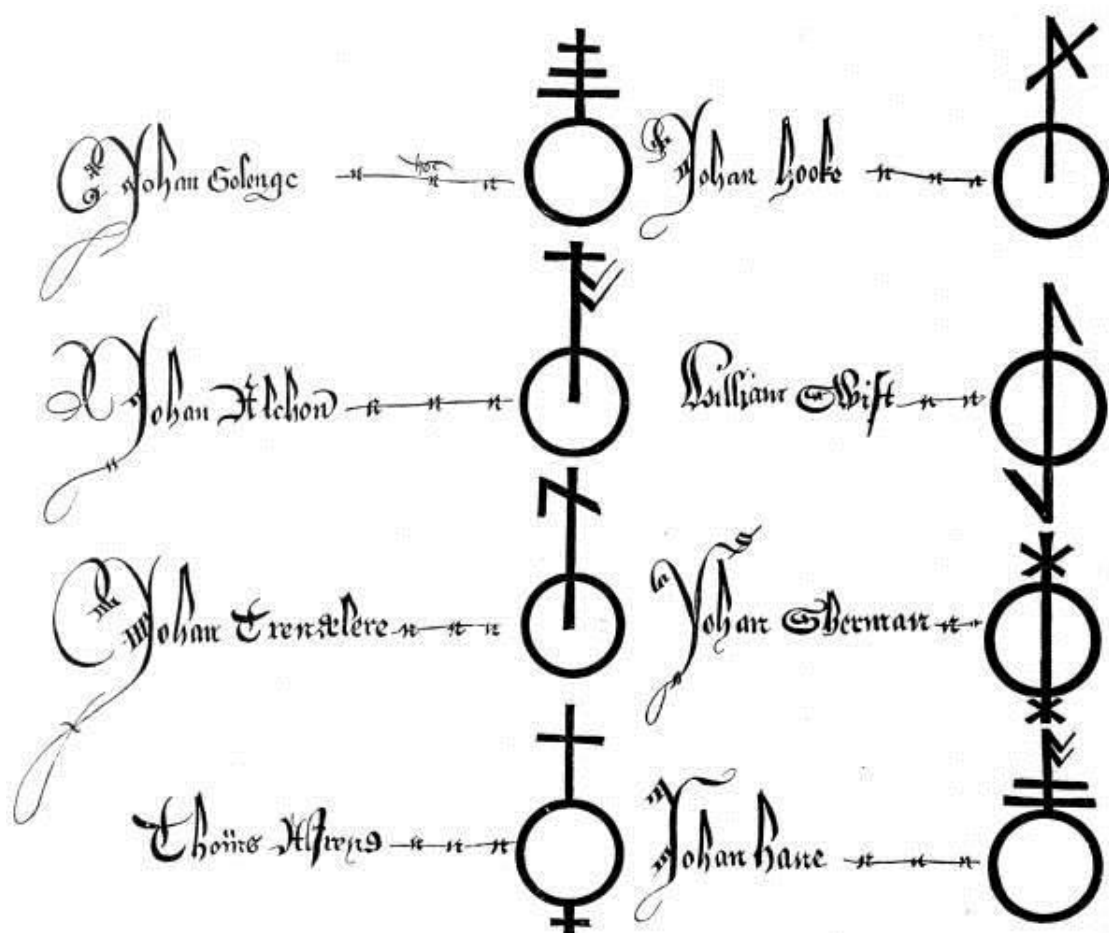
гильдию и разработали общие правила для лучшего поддержания мира, пресечения насилия, особенно воровства, и агрессии со стороны влиятельных семей, а также для неукоснительного исполнения указов, принятых королем с этой целью.

Уже говорилось о серьезных трудностях, связанных с гильдией торговцев Лондона. Мы видим, что все остальные города страны ходатайствуют о создании купеческой гильдии, если только у них уже есть такое учреждение. Но нет ни одного документа, который бы свидетельствовал о деятельности или функциях Лондонской купеческой гильдии. Некоторые историки считают, что Гильдия купцов управляла всей торговлей Сити и что это был орган, не зависящий от Портрива или мэра и его олдерменов.

Как бы там ни было до создания мэра, нет никаких сомнений в том, что после этого важного шага все функции купеческой гильдии выполнялись мэром и олдерменами. Вкратце эти функции сводились к регулированию торговли. Так, в "Мемориалах Райли" мы видим множество торговцев, обращающихся к мэру и олдерменам с просьбами не о том, чтобы они сами регулировали свою торговлю, а о том, чтобы мэр и олдермены были рады регулировать ее определенным образом, наделить их определенными полномочиями и позволить им преследовать нарушителей не перед каким-либо собственным судом, а перед мэром и олдерменами. Что это, как не власть купеческой гильдии?

Мы ознакомились с правилами религиозной гильдии. Теперь давайте рассмотрим постановления, представленные мэру и олдерменам ремесленной компанией. На сайте представлены постановления оловянщиков. Это не устав, составленный при основании Общества, а правила, которыми Общество регулировало свою работу:-.

"Мэру и олдерменам Лондонского Сити молить добрых людей, изготовителей оловянных сосудов в том же Сити, чтобы им было угодно выслушать состояние и пункты их торговли; и что касается неисполнения обязательств, для общей пользы, по доброму усмотрению обеспечить их исправление и изменение; и пункты, которые надлежало бы людям, искусным в торговле и должным образом посвященным, поддерживать и поддерживать."

МАРКИ КУПЕРОВ, 142 ГОД Н.Э.

Из иллюстраций "Компании Куперса" в библиотеке Гилдхолла.

Прежде всего, учитывая, что ремесло оловянного дела основано на определенных веществах и металлах, таких как медь, олово и свинец, в надлежащих пропорциях; из этих трех металлов делают сосуды, то есть горшки, солонки, [эскулапы](#)¹⁵, тарелки и другие вещи, которые делают добрые люди; эти работы требуют определенных смесей и определенных сплавов, в соответствии с тем, какой сосуд делается; эти вещи не могут быть сделаны без хорошего знания оловянщика, хорошо обученного и хорошо осведомленного в этом ремесле; Видя, что многие люди, не зная ни правильных сплавов, ни смесей, ни правильных правил ремесла, работают и делают сосуды и другие вещи не должным образом, к ущербу для людей и к позору для ремесла, добрые люди ремесла молят, чтобы было постановлено, чтобы три или четыре самых законных и самых искусных в ремесле были выбраны для наблюдения за сплавами и работой, о которых говорилось выше; и чтобы с помощью их осмотра и проверки можно было быстро внести поправки, где были допущены нарушения. И что если кто-либо будет уличен в неповиновении надзирателям и пробирщикам, то это неповиновение может быть показано с именем нарушителя мэру и олдерменам, и чтобы они вынесли ему приговор в присутствии добрых людей из ремесла, которые обнаружили это неповиновение. И да будет понято, что все оловянные сосуды, такие как *эскулапы*, солонки, тарелки, подставки, *пищальники* квадратные, и *крутцы* квадратные, и крисмарины, и другие вещи, которые делаются квадратными или ребристыми, должны быть сделаны из тонкого олова, с пропорцией меди к олову, столько, сколько, по своей природе, оно может выдержать. А все прочие вещи, которые выделяются в ремесле, такие как горшки округлые, *крутцы* округлые, подсвечники и другие округлые сосуды, которые принадлежат ремеслу, должны быть выкованы из олова, сплавленного со свинцом в разумных пропорциях.

А пропорции сплава таковы: на сто весов олова 22 фунта свинца; и такие сосуды всегда называются "оловянными". Кроме того, никто не должен вмешиваться в вышеупомянутое ремесло, если он не поклялся перед добрыми людьми этого ремесла законно работать в соответствии с предписанными пунктами; например, тот, кто был подмастерьем, или другой законный работник, известный и испытанный среди них. И что никто не должен принимать ученика вопреки обычаям города. А те, кто будет принят в нее, должны быть зачислены в соответствии с обычаями города.

И еще: ни один человек, ни свободный, ни посторонний, не должен делать или приносить в город на продажу оловянные сосуды или предлагать их на продажу до того, как материал будет оценен, под угрозой конфискации изделий. Если же материал окажется пригодным для продажи после пробы, произведенной Надзирателями, то пусть изделия продаются такими, каковы они есть, и никак иначе. И чтобы никто из торговцев не делал тайно сосуды из свинца или фальшивого сплава для отправки из города на ярмарки и рынки для продажи, к несчастью города, ущербу и злословию добрых людей из торговли; но пусть те вещи, которые будут отправлены для продажи за пределы города, будут показаны прежде надзирателям торговли. И никто не должен делать никакой работы в торговле, если он не даст ответа о своем мастерстве, по оценке его работы, в какой бы руке она ни была найдена. И если кто-либо впредь будет уличен в том, что несет на продажу такие товары на ярмарки, рынки или в другие места королевства, прежде чем они будут пробирно оценены, и перед мэром и олдерменами будет осужден за это, пусть получит наказание по своему усмотрению, в соответствии с его проступком, когда он будет осужден по иску добрых людей своего ремесла.

ЧАСТЬ ФАКСИМИЛЕ ОРИГИНАЛА ХАРТИИ, ДАРОВАННОЙ КОРОЛЕМ РИЧАРДОМ III. БОГОТВОРИМОЙ КОМПАНИИ ТОРГОВЦЕВ ВОСКОМ ГОРОДА ЛОНДОНА (16 ФЕВРАЛЯ 1. РИЧАРД III).

Изображение большего размера доступно [здесь](#).

Также: если кто-либо будет уличен в нанесении ущерба своему мастеру, будь то подмастерье или ученик, частным образом, путем воровства, на сумму менее десяти пенсов, в первый раз пусть возместит ущерб мастеру сам или его поручительство в торговле; если же он

провинится во второй раз, пусть его накажут по решению торговли; если же он провинится в третий раз, пусть будет изгнан из торговли.

Также и в отношении тех представителей упомянутого ремесла, которые будут найдены работающими в ремесле иначе, чем указано ранее, и при проверке будут признаны виновными в этом; при первом нарушении пусть они лишатся материала, из которого сделаны; при втором нарушении пусть они лишатся материала и понесут наказание по усмотрению мэра и олдерменов; а если они будут в третий раз признаны нарушителями, пусть они навсегда забудут о ремесле.

ЛОНДОНСКИЕ ЛИВРЕЙЩИКИ

И еще - добрые торговые люди договорились, что никто не будет так смел, чтобы работать по ночам над оловянными изделиями; они считают, что ночью это занятие не так выгодно, как днем, - к выгоде общества. И еще: если кто-либо из этой профессии будет уличен в неисполнении любого из вышеупомянутых пунктов, он должен заплатить сорок пенсов за первое нарушение, за второе - полмарки, а за третье - пусть с ним поступают по усмотрению мэра и олдерменов; и из этих платежей пусть одна половина будет отдана Палате для поддержания вышеупомянутых пунктов, а другая половина - надзирателям этой торговли за

их хлопоты и расходы. И чтобы никто из ремесленников, больших или малых, не забирал чужого подмастерья, против согласия и воли его первого хозяина, прежде чем тот полностью отслужит свой срок, согласно договору, заключенному между ними, и прежде чем упомянутый подмастерье загладит перед своим хозяином обиды и проступки, совершенные против него, если он каким-либо образом обидел или провинился, по усмотрению надзирателей их ремесла; А кто поступит вопреки этому постановлению, пусть получит наказание по усмотрению мэра и олдерменов.

И еще, чтобы никто из представителей указанного ремесла не смел принимать кого-либо для работы в том же ремесле, если он не был учеником или если он не является хорошим работником и тем, кто может иметь свидетельство своего мастера или добрых людей хорошего состояния, и может показать, что хорошо и законно служил в своем ремесле в течение назначенного времени среди них. Были выбраны и приведены к присяге для надзора за вышеупомянутыми статьями Стивен Лестрандж и Джон Сивард, *паяцы*.

В четверг, следующий после праздника Оллхоллоу (1 ноября) в 23-й год правления короля Эдуарда Третьего и т.д., было засвидетельствовано перед Уолтером Турком, мэром, и олдерменами, что Стивен Лестранж умер, а Джон Сивард не может работать; поэтому авторитетные люди того ремесла выбрали Николаса де Ладгейта и Эрнальда Шипвайса, оловянщика, которые были приведены к присяге следить за вышеуказанными статьями." (Riley's Memorials, p. 241.)

Это основные моменты. Никто не может пожаловаться, что они составлены в интересах только мастеров. Однако следует отметить, что в них не делается попытка регулировать заработную плату, часы работы и цены. Это упущение, несомненно, было сделано с целью оставить эти пункты в силе, чтобы они колебались изо дня в день по договоренности между хозяевами и людьми.

В главе "Городские фракции" показано, что за сто лет до издания этих постановлений (1348 год) мэр Томас Фицтомас разрешил торговцам самим составлять уставы и выдал им хартии, которые следующие мэры запретили. Эти уставы, как нам сообщают современные власти, причинили "невыносимые убытки" купцам, посещающим Лондон. Разумно заключить, что они были разработаны ремесленниками и в их интересах, а не теми, кто был способен взглянуть на торговлю шире, чем защита и высокая зарплата.

Я составил список ремесел, чьи ордонансы, согласно Райли, были представлены мэру и олдерменам в XIV веке, с указанием дат составления этих ордонансов и последующей даты создания корпорации, как утверждают нынешние компании.

Этот документ, как и другие в "Мемориалах Райли", интересен тем, что обозначает определенный этап. После долгих ссор, смутной ревности и подозрений ремесленники научились формулировать то, что они называют "пунктами" своего ремесла. В том, что их тщательные и разумные правила, такие как те, что я процитировал, были разработаны ведущими людьми ремесла, мастерами и работодателями, сомневаться не приходится. Это не работа невежественных людей: они несут на себе отпечаток проникательных и опытных работодателей, чьи выводы и рекомендации были составлены для них клерками, сведущими в этом деле.

О чем же просят оловянщики?

1. Чтобы мэр и олдермены рассмотрели вопросы, связанные с их торговлей, и обеспечили исправление недостатков.

Заметьте, что у них нет собственной власти, которую они впоследствии получили как компания.

2. Проба материала.

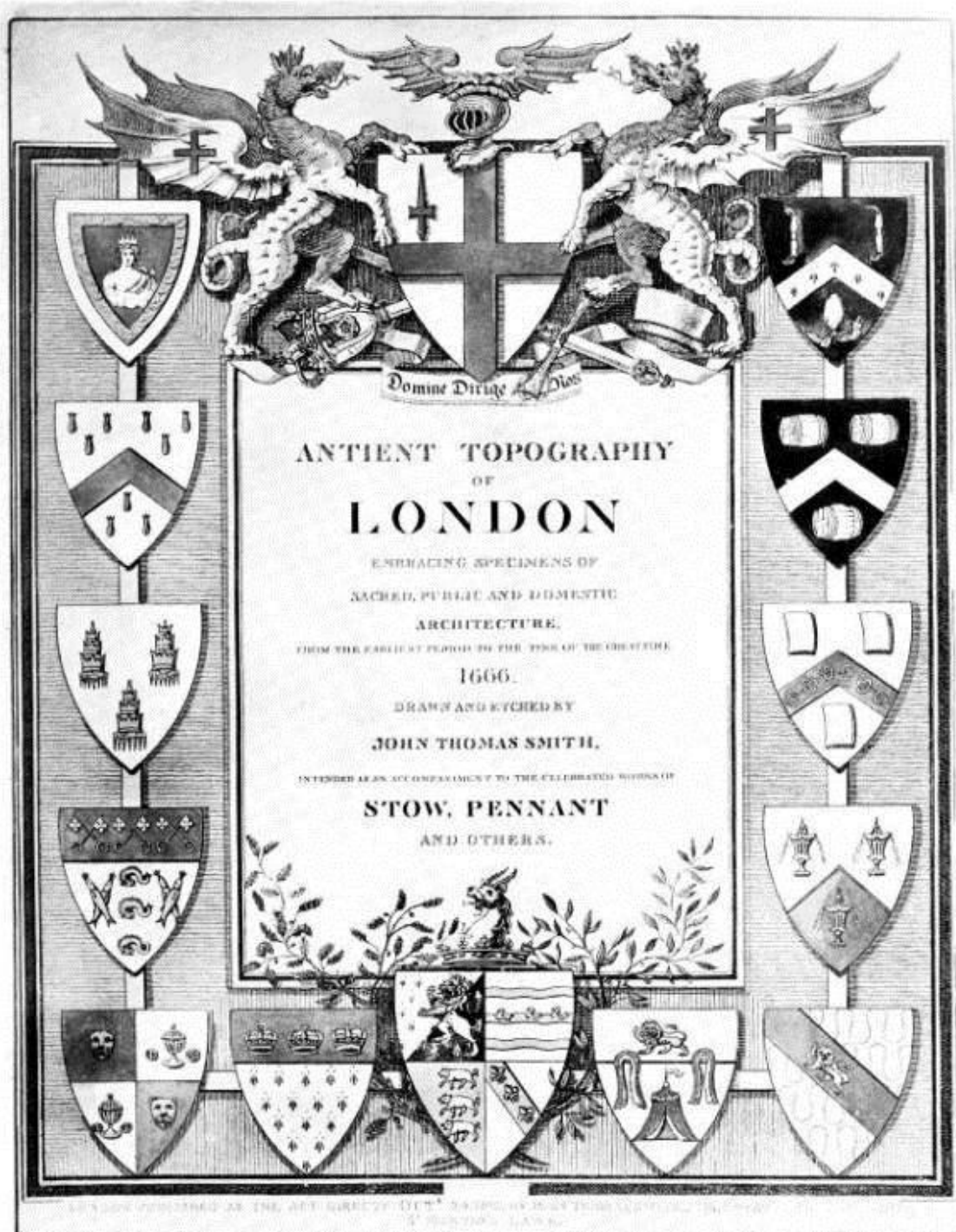
3. Прием в ученики "по обычаю города".

4. Защита от "чужеземцев", т.е. лиц, не являющихся свободными жителями города.

5. Отсутствие тайной наживы на изготовлении судов из фальшивого сплава для экспорта на деревенские ярмарки и рынки.

6. Ответственность каждого рабочего за свою работу.

7. Штрафы за порчу товаров мастера и нарушение правил ремесла.

ФРОНТИСПИС К ГРАНДЖЕРИЗОВАННОМУ ИЗДАНИЮ ЛОНДОНА И МИДЛСЕКСА БРЕЙЛИ
В библиотеке Гилдхолла, с изображением гербов двенадцати главных городских компаний.

	Представлено Мэру и олдерменам.	Дата Компания. (Бакалейщики).
Ордонансы пепперов Сопер- лейн	1316	1345
Правила, принятые лондонскими оружейниками	1322	1422
Ордонанс о нарезчиках	1331	-
Ордонанс о ремесле, называемом "уиттауэры"	1346	-
"Оловянщиков	1348	1474
"Гловеры	1349	1639
"Шеармены	1350	-
"Бразлеров	1355	-
Правила торговли масонов	1356	1411
Указ о воскобойниках	1358	1484
Правила торговли чужеземных ткачей в Лондоне	1362	-
Постановления о водопроводчиках	1365	1612
"О пельтерьерах, или пеллиперах	1365	-
"из тауиров	1365	-
Правила для трактирщиков	1370	-
Постановления о придворных писарях, или подьячих	1373	1617
"О парикмахерах	1376	1461
"Фулеры	1376	-
"Хюеры, что касается фуллинга	1376	-
"о сыроварах	1377	-
"Поваров и пастельщиков, или пекарей	1378	1473
"столяров	1380	1413
"Основатели	1389	1615
"Кузнецы	1394	1578

"Гуреев	1398	-
Ордонанс флетчеров	1403	1570
"О составителях текстов, лимнерах и других, кто переплетает и продает книги	1403	-
"Формовщиков	1406	-
Ордонансы брадобреев	1416	-

Триумф ремесел был завершен в правление Эдуарда Третьего. В то же время это был триумф, который требовал постоянной бдительности. Об этой необходимости свидетельствует случай с богатыми пепперами, которые отделились в 1345 году и создали свою собственную компанию. Они были настолько богаты, что командовали рынком. Королю была подана петиция, в которой говорилось, что...

"Вновь возникли большие беды, как для короля, так и для великих людей и общинников, от купцов, называемых грокерами (гроссерами), которые захватили все виды товаров, пригодных для продажи, и внезапно подняли цены на эти товары в королевстве; выставя на продажу по ковину и по постановлениям, принятым между собой, в своем собственном обществе, которое они называли "Братством и Гильдией купцов", те товары, которые были наиболее дорогими, а остальные хранили в магазинах до времен недостатка и скудости." (L. Brentano, History and Development of Gilds, 1870.)

Поэтому было предписано, чтобы в будущем все "искусники и люди тайн" выбирали каждый свою тайну и впредь не занимались никакой другой.

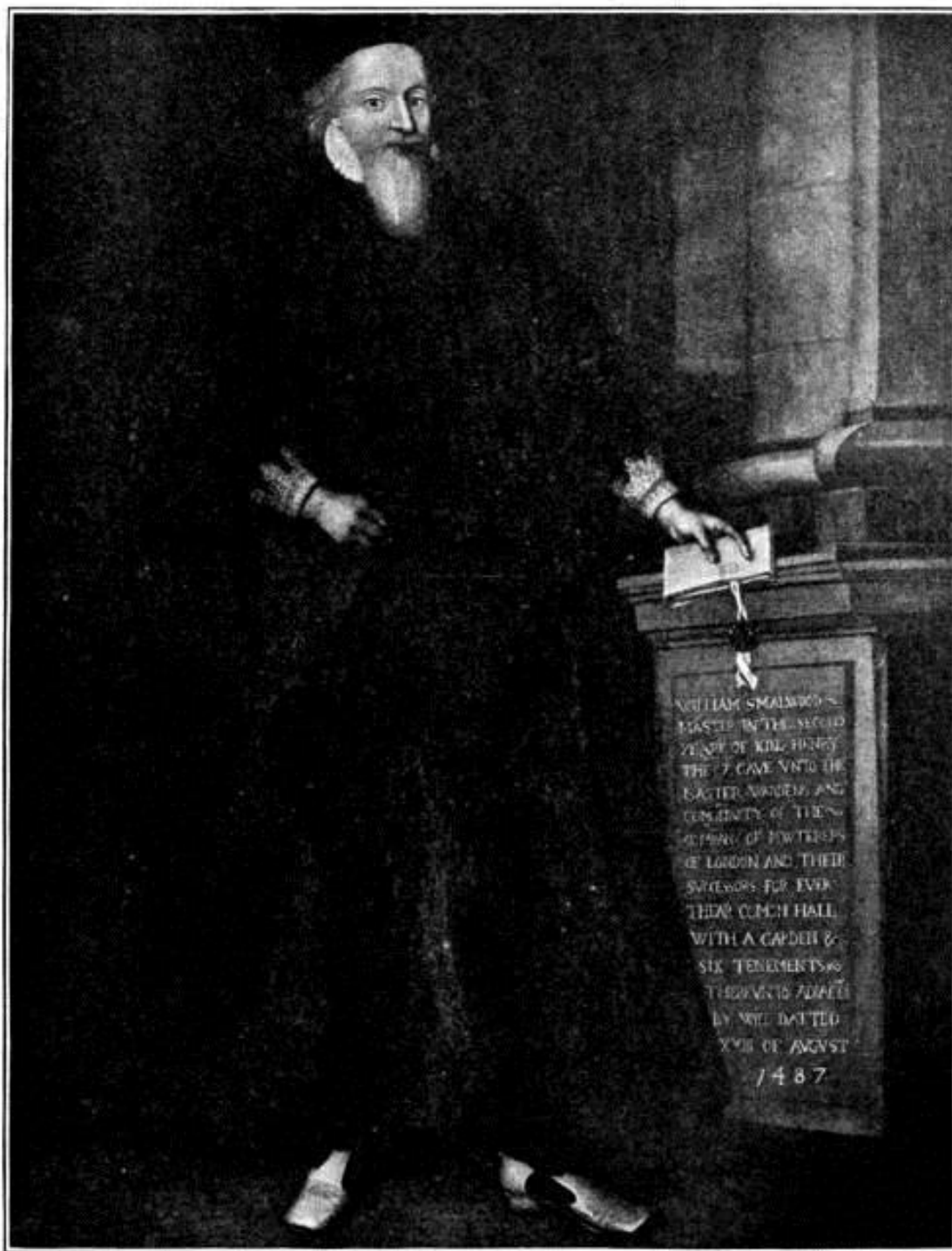
Какова была власть объединенной компании? Ключевым моментом различия между Обществом и Братством было то, что первое обладало властью, а второе - нет.

Получив новые полномочия, Компании передали в свои руки полный контроль над торговлей. Отныне в функции мэра входило разбирательство споров и урегулирование разногласий между компаниями, особенно в тех случаях, когда профессии пересекались. Надзиратели, или мастер и надзиратели, созывали собрания ливреи; на этих собраниях принимались постановления; в обязанности надзирателей входило следить за исполнением своих законов. Они имели право, которое братства получили от мэра, осматривать работы и уничтожать все "ложное". Во всех вопросах, касающихся Гильдии, мастер и надзиратели составляли единственный суд: апелляционного суда не было; их решение было окончательным. Были некоторые исключения из их власти; мэр и олдермены держали в своих руках продажу и цены на хлеб, мясо, напитки и топливо. Наказания за легкие проступки состояли в штрафах, либо деньгами, либо воском, либо пивом и вином. За серьезные проступки худшим и последним наказанием было изгнание из гильдии. Изгнанный таким образом человек не мог больше заниматься своим ремеслом в городе. Мы также слышали, что за нечестность или безнравственность префектов пороли. Каждый человек, занимавшийся каким-либо ремеслом в городе, должен был принадлежать к компании этого ремесла. В противном случае не было бы никакой силы, способной обеспечить соблюдение их законов. Что толку призывать к выполнению хорошей работы, если колония рабочих поселится в Сити и откажется подчиняться этим законам или вступать в их компанию? Это правило было введено из соображений самосохранения. Впоследствии оно стало орудием угнетения, когда число членов было ограничено.

Забота, с которой компании обеспечивали хорошую работу, была уравнена ревностью, с которой они относились к приему новых членов. Они обращали внимание на моральный облик рабочего, а также на его мастерство в ремесле. Они заставляли его проходить ученичество, длившееся от семи до десяти лет. Они принимали мальчика так, чтобы внушить ему важность обязанностей, к которым он приступал. По окончании срока обучения его с такой же торжественностью принимали в члены Компании, а значит, в свободные жители города.

Помимо заботы о молодых людях, компания заботилась об инструментах. Они должны были регулярно проверяться; их "свидетельствовали как хорошие и честные". Часы работы были определены: никто не должен был работать дольше, чем с начала дня до комендантского часа, а ночью - при свечах. Одна компания, ткачей, запрещала любую работу между Рождеством и Сретением (2 февраля). Никто не должен был работать ни в воскресенье, ни в праздники, ни в канун двойного праздника, ни в субботу после обеда. Рабочие потеряли свой субботний полупраздник после Реформации; им потребовалось 300 лет, чтобы вернуть его.

Что касается постановлений, которые регулировали поведение членов церкви по отношению друг к другу, то я могу обойти их стороной. Они были мудрыми; они делали все возможное, чтобы не допустить чрезмерного увлечения, недопродажи, отъема хороших слуг у брата-члена, продажи одному члену, задолжавшему другому, и, одним словом, чтобы создать и поддерживать чувство братства. Для тех, кто впал в нищету, были предусмотрены средства. Пока кто-либо из членов оставался без работы, ни одному члену не разрешалось нанимать никого из посторонних; жена и дети члена могли работать в ремесле вместе с мужем или отцом.

УИЛЬЯМ СМОЛЛВУД, МАСТЕР КОМПАНИИ ОЛОВЯНЩИКОВ

Из книги Уэлча "История компании оловянщиков".

Со временем, очень быстро, появились злоупотребления. В ремеслах стали ограничивать число членов; более богатые члены отделялись и образовывали другие компании - сапожники уходили от сапожников, кожевники - от сапожников; мастера удерживали зарплату с рабочих; подмастерьям не разрешалось работать за свой счет, они не могли становиться мастерами; среди мужчин возникали забастовки, особенно в строительном ремесле; подмастерья создавали собственные компании, которые использовали для повышения зарплаты; в 1383 году был издан указ, запрещающий объединять рабочих. Среди подавленных таким образом объединений были объединения шорников "йоменов" и портных "йоменов".

Расчистив таким образом место, мастера могли использовать компании исключительно в своих интересах. Они старались все больше и больше ограничить число членов и сделать ремесла Лондона монополией нескольких семей; в этой попытке они были слишком успешны; в XVI веке Бэкон называет городские компании "братствами зла". Мастера заставляли подмастерьев клясться, что они не будут заниматься торговлей за свой счет без согласия мастеров. Слабость закона проявилась в провале закона Генриха (1537); установив вступительный взнос для подмастерья в размере 2s. 6 д., она выросла до 40 с., до 10 фунтов, во времена Якова Первого - до 20, 60 и 100 фунтов, а в 1720 году - до 500 фунтов и более.

Что касается дальнейшего вырождения и окончательного разорения ремесленных гильдий, то я снова ссылаюсь на Луиго [Брентано](#)¹⁶.

"Поскольку ремесленные гильдии повсеместно опустились до простых обществ для вложения капитала, а их дивиденды полностью зависели от исключения конкуренции, было неизбежно, что дух наживы должен был привести их к ограничениям, которые становились все более угнетающими для общества. Вызываемое ими раздражение значительно усиливалось процессом, который после XVI века часто происходил во всех странах; ремесленные гильдии, а именно те, которые до сих пор состояли из родственных ремесел, разделились на несколько, в соответствии с отдельными ремеслами. Затем они с величайшей ревностью следили друг за другом, чтобы не допустить посягательств на свои взаимные права, и постоянно вели друг с другом бесконечные тяжбы. Так, например, Флетчеры и Боуиры в Лондоне разделились на две корпорации во времена правления Елизаветы. Можно удивляться тому, что, с одной стороны, рабочие, чье положение так сильно ухудшилось из-за вырождения ремесленных гильдий, не свергли их господство сразу, как ремесленные гильдии в свое время вытеснили выродившиеся гильдии патрициев, а с другой стороны, государство в интересах общества не предприняло никаких шагов к упразднению гильдий, чего уже так часто желали. Что же касается рабочих, то, хотя их положение и особенно перспективы значительно ухудшились в результате вырождения ремесленных гильдий, их интересовала скорее реформа, чем упразднение этих организаций. Ремесленные гильдии поддерживали ряд правил, которые защищали рабочих, и благодаря этому их материальное положение кажется удобным и свободным от забот, если сравнивать его с положением фабричных рабочих в начале этого века, когда этих правил уже не существовало. Поэтому в те времена восстания рабочих можно было встретить только из-за нарушений гильдейских правил. Но что касается реформирования ремесленных гильдий в соответствии с интересами рабочих, то последние не были достаточно сильны, чтобы провести его против своих хозяев. Они все еще крепко держались вместе в своих гильдиях и не соперничали друг с другом, как в более поздние времена (и как раньше патриции), ослабляя конкуренцию. Государство также изменилось и уже не состояло, как прежде, из множества мелких государств. Поскольку после XVI века государство во всех странах постоянно становилось все более централизованным по своим видам, подмастерья не могли действовать с той же легкостью, с какой ремесленники действовали в прежние времена в городах. Кроме того, благодаря изолированному методу работы, они еще не приобрели того чувства солидарности, того сознания силы масс, которое с тех пор появилось у наших фабрикантов. Что же касается упразднения государством ремесленных

гильдий, то короли использовали буржуазию в качестве опоры; сначала, как Генрих VII в Англии, против дворянства, а затем, поскольку они нуждались в них по материальным причинам..... Причины низвержения ремесленных гильдий возникли в самой буржуазии. Этими причинами были: рост крупного капитала и его вложение в мануфактуру. Во 2-й и 3-й частях "Филиппа и Марии" уже указывается на начало этого процесса. После заявления о том, что "богатые суконщики притесняют ткачей, некоторые из них устанавливают и держат в своих домах различные ткацкие станки и содержат их с помощью подмастерьев и других неумелых людей; некоторые захватывают ткацкие станки в свои руки и сдают их за такую неразумную арендную плату, что бедные ремесленники не в состоянии содержать себя, а тем более своих жен и семьи; некоторые снова дают меньшую плату за изготовление ткани, чем в прошлые времена, в результате чего они вынуждены полностью отказаться от своих занятий и т. д.; постановляется, что ни один суконщик, живущий вне города, бурга или рыночного города, не должен держать более двух ткацких станков и более двух подмастерьев" и т. д. Короче говоря, закон стремится защитить мелких мастеров от конкуренции богатых капиталистов. Но ни этот закон, ни все другие попытки корпораций не смогли сдержать процесс развития, который, особенно в результате ряда технических открытий, полностью отдал производство в руки крупных капиталистов. Ремесла, а вместе с ними и корпорации, постоянно теряли свое значение и только вызывали ненависть и презрение, пытаясь остановить естественный ход событий".

Подведем итоги возникновения и развития Гильдии.

1. Мы имеем семью, объединенную для защиты всех своих членов, стоящих друг за друга, несущих ответственность друг за друга.
 2. Далее мы имеем объединение соседей вместе, многих семей, чтобы сформировать гильдии религии, братской любви и взаимной защиты.
 3. Ремесленники объединяются для торговых целей, регулируют производство, ревностно следят за стандартами работы, устанавливают часы работы и цены, исключают иностранцев и импортируют сырье. У этих профсоюзов не было никаких полномочий, кроме тех, которые они получали по общему соглашению.
 4. Создание гильдии торговцев.
 5. Возникновение городской аристократии, которая узурпирует власть, владеет городскими землями, вводит налоги и нагло относится к ремесленникам.
 6. Восстание ремесленников против аристократии и их окончательная победа после долгой борьбы.
 7. Создание торговых или ремесленных компаний, не гильдий, исключительно для торговых целей, на основании ордонансов, утвержденных мэром.
 8. Завоевание власти новыми компаниями.
 9. Полное подчинение ремесленников в течение пятисот лет их собственным компаниям.
-

ЧАСТЬ II

ЦЕРКОВНЫЙ ЛОНДОН

ГЛАВА I

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Если церкви и религиозные дома составляют религию, то Лондон тринадцатого и четырнадцатого веков, несомненно, достиг наивысшей точки, когда-либо достигнутой в религии. Церковь была повсюду. В приложениях IV. и V. вы найдете список приходских церквей и их патронаж. В аббатствах, приорствах, женских монастырях и братствах содержалась огромная армия церковников - от архиепископа до францисканского монаха: отшельники, анкориты, прощатели, лимиторы, сомнуры, церковные служащие всех мастей - все они были на виду. Ни одна улица не напоминала горожанину шпилем или стеной, что Церковь всегда рядом с ним, чтобы управлять его жизнью и сократить срок чистилища, при простом условии его послушания. Религия пыталась управлять всем обществом: она претендовала на то, чтобы контролировать всю политику и политическую экономию: но сила религии никогда не была равна ее амбициям: религия не могла остановить войну, насилие и бесчинства войны. Если бы она могла это сделать, мир был бы сейчас заключен в цепи и рабство. И все же хорошо, что существует Церковь, которая в какой-то степени сдерживает людей. Пока что она держала в своих руках все обучение, все науки, все искусства, все профессии. Формы, обязанности и правила Церкви сопровождали всех людей от младенчества до могилы. По велению церкви весь народ, начиная с короля и заканчивая его приближенными, отказывался от мяса на четвертую часть всего года. Уже один этот факт говорит об огромной силе Церкви. На протяжении сотен лет Церковь с большей или меньшей энергией и с большим или меньшим успехом проповедовала уважение к человеческой жизни и самоограничение. Иногда Церковь переживала не лучшие времена; ее еkkлезиасты были амбициозными, мирскими, развратными, скупыми; но в целом они всегда превосходили окружающий мир. Таким образом, можно сказать, что Церковь всегда могла быть лучше, но мир всегда был хуже.

Итак, давайте вкратце разберемся, что подразумевалось под религиозной жизнью Лондона в четырнадцатом веке.

В Лондоне было сто двадцать шесть приходских церквей. Это кажется огромным числом для населения, не превышающего 120 000 человек или около того. Но мы должны помнить, что церковь делала для людей. Ежедневные службы, пение ежедневных месс за живых и мертвых, похороны, венчания, крещения, посещение больных, руководство братствами, бесчисленные религиозные обряды и обычаи - для всего этого церковь была центром, а приходские священники - руководителями.

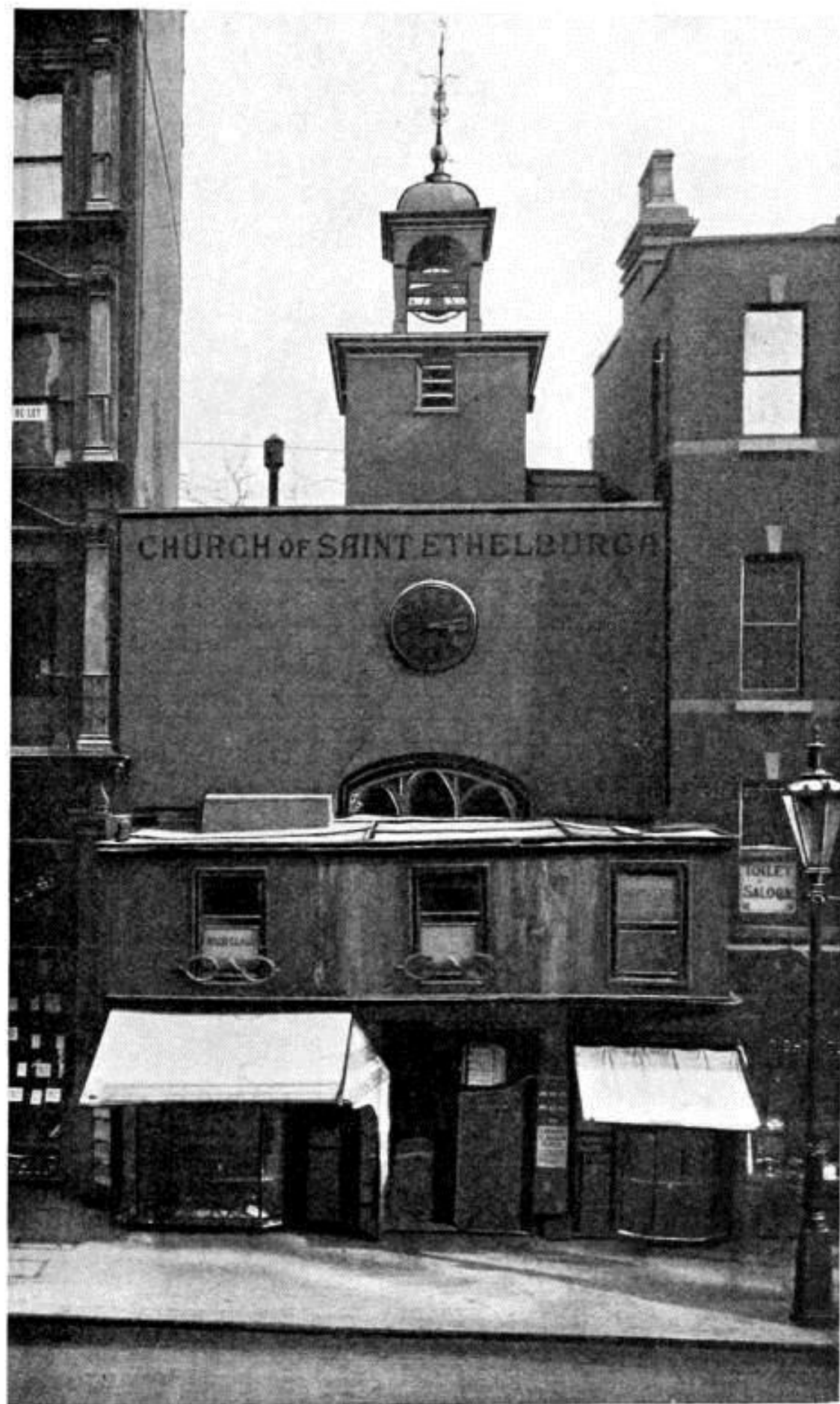
Границы прихода сначала не были строго определены; они накладывались на границы прихода; это были вопросы соглашения: только после того, как Закон о бедных сделал определение необходимым, границы были окончательно и точно установлены.

Увеличение числа приходов отчасти объяснялось, несомненно, желанием искупить грехи, построив, наделив и украсив церковь для блага души основателя. Перепись населения города, проведенная в любой период между девятым и пятнадцатым веками, несомненно, показала бы почти неподвижную цифру, которая понижалась при нашествии чумы или повышалась после длительного отсутствия чумы, моровой язвы, пожара или голода. В среднем на каждую церковь приходилось около тысячи душ. Происхождение городских церквей, как правило, установить невозможно. Самые древние посвящения церквей показывают, что лондонские приходы были заселены еще до норманнского завоевания: большинство лондонских церквей, вероятно, были построены в восьмом веке или около него во время этой странной вспышки религиозного энтузиазма, первой из многих, охвативших страну.

Лондон был городом церквей: невозможно было оторваться от вида зеленого церковного двора, деревьев, стоящих над могилами, и маленькой церкви среди них. Невозможно было оторваться и от звука церковных колоколов. Весь день, с рассвета до ночи, звонили колокола, причем не только в церквях, но и в монастырских домах. Высоко над ударами наковальни и многоголосым ревом промышленного города раздавался непрерывный звон колоколов. То, что слышал мальчик Уиттингтон в Хайгейте, не было звоном одной только церкви Боу; это был звон колоколов всех церквей и всех монастырей Лондона.

По моим приблизительным подсчетам, вместе с приходскими церквями и их имуществом целая четверть Сити была занята религиозными домами и принадлежащими им заведениями. Что касается доли населения, которое содержала церковь, то мы можем составить представление об этом на примере одного только собора Святого Павла: - В 1450 году Общество, Общество Святого Павла, содержало собор Святого Павла.

В 1450 году в состав соборного общества входили: епископ, декан, четыре архидиакона, казначей, прецептор, канцлер, тридцать каноников высшего ранга, двенадцать каноников низшего ранга, около пятидесяти капелланов, или священников, и тридцать викариев. К ним относились: сакрист и три вергера, сукцессор, учитель певческой школы, учитель грамматической школы, алмонер и четыре вергера, слуги, землемер, двенадцать писцов, переписчик книг, переплетчик, камергер, сборщик ренты, пекарь, пивовар, лавандисты (мойщики), певчие и хористы, из которых делали священников, постельничие и бедняки. К ним следует добавить слуг всех этих должностных лиц: пивовара, который в 1286 году сварил 67 814 галлонов пива, должно быть, нанимали очень многие; пекаря, который ежегодно выпекал 40 000 хлебов, или каждый день более сотни больших и малых; дьячки, копатели могил, садовники, звонари, изготовители и закройщики церковных одежд, уборщики и подметальщики, плотники, каменщики, художники, резчики и позолотчики - можно понять, что церковь св. Павла находила средства к существованию по меньшей мере для тысячи человек.

The Photochrom Co., Ltd.

СТ. ETHELBURGA'S CHURCH, BISHOPSGATE STREET

Такое же оборудование было необходимо и в любом другом религиозном учреждении. Ни в одном монастыре не было больших и малых служителей и их слуг. В каждом были звонари, певчие и мальчики, вергельды, садовники, пивовары, пекари, повара, посыльные, писцы, сборщики ренты, и все они были полны сами по себе, как и церковь Святого Павла, хотя и в меньшем масштабе. Затем, если мы рассмотрим приходские церкви. В некоторых случаях к каждой церкви прикреплялось по два священника для ежедневных служб: если, скажем, было пятнадцать канцелярий, а в некоторых их было гораздо больше, принадлежащих каждой, то мы имеем более 2000 священников только для приходских церквей; далее, были люди, принадлежащие к каждой церкви: хор, ризничий, органист, будочник, пономарь, анхорит или анкress, в среднем, около сотни, включая семьи тех, кто был женат. Таким образом, на пожертвования и доходы городских церквей живут около 12 000 душ.

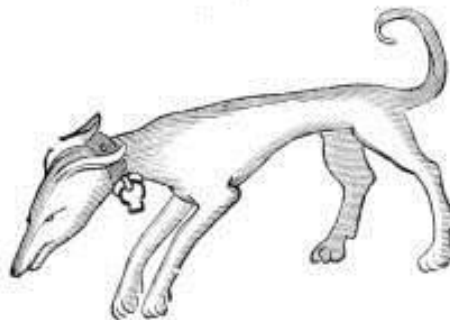
Если в соборе Святого Петра в Вестминстере было восемьдесят монахов, то на их службе находилось не менее ста человек, все они были женаты и имели семьи. Сейчас в Лондоне и за его пределами существовало около двадцати пяти религиозных домов, больших и малых. Если взять в среднем семьдесят человек различных профессий, прикрепленных к каждому Дому и живущих при нем, и в среднем тридцать братьев и сестер, то получится около 7000 человек, принадлежащих к ним. Таким образом, в лондонском Сити и его пригородах насчитывалось около 20 000 человек, которые работали на церкви и религиозные дома и жили при них. Примерно пятая часть населения Лондона жила за счет церкви. Это умеренная оценка. Пропорция церковников и их слуг к общей численности населения, вероятно, была гораздо выше.

В глазах лондонцев епископ был самым важным человеком в стране после короля: он жил среди людей и был их естественным защитником: у него был свой дворец в пректе, на северо-западе от собора; он присутствовал в церкви на всех великих праздниках - Рождестве, Пасхе, Вознесении, Витсандее, праздниках Святого Павла и Святого Эркенвальда, а также в Маунды Четверг и Пепельную среду (см. Приложение VI.). Он соблюдал величайшее состояние, когда отправлялся в путь: с ним ехали из одного в другой загородный дом не менее сорока человек, включая его оруженосцев, капелланов, молодых монахов, вверенных его попечению, и слуг: он был щедр на благотворительность: он был величествен в своей карете и великолепен в своем платье. Как и во времена Вильгельма Завоевателя, так и во времена Эдуарда Третьего, епископ Лондона вместе с мэром олицетворяли собой Сити, а мэр стоял за спиной епископа.

Собор, расположенный посреди Сити, принадлежал всем одинаково: его великолепные службы, пение хора, игра органа, шествие священников с белыми и золотыми копнами, звон колокола каждый день семь раз с рассвета до комендантского часа для стольких же служб, святыни святых, сверкающие золотом и драгоценными камнями и богатыми вышивками, особенно святыни св. Эркенвальда, святой Этельбурги и святого Меллита, - все это привлекало горожанина и сохраняло его верность вере.

ПРИОРЕССА
Из собрания Элсмира.

МОНАХ И ЕГО БОРЗЫЕ

После соборных сановников были приходские священники и священники-кантри, а также великое войско тех, кто жил у алтаря; анкориты и отшельники, монахи и монахини, монахини и сестры, все те, кто составлял обслугу монастырских домов, больниц для больных, домов для умалишенных, домов прокаженных, школ и колледжей. Последние были не учебными заведениями, а колледжами священников, из которых сохранились колледж Всех Душ в Оксфорде и колледж в Далвиче. В Лондоне были колледжи Святого Томаса из Акона в

Чипсайде, где сейчас находится Мерсерс-холл; Святого Духа и Святой Марии, основанный Уиттингтоном для магистра и четырех стипендиатов с клерками, кондукторами, хористами и богадельней; Святого Михаила, Крукед-Лейн, для магистра и девяти стипендиатов; Общины Иисуса для священников; и Папея Святого Августина для старых и немощных священников. Тихие и приятные места, где жизнь мягко текла своим чередом; где не было никаких обязанностей, кроме ежедневной мессы, никаких правил, никаких аскез - идеальная жизнь для ученого среди книг библиотеки и для тех, кто любил сидеть в одиночестве и размышлять среди деревьев и цветочных клумб сада летом или в застекленных клуатрах, укрытых от холодного ветра и мороза зимой. Что же думали и во что верили люди за окном, в будничном мире? Историю религии или религиозной мысли в Лондоне нельзя отделить от истории всей страны. Это история энтузиазма, сменяющего друг друга. Когда вся Англия в VIII веке с новым, ошеломляющим чувством осознала реальность христианства; когда короли и королевы, графы и таны, а также знатные дамы толпились в монастырях, готовясь к следующему миру, по сравнению с которым нынешний мир не стоит и рассматривать, жители Лондона, со своей стороны, перестроили Вестминстерское аббатство и основали дом St. Мартина-ле-Грана; они разделили Лондон на приходы и возвели приходские церкви; они создали гильдии для духовного окормления тех, кто не мог попасть в Религиозный дом.

За двести лет борьбы с датчанами и норманнами эти Дома были разрушены, а если и сохранились, то с меньшим числом братьев и более скудными пожертвованиями.

Когда порядок вернулся, и сильный король позволил людям жить без оружия войны под рукой, разум народа, всегда глубоко религиозного, вновь обратился к реалиям невидимого мира. В нем вновь пробудилось чувство перемен и упадка, а также никчемности мимолетных вещей. Придворные шуты, обращенные в веру, основали больницы; городские отцы передали городские земли вновь основанному Дому Святой Троицы. Повсюду возникали монастыри, женские монастыри и колледжи. Новые устои удовлетворяли людей еще около ста лет. Затем они вновь пробудились к старому. Они обнаружили, что религиозная жизнь не всегда протекает в религиозном доме; капюшон не делает монаха монахом. Монахи пришли в страну; они показали людям новый вид религиозной жизни; жизни, не отделенной от мира, но движущейся и живущей в мире; жизни, которая спасает душу, теряя ее, и возносится на небеса молитвами и благодарностью мужчин и женщин, которых она подняла из трясины греха, болезней и страданий. Более благородной формы христианства не существует. Франциск открыл для себя мысли самого основателя.

В течение ста и более лет монахи поддерживали жизнь новой религии. Впоследствии эта отпала; но их раннее учение сохранилось и стало основой лоллардизма. Когда религиозные дома были подавлены, жители Лондона смотрели на это без протеста; их работа была сделана; город снова просыпался с новым энтузиазмом. Реформация, множество сект новой веры, фанатизм семнадцатого века, энтузиазм восемнадцатого, господство евангелистов, возвращение доктрины Высокой церкви, развитие ритуала - все это лишь проявления того же духа, который вызвал Возрождение при Генрихе Четвертом и пуританство времен Гражданских войн. Много перемен проходит по лицу Лондона, но в глубине его лежит неизменный древний дух религии.

КАПЕЛЛА ГЕНРИХА V В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ

Из гранкированного издания Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящегося в библиотеке Гилдхолла.

В приходской церкви, обычно представлявшей собой небольшое здание, возведенное каким-нибудь горожанином, получившим часть Сити для своего прихода, было мало великолепия. Каждый день приходской священник читал утреннюю мессу, а вечером - вечерню: каждое утро священники костела перед боковыми алтарями пели мессу за души

своих основателей. В День всех душ приходской священник пел мессу за души всех христианских мужчин и женщин. Было много бедных верующих женщин, которые не могли найти денег, чтобы оплатить заупокойную мессу или некролог, или годовую мессу за душу своего мужа или сына - хотя она прекрасно знала, бедняжка, как сильно он нуждался в этой помощи. Но она утешалась мыслью, что, пока длится мир, эта ежегодная месса будет совершаться на благо всех несчастных страждущих душ.

Как правило, надел шантрапы был рассчитан на одного священника, но часто на двух, в некоторых случаях на трех, а в одном случае (Адам де Бери в 1364 году) - на семь священников. В XIV веке только в соборе Святого Павла было более 70 капелл. Кроме того, существовало 111 обит или фондов для нерегулярных месс, что в целом давало доход в 183 фунта стерлингов 18,3-1/2 фунтов стерлингов.

Во времена правления Ричарда Второго епископ Брейброк обнаружил, что некоторые канцелярии пришли в упадок, а пожертвования были утеряны или растрочены. Он объединил несколько самых бедных из них. Он также постановил, что ни один благодетельный священник не должен владеть капеллой, и установил правила для священников капеллы. Они должны были присутствовать на службах хора днем и ночью, принимать участие в процессиях и похоронах, а также жить в домах, предоставленных для них, или в палатах шантри. Эти священники, похоже, доставили немало хлопот своими скандалами. Следует помнить, что они, как правило, не были людьми учеными, что их единственная обязанность состояла в ежедневной мессе за душу своего Основателя, и что им приходилось проводить весь день в безделье. Кроме того, они были крайне бедны: средняя стипендия составляла 5 фунтов стерлингов в год, что эквивалентно примерно 75 фунтам. Архиепископ Садбери в 1378 году отозвался о них в самых резких выражениях, подытожив свое перечисление их пороков словами о том, что их жизнь направлена *"in virorum ecclesiasticorum detestabile scandalum, et exemptum perniciosissimum laicorum"*.

Невозможно, я думаю, определить, насколько лондонский ремесленник помогал в церковных делах. По крайней мере раз в год он должен ходить на исповедь. Папа ввел это правило в 1215 году. Ремесленник, вероятно, ходил на исповедь в один из больших праздников. Каждое воскресенье утром он должен присутствовать на мессе. Эта обязанность тогда, как и сейчас, возлагалась на каждого верного чада Церкви. Несомненно, он подчинялся этому закону. Существовали подати, и он должен был их платить; были монахи, которые приходили просить милостыню: он жертвовал из своей бедности; и он должен был поститься в Великий пост, по пятницам и в некоторые другие дни - всего около ста дней. В этом он должен был повиноваться, потому что мясные лавки были закрыты, и он не мог купить мяса. Он должен был жениться; крестить детей; платить взносы за бдение по усопшим. Еще одной важной функцией духовенства было примирение врагов и разрешение споров с помощью "дней любви". Существует множество упоминаний о днях любви. Пирс Плаумен постоянно говорит о них, причем с горечью, как будто церковь сделала должность миротворца средством своего обогащения. Райли цитирует постановление, запрещающее людям устраивать беспорядки, назначая дни любви.

ГРАФ НОРТУМБЕРЛЕНД ПРИНИМАЕТ МЕССУ
Харл. MS. 1319.

Память об одном из таких дней любви сохранилась с 1484 года, когда был окончательно улажен спор между двумя компаниями лондонского Сити. Именно 10 апреля 1484 года лорд-мэр и олдермены решили давний спор между Компанией торговцев-тайлоров и Компанией скорняков следующим образом:- "Указанные мэр и олдермены, в вышеупомянутый день и год, взяв на себя управление, руководство и ответственность за арбитраж и в помещениях, "для норинга гороха и любви между вышеупомянутыми Мастерами Вардейнами и Феллашипам", постановили и присудили, что Мастера и Вардейны должны обедать каждый год вместе в своих соответствующих залах; Тайлоры со Скиннерами на бдение Корпуса Кристи; и Скиннеры с Тайлорами на праздник Рождества св. Иоанна Крестителя; а что касается старшинства, то каждая компания должна была принимать его в каждом очередном году, за исключением того, что мэр одной из компаний должен отдавать предпочтение этой компании в год своего пребывания в должности."

Так указ соблюдался 414 лет, пока между двумя братствами царили "горох и любовь".

В двенадцатом веке мы видим, что лондонские священнослужители женились, причем на семьях самого высокого положения. Поэтому их браки не рассматривались народом, хотя и были запрещены церковью, как нечто предосудительное. На Синоде 1108 года и на Синоде 1125 года, проходившем в Лондоне, были установлены самые строгие правила против браков священников. Их женам, которых называли наложницами, было отказано в титуле жены, однако священники продолжали жениться. Даже в шестнадцатом веке, когда Скелтон укрылся в Санктуарии от гнева Вулси, он взял с собой жену и детей.

В тринадцатом веке были предприняты новые усилия по обеспечению безбрачия настолько жестко, насколько это было возможно. Духовенство городов, по крайней мере Лондона, было

вынуждено соблюдать целибат, но не сельских жителей, где рука епископа была слаба. Холиншед, например, рассказывает о методах, принятых в 1225 году (ii. 358):- "В этот год также пришли священнослужители.

"В этом году также вышел указ архиепископа Кентербургского и его помощников о том, что наложницам префектов и клириков в пределах ордена (так тогда называли их жен в знак презрения к их брачному союзу) должно быть отказано в христианском погребении, если только они не раскаются, пока живы в полном здравии, или не покажут явных признаков раскаяния во время своей смерти. Этим же указом им запрещалось принимать пакс во время мессы, а также святой хлеб после мессы, пока пресвитеры держат их в своих домах или используют их публичное общение вне своих домов. Кроме того, они не должны очищаться, когда рожают ребенка, как другие добрые женщины, если только они не найдут достаточной помощи у архидиакона или его чиновника, чтобы получить удовлетворение на следующей главе или суде, который состоится после того, как они будут очищены. И должны быть отстранены префекты, которые не представили всех своих наложниц, проживающих в их приходах. Кроме того, все те женщины, которые были осуждены за плотскую связь с прецептом, тем же указом должны были совершить открытое покаяние. Тут может возникнуть вопрос, распространялся ли этот указ на жен префектов или нет? На что можно ответить, что как четырехугольник в геометрии включает в себя треугольник, а кватернион в арифметике объединяет тернион, так и в логике универсальное предложение включает в себя конкретное. Но здесь говорится, что все женщины, имевшие плотское сношение с предводителем, подлежали наказанию, поэтому некоторые, а следовательно, и все жены предводителей. Но, похоже, не в этом смысл того постановления, ибо презстам не разрешалось иметь жен, ибо папа Сериций рассудил, что все те из клириков, у кого есть жены, не могут угодить Богу, потому что находятся в карне, что он и остальная часть той литеры отнесли к браку, признав, что ни в коем случае церковники не должны пользоваться правами брака. В этом они наносят Богу большой вред, пытаясь ограничить этот большой институт брака, в котором все сословия взаимосвязаны".

В четырнадцатом и пятнадцатом веках мы видим естественный урожай и плоды этого принудительного безбрачия.

Я не хочу выдвигать гневные обвинения против нравственности духовенства. Однако совершенно точно, что если большому количеству людей, не имеющих ни образования, ни любви к учебе, которым поручена работа, занимающая их очень небольшую часть дня, запрещено жениться, и если они живут по большей части среди низших классов города, пьют свободно и столько, сколько могут себе позволить, результатом будет, должно быть, преобладание среди них безнравственности. Примеров и доказательств такого положения вещей предостаточно. В 1385 году мы имеем дело с Элизабет Моринг, которая принимала девушек номинально в ученицы, но на самом деле вела развратную жизнь и "вступала в связь с монахами, капелланами и другими подобными мужчинами". В 1406 году мы читаем о некоем Уильяме Лэнгфорде, капеллане, который прелюбодействовал с Маргарет, женой Ричарда Дода. В 1255 году некий капеллан и приходской священник взял санктуарий в соборе Святого Павла и признался, что украл шестнадцать серебряных блюд. В 1320 году капеллан был арестован за ночные прогулки и ношение оружия против мира. В 1416 году Уильям Крэтфорд, священник, сообщается как обычный и отъявленный вор и лоточник на дорогах. В 1408 году Райли сообщает, что в "Книге писем" этого времени (Генрих IV - Генрих VI) содержится "несколько десятков подобных обвинений", а именно в блуде и прелюбодеянии. Чтобы пресечь этот порок и наказать преступника, они пытались запретить кому-либо платить или нанимать инкриминируемого клерка. Это было сделано в 1413 году, когда два священника церкви Святого Брайда на Флит-стрит

были уличены в прелюбодеянии одновременно с двумя женщинами в этой церкви. Насколько можно доверять Уильяму Ланглендскому в том, что он излагает правду без преувеличений? Неизвестно. В "Пирсе Пахаре", однако, фигура Лентя - священник. Он признается (Skeat's Edition, B. Passus v. p. 168): - "I have been prest and parsus".

"I have be prest and parsoun passynge thretti wynter,

Gete can I neither solfe [Sol-Fa] ne synge ne seyntes lyues rede,

Но я могу найти в фельде или в борозде зайца,

Лучше, чем в *beatus vir* или в *beati omnes*.

Понять одну клаузулу хорошо и знать ее наперечет.

Я могу держать в руках любимых и здесь рекенингов,

Ac in canoun ne in decretales I can noought rede a line".

На скандальную жизнь религиозных деятелей указывает и многое другое. Так, епископ Линкольна - не Лондона - в правление Генриха III, посещая религиозные дома в своей епархии, обыскивал спальни и постели монахов и монашек, а в женских монастырях проводил самые тщательные обследования. Вряд ли это было бы сделано без серьезных подозрений и донесений.

Еще одним громким скандалом в Церкви стало назначение иностранцев на высокие посты и должности.

В 1245 году была составлена опись всех бенефиций, которыми владели иностранцы, назначенные Папой Римским. Выяснилось, что этим иностранцам ежегодно выплачивалось 60 000 марок. В переводе на наши деньги это означает почти миллион. Ожесточение, вызванное этим, было настолько сильным, что во многих районах люди отказывались платить десятину и подати. Есть и другие свидетельства враждебности к притязаниям Папы. Некий картузианец из Лондона предстал перед легатом за то, что учил, что Григорий не был истинным папой. Монахи Дарема отказались подчиниться папскому ордонансу, который предписывал каждому, кто был назначен аббатом, отправиться в Рим, чтобы получить там папское благословение. А архиепископ Йоркский, отказавшийся отдать доходы своей епархии итальянцам и иностранцам, был проклят папой колоколом, книгой и свечой. Однако это сопротивление опередило свое время; по сути, оно было слишком ранним на двести лет.

В 1222 году мы узнаем о некоторых случаях жестокой смерти, совершенной по религиозным причинам. Они произошли не в Лондоне, а в Оксфорде. Перед советом этого города предстал человек, обвиненный в том, что он выдавал себя за самого Христа - Холиншед говорит, что за двух, а Матфей Вестминстерский - за одного, и невозможно, чтобы два человека одновременно выдавали себя за Христа. Самозванец показывал стигматы на руках и ногах и в боку: говорят, что он проповедовал против злоупотреблений церковников. Действительно, никогда не было времени, когда эти злоупотребления были более вопиющими, чем во времена правления Генриха Третьего. Этот человек явно был энтузиастом, который постепенно сходил с ума от религиозного пыла, пока не убедил себя в том, что он и есть тот самый Христос, чью религию он пытался проповедовать. Другой был последователем и учеником этого энтузиаста. С ними были две женщины - когда еще энтузиаст обходился без благочестивой женщины? Одну из этих бедняжек вождь уверил, что она - Дева Мария, а другую - что Мария Магдалина. Обе, разумеется, твердо поверили в это заверение. Всю четверку судили, лидера фактически распяли, в насмешку над его претензиями, а женщин "приговорили", скорее всего, к сожжению.

ИНТЕРЕСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СТАРИНЫ В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ

Дьявол с монахом на плечах. Резьба по дереву, опора сильно изуродована.

С^т. Пол.

Филиппа герцогиня Йоркская умерла Anno 1433. Часовня Николая.

Голова, поддерживающая большую балку в палате под крышей в восточном конце рядом с часовней Генриха VII.

Женщина, бьющая монаха ватой. Резьба по дереву под одним из кресел рыцарей Бани в капелле Генриха VII.

Коронационное кресло.

Против этих примеров преступности и невежества можно поставить тот факт, что никогда не было столь яростных и единодушных нападков на светское духовенство, какие мы находим в отношении монахов. И мы можем с полным основанием заключить, что портрет парсона Чосер написал с

натуры, и что среди лондонского духовенства было немало тех, кто мог бы послужить моделью: -
"A good man was ther of ther of ther of ther iars".

"A good man was ther of religioun,

And was a povre PERSOUN of a toun;

Но богат он был святыми вещами и работой.

Он был также ученым человеком, клерком,

Который Евангелие Кристеса трепетно превозносил;

Его прихожане благочестиво его слушали.

Он был добр, и удивительно прилежен, И в спорах с противниками покладист;

И был он в делах преуспел.

Ful looth were him to cursen for his tythes,

Но, скорее, он должен был уклониться от ответа,

И не стал бы он, из сомненья, отпираться

О его нападении, и о его замене.

He coude in litel thing han suffisaunce ...

Этот благородный пример он подал своим овцам,

Сначала он боролся, а потом учил;

Из Евангелия он слова уловил;

А к этому он добавил еще и вот что,

Что если золото ржавеет, что же делать?

Ибо, если проклятие испорчено, на кого мы уповаем,

Не удивительно, что ржавеет поникший человек;

И позор, если презент хранит,

Срамной пастух и срамная овца.

Пусть будет пример для подражания,

Своим поведением, как должны жить его овцы".

"Лучше престола, я думаю, нет нигде в полдень.

Он не хотел, чтобы его почитали и уважали,

Он сделал его шпионом совести,

Но Христов учение и апостолов двенадцать,

Он научил, и сначала он сам следовал им".

Чосер делает жену мельника из Трампингтона дочерью священника и воспитанной в женском монастыре. По поводу этого факта у Скита есть [примечание17](#).

"Утверждение, что ее отцом был пастор города, вызвало удивление. В "Чосере" Белла выдвигается версия, что священник был вдовцом до того, как принял сан, но никто не может рассчитывать на то, что в это поверят; это слишком тонко. Ясно, что она была незаконнорожденной дочерью; вот почему ее отец заплатил деньги, чтобы выдать ее замуж за мельника, и почему она считала, что дамы должны щадить ее (а не избегать), потому что иметь священника в качестве отца было честью, и потому что она научилась столь хорошему воспитанию в женском монастыре".

Религиозная жизнь средневекового города в значительной степени состояла из монашеской жизни, которая опять же делилась на монахов и монахов.

Упоминания о монахах и монашестве в Лондоне в целом носят добродушный характер, из чего можно сделать вывод, что серьезных скандалов по поводу их жизни было немного. Покладистые горожане не ожидали от монахов и монахинь, которые были их собственными кузенами, братьями или сестрами, самой аскетичной жизни в мире; однако они признавали ее, когда находили: например, они относились к карфузианцам с максимально возможным почтением, как к религиозной общине, которая строго придерживалась аскетичного правила: никогда не ела мяса и не выходила за стены дома. Что касается других монахов - Святой Троицы, Святого Варфоломея, Вестминстера, Св. Марии Овери, то можно с уверенностью сказать, что все они были из хороших семей; что строгость Правил была сильно ослаблена; что жизнь монастыря была, как правило, благопристойной и скучной; что она далеко не способствовала развитию гения или образованности; что она давала место и поощрение благочестию как более мягкому, так и более строгому; что она была домом для младших сыновей; что она не вызывала вражды или возмущения среди горожан. Известный случай со Святым Альбаном, процитированный [Фроудом18](#), если бы он произошел в Лондоне, наверняка стал бы известен народу. Чосер, отражающий общее настроение, совсем не испытывает горечи по отношению к монаху. Он изображает его любящим охоту; он "выездной", тот, кто может отправиться за границу по делам дома; он ездит на хорошей лошади...

"And whan he rood, men might his brydel here

Ginglen in a whistling wind as clere

И кричать так же громко, как красавица из часовни".

Он держал гончих; все его "вожделения" заключались в "выжловке и охоте на зайца"; он был одет как светский человек; он был толст и в хорошей форме; "он не был бледен, как привидение", - картина человека, чьи мысли, действительно, не были полностью сосредоточены на духовных вещах. Чосер, конечно, сравнивает его с аскетичным монахом, каким его представлял исповедуемый им устав, но без горечи. Он соглашается со старой пословицей,

"Что монах, когда он без одежды.

lykened til a fish that is waterless" (пословица, которую также цитирует Уильям Ланглендский).

(пословица, которую также цитирует Уильям Ланглендский), но, чтобы показать, что современный монах не был такого мнения, он добавляет: - "Thilke texte held he not worth oistre".

"А этот текст не стоил и ойстра".

Богатая одежда и неклерикальное одеяние монахов вне монастыря, а также их увлечение охотой - вот основные обвинения, выдвинутые против них в XIV веке.

САВОЙСКАЯ ЧАСОВНЯ И ДВОРЕЦ

Рисунок Шнеббели и гравюра Уоррена для "Описания Лондона" д-ра Хьюсона.

Давайте рассмотрим реальную жизнь монаха-бенедиктинца. Начнем с того, что было бы большой ошибкой полагать, что аббатство всегда и на выбор располагалось в каком-то отдаленном и уединенном месте. Поскольку люди одиннадцатого и двенадцатого веков действовали без веских и достаточных оснований не больше, чем мы, их потомки, то должны были быть очень веские причины для основания стольких религиозных домов в стенах Лондонского Сити и за его пределами. Многим были дороги тихие луга у стремительного потока, под развесистыми лесами, вдали от людского шума, Тинтерн, Фаунтинс, Драйбург или Бланшленд: Для других дорожке была мысль о жизни вблизи этих стен, в которой было столько насилия, страсти, амбиций и преступлений, что само их присутствие успокоило бы, пристыдило и назидало; о сломленных и разоренных мужчинах, опозоренных женщинах, для которых эти тихие обители были местом отдыха; Почему для самых худших, самых закоренелых убийц, для таких, как чосеровский корабельщик, пират и убийца, ежедневная перспектива этих стен, звон колоколов, голоса, воспевающие литанию и славословие, вид монахов, расхаживающих среди них, знание того, что эти мужчины и женщины живут в воздержании от всего, что мир называет удовольствием; что у них нет собственности; что они не желают ничего из того, чего желает мир; эти размышления, эти навязчивые факты служили постоянным наставлением и призывом к покаянию. Конечно, существовала опасность, постоянная опасность, всегда присутствующая в человеческих делах, - ослабление Правил; потеря первого энтузиазма; упадок первого намерения. Бенедиктинец, который ездит за границу, одетый как рыцарь, с ястребом и гончей, для которого сто поместий отдают свою аренду, свою пшеницу и свою дичь; который держит великолепный стол; который принимает в свой орден только молодых людей хорошего происхождения; для которого это место похоже на Колледж Всех Душ, дом стипендиатов без обязанностей, перестает восприниматься с благоговением из-за мнимого благочестия. Когда от бывшего благочестия не остается даже воспоминаний; когда в воздухе витают истории о невозддержанности и жадности; когда земля повсеместно разделена между верующими; тогда они становятся невыносимыми и должны быть сметены. Мы еще вернемся к этой теме. А пока давайте рассмотрим монашескую

жизнь в то время, когда монастыри были наиболее богаты и когда древнее правило, хотя и сильно смягченное, еще не стало предметом всеобщего презрения, когда монахи и монахини еще не совсем упали со своей древней репутации. Время, выбранное для этого взгляда на монашескую жизнь, - то, что предшествовало Войне Роз, которая сильно обедняла религиозные дома и в то же время лишала их послушников. Как первые вторжения датчан опустошили англиканские и саксонские монастыри, так и долгие Войны Роз призывали на войну как младших, так и старших сыновей. К этому времени богатые монастыри полностью набирались из младших сыновей дворян. Великие вельможи отдавали своих детей в монастыри. Так, у Ральфа, графа Уэстморленда, было двадцать детей, и три его дочери стали монахинями. Эдуард Четвертый сделал одну из своих дочерей монахиней. Один из детей Оуэна Тюдора и Катерины Валуа был помещен в Вестминстерское аббатство в младенчестве и остался там монахом на всю жизнь. У Эдуарда Первого одна дочь была монахиней. Тринадцать дочерей дворян одновременно находились в Амбресбери. О том, что аббатство предназначалось для джентльменов, ясно говорит список имен вестминстерских монахов, приведенный в деле Поделикота. Это произошло в 1303 году. Это было ограбление королевской сокровищницы или часовни Пикса в Вестминстере. Здесь хранилось много вещей, необходимых для чеканки новых монет, и на момент ограбления в часовне находилось совершенно необычное количество денег - около 100 000 фунтов стерлингов, что равняется, возможно, миллиону денег в наше время. Грабителем был Ричард де Поделикот, который проник в аббатство из дворца, который, поскольку король был в отъезде, вероятно, охранялся менее строго, чем обычно. Он забрался через одно из окон капитула и попал в трапезную. Он унес множество серебряных кубков и сумел благополучно скрыться. Однако в другой раз он вернулся и напал на казначейство. Для этого ему пришлось прорубить прочные каменные стены и скрыть свою работу; ночь за ночью он возвращался, и в своем признании он не упоминает ни о каких сообщниках. Его упорство увенчалось успехом, и он унес с собой деньги и все золотые и серебряные вещи, которые можно было удобно переплавить, но оставил крупные драгоценности, от которых ему было нелегко избавиться. Однако впоследствии эти вещи были отслежены, причем не только самим Поделикотом, но и многими другими людьми. Такова эта история, и она удивительна. Нет сомнений, что главные действующие лица были повешены, хотя фактических данных о таком повешении нет. Всех монахов, а их было сорок, отправили в Тауэр, предположительно за небрежность в охране казны. Они были освобождены через два года. В письме короля мы имеем запись их имен, и эти имена почти во всех случаях указывают на нежное происхождение. В сущности, не требуется никаких доказательств, чтобы понять, что желанные средства религиозного дома, чьи братья были подобны стипендиатам богато основанного колледжа, не будут отданы детям деревенщин и слуг. В отдельных случаях, несомненно, сын деревенщины мог получить продвижение по службе, пообещав исключительные способности; но это происходило в рядах светского духовенства, а не в религиозных домах. Будущего монаха приводили в дом, назначали по интересам, как на очень хорошее дело, еще мальчиком. Добиться такого назначения было крайне сложно.

Иногда помогали родственники основателя, благодетеля, но в основном послушниками становились по частным интересам. Монахи, как правило, не стремились к увеличению своего числа: скорее к его сокращению, чтобы доходы дома в достаточной мере обеспечивали всех. Иногда прием в монастырь осуществлялся путем дарения или передачи земли. Я уже говорил, что во время Гражданских войн число монахов сильно сократилось: в Вестминстере - с восьмидесяти до тридцати, в Кентербери - со ста пятидесяти до пятидесяти четырех, в Глостере - со ста до тридцати шести. Это сокращение, несомненно, было вызвано отчасти пагубным влиянием войны на арендную плату, отчасти спросом на боевых мужчин, а отчасти, я полагаю, растущим отвращением к монашеской жизни. Ребенка, которому посчастливилось получить назначение, раньше представляли в церкви как послушника; родители сначала отрезали его кудри, предлагая длинные волосы аббатству. Затем они вложили ему в руки потир и Святыню и подвели к

священнику у алтаря. Здесь они завернули его руки в пелену алтаря и зачитали письменное обещание, что не будут искушать мальчика из Дома. После этого аббат освятил капюшон для мальчика и возложил его на него. Затем его вывели, побрили по орденской моде, одели и привели обратно, после чего приняли с молитвами. Долгие годы уходили на то, чтобы вбить послушника, научить его послушанию, подавить его волю, выбить из него боевой дух и инстинкт любви; на самом деле, если верить рассказам, успех этой системы часто был неполным во всех отношениях. Послушник должен был часами сидеть в тишине, опустив глаза; его никогда не оставляли одного, чтобы поиграть в свободу; он должен был все делать по правилам, даже поднимать чашку во время еды, даже держать руки, когда сидит; все должно было быть сказано в определенной форме; службы были частыми, и пение псалмов продолжалось весь день и половину ночи. Церковные церемонии были сложными и продуманными. К моменту принятия послушника он уже знал наизусть все функции в книге, все псалмы и молитвы. К этому времени дом стал для него всем миром. Что происходит снаружи, он не знал, Дом был для него всем - отцом, матерью, братьями и родственниками; у него не было никаких амбиций, кроме стремления возвыситься до монастырских почестей. Он завершил свое образование. Если он был бенедиктинцем, то это образование было либеральным: его учили грамматике, логике, латыни, философии, письму и иллюминации, музыке, пению и истории ордена. После получения профессии, согласно бенедиктинской теории, он продолжал обучение. Если же он продолжал, то в большинстве английских домов они были бесплодны по результатам. В восемнадцать лет послушник совершал свое посвящение. Тогда для него не существовало возможности отступления, он становился монахом на всю жизнь. Сначала он был младшим, и в качестве такового читал Евангелие и Послание на день; нес тапер в процессиях; читал мартирологию в капитуле.

Службы начинались в два часа ночи с Утрени; закончив ее, хор ложился спать; остальные пели Лауды по умершим; снова ложились и спали до рассвета или до пяти, когда вставали и совершали Прему; в 9 часов утра - Тирс; в 11 - Секст; в 2 часа дня - Нонес; в 6 часов вечера - Вечерню. Монахи ложились спать в восемь, отдавая служению в церкви восемь часов из двадцати четырех. Восемь часов отводилось на сон. Один час отводился на ежедневные собрания в доме капитула, а семь оставалось на еду, упражнения, отдых и учебу. В некоторых случаях правила смягчались для ученых, но, даже принимая во внимание такие послабления, очевидно, что монах, который был студентом, находился в крайне невыгодном положении по сравнению со студентом, который жил вне дома.

Церковь, конечно, была самой важной частью зданий монастыря. К югу от нефа располагался клуатр с четырьмя ходами, в котором монахи проводили время, когда не были в церкви; к востоку от клуатра находился дом капитула; к югу - трапезная; к западу - дом аббата. За пределами монастыря находились дортуары, Скрипторий, Мизерикордия, Лазарет, Гостевой дом. За ними находились кухня, маслобойня, кладовые, пивоварня, пекарня, прачечная, мастерские, сады, огороды, виноградники, рыбные пруды и т. д., а также конюшни. Важный дом должен был содержать большое хозяйство. В различных отделах им руководили сами братья, чьи должности будут перечислены ниже. Эта работа занимала многих старших. На самом деле офисов было так много, что трудно понять, как они могли найти время для учебы. Если они хотели заниматься или медитировать, у них была обитель, но другого места не было. Там были расставлены столы; но поскольку там же проходила школа послушников, в которой, как иногда случалось, некоторые братья выполняли механическую работу, то, согласно современным представлениям, серьезная учеба среди таких перерывов представлялась невозможной. Принято говорить об однообразии религиозного дома. Учитывая, что большинство обитателей не знали другой жизни, они вряд ли ощущали однообразие; кроме того, не стоит забывать, что Дом был полон собственных амбиций, зависти, разочарований, которые избавляли его от монотонности. Кто не хотел бы быть аббатом и

приравняться к графу? Аббат наслаждался этим званием: когда он выезжал за границу, его сопровождала свита из ста человек; он мог создавать рыцарей; в некоторых случаях он мог чеканить деньги; он был опекуном многих знатных детей, которые становились его пажами; он управлял великолепным поместьем. Или можно было похвально желать должности приора: он шел первым после аббата; у него было свое стойло; он надевал свой капюшон раньше других. Или был субприор: он сидел среди монахов и следил за тем, чтобы каждый вел себя должным образом; он же в пять часов вечера закрывал дом.

Затем были административные учреждения. Это Алтарер, Прецентор, Церемониймейстер, Кухарка, Сенешаль, Казначей, Сакрист, Субсакрист, Алмонер и Мастер послушников. Были и менее почетные, но все же налагавшие ответственность и даже власть должности: лазутчик, носильщик, трактирщик, госпитальер, камергер, хранитель зернохранилища, хозяин общего дома, садовник, регистратор-оператор, аудитор, секретарь, дворецкий, хранитель корзин, хранитель кладовой, не считая простого обслуживания дома, где требовались пекарь, пивовар, плотник, резчик, скульптор, переплетчик, копировщик и т. д. Что касается нравственности монахов, то я склонен полагать, что религиозные дома сохранили гораздо больше своего раннего благочестия, чем мы привыкли считать. То, что они стали роскошными в своей жизни, а в некоторых случаях и безнравственными, похоже, было вызвано причиной, которую называли Уиклиф и лолларды, - их огромным богатством. Пока они были бедны, они вели простую жизнь; они следовали Правилам; они работали над копированием Евангелий и Мессовых книг; некоторые из них вели хроники своего возраста - неоценимая услуга; они принимали больных и бедных. В самые худшие времена, которые когда-либо переживала страна, монастыри стояли то тут, то там по всей земле, свидетельствуя о справедливости, праведности и милосердии. Какими бы плохими ни были эти времена, они были бы гораздо более свирепыми и жестокими, если бы не существование и пример монастырей.

В то же время не обходилось без скандалов. Кто мог ожидать в монастыре, что все младшие монахи сохраняют свою чистоту? А когда больше не о чем было думать, кто мог ожидать, что люди не будут думать о еде? Во времена Генриха Второго Гиральдус Кембренский сообщает, что у монахов Кентерберии было шестнадцать крышек или даже больше, с обилием вина, "особенно кларета, тутового вина, медовухи и других крепких напитков". И тот же авторитет сообщает, что монахи Сент-Свитина пожаловались Генриху Второму, что епископ сократил их блюда до десяти. На что король поклялся, что епископ должен сократить их число до того, которое устраивает его самого, а именно до трех. Монашеская жизнь ожидала от тех, кто ей следовал, не простого послушания Правилам, но полного проникновения в дух Правил, так что братья не должны были постоянно искать возможных послаблений и индульгенций, но должны были все больше и больше стремиться к аскетизму, возможному в рамках Правил. И поскольку повсеместно происходило отпадение от строгости Правила, постоянно основывались новые ветви и возникали новые ордена, чтобы вернуться к древнему Правилу с новыми строгостями. Когда братья расслаблялись в какой-либо части Правила, начиналось падение Дома. Тогда дух уходил из служб, смысл уходил из офисов, смысл уходил из Правил; Братья становились либо как Рабле, до смерти утомленные ежедневным повторением служб, либо беспечными и чувственными, уклоняясь и нарушая как обеты, так и Правила; либо сухими приверженцами порядка и ревнителями мелких обычаев, хотя основные были давно утрачены. Так было уже в четырнадцатом веке. В большинстве монашеских домов царил упадок, о них говорили шепотом, но все же завещания сыпались на них от богатых и бедных граждан, и люди не желали расставаться с верой в благочестивых монахов. А в том, что в монастырях еще оставались святые сердца, в женских монастырях еще оставались благочестивые женщины, даже в самые худшие времена, сомневаться не приходится. Но, кроме того, не может быть сомнений и в том, что в английских монастырях со времени их основания и до распада никогда не было значительного или заметного

числа ученых, и что ни одно из когда-либо разработанных монашеских правил не было рассчитано на то, чтобы вызвать любовь к учебе или создать школу студентов, теологов или философов.

Монастыри обладали огромным количеством собственности в виде земель и домов. Земли обрабатывались, а дома содержались обычным образом. Из того, что сказано по этому поводу, я понял, что монахи были хорошими помещиками, справедливыми, хотя и требовательными. В своих школах они давали бесплатное образование, но не всем желающим. Они также обучали некоторым ремеслам, но не всем, а только тем, которые относились к простым ремеслам. Так, они обучали резьбе, живописи, ткачеству, вышивке, дамасской работе, эмалированию, лапидарному делу, музыке и изготовлению музыкальных инструментов, иллюминации, копированию средневековых книг, медицине, хирургии, изготовлению лекарств и приготовлению сердечных снадобий. Каждый религиозный дом имел при себе библиотеку, читальню, школу, усыпальницу, монастырь, сады и прогулки. Каждый послушник приносил с собой какое-нибудь имущество. Все, как я уже сказал, указывает на то, что средневековый монастырь в Англии принадлежал дворянству, а не низшему сословию.

Монашеская жизнь в Лондоне была в самом лучшем состоянии в XII веке; позже, помимо скандалов, которые, возможно, были ложными или преувеличенными, мы слышим о послаблениях, о получении монахами разрешения на проживание вне дома, на "срезание часовни", на индульгенции на вино и другие вещи.

Перейдем к монахам. В Лондоне было пять монашеских орденов: францисканцы, которые прибыли в Лондон в 1224 году; доминиканцы, которые поселились в Оксфорде в 1221 году; остинские монахи, чей лондонский дом был основан в 1253 году; кармелиты, или белые монахи, в 1341 году; и костыльные или скрещенные монахи в 1244 году. Самыми многочисленными и важными из них, самыми глубоко любимыми и почитаемыми были францисканцы, или серые монахи.

Впервые францисканцы появились в Лондоне в 1224 году, когда небольшая их компания попросила место, где можно было бы построить себе скромное жилище. Им было предоставлено место в наименее привлекательной части Сити, рядом с Шамблз, рядом с "Вонючим переулком". Здесь они и остались. В течение многих лет после приезда они работали среди бедных слоев населения, тихо и не привлекая к себе особого внимания. Вскоре среди горожан поползли слухи, что существует необыкновенная группа Братьев, у которых нет денег и они не берут их; у которых нет еды, кроме той, что им дают; которые ходят по самым бедным и страшным улицам, молятся с умирающим убийцей, утешают умирающую блудницу и посещают больного грабителя в духе божественного прощения и любви. Тогда все сердца устремились к францисканцам. Никогда ни один религиозный орден не был так почитаем, никогда ни один религиозный человек не был так любим и почитаем добрыми людьми Лондона. Весь мир приносил им дары; они разорялись от подарков; поскольку им не давали поместий, они должны были иметь золото и драгоценности; на золото они построили церковь, великолепную даже в тот век великолепных церквей; поскольку они должны были оставаться бедными, они тратили все свои деньги на церковь, ее украшения и мебель.

А затем наступил неизбежный упадок; при такой великой церкви и таком знатном доме старое попрошайничество на хлеб насущный стало формой; в магазинах и домах появились ящики, и сборщики через регулярные промежутки времени приходили и очищали их; ни один состоятельный гражданин не оставил францисканцам денег в своем завещании; они получили в дар кантри и некрологи; они брали деньги на погребение великих людей в церкви. Монахи стали беспечными и самовлюбленными; прежнее рвение к бедным угасло; их больше не видели в лачугах самых бедных. Францисканское правило, по сути, оказалось слишком суровым, чтобы его

можно было соблюдать во всей его строгости. Тем не менее "Роспуск религиозных домов" показывает, что в некоторых случаях оно соблюдалось. Например, единственным имуществом, которым владели Серые монахи, когда покидали свой Дом, была аренда нескольких домов, построенных в пределах их участка. У них не было никаких поместий. Великий дом с его великолепной церковью содержался за счет даров знати и богатых купцов, пожертвований, как уже говорилось выше, песнопений и ежедневных месс, которые покупались и произносились или пелись "для намерения" покупателя. В некоторых католических странах существует современный обычай покупать мессу перед началом какого-либо предприятия, даже перед началом какой-либо необходимой работы, например, сенокоса. Эта месса поется "для намерения" покупателя. Поэтому есть основания полагать, что верующие покупали раньше, как и сейчас, мессы на "удачу".

Рост, масштабы и постепенный упадок уважения к монахам очень хорошо иллюстрирует Календарь завещаний. Из этой ценной книги, которая может быть принята как абсолютно надежный справочник, я извлек следующие таблицы завещаний пяти орденам монахов. Иногда эти завещания делались коллективно, по столько-то каждому из орденов монахов; иногда по отдельности, по столько-то остинским монахам или монахам-проповедникам. Мы увидим, как мода завещать деньги монахам росла и ширилась и как она угасала по мере того, как уменьшалось народное уважение к монахам и распространялись новые идеи.

До 1311 года в Календаре завещаний зафиксировано всего пять таких завещаний.

- В период с 1311 по 1324 год - три завещания.
- Между 1324 и 1332 годами - пять завещаний
- С 1332 по 1339 год - восемь завещаний
- Между 1339 и 1355 годами - пятьдесят завещаний
- Между 1355 и 1400 - сто тридцать пять завещаний
- Между 1400 и 1412 годами - семнадцать завещаний
- Между 1412 и 1436 годами - шесть завещаний
- Между 1436 и 1530 годами насчитывается четырнадцать завещаний.

Что касается особых и отдельных завещаний, то серые монахи, бывшие самыми популярными из всех, получили только одно завещание в период с 1396 по 1436 год; после этого - *ни одного*. Черные монахи вообще не получали завещаний с 1413 по 1503 год; в последний год им досталось одно. Белые монахи не получили ни одного наследства с 1395 по 1503 год, когда они получили одно. Остинские монахи не получили ни одного после 1395 года; Крутские монахи - с 1460 по 1518 год. Иными словами, в завещаниях, немногочисленных и незначительных, переданных в этот период различным орденам, они получили свою долю, но ни одному из них не было сделано особого подарка.

Рассматривая тему завещаний и завещательных распоряжений, я просмотрел том под редакцией доктора Фернивалла под названием "Пятьдесят самых ранних английских завещаний". Они относятся к периоду с 1389 по 1439 год. Краткий анализ показывает, что в большинстве случаев завещания касаются приходской церкви, либо главного алтаря, либо "работ", либо облачений, либо денег на священников и клерков, либо денег на мессы, аренды месс или "годового ума" на двадцать, семь или пять лет. В семнадцати случаях, а может быть, и больше, средства выделяются для бедных; в трех случаях - для тюрем и заключенных; в трех случаях - для монахинь; в одном - для "анкересс"; в одном - для починки дорог; в одном - для ремонта моста; и в девяти случаях - для монахов, либо всех признанных орденов вместе, либо одного или другого из них. Но четыре

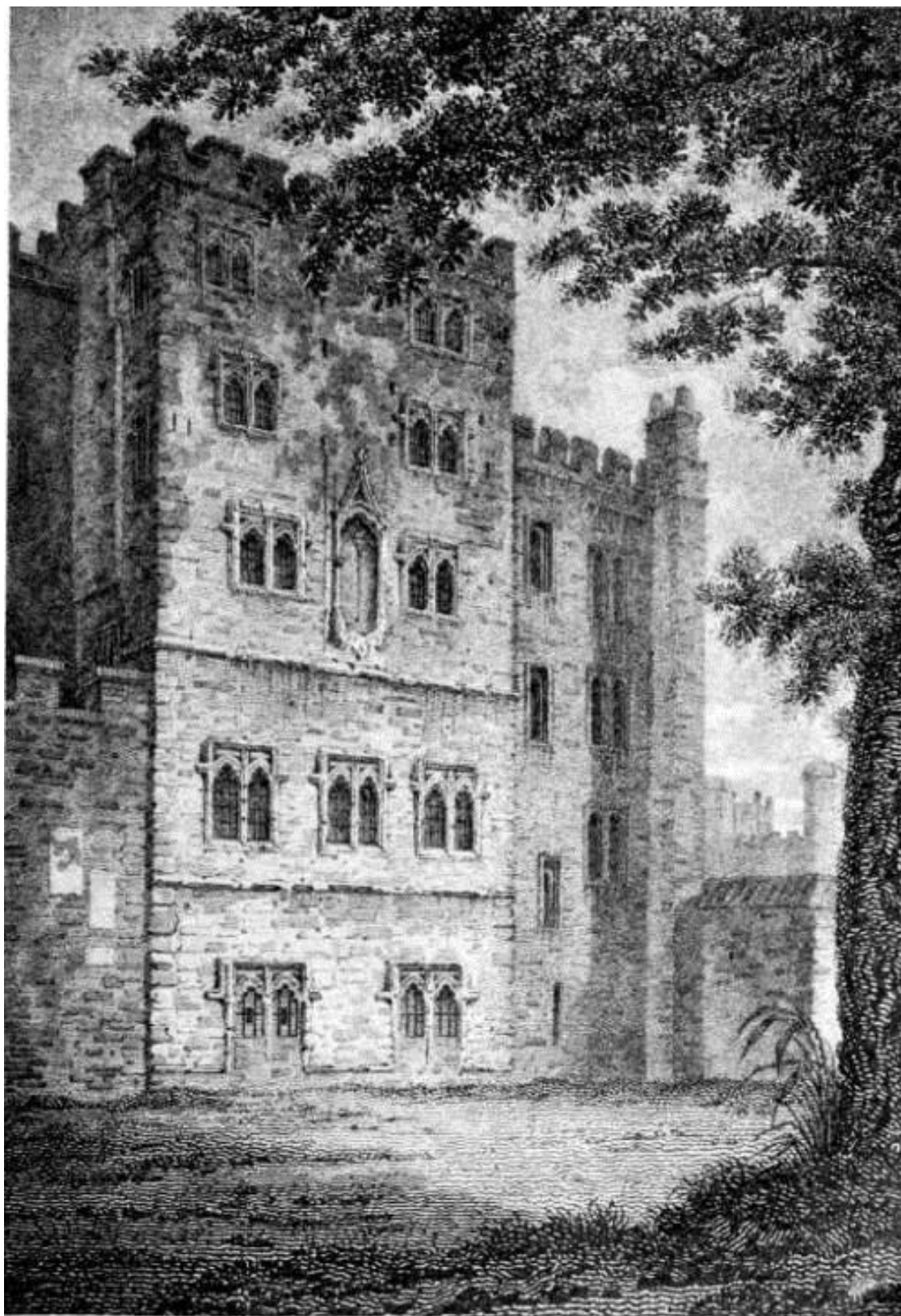
из этих дел относятся к стране; следовательно, только пять относятся к Лондону. Этот период охватывает время наивысшего расцвета лоллардизма, и этот результат подтверждает вывод, сделанный на основе анализа Календаря завещаний, а именно, об упадке уважения к религиозным людям.

Кроме того, есть завещания, опубликованные Камденским обществом (Завещания из Doctors' Commons), которые относятся ко времени до Реформации, а именно: завещания Сисели, герцогини Йоркской, 1495 г.; дамы Мод Парр, 1529 г.; архиепископа Уорхэма и Чарльза Брэндона.

Герцогиня Йоркская оставляет завещания некоторым названным колледжам, Сионскому дому, настоятельницей которого была ее дочь, и некоторым приходам, но ничего не дарит монахам.

Дама Мод Парр дарит по сорок шиллингов четырем орденам монахов в Лондоне и по двадцать шиллингов монахам Нортгемптона.

Архиепископ Уорхэм ничего не дает монахам.

БАШНЯ ЛОЛЛАРДОВ, ЛАМБЕТСКИЙ ДВОРЕЦ
Гравировано Дж. Грейгом по рисунку Дж. Уичело.

Опять же, если говорить о завещаниях различным орденам, то между 1356 и 1412 годами их насчитывается 110, а между 1412 и 1544 годами - всего 7. Созерцание этих цифр, удивительное падение количества таких завещаний в начале пятнадцатого века, когда процветало лоллардизм, неспособность монахов восстановить свое прежнее положение почитания, позволяет понять,

почему в Лондоне подавление религиозных домов было осуществлено при столь незначительном сопротивлении. Люди перестали верить в святость монахов; что же касается монахов, то, возможно, дело обстояло иначе, как мы увидим в другом месте.

Раз уж мы заговорили об упадке веры в монахов, давайте поговорим и о том, какое уважение им оказывали, когда их популярность была на пике.

Вскоре после Черной смерти мэр и олдермены отправили Папе письмо с просьбой назначить некоего Джона де Вертина, монаха-доминиканца, пенитенциарием города. Сама должность была очень важной. Во время исповеди постоянно происходили случаи, не предусмотренные инструкциями обычного священника. В таких случаях священник мог дать лишь условное отпущение грехов. Он передавал дело своему епископу, который либо решал его сам, либо, если дело было необычным и трудным, передавал его пенитенциарию. Если и тот находил дело слишком серьезным для своего решения, он передавал его в Коллегию или Суд пенитенциариев в Риме, по официальному докладу которого Папа обычно принимал решение. Мэр и олдермены после преамбулы о том, что их город в последнее время сильно страдает от ужасной смертности, так что купцы не могут лично ждать его Святейшество, приступили к ходатайству перед Папой, чтобы он "даровал почтенному и религиозному человеку, Брату Джону де Вертину, его капеллану, человеку чести, благопристойной жизни и нрава, а также учености, происходящему от высокой крови королевства, который один из всех других укрепляет нас словом Христовым, чтобы он и только он в пределах города мог отпускать грехи кающимся людям." Далее они просят, чтобы после его смерти эта должность была сохранена в ордене монахов-доминиканцев.

Сатира на религиозные ордена началась уже через столетие после их основания в Англии. Одна из них, например, приведенная в "Политических стихах" Томаса Райта, относится ко времени правления Эдуарда Первого. Это поэма под названием "Орден справедливой легкости". В "Ордене справедливой легкости" взято кое-что от каждого ордена, конечно, в каждом случае это слабое место. Начнем с того, что орден полностью состоит из джентльменов - интересно, читал ли Рабле эту сатиру, и не наводит ли она на мысль об аббатстве Телема.

"Quar en l'Ordre est meint prodhoume,

E meinte bele e bone dame.

En cel ordre sunt sanz blame,

Esquiers, vadletz, e serjauntz;

Mès à ribaldz e à pesauntz

В этом порядке защищаются все.

Qe jà nul ne soit rescu".

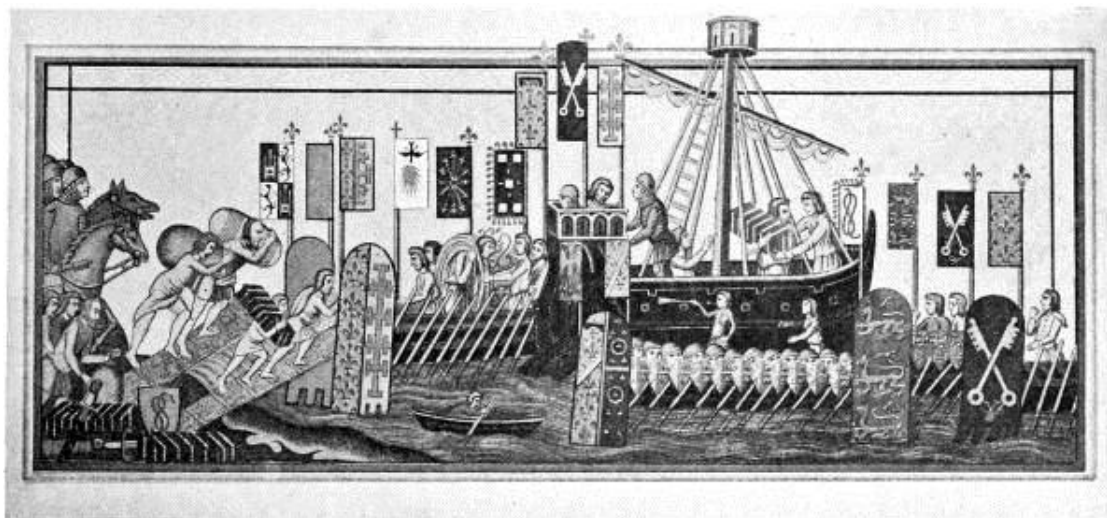
Как и в аббатстве Семпрингем, орден должен принимать и мужчин, и женщин; но если в Семпрингеме есть стены и рвы, отделяющие братьев от сестер, то в этом ордене не должно быть ни стен, ни рвов, ничего, что могло бы их разделить. Три раза в день, по крайней мере, они должны есть, и если они будут делать это в компании, ордену не будет хуже.

От Беверли они должны перенять обычай хорошо есть и пить за обедом, ужином и во время колляции; а после колляции каждый должен взять кусок свечи длиной от локтя до кончиков пальцев и продолжать пить до тех пор, пока горит свеча.

От госпитальеров они возьмут свои длинные и подметные одежды.

От каноников они возьмут обычай есть мясо три раза в неделю, а если в постные дни у них не окажется рыбы, то они должны есть все, что есть в кладовой.

От черных монахов (бенедиктинцев) они позаимствуют привычку напиваться каждый день.

РЫЦАРИ СВЯТОГО ПРИЗРАКА, ОТПРАВЛЯЮЩИЕСЯ В КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

По миниатюре из "Устава ордена Святого Духа" в Неаполе. Массив XIV века в Лувре. Из книги Лакруа "Военная и религиозная жизнь в Средние века".

От светских каноников, которые охотно прислуживают дамам, новый орден должен перенять эту точку зрения и быть постоянными спутниками сестер, как до, так и после заутрени, чтобы орден не впал в уныние из-за этого.

В Ордене Молчания каждый брат закрывается в своей келье; новый Орден должен придерживаться того же правила, при условии, что сестра будет заперта с братом.

В Младшем Братстве братьям предписано принимать любое гостеприимство, которое им предложат; но они заботятся о том, чтобы никогда не останавливаться в доме бедняка, поэтому в новом Ордене братья ни в коем случае не будут занимать свои покои, если только хозяин дома не богатый человек.

Что касается черных монахов - проповеднического ордена, - то они могут носить сандалии, если им заблагорассудится, и ездить верхом, если им заблагорассудится. Новый Орден всегда будет носить сандалии и всегда будет ездить верхом.

"Atant fine nostre Ordre,

Q'à touz bonz ordres se acorde,

Это Орден Бель-Эйса,

Qe à pluzours tro bien pleyse!"

К этому можно добавить описание Чосером монаха. Чосер был родом из Лондона. Этот монах был "развратен и весел"; он был "лимитчиком", то есть у него был свой "притон", в котором он занимался своим ремеслом. "Он заключил множество браков с молодыми женщинами за свой счет" - , то есть с теми, кого он сначала соблазнил. Его очень уважали как отца-исповедника,

благодаря легким условиям, на которых он давал отпущение грехов, при условии, что услуги предоставлялись ордену:

"Многие люди так суровы, как его стадо,

что он не может плакать, хотя ему очень тяжело.

Поэтому вместо того, чтобы плакать и причитать,

Мужчины должны давать серебро посторонним братьям".

Он носил с собой ножи и булавки, потому что теперь монахи стали торговцами и носили с собой ножи, булавки, кошельки, кушаки, шелка и т. д., чтобы продавать их в сельских местах. Он знал все таверны, всех хозяев и буфетчиц; он был лучшим нищим из всех, кого когда-либо знали; он умел хорошо петь и играть:

"И в его арфе, когда он пел.

Его глаза мерцали в его внимании,

Как стерляди в морозную ночь".

В компании Чосера были и другие функционеры, но для нашей цели этого достаточно.

Не стоит полагать, что широко распространенная ненависть к монахам свидетельствует о неверии в их доктрины. Это станет ясно позже, а пока, похоже, не было никакого желания менять доктрину. Люди слагали песни и рассказывали истории о роскоши, жадности, распутстве и свободе монахов, но монастыри оставались, и люди продолжали цепляться за мнимую святость этих мест. Человек, который в один прекрасный день проклинал всю команду монахов, монахов и отпущенников, на следующий день просил братскую грамоту, по которой он мог бы участвовать в духовных преимуществах кармелитов или августинцев; он договаривался о погребении в монастырской церкви; его хоронили в монашеской мантии; он находил капеллу, трентал, некролог, юбилей.

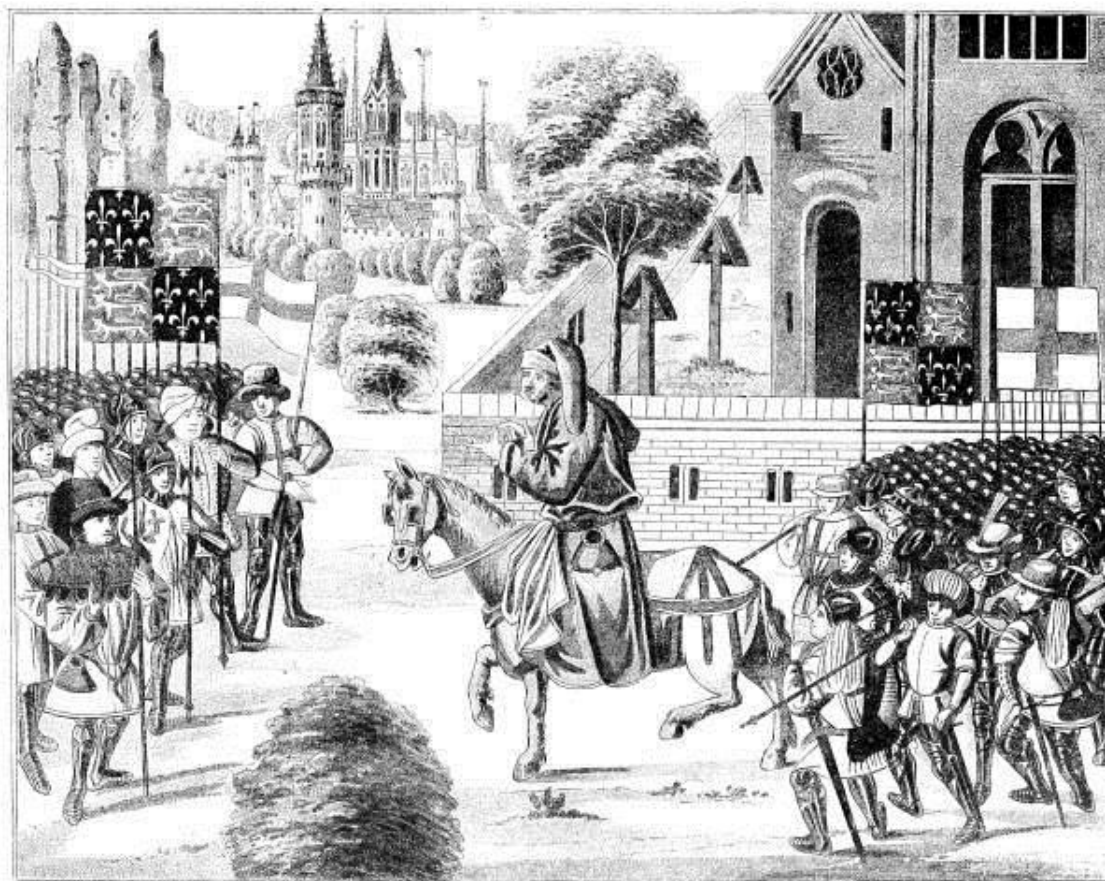
Трудно понять бродячую жизнь монаха. Можно предположить, что он всегда был привязан к своему монастырю. Имел ли он право бродяжничать и просить милостыню? Был ли он лимитуром, *то есть* монахом, которому разрешалось выслушивать исповеди и давать отпущение грехов в определенном районе? Был ли он странствующим проповедником? Были ли "простые священники", посланные Уиклифом, монахами-подвижниками? Проповедовали ли странствующие проповедники, независимо от того, посылал их Уиклиф или нет, один и тот же туманный социализм? На некоторые из этих вопросов можно ответить с определенной долей уверенности. Монахи улиц и дорог почти все происходили из низших слоев общества; даже холопы посылали своих сыновей становиться монахами и священниками. Если немного подумать об огромной армии, необходимой для церковных целей, плохо оплачиваемой, со слабым образованием, без перспектив продвижения, то можно увидеть, что ученые обоих университетов должны были составлять огромное количество, состоящее в основном из бедных ученых, с лицензией на попрошайничество. В правление Ричарда Второго общинники жаловались на то, как сыновья холопов улучшают свое положение за счет "продвижения через духовенство". Клерки, вышедшие из университетов, получали епископские ордена, а в некоторых случаях принимали на себя обеты и рясы мендикантов. Затем они начинали скитаться по стране, проповедовать и учить, жить на благотворительность, принимались в определенные дома; и так продолжалось до конца их жизни. По большей части они старались не спрашивать разрешения у своего епископа; у них не было никаких документов; они не были прикреплены ни к какому дому; они скитались из деревни

в деревню, из города в город; в Лондоне они проповедовали на улицах, на рынках, на углах; они проповедовали не только о религиозных, но и о социальных вещах; и принадлежали к народу, знали, чего хочет народ, и проповедовали соответственно.

Один из них, Джон Болл, чьи проповеди были признаны достойными внимания историков, возможно, потому, что он считался таким озорным человеком, учил своего рода грубому социализму. "В начале все мы были созданы равными: это тирания порочных людей привела к возникновению рабства вопреки Божьему закону: если бы Бог хотел, чтобы были рабы, он бы в начале мира сказал, кто должен быть рабом, а кто господином". Плохой аргумент, потому что, как известно, мы не созданы равными, а неравны во всех отношениях. Кроме того, ничто не свидетельствует о том, что Творец в самом начале не сказал, кому быть рабом, а кому господином. Фруассар также говорит о Джоне Болле: - "Этот презент часто был в ходу.

"Этот презент часто по понедельникам после мессы, когда народ выходил из дворца, заходил в клоаку и готовился, и заставлял народ собираться вокруг себя, и говорил так: A ye good people, the maters gothnot well to passe in Englande, nor shall not do tylle euery thyng be common, and that there be no villayns not gentylmen..... Что мы заслужили или почему нас должны держать в рабстве? Мы все происходим от одного отца и одной матери, Адама и Евы: как же они могут говорить или показывать, что они более великие господа, чем мы, говоря, что они заставляют всех работать и трудиться, за это они отдают они живут в красивых домах, а мы имеем жалованье и трауле, лучи и винд на полях: и тем, что приходит от наших трудов, они сохраняют и могут сохранить свои владения..... Позвольте нам пойти к королю, он - король, и расскажите ему, в какой крепости мы находимся.... Так говорил Йохан (Болл) по воскресеньям, когда люди выходили из церквей, а потом шли по полям и дорогам, как им вздумается, утверждая, как Йохан Болл говорил фореель".

О том, что многие монахи придерживались подобных доктрин и проповедовали их, свидетельствует история Джека Строу, который не хотел, чтобы на земле существовали другие церковники, кроме мендикантов. Их популярность, конечно, поддерживалась и сохранялась благодаря социальным доктринам, которые они проповедовали. Но в Лондоне они, похоже, очень рано утратили свою популярность. В правление Эдуарда Второго монахи-проповедники были вынуждены бежать перед гневом народа "из-за своего гордого поведения". А Ричард Второй в 1385 году издал прокламацию против неких лиц, которые, подстрекаемые злым духом, "открыто и тайно подстрекают наш народ разрушать дома упомянутых монахов, вырывая у них их привычки, нанося им удары и жестоко обращаясь с ними против нашего мира".

СВЯЩЕННИК ПО ИМЕНИ ДЖОН БОЛЛ ПОДНИМАЕТ В АНГЛИИ БОЛЬШИЕ ВОЛНЕНИЯ
Из "Хроник" Фруассара.

Самыми большими врагами монахов были приходской священник и монах. Первый оказался брошенным; никто не исповедовался ему, никто не слушал его. Все они бежали за монахом, который говорил с ними на их родном языке, был одним из них, знал их пути и их нужды и легко исповедовал их. И восстание Джека Соломы показало, чему учили этих странников. Поскольку их было так много, что милостыню не всегда можно было получить, некоторые, как мы уже видели, стали торговщиками: - "Они бродили то тут, то там.

"Они бродили то тут, то там,

И делились с разными торговцами,

Прямо как те разносчики,

Что делят с кошельками, пиннами и книксенами,

С извилинами, перчатками, для жен и дев".

Уолсингем, монах монастыря Святого Альбана, говорит о них: "Монахи, не помня о своей профессии, даже забыли, с какой целью был учрежден их орден; ведь святые мужи, их законоучители, желали, чтобы они были бедными и свободными от всякого мирского имущества, чтобы у них не было ничего, что они могли бы бояться потерять за то, что говорят правду. Но теперь они завидуют имуществу, одобряют преступления великих, склоняют к заблуждению простолюдинов и восхваляют грехи тех и других; и с целью приобретения имущества... называют добро злом, а зло добром".

А в популярной песне четырнадцатого века о них говорится так: "Полные мудрости могут они проповедовать...

"Вполне разумно они могут проповедовать и говорить;

Но, как они ни стараются, ничего не делают,

Я был братом много дней,

И поэтому я поклонялся им.

Но когда я увидел, что их ливинг

Не согласуется с твоим поведением,

Я бросил одежду брата,

И спящим пошел к своим воротам.

Других лев не брал я.

Fro ham where I went.

Но ветчину к дьяволу я не брал

Настоятель и монастырь".

См. также "Политические песни", Edw. III.-Rich. III. vol. ii. p. 17, под редакцией Томаса Райта: - "But fell folke ne took I none".

"But the felliest folke

которых когда-либо находил Антихрист,

был в последний раз приведен в церковь,

и в чудном смысле;

ибо они были из разных сект антихристовых,

посеянные из разных стран и родов.

И все люди хорошо знают, что

что они не повинуются епископам,

и не повинуются царям;

не пашут и не сеют,

ни полоть, ни жать,

ни дрова, ни кукурузу, ни зерно,

и ничего не делали, чтобы человек помогал,

но только сами,

только их жизнь,

И эти люди имеют всякую власть

от Бога, как они говорят,

на небе и в аду,

продавать рай и ад

кому они пожелают;

И эти несчастные никогда не

где бы они ни были.

И потому, свободнее, если бы ваши порядки и правила

были основаны на законе Божьем,

скажи мне, Джеки Апланд,

что я прошу у тебя,

и если ты на стороне Христа или думаешь, что ты на его стороне,

сохраняй свои полномочия".

И вот какие вопросы были заданы монаху:...

- Сколько существует орденов?
- Какой орден самый совершенный?
- Есть ли орден более совершенный, чем орден Христа?
- Поскольку существует только одна религия, то каким образом человек, покинувший свой орден, становится отступником?
- Означает ли привычка религию?
- Почему вы придерживаетесь своих цветов?
- Почему в одном доме вы едите плоть, а в другом нет?
- Почему в одном доме вы молчите, а в другом нет?
- Почему при посвящении и профессии вы притворяетесь мертвыми?
- Почему вы строите такие великолепные дома?
- Почему вас не ставят епископами?
- Могут ли ваши молитвы сделать человека лучше, чем его собственные молитвы?
- Почему вы проповедуете, что человек, похороненный по вашему обычаю, никогда не попадет в ад?
- Почему вы крадете детей для своей секты?
- Почему вы слушаете исповеди богатых людей?
- Почему вы ненавидите проповедь Евангелия?
- Когда вы берете пенни за мессу, что вы продаете? Тело Бога? Молитву? Или свои проблемы?
- Раз Бог знает все, зачем писать имя жертвователя на своих скрижалях?
- Почему вы просите за себя, а не за бедных людей?

- Почему вы не соблюдаете правило святого Франциска?

Восстанавливая городскую жизнь XIV века, помните, что на каждой улице можно встретить монаха-подвижника; во время обеда он заходит в любой дом по своему выбору: "Мир дому сему", - говорит он, после чего, по францисканскому правилу, ему полагается есть все мясо, которое перед ним поставят; на углу улицы стоит бродячий проповедник, обличающий роскошь и лень богачей; его аудитория состоит из ремесленников в кожаных камзолах, слушающих с жадным вниманием и умными лицами. Он толст и упитан; у него полный, богатый голос и какое-то грубое ораторское искусство, которое цепляет людей и заставляет их слушать. По улице проходит, одетый в лохмотья, худой и голодный священник; он смотрит на толпу вокруг проповедника; он слышит, как тот говорит на грубом, сильном восточно-саксонском диалекте, который всегда был языком лондонского ремесленника. Он вздыхает: это его родной язык, но он не может говорить так, как говорит этот человек; он бедный ученый, когда-то лицензированный нищий, а теперь оборванный, полуголодный священник, не имеющий ничего, кроме своего небольшого жалованья. И все же, будучи ученым, он мог бы доказать, что этот человек ошибается. Поэтому он вздыхает и идет своей дорогой. Следом идет Пардонер со шкатулкой на шее; в этой драгоценной шкатулке - ноготь святого Луки, перо, которым было написано Евангелие святого Матфея, осколок камня, брошенного в святого Стефана, последняя ступня пророка Илии, вбитая в скалу, кусок рыболовной сети святого Петра - вы сами видите, что это рыболовная сеть, - и другие очень ценные реликвии. В ящике также лежат помилования и индульгенции, которые этот добрый человек продает верующим. Однако при виде проповедника Пардонер ничего не говорит. Напрасно он открывает свой ящик с реликвиями и предлагает свои пергаментные индульгенции в присутствии проповедника и его слушателей. Все лолларды! Все лолларды!

По узкой улице едет монах с ястребом на кулаке, мужественно одетый. За ним идут его люди, ведущие собак. Они собираются пересечь Лондонский мост и добраться до диких пустошей, лежащих за болотами Саутварка и Ламбета. Он с невыразимым презрением смотрит и на проповедника, и на толпу. Настал час Ангелуса, и из каждой приходской церкви, из каждой монастырской церкви, из каждой часовни, из каждого колледжа и из кафедрального собора колокола призывают мир к безмолвной молитве. На несколько мгновений все затихает; рев Лондона затихает; это был не столько грохот колес, сколько стук десяти тысяч молотков. Проповедник на мгновение умолкает; его слушатели снимают шапки; монах, идущий на промысел, прекрещивается; Пардонер стоит с обнаженной головой: это всего лишь мгновение, а затем шум начинается снова.

Поддержка церкви за счет налогов или пожертвований прихожан - необычная история консерватизма и постепенного развития. По воскресеньям и в дни апостолов было принято, чтобы прихожане делали приношения или жертвования во время празднования мессы. Этот обычай стал регулироваться не законом, а обычаем, более обязательным, чем закон, и заключался в выплате одного полпенни каждым гражданином, платившим ренту в 20 с., и одного фартинга каждым гражданином, платившим ренту в 10 с. Число дней, соблюдаемых таким образом, составляло 60, так что в первом случае гражданин платил 2s. 6d. в год, а во втором - 1s. 3d. в год. Обратите внимание, что этот обычай составлял восьмую часть арендной платы; если применить его к современному обычаю, то за офис в Сити, арендуемый за 100 фунтов стерлингов в год, горожанин должен был бы платить 12 фунтов 10 шиллингов.

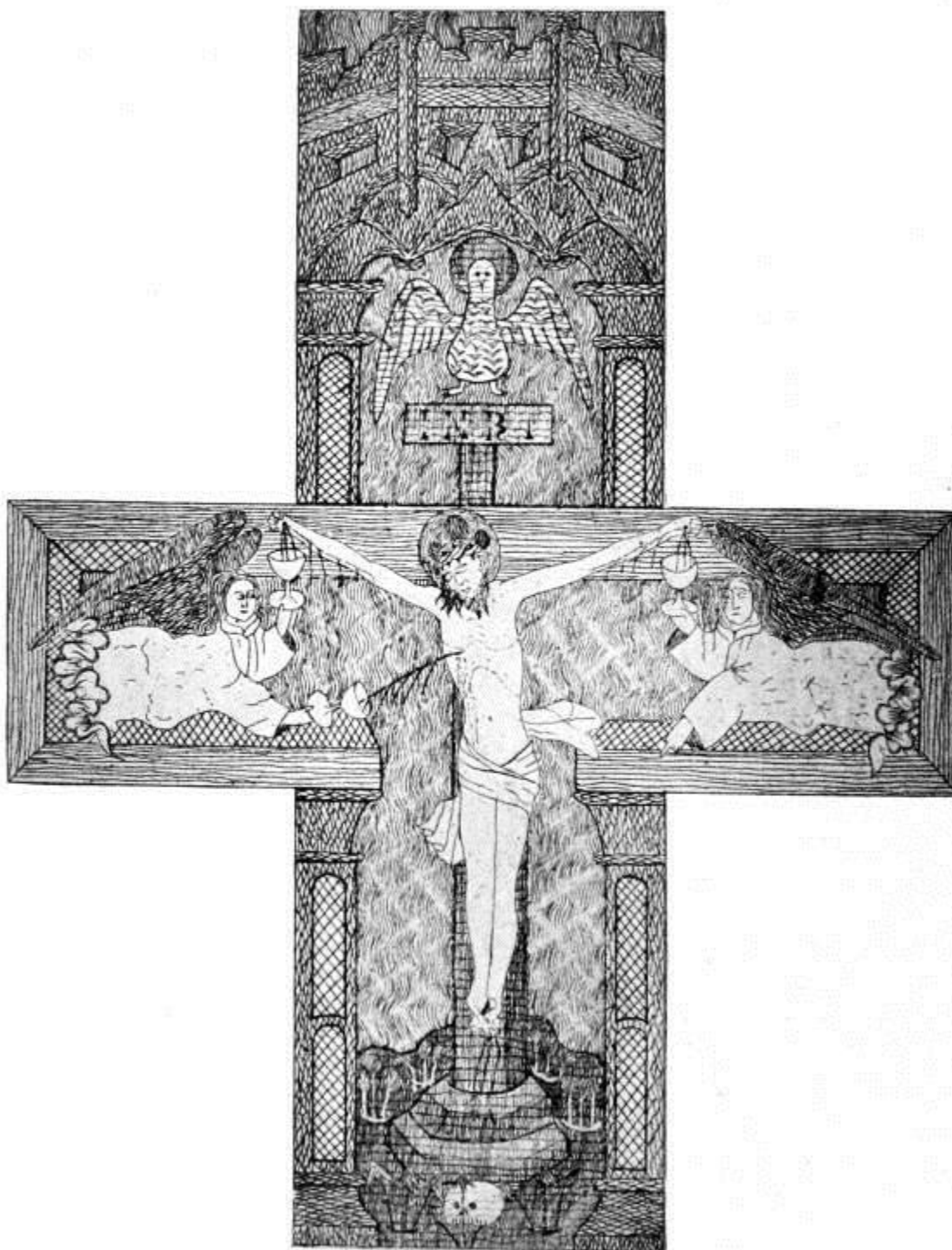
В 1228 году епископ Роже Ле Нуар преобразовал этот обычай в закон. В 1389 году архиепископ Арундел вмешался и увеличил число апостольских дней, которые должны были соблюдаться, еще на 22, превратив 2s. 6d. в 3s. 9d. На обращение к Папе Римскому он ответил поддержкой архиепископа, но горожане продолжали роптать. В 1535 году, вероятно, желая, чтобы лондонцы

остались довольны его церковными преобразованиями, Генрих снизил 3s. 5d. до 2s. 9d. И так налог оставался до тех пор, пока пожар 1666 года не потребовал пересмотра закона.

ГЛАВА II

ЦЕРКОВНАЯ МЕБЕЛЬ

Убранство лондонской церкви было продуманным до такой степени, что удивляло тех, кто привык к простому англиканскому ритуалу. Полагаю, она также поразит современного католического священника, когда он вспомнит о своей собственной деревенской церкви. Книга о посещении церквей, принадлежащих собору Святого Павла в 1297 и 1458 годах (Камденское общество, под редакцией В. Спэрроу Симпсона, доктора философии), позволяет нам понять масштабы и богатство этих церквей. Купель, многие образцы которой сохранились до сих пор, обычно была каменной, но иногда из мрамора, а иногда из дерева. Ее держали запертой, чтобы освященная вода не использовалась в суеверных целях. Воду меняли каждую неделю. Алтарь иногда был каменным; когда он был деревянным, на него ставили супралтарь из мрамора, камня или яшмы, с серебряными ножками. Обычно встречался алтарный фронтон, иногда из резного дерева, иногда с вышивкой. На алтаре стояли два потира, один из серебра или позолоченного серебра, другой из олова; был небольшой крест, называемый *crux parva*, чтобы отличать его от риз; были *фиалы* и *ferrum* или печать для клеймения алтарного хлеба буквами ХРС, ІНС, DS. Для хранения Евхаристии существовал *пикс* или табернаклъ. Иногда это был очень красивый ларец из стекла, слоновой кости, меди, серебра или эмали, подвешенный над алтарем с балдахином. Был *крисматорий* с маслом для больных, ковры перед алтарем, завесы и покрывала. Были различные виды подсвечников и канделябров из меди, латуни, олова или даже дерева. Расходы на освещение покрывались за счет своеобразного тарифа. Арендатор, имевший корову, платил 12 д. в год, овцу - 2 д., мокрицу - 1 д., свиноматку - 2 д. Из колоколов были те, что висели на башне, и маленькие ручные колокольчики, в которые звонили на похоронах и на мессах. Был крест для процессий, были знамена, пюпитр с подвесками, сундуки для приема одежд и мощей, сиденья для духовенства, но ни одного для народа, который либо стоял, либо стоял на коленях на своих подушках. *Пакс* или *оскуляторий* представлял собой дощечку из дерева или другого материала, которую целовал празднующий. Только в двух церквях Визитации были установлены органы. Затем были одеяния и покровы: далматик, часослов, хоругвь, сюртук, балдахин, который держали над новобрачными, постная пелена, которая покрывала все во время Великого поста, и т. д. Затем появились книги - *Legenda*, *Antiphonare*, *Gradale*, *Psalterium*, *Troparium*, *Ordinale*, *Missale*, *Manuale*, *Epistolarium*, *Processionale*. Многие из этих книг хранились в двух экземплярах: мы можем хорошо понять, как книги постоянно изнашивались от ежедневного использования. Заменить их в бедном приходе было делом, требующим больших затрат и хлопот. И все же эти вещи считались необходимыми в каждой церкви, какой бы скромной она ни была. Чего же следовало ожидать от больших церквей, которые содержались на средства князей, дворян и богатых купцов?

ВЫШИВКА XIV ВЕКА, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ЧАСТЬЮ ФРОНТОНА ИЛИ АНТЕПЕНДИУМА

Гравировка с оригинала.

Ниже приводится список сокровищ, принадлежащих церкви святого Лаврентия Еврея:.

- "Пять больших колоколов и два малых колокола.
- Одно полотнище с нижней частью и каймой из белого дамаска, украшенное теми же цветами и имагами.

- Один платьещик сертенов из белого сарценета с френгами.
- Одна шитая ткань с нижней частью и каймой из золотой ткани.
- Один платьещик сертификатов из силка с френчами.
- Одна аутерная ткань с нижней частью и каймой из красного бархата с когтями и одним платьещиком сертификатов из силка.
- Одна нижняя часть автеровой ткани с каймой из сатена с цветами, вытканными на ней, и один платьещик сертификатов из сарценета.

АРХИЕПИСКОП КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ, ПРОПОВЕДУЮЩИЙ ОТ ИМЕНИ ГЕНРИХА, ГЕРЦОГА ЛАНКАСТЕРСКОГО
Харл. MS. 1319, стр. 12.

- Одно полотнище с нижней частью и каймой из дамаска и один платьещик сертин из силка.
- Один кусок золотой ткани красного цвета.
- Один набедренник из золотого сукна ростового цвета.
- Одно облачение из белой дамаски с красными золотыми цветами и фланмеллы, прикрепленные к нему.
- Одно облачение с когтями и фламеями к нему же.
- Один покров из красного бархата, усыпанный бутонами и картами из золота.
- Один покров из червленого бархата, украшенный золотом и образами, а также
- Одно облачение из красного бархата с золотыми цветами.
- Одно облачение из дорникового бодкина.

- Одно облачение из красного бархата с золотыми цветами и каймой, прикрепленной к нему.
- Одно облачение из красного бархата с золотыми цветами и у каймой, пертаинирующей его.
- xvij awter clothes of linen cloth ix borders and xx certyns all stayned.
- ij awter clothes of lynne stayed with half-pencers.
- ij границы из остатков ткани.
- J одежда из рыжего бархата с каймой.
- j одежда из черного бархата, которая была при гробнице.
- viij линиялые одежды, употребляемые во время Великого поста, и vij сертификаты линиялых одежд, относящиеся к ним.
- ij копий из зеленого шелкового демына и j копий из красного бархата, украшенных золотом и изображениями.
- iij каймы и шрифт облекают все остатки.
- iij переплеты из червлёного и желтого бакрама.
- iiij сертификаты из сарценета красного и зеленого.
- iiij certyns of saye yellow and red.
- iiij certyns of red say and ij vayle clothes.
- J куртен из черного сарценета с шелковыми френчами.
- xli галбез и xxx hed сукна все линиялые сукна.
- j ящик золотой ткани.
- vj корпус ящиков с красителями и v корпус сукон.
- Шкатулка из коперса, иначе называемая пикс-бокс, с коуорм из сарценета.
- ij оловянные кубки.
- j позолоченный кубок с позолотой.
- i чаша вся позолоченная, без патины.
- ij потир парцелл позолоченный с ij патенами.
- iiij крестообразные шести ij из вода и ij из копера.
- j одежда из волос для возложения на орарь.
- xvij мохнатки из силка.
- ix подсвечники латные малые и большие.
- ij сенсеры латена.
- iiij латы для воды.
- ij большой латный стол.
- iiij rods of irone and a fier sholven (*sic, m.e.* лопата).
- Certayne olde leade iiij paxes.
- xx диперских полотенец и xv диперской одежды.
- xx одежда для игры.
- xi игровая одежда из линиялой ткани.
- ij одежда для бросания в гроб, одна из которых из силка, а другая из линиялой ткани.
- xvij знамена и полотнища из шелка остаются.
- viij знамена из ткани остаются.

- viij знаменные шесты.
- j Библия.
- ij плательщик органов".

Среди второстепенных церковных служб можно упомянуть благословение вдов. *Benedictio Viduæ* сопровождало обет будущего целомудрия.

Между Евангелием и Посланием вдова преклоняла колени перед епископом, сидящим на фалдовом табурете. Он в присутствии прихожан спрашивал ее, согласна ли она стать супругой Христа и отказаться от похотей плоти. Затем она прочитала или заставила прочитать следующее исповедание: "Я, А. Б., клянусь Богу в вечном целомудрии моего тела отныне и в присутствии Достопочтенного Отца в Боге, моего господина милостью Божией, епископа К., обещаю твердо жить в Церкви вдовой". Затем епископ благословил кольцо, окропил его святой водой и надел на палец вдовы в знак ее брака со Христом, сказав: - "Accipe Famula Christi".

"Accipe, Famula Christi, annulum Fidei signum, connubii indicium, quem devota deferas, casta custodias, quo ad amplexus divini sporsi coronanda perficias. Per Christum Dominum nostrum. Oremus."

Затем он произнес несколько молитв, и церемония была завершена. Об этой церемонии Фурнивалл приводит примечательный пример. В 1231 году Элеонора, сестра Генриха Третьего (и вдова Уильяма, графа Пемброка, который умер 15 апреля 1231 года), дала обет перед Эдмундом, архиепископом Кентерберийским, и Ричардом, епископом Чичестерским. Однако семь лет спустя она вышла замуж за Симона де Монфора. Архиепископ выразил протест, и от Папы Римского было получено разрешение.

В 1351 году Филиппа, вдова Гая, сына Томаса, графа Уорика, принесла клятву в таких словах: - "En le nom de le Seintfort".

"En le nom de le Seint Trinitie, Piere, Fils et Seint Esprit jeo Philippa que fu la feme Sire Guy de Warwyst face puriment et des queor et voluntie entierement, avow a Dieu et Seint Eglise, et a la benure Virgin Marie et a tout le bel compaignie delestine et a vous reverent Piere en Dieu Sir Reynaud per le Grace de Dieu Evesque de Wircester que jeo ameneray ma vie en chastitee defoie en avant, et chaste ferra de mon corps a tout temps de ma vie."

ГЛАВА III

КАЛЕНДАРЬ ГОДА

Влияние церкви на повседневную жизнь Лондона можно проиллюстрировать с помощью краткого календаря церковного года и народных примет. Нет нужды напоминать, что эти праздники включали в себя огромную коллекцию старых традиций, древних языческих обычаев и суеверий, привитых к ассоциации этих дней с церковной историей и доктриной. (См. Приложение VI.) Год начинался со святого сезона Адвента, когда среда и пятница были днями полного поста, допускавшего только одну трапезу в день, и то без мяса. В канун Рождества, а также в канун Святой Агнессы девушки занимались гаданиями, чтобы узнать, какие мужья им достанутся. Так, они писали имена мужчин на луке и клали его у огня:

прорастала или лопалась та часть, которая содержала имя будущего возлюбленного; а поскольку важно было знать, каким он будет мужем, девушка шла к стогу дров и вытаскивала палку: если палка была прямой и ровной, без сучков, он будет добрым и нежным мужем; если кривой или сучковатой, отставку нужно было возделывать. На Рождество устраивались гулянья, пиры и веселье; комнаты украшались остролистом и всевозможными зелеными ветвями; устраивались представления, маскарады и моралите. В церкви разыгрывалось Рождество Христово с ангелами, пастухами и Младенцем в колыбели; в некоторых местах дети танцевали перед алтарем. В день святого Стефана лошадей пускали в галоп и пускали кровь, чтобы они были здоровы весь год. В день святого Иоанна люди покупали у священников мантии, сделанные из освященного вина, как средство от бури. На Чилдермассе - 28 декабря - в День Невинных, детей били кнутом, чтобы они помнили об убийстве Невинных. Затем наступал Новый год.

"Тогда муж дарит жене подарки, а отец - ребенку.

А хозяин своим людям дарит то же самое с благосклонностью:

И доброго начала года они желают и желают снова",

По древнему обычаю язычников *vaine*:

Потом восемь дней никто не требует ни от кого своих деток.

Их столы они обставляют всем мясом, каким только могут".

Месяц январь был временем большого веселья, просто потому, что из-за короткого дня работа заканчивалась между четырьмя и пятью, и оставался длинный вечер.

"В январе мужчины играют

В карты и кости время проводят;

Теперь мужчины и девицы веселятся

В стулбол и в ячменный перерыв".

На двенадцатый день они выбирали короля по лотерее из пирога: короля поднимали на руках остальных, пока он чертил крестное знамение на каждом стропиле крыши. Этот благословенный знак отпугивал чертей. Еще один необычный обычай этого дня заключался в том, что хозяин дома в вечернее время клал на очаг буханку хлеба, а на сковороду с углями сыпал ладан. Затем он, а за ним и все его домочадцы вдыхали дым. Это должно было уберечь их от зубной, ушной или любой другой болезни глаз и носа в течение всего грядущего года. Укрепившись таким образом, все брали каравай и сковороду с углями и разносили их по дому. Таким простым способом они могли застраховать себя от недостатка пищи и колдовской силы. В День свечей, 2 февраля, каждый приносил в дар огарок. Эти огоньки служили для отпугивания призраков, молний, бурь и штормов. В день святого Блазиуса они за огромные деньги добывали воду, которую делали святой, пропуская через одну из костей святого. Бочки с этой водой продавались. День святого Валентина они отмечали с усердием; Джон Лидгейт говорит: "Сейнте Валентин".

"Сейнт Валентин, по обычаю из года в год

У мужчин в этом регионе есть обычай,

To loke and serche Cupid's Kalendere,

И выбирали себе пару по силе воздействия:

Such as ben prike with Cupid's nocioun,

И выбирал их по роду их:

Но я люблю одну, которая превосходит всех".

В масленичный вторник царило безумное веселье: люди наряжались в костюмы диких зверей и бегали по улицам; танцевали; устраивали представления; пировали и пили. Уличные шествия не заканчивались с масленичным вторником, они продолжались до Пепельной среды, когда каждый проходил по улицам, неся на шесте селедку и распевая песнопения. А приближение весны отмечалось следующим грубым спортом, очевидно, древним обычаем: - "В каком-то месте все молодые люди, как и все остальные, играют в веселые игры.

"В каком-нибудь месте вся молодежная стая с менестрелями ретируется,

И из каждого дома они выхватывают девиц и девушек;

И к плугу их прямо ставят, кнутом один их бьет:

Другой держит плуг в руке: Менестрель здесь сидит.

Среди тех же и пьяных песен, с разинутым ртом он поет.

А тот, кто сеет песок, или пепел с любовью бросает.

Когда они так по улицам пройдут, человек, который все сажает.

Загоняет и плуг, и девиц в какой-нибудь пруд или речку:

И обмакивает всех в грязь, и отжимает мокрыми, как они могут быть.

К ужину зовет, а после - на танцы".

Затем на город обрушилось время великой печали. В церквях образы были закрыты раскрашенными полотнищами, на которых неизвестно как было написано: "Гнев и ярость великая Божия"; мясные лавки были закрыты; срам был неповинен в крови; в лавках поваров не было ничего, кроме рыбы; набожные люди, мужчины и женщины, принимали только одну пищу в день. В Вербное воскресенье проходил крестный ход на Вход в Иерусалим; после крестного хода и мессы мальчики водили ассов по приходу, выпрашивая деньги и яйца.

За три дня до Пасхи в этом городе множества колоколов - колоколов монастырей, колоколов колледжей, колоколов больниц, колоколов церквей - царила глубокая тишина. В колокола не звонили вообще. Пономарь взбирался на башню или шпиль и деревянной хлопушкой созывал к мессе. Мальчишки бегали по улицам с деревянными хлопушками, созывая людей в церковь. Говорят даже, что во время торжественной темноты Тенеброса причетники устраивали свободные бои. А еще в эту неделю соблюдался любопытный обычай приносить в дом каждого вельможи скрученное дерево. В канун Пасхи все костры тушили и возобновляли из кремня и стали. Крещенскую воду освящали процессией с крестами, лампадами и знаменами. Считалось, что нести какое-либо знамя - к счастью. В день Пасхи

Воскресение Христово представляли во многих церквях. В этот день также ели редьку, чтобы не заболеть агушей. В один из трех дней перед Вознесением приходские били и стая мальчишек избивали приходских бисеров. В день Вознесения было принято есть птиц, так как их полет вверх считался символом Вознесения. В церкви образ Господа буквально втягивали на веревках на крышу, а образ Сатаны сбрасывали вниз и разбивали вдребезги.

В Белое воскресенье в церкви выпускали на свободу белых голубей и голубки. В день Тела Христова Святыню несли в процессии, за которой следовали изображения святых.

"Фэйр Урсли со своими девами проходит по дорогам:

И доблестный Джордж с копьем, убивший здесь страшного дракона:

Дом дьявола нарисован вокруг, и в нем виднеется

Чудесный род проклятых существ, с мерзким и страшным видом:

Великий Кристофер переходит вброд и проходит с Христом вокруг ручья:

Себастьян, усеянный перьями, ощущает удар дротика:

Затем идет Катрен с мечом в руке и жестоким колесом:

Чаллис и поющий торт с Барбарой во главе,

И другие пажи играют в поклонении своим родичам.

Святой Иоанн перед братом идет, и, поклонившись ему,

показывает, что это тот самый Агнец, который снимает с нас грехи:

На которого два облаченных в ангельскую форму ангела сыплют солнечные цветы.

И множество колокольчиков с приятным звоном".

В праздник Иоанна Крестителя зажигали костры, и молодежь танцевала на улице, что является пережитком летнего веселья. Каждый дом в этот вечер был украшен листьями и ветками, зелеными березами, фенхелем, белыми лилиями, зверобоем и гирляндами, с разноцветными лампадами, которые были развешаны повсюду. Летом на телегах и колесных машинах разыгрывались чудесные спектакли. На Мартинмас, 11 ноября, начало зимы, ели жареного гуся, а мальчики ходили и пели:

"Сегодня день Мартильмаса

Кубки эля должны свободно проноситься:

Что с того, что зима началась

Чтоб солнце сбить с пути?

К нашему костру мы можем пойти,

И посидеть у трескучего костра,

Не обращая внимания на лицо зимы

В день Мартильмаса".

Религиозные функции лорд-мэра и корпорации были многочисленны и считались неотделимыми от должности. Я уже обращал внимание на то, что бесполезно спрашивать, был ли какой-либо средневековый фонд, корпорация или учреждение религиозным по своему характеру, потому что в то время нельзя было рассматривать ничего, что не было бы основано на религии или не поддерживалось ею.

Ниже приведены некоторые из религиозных обязанностей, возлагавшихся на мэра. В день памяти свв. Симона и Иуды новоизбранный мэр утром приносил присягу в Казначействе. Затем он обедал, а после ужина отправлялся в церковь Святого Фомы Аконского, где читались молитвы. Затем он отправился в процессии в собор Святого Павла, где, стоя на коленях в нефе, молился за душу епископа Уильяма, спасшего свободу города во время норманнского завоевания. После этого он вышел на церковный двор, где помолился за души похороненных там родителей мученика. После этого он вернулся в церковь Святого Фомы Аконского, где вместе с олдерменами совершил жертвоприношение. Завершение дневных церемоний, если было уже темно, проходило при свете факелов.

В день Всех Святых мэр со своими домочадцами, олдермены со своими домочадцами и знатные горожане вместе шли к собору Святого Павла и слушали вечерню.

На Рождество они снова отправились в собор Святого Павла, чтобы послушать вечерню и обедню, причем мэр сидел по правую руку от декана.

В понедельник мэр, олдермены и шерифы собрались в церкви Святого Петра на Корнхилле: их встретили священнослужители городских церквей, и, образовав процессию, которую возглавили священнослужители, они прошли через Чепе к собору Святого Павла. Войдя с северной стороны, они были встречены служителями собора и проведены через трансепты на южную сторону, где вышли и, пройдя через "тесную Уотлинг-стрит", то есть южную часть участка Святого Павла, вошли в большую дверь на западе. В нефе они услышали гимн "Veni Creator", а с крыши крылатый ангел в белом одеянии кадил народ. После этого мэр подошел к алтарю и возложил на него свое подношение. Следует заметить, что он представлял город и молился о руководстве Святого Духа не за себя, а за весь город.

В Белый вторник была проведена та же церемония. Но процессия была сформирована у церкви Святого Михаила ле Кверна, за пределами участка Павла, и к ней присоединились простые жители Мидлсекса. Та же церемония была проведена в соборе. В Белую среду та же церемония была проведена в третий раз, но уже с простыми жителями Эссекса. Таким образом, мэр в эти два дня представлял жителей двух графств.

КОРОЛЕВА МАРГАРЕТ, ЖЕНА ГЕНРИХА VI, НА МОЛИТВЕ

Из книги Уодмора "Некоторое описание Общества скорняков" (Worshipful Company of Skinners).

В течение года было много других случаев, когда мэр отправлялся в штате в некоторые городские церкви.

По случаю ликования также наносились особые визиты. Так, при известии о рождении Эдуарда Третьего мэр и олдермены немедленно отправились в собор, где епископ отпел мессу, а после мессы, под звуки труб, мэр и олдермены "повели коляду" ("menerent la Karole"). Через несколько дней после этого в городе был устроен большой праздник.

Выше упоминались один или два талисмана против некоторых болезней. Не стоит забывать, что для каждой болезни существовал свой святой, который мог ее предотвратить. Мудрая женщина должна была знать всех этих святых и обращаться к ним за помощью, когда применяла свои травы. Вот список: - Святой Апполий сохранил зубы, Святой Отилий - глаза, Святой Вит - мозг, Святой Лаврентий - спину и плечи, Святой Валентин предотвратил падение, Святой Эразм спас от колик, Святой Блазиус - от хандры, Святой Перуэль - от аги, Св. Иоанн от тюрьмы (очень страшной болезни), святой Марк от внезапной смерти, святой Суран от позора, святой Вольфганг от подагры, святая Агата от огня, святой Христофор от

привидений, святая Анна от богатства - почему бы ей не быть святой покровительницей этого торгового города? Святой Вендлин держал скот, Святой Антоний - свиней, Святая Гертруда отгоняла мышей и крыс, Святой Магнус - кузнециков, Святой Николай защищал мореплавателей, Святой Индок - урожай, Святой Георгий присматривал за всадниками, Святой Лука - художников, Святой Косма - врачей, Святой Леонард - заключенных. Леонард - заключенных, Святой Ботольф - путешественников, в то время как все эти и многие другие функции приписывались Деве Марии, в которой были сосредоточены вся любовь, вера, почитание и надежда, возможные среди миллионов невежественных женщин, управляемых своими привязанностями и страстями.

В те времена очень верили в чары: в опасность рождения ребенка женщины очищали палату, чтобы уберечься от злых духов; мужчины отправлялись в море, в путешествие, на битву, повесив на шею чары, чтобы уберечься. Эти амулеты иногда представляли собой стих из Евангелия, вложенный в серебряную коробочку, которая вешалась на шею на серебряной цепочке: или слова, ничего не значащие, или кресты, нарисованные кровью или краской; мужчины зачаровывали или благословляли свои мечи; они зачаровывали своих лошадей. Опять же, люди очень верили в астрологию, некромантию и влияние луны. Перед тем как что-то предпринять, сначала узнавали положение луны. Если оно не было благоприятным, они не только воздерживались от начала любого важного предприятия, но и не мылись, не стригли волосы, не стригли ногти и даже не принимали лекарств. Некоторые из этих суеверий, как мы знаем, сохранились до сих пор, но реального влияния они не оказывают. Счастливые и несчастные дни забыты: приметы - очень слабые вещи, мы их практически вытеснили. Но мы должны понимать, что в Лондоне XIV века все население находилось под властью суеверий; я говорю не об их религии, а о суеверных представлениях, которые находятся за пределами религиозных догм и религиозных предписаний. Это время кажется тем, кто в него вглядывается, полным активности, полным радости, полным яркости. Все эти вещи, несомненно, принадлежат Лондону Плантагенетов. Богатство, хорошая работа, хорошее жалованье, великолепная одежда, хорошая еда, хорошее вино, хороший эль, жизнь на свежем воздухе - и в то же время постоянный страх перед неизвестностью, перед ближайшим будущим, перед тем, что может принести случай, удача, судьба или гнев святого. Одним словом, это была жизнь, которая с жадностью хватывается за настоящее и наслаждается тем, что боги дают изо дня в день.

ГЛАВА IV

ОТШЕЛЬНИКИ И АНКОРИТЫ

Есть одна ветвь церковной истории, которой, как ни странно, не уделяется должного внимания, - это история анкоритов, анкретов, анкоресс или анкеров. Иными словами, принято считать, что отшельник и анкорит - это одно и то же лицо. С таким же успехом можно считать, что монах - это то же самое, что и монах.

Ничто не мешало отшельнику устраивать свою келью, где ему заблагорассудится; но были места, где отшельничество было признанным учреждением, и отшельник, так сказать, представлялся как жилец. Так, за городской стеной был скит в Олдгейте, один в Бишопсгейте, один в Крипплгейте, один в Чаринг-Кросс, один в Сент-Лоуренс Джури; часто скит можно было встретить у моста, у дороги, в лесу или в любом другом не слишком

уединенном месте, поскольку отшельник жил на милостыню и поэтому должен был жить рядом с людскими домами. Характер и репутация отшельника полностью зависели от характера его обитателя, а потому менялись от времени к времени. Уильям Ланглендский говорит о "лжеотшельниках": "Но эти отшельники, построившие свое жилище у шоссе, в старину были рабочими, ткачами и портными, и извозчиками, и безграмотными клерками. Они держали сытый дом и много нуждались, долго трудились и мало зарабатывали, и в конце концов прозрели, что у лжецов в монашеских одеждах толстые щеки. Поэтому эти необучаемые рыцари оставили свой труд и оделись в плащи, как клерки, или как будто они принадлежат к какому-то ордену, или как пророки".

Отшельники не жили постоянно; если один отшельник умирал, его келья освобождалась, но не обязательно заполнялась. Несколько таких скитов сохранилось, как, например, Варквортский, который является очень ярким памятником. С другой стороны, анкорит - это затворник; он был закрыт и отделен от мира; он никогда не выходил из своей кельи. Прежде чем мужчине или женщине разрешалось стать анкоритом, он должен был получить разрешение от епископа, который также требовал от ректора или викария своей церкви, от аббата или настоятеля дома, чтобы анкорит был должным образом обеспечен пищей. Отшельник мог свободно бродить - *solivagus*; анкорит был закрыт --*conclusus*. Разница между отшельником и анкоритом четко прослеживается у Р. Шарпа (Календарь завещаний, ii. 33).

"Келья анкорита - или анкерхолд, как ее иногда называли, - обычно находилась в или рядом с церковью, хотя и не всегда: она располагалась так, чтобы затворник мог видеть алтарь и слышать службу, а ее дверь была заперта и часто замурована, одно или несколько окон с железными решетками оставались открытыми, через которые он мог получать причастие и необходимые для жизни вещи. Он часто был священником и прибегал к помощи духовника, как, впрочем, и некоторые отшельники. Последние, однако, обычно занимались каким-либо ремеслом или профессией.

Хотя анкориты не были отшельниками, анкерхольды иногда назывались скитами, и различие между этими двумя классами религиозных деятелей не всегда сохраняется в завещаниях Хустингов. Так, в одном из завещаний мы имеем ссылку на владения отшельника из Крипплгейта - скита, основанного Марией де Сен-Поль, графиней Пембрук, для души ее несчастного мужа Эйлмера де Валенса, а в другом - завещание, сделанное анкериту из Крипплгейта, а также анкериту из Холборна. О том, что оба эти сословия пользовались большим уважением у жителей Лондона, свидетельствуют многочисленные завещания, сделанные каждому анкериту и каждому отшельнику в Лондоне или его окрестностях. Помимо анкоритов или отшельников в Крипплгейте и Холборне, особо упоминаются отшельник на лугах за Темзой, отшельник возле Чаринг-Кросс и отшельник возле Бишопсгейт: анкорит, живущий в церкви Святого Петра на Корнхилле; монах Джон Инграм, анкорит возле больницы Св. Катарины в окрестностях Тауэра, ранее описанный в завещании Джеффри Патрика (1371 г.) как отшельник, живущий в месте под названием "ле Сваннеснест" недалеко от Тауэра; и, в том же завещании, монах Ричард де Свепстон, отшельник возле церкви Святого Лаврентия в Джуири, и Джеффри его компаньон. Упоминание компаньона для отшельника кажется неуместным, но из правила для одиночек, составленного Гримлайком, священником-анкоритом в IX веке или, возможно, несколько позже, следует, что нескольким людям разрешалось жить вместе в одном корпусе и общаться через окно, если келья каждого из них была отдельной".

Анкресс было много. Такой была Юлиана Норвичская, чья книга "Эякуляции" сохранилась: такой была Анкоресса из Бишопсгейта, получавшая 40 с лишним тысяч в год от шерифов

Лондона. Такой была Кристина из Сент-Албанса: такими были экономы Сент-Джайлс, Сент-Бенедикт и Сент-Мэри де Манни.

Частые упоминания в Календаре завещаний об анкоритах в Лондоне и его окрестностях показывают, что их всегда было много и что они пользовались большим уважением; но поскольку люди, явно небогатые, оставляли деньги всем, можно с уверенностью сказать, что анкориты и анкориссы были приписаны не к каждой церкви. Старых лондонских церквей осталось так мало, что искать в них какую-либо информацию по этому вопросу не представляется возможным. Говорят, что следы кельи анкоритов все еще можно увидеть во Внутренних клуатрах Вестминстерского аббатства, но я, со своей стороны, не смог их различить. Они должны быть частью руин часовни святой Катерины e's Chapel. Однако если мы обратимся к деревенским церквям по всей стране, то обнаружим признаки, указывающие не только на келью анкерита, но и на другие вещи.

Так, в алтаре многих церквей, построенных до XV века, нередко встречаются низкие боковые окна, иногда со ставнями, иногда без. Такие окна обычно называют окнами прокаженных, и рассказывают, как прокаженным, которым было запрещено входить в церковь, разрешалось помогать во время мессы, глядя через окно на алтарь. Кембриджское Камденское общество называет их лихноскопами.

Что касается теории о прокаженных, то мы должны помнить о строгих законах, касающихся разделения прокаженных: им не разрешалось входить в трактиры, церкви, мельницы и пекарни; они не должны были прикасаться к здоровым людям; не должны были есть со здоровыми; не должны были мыться в ручьях; не должны были ходить по узким тропинкам; они носили отличительную одежду и носили хлопушку, чтобы предупредить о своем приближении. Для их проживания также существовали дома-лазари, не менее девяноста пяти первого класса в Англии, а также дома поменьше. При таких правилах какое место оставалось для одинокого прокаженного в деревне? Где ему жить? Как он будет жить? Там, где были небольшие дома-лазареты, окно для прокаженного вполне мыслимо, но не в маленькой деревне, где прокаженному вообще не разрешалось жить. Так что для большинства этих деревень мы можем полностью отбросить теорию о косоглазии прокаженных.

Ценную статью о низких боковых окнах некоторых церквей Суррея можно найти в Transactions of the Surrey Archæological Society (vol. xiv. part ii.), в которой автор приводит рисунки многих из этих окон с подробным описанием и показывает, что они служили одной из двух целей - либо для исповеди, в этом случае священник сидел внутри церкви, а кающийся стоял на коленях без него; он доказывает, что такая практика была распространена в этих церквях, где единственное другое место для исповеди находилось "за завесой", то есть в алтаре. Другая цель заключалась в том, чтобы анкорит участвовал в службе через это окно. В некоторых церквях есть указания на то, что раньше келья находилась у стены церкви, например, следы торфяной крыши в стене. В одной из церквей, Хертли, близ Рейнхэма, келья сохранилась до наших дней.

Автор отмечает, что эти низкие боковые окна не встречаются в церквях, построенных во второй половине XV века. Он объясняет это упадком, в который пришли монахи, бывшие любимыми исповедниками. В другом месте я показал, что практика завещаний монахам, отшельникам и анкоритам Лондона постепенно приходила в упадок и в конце концов прекратилась в тот же период. Можно ли считать, что упадок уважения, которое раньше оказывалось религиозным людям всех мастей, повлиял на спрос на анкоритов и, соответственно, на их предложение? Разумеется, разумно полагать, что, когда призвание

или профессия *инкюза* перестали сопровождаться общей верой в высшую святость, одно из влечений, возможно, главное, к этой жизни перестало существовать. В то время как несомненно, что знание и доказательство такой веры было бы мощной поддержкой и определенным поощрением для анкорита в перенесении одиноких бдений, морозов и холода, тишины ночи, посещений, насмешек, ужаса перед извергом и всех страданий кельи, которую он никогда не должен был покидать, пока смерть не призовет его.

В своей книге о Вестминстере я описал посвящение отшельника, предположив, без всякого исторического основания, что субприор был готов занять место покойного анкорита. Предполагается, что способ хиротонии описан одним из монахов: - "Суб-приор, будучи на месте покойного анкиорита.

"Субприор, будучи священником, был отведен в хор, где он простерся с босыми ногами. Настоятель и три брата-священника заняли свои места, кантор начал службу с припева "*Beati in melius*", после чего настоятель и помощники перед алтарем пропели с хором некоторые псалмы, числом четырнадцать. После псалмов последовала ектения, хор пел после каждого пункта "*Ora pro eo*". Закончив ектению, аббат подошел к распростертому брату с распятием, чашей и святой водой и, встав над ним, трижды окропил его водой, кадил и читал над ним молитвы. Затем аббат собственными руками поднял кандидата и дал ему две зажженные лампы, одновременно напутствуя его оставаться твердым в любви Божией. Затем кандидат, стоя, слушал диакона, который читал сначала из пророка Исаяи, затем Евангелие от Луки, как в праздник Успения Богородицы. После этого благословлялись новые одежды, в которые он должен был облачиться. Затем кандидат давал обеты, которых было всего три, и те же самые, что и при исповедании: целомудрие, послушание и стойкость.

Затем кандидат преклонял колени перед алтарем и, трижды поцеловав его, каждый раз повторял слова *Suscipe me, Domine* и т. д., а хор отвечал ему. После этого он подносил две лампы к алтарю и снова становился на колени, пока аббат снимал с него монашескую рясу и облачал в только что освященные одежды. Затем последовала молитвенная служба. Это были "*Вени сотворивый*", "*Заклятие*" и "*Et ne nos*". Затем аббат, стоя на северной стороне алтаря, обратился с проповедью к братии и собравшимся, посвятив нового затворника в их молитвы. Затем кандидат сам пропел мессу Святого Духа.

Теперь мы завершили ту часть хиротонии, которая проходит в церкви. Затем аббат взял нового затворника за руку и повел его по нефу церкви, за которым следовали хор и все братья, к маленькой двери, ведущей в Западный клуатр. Церковь была полна народу, чтобы увидеть это зрелище. Не каждый день можно увидеть нового затворника. *Были здесь и домицеллы*, фрейлины королевы, пришедшие из дворца; были рыцари и пажи, и даже оруженосцы; были святоши, женщины и дети; люди с ястребами на запястьях; люди с собаками; купцы с шерстяных складов; девушки распутного вида с улиц и таверн за стенами. Ястребы звенели колокольчиками, собаки лаяли, женщины болтали, мужчины громко разговаривали, девушки смотрели на братьев, когда те проходили мимо, шептались и смеялись: и я слышал, как один брат сказал другому, что это такое зрелище, которое заставило бы субприора вернуться в монастырь, если бы он его увидел. И все одинаково вытягивали шеи, чтобы увидеть человека, которого собирались запереть в тесной келье до конца его дней.

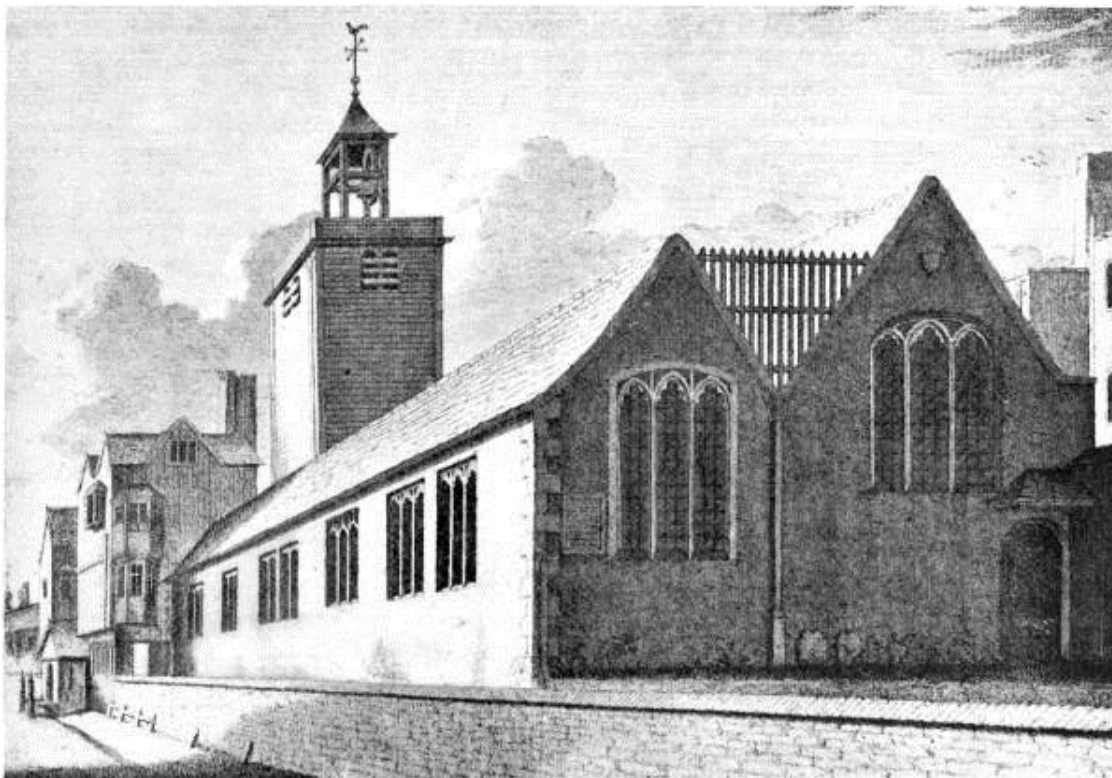
Келья Анкрета находится на южной стороне Лазаретной обители. Она построена из камня, имеет двенадцать футов в длину, восемь футов в ширину и арочную крышу высотой около десяти футов. Со стороны церкви есть узкое отверстие, через которое обитатель может

слышать мессу и видеть возвышение в часовне Святой Екатерины. С другой стороны есть решетка, через которую он может принимать пищу и общаться с миром. Но она находится слишком высоко, чтобы он мог из нее выглянуть, поэтому ему не на что смотреть, кроме как на стены своей кельи. Сегодня утром западная сторона была разобрана, чтобы убрать тело умершего и очистить келью для нового пришедшего. И вот, когда мы собрались в круг, а люди стояли позади нас, настоятель вошел в келью, освятил ее и окропил святой водой, распевая все новые и новые псалмы и молитвы. Когда он вышел, вошел сам затворник, громко произнося: *Hæc requies mea in seculum seculi*. Хор пропел еще один псалом. Затем аббат посыпал голову затворника пылью со словами, начинающимися *De terra plasmasti*.

После этого *Operarius cum suis operariis* заменил камни и возвел стену заново. А затем, пропев еще один псалом, мы вернулись в монастырь, оставив субприора в его пожизненном заточении. Каменная скамья для постели, его ряса для одеяла, распятие и никакой другой мебели. В последующие холодные ночи, лежа в своей постели в дортуаре, я часто вспоминал бывшего субприора, одинокого в своей темной келье, с дьяволами, нашептывающими искушения через решетку (дьяволы всегда нападают на каждого нового затворника), почти замерзшего, молящегося с дрожащими губами и стучащими зубами. Нет, я недостойн. Такие вещи слишком высоки для меня".

Кажется, что в течение нескольких сотен лет в каждом монастыре и во многих церквях был затворник, мужчина или женщина. Они были обязаны молиться за дом или церковь, возможно, и за приход. Они часто приобретали репутацию высочайшей святости; к ним обращались как к оракулу. Так, Ричард Второй, прежде чем отправиться в опасное путешествие, чтобы подавить восстание, посоветовался с анхоритом из Вестминстера. Так и Генрих Пятый провел ночь после похорон отца в плаче, молитве и исповеди с преемником анкорита.

Келья анкорита не всегда имела одинаковую форму. Иногда она частично или полностью находилась под землей; иногда решетчатое окно выходило наружу и позволяло обитателю видеть и быть видимым; иногда решетчатое окно было слишком высоко, чтобы анкерит мог видеть своих посетителей или быть видимым ими. В женском монастыре Мармустин в Туре была келья анкорита, в которой обитатель был полностью уединен; в Ройстоне была подземная келья, к которой был подход снаружи и отверстие сверху. Подход, вероятно, был заблокирован, когда затворник входил в келью, и все коммуникации осуществлялись через верхнее отверстие. В Бенгео, графство Гертс. (см. Приложение VII.) келья анкорита состояла из деревянной хижины, расположенной напротив северо-восточного конца алтаря. Она была восемь футов в длину и шесть футов в высоту; в стене имелось углубление для кровати и сиденья анкерита; был вход в церковь; возможно, анкерит был священником-кантри.

ВСЕ СВЯТЫЕ, ЛОНДОНСКАЯ СТЕНА

Иногда на церковном дворе жили две анкетерши, но не в одной келье. Генрих Четвертый перед своим восшествием на престол основал келью анкориты в одной из деревень Ланкашира. Анкерка очень часто ухаживала за церковью и содержала ее в чистоте. Что касается Лондона, то завещания анкоритам многочисленны. Мы читаем об анклавах в соборах Святого Михаила и Святого Джайлса на Корнхилле; в соборах Святого Джайлса, Святого Бенедикта и Святой Марии Мэнни мы читаем о том, что одна дама получила столько-то квадратных футов земли для строительства кельи анкоритов; мы читаем об анкоритах в Сент-Олбансе, Сент-Джайлсе и Вестминстерском аббатстве.

Одно из самых ранних древнеанглийских произведений - *Анкрен Риевле*, или Правило для анхоритов. Оно было написано для трех дам, решивших вести затворническую жизнь в деревне в Дорсетшире. Автор сомнителен. Возможно, это Ричард Пур, епископ Чичестера, Солсбери и Дарема, в таком случае он старше 1237 года, года смерти Ричарда Пура; или же Симон Гентский, уроженец Лондона, архидиакон Оксфорда, 1284 год, епископ Солсбери, 1297 год. Он умер в 1315 году. Даты имеют важное значение, поскольку затворническая жизнь, по-видимому, стала распространенной не ранее середины XIII века, а к концу XIV века, как представляется, и вовсе сошла на нет. Сама работа, кажется, показывает, что эти дамы приняли новое или, по крайней мере, необычное занятие.

В XIII и XIV веках, однако, мы должны помнить, что в каждом монастырском доме и в большинстве церквей келья анкорита была построена у стены алтаря с отверстием, чтобы обитатель мог "видеть Бога", то есть ежедневно наблюдать за вознесением мессы; в любое время дня и ночи были слышны молитвы, хвалы, восклицания, стоны мужчины или женщины, погребенных заживо.

Трудно понять, чем привлекательна такая жизнь. Вероятно, некоторых привлекал сам ее ужас. Быть в одиночестве день и ночь, пока длится жизнь, постоянно молиться, никогда не наслаждаться ни единым утешением, ни утешением, ни облегчением физической боли, быть

всегда холодным, всегда голодным, всегда одетым в лохмотья, всегда неопрятным и неумытым, каждую ночь бороться с суеверными страхами и выдумками возбужденного воображения, постоянно думать о смерти - все это делало жизнь настолько ужасной, что сама заслуга выбора такой жизни казалась необычной; Врата рая непременно распахнулись бы перед тем, кто прошел через годы такой стойкости и такой борьбы.

Представьте себе такого анкорита. Он медленно поднимается с колен; его конечности полны ревматических болей; он выпрямляется с трудом; он подходит к решетке и смотрит сквозь прутья. Это худой высокий человек, худой настолько, насколько может быть худым живой человек; он одет в лохмотья; его волосы рассыпаются по плечам; его борода ниспадает до пояса; его щеки впалые; его исхудавшие глаза похожи на угольки огня. Он молится за Церковь и за все души тех, кто принадлежит к ней, то есть как за умерших, так и за живых. Велики благословения, даруемые приходу молитвами анкорита! Он молится весь день и всю ночь; пока другие спят, анкиорит непрерывно возносит молитвы. Его терзают боли; ему всегда холодно, он всегда голоден, всегда немыт, но он не несчастен. Его поддерживает несомненная Вера; у него есть утешения и компенсации. Дева Мария посылает ему ангелов, которые поют колядки, чтобы слышал только он; это предвкушение пения на небесах; ему даже позволено видеть открытые врата рая и блаженных святых, восседающих на своих тронах, как бароны на коронации. И его посещают дьяволы, которые всегда отбиты и всегда возвращаются со свежим шепотом и новыми искушениями. Как сладка радость битвы! По ночам он борется с извергом, и каждую ночь из зарешеченного окна доносятся крики ярости и разочарования. О, анкиорит - счастливый человек! А иногда он наделен даром пророчества: он знает, что будет дальше: утром он вспоминает свое видение, и, возможно, сами слова записаны и сохранены. Он также, если пожелает, является приходским оракулом: к нему обращаются за советом по всем вопросам, ибо нет такого предмета, в который бы не вникала религия. Купцы советуются с ним о своих предприятиях, женщины - о своих любовных делах, принцы - о своей политике. Видите, по длинной траве спотыкается девушка: она несет корзину; в ней - подарок для анкорита, такая простая еда, какую он сможет принять; и она идет с повышенным вниманием, потому что собирается задать вопрос самого деликатного характера, касающийся молодого человека. Известно, что в некоторых церковных дворах, где анкориты отличаются добрым нравом и популярностью, или там, где есть анкорисса, решетка кельи становится местом отдыха; говорят, что скандалы и озорные сплетни иногда впервые начинались у кельи анкориссы; все женщины приходили туда, чтобы поговорить о том, что происходит в приходе; келья становилась помехой; приходской священник говорил об этом; епископ слышал об этом.

Подумайте, какое воздействие на воображение оказывал снаружи один только голос невидимого одиночки, который, пока он жив, никогда не менял одежду, не мылся, не стриг волосы и бороду, не смотрел на лица других людей, не видел солнечного света и голубого неба, не искал никакого физического комфорта или утешения, пока длилась жизнь. Они знали, что он там; они приходили и говорили с ним; из могилы доносился тихий голос в ответ; они опускали еду; однажды они пришли и не услышали голоса в ответ; они сняли камни и заглянули внутрь. Бог призвал человека долготерпения; кто же займет его место?

Выше я говорил, что в течение ста лет при большинстве церквей существовали анкориты. Причина, по которой я выделил этот период, заключается в том, что жители Лондона начали завещать имущество анкоритам в середине XIV века, в 1341 году, и прекратили эту практику одновременно с прекращением завещать имущество монахам примерно в 1400 году. В течение шестидесяти лет существовала общая формула со всеми, у кого было имущество, которое нужно было оставить. Они завещали небольшие суммы своей приходской церкви,

всем пяти орденам монахов, каждому анкориту в Лондоне, или каждому анкориту, мужчине или женщине, в Лондонском Сити и его окрестностях, каждому отшельнику в Лондоне, каждому прокаженному в Лондоне, каждому бедному заключенному в Лондоне. Причина, по которой мода давать завещания на содержание одиночек началась так поздно и закончилась так быстро, заключается, как я полагаю, в том, что практика строительства анкоритов ' келий стала более распространенной в XIV веке, чем в прежние времена; Люди хватались за любую возможность получить молитвы и мессы за свои души; вид множества вновь построенных келий поражал их воображение; они считали, что молитвы святого анкорита должны быть очень действенными, поскольку тот не только вел святую жизнь, но и терпел постоянные страдания. Точно так же они оставляли деньги прокаженным и заключенным, чтобы получить их молитвы.

А причина, по которой мода завещать деньги анкоритам внезапно прекратилась, заключалась в том, что к концу XIV века умы Лондона были пропитаны той частью лоллардии, которая насмехалась над отшельниками, монахами и монахинями. В то время, когда Палата общин ходатайствовала перед королем о подавлении всех религиозных домов, богатые люди Сити, как бы по общему согласию, как бы по сговору или тайному решению, перестали завещать деньги монахам, отшельникам и анкоритам. Проведена широкая черная линия. Этим людям больше не должно доставаться никаких денег. Было бы интересно, если бы это было возможно, узнать, что стало с анкоритами и отшельниками. Некоторые из них, несомненно, дожили до Реформации. Можем ли мы представить себе, что с роспуском монастыря пресеклось существование анкоритов? Можем ли мы представить себе старика с седыми волосами, бородой до пояса, едва прилично одетого в лохмотья, которые он носил пятьдесят лет, с впалыми щеками, изможденным лицом и дикими глазами, моргающими на свету, и удивляющегося, почему после стольких лет его снова вытащили на солнечный свет и на глаза своим собратьям?

ГЛАВА V

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Паломничество, которым никогда не увлекались так сильно в Лондоне, как в деревне, или в Англии, как во Франции, играет важную роль в жизни средневековья. Самым ранним паломничеством было, конечно, к святым местам Иерусалима: оно началось во втором веке с путешествия к месту Вознесения. Другие места множились по мере увеличения числа паломников и спроса на места, священные реликвии и ассоциации. Стремление к паломничеству росло и распространялось с огромной скоростью среди всех сословий. В век перед крестовыми походами дороги в Палестину были черны от стай паломников: мы имеем историю многих ранних паломничеств, включая историю, записанную аббатом Адамнаном из Шотландии с уст потерпевшего кораблекрушение паломника Арнульфуса, и историю английского паломника Виллибальда, который отправился в путь со своим отцом и сестрой Вальфунгой, братом Вунибальдом и большой компанией последователей и слуг: в Италии отец умер, а брат и сестра вернулись домой: Виллибальд упорствовал и благополучно добрался до Иерусалима.

Легко понять, почему паломничество привлекало столь многих. Оно было полно приключений и опасностей. С другой стороны, оно было очень полезным: если человек

погибал во время паломничества, двери рая были открыты: если он возвращался невредимым, срок чистилища сокращался. Тогда паломник отрывался от работы: ему ничего не оставалось делать, как идти вперед: он не нуждался в деньгах: каждый день приводил его в какой-нибудь гостеприимный монастырь, где он находил ужин, постель и завтрак: он постоянно заводил новые знакомства и новых друзей: путь оживляли разговоры и случайные возлияния: вечером в каком-нибудь трактире иногда устраивалось веселье, с вином или элем, музыкой и танцами, с представлениями *гуляк*. Кто бы не променял скучную и утомительную жизнь в деревне на время столь разнообразных впечатлений и развлечений?

Эта практика быстро превратилась в злоупотребление. Крестьянин бросал свой плуг, жену и детей, чтобы отправиться в паломничество. Ремесленник покидал свою лавку и мастерскую в поисках приключений в качестве паломника: даже монах покидал свой монастырь, чтобы отправиться в мир, иногда чтобы никогда больше не вернуться: иногда он возвращался с признанием нарушенных обетов. Церковь, таким образом, вмешалась. Никто не должен отправляться в паломничество без разрешения епископа. Получив разрешение, паломник торжественно облачился в скрепу и посох, а также в длинную шерстяную мантию, которая составляла главную часть его одежды. Приходской священник с друзьями проводил его до границ своего прихода, и он отправился в путь, вооруженный епископским разрешением и паспортом, который обеспечивал ему гостеприимство во всех христианских странах.

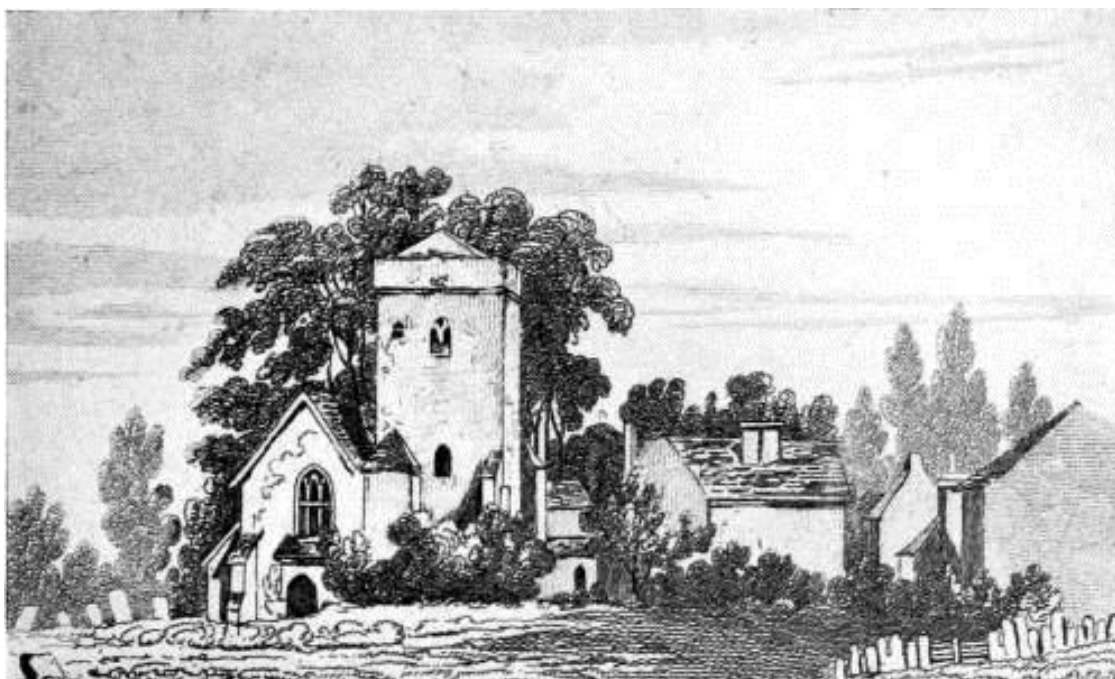
"Во имя Бога, - говорилось в похвальном письме, - мы хотели бы, чтобы ваше высочество или святейшество знали, что предъявитель настоящих писем, наш брат, попросил у нас разрешения мирно отправиться в паломничество в Иерусалим, либо за свои грехи, либо чтобы помолиться о нашем спасении. Поэтому мы вручили ему эти письма, в которых приветствуем вас и молим вас, ради Бога и святого Петра, принять его как своего гостя, быть ему полезным в пути и на обратном пути, чтобы он мог вернуться в безопасности в свой дом; и, как это принято у вас, устройте ему счастливые дни. Да защитит вас Бог, Вечный Царь, и сохранит вас в Своем Царстве!"

Церковь не только благословляла паломника, но и праздновала сам акт паломничества в одной из тех драм, на которых так многому можно научиться, в службе, которая сохранилась до наших дней. Ниже приводится ее сокращенный вариант.

"В нефе церкви была возведена крепость, "*castellum*", представляющая собой дом в Эммаусе, куда вошли два путника и преломили хлеб с Христом. В назначенное время два священника, "из вторых мест", назначенных на этот день, выходили из ризницы, распевая гимн, начинающийся "*Jesu, nostra redemptio*". Они должны были быть одеты в туники "*et desuper cappis transversum*", иметь длинные ниспадающие волосы и бороды, и каждый должен был нести посох и скрепу. Исполняя этот гимн и медленно шествуя по правому нефу, они подходили к западному крыльцу, где становились во главе процессии ожидавших их хористов и все вместе начинали петь "*Nos tuo vultu saties*". Затем навстречу им вышел священник, облаченный в альбу и сюртук, босой, с крестом на правом плече, и, "внезапно встав перед ними", спросил: "Что это за разговоры, которые вы ведете друг с другом, когда говорите и печалитесь? На что оба паломника ответили: "Ты странник в Иерусалиме и не знаешь того, что происходит там в эти дни?"

"О чем?" - спросил священник. "Об Иисусе из Назарета", - ответили они, и далее последовали следующие слова. "О, глупцы!" - сказал священник, - "и медленны сердцем, чтобы верить всему, что говорили пророки". И тогда, притворившись, что собирается уйти, священник покинул бы их, но они удержали его и, указав на "кастеллум", попросили войти,

распевая: "Останься с нами, ибо уже близится вечер, а день давно прошел". Затем, спев еще один гимн, они повели его к "форту Эммауса", куда вошли и сели за стол, уже накрытый для ужина. Тут между ними сел священник, тормозящий хлеб, и, признав в этом действии Господа, "внезапно скрылся из виду". Паломники, притворившись ошеломленными, встали и горестно запели "Аллилуиа" со стихом "Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил с нами по дороге и когда открывал нам Писание?". Пропев это дважды, они прошли к кафедре, где спели стих "Dic nobis Maria". После этого другой священник, одетый в далматик и сюртук, с головой, заглушенной, как у женщины, подошел к ним и запел: "Sepulcrum Christi Angelicos testes". Затем он берет с одного места полотнище, а с другого - другое и бросает их перед большой дверью хора. И (в заключение указания) пусть он поет "Христос воскрес", и пусть хор поет два других стиха, которые следуют за этим, и пусть женщины и паломники удалятся внутрь; и память об этом действии, таким образом, вспоминается, пусть процессия возвращается на хоры, и вечерня будет закончена".

УИЛСДОН, МИДЛСЕКС

Существовало также паломничество наказания, когда преступник обрекался скитаться вверх и вниз по дороге, куда бы Папа ни направил его. На дороге встречалось много таких несчастных; большинство из них были убийцами; делалась цепь, в которую вдевался меч, нож или другое оружие, которым было совершено преступление; шея, руки и тело преступника обвязывались этой цепью; так снаряженный, преступник мучительно шел от святыни к святыне, живя на милостыню. Только в четырнадцатом веке эта практика была прекращена. Может ли что-то более убедительно доказать силу Церкви, чем это наказание убийц, которых просто нагружали этими цепями, а затем приказывали отправиться в паломничество от святыни к святыне? Не было полиции, которая бы следила за послушанием, не было стражи, которая бы охраняла преступников; им велели идти и идти к определенной святыне и там ждать дальнейших приказов; и они повиновались.

Существовало два вида паломничества: *большое* и *малое*. К первому виду относились те, что отправлялись в Святую землю и в Рим. Ко второму виду, который в основном удовлетворял наших предков, относились поездки в Уолсингем с его Богородицей, Гластонбери со святым шипом, Уолтем с черным крестом, Сент-Эдмундс-Бури с телом короля, Дарем со святыней

святого Катберта, Чичестер со святыней святого Ричарда; были также Беверли, Винчестер, Линкольн, Йорк, Питерборо - все известные святыни. Самыми популярными были два места паломничества - Уолсингем и Кентерберри. Но, вспоминая бессмертную компанию Чосера, мы должны помнить, что летом такие компании ежедневно покидали Лондон, направляясь то в одно, то в другое из этих святых мест. В нелогичной путанице вещей, свойственной тому времени, паломничество, которое для многих было оргией и периодом беспредельного разгула на всем пути, сочеталось с благочестивыми молитвами и нелицемерными слезами.

Было бы глупо слишком внимательно изучать рассказы о паломничествах в поисках свидетельств религиозного духа среди паломников. Однако такие свидетельства можно найти, в частности, в горячих молитвах и восхвалениях Феликса Фабри, о котором мы еще упомянем. Достаточно вспомнить, что для огромной массы людей религия заключалась в послушании. Они должны были лишь выполнять предписания церкви. После смерти наступало чистилище. Паломничество и другие обряды сокращали срок чистилища. Поэтому они отправлялись в путь отчасти с этой целью, отчасти из желания увидеть незнакомые страны, отчасти для того, чтобы побороть беспокойство, которое время от времени овладевает людьми, как и народами.

Виклиф, Уильям Ланглендский, Чосер, Гоуэр, все средневековые писатели постоянно упоминают о паломниках. Иногда жизнь паломников высмеивается. Так, Уильям Ланглендский говорит о "толпе отшельников с крючковатыми посохами, которые идут в Уолсингем, а за ними их жены, олухи, которые не могут работать, одеваются в плащи, чтобы их знали среди других, и становятся отшельниками для своего удобства". Иногда рассказы паломников подвергаются насмешкам.

"Pylgrimis and palmers plyghten hem to-gederes,

Чтобы уединиться со святым Иаком и сейнтами Рима,

И пошли по дороге с нечестивыми рассказами,

And heven leve to lye al hure lyf-tyme."

Торп (Skeat's Notes to Chaucer, p. 49), будучи допрошенным Арунделом, архиепископом Кентерберийским, в 1407 году, жалуется на паломников, заявляя: "Они повелевают иметь при себе мужчин и женщин, которые умеют хорошо петь развратные песни, а некоторые другие паломники имеют при себе волынки, так что в каждом городе, через который они проходят, от шума их пения и звука их волынок, от звона их кентерберийских колоколов и от лая собак за ними, они производят больше шума, чем если бы туда приехал король со всеми своими кларнетами и многими другими менестрелями. И если эти мужчины и женщины простоят месяц в своем паломничестве, то многие из них простоят еще полгода, великие ангельеры, сказители и лиры".

Но архиепископ сказал: "Леуд Лоселл, ты не видишь в этом деле ничего серьезного, ибо ты не рассматриваешь великий путь пилигримов, а потому порицаешь то, что достойно похвалы. Я говорю тебе, что правильно сделано, что у пилигримов есть с собой и сингеры, и пиперы, что когда один из них, идущий барфутом, ударяет палец ноги о камень и больно ранит его, заставляя кровоточить, то хорошо, если он или его питомец начинает тогда звучать, или вынимает из груди волынку, чтобы отгонять таким миром боль своего питомца. Ибо с помощью такого утешения легко и весело изгоняется трагедия и тяжесть пилгремиса".

Иногда люди сами придумывали себе святых и святыни, как, например, когда они стекались к могиле Томаса, графа Ланкастера, человека, далекого от святой жизни, или к могиле

Симона де Монфора. В 1338 году один лондонский бакалейщик продал мазер, украшенный изображением святого Фомы Ланкастерского. А несколько лет спустя народ сделал святым проповедника и отшельника Ричарда Ролла из Хэмпла. Все эти популярные, но эфемерные святые обильно творили чудеса, пока длилась вера в их силу. Если бы какой-нибудь поэт изобразил рой паломников, которые в тот год, когда бакалейщик продал этот мазер, отправились из Лондона в паломничество в Понтефрак, где был похоронен святой Томас Ланкастерский!

Не только мужчины должны были получить лицензию на паломничество, но и корабельщики, которые их перевозили. Паломники в чужие края отправлялись либо в Кале и далее по суше, либо, если они направлялись в Компостеллу, то проделывали весь путь по морю. Так, корабль под названием "*Ла Шарите де Пейнтон*", капитан которого - Питер Кок, имел лицензию на перевозку ста паломников. Корабль "*Ле Петре де Дартемут*" был рассчитан на шестьдесят человек, "*Ла Мари де Саутгемптон*" - на сто, "*Ле Томас де Солташ*" - на шестьдесят, и так далее.

В рассказе Феликса Фабри (1484 г. н. э.) о паломничестве в Святую землю (см. Palestine Pilgrims Text Society, vols. vii.-x.) мы можем прочитать, как длительные паломничества совершались на корабле. Феликс отплыл из Венеции. Методы были примерно одинаковыми для паломников из всех стран, за исключением того, что корабли, которым приходилось пересекать Бискайский залив и огибать мысы Португалии, были, вероятно, более крепкими, чем те, которые плавали только по Средиземному морю.

Паломник платил столько за путешествие туда и обратно: его также доставляли к Святым местам под конвоем. С каждой стороной заключался особый договор. Так, с Феликсом их было двенадцать: четыре знатных лорда и восемь сопровождающих: своего рода главный распорядитель или курьер, цирюльник и музыкант, старый солдат в качестве слуги, буржуа в качестве ученика, повар, бывший торговец, который был рабом на галере и выступал в качестве переводчика, "человек мира", который по профессии был школьным учителем, и сам Феликс, священник ордена монахов-проповедников. Вкратце условия договора сводились к следующему: партия должна была быть доставлена из Венеции в Иоппию и обратно. Они должны были получать два полноценных обеда в день, с чашкой мальвуазии каждое утро перед завтраком; их должны были защищать от жестокого обращения со стороны рабов на галере; их должны были отвезти посмотреть все святые места; и они должны были платить по сорок дукатов за голову. Стоимость дуката в то время я не берусь оценить. Были золотые дукаты и серебряные дукаты; дукаты Венгрии, Австрии, Гамбурга и Италии.

На взвешивании якорей немцы дружно запели гимн пилигримов:.

"In Gottes Namen fahren wir:

Seiner Gnaden begehren wir:

Nun helff uns die Gottliche Kraft und das Heilige Geist:

Kyrie Eleison!"

Было бы приятно узнать слова английского гимна пилигримов по прибытии в Иоппию, когда они все вместе пели под руководством двух священников. На борту корабля было представлено множество народов: итальянцы, лангобарды, галлы, франки, немцы, англичане, ирландцы, шотландцы, венгры, даки, богемцы, испанцы, и они вместе исполнили "Гимн Амброза и Августина", *то есть Te Deum Laudamus*.

Что касается жизни на борту, неудобств, насекомых, беспокойных рабов, морской болезни, то Феликс не щадит нас. Самая ранняя из наших морских песен, относящаяся почти к той же дате, - это рассказ о паломничестве к святилищу святого Яго из Компостеллы. Это явно работа того, кто пишет на основе собственного опыта. Корабль заполнен паломниками, и все они вместе страдают от морской болезни: - "Men may leve all gamys".

"Люди могут играть в любые игры,
Кто в Святой Иаков отправится;
Ибо многие из них сжимают граммы;
Когда они начинают говорить.
Ибо когда они выходят в море,
В Сэндвиче или в Уинчилси,
В Бристоу, или где там еще,
Theyr hertes begin to fayle.
В это время пилгримы лежат,
И пусть постятся их луки,
И плачьте в голос,
"Thou helpe for to restore.
And soon sold have a saltyd tost,
For they myght ete neyther sode ne rost,
Человек может один оплатить их стоимость,
как за один день, так и за два.
Некоторые клали свои книги на колени,
И так долго они могли не видеть:
Но, увы, мой дом расщепится на три!
Так говорит другой несомненный человек".

Сохранился маршрут двух паломничеств, совершенных одним английским путешественником, который был опубликован Роксбургским клубом. Его звали Уильям Вей, бакалавр богословия, бывший стипендиат Королевского колледжа Пресвятой Девы Марии в Итоне и Виндзоре. Он дважды ездил в Иерусалим, в 1458 и 1462 годах, и один раз к святому Иакову Компостелльскому в 1465 году. Он был "consecratus ad modum peregrinorum", отделен особым служением: он получил разрешение короля, чтобы не потерять свое братство из-за несанкционированного отсутствия; он покинул Итон, чтобы присоединиться к августинцам Хединтона, или Эдинтона; он совершил свое последнее паломничество на семидесятом году жизни; и он умер в монастыре в 1476 году в возрасте восьмидесяти шести лет. Очевидно, это был сильный человек. Он завещал или передал братьям Хединтона большую коллекцию ценных реликвий и диковинок из Святой Земли.

К сожалению, он ничего не рассказывает ни о начале, ни о возвращении, начав свое паломничество в Венеции. Здесь существовала регулярная служба кораблей, капитаны которых брались совершить "круговое путешествие" - в Иерусалим и обратно - за определенную сумму.

Когда он отправился к святому Иакову Компостелльскому, из Плимута отплыл паломнический флот из шести кораблей, а именно из Портсмута, Бристоля, Уэймута, Лаймингтона, Плимута, называемый "*Мэри Уайт*", и другие - был ли это ежегодный паломнический флот? Или это был лишь один из многих подобных флотов?

Маршруты Взя иллюстрируют сравнительную легкость, с которой люди путешествовали в то время. Путь в Палестину был долгим, но не слишком длинным для семидесятилетнего мужчины. Путешественник рассказывает истории о срезанных кошельках и украденных драгоценностях, но нет ощущения других опасностей или каких-либо ужасов: паломников брали на борт, везли в порт, высаживали на берег, под конвоем вели к святыням и снова возвращали домой. Примечательно, что двое спутников Взя в его первом паломничестве были такими же священниками, как и он сам. Во времена Чосера, как известно, все, кто мог позволить себе время и деньги, отправлялись в паломничество. Так, жена из Бата: "*Thrice hadde sche*

"Трижды был он в Иерусалиме:

Sche hadde passed many a strange stream:

В Риме она была и в Болонье:

В Галиции у Сейнта Джеймса и в Кельне".

Можно представить, что длительные гражданские войны и широко распространившееся лоллардизм, который удалось лишь заглушить, но не уничтожить, мешали практике паломничества в XV веке. С другой стороны, Эразм показывает нам, что паломники к английским святыням, по крайней мере, в его время были многочисленны. Регулярные паломничества в Венецию и обратно доказывают, что паломничество в Святую землю не отвлекалось и не прерывалось, несмотря на бушевавшие вокруг войны.

У каждой святыни паломник покупал или получал в подарок знак, свидетельствующий о том, что он здесь побывал. Эти знаки отливались из олова или свинца. Паломник, побывавший у многих святынь, возвращался домой в шапке или плаще, покрытом этими эмблемами. Так, Чосер говорит (*Archæologia*, xxxviii. p. 130):- "Тогда, по обычаю и обыкновениям".

"Тогда, по обычаю, они покупали там знаки,

Чтобы люди, с которыми спорили, знали, кого они искали:

И каждый вложил свое серебро в такую вещь, какая им нравилась,

И в то время, как мельник выпрягал.

Его грудь была полна знаками Кентерберийской броши".

После этого

"Они прикрепили свои знаки к хедам, а некоторые - к плащам,

И в динервард они устремились".

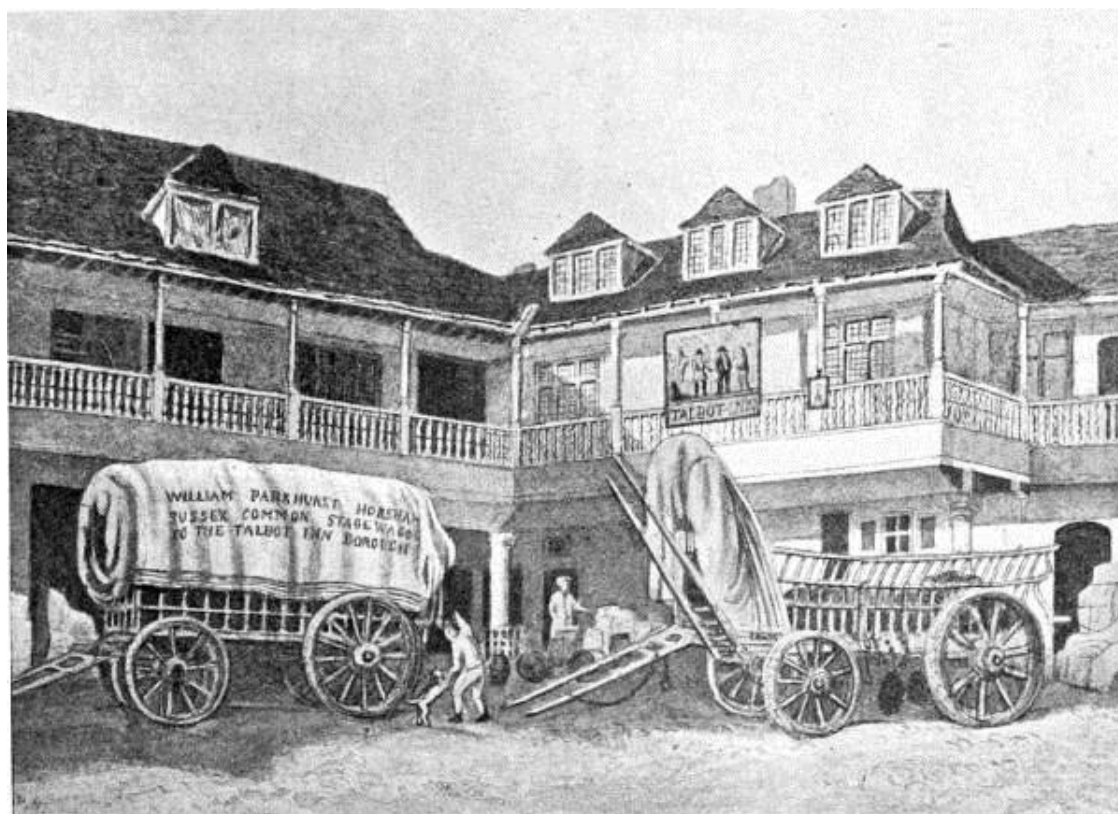
Эразм заставляет Менедема спросить: "Что это за наряд, который ты носишь? Ты одет в полукруглые раковины, каждая из которых наполнена изображениями из олова и свинца, украшен соломенными цепочками, а рука твоя подпоясана браслетом из бусин". Ответ заключается в том, что он побывал в паломничестве к определенным святыням.

Помимо обычных знаков паломничества (см. Skeat's Notes to Piers Plowman), у каждого паломничества были свои особые знаки, которые паломник по возвращении нацеплял на свою шляпу, или на свой скрап, или вешал на шею в знак того, что он совершил именно это паломничество. Так, ампулы были особым знаком паломничества в Кентерберии, раковина гребешка - знаком паломничества в Компостеллу (святилище святого Иакова в Галисии), а знаками римского паломничества были значок с изображениями святых Петра и Павла, крест-ключи (ключи Рима) и верникл. Верникл был копией платка святой Вероники, на котором чудесным образом отпечатались черты нашего Господа.

Покойный доктор Хьюго представил Обществу антикваров доклад на эту тему, сопроводив его несколькими образцами, найденными на берегах Темзы. Изучая их, помните, что большее число людей ходило по улицам, украшенным этими эмблемами". (Archæologia, xxxviii.)

Можно было бы ожидать, что, как это было принято в отношении одной из обязанностей, требуемых от верующих, так будет и с другими. Так, поскольку душа спасалась посредством молитвы и прославления, не имело значения, кто поет или произносит эти молитвы, и богатый человек мог наделить священника вечной властью, чтобы тот каждый день читал молитвы за его душу. Точно так же, поскольку паломничество само по себе было самым достойным действием, равным многим мессам, человек мог заплатить другим, чтобы они отправились в паломничество за него. Так, собственно, и делалось. Мы находим завещания денег на паломничество. Один лондонский купец завещал шестьдесят золотых скуди тому, кто от имени завещателя и ради блага его души отправится в паломничество к Гробу Господню и святым местам Иерусалима. Другой оставил деньги с целью получить кредит для поездки в монастырь на горе Синай: многие оставляли меньшие суммы для паломничества в Сантьяго-ди-Компостелла и к Пресвятой Деве из Уолсингема. Были ли, спрашивается, профессиональные паломники? Неужели люди мучительно выполняли упражнения у святыни за святыней, и все ради блага чужих душ? Неужели не существовало способа, с помощью которого они могли бы отвлечься от намерений завещателя и извлечь пользу для своей собственной души из этих накопленных заслуг и добрых дел?

Когда мы думаем о лондонском паломнике, перед нами возникает одна из двух картин. Либо мы видим компании, собирающиеся в гостинице "Табард" и направляющиеся к святыне святого Томаса Кентерберийского, либо мы видим меньшую и более серьезную компанию, направляющуюся к Гробу Господню и святым местам Иерусалима. Все наши представления о жизни Средневековья любопытно сужаются под влиянием Чосера. Свет, брошенный на кентерберийских пилигримов и тех, кто отправился в Палестину, настолько силен и прекрасен, что мы забыли о многих других святынях, к которым паломник шел в поисках благословения и отпущения грехов.

ТРАКТИР "ТАБАРД", БОРО

По рисунку Филипа Нормана, Ф.С.А.

Но кроме уже упомянутых английских святынь, у лондонца были и другие, местные. Это святилище Богоматери на Кромс-Хилл в Гринвиче, или Святой Руды в Бермондси, или Богоматери в Уилсдене, или Богоматери в Масуэлле, или "Богоматери, стоящей в Оке". Последнее из названных мест паломничества находилось где-то между Хайгейтом и Ислингтоном. Можно ли предположить, что его название сохранилось в современной форме "Евангельский дуб"? Вся страна, по сути, была усыпана святынями местных знаменитостей. За пределами Лондона, например, никто не знал и не заботился о Богоматери из Мусуэлла: но для лондонцев она была самой настоящей святой, к которой паломничали толпы людей. Об этих мелких святынях, о которых молчит Чосер и которые никогда не посещал Эразм, сохранилось очень мало исторических свидетельств. Когда их пресекли, а сами изображения сожгли, некому было позаботиться о записях и связанных с ними бумагах, поэтому их тоже сожгли или оставили плесневеть в сундуке с муниципей.

Если же лондонец хотел совершить паломничество, не требующее больших личных усилий, которое можно совершить за один день, он мог выбрать между святыней Эдуарда Исповедника в Вестминстере, местом величайшей святости, и святыней святого Эркенвальда в соборе Святого Павла, также считавшейся самой мощной и действенной: существовало два праздника святого Эркенвальда: в эти дни все духовенство епархии отправлялось к святыне, облаченное в свои копны: тем, кто посещал эту святыню, предоставлялись особые индульгенции.

Все три святыни к северу от Лондона, ныне столь забытые, лежали в сердце великого Мидлсекского леса. Каждый из чудотворных образов, вероятно, был Дамой Дуба: Богоматерь Дуба существовала по всей Европе. Чудотворная фигура всегда находится в дубе и всегда, как говорят, *черного цвета*. Так, Богоматерь из Пюи во Франции, предполагаемая как самая древняя из этих фигур, описывается как вырезанная из кедра, обтянутая по кругу виссоном,

как мумия, глубокого черного цвета, лицо и черты чрезвычайно длинные, глаза маленькие и стеклянные, взгляд изможденный и дикий (L. and M. Archæological Trans. iv. 178); и есть Черная Дева в Марселе.

Эти святыни находились достаточно близко для одного дня пути: приятная летняя поездка через сады и огороды Ислингтона, где начинался лес, и так по зелени и под ветвями леса до поляны на вершине Мусуэлл-Хилл, где сейчас стоит Александровский дворец, а затем часовня, содержащая черный образ, покрытый виссоном, коронованный, украшенный золотом и драгоценностями, перед которым стоял алтарь и горела лампада день и ночь. Каждый день в течение всего лета сюда приходили кающиеся, больные, веселые паломники, которые только и делали, что просили о снисхождении. За пределами часовни располагались таверны и места для веселья. Сначала паломник преклонял колени перед святыней, иногда обходил ее на коленях и молился, с простой верой, если не с пылом; вера делала больного целым, вера отпускала грехи кающемуся, вера делала самого беспечного счастливым в убеждении, что Богоматерь из Мусуэлла отменила многие - он не знал, сколько - годы чистилища. Религиозный акт закончился, и никто не возражал против удовольствия и веселья. Есть свидетельства того, что веселье не всегда было благопристойным, как и удовольствие не всегда было безгрешным. Однако паломничество продолжалось, потому что исцеленные больные распространяли по миру истории о своих чудесных исцелениях, и потому что все хотели как можно скорее выбраться из чистилища, и потому что это была самая восхитительная форма отдыха и развлечений.

Лолларды постоянно проповедовали против паломничества, в чем их то и дело обвиняла церковь. Так, когда в 1395 году лолларду по имени Уильям Дайнет пришлось отречься от своего лоллардизма, он поклялся, что отныне будет поклоняться изображениям и никогда больше не будет презирать паломничества. Еще сто сорок лет поклонение образам продолжалось в стране. Пирс Плаумен с презрением отзываясь о мнимой святости паломников в уже цитировавшихся словах:

"Еремиты в плаче с подкованными шестами,

Wenten to Walsingham and their wenches after."

Позже некий отец Дональд, шотландский монах, проповедуя, сказал: "Вы, мужчины Лондона, отправляйтесь со своими женами в Уилсден, или же держите их дома в печали".

В 1509 году, когда в церкви Уиллесдена случился пожар, повредивший святой образ, некая Элизабет, жена Джона Сэмпсона, горожанина, попала в беду за то, что выразила неестественное сомнение в силе образа помочь другим, когда сама не могла помочь себе. "Если бы Богоматерь Уиллесденская могла успокоить мужчин и женщин, которые идут к ней в паломничество, она бы не допустила, чтобы ее собственный тайл (хвост) был сожжен".

Ей пришлось публично отречься от этих чувств. Но если жены простых горожан обычно рассуждали подобным образом, значит, путь к Реформации стремительно готовился. В 1530 году - совсем незадолго до конца - один доктор Краун, будучи допрошенным на предмет ереси, сказал: "Я повторю еще раз: исполняй свой долг, а затем свою преданность... когда ты придешь в Судный день, он не скажет тебе: "Почему ты не отправился в Уилсдон на паломничество?" Он скажет тебе: "Я был голоден, и ты не дал мне мяса; я был наг, и ты не дал мне одежды", и так далее".

В сентябре 1538 года все изображения - Уолсингема, Ипсвича, Вустера, Леди из Уилсдена, Леди из Мусвелла, Леди, "стоящей в дубе", и многие другие - были привезены в Лондон и

публично сожжены в Челси. Затем ярмарка, продолжавшаяся все лето, с шумными тавернами, пьяными мужчинами, беспорядочными женщинами, музыкой, танцами, пением, кувырканиями и менестрелями, в Уилсдене, Мусуэлле и других неизвестных местах "в дубе", внезапно закончилась. Наступила тишина, и церковь Уилсдена стала церковью маленькой уединенной деревушки посреди леса; дорога в Мусуэлл через лес заросла и забылась, и никто в следующем поколении не знал, где стоит дуб со священным образом, который привлекал столько тысяч людей каждый год.

Помимо этих лондонских святынь с их чудотворными Девами, существовали святые и чудотворные Руды, самой важной из которых, по-видимому, было аббатство Бермондси. Кроме того, объектами паломничества, жертвоприношений и молитв были Святые колодцы, которых в Англии насчитывается около 500, а вокруг Лондона - не менее шестнадцати. Происхождение Святых колодцев - это тема, которая относится к археологии и науке, да и здесь не место для ее рассмотрения. Ручьи, реки, фонтаны, источники - все они считались священными, и каждый обладал своей нимфой или своим богом, который требовал жертвоприношения. Колодцы украшали цветами: их использовали для гадания; задолго до христианства новорожденных детей пропускали через воду; монеты сотнями находили в колодцах, куда их бросали, чтобы прочесть прорицание по волнению вод; существовали суеверия о родниках; суеверия о воде, набранной в определенные ночи; существовали колодцы желаний; существовали колодезные поминки; в некоторых местах считалось необходимым, чтобы новообращенные крестились в чистой проточной воде. Колодцы лечили разные болезни: один был полезен для глаз, другой - для ушей. Колодцы чудесным образом появлялись на месте мученической смерти и так далее.

В Лондоне были следующие святые колодцы:.

1. Клеркенвелл. Этот колодец, где приходские клерки устраивали свои представления, находился на краю Клеркенуэлл-Грин и на юго-восточном углу Рей-стрит. Грин простирался к северо-западу от церкви Приората Святого Иоанна.
2. Колодец Святого Чада. Этот колодец, обладавший лечебными свойствами, находился к югу от нынешнего вокзала Кингс-Кросс на линии Метрополитен.
3. Колодец святого Клемента находился к северу от церкви святого Клемента, недалеко от Клементс-Инн.
4. Ислингтон. Здесь находился очень святой источник, в который верили из-за его восстанавливающих свойств. Он находился на месте театра Сэдлерс Уэллс.
5. Хэмпстед. Святым колодцем Хэмпстеда был тот, который впоследствии называли Пастушьим колодцем и который сейчас представлен питьевым фонтанчиком на Фицджерсон-авеню.
6. Мусвелл-Хилл. Помимо чудотворной Девы Марии в Масуэлл-Хилле, здесь был Колодец Святого Лазаря. Из названия следует, что им пользовались прокаженные. Роберт Брюс пытался вылечить свою проказу, купаясь в его водах.
7. Кенсингтонские сады. Здесь находился Колодец святого Говера, где еще несколько лет назад служитель все еще раздавал воды из колодца.
8. Колодец Святого Панкраса находился на северной стороне церкви Святого Панкраса.

9. В Тоттенхэме было два колодца - колодец Святого Лоя или Святого Элоя и колодец Епископов.

10. Колодец Скиннера находился недалеко от Колодца Клерков, и это все, что о нем известно. То же самое можно сказать о Тодвелле, Фаггсвелле, Лодерс-Велле и Рэдвелле, которые теперь засыпаны и забыты. Место Святого колодца сохранилось до недавнего времени на улице с таким названием.

11. В Шордиче был Колодец Святого Иоанна; недалеко от Шордича на Олд-стрит, к северу от площади Табернакл, находился источник Святой Агнессы ле Клер, называемый также Дамой Аннис, Ясной и Аннисид Клер.

ГЛАВА VI

ИСПЫТАНИЕ СУДОМ

Судебное разбирательство всегда было возможно в Лондоне, однако в более поздние годы оно редко практиковалось. Причиной его редкости, несомненно, был тот факт, что обвиняемый в большинстве случаев оказывался виновным. В эпоху, когда можно было торжественно взывать к Божьему суду, когда существовала абсолютная вера в наказания и пытки, уготованные виновным, человек, как правило, колебался, прежде чем нагружать свою душу, отягощенную фактическим преступлением, лжесвидетельством и богохульством - призывать оскорбленного Бога доказать свою невиновность; приглашать, то есть, самого Отца правосудия вынести ложный приговор. Именно эта ясная и бесприкословная вера делала испытание мытарствами возможным для невиновного человека и, как правило, невозможным для виновного.

Существовало много видов испытаний.

Первым было испытание, называемое *корнед*, *то есть* поедание небольшой лепешки освященного ячменного хлеба. Обвиняемый призывал Господа Бога задушить его этой лепешкой, если он виновен. Считалось, что в этом случае его горло сожмется, а челюсти станут неподвижными. Так и произошло: граф Годвин был признан виновным и задушен рукой правосудия, на которую он ссылался.

Второй метод, давно применявшийся в случае с ведьмами, - испытание холодной водой. Обвиняемого раздевали, руки связывали крест-накрест с ногами, окропляли святой водой, разрешали поцеловать крест, обвязывали веревку вокруг талии и на расстоянии двух эрлов от тела завязывали узел, после чего бросали в глубокую воду; если он погружался на глубину узла, то был невиновен, если нет, то виновен. Проведение этого испытания не было таким простым и незамысловатым, как указано выше: оно передавалось в руки священников; перед ним совершалась месса; читались соответствующие псалмы и молитвы; обвиняемый признавался священнику в своих грехах; перед всей общиной он призывал Бога доказать его невиновность; он клялся на святых мощах церкви, что он невиновен. Это действо отличалось большой торжественностью и производило глубочайшее впечатление на умы людей.

Испытание горячей водой, как видно из церемонии, было самым замечательным. Один случай может служить примером для многих.

Четверо мужчин, все из прихода Чепе, были обвинены в грабеже и убийстве; труп убитого был найден лежащим возле штандарта в Чепе, раздетым и с зияющими ранами; четверо мужчин были известны как "руреры", то есть ночные бродяги и драчуны; улики против них, в основном косвенные, оправдывали их арест; они заявили, что докажут свою невиновность испытанием кипятком.

В назначенный день их вывели из Ньюгейта и отвели в церковь Святого Гроба Господня, где они сначала исповедовались, а затем посетили мессу, разместившись в теле церкви перед алтарной ширмой. После мессы для них была отслужена короткая специальная служба; затем они, один за другим, поклялись на мощах в своей невиновности; они потребовали, поодиночке и друг за другом, доказательств путем испытания; они торжественно умоляли Господа явить их невиновность, если они невиновны, или доказать их вину, если они виновны. После этого была сформирована процессия. Первыми шествовали бичеватели, за ними - духовенство и поющие мальчики. Затем шли заключенные под охраной сержанта.

Их вывели на Смитфилд, за ними следовала огромная толпа; это испытание было не тем, что можно наблюдать каждый день; лондонцы всегда собирались в полном составе, чтобы стать свидетелями казни, или порки, или столпотворения, или любого акта правосудия. На Смитфилде, к востоку от Эльмса, то есть почти напротив Варфоломеевской больницы, в открытой решетке горел дровяной костер; на нем стоял котел, наполненный водой; дым от костра клубился вокруг котла и разносился в разные стороны; вместе с ним поднимался или разносился пар от кипящей воды; пламя трещало и лизало черные бока котла, вода бурлила, переливалась и шипела. За котлом находилась виселица с веревками для четверых. Впоследствии было замечено, что из четырех мужчин один сохранял бодрость и уверенность в себе, а трое других были изможденными и исхудавшими; их конечности волочились по земле.

Прибыв на место, шериф, присутствовавший вместе с олдерменом Чепе, сообщил заключенным, о чем они уже знали, что на дне котла лежит круглый белый камень; каждый из них должен опустить руку в кипящую воду и вытащить этот камень, не ошпарившись.

Первым на авантюру решился узник с веселым и уверенным лицом; стражники сняли с него дублет, обернули вокруг руки тонкий кусок льна и запечатали его свинцом. Затем они велели ему выйти вперед. Он шагнул вперед, встал возле котла, подняв руку; священник и певчие начали петь псалом.

Дым и пар валили то в одну, то в другую сторону; иногда человека не было видно из-за дыма; когда ветер стихал, люди видели его неподвижным, с поднятой рукой, наблюдающим за кипящей водой. Вдруг дым и пар отнесло в сторону; он вскинул руку; дым снова повалил обратно, но он стоял перед офицерами с белым камнем в руке.

Толпа закричала. Господь доказал его невиновность.

Его отпустили, отвели обратно в Ньюгейт, через три дня сняли покров с его руки и, если не было следов ожога, освободили.

Следующий человек вышел вперед.

Он сразу же погрузил руку; нащупал камень; вытащил руку; снова погрузил; вытащил с воплем агонии. Не нужно было осматривать руку, она была ужасно ошпарена. Его тут же повесили.

Третьего человека привели вперед.

Он посмотрел на своего товарища, посмотрел на котел и огонь. Он упал на колени, признаваясь в преступлении.

То же самое сделал и четвертый.

Итак, из четырех веревок разыскивались три, и для четырех обвиняемых Господь Сам объявил вину трех и утвердил невиновность одного.

Четвертым способом было испытание огнем, при котором обвиняемый должен был поднять раскаленный прут железа и не обжечь руки, или пройти босиком по раскаленному железу, или вложить руку в раскаленную железную перчатку, или пройти через пылающий огонь в нетронутой одежде. В случае с брусом раскаленного железа испытание проходило в церкви, и как только начиналась месса, брусок клали в угли; при последнем сборе его снимали. Возле костра ставили какую-нибудь подставку, затем отмеряли пространство, в девять раз превышающее длину ноги заключенного; таким образом получалось расстояние примерно в семь или восемь футов. Это пространство делилось линиями на три части. Заключенный должен был поднять брусок и перенести его на три шага через это пространство. Затем ему перевязывали руку, и через три дня ее осматривали. Если на ней появлялись следы ожога, его вешали.

Подобные испытания, естественно, перестали использоваться, как только люди начали подозревать, что ими "управляют" священники; подозрения возникли, конечно, уже во времена Вильгельма Руфуса, а возможно, и раньше. Норманны, действительно, с насмешкой относились ко всем старым испытаниям. Однажды, когда двадцать пленников успешно прошли испытание огнем, Вильгельм Руфус посмеялся над всем этим и приказал судить их всех. Но испытание боем стояло на другой ступени. В этом испытании не могло быть обмана и подкупа; священник не имел к нему никакого отношения; обе стороны должны были сражаться до смерти; оно проводилось в мрачной и торжественной серьезности; это было обращение и сердечная молитва к Господу Правосудию. Он был призван показать всему миру, кто из них виновен. И как в водном испытании сознание невиновности придавало человеку уверенность и тем самым позволяло ему взяться за страшное дело без смятения или спешки, так и в боевом испытании сознание невиновности отправляло человека на поле боя вдвойне вооруженным.

Средневековый взгляд на боевое испытание серьезно и торжественно изложен Данте (De Monarchia, кн. II. гл. x.)¹⁹: - "Более того, то, что приобретается в результате или путем, или с помощью, или с помощью, или с помощью...

"Более того, то, что приобретается на испытаниях, приобретается по праву. Ибо там, где человеческий суд ошибается, либо потому, что он погружен во тьму невежества, либо потому, что нет председательствующего судьи, тогда, чтобы справедливость не осталась заброшенной, мы должны прибегнуть к Тому, Кто так возлюбил ее, что Сам удовлетворил ее требования Своей собственной кровью в смерти. Отсюда псалом: "Праведен Господь, и дела правосудия возлюбил Он". Вот что происходит, когда по свободному согласию одной из сторон, не в ненависти, а в любви к справедливости, божественный суд ищется посредством взаимного столкновения сил, как разума, так и тела. Это столкновение, поскольку оно впервые было опробовано в одиночном контакте человека и человека, мы называем испытанием.

Но мы должны всегда помнить о том, что, как в случае войны все средства должны быть сначала испробованы в виде награды, и только в последнюю очередь должен

быть испробован способ сражения (как сходятся во мнении Туллий и Вегеций, один в *Re militari*, другой в *De Officiis*), и как в лечении все остальное должно быть испробовано до стали и огня, а они только в последнюю очередь; Таким образом, когда все другие способы вынесения решения по спору исчерпаны, мы должны в последнюю очередь прибегнуть к этому средству, вынужденному, своего рода, принуждению справедливости.

Итак, существует две формальные характеристики испытания: одна - та, о которой только что шла речь; другая - та, которая была затронута выше, а именно: соперники или чемпионы должны вступать в палестру не в ненависти или любви, а в единственном рвении к справедливости, с общего согласия. И поэтому Туллий хорошо сказал, рассматривая этот вопрос, но войны, целью которых является венец империи, должны вестись менее ожесточенно.

Но если формальные признаки испытания сохраняются (иначе это было бы не испытание), разве те, кто собрался вместе по общему согласию, по принуждению справедливости и в ревности к ней, не собрались во имя Бога? А если так, то не находится ли Бог среди них, поскольку Он Сам обещает это в Евангелии? А если Бог присутствует, то не нечестиво ли думать, что справедливость может уступить? Справедливость, которую Он так любит, как было сказано выше! И если справедливость не может уступить в испытании, то разве то, что приобретается в испытании, не приобретается по праву?"

Функция или акт поклонения, предпринятые и осуществленные в таком духе, не могут рассматриваться иначе, как самые серьезные. Перейдем к тому, как проходило испытание боем.

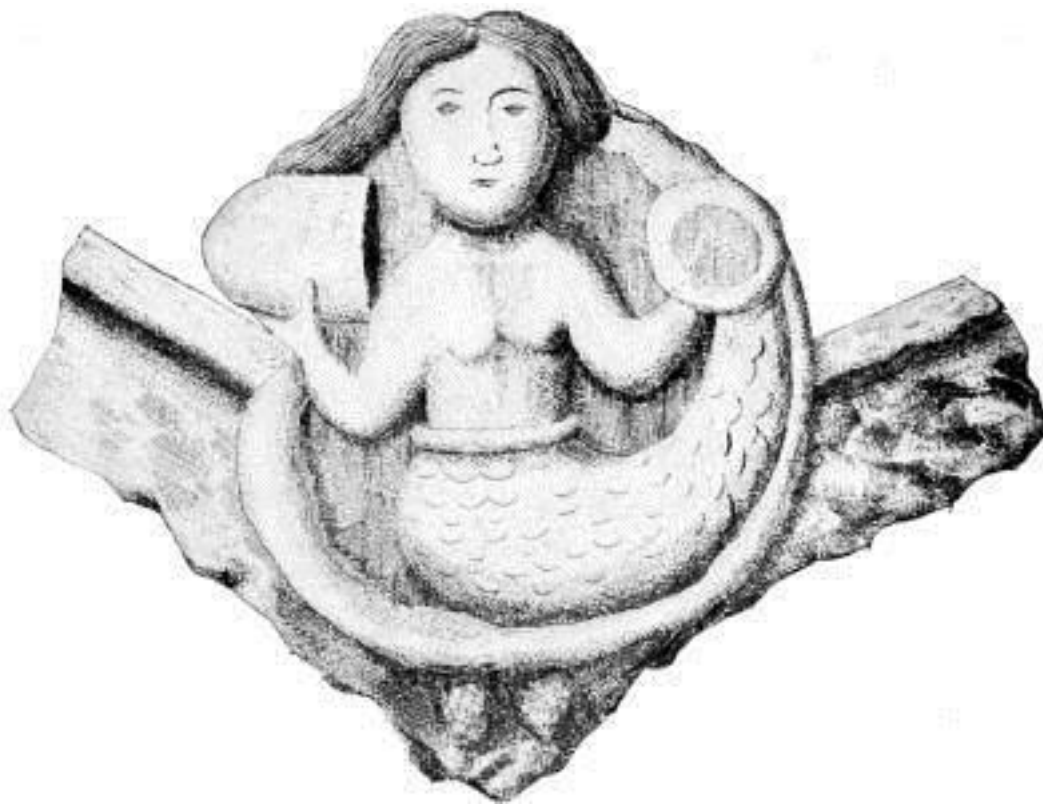
Обвиняемый начинал с того, что слово в слово отрицал все обвинения. Затем он предлагал доказать свою невиновность телом. Если судья принимал предложение и решал, что поединок должен состояться, он заставлял стороны обменяться перчатками. Затем они должны были поклясться, что явятся в день боя. За разрешение на поединок, за неявку, за отказ от поединка, за неправильное проведение испытания или в качестве взятки за разрешение поединка королю платили штрафы.

За следующие правила подготовки поля я обязан ученому перу моего друга профессора Скита, чьи примечания к Чосеру и Пирсу Паумену являются сокровищницей знаний: - "Король должен найти поле для поединка.

"Король должен определить поле для сражения, а списки должны быть составлены и разработаны констеблем; и следует заметить, что список должен быть 60 шагов в длину и 40 шагов в ширину, установлен в хорошем порядке, а земля внутри твердая, устойчивая и ровная, без больших камней или других препятствий; также, что списки должны быть сделаны с одной дверью на восток, а другой на запад; и крепко ограждены хорошими прутьями высотой 7 футов или более, чтобы лошадь не могла перепрыгнуть через них."

Судя по всему, испытаний боем было огромное количество; действительно, в такую эпоху, когда каждый мужчина был солдатом, можно хорошо понять, что этот метод показался бы невиновному человеку намного лучше любой формы суда. За один год правления Генриха Второго было проведено тридцать четыре испытания. Не только для невиновного, но и для виновного испытание боем было очень выгодным; многие крепкие негодяи, не испытывая

страха перед Божьей мстью, предпочитали шанс сражения уверенности виселицы; так часто случалось, что преступников иногда помиловали при условии, что они успешно сразятся во многих битвах и избавят страну от такого количества злоумышленников. Испытание боем, как и следовало ожидать, привело к появлению своего рода гладиатора, чемпиона или наемного бойца, который рисковал своей шеей в каждом поединке.

БОСС ИЗ РУИН ВОСТОЧНОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ВАРФОЛОМЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Вот правила вооружения рыцаря (Arch. Journal, iv.): - "Как вооружается человек".

"Как должен быть вооружен человек, когда он будет сражаться на ногах. Он не должен иметь на себе никакой шурты, кроме пуха из фустеана, скрепленного сатином, вырезанного из хулиса; пух должен быть крепко скреплен, а пойнтис должен быть положен на приветствие руки, а бест - перед ней и за ней: И ластовицы из майла должны быть пришиты к нижнему поясу в купленной части и под поясом: Пойнты должны быть сделаны из фajn твин, как люди делают стринги для кроссбоу, и они должны быть трехгранными и мягкими, как пойнты. Также они должны быть покрыты воском с кордевидным покрытием, и они не должны ни раскалываться, ни ломаться. Также плати хосин из стамина сенгиля и пейр из короткого булверка из тинневого одеяла, чтобы класть его на колени, для прохлады его связок. И еще плати за блеск из толстого шнура, и они должны быть выкрашены мелким кнутом; три узла вверх на шнуре; и три координи должны быть быстро пришиты к пятке шузы, и пять координ в миддילה сола той же шузы; и чтобы между шерстью пятки и шерстью миддילה шузы было пространство в три фингриса.

Два аршина на человека: Во-первых, вы должны надеть саботоны и обвязать их мелкими пуантами, которые будут ломаться. А потом грифами, а потом квиссами, а потом брешью из майла. А потом тулетис. А потом Брест. А потом вамбрас. А потом реребрас. А потом *glovys*. И затем смените его даггер на его правый бок. И затем его короткий свирд с правой стороны в круглом ринге, алле накид, чтобы вытащить его

на свет. А затем положил свой котел на бак. А потом тазик его накрыл двумя скобками перед брестом, а на печь положил бокиль, чтобы тазик сидел ровно. И потом его длинный свирд в его руке. А в руке у него ручка, записанная на сеньора Георга или на нашу даму, чтобы благословлять его, когда он будет идти к фельдфебелю и в фельдфебеле.

В тот день, когда Пелаунт и подсудимый будут драться, что они должны иметь с собой в фельде.

Палатка должна быть на месте.

Также шайр

Также басын

Также vj хлеба

Также ij галонов вайна

Также метелка, флешь или фиш.

Также борд и подставка, чтобы ставить на них свои метелки и сушить их.

Также борд для одежды

А также кнаиф, чтобы куттеровать его мету

Также кубок для сушки

Также стакан с сахарницей

А также локоны армынгов из пойнтиса

Также хамыр и пинсоны, и бикорн

А также мелкие наилки досены

Также длинный свирдель, короткий свирдель и даггар

Также платок, чтобы подвязывать козырек своего тазика.

А также ручку, чтобы держать в руке его оклад.

В случае с рыцарями мы видим, что оружие было обычным, и поединок представлял собой бой на копьях и мечах; в случае с обычным родом это было совсем другое дело. Виселица стояла наготове для побежденного; оружием служили шесты, вооруженные на конце железом в форме бараньего рога. Существовало строгое правило относительно одежды участников поединка, которая должна была быть из белой шерсти; они были босыми и босоногими; их головы были обриты, чтобы ни у кого не было возможности схватить другого за волосы. В одном поединке, о котором идет речь, бойцы сначала сломали свои шесты, а затем дрались кулаками, когтями, ногами и зубами, особенно зубами; они рвали друг на друге одежду и плоть под ней, пока наконец один не повалил другого и не выколол ему оба глаза большими пальцами. После этого ничего не оставалось делать, как сдаться и быть отведенным на виселицу, где и быть повешенным.

В 1350 году, сразу после нашествия Черной смерти, произошло знаменитое испытание битвой между Джоном де Вискотом и Томасом де ла Марке. Ссора возникла на Востоке, где оба рыцаря участвовали в войне между армянами, киприотами и родосцами с одной стороны и сарацинами с другой. Иоанн де Вискот был двоюродным братом короля Кипра, а Томас де ла Марш - родным сыном Филиппа де Валуа, короля Франции. Первый обвинил Томаса в лжесвидетельстве, измене и подлоге. Подробности обвинения нас не касаются. Фома отрицал все и вызвал обвинителя на единоборство. Не совсем понятно, почему битва не состоялась на Кипре или на Родосе; возможно, обе стороны хотели сделать как можно больше из ссоры и битвы; возможно, дело интересовало все христианство; как бы то ни было, было решено передать дело на рассмотрение королю Англии как самому достойному и почетному принцу во всем христианстве. Поэтому в начале сентября 1350 года рыцари

прибыли в Англию с письмами от королей Армении и Кипра, содержащими изложение дела и приглашающими короля разрешить испытание битвой в его присутствии.

День был назначен на 4 октября; битва должна была состояться в списках в Вестминстерском дворце. В назначенный день участники сражения явились в полном вооружении и верхом на лошадях. Присутствовали король, принц Уэльский и огромное количество народа. Были принесены клятвы, и сражение началось. Сэр Джон, соскочив с коня, решил сражаться пешком; за ним последовал его противник. Стоу говорит, что они начали с бега "на тильте". Ниже приводится рассказ Стоу о поединке с трагической развязкой.

"Итак, эти два достойных солунца были назначены для поединка, который они провели в перечне королевских палат в Вестминстере в понедельник, следующий за праздником Святого Михаила, где Томас, заявляя о своей невинности в том, в чем его обвиняли, одолел своего противника, но не убил его, ибо не мог, потому что не мог ранить его, будучи так вооружен, никаким колющим оружием, кроме как в лицо, которое было обнажено. Ибо после того, как они побежали на тильт и сражались на футах, когда они боролись друг с другом на земле, с помощью определенных уколов, коротких и острых, которые тогда назывались гадлингсами, будучи закрытыми в суставах правой перчатки, сказанный Томас ударил сказанного Джона в лицо, и сильно ранил его: Но с другой стороны у Джона не было такого оружия, которым он мог бы ранить Томаса в лицо, и поэтому он закричал от ужаса, после чего по команде короля бой был закончен, и победа была присуждена Томасу, который отдал Джона, побежденного таким образом, принцу Уэльскому в плен, а свое собственное вооружение с большой преданностью принес в дар святому Георгию в церкви святого Павла в Лондоне. На этом дела были закончены, Сипрес был отпущен на свободу и снова стал свободным человеком. А Томас, решив смело отправиться в присутствие своего брата, короля Франции, отправился в путь, и по прибытии застал короля и дворянство Фраунса сильно оскорбленными и возмущенными против него за то, что он согласился, чтобы бой был рассмотрен перед королем Англии. Тогда Томас, втайне размышляя, как завоевать ложную дружбу брата, пожелал показать, что в этом деле он поступил хорошо, а кроме всего прочего, он очень молился о благородстве Эдуарда и его достойной славе, разнесенной по всему миру, а также о справедливости, которой он пользовался при судействе, не принимая человека Кипра (да, хотя он очень любил самого короля) и не допуская, чтобы ему отдали предпочтение передо мной, который является французом, братом и другом вашего господина короля Фраунса, судьи над королем Эдуардом, моим противником. Также граф Эве очень молил короля Англии о том, что он получал от его рук большой комфорт и удобства во время своего пленения в Англии, показывая также, как далеко этот добрый король изгнал зависть и ненависть из своего сердца, которое во время справедливого поединка в поле во время этих учений и сам король велел ему отбить у всех цену и цену. Французский король позавидовал этим похвалам и, чтобы возмутиться, самым злобным образом приказал обезглавить тех, кто молился. А чтобы еще больше скрасить дело, он выдумал, что граф слишком много общался с королевой, своей женой, и что его брат виновен в измене королю Фраунса, потому что он обязался, чтобы его дело и бой рассматривались судом короля Англии. Убив брата, он до смерти замучил голодом свою жену, дочь благородного короля Богемы, недавно убитую в сражении Геффери".

7 июня 1380 года состоялось еще одно испытание битвой. Это очень необычная история, которая выглядит так, будто виновному мешало хорошо сражаться осознание своей вины. Фабиан и Стоу упоминают об этом инциденте, но лишь вкратце; более подробные сведения можно найти у Холиншеда. Обвинитель, сэр Джон Аннесли, обвинил Томаса Катрингтона, эсквайра - Фабиан называет его Картоном - в том, что он предал и продал французам замок Сен-Совер в Нормандии, губернатором которого он был. Он предстал перед судом констебля Англии, заседавшим в Вестминстере, и в заключение бросил перчатку, предложив оправдать свои слова на открытом поединке. Катрингтон отверг обвинение и согласился на дуэль.

В 1384 году в Дворцовых списках состоялось еще одно испытание боем, которое, как и предыдущее, закончилось смертью несправедливого. Дело было так: некто Мортилето де Виленос, дворянин из Наварры, предъявил обвинение в измене Джону Уэлшу, английскому джентльмену, заявив, что измена была совершена в то время, когда Уэлш был губернатором Шербурга. Они сразились в День святого Андрея, в результате чего Мортилето был повержен, а затем признался, что его обвинение не имело под собой оснований, но было придумано в отместку за то, что Уэлш соблазнил его жену. Поэтому по приказу короля его немедленно повесили, хотя королева, по словам Стоу, искренне ходатайствовала о том, чтобы ему сохранили жизнь.

Мэдокс (Exchequer, i. 550) приводит рассказ об ордалии в бою с иллюстрацией манеры ведения боя: - "Теперь мы говорим о дуэли.

"Раз уж мы заговорили о дуэлях, я представлю читателю довольно примечательный случай дуэли, которая состоялась в царствование Генриха III между Уолтером Блоубермом, приближенным, и Хамоном ле Стере; вместе с чертежом или рисунком дуэли, как она была нарисована в то время. Дело было так. Уолтер Блоуберм обвинил Хамона ле Стере в грабеже, утверждая, что они вместе были в Винчестере и там украли плащи и другие товары, из которых Хамон имел, в качестве своей доли, два плаща, а именно: один из ирландской ткани, а другой - плащ или ткань Абендона и Бьюрелла из Лондона; и что он (упомянутый Уолтер) был в содружестве с упомянутым Хамоном в упомянутом грабеже, он предлагает доказать своим телом, как суд решит. Хэймон пришел и отрицал все. И заявил, что будет защищаться своим телом. После этого было решено, что между ними должна состояться дуэль. Дуэль состоялась. И Хамон, будучи побежденным в поединке, был приговорен к повешению. Было установлено, что у Хамона нет имущества, которое он мог бы отдать в залог королю".

История спора о поместье на острове Харти, который должен был разыграться на Тотилл Филдс в Вестминстере, но закончился весьма скромно, подробно описана в книге "Лондон во времена Тюдоров", с. 391.

В сборниках одного лондонского горожанина есть два испытания битвой, одно из которых, по крайней мере, очень мрачное и ужасное:

"И в том же году (1445) был армир и его собственный человек, сражавшийся в Сметфилде в последний день января, и там мейстер был убит и оскотлен из-за своих харнисов, и лежал стиллом в филде весь тот день и ночь следующего за ним дня. А

потом, после этого, по уговору короля, он был схвачен, повешен и унесен, и его тело было положено на Лондонский берег, и тело его было положено выше эрты бе-сид башни.

Также в тот год (1455) некий Томас Уайтхорн был взят в Нью-Форесте бе-сиде Бьюли и помещен в тюрьму в Винчестере. И когда наступил день дельверанов, он набрал много треухих людей, и с помощью этих людей он держал своего лифа в тюрьме. И те люди, которых он выставял, были взяты и посажены на строгий презон и претерпели много больших выплат, и было так, что они должны были признаться в своих преступлениях, и все они были набраны, у которых не было ни одного свободного человека и добра, и те, у которых были товары, получили грамоты о помиловании. И что фальшивый и нерадивый пелер имел в кинге каждый день *j d. ob.* И их он содержал больше всего в течение года, и отстранил многих людей, которые были в его компании. И в последний раз он явился к нему и сказал, что он лжив в своем прилежании, и сказал, что он будет жить со своими хондами, и тратить свою жизнь, и блуждать по своему лживому телу. И твоя мать была полна неточностей, взяв и гирду, и обе части пелерины, и защитника, и свою часть тоже. И некий человек, и самый ничтожный судья из всех, кто был в ситтинге по поводу лифа и дете, отнял у него симпатию к человеку, который предложил сразиться с пелером, и в полной мере подробно известил его обо всех условиях поединка и дуэли, в которой должен участвовать пелер кингиса, ложный или трезвый, в одной партии, и защитник, трезвый или ложный, в другой партии. Ибо в случае, если пелер превозмог в этом бою, он должен быть помещен в пресон-айен, но он должен быть лучше, чем он был до этого бою, и быть в меньшинстве от кинга каждый день, пока хит плезира кинга, что он должен быть лифом. Ибо в проссах кынг может по лаве подвергнуть его задержанию, как, например, человека слеера, потому что его пелинг, ложный или треповой, вызвал много человеческих дел, ибо очень треповой человек шульде с ин ххiiij хаурис делает опин, чтобы быть известным все эти ложные гиды преступлений или трезона, если он не будет согласен на тот же фелушип, без платы за задержание; И твой пелер в том же случае, поэтому он больше всего не должен умирать по очень резону. Это за партию пеллеров.

Сторона защиты, как сказал тот знатный человек, Майстер Майхелл Скиллинг, и сообщил защитнику, что он и пелер больше всего сукновальны в том, что касается тела, головы, ног, лица, рук и всего остального. И чтобы они имели в своих хондах иж ставы из зеленого хаше, корыто, выходящее на попону, длиной в одну пядь, а на конце летучую мышь из того же говина, такой же длины, как и более длинный любой гетен. А в другом конце - рог из ирина, сделанный как рог раммиса, такой же длинный в малом конце, какой можно сделать. И там же они сделали для гирского фуле бейл а-пон самый сористый и вречистый грэн, какой только можно найти в городе, не метет и не сушит его, но оба они быстры. И если бы его бранные мышки были разбиты, то они бы больше всего натворили с своими хондами, фистами, найлами, тетями, тесемочками и ногами; и они бы с удовольствием вернули бы все условия твоего нечестного разговора. И если защитник усыпил того пелерса, лживого или трепетного, то защитник должен быть повешен за то, что он усыпил человека, по такой причине, что он мог бы зарубить королевского адвоката, ибо по его воле у кынга было много таких, какие были, и все, что росло из его вещей или товаров, которые у них были, было положено к кынгу на алмыс, а его аменер дистрибутид ударил по поре пепилле. Но король может по своей милости помиловать защитника, если захочет, если защитник будет с честным именем и компетентным правительством в городе или поселке, где он находится во время его

абитуриентства; но он будет селдоном по причине жестокой и нелюдистой драки. И по резону они не должны были быть погребены ни в одном из святых мест погребения Crystyn mannys beryng, но должны были быть изгнаны как человек, который wylfully sleythe hym selfe. Nowe remembyr thys foule batayle, whetherhey ye wylle doo hyt or noo. И обе стороны согласились на поединок, со всеми кондициями, которые там были. И фендент пожелал, чтобы судья послал к Милброку, где он жил, чтобы узнать о его гидинге и разговоре. И все люди в том городе говорили, что он был самым толстым работником во всех этих местах и самым благородным из всех, ибо он был искусным мастером. И пелер желал того же, но он не был ни в одном месте, где бы он ни проходил мимо монеты. И в каждом месте, где только можно, люди говорили: "Поменяйтесь с Томом Уитхорном, потому что он собирается сразиться с Джеймисом Фишером, треухом, почему он ирин раммис хорн". И это заставило судью выступить против защитника,

"Способ ведения боя у этих людей очень плохой.

в Винчестере.

Пелер в своем рационе и парелле, почему его вешины пришли из Эстэ сид, а защитник из Соут-Вест сид в своем апарайле, с его вепинами, полными болячек вепинами, и платой бедисов в его хонде; И опустил он на колени на эрту в сторону Эсте и возопил: "Боже мой и весь мир", и молился за него каждый из ковалей, и каждый из присутствующих молился за него. А лжепещерник каллидировал и сказал: "Ты, лжелошадь! Почему ты так долго сидишь в лжебайтере Бе-леве? И тогда защитник поднял голову и сказал: "Моя четверть так же велика и так же трепетна, как и моя, и в этой четверти я буду сражаться", и с тем же словом ударил по пелерине, что ее плащ сломался; и тогда пелерист нанес удар защитнику, но обидчики покраснели, что он больше не будет сражаться, и отбили плащ у него. И потом они долго бились с гирляндами и упирались, и бились с ними, и упирались с ними, и упирались с ними, и упирались с ними; и потом они сошлись за шею. И тогда они сцепились друг с другом так, что во многих местах их тел прорезалась кожа из ткани и плоти. И тогда фальшивые пелеры кастуют того невинного вниз к росту и повязывают его мембранами, чтобы тот невинно сох. И по счастливому стечению обстоятельств тот невинный поднялся на колени и ударил того лжецаря по носу своей связкой и засунул свой фомку в его йе, чтобы тот плакал и молился о смерти, ибо он был лжив по отношению к Богу и к нему. И тогда судья велел ему смириться и унять все свои талисы; и пелер сказал, что он обвинил его несправедливо и хвиіі людей, и просил Бога о брани и о подлоге. И тогда он был исповедан и повешен, из чьей души Бог изволил выйти. Аминь.

Что же касается защитника, то он был прощен за свою жизнь, леме и добро и пошел домой; и он стал гермитом и с короткого времени умер".

ГЛАВА VII

СВЯТИЛИЩЕ

Странно, что институт, игравший большую роль в социальной схеме Средневековья, настолько пришел в упадок, что был полностью забыт народом, и о нем не осталось даже

легенд и преданий. Память о Санктуарии так же начисто утрачена и забыта, как и память о Франкском Обещании. А ведь еще триста лет назад должник или преступник постоянно думал о том, что, если случится худшее, он сможет улететь в Сент-Мартинс или Вестминстер и таким образом избежать тюрьмы Ладгейт или Ньюгейт. Даже убийца, когда правосудие преследовало его, всегда помнил, что есть убежище Санктуарий, если только он сможет завоевать его, где его примут и он сможет оставаться в безопасности.

Как и любое другое церковное основание, право убежища изначально было благотельным и мудрым институтом, созданным Церковью для защиты слабых, предотвращения мести, дикой справедливости, насилия и угнетения. Если человек в те времена стремительного гнева и готовой руки убьет другого в безумии мгновения; если случайно ранит или покалечит другого; если за нарушение какого-либо закона он понесет наказание по справедливости; если за любой поступок он вызовет враждебность более сильного человека; Если в результате многочисленных перемен и случайностей фортуны он лишится своих мирских благ, впадет в долги или обанкротится и таким образом окажется в тюрьме; если у него будет причина опасаться недовольства короля, барона или епископа, то во всех этих случаях ему открывалось право на санюлот. Оказавшись на фритреде, ухватившись за рога алтаря, он был в безопасности, как израильтянин в стенах города-убежища: могучая рука Церкви была над ним; его враги не могли тронуть его под страхом отлучения.

Теоретически каждая церковь была убежищем; но легко было блокировать церковь, чтобы заставить беженца голодать и подчиниться. Если преступник укрывался в церкви, соседи обязаны были следить за ним, пока он не сдавался или в присутствии соответствующего офицера не отрекался от королевства. Если ему удавалось сбежать, на приход или приход налагался штраф в сто шиллингов, который должен был быть выплачен королю.

Единственной реальной безопасностью для беглеца от правосудия или мести были те аббатства и места, которые обладали особыми хартиями и иммунитетами. Главными среди них были Вестминстерское и Сент-Мартин-ле-Грандские святилища. За пределами Лондона главными святилищами были Беверли, Гексхем, Дарем и Боле. Но каждое аббатство, как и каждая церковь, обладало своим святилищем как частью своих привилегий.

Вестминстерское аббатство было если не основано, то определено и регламентировано Эдуардом Исповедником; существование Сент-Мартинс, которое всегда было скандалом и оскорблением для лондонского Сити, регулировалось полудюжиной хартий стольких же королей. Его беженцами были в основном банкроты, должники и обычные воры; эти преступники против собственности были особенно ненавистны торговому сообществу.

Привилегия убежища была прекрасна в теории. "Приди ко мне, - говорила Церковь, - я сохраню тебя в безопасности от руки насилия и руки закона; я дам тебе ночлег и пищу; мои двери всегда будут открыты для тебя, днем и ночью; я приведу тебя к покаянию. Приди и в безопасности сядь и поразмышляй о грехах, которые привели тебя сюда".

СТУК В СВАТИЛИЩЕ, ДАРЕМСКИЙ СОБОР

Приглашение было адресовано всем, но с некоторыми оговорками. Это было не просто формальное приглашение; убежища действительно искали многие, но предателей, евреев, неверных и тех, кто совершил святотатство, не принимали. В Даремском соборе двое мужчин каждую ночь спали в часовне Галилея, чтобы впустить любого беглеца, который мог бы позвонить в колокол или поднять стук. Святилище фактически превращалось в город-убежище путем выделения определенного пространства, которое целиком должно было считаться святилищем. В Хексеме, где четыре дороги сходились в центре города, на каждой из них был установлен крест, чтобы показать, где начинается святилище. В Рипоне и Беверли пределом святилища считался круг радиусом в милю. В Сент-Мартинс-ле-Гранд участок был точно определен и ревностно защищался. Он включал в себя множество улиц, и сейчас его территорию почти полностью занимают здания Главного почтамта. В Вестминстере весь участок аббатства, церковь, монастырские здания, двор, клуатры и сады были священной землей.

В *Archæologia* (xvii. p. 198) приводится клятва святилища. Я привожу отрывок целиком:...

"Среди Гарлейских рукописей Британского музея есть тонкий фолиант, написанный на пергаменте, помеченный № 4292 и содержащий реестр лиц, искавших убежища за различные преступления в церкви Святого Иоанна Беверлейского в Йоркшире в царствование короля Эдуарда Четвертого, короля Генриха Седьмого и короля Генриха Восьмого. Переплетчик, у которого она, по-видимому, была восстановлена в более поздние годы, похоже, перепутал некоторые листы или, по крайней мере, поместил записи времен короля Эдуарда Четвертого после некоторых записей короля Генриха Седьмого.

Большая часть рукописи, разумеется, сводится к перечислению имен и преступлений; но на обороте листа 17 помещена копия клятвы, которую давали те, кто стремился к миру в этом месте. Не помню, чтобы я встречал подобную клятву в других местах. Городскому приставу, который принимал присягу, предписывалось узнать у беженца, "какого человека он убил, и с кем, и оба его имени: и затем он положил руку на книгу, сказав: "На этот случай".

Catherine IV, B. Ward.

Катарина В. Б. Уорд.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВ. THOMAS

С копии, хранящейся в Кентерберийском соборе, с почти стертой картины во главе гробницы Генриха IV.

Сэр, прислушайтесь к своим словам. Вы должны быть трепетны и благосклонны к моему господину архиепископу Йоркскому, господину этого города, к провианту того же города, к шанонам этой церкви и ко всем другим ее служителям.

Также вы должны оказывать милость бейли и хii. губернаторам этого города, всем бургерам и коминтерам этого города.

Также вы не должны иметь при себе ни одного пойнтового оружия, ни кинжала, ни кинжала, ни другого оружия, которое бы не было на территории города.

Также вы должны быть готовы всеми силами, если в городе возникнет какой-нибудь спор, или страйф, или другой серьезный случай пожара, чтобы помочь справиться с ним.

Также вы должны быть в повиновении короля Адельстана на дириже и мессе в такое время, как это делается на войне бельмана города, и делать ваши dewte в gyngyng, и для того, чтобы предложить на мессе на утро, да поможет вам Бог и эти святые евангелисты.

И затем gar hym kysse the Book".

История Сен-Мартен-ле-Гран - это история стойкого сопротивления и защиты прав святилища от нападок горожан и других людей. Ведь в эпоху беззакония не соблюдаются ни права, ни привилегии, ни законы. Во время восстания Уота Тайлера его последователи не обращали внимания на святилище; они стаскивали с алтарей сборщиков налогов, которые спешили туда, чтобы укрыться от опасности. Двадцать лет спустя сам город протестовал против злоупотреблений, вызванных иммунитетом святилища. Но пока это место было слишком сильно укреплено хартиями и папскими буллами, чтобы можно было что-то изменить. Король же придерживался той точки зрения, что именно по халатности городских магистратов было совершено столько преступлений и существовало столько претендентов на святилище.

Историю об убежище в соборе Святого Павла рассказывает Райли (Мет. р. 24). Это было на 17-м году правления короля Эдуарда Первого и в день Святого Георгия, когда некий Уолтер Бэкон, капеллан, или приходской священник, принял прибежище в соборе. Вслед за ним пришли королевский коронер, Уильям ле Мазелинер, городской староста (это было во время приостановки полномочий мэра), Джон ле Бретон, сэр Баронсин, Джон де Банкель и другие достойные доверия лица. Затем коронер, в присутствии собравшихся, спросил у мужчины, по какой причине он взял убежище. Тот ответил, что украл шестнадцать серебряных блюд, принадлежавших сэру Баронсину. Посуда была возвращена, и шерифу было поручено хранить ее в запечатанном пакете; через два дня после этого пакет был вскрыт шерифом в присутствии коронера, и посуда была возвращена упомянутому Баронсину. Что стало с капелланом, не сообщается.

Сохранилось много примеров тех, кто искал безопасности в этих стенах. Так, некий Генрих украл перстень, пикс для освященных облаток; если бы он был использован, его бы лишили причастия за святотатство; он также украл немного денег и другие вещи. Он принял причастие, но потом передумал и сбежал, оставив за собой украденное имущество.

Сотрудники деканата конфисковали его как "бездомного", оставленного на территории колледжа. Еще один случай - дело Генри Сиприана, каноника из Уолтхэма. За некоторые преступления он укрылся в монастыре Святого Мартина. Это было в 1430 году, в девятый год правления короля Генриха Шестого. После этого мэр и шерифы схватили его и вытащили наружу. Декан и каноники передали дело королю, который приказал вернуть Киприана в святилище. Но тлеющая враждебность города продолжала расти. Олдермен Олдерсгейта Мэтью Филипп, наложив определенный налог, потребовал у декана собора Святого Мартина его долю, утверждая, что это не привилегированное место; и фактически взыскивал деньги с помощью бедствия. Король приказал вернуть деньги.

В том же году произошло знаменитое дело Сент-Мартинс-ле-Гранд, которое, хотя и было решено не в пользу города, чрезвычайно укрепило доводы против святилища.

Некий солдат по имени Найт сидел в тюрьме Ньюгейт. Его друзья сфабриковали против него дело о долге, для ответа по которому его должны были доставить в Гилдхолл; поэтому он проходил по южной стороне собора Святого Мартина. Пятеро его друзей сидели в засаде на аллее Панье, и, когда он проходил мимо, они оттащили его от офицеров, и так он попал в убежище, где все они и остались. Конечно, это было злоупотреблением привилегией. Городские власти, очевидно, так и считали. Шерифы, Филипп Мальпас и Роберт Маршалл, с олдерменом округа, городским камергером и огромным количеством народа толпились в соборе Святого Мартина, требуя пленников, которых каноник отказался выдать. Тогда они схватили их силой, заковали в цепи, раздели до рубашек и повели в Ньюгейт. Очевидно, это дело вызвало сильнейшее негодование. Король, получив жалобу декана, приказал освободить заключенных по письмам, доставленным из Виндзора в Тауэр лордом Хантингдоном. Мэр отказался вскрыть письма. Он заявил, что Тауэр - привилегированное место, находящееся вне его юрисдикции, и что он не может совершить в нем никаких официальных действий, даже вскрыть письмо, адресованное ему как мэру. Тогда лорд Хантингдон предъявил предписание короля, которое было принято и рассмотрено в церкви Олхоллоус-Баркинг. Здесь, при содействии городского клерка Джона Карпентера, они нашли некоторые юридические возражения, которые и передали королю.

Однако дело было рассмотрено в Звездной палате. Дело декана основывалось, конечно же, на хартиях палаты и древности заявленных привилегий. Доводы шерифов, если они не зависели от юридических тонкостей, основывались на огромных неудобствах и многочисленных бедах, причиняемых святилищем. Так, некто Стоди, умышленно убив женщину, укрылся в святилище и сумел сбежать; Джон Фроу, имея зуб на некоего Роберта Додмертона, преследовал его, пока тот не оказался рядом с воротами святилища, где он ударил его ножом в шею, так что тот умер, когда убийца спокойно укрылся в святилище. Некий Луллей, житель Кембриджа, совершил точно такой же поступок в том же месте. Также утверждалось, что некоторые преступники во времена правления Генриха Пятого были выведены из святилища, что переулок участка, в котором собирались преступники, был остановлен по приказу короля, и что церковь, участок и переулок - все это части самого Сити. Эти доводы не увенчались успехом. Шерифы были вынуждены отдать заключенных.

Другой бедой, вызванной этой привилегией, было изготовление поддельных пластин и драгоценностей, которое было налажено здесь. Компания ювелиров, имевшая право осматривать все ювелирные мастерские в городе, потребовала допустить ее в участок Святого Мартина, чтобы осмотреть тамошние мастерские. Декан отказал в разрешении, но пригласил их войти и осмотреть работу. Он сам отправился с ними и приказал уничтожить все плохие работы. Эдуард Четвертый в законе, направленном против мошенничества в работе ювелиров, исключил этот участок из сферы своего действия. Интересно отметить, что

изготовители поддельных пластин и драгоценностей продолжали работать в своих старых кварталах еще долгое время после Расторжения брака. Так, Батлер пишет: "...

"Это не те жалкие подделки.

Французские камни, что в наших глазах вы оправляете,

А наши правильные бриллианты, которые вдохновляют,

И зажигают ваши пылкие сердца".

И не фальшивые бусы святого Мартина,

Которые на наших губах вы накладываете вместо красных,

И заставляете нас носить их, как индийских дам,

Все это - топливо для вашего палящего пламени,

Но те, истинные рубины из камня.

Которые в шкафах мы запираем".

Возможно, сила Сент-Мартина лучше всего проявилась в случае с Уильямом Кайенсом. Он был одним из соратников Джека Кейда и после рассеивания мятежников укрылся в Сент-Мартине. Король потребовал его как предателя. Декан взял с собой все свои буллы и хартии и стал отстаивать свою правоту. В конце концов он одержал победу. Предатель должен был остаться, но чтобы ему не позволили совершить еще одну измену. Спустя некоторое время Кайенс получил помилование короля и даже был принят в его фавор.

Когда начались гражданские войны, один Олдехолл, камергер герцога Йоркского, получил от советников короля приказ не покидать лондонский Сити. Он бежал в убежище, его вытащили оттуда и приказали вернуть обратно. До этого момента декан был слишком силен для Сити. Но в 1455 году люди из убежища настолько понадеялись на свою безопасность, что объединились в компании, напали на горожан и ограбили их. После этого мэры и шерифы ворвались в Санктуарий и схватили главарей. Декан пожаловался, король послал за мэром и его офицерами, но время было не то, чтобы город мог быть враждебным, и пленники не были восстановлены.

В следующем году святоши снова участвовали в нападении на итальянских купцов. Жалобы стали настолько общими и громкими, что пришлось ввести некоторые ограничения на эту привилегию. Были разработаны статьи для лучшего регулирования деятельности святош. Они похожи на те, что уже цитировались из архива Беверли. Так, (1) каждый человек при входе должен объявить причину, по которой он ищет убежище. (2) Никто не должен носить оружие в пределах участка. (3) Любой "ярый и открытый вор, грабитель, убийца и преступник, о котором говорит общая слава народа" должен получить гарантию хорошего поведения как в убежище, так и в течение четверти года после него, и чтобы его держали в отделении до тех пор, пока он не получит эту гарантию. Но он может уйти, если пожелает. (4) Ворота должны закрываться в определенные часы. (5) Украденные вещи не должны попадать в убежище. (6) Если человек из убежища совершит грабеж или насилие, он должен быть помещен в тюрьму и содержаться там. Но он может покинуть тюрьму по своему желанию (разумеется, чтобы его ждал офицер шерифа). (7) Фальшивомонетчики, изготовители поддельных товаров, взломщики замков и т. д. не должны допускаться в убежище. (8) Срамники и все безнравственные люди должны содержаться в тюрьме до тех пор, пока они не исправятся

или не покинут ее. (9) Азартные игры - "игры на риск, кости, гуэли, кайели, клойш" - должны быть запрещены в святилище. (10) Воскресенья и святые дни должны соблюдаться, и (11) каждый принятый должен дать клятву, что будет соблюдать эти правила.

МЕДЬ В ЦЕРКВИ СВ. ВАРФОЛОМЕЯ МЕНЬШЕГО, СМИТФИЛД

Уже не раз отмечалась разница между средневековыми законами и средневековой практикой. Что, например, может быть лучше этих постановлений? Кажется, здесь предусмотрено все: милосердное убежище для преступников, тюрьма для тех, кто совершает новые преступления, запрет на нечестные сделки, защита нравственности святилища, место должно быть домом религии и покаяния, а не убежищем и местом, где скрываются воры и мошенники. Что же произошло? Святилище продолжало работать, как и прежде. Вначале, несомненно, был небольшой переполох: каноники приказали своим слугам проявлять усердие в соблюдении этих законов: мы видели, как декан ходил с офицером Голдсмита; возможно, он ходил со своими офицерами, допрашивал беженцев, наставлял их всех, и мужчин, и женщин, а затем уходил. Упадок всех монашеских и церковных устоев повсеместно отчасти объяснялся тем, что, хотя Правило осталось, та его часть, которая требовала личного служения, была передана слугам и низшим офицерам. Преступника, забежавшего в святилище, принимал слуга, а не каноники: его поселял слуга, а не каноники; затем, когда питание было скромным по качеству и недостаточным по количеству, беженец занимался своим ремеслом, чтобы получить больше пищи; вероятно, вырос обычай, как это было в тюрьмах Ньюгейта и Ладгейта, платить плату слугам святилища; в обмен на эту

плату все было разрешено. Мужчины, жившие разбоем и хорошо известные как разбойники; женщины, жившие сводничеством и проституцией; точильщики, фальшивомонетчики, изготовители фальшивых товаров, мошенники-банкроты, получатели краденого; воры, фактически принявшие убежище с украденным товаром в руках; все эти люди жили в безопасности и покое: они избежали столба, колодки, мук бича, шумной тюрьмы и виселицы. Горожане не преминули выразить протест против злоупотребления убежищем.

Во время гражданских войн Сент-Мартинс оказался настоящим убежищем для многих, включая графиню Оксфордскую, Мортону, епископа Ели, и других прелатов, а также лордов и леди. В Сент-Мартине жил и умер - "сгнил по частям" - Майлз Форрест, один из убийц юных принцев. Большие перемены произошли в Сент-Мартине, когда Генрих Седьмой перевел колледж в аббатство Святого Петра в Вестминстере. Аббат стал деканом Сент-Мартина; была изготовлена другая печать; обязанности каноников стали исполнять викарии.

В 1548 году все канцелярии, свободные часовни и братства были подавлены, и Сент-Мартин в том числе. Великолепная церковь была снесена, а ее место быстро застроили жилыми домами, магазинами и тавернами. Но суеверие и обычай сохранили до более позднего времени некоторые привилегии святилища как в церкви Святого Мартина, так и в Вестминстере.

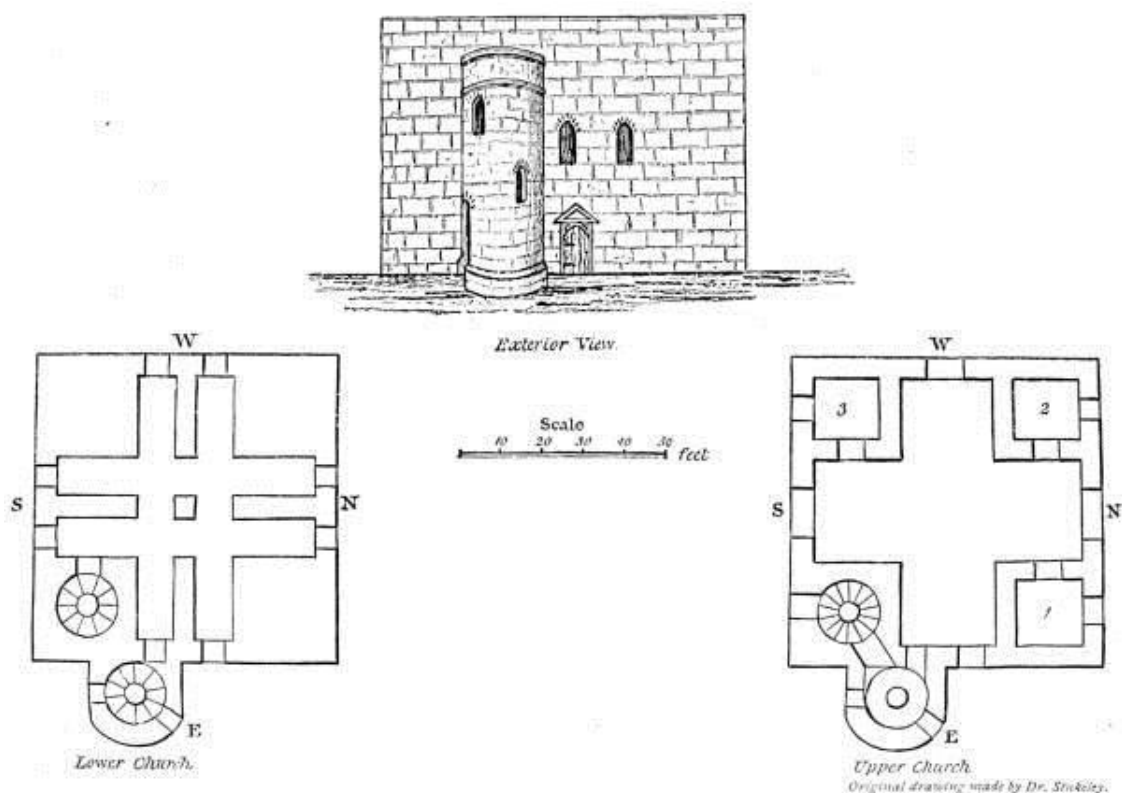
Летопись святилища в западном конце несколько благороднее.

Следует понимать, что святилищем был весь участок аббатства, а не только церковь, из которой более священной частью, конечно, была церковь. Но название святилища было присвоено мрачной квадратной громаде, построенной из тряпичного камня, площадью около семидесяти пяти футов и высотой около шестидесяти футов. Снаружи возвышалась круглая башня, не выше самого здания, в которой находилась лестница, сообщавшаяся с верхним этажом. Этажей было два, на каждом из которых находилась часовня, причем нижний был особенно темным и мрачным. На крыше, судя по всему, иногда возводились небольшие домики для размещения беженцев.

По весьма примечательному упущению, это интересное здание не упоминается ни Стоу, ни кем-либо из более поздних авторов. Впервые Стьюкли заметил его, зарисовал и измерил в 1750 году, когда его разбирали.

Вот один из отрывков (1556 г.) о процессии в святилище:...

"В vi. день декабря аббат Вестминстерский вышел на процессию со своим монастырем: перед ним шли все святоши с крестообразными ключами [на одежде], а после шли iij. за убийство: один, сын лорда Дакра, из северных, был wуруд (выпорот) с шеттом наперевес за убийство человека, мастера Уэста sqwyre dwellyng besyd ... и anodur theyff that dyd long to one of master comtroller ... и убил его в Длинном Акуре, в Бак-сиде Чарынг-кросс: и мальчика, который продавал бумаги и прынцыпы [с] рогом из камня и убил его под деревом в Вестминстер-холле: Мальчик был одним из чилдерингов, что были [у] сколла в аббатстве: мальчик был hossear sune [сын хозира] a-boyff London-stone."

ЦЕРКОВЬ СВАТИЛИЩА В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Из "Истории Лондона" Аллена.

Порка сына лорда Дакра, завернутого в белую простыню, за убийство, должно быть, была назидательной. Убежище, таким образом, не было полностью свободно от мучений и наказаний. Два месяца спустя еще один человек в святилище был выпорот "перед крестом" за убийство.

Однако не всегда права прибежища соблюдались. То, что Уот Тайлер должен был их уважать, вряд ли можно было ожидать. Поэтому мы без удивления читаем, как он стащил маршала Маршалси с одного из столбов святилища Исповедника, за который тот цеплялся как за самое святое место в церкви. А вот убийство рыцаря Хоука в 1398 году - весьма примечательная иллюстрация жестокости и неуправляемости нравов, в которые могли впасть люди того времени. Было два рыцаря по имени Хоук и Шекл. Во время испанских войн Черного принца им удалось захватить в плен одного испанского дворянина. Он обменял своего сына, юношу, на себя - такой способ заложничества был нередким, - и отправился домой, оставив двух англичан в ожидании выкупа за лорда. Однако затем Джон Гонт, претендовавший на трон Испании, потребовал отдать молодого испанца себе. В этом ему было отказано. Тогда он пригрозил тюремным заключением, и рыцари бежали и укрылись в Вестминстере, сопровождаемые пленником, переодетым в пажа или камердинера. Создается впечатление, что во время бегства их преследовали. По крайней мере, то, что происходит дальше, не похоже на хладнокровное убийство. Два рыцаря скрылись в церкви, как в самой безопасной части святилища. За ними последовали Алан Блоксхолл, констебль Тауэра, сэр Ральф Феррерс и компания из пятидесяти человек. Шекл, в свою очередь, сбежал вместе с пажом, вероятно, в клуатр, откуда его легко можно было доставить в безопасное место. Но Хоук остался в церкви и побежал по хорам, преследуемый своими врагами. Это происходило прямо во время празднования высокой мессы. Наконец несчастный упал, покрытый ранами, перед кабинкой настоятеля, то есть на хорах. После этого настоятель закрыл церковь на четыре месяца и отлучил нарушителей святыни от

церкви, а также оштрафовал их на 200 фунтов стерлингов за штуку, что равняется почти 3000 фунтов наших денег. Если святилище, если святотатство вообще что-то значило, аббат был обязан сделать как можно больше из "факта ужаса". Несчастному Хоука похоронили в южном трансепте.

Но были и другие нарушения святилища, например, когда сэра Роберта Тресилиана, лорда Верховного судьи, вытащили из убежища, которое он искал, и когда герцог Эксетер подвергся подобному обращению: с другой стороны, Генрих Седьмой проявил мудрость в отношении святилища, когда там укрылся Перкин Уорбек.

А убежище, как правило, уважали. Когда Элеонора Кобэм, герцогиня Глостерская, укрылась в Вестминстере, ее не трогали, и она могла бы оставаться там всю жизнь, если бы решила. Елизавета Вудвилл родила своего старшего мальчика, "покинутая своими друзьями и в большой бедности", но в надежном убежище. Здесь она передала ребенка на руки его отцу, когда тот вернулся. Во второй раз она бежала туда, когда мальчик, тринадцати лет от роду, оказался в руках ее врага и в Тауэре. Она взяла с собой младшего мальчика, но все мы знаем, что произошло. Убежище было нарушено. Архиепископы дали свое согласие на святотатство, хотя знали, и все должны были знать, что мальчики будут убиты один за другим. В те времена каждому принцу или возможному наследнику престола выпадала участь быть убитым или погибнуть в бою. Генрих Шестой, принц Эдуард, герцог Йоркский, герцог Кларенс, герцог Эксетер - все эти примеры достаточно поучительны. И все же архиепископы уступили. Почему? Думаю, ясно, что они боялись прежде всего короля-мальчика: прежде всего они хотели покоя для смятенных земель. Нужно было выбирать: или жизнь двух невинных мальчиков, или новые войны, новые смуты - что выбрать? Нарушение святыни в этом случае примечательно тем, что дало герцогу Бекингеми возможность напасть на всю систему святынь.

"Осмелюсь заявить, взвесьте пользу, которую они приносят, и вред, который от них исходит, и вы обнаружите, что гораздо лучше не иметь ни того, ни другого, чем иметь их. И это я говорю, хотя раньше ими не злоупотребляли так, как сейчас, и так давно, что я боюсь, что так будет и впредь, пока люди будут бояться приложить руку к исправлению: как будто Бог и святой Петр - покровители неблагородной жизни. Теперь безбожники буйствуют и влезают в долги от смелости этих мест: да, и богачи бегут туда с товарами бедняков. Там они строят, там они тратят и просят своих кредиторов свистеть за них. Жены мужчин бегут туда с вещами своих мужей и говорят, что не смеют оставаться со своими мужьями из-за побоев. Воры приносят туда украденные вещи и живут на них. Там они придумывают новые грабежи по ночам, чтобы выкрасть, они грабят, и грабят, и убивают, и приходят снова, как будто эти места дают им не только гарантию от вреда, который они причинили, но и лицензию на новые злодеяния".

Не следует забывать, что поэт Скелтон спасся от гнева Вулси, укрывшись в Вестминстерском святилище, где он жил в безопасности и умер без присмотра.

В "Итальянских связях Англии" (Камденское общество), написанных, вероятно, в конце XV века, автор в том же духе свидетельствует о вреде святилища. По всей видимости, в Италии этот институт не существовал.

"Духовенство - это те, кто имеет верховную власть над страной, как в мире, так и в войне. Кроме всего прочего, они предусмотрели, что ряд священных мест в королевстве должен служить убежищем и спасением для всех преступников, и никто, будь он изменником короны или совершившим преступление против

собственной персоны короля, не может быть изъят из них силой. И такой злодей, который за какое-нибудь совершенное им злодеяние вынужден укрыться в одном из этих священных мест, часто выходит из него потасовки на публичных улицах, а затем, вернувшись в него, безнаказанно скрывается за каждое новое преступление, в котором он мог быть виновен. Это не наносит ущерба ни кошелькам священников, ни другим вечным святыням: но каждая церковь является святыней в течение 40 дней, и если вор или убийца, укrywшийся в одной из них, не может покинуть ее в безопасности в течение этих 40 дней, он дает знать, что желает покинуть Англию. В этом случае главный судья этого места раздевает его до рубашки, а в руку вкладывает распятие, и ведет по дороге к морю, где, если он найдет проход, он может уйти со словами "Бог тебе в помощь!". Если же он не находит, то заходит в море по горло и трижды просит прохода: и так повторяется до тех пор, пока не появится корабль, который приплывет за ним, и тогда он отплывает в безопасности. Небезынтересно слышать, как женщины и дети сетуют на несчастье этих изгнанников, спрашивая, "как они могут жить так безбедно в Англии", и добавляя, кроме того, что "лучше бы они умерли, чем ушли из мира", как будто Англия - это весь мир!"

Генрих Седьмой в 1483 году добился от папы Иннокентия Восьмого буллы, которая позволяла выводить преступников из святилища, если было доказано, что они покинули его, чтобы совершить какое-то злодеяние. А если в убежище укрываются лица, подозреваемые в государственной измене, то королю разрешалось ставить стражу у ворот и в других местах, чтобы не дать им выйти. Позже, в 1504 году, Генрих Седьмой приобрел еще одну буллу, разрешающую ему выводить людей, подозреваемых в государственной измене. Эта булла, по-видимому, разрешала фактическое уничтожение святилища.

Процедура истребования убежища была следующей (устав был вывешен в Таможенном зале Синк-Портс в Дувре), (Итальянские отношения)

"И когда кто-либо убежит в церковь или на церковный двор за преступление, требуя там привилегии на любое действие своей жизни, староста той же вольности, где находится упомянутая церковь или церковный двор, со своими товарищами присяжными или простолюдинами той же вольности, должен прийти к нему и спросить его о причине нахождения там, и если он не признается в преступлении немедленно, это будет занесено в протокол, а его имущество и вещи будут конфискованы, и он должен оставаться там сорок дней или раньше, если захочет, он должен сделать свое отречение в следующей форме перед старшим офицером, который назначит ему порт для его прохода: И после его отречения главный офицер или его помощники вручат ему крест и объявят, что, пока он будет идти по шоссе к назначенному ему порту, он будет идти с королевским спокойствием и что никто не должен его при этом огорчать, под страхом лишения его имущества и вещей. И упомянутый преступник должен положить правую руку на книгу и поклясться в следующем: "Вы слышите, господин коронер, что я... вор, украл такую-то вещь или убил такую-то женщину, или мужчину, или ребенка и являюсь преступником короля, и за то, что я совершил много злых дел и преступлений в этой же его земле, я отрекаюсь и клянусь землями королей Англии, и что я поспешу в порт... который вы мне дали или назначили, и что я не выйду за пределы дороги, а если выйду, то завещаю, чтобы меня взяли как вора и преступника короля, и в том же месте я останусь только на один прилив и наводнение, если смогу получить проход, а если

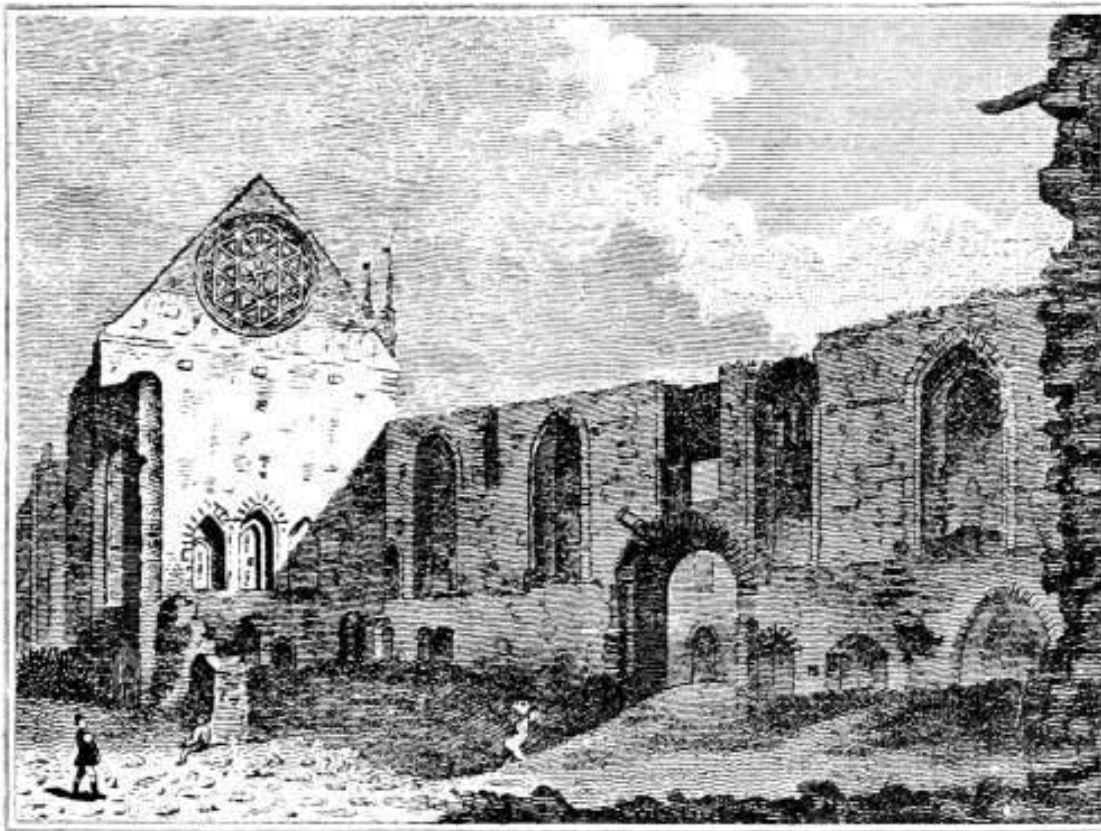
не смогу получить проход в том же месте, то буду каждый день входить в море по колени и выше, взывая: "Проходите, ради Бога и короля..."....его ради: и если не смогу в течение сорока дней, то снова попаду в церковь, как королевский преступник. Так помоги мне Бог и по этой книге по твоему суду". И если клерк, прилетевший в церковь за преступление, подтвердит, что он клерк, он не отречется от королевства, но, подчиняясь законам королевства, будет пользоваться свободами церкви и будет передан ординарию для содержания в тюрьме для осужденных, согласно похвальному обычаю королевства Англии".

ГЛАВА VIII

ПЬЕСЫ О ЧУДЕСАХ И МИСТЕРИЯХ

В другом месте я уже говорил о том необычном факте, что в Лондоне не было найдено никаких остатков римского театра или амфитеатра, и я рискнул выдвинуть теорию о местонахождении одного или обоих. Действительно, невозможно понять, как мог существовать театр в Рутупии или в Бате, а в Лондоне его не было. Верно, что Августа на протяжении большей части своего римского существования была христианским городом, но таковым был и Бат; верно и то, что церковь осуждала театр. Но эти факты не уничтожили театр. Святой Августин говорит нам, как сильно его привлекала драма - *rapient me spectacula theatra*. Мы можем быть уверены, что полное уничтожение римского театра в стране со сценическим оборудованием и сценическими традициями произошло не под грохот церкви, а в результате прихода англосаксов и опустошения Августы. Позднее драма должна была начаться заново. Поскольку миметический инстинкт всегда выживает при любой попытке его подавления, драма в той или иной форме обязательно должна была возродиться. И она начала возрождаться в двух формах: во-первых, в церкви, в том самом месте, где ее осудили, и в развлечениях, которые устраивали бродячие муммеры, менестрели, танцоры и кувыркатели. Бродячий народ, балаганщики, *рибо*, люди, которые не могут работать, мужчины и женщины, которые могут зарабатывать на хлеб только музыкой и весельем, рассказывая истории, исполняя песни, показывая фокусы, танцуя, делая кувырки и потворствуя вечному желанию получить удовольствие, - этих людей невозможно было подавить; и они поддерживали искусство актерского мастерства. В Англии они процветали в спокойные времена. Какого рода грубые пьесы они ставили, установить не представляется возможным. Полагаю, это был грубый и готовый фарс, подобный тому, что сохранился у Рабле, где представлен фарс "Немая женщина". Люди хотят смеяться. Над чем они чаще всего смеются? Над тем, что кто-то каким-то образом расстраивается. Входит Немая женщина - она делает большое дело со своей метлой; она сбивает ею одного мужчину и бьет другого по носу; оба мужчины жалуются и страдают от боли и оскорбления. Народ смеется. Добавьте музыку и кувыркающуюся девушку; добавьте неприличные жесты и шутки, не заслуживающие повторения. Добавьте, далее, все, что угодно, из современных ролей клоуна и панталон, и мы поймем, какие развлечения устраивали балаганные люди одиннадцатого века. Я полагаю, что иногда они высмеивали священников - всегда заманчивая тема: одна причина для такого мнения заключается в том, что чем более преподобным хочет казаться человек, тем более он открыт для насмешек; другая причина заключается в том, что современные авторы, например Иоанн Солсберийский, осуждают актеров с церковной прямотой. Судя по всему, они были востребованы на брачных пирах, а на характер их

развлечений указывает приказ, согласно которому все присутствующие священники должны были вставать и уходить, когда начинались игры. Эти люди мало что оставили после себя, но они сохранили вкус к сценическим представлениям и, несомненно, отвлекли от плуга или плотницкой скамьи многих парней, чье сердце жаждало музыки, сверкающих ног, ярких платьев и смеющейся жизни этих бесхитростных бродяг и беззаконных девиц. Но в Англии ничего не было написано или придумано: именно церкви, а не балаганному народу мы обязаны современной драмой. И началась она с похвального желания - а может, и необходимости - заставить людей, у которых воображение было притуплено, осознать доктрины Церкви. Служба велась на латыни, языке, который больше не понимали даже в Италии; никто не умел читать, а если и умел, то книг для них не было: проповедь, которой до прихода монахов было мало, не могла дать многого: настенная живопись даже не была начата: как же можно было научить людей главным событиям, основам в истории христианской веры? Только с помощью какого-то драматического представления. Так, на Рождество в церкви легко, а главное, похвально было построить стойло для волов, оборудовать его яслями и пригласить всех желающих увидеть своими глазами, как живых, Богородицу с младенцем Христом, Иосифа, волхвов, ангелов и пастухов. В Страстную пятницу было установлено большое распятие и торжественно опущено в могилу. В день Пасхи камень гроба был отвален, и Господь вышел на свет; после Пасхи Он шел с паломниками из Эммауса; явился ученикам. При Вознесении Он видимым образом вознесся на небеса на глазах у всех. Он воскресил Лазаря, исцелял больных, омывал ноги. Когда простые люди смотрели и видели такие чудеса, кто мог сомневаться? Да и кто мог забыть? "Вот могила, в ней Лазарь - посмотрите на него! Могильные пелены облепили его, лицо его белое, он мертв, даже в другом смысле есть безошибочное доказательство смерти. А вот и Сам Господь. Не говорите мне, что это брат Амброз, - это Сам Господь! Кто, как не Господь, может оживить мертвеца? Это Сам Христос!" И они ушли, удивляясь. Эти вещи были элементарными, но они давали простор для игры и пищу для воображения. Конечно, они становились все более и более реалистичными. Одежды священников сменили на подходящие платья; хорист, изображавший ангела, добавил крылья к своему белому одеянию, нес арфу и носил корону. Расширилось и поле драмы. В нее вошла вся схема искупления от падения Люцифера до Судного дня.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ВИД НА РУИНЫ ДВОРЦА ЕПИСКОПА ВИНЧЕСТЕРСКОГО В САУТВАРКЕ

Процессии в день святого покровителя или любой другой святой день, а также в день Тела Христова использовались для обучения людей в драматической манере. Святые шествовали вместе с торговыми гильдиями; их знали по тому, что они несли. Адам и Ева несли Древо Познания; Иоанн Креститель был глашатаем - в то время все знали, что означает глашатай; Иуда шел следом. Конечно, его принимали с шипением и стонами, но он не мог избежать внимания, потому что нес мешок с золотом, а за ним следовал дьявол с виселицей; Христофор нес Христа; волхвы несли дары; ничто не было забыто. То, что эти представления глубоко запали в сердца людей, не вызывает сомнений, ведь это вполне естественно. Рассказывают о немецком принце, ландграфе Фредерике Шрамоносце, который, увидев спектакль о мудрой и глупой девах, где сама Дева Мария не смогла подвинуть своего Сына на милость, воскликнул: "Что это за христианская вера, если христиане не могут быть помилованы даже по заступничеству Божьей Матери и всех святых?" И впал в религиозную меланхолию, подобную той, что была распространена в более поздние времена среди кальвинистов. Но не нужна такая история, чтобы понять силу этих драматических представлений. Сначала они были представлены в немоу шоу, затем словами Библии, и наконец, словами, специально написанными для них. Следующим шагом стал перенос сцены из нефа церкви на улицу. Это произошло, когда требуемое оборудование стало слишком большим для маленькой приходской церкви, а *драматические персонажи* - слишком многочисленными для церковного персонала. Тогда миряне стали актерами, а вскоре и единственными актерами. В то же время церковь не отказывалась от контроля над пьесами: в Риме существовало Братство гонфалеров, в Антверпене - Братья святого Луки, которым было разрешено ставить эти пьесы. В Англии они были распределены между торговыми гильдиями, каждая из которых должна была показать какую-нибудь драматическую сцену на праздник Тела Христова. Так, в Ковентри кузнецы играли суд и распятие, капперы - воскресение и сошествие в ад, шорники - рождение Христа, поклонение

волхвов, бегство в Египет и расправу над невинными. В Лондоне компания приходских клерков принимала самое активное участие, одно из их представлений, по словам Стоу, длилось три дня. Это произошло в "Колодце скорняков" в Смитфилде в 1391 году. Упоминается и другое представление, состоявшееся в 1409 году и продолжавшееся восемь дней. Гражданское шествие Корпуса Кристи, в котором участвовали мэр, шерифы и олдермены, все городские чиновники, а также городское духовенство, и которое украшалось представлениями, фигурами и группами, было поручено компании скорняков. Мне не удалось обнаружить других лондонских трупп, которым было поручено представление этих пьес. Сцена имела значительную площадь и состояла из двух "комнат": верхней - небесной и нижней - земной; или же верхняя "комната" была землей, а нижняя - адом. Иногда "комнат" было три. Пьеса начиналась с пролога: каждый игрок представлялся по имени: когда он не играл, то стоял в стороне и должен был быть невидимым. Реализм был поразительным. Когда Иуду вешали, он нес на виселицу внутренности какого-то животного, которые, сбросив с себя, позволил упасть. В это же время дьявол, стоявший за ним на виселице, перерезал веревку, и они оба вместе упали в ад. На сцене не стеснялись изображать рождение: святые на пытках шутили; Соломон поссорился с одной из своих жен и выпил кружку пива; дьявол увозил душу в тачке; в сцене Воскресения садовник смеялся над эффектами своих трав; торговец хотел продать свой товар женщинам, плачущим над могилой; пасть ада извергала пламя; Адам и Ева представляли такими, какими они были до грехопадения; Церковь словно хотела сделать событие более реальным, связав его с действительной жизнью, с жизнью мужчин и женщин. От церкви до рынка - один шаг; от мистерии до морали - другой; последний шаг - от морали, бессодержательного спектакля, к настоящей комедии человеческой жизни, и даже он должен был пройти путь через драму, основанную на жизни святого. Каким огромным шагом было открытие, что в каждом человеке возможна драма, равная по интересности жизни любого святого или мученика! О ранней лондонской драме сохранилось очень мало положительных сведений. Тем не менее мы знаем, что пьесы о чудесах ставились как здесь, так и в других местах. Вклад Стоу в наши знания я уже цитировал. Фицстефен тоже говорит об этих пьесах. Пирс Плаумен упоминает их как обычное явление. В "Жене из Бата" Чосера речь идет о процессиях, паломничествах, чудесах и бракосочетаниях. К классу церковных игр относится любопытная функция мальчика-епископа, которая практиковалась в соборе Святого Павла и во многих приходских церквях города. В канун праздника Святого Николая хористы избирали одного из своих учеников на роль мальчика-епископа. Мальчику был предоставлен комплект епископских одеяний, включая митру, пастырский посох и все облачения: - "К концу вечерни, когда все было готово, мальчик был одет в епископскую одежду.

"К концу вечерни в день святого Иоанна мальчик-епископ и его клирики, одетые в копты, с горящими светильниками в руках и распевая слова из Апокалипсиса (гл. xiv), *Centum quadraginta*, прошли процессией от хора к алтарю Пресвятой Троицы, который мальчик-епископ освятил. После этого все вместе пропели гимн, а он прочитал молитву, посвященную Святым Иннокентию. Вернувшись в хор, эти мальчики заняли места верхних каноников, а сами сановники должны были служить на местах мальчиков и нести свечи, чашу, книгу, как аколиты, толмачи и нижние дьяки. Стоя на возвышении, в митре и держа в левой руке пастырский посох, мальчик-епископ торжественно благословил всех присутствующих и, совершая крестное знамение над коленопреклоненной толпой, сказал

Crucis signo vos consigno: vestra sit tuitio.

Quos nos emit et redemit suæ carnis pretio".

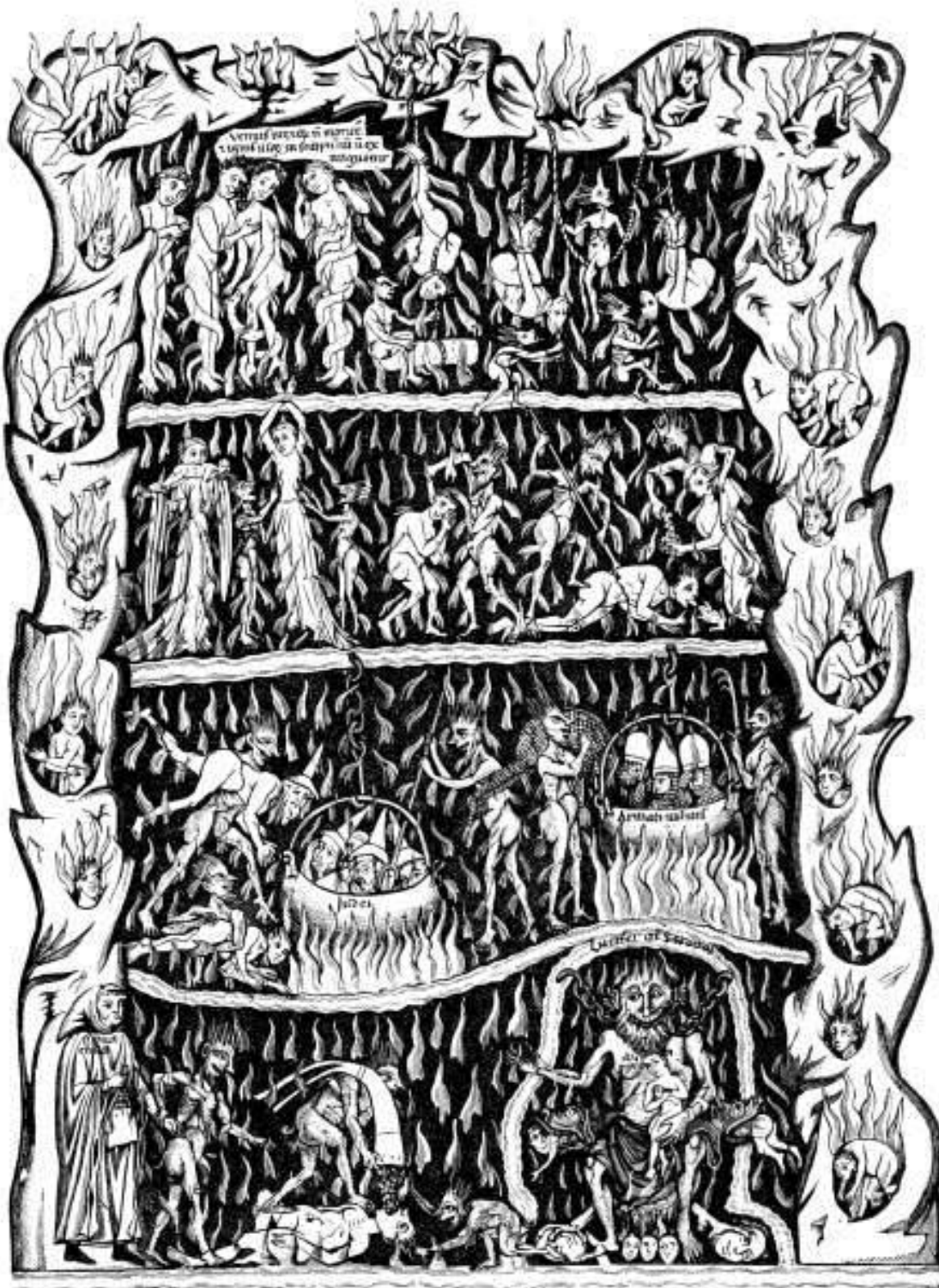
На следующий день мальчик-епископ прочитал проповедь, написанную для него; на ней обязательно присутствовали ученые собора Святого Павла. Иногда утверждают, что мальчик отслужил мессу, но это неправда; ни в один период истории Церкви было невозможно, чтобы ребенок или любой другой человек, кроме священника, был допущен к отпеванию.

Эта любопытная и, по-видимому, непочтительная церемония была частью общего ликования, шушуканья и пиршества сезона. Вероятно, она объяснялась примерно так. Она учила детей, что то, что делается у алтаря, касается их, как молодых, так и старых. Это углубляло их впечатление и укрепляло их в простых доктринах, которым их учили. Другими словами, это было представлением того же самого в другой форме.

ГЛАВА IX

СУЕВЕРИЯ И Т. Д.

Когда мы думаем об огромной массе людей средневекового Лондона, когда мы вспоминаем об их трудовых и работающих днях, о ненадежности их жизни, об опасностях, которые их подстерегали, гораздо больших, чем те, что существуют в наши дни - опасности пожаров, голода, чумы, моровой язвы и войн, - нас заставляют задуматься о том, какие идеи и верования владели умами этой, казалось бы, невнятной массы. Это были идеи о религии, о суевериях, о нравах и обычаях, о войне и о правительстве. Что касается их религии, то не было ни сомнений, ни вопросов, ни колебаний относительно одной ведущей доктрины, которая оказывала на них влияние. Все они, разумеется, были абсолютно уверены, что после смерти наступают либо муки чистилища, либо адские муки. Как можно было сомневаться в этом, когда на стенах церквей изображался Судный день с дьяволами, принимающими души и бросающими их в пламя? Они видели сами души, погруженные по шею в желтое пламя, в невыразимые и бесконечные муки, с телами, не имеющими тела и не поддающимися разрушению: золотые небеса, святые, сидящие с коронами на головах и арфами в руках. В этих вопросах не могло быть никаких сомнений. Поскольку каждый человек, как говорили священники, постоянно совершает всевозможные грехи, как плотские, так и венозные, у него не было шансов спастись, кроме как через муки чистилища. Их, разумеется, можно было получить вместо другого места через любезные церковные службы. По этой причине, а среди огромной массы людей - ни по какой другой, не потому, что Церковь культивировала нравственность и честность, мир, милосердие и праведность, но просто и исключительно для того, чтобы обеспечить чистилище, которое, по крайней мере, как бы ужасно оно ни было, давало возможность покончить с ним через много лет: с этой целью, и ни с какой другой, богатые люди строили свои церкви, основывали капеллы, мессы, богадельни, совершали паломничества, дарили Церкви богатые подарки и строили колледжи для священников.

АДСКИЕ МУКИ

Из рукописи XII века, выполненной в монастыре Хохембург. Текст уничтожен при пожаре Страсбургской библиотеки в 1870 году.

Сначала человек был достаточно укреплен последними службами, предписанными самой Церковью: он умирал с надеждой, получив крайнее отлучение. Однако со временем люди стали сомневаться; возникло опасение, что церковная служба для умирающих сама по себе может оказаться недостаточной для того, чтобы обеспечить душе вход в чистилище. Поэтому были придуманы новые меры предосторожности. Люди думали, что для них будет безопаснее, если их похоронят в освященной земле в стенах церкви, а не за ее пределами:

опять же, несомненно, будет безопаснее, если их положат как можно ближе к главному алтарю. Затем было обнаружено, что монастырская церковь более священна, а значит, и более безопасна, чем приходская. После этого стали считать, что некоторые монастыри даже безопаснее других. Так, церковь Грейфрайерс в Лондоне считалась гораздо желанным местом погребения, чем собор Святого Павла: поэтому она была забита с востока до запада памятниками королей и принцев, великих лордов и великих леди. Здесь все они были похоронены в одежде францисканцев, надеясь либо попасть на небеса в обличье монаха, либо, по крайней мере, будучи в таком обличье, отделаться в последний день более коротким чистилищем, чем то, которое им полагалось, а то и вовсе без чистилища.

Нам, с нашими представлениями о равенстве, кажется чудовищной вера в то, что богатый человек может выкупить себя из чистилища, в то время как бедняк должен нести всю тяжесть и наказание за свои грехи. Я не думаю, что бедняк вообще рассматривал этот вопрос в таком ключе. Напротив, одним из атрибутов богатства и положения было то, что они должны облегчать завоевание рая. Бедняки смирились с ситуацией. Их бедность была навязана им со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они не могли, как ни старались, подняться из нее: между знатностью и холопством лежала непроходимая пропасть: хорошо еще, что Господь оставил им путь даже после многих тысяч лет чистилища.

Что касается церковных догматов, то большая часть народа знала очень мало и не задавалась никакими вопросами. Историю святых, Ветхого и Нового Заветов они понимали частично, поскольку на стенах и в окнах их приходских церквей повсюду были изображены деяния Христа, апостолов и святых. Более того, как мы уже видели, в мистериях или священных пьесах сцены из Ветхого Завета исполнялись с гротескными и даже бурлескными имитациями под открытым небом на всеобщее обозрение.

Влияние церкви на мораль в Средние века было, пожалуй, не больше, чем сейчас. Конечно, люди были не более нравственными, чем сейчас. Говоря это, мы не нападаем на моральное влияние Церкви. Во времена большей грубости, большего невежества, отсутствия самообладания, большего насилия можно было ожидать того, что и произошло на самом деле, а именно: что были времена, когда власть Церкви казалась утраченной, *например*, во время гражданских войн в правление короля Стефана. Что касается города, то в торговле происходило то же самое жульничество, а в нравах было столько же распущенности, сколько и в наше время. Более того, всегда трудно решить, когда закон наказывает злодея - закон ли это или проповедь Церкви, которая удерживает других от злодеяний.

Что касается суеверий жителей Лондона. Они во все времена верили в магию и колдовство, но, как это всегда бывает, многие из популярных верований, казалось, часто спали или были мертвы. Лишь время от времени происходила вспышка веры, показывающая, что подобные суеверия все еще существуют среди них. Например, наиболее примечателен случай с Элеонорой Кобхэм, герцогиней Глостерской, о которой мы слышали в стр. 210: ее обвинили в попытке предсказать смерть Генриха Шестого с помощью магического изображения. Похоже, все твердо поверили в эту историю, которая, действительно, могла быть совершенно правдивой. Однако она отбывала наказание в лондонском Сити и была пожизненно заключена в Честерский замок, а женщина, которая ей помогала, была предана смерти. Позже Ричард Третий попытался доказать, что Елизавета Вудвилл была виновна в магии и колдовстве.

THE CHAPEL OF
FOR LEIERS IN
SOUTHWARK.

dedicated to St Mary

Founded prior to

THE HOSPITAL

KENT STREET

CALLED LE LOCK

and St Leonard

the XIVth of Edw II

ЧАСОВНЯ БОЛЬНИЦЫ ДЛЯ ПРОКАЖЕННЫХ НА КЕНТ-СТРИТ В САУТВАРКЕ, НАЗЫВАЕМАЯ ЛЕ ЛОК,

Из гранкированного издания книги Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящейся в библиотеке Гилдхолла.

У людей были и другие суеверия, и, как и в наши дни, малоизвестные люди зарабатывали себе на жизнь, притворяясь, что узнают, где можно найти украденное имущество, и предсказывая судьбу и тому подобное. Любопытное суеверие упоминается Чосером. Он рассказывает, что с помощью кости правого плеча мокрицы, из которой была выварена (а не зажарена) плоть, некоторые могли узнать, что делается в дальних странах, "приметы пис и верр, положение рельмы, сон людей и брак".

Фактическое отношение народа к претензиям и притязаниям церкви иллюстрируют завещания, которые я уже так вольно использовал. (R. Sharpe, Calendar of Wills.) Итак, как мы видели, вплоть до середины XVI века было принято считать, что душа может быть освобождена из чистилища или может быть избавлена от многих лет чистилища добрыми делами, сделанными для Церкви, отпеваниями после смерти, молитвами религиозных деятелей или получением доли их заслуг. Так, горожанин оставлял деньги на содержание и украшение приходской церкви, на некрологи, на трентали, *то есть* службы из тридцати месс, на ежедневную мессу на вечные времена; на такое количество месс, возможно, тысячу в течение трех дней после смерти; на одаривание капеллы и, возможно, на возведение капеллы; на покупку книг по церковной службе, облачений, алтарных скатертей, пасхальных и певческих свечей. Поскольку содержание мостов само по себе было религиозным долгом, завещания на эти цели были обычным делом. Чтобы обеспечить себе долю в заслугах религиозных деятелей, завещания постоянно делались всем орденам монахов-подвижников: францисканцам или серым монахам; доминиканцам или черным монахам; кармелитам или белым монахам; августинским или остинским монахам; и, хотя они не всегда входили в их число, крестоносным монахам или монахам Святого Креста. С той же целью завещания делались отшельникам, анкоритам и анкерам.

Завещания также делались - как полагают, из чистого милосердия, не считаясь с соображениями безопасности души, - госпиталям, таким как госпиталь Святого Варфоломея, госпиталь Святой Марии, госпиталь Святой Марии Вифлеемской, госпиталь Святого Томаса, а также трем "коллегиям" прокаженных: "Ле Лок" в Саутварке, Сент-Джайлс ин Филдс и дому с "мизил котес" в Хакни.

Завещания были сделаны тюрьмам Ньюгейт, Ладгейт, Флит, двум Маршалси, Клинку в Саутварке, Уайт-Лайону в Саутварке, городским кассам, кассам округа и привратному дому в Вестминстере. Завещания также делались паломникам, чтобы завещатель мог пользоваться благами, которые дает паломничество.

Завещания делались беднякам роты или прихода наследодателя: одежда друзьям или родственникам: одежда из меха, шелка, атласа и тонкой ткани, кушаки, цепи, кинжалы, кольца, оружие, доспехи, кубки для питья, серебряные тарелки, олово.

Жена после смерти мужа имела право на одну треть личного имущества; однако, как правило, она была обеспечена даянием, которое превышало сумму, на которую она могла претендовать. Я уже описывал обет вечного вдовства, который нередко давала вдова по форме, установленной церковью. Иногда она принимала обет и поступала в монастырь.

ГЛАВА X

ПОРЯДОК ПОГРЕБЕНИЯ

Показ похорон, соблюдение церемоний, гостеприимство и порядок шествия играли большую роль в общественной жизни того времени, особенно в те времена, когда постоянно умирал тот или иной великий человек. Ниже приводится порядок похоронной процессии пятнадцатого века, изложенный в деталях: - Первая, для погребения короля. (Archæologia.)

ПОХОРОННАЯ СЛУЖБА

Рисунок XIV века.

"Что должно быть сделано при кончине раздосадованного короля? Когда король раздраженный будет умерщвлен, то после того, как тело его будет отпето, оно должно быть омыто и обласкано епископом для его святого раздражения, затем тело должно быть обвязано, завернуто в пух или рейнез, если оно может быть получено, затем осияно чертою, и перелито красным цветом, и Наденьте на него сюртук из сукна, шапку из имения его на постель его, а потом возложите на него борд из сукна золотого, одну руку его на лоно его и сепар в верхнюю руку, а на лицо его платок, если свадебщик потерпит. А когда он не сможет долго терпеть, возьмите его и поклонитесь ему, а затем эфтоны приручите его, заверните его в рейнез, хорошо истоптанный в шнуры из шелка, чем в тарсерин, истоптанный, и чем в бархат, и и в золотую одежду, хорошо истоптанную, и повели его, и одели его, и на ногах его написали табличку с его стилем, именем и датой нашего Господа Гравина, и когда вы его заберете, сделайте имага, похожего на него, одетого в сюртук с мантией имения, кружева хорошо лежат на его груди, его сепар в его руке, и корона на его голове, и так заберете его в замок, открытый с огнями и баннерами, сопровождаемый лордами и имениями, как советник может лучше всего придумать, имея лошадей той чары, пойманных с различными ловцами

или эллесами с ловцами Блейка со скоконами богато betyn, и его офицеры с оружием вокруг него в его котах армеза, а затем лорд или кныг с конем, пойманным из его армеза, его herneysz на нем, его salet или basenet на его голове, увенчанной, shylde и копье, пока он не придет к месту его ent'ring. И на отпевании то же самое должно быть предложено благородными герцогами".

Далее, для погребения человека низшего ранга:.

(1) Процессия начинается с меча, который предлагает самый почитаемый человек из рода.

(2) Далее следуют те, кто несет герб покойного, его шлем и герб.

(3) Затем должны нести знамена Троицы: Богоматери, святого Георгия или святого, "его покровителя", то есть покровителя усопшего, и его оружия. Также должен быть гидон его устройства с его словом.

(4) На катафалке должен быть двойной валанс, сверху и снизу, с его словом и его устройством, написанными вокруг.

(5) К перекладинам катафалка должны быть прикреплены двенадцать оружейных скуфь, а над катафалком между огнями - три дюжины "пинселлов".

(6) Также должно быть предоставлено столько скуфьей, сколько столбов в церкви. По усмотрению, скребки могут быть установлены в четырех четвертях церкви.

(7) Факелы должны нести по числу лет усопшего, каждый факел должен нести скуфью.

(8) Перед катафалком и рядом с ним должны идти пять оруженосцев, несущих его герб, его меч, его шлем, его герб и его гербовое знамя, а также уже упомянутые знамена Святой Троицы, Богоматери, Святого Георгия и Святого, его покровителя.

(9) Золотые ткани для дам на выданье.

(10) Компания "невинных" в белом, несущих светильники.

(11) Лошадь покойника с оруженосцем, держащим меч, копье или боевой топор.

(12) Наследник должен стоять рядом со священником, когда совершаются жертвоприношения.

В этом приказе, как можно заметить, ничего не говорится о скорбящих. А скорбящих было множество: семья, родственники, друзья, слуги, пока длинная, медленная процессия с пением и папскими священниками, марширующими впереди, не растянулась на всю длину Чипсайда от Сент-Майкл-ле-Кверн до Сент-Милдред.

ЧАСТЬ III

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА

ГЛАВА I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

История монашеской жизни, с ее подъемом и упадком, ее работой и значением, привлекала многих писателей и историков. Она подвергалась яростным нападкам, ее яростно защищали. Говоря о роспуске, необходимо четко обозначить состояние, в котором монахи и монахини оказались в начале шестнадцатого века. (См. Приложение VIII.) В этом месте и в качестве уместного предисловия к подробному обзору лондонских монашеских домов можно позволить себе процитировать тех, кто может говорить о религиозной жизни с похвалой. Есть два писателя, которые, кажется, сказали все, что можно сказать в пользу монашества. Первый был современником Расторжения брака; его работа хранится в Британском музее. Я цитирую его из книги Каннингема "Рост английской промышленности" (стр. 472):

"Не было человека, который пришел бы к ним тяжелым или печальным по какой-либо причине, который ушел бы без утешения; они никогда не мстили им за обиду, но были довольны тем, что свободно прощали ее при покорности, и если цена на кукурузу начинала расти на рынке, они приезжали туда с вьюком, нагруженным кукурузой, и продавали ее на рынке бедным людям, чтобы сбить цену на нее. Если шоссе, мосты или дороги были утомительны для пассажиров, которые искали себе пропитание в путешествиях, их великая помощь не была лишней в их ремонте и исправлении, да часто они исправляли их за свой счет.

Если у какого-нибудь бедного домохозяина не хватало семян, чтобы засеять землю, или хлеба, кукурузы или солода до сбора урожая, и он приходил в монастырь, мужской или женский, он не уходил без помощи: ведь он должен был иметь ее до сбора урожая, чтобы легко мог заплатить ее снова. Да и если бы он попросил вола, лошадь или корову, то мог бы получить их в кредит, а совесть заемщиков в те времена была настолько доброй, что одолженную вещь не нужно было спрашивать в день выплаты.

Они никогда не повышали арендную плату, не брали доходов и штрафов со своих арендаторов, не вскрывали и не улучшали никаких угодий, хотя большая часть и самые большие пустыри принадлежали их владениям.

Если бы кто из бедняков в день свадьбы обратился со стоном в какое-нибудь аббатство, то им бы дали денег на их великую помощь. И таким образом все виды людей получали помощь и поддержку от аббатств: да, счастлив был тот человек, который был арендатором аббатства, ибо редко можно было услышать, чтобы арендатор был удален, забрав свою ферму через голову, и он не боялся повторного входа за неуплату ренты, если необходимость побуждала его к этому. И таким образом они совершали дела милосердия во всей стране вокруг них, к доброму примеру всех светских парсонов, которые теперь переняли другие уроки, то есть *nunc tempus alios postulat mores*".

Второй автор - Таннер в своем "Notitia Monastica" (Предисловие):

"Джон Ветхамстед, аббат Сент-Олбанса, за время своего аббатства переписал более восьмидесяти книг (тогда еще не было книгопечатания). Пятьдесят восемь были переписаны попечением одного аббата из Гластонбери, и монахи в целом так ревностно относились к этой работе, что часто получали земли и церкви, выделенные для ее проведения. Во всех больших аббатствах также были назначены люди, которые должны были записывать

основные события в королевстве и в конце каждого года собирать их в летопись. В этих записях они особенно тщательно хранили память о своих основателях и благодетелях, годы и дни их рождения и смерти, их браки, детей и наследников, так что иногда к ним прибегали для доказательства возраста и генеалогии людей, хотя следует опасаться, что некоторые из этих родословных были составлены только на основе традиции, и что в большинстве случаев они были благосклонны к своим друзьям и суровы к своим врагам. Конституции духовенства на национальных и провинциальных синодах и (после Завоевания) даже акты парламента были отправлены в аббатство для записи, что заставляет меня упомянуть об использовании и преимуществах этих религиозных домов.

Во-первых, в них хранились самые лучшие записи и сокровища королевства. Образец Хартии вольностей, дарованной королем Генрихом Первым, был отправлен на хранение в аббатство в каждом графстве. Хартии и инквизиции, относящиеся к графству Корнуолл, хранились в приорстве Бодмина; множество свитков хранилось в аббатстве Лестера и приорстве Кенилворта, пока их не забрал оттуда король Генрих Третий. Король Эдуард Первый отправил религиозные дома искать его титул на королевство Шотландия в их лейгерах и хрониках, как наиболее достоверных записях, подтверждающих его право на эту корону. Когда его суверенитет был признан в Шотландии, он отправил письма с просьбой внести его в хроники аббатства Уинчкомб и приорства Норвич, а также, вероятно, и во многие другие подобные места. А когда он решал спор о шотландской короне между Робертом Брюсом и Джоном Балиолом, он написал декану и капитулу лондонского собора Святого Павла, требуя, чтобы они внесли в свои хроники присланные им образцы этого решения. Ученый мистер Селден получил самые убедительные доказательства владычества над узкими морями, принадлежащими королю Великобритании, из монастырских записей. Вещественные доказательства и деньги частных семей часто отправлялись в эти дома на хранение. Печати знатных особ передавались туда после их смерти, и даже деньги короля иногда хранились в них.

Нэш дель.

ВИД НА СЕВЕРНУЮ ЧАСТЬ ОРАТОРИЯ ДРЕВНЕГО ПОСТОЯЛОГО ДВОРА, РАСПОЛОЖЕННОГО НА ТУУЛИ-СТРИТ, САУТВАРК, И РАНЕЕ ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО НАСТОЯТЕЛЯМ ЛЬЮСА В САССЕКСЕ

Londina Illustrata, vol. i.

Во-вторых, это были школы обучения и воспитания; ведь в каждом монастыре для этой цели назначался один или несколько человек, и все соседи, которые желали этого, могли обучать своих детей грамматике и церковной музыке без каких-либо затрат с их стороны. В женских монастырях молодых женщин также учили работать и читать по-английски, а иногда и по-латыни. Таким образом, в этих местах получали образование не только люди низшего сословия, которые не могли платить за обучение, но и большинство дочерей дворян и джентльменов.

В-третьих, все монастыри были, по сути, большими больницами, и большинство из них были обязаны ежедневно оказывать помощь многим беднякам. Кроме того, они были домами развлечений почти для всех путешественников. Даже дворяне и джентри, находясь в пути, останавливались в одном религиозном доме и обедали в другом, а в трактиры ходили редко или вообще не ходили. Короче говоря, их гостеприимство было таково, что в Приорате Норвича ежегодно расходовалось 1500 четвертей солода и более 800 четвертей пшеницы, а также все остальное в пропорции.

В-четвертых, дворяне и джентри обеспечивали не только своих старых слуг в этих домах [корродами](#)²⁰, но и своих младших детей и обедневших друзей, делая их сначала монахами и монахинями, а со временем настоятелями и настоятельницами, аббатами и аббатисами.

В-пятых, они приносили значительную пользу короне. (1) За счет прибыли, получаемой после смерти одного аббата или до избрания или, скорее, утверждения другого. (2) За счет больших штрафов, выплачиваемых за подтверждение их свобод. (3) Многими пожалованиями старым слугам короны и пенсиями королевским клеркам и капелланам, пока они не получают преференции.

В-шестых, они также приносили значительную пользу тем местам, где располагались их участки и поместья. (1) Привлекая к ним большое количество туристов, они получали для них гранты на проведение ярмарок и рынков. (2) Освобождая их от лесных законов. (3) Сдавая их земли в аренду по льготным ставкам.

Наконец, они были большим украшением страны, многие из них были действительно благородными зданиями, и хотя на самом деле они не были столь величественными и аккуратными, но, возможно, вызывали в свое время такое же восхищение, как сейчас больницы Челси и Гринвича. Многие из церквей аббатств были равны, если не превосходили, наши нынешние соборы, и они, должно быть, были таким же украшением страны, и на их строительство и поддержание в рабочем состоянии уходило столько же рабочих, сколько сейчас [1744] уходит на дворянские и джентльменские резиденции".

В качестве сомнительного преимущества можно отметить, что дворяне и джентри обеспечивали своих старых слуг кордонами и имели дополнительные привилегии, делая своих "младших детей и обедневших друзей" монахами и монахинями, аббатами и аббатисами. Но Таннер принадлежал к тому времени, когда все еще твердо верили, что все хорошее и достойное принадлежит джентльменам, так что, если монашеский дом приносил пользу им, он обязательно должен был приносить пользу и стране. В других отношениях также нельзя полностью согласиться с ученым писателем. Если, например, монастырские дома содержали школы, открытые для всех желающих, то какая была необходимость основывать новые школы в Лондоне в XV веке? Нельзя также считать доказанным, что дети бедных родителей принимались в школу аббатства или женского монастыря. Пусть, однако, эта просьба в защиту религии останется в силе. Достаточно, и даже слишком много, можно сказать и с другой стороны.

"Что касается размеров церковной собственности, - замечает Милман (стр. 201), - то в Лондоне и соседних графствах Мидлсекс, Суррей, Эссекс церковные земли должны были быть огромными. Вряд ли в Мидлсексе найдется приход, который не принадлежал бы, разумеется, на правах собственности, епископу Лондона, декану и капитулу собора Святого Павла, аббатам и монахам Вестминстера и другим религиозным домам; картузианцам, Сент-Джон Клеркенвелл (госпитальерам), Сиону и многим более мелким фондам. Глава собора Святого Павла широким поясом опоясывал север Лондона, пока не встретился с Вестминстерской церковью в Хэмпстеде и Паддингтоне. Аббат Вестминстерский был почти принцем Вестминстерским".

И снова цитата из того же писателя: "Богатство духовенства, богатство церкви, богатство церкви.

"Богатство духовенства, земельные владения, даже с десятиной, далеко не все: и, подвергаясь агрессии, обветшанию, отчуждению путем мошенничества или насилия, ограничиваясь в своей продуктивности использованием, обременениями, щедростью, недобросовестным управлением, можно усомниться в том, что это была

самая большая часть. Огромные сокровища, накопленные авиньонскими понтификами, когда папские территории были заняты врагами или авантюристами и могли приносить лишь скудные доходы, свидетельствуют о добровольной или принудительной дани, которую западное христианство платило своему Верховному суду. Если епископы в основном зависели от своих пожертвований, то к духовенству, к монастырским домам пожертвования (во многих случаях теперь уже из свободных даров, превратившихся в законные требования) поступали, и уже давно, с неисчислимым изобилием. Не только к алтарям, но и почти ни к одной части церкви нельзя было подойти без подношения. Вся жизнь, вся смерть каждого христианина была связана с церковным церемониалом: почти за каждую должность с богатых и щедрых брали еще большее пожертвование, с более бедных и скупых взимали непосильную плату. Прежде всего, это были мессы, которые могли облегчить страдания души в чистилище: блудный дар умирающего из эгоистической любви к себе, более щедрый и не менее блудный дар умершего из святого милосердия к другим. Умиравший, от короля до крестьянина, когда ему уже не оставалось никакого применения своим мирским богатствам, посвящал их этой цели: живой, из глубокого уважения или глубокой привязанности к любимому мужу, родителю, брату, родственнику, другу, был, и на самом деле был не менее щедрым и щедрым. Ко всему этому следует добавить пожертвования у крестов Искупителя или у святынь популярных или знаменитых святых за их заступнические молитвы об отвращении надвигающейся беды, об утлении печали или о даровании успеха замыслам, может быть, честолюбия, алчности или любой другой страсти, о получении прощения за грех, о ниспослании благословения: кресты и святыни, многие из которых, как предполагалось, были наделены чудодейственной силой, постоянно творили чудеса. К большинству из них совершались вечные процессии, возглавляемые духовенством в богатых одеяниях. От золотых тазов или ярких флоринов короля до лепты нищего - все попадало в глубокий ненасытный ящик, который открывал свои сокровища духовенству. Кроме всех этих поместий, десятин, пожертвований, завещанных духовенству и монастырям, считайте также субсидии натурой мендикантам в их четырех орденах - доминиканцев, францисканцев, августинцев, кармелитов. В каждой стране латинского христианства из этих стай монахов самые низшие получали средства к существованию: высшие - средства для строительства и содержания великолепных церквей, монастырей, домов. Они представляли собой огромную постоянную армию, гораздо более многочисленную, чем та, которую содержало любое королевство в христианстве: они одновременно взимали субсидии в огромных размерах и жили в свободных кварталах по всей земле".

Любое исследование условий монашеской жизни приводит читателя во множество странных и неожиданных мест. Поначалу, вероятно, он испытывает нетерпение по поводу тщетности жизни, утраты прежних идеалов, поклонения Правилам, которые нарушаются и игнорируются на каждом шагу, контраста между исповеданием святости и жизнью в праздности. Вскоре он начинает понимать, что в худшем случае монастырь всегда представлял собой некий пример, хотя бы в своей свободе от насилия и в дисциплине, возможно, нестрогой, но гораздо более суровой, чем можно было найти за его пределами. И далее он отмечает, как много было сделано монастырем и как много от него ожидалось. Я не думаю, что повальная благотворительность, предписанная братьям и всегда ими практикуемая, способствовала подавлению распутства и отталкивала бродяг и бесхозяйственных людей. Тем не менее всегда есть насущная нужда голодающих, больных и страждущих, которую следует удовлетворять без слишком ревностных расспросов о записях

и предшественниках. Нам не нужно спрашивать, какой вклад в литературу и образование Средневековья внес тот или иной монастырь: достаточно знать, что здесь была библиотека и что монахи устроили в своих обителях читальни для тех, кто хотел учиться. Пример был налицо. Нам не нужно спрашивать, насколько городские или деревенские жители принимались в монастырскую школу, или она использовалась только для детей знатных родителей, доверенных аббату для обучения. Школа существовала, она была примером. Нам нет нужды слишком пристально вглядываться в личную жизнь религиозных людей, хотя я думаю, что, как правило, они были настолько безупречны, насколько можно было ожидать, учитывая время и нравы: пример был налицо: правило целомудрия, воздержания, послушания и презрения к богатству.

И опять же, читатель не сможет не понять, с каким рвением, с каким жалким рвением люди бежали за каждым новым религиозным порядком, который появлялся. Один за другим они становились реформаторами: вводили более строгую дисциплину, более жестокие аскезы. Один за другим они отпадали; первозданный пыл остывал; новый орден следовал в том же русле, что и старый; братья сохраняли букву и отбрасывали дух. Больше всего жалко то уважение, восхищение, благоговение, с которым люди относились к францисканцам в их первом великолепном самоотверженном подвиге. Они видели людей, для которых ничто не было нечистым, ничто не было ниже их заботы: ни преступник, ни несчастная женщина, слишком низкая для них, ни болезнь, слишком отвратительная, ни лачуга или нора, слишком грязная, чтобы носители утешения и помощи могли приблизиться к ним. Что может быть слишком хорошим, слишком дорогим, слишком ценным для таких людей? Они не принимали никаких подаваний. Они жили на ломаном мясе благотворительности. Тогда пусть их церковь будет украшена; пусть колонны несут крышу над часовнями и алтарями, горящими золотом и огнями; пусть их священные сосуды будут из золота - ничто меньшее не годится; пусть облачения будут из ткани золота и серебра. И так до тех пор, пока не возникло страшное подозрение, что Серые монахи уже не так святы и не так преданны, как прежде. Они жили на своей репутации сто лет и более; и еще сто лет они медленно разлагались, пока для бедных францисканцев не нашлось ни одного слишком горького упрека, ни одной слишком яростной инвективы.

И снова о том, как использовались их дома. Они были святилищами, больницами, местами воспитания сыновей знати, местами обучения молодых церковников: великие дамы, которых было неpolitично наказывать тюремным заключением, отправлялись в монашеский дом, где им было позволено все, кроме свободы покинуть его. Так, королева Катарина Валуа после раскрытия ее тайного брака была отправлена в Бермондсийское аббатство до самой смерти: Королева Елизавета Вудвилл, которая, несомненно, должна была доказать все страдания, связанные с короной, также была отправлена в Бермондси. Дама Бэдлсмир после казни мужа была отправлена в лондонскую общину. Затем мы видим, что королевские клерки ожидали пенсии для одного из своих тел всякий раз, когда избирался новый аббат или приор; и мы видим, что король отправлял своих старых и неспособных слуг в монастырские дома на содержание до конца их жизни. От тех, кто исповедовал многое, ожидали большего.

Одним словом, все, что мы находим в этих отрывках монастырской жизни, - это то, что все это так по-человечески, так сильно по-человечески. Разве мы ожидали чего-то другого? Да, Правило требует жизни сверхчеловеческой: поэтому Правило разрушается. Его слабость в том, что люди не могут выдержать его; но они дали обеты; они не могут освободиться от Правила; но они могут ввести облегчения и паллиативы - в каждом монашеском доме была *Misericordia*, где давались индульгенции.

Итак, мы начинаем с предрассудков и презрения, а заканчиваем сочувствием и жалостью. По прошествии стольких лет мы уже не чувствуем, хотя и можем понять, то отчаяние, с которым воспринимали злоупотребления монашеской системы: накопление огромных поместий в руках множества людей, которые не трудились и не пряли: которые исповедовали строгое Правило и вели роскошную жизнь; которые презирали богатство, но наслаждались всем, что оно могло дать; которые делали вид, что не обращают внимания на происхождение, но принимали в свои ряды только людей благородных кровей: у которых разница между профессией и практикой была чудовищной и скандальной.

Я уже говорил, что когда Правило было слишком трудным для людей, чтобы ему подчиняться, они придумывали для себя облегчения.

Было, по крайней мере, одно Правило, где, насколько можно узнать, не практиковались никакие послабления; в этом Правиле люди должны были подчиниться или быть сломленными в попытке. Это было правило карфузианцев. Оно было настолько строгим, что казалось почти невозможным для соблюдения; но его соблюдали, более того, его любили: Сэр Томас Мор некоторое время жил с братьями и практиковал все их аскезы; он хотел бы и дальше жить с ними; он не желал ничего лучшего, чем жить и умереть в соответствии с Правилем, подавляющим все естественные желания, но братья не приняли его: они отправили его в мир, чтобы он совершал более благородную работу среди людей своего века и грядущих поколений.

ГЛАВА II

ST. MARTINUS-LE-GRAND

Этот фонд, в силу своей древности и религиозных целей, должен был бы быть почитаемым, но он стал, в силу своих претензий, привилегий и положения, учреждением ненавистным и отвратительным, задолго до того, как монашеские дома впали в уныние. Он возник, несомненно, до Завоевания, но как давно это произошло, установить невозможно. Традиция считает основателем Уитреда, короля Кента, в седьмом веке. Нам не нужно беспокоиться о причинах, которые делают эту традицию невозможной. Безопасная почва для этого - 1056 год, когда собор Святого Мартина был либо основан, либо наделен двумя братьями Ингельриком и Жирардом [Эдуардом] деканом и светскими канониками. В 1068 году Уильям выдал колледжу хартию:.

"Я, Вильгельм, и т.д., дарую и своей королевской властью навечно подтверждаю и утверждаю Богу и церкви благословенного Мартина, расположенной в стенах Лондона, которую вышеупомянутые Ингельрик и Жирар, его брат, из своих собственных доходов и в искупление своих проступков, с честью построили во славу Божью, и чтобы канонические правила в ней соблюдались и соблюдались навечно. Вот названия земель: Эстре в Эссексе, с Беревиком Мейссебери и Нортонем, и Стэнфордом, и Фоббингом, и Бенедиктом, и Кристехалом, и Толесфунтом, и Ровенхалом, и Ангре, вместе с их пристройками, лугами, пастбищами, лесами, мельницами и всем, что к ним относится; и в Бенефлеоте один участок, и в Ходдесдоне один участок, также церковь Меалдона с двумя участками земли, и десятины и все, что к ней относится. Кроме того, со своей стороны я отдаю и

предоставляю упомянутой церкви, во искупление душ моих отца и матери, всю землю и болото за портиком, который называется Крипелесгейт, по обе стороны от портика, то есть от северного угла городской стены, где протекает речушка из родников, недалеко от нее, отделяя ее (*то есть* болото) от стены, вплоть до проточной воды, которая входит в город. Я дарую ему, кроме всех церквей и всех десятин, земли и дома, которые верные во Христе уже даровали ему в Лондоне и за его пределами или даруют в будущем.....

Эта хартия была возобновлена или подтверждена Генрихом Первым и Стефаном.

Среди различных исторических моментов, связанных с собором Святого Мартина, можно выделить следующие наиболее важные.

Генрих Второй предоставил каноникам свободный суд над всеми их людьми и арендаторами: они могли быть привлечены к участию в нем только перед королем и главным судьей.

Гильдия грузчиков стала связана с церковью Святого Мартина - факт, свидетельствующий о том, что колледж не рассматривался как убежище для преступников.

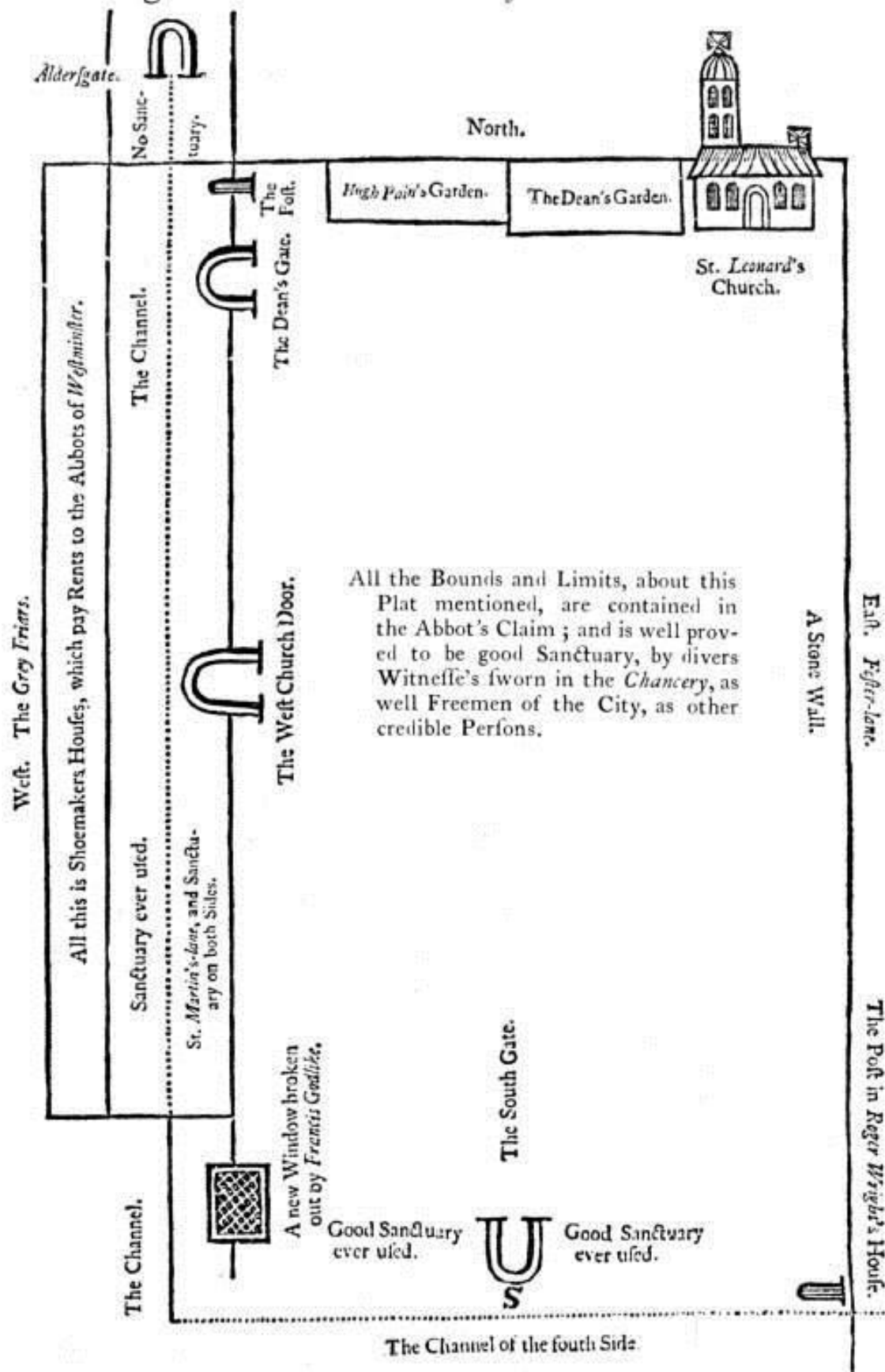
В 1235 году Генрих Третий поддержал суд каноников против города.

Возведение приходской церкви Святого Леонарда на границах участка в 1236 году указывает на то, что церковь Святого Мартина была ограничена колледжем или святилищем. Но есть и другие случаи, *например*, церковь Святой Екатерины Кри, когда приходская церковь для удобства была построена за пределами монастырского участка.

Здания церкви Святого Мартина были улучшены и перестроены ее деканом, Уильямом де Уайкемом, около 1367 года.

Папа Иннокентий Третий освободил королевские часовни от отлучения или интердикта.

Aldersgate Ward. The Plat of St. Martin's le Grand.

СВЯТИЛИЩЕ СВ. МАРТИНС-ЛЕ-ГРАНД

Из книги Strype's Stow, издание 1754 года.

Эдуард Первый запретил кардиналам, присланным из Рима, получать прокурации в церкви Святого Мартина.

В 14 г. Эдуард II *запретил* кардиналам, присланным из Рима, получать прокурации в соборе Св. Мартина. В 14 г. Эдуард II отказался от претензий на получение пошлыны в Тауэре.

В 14 Эдв. II. Колледж Святого Мартина был освобожден от десятых, пятнадцатых, таллагов, пособий и всех взносов или квот короля.

Собор Святого Мартина был самым большим, самым безопасным и самым защищенным из всех английских святынь. Значение и развитие теории святыни уже рассматривались (с. 201). Сначала оно означало не более чем временное убежище, где преступники могли найти приют, пока они искали средства искупить свое преступление, заплатив штраф, предусмотренный саксонским законом. Каждый монастырский дом, каждая церковь, королевский дворец - все это были убежища. Но святыня в стенах города, которое не было местом временного убежища, не было местом, например, церковью, где беглеца можно было голодом заставить сдаться, а местом, где любой преступник мог найти убежище и безопасное укрытие на всю жизнь, местом, которое практически бросало вызов руке закона и руке правосудия, должно было стать невыносимым бременем для законопослушного города. Так и случилось с собором Святого Мартина. Снова и снова лондонский Сити тщетно бунтовал против его власти; снова и снова в суды подавались тщетные иски против декана и капитула.

Территория участка почти полностью занята нынешними почтовым и телеграфным отделениями Сент-Мартинс-ле-Гранд.

Примерно в 1285 году было решено закрыть переулок, ведущий от Сент-Ведаста, Фостер-лейн, к Сент-Николас-Шамблз через участок Святого Мартина, поскольку он стал безопасным прибежищем воров и мошенников.

В 1381 году, во время восстания Уота Тайлера, Роджер Легат, "квестодатель" или коллекционер, был сорван с высокого алтаря собора Святого Мартина и обезглавлен в Чипсайде.

В 1405 году горожане подали прошение Генриху Четвертому об отмене привилегий святого Мартина на том основании, что в нем укрываются убийцы, воры и мошенники-должники. Однако невозможно было надеяться, что Генрих, который был обязан своей короной в значительной степени поддержке церкви, сможет сделать что-либо, противоречащее церковным привилегиям. Возможно, удивительно, что не был предложен такой простой план, как перемещение Коллегии телесно в какое-нибудь загородное место или, по крайней мере, за стены Сити.

В 1416 году некий Генри Кнев, принявший убежище, по какой-то причине сбежал, оставив после себя множество украденных им ценностей. Они были конфискованы офицерами деканата в качестве вайфа. Можно было бы предположить, что они будут возвращены владельцам.

Мы уже видели (с. 205) случай 1422 года, когда город боролся всеми своими силами и с помощью своих самых ученых людей.

В 1430 году мэр и шерифы силой вывели из святилища некоего каноника. Однако они были вынуждены восстановить его.

Некий Мэтью Филипп, олдермен Олдерсгейтского прихода, отрицал право переулка Святого Мартина, проходящего через приход, быть привилегированным и требовал определенных платежей в счет налогов или тальяжа, которые должны были быть уплачены там. Получив отказ, он прибег к принудительному взысканию. Тот тоже был вынужден уступить и в качестве примирения предложил декану поужинать.

Не следует думать, что святоши жили в Сент-Мартине просто так. Напротив, большие расходы на проживание в пректе приносили каноникам немалую прибыль и, несомненно, были одной из причин, по которой место было сохранено. Многие из беженцев, пользуясь иммунитетом этого места, изготавливали поддельные ювелирные изделия. Отсюда и выражение "фальшивые бусы Святого Мартина". Примечательно, что в 1447 году компания ювелиров с разрешения декана, хотя и вопреки привилегиям заведения, обыскала участок и забрала все подделки, которые смогла найти, а декан отправил нарушителей в тюрьму колледжа.

Во время Войны Роз Сент-Мартинс служил убежищем и приютом для многих знатных особ. Среди них был и Уильям Олдехолл, камергер герцога Йоркского. Генрих потребовал его выдачи, но отозвал свой приказ. Вскоре после этого Олдехолл был обвинен в нарушении святыни с целью совершения убийства. Олдермен из Олдерсгейта ворвался в собор Святого Мартина и унес его с собой, но, как и в других случаях, был вынужден вернуть его с дарами искупления каноникам.

В 1455 году город был сильно взбудоражен беззакониями святош. Мэр и олдермены во главе горожан ворвались в святилище и вывели зачинщиков. Декан подал жалобу, но это было время начала Гражданских войн, и его жалоба, похоже, осталась без внимания.

В следующем году люди из святилища вместе с горожанами напали на пришельцев. Но, по сути, этот факт не доказывает ничего, кроме готовности беззаконников совершать беззакония.

В 1457 году были составлены следующие статьи для реформирования святилища, несомненно, в ответ на жалобы горожан

Декан должен был присягнуть на соблюдение указанных статей:

- (1) Беженцы должны сообщать о причинах, побудивших их принять убежище, и это должно быть зарегистрировано в книге с указанием имени беженца.
- (2) Беженцы должны сдавать оружие и доспехи, кроме бессмысленного ножа для мяса.
- (3) Отъявленный вор, попавший в убежище, должен дать хорошую гарантию на время пребывания в нем и на три месяца после; если такой гарантии нет, он должен быть помещен под стражу в убежище, но может покинуть убежище, если пожелает.
- (4) Внешние ворота и постеры святилища должны быть закрыты с 9 вечера до 6 утра, от Всех Святых до Рождества Христова, а в остальное время года - с 9 вечера до 4 утра, или до начала первой мессы. Беженцы, осужденные за преступление или измену, должны оставаться в убежище всю ночь.
- (5) Беглецы должны быть лишены украденных вещей, которые они могут принести в святилище, и они должны быть возвращены владельцам, если это возможно. Никто

не должен покупать такие товары в святилище, но если покупка будет доказана, покупатель должен возместить ущерб владельцу.

(6) Любой человек, покидающий святилище с целью совершения преступления, должен быть помещен под стражу в святилище, и если он желает покинуть святилище, то должен сделать это в определенный час в дневное время.

(7) Лица, виновные в некоторых преступлениях, таких как взлом замков, подделка печатей, доказательств, изготовление поддельных золотых и серебряных изделий, не должны находиться в святилище. Лица, подозреваемые в этом, должны быть помещены в палату до тех пор, пока они не найдут достаточную безопасность.

(8) Порочные люди не должны "подозреваться" в святилище. Если таковые там окажутся, их следует ставить в дневное время под открытым небом, пока стыд не заставит их уйти или они не исправят свои злые пути.

(9) Чтобы в святилище не играли в обманные игры.

(10) Парикмахеры и ремесленники должны соблюдать воскресные дни, как это делают жители Лондона; если они нарушат это постановление, то должны быть посажены в палату. Они должны использовать свои ремесла в соответствии с постановлениями того же города.

(11) Каждый человек, принимающий святилище, должен поклясться на книге, что будет подчиняться этим постановлениям.

Среди тех, кто принимал прибежище в соборе Святого Мартина во время Гражданских войн, были графиня Оксфордская, Анна Невилл, впоследствии королева Ричарда, и Майлз Форрест, один из убийц юных принцев в Тауэре. По преданию, он "сгнил по частям" - возможно, он был одной из поздних жертв проказы, которая в то время быстро исчезала.

В 1498 году Генрих Седьмой одарил Вестминстерское аббатство и свою женскую капеллу в Сент-Мартинс-ле-Гранд, так что аббат стал деканом колледжа. Была изготовлена новая печать. Также был создан новый, более мощный защитник святыни. Только в 1548 году, когда все канцелярии, свободные часовни и братства были переданы королю, Коллегия была распущена, а церковь снесена. Но и тогда привилегии святилища сохранились, хотя и в сильно измененном виде.

Церковь, как показали раскопки 1818 года, была более 200 футов в длину. После того как ее снесли, на ее месте были возведены дома, названные Новыми рентами. На месте главного алтаря находилась винная таверна.

Во времена правления Елизаветы большинство жителей были иностранцами - французами, немцами, голландцами и шотландцами. Благодаря свободе участка они могли торговать, не будучи свободными в городе: среди них были сапожники, портные, маслоделы, золотых дел мастера, кошельки, канцеляристы, шелкоткачи и шелкоотливщики. В 1593 году число иностранцев в соборе Святого Мартина составляло 196 человек.

В 1697 году все оставшиеся привилегии святилища были отменены.

Акт 1815 года, предусматривающий место для нового почтового отделения, сохранил за жителями право торговать, не будучи свободными горожанами; суд Святого Мартина остался ненарушенным, а жители получили право голосовать на парламентских выборах как выборщики Вестминстера.

Существует огромное количество материалов, связанных с этим древним домом, но вышеизложенное, кажется, отражает все самое важное. Можно добавить, что колледж владел значительной собственностью за пределами Олдерсгейта; что церковь Святого Ботольфа была объединена с церковью Святого Мартина в 1399 году и, похоже, перешла в собственность Приората Святого Варфоломея. Французская протестантская церковь, которая сейчас находится на площади Сохо, располагалась в церкви Святого Мартина с 1841 по 1877 год.

Церковь Святого Мартина была одной из церквей, где каждую ночь звонили в комендантский колокол, а также в церкви Святой Марии-ле-Боу, Святого Лаврентия, Святого Джайлса Крипплгейта и Всех святых Баркинга.

Мнение жителей шестнадцатого века о святилище изложено Стоу. Он, надо заметить, смог вспомнить о реальном функционировании святилища, когда собор Святого Мартина еще был живым и действующим фондом.

"Этот Сент-Мартинс, похоже, был убежищем для великих беспорядков и приютом для самых распутных людей: Жуликов и грубиянов, воров, преступников и убийц. Отсюда устремлялись жестокие люди, совершавшие бунты, грабежи и убийства: Сюда они привозили свою добычу и краденое, здесь прятали их и делили или продавали тем, кто здесь жил. Здесь же укрывались пикейщики, поддельватели ключей и печатей, фальшивомонетчики, изготавлившие поддельные цепи, бусы, ушные пластины, медь, позолоченную под золото, а также простолюдины и бездельники, игроки в карты и кости и другие незаконные игры. И, наконец, осквернители воскресений и других праздничных дней, занимающиеся в них своими ремеслами.

И еще, до такой разнузданности дошло это Убежище в те времена, что в царствование Генриха VII один человек, пришедший сюда за Убежищем, был схвачен шерифами и увезен с насилием. Но обратите внимание, что за этим последовало: Аббат Вестминстерский (которому теперь принадлежал этот колледж) в год правления Генриха VII предъявил королю счет против этих шерифов за то, что они арестовали и силой вытащили привилегированного человека из святилища святого Мартина, принадлежащего упомянутому аббатству. Это дело было рассмотрено в суде Звездной палаты перед лордами и другими адвокатами короля, а также Ходи и Ньютоном, главными судьями. Судьи постановили, что по закону партия должна пользоваться привилегией убежища, а шерифы были жестоко оштрафованы". (Stow's Survey, vol. i.)

Как мы видели, после роспуска некоторые из вольностей этого места сохранились. И последнее состояние участка было едва ли не хуже первого.

Из-за свободы, которой пользовались те, кто жил в этих пределах, здесь поселилось много иностранцев, англичан и других, торговцев и ремесленников". В 1585 году было проведено обследование всех чужеземцев, французов, немцев, голландцев и шотландцев, проживающих здесь, и их занятий. Многие из них были кордвейнерами, то есть сапожниками (это ремесло продолжается здесь до сих пор), тайлорами (отсюда тальманы, продававшие лоскуты сукна; и пуговичники, и изготовители пуговичных форм, которые оставались здесь вплоть до великого пожара, о котором я помню). Здесь жили также Незнакомцы, Золотых дел мастера,

Кошельщики, Бельевые драпировщики, некоторые Станционеры, некоторые Торговцы, Ткачи шелка. Здесь также жили два крутильщика шелка, которые, как я полагаю, были первыми крутильщиками шелка в Лондоне и принесли это ремесло в Англию. И чтобы не забыть, я запишу их имена: один из них был Джон Джеймс, родившийся под властью короля Филиппа и ставший денизеном 19 декабря, 10 декабря королевы. Другой - Энтони Эмерик, родившийся также под послушанием короля Филиппа и получивший статус денизена 1 января 17 года королевы Елизаветы. Кроме того, в ходе вышеупомянутого обследования было установлено, что домовладельцев (как денизенцев, так и других), их жен, детей и слуг насчитывается сто пятьдесят человек. Что, однако, было вдвое меньше, чем за несколько лет до того: в 1569 году их было 269. Для этой свободы были назначены констебль и староста. Но здесь требовались различные вещи, в отношении которых те, кто жил вне свободы, находились в лучшем состоянии. Многие из жителей отказывались сторожить и нести службу, когда от них требовалось, как это должны были делать добрые подданные и честные соседи. Они отказывались вносить налоги и платежи, установленные для службы Ее Величеству, вместе с остальными своими соседями. Несколько человек, которых посетила болезнь, не повиновались приказам, изданным на этот счет, то есть не закрывали свои двери и окна и не оставались в своих домах, а выходили на улицу, срывали красный крест, установленный на их дверях, и угрожали бедой всем, кто придет ставить кресты. А некоторые отправлялись ко двору со своими товарами, что было опасно для королевы и знати. В упомянутой вольности не было тюрьмы, куда можно было бы заключать таких беспокойных и обидчиков, кроме Вестминстерской сторожки, которая находилась в другом графстве и за пределами вольности. И вот те, кто был таким образом предан, обычно возбуждали свои дела против тех, кто их совершал, и доставляли им большие неприятности.

Поэтому в 1593 году служащие и жители обратились к лорду-казначею с просьбой предоставить им такие хорошие постановления для устранения упомянутых беспорядков и достаточные полномочия для их исполнения, для хорошего управления упомянутой свободой и мирного общения людей, какие, по благоразумию его светлости, будут сочтены необходимыми. И чтобы у них была тюрьма и исполнение правосудия в пределах их свободы. И что он пошлет свои письма констеблю и Хедборо, чтобы они нашли удобное место для этой цели и оценили всех жителей вольности для оплаты этого. Лорд-казначей рекомендовал этот вопрос сержанту Оуэну и мистеру Льюису, юристам, которые вынесли решение, что по всем делам, связанным с обслуживанием королевы, жители должны выполнять то же самое. Но по другим делам они должны составить между собой некоторые законы и приказы, чтобы обязать себя к исполнению". (Мейтланд.)

ГЛАВА III

ПРИОРСТВО СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ИЛИ ПРИОРСТВО ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ

Этот некогда богатый и процветающий дом был основан в 1108 году Мод, женой Генриха Первого, благодаря, как говорят, убеждению Ансельма, если благочестивая королева вообще нуждалась в убеждении.

"Эта церковь была отдана Норману, первому канонику во всей Англии. Этой же церкви и тем, кто в ней служит Богу, королева отдала участок Олдгейта и прилегающий к нему участок со всеми обычаями, так свободно, как она владела им, и двадцать пять фунтов бланков, которые она имела от города Экстер, как явствует из ее акта, где она называет дом церковью Христа и сообщает, что Олдгейт - ее владение, которое она дарует, с двумя частями ренты города Экстер. В 1108 году от Рождества Христова Норман стал настоятелем церкви Христа в приходах святой Марии Магдалины, святого Михаила, святой Катерины и Пресвятой Троицы, которые теперь составляют один приход Святой Троицы, а в прежние времена были приходами Святого Креста или Святого Руда. Приорат был построен на участке земли в приходе Святой Катерины в сторону Олдгейта, который лежит в длину между Королевской улицей, по которой люди идут в сторону Олдгейта, рядом с часовней Святого Михаила в северном направлении, и содержит в длину восемьдесят три элла, половину, четверть и полчетверть королевского железного вяза, и лежит в ширину, и т.д. Сок и приход Олдгейта были тогда ограничены, как я уже показывал. Королева также способствовала тому, чтобы земля и английская рыцарская гильдия были отданы настоятелю Норманну: почтенный человек, Геффри де Глinton, был большим помощником в этом и добился, чтобы каноники огородили дорогу между их церковью и городской стеной, и т. д. Со временем этот приор стал очень честной и большой церковью, богатой землями и украшениями, и обошел все приорства в городе Лондоне или графстве Мидлсекс; настоятель этого приорства был олддерменом Лондона, а именно, прихода Портсокен.

Я читал, что Евстафий, восьмой приор, около 1264 года, поскольку он не хотел заниматься мирскими делами, назначил Теобальда Фиц Ивона, олддермена Портсокенского прихода, под его началом, и что Уильям Райзинг, приор церкви Христа, был приведен к присяге олддерменом упомянутого Портсокенского прихода в 1-е время правления Ричарда II. Эти приоры сидели и ездили среди олддерменов Лондона, в ливреях, подобных их, за исключением того, что его привычка была в форме духовного лица, как я сам видел в детстве; в то время приор держал самый щедрый дом мяса и питья, как для богатых, так и для бедных, как внутри дома, так и у ворот, для всех желающих, в соответствии с их состояниями." (Stow's Survey, vol. i.)

То, что много лет спустя произошло с францисканцами, случилось и с этими братьями Августинского ордена. Их благочестие, аскетизм, бесконечные молитвы и славословия, которые возносились из их часовни, глубоко трогали сердца людей. Вначале пожертвования составляли 25 фунтов стерлингов в год, что эквивалентно примерно 750 фунтам стерлингов в год на наши деньги, если можно с уверенностью сказать о сравнительной стоимости денег, вместе с доходами от порта под названием Олдгейт.

В 1125 году произошло весьма необычное событие, значительно увеличившее владения и богатство этого дома. Я имею в виду передачу собственности, находящейся в доверительном управлении Гильдии Книхтен, Приорату Святой Троицы.

Двенадцать лет спустя папа Иммануил Первый своей буллой подтвердил права Дома на все их владения, включая "две части Исса города Эксон, земли Лестуна, которые принц де Мулен и Аделина, его жена, из благочестия пожаловали туда же, земли и сок английской гильдии Книхтен, церковь Бикса с ее рентами и церковь Тоттенхема". Со временем к дому перешло и множество других владений.

Приорат стоял на треугольном участке земли, юго-западную сторону которого составляли Олдгейт и Лиденхолл-стрит, до церкви Святой Екатерины Кри включительно; восточную - Кри-черч-стрит, Кинг-стрит и Дюк-стрит; северную - Лондонская стена. Площадь под названием Сент-Джеймс-Плейс, несомненно, является местом бывшего двора Приората. Церковь, вероятно, стояла на месте церкви Святого Джеймса, которая была построена в 1622 году частично из материалов, принадлежавших старой церкви, так же как на месте церкви Серых монахов была возведена нынешняя церковь Христа. Территория монастыря охватывала почти всю территорию четырех старинных городских приходов: Святой Марии Магдалины, Святого Михаила, Святой Екатерины и Пресвятой Троицы, объединенных в один приход, в котором сначала была монастырская церковь, называвшаяся Святой Троицей или Святым Рудом, а затем приходская церковь. Однако жители церкви Святой Екатерины не могли примириться с потерей своей церкви и в скором времени построили себе другую на церковном дворе Приората. Церковь Святого Михаила оставалась руиной, крипта которой оставалась одним из самых примечательных памятников древнего Лондона вплоть до создания подземной железной дороги в 1865 году. Затем, к большому сожалению, она была разрушена.

Древний, богатый и почтенный Приорат, чьи монахи пользовались репутацией великолепных гостеприимцев, в более поздние годы, похоже, утратил то внимание к святости, которым он пользовался в течение первого века своего существования. Об этом свидетельствует скудный список памятников, принадлежащих церкви Приората, по сравнению с памятниками Серых монахов или доминиканцев. Генри Фиц Эйлвин, первый мэр Лондона, двое детей короля Стефана и Джеффри МанDEVиль (после двадцати лет висения над землей) - вот лишь немногие примечательные имена в списке погребенных в Стоу.

Передо мной тридцать семь тщательно написанных страниц, содержащих выдержки из древних документов и архивов, рассказывающих о четырехсотлетней жизни этого дома. Это история, которую мог бы раз и навсегда рассказать некто Дагдейл и положить на полку Общества антикваров: она содержит историю управления большим поместьем; обычный урожай церковных ссор и споров о правах и претензиях; признание этих прав папой и королем; диспенсации, разрешения, запреты и ограничения.

Например, в 1250 году архиепископ Кентерберийский вынес приговор настоятелю, субприору, сакристану, келарю и прецентору Святой Троицы за отказ принять его в качестве посетителя. Приговор был отменен вышестоящей властью. Но через два года Папа приказал настоятелю принять архиепископа, митрополита, в качестве посетителя. Граждане завещали деньги, чтобы основать некролог или юбилей в пользу их душ; епископ Лондона был посвящен в их церкви; сердце Джона Пекхэма, архиепископа Кентерберийского, было похоронено в их церкви; Приор, после своего избрания, был приведен к присяге в качестве олдермена Портсокена; граждане с известными именами неожиданно появляются на этих страницах; так, Джон Бокуинт, сын Джеффри Бокуинта, и Джулиана, его жена, продали некоторое имущество с пошлинами, принадлежащее Приору; Гилберт Фиц Фулк, один из олдерменов XIII века, отправляясь в Святую землю, завещал в случае своей смерти определенные земли и дома Приорату во благо своей души, а также душ отца и матери; другие горожане пожелали быть похороненными в церкви; король попросил одолжить телегу и лошадей, чтобы перевезти домашнюю утварь в Дувр; При избрании нового приора дом был обязан предоставить бенедикт для одного из королевских клерков - см. "Заметки Таннера о монастырских домах", - другие служащие короля по разным причинам содержались домом - похоже, это было обычной практикой, когда король приглашал этот дом содержать своих старых слуг. В свое время Приорат стал владельцем рынка под названием Квинхит.

Вильгельм Ипрский подарил его Дому. Тогда он назывался Edredes hyde, а дар был обусловлен ежегодной выплатой 20 фунтов стерлингов госпиталю Святой Катерины у Тауэра.

В 1352 году братья обратились за помощью в восстановлении церкви и дома, предложив "послабление" в виде одного года и сорока дней "предписанной епитимьи" любому, кто окажет помощь. Предложение действовало в течение десяти лет. В это время Дом владел собственностью в восьмидесяти восьми лондонских приходах. В эпоху правления Эдуарда Второго упоминаются три грамматические школы, одна из которых - при монастыре Святой Троицы.

В течение двенадцатого и тринадцатого веков дом процветал и значительно пополнил свои владения, так что стал самым богатым из всех лондонских домов. Однако его удача не продолжалась. Его имущество уменьшилось в цене, большая его часть была продана, упадок продолжался; в 1532 году приор и каноники провели капитул, на котором признали, что их Дом не только утонул и пришел в упадок в своих рентах и вознаграждениях, но и полностью сократился и обременен долгами. Поэтому они передали свой дом и оставшиеся земли королю.

Участок со всеми постройками был передан сэру Томасу Одли, впоследствии лорду-канцлеру. Одли предложил огромную церковь в том виде, в котором она стояла, с колокольным звоном соседнему приходу Святой Екатерины, имея в виду, что они должны снести последнюю и построить на этом месте. К несчастью, прихожане побоялись принять предложение, "сомневаясь, - говорит Стоу, - в том, что после колокольного звона они будут жить". Если бы они согласились, то сохранилась бы еще одна прекрасная монастырская церковь, наряду со святой Марией Овери и святым Варфоломеем Великим.

После этого Одли сам снес церковь, затратив на это много средств и труда. После смерти Одли его дочь и наследница Маргарет стала второй женой Томаса Говарда, герцога Норфолка. Герцог был казнен за государственную измену в 1572 году; особняк перешел к его сыну от Маргарет, который продал его в 1592 году мэру и корпорации города.

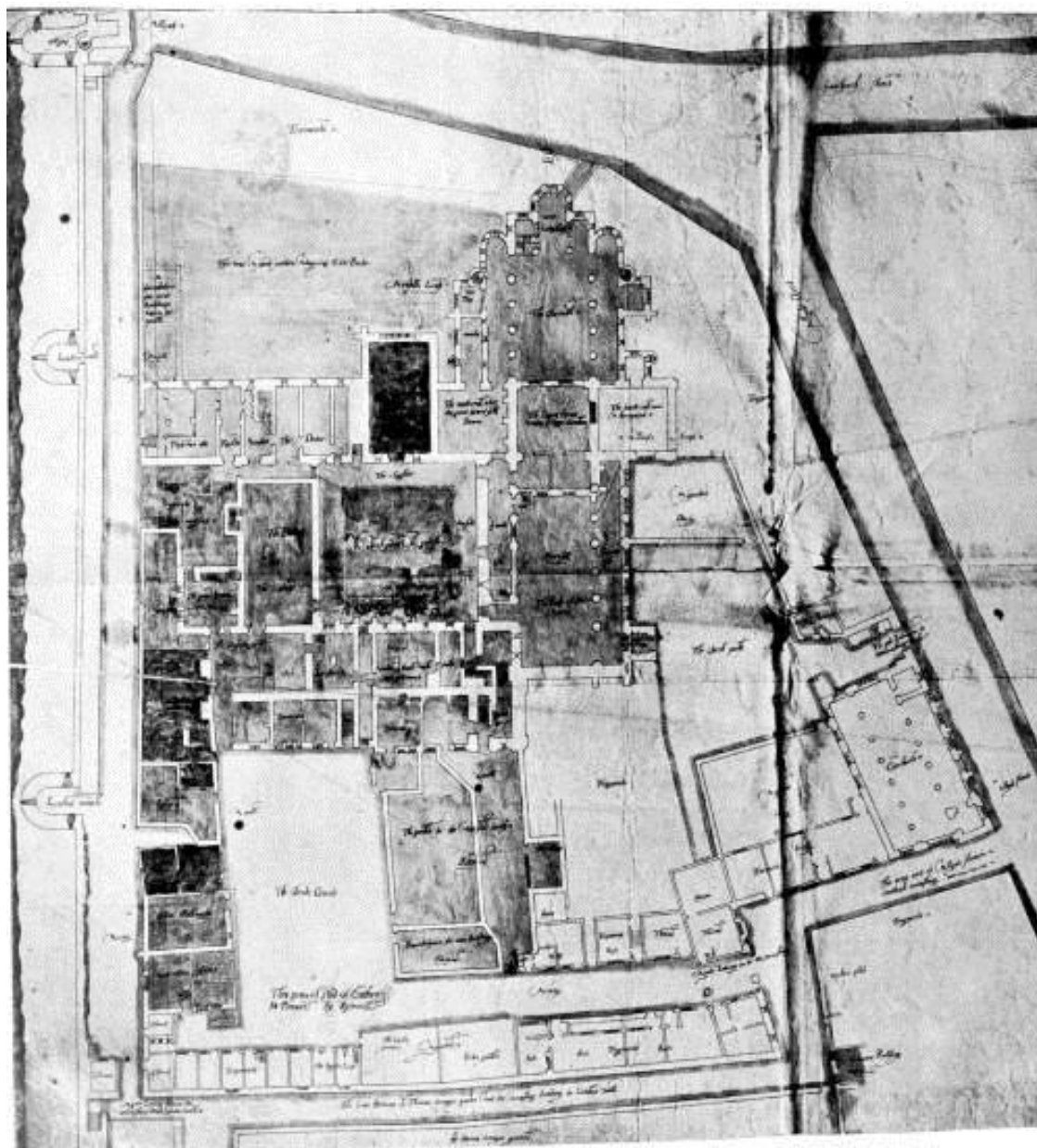
Некоторые остатки зданий сохранились до недавнего времени. Само место, по-видимому, было занято евреями после их возвращения при Оливере Кромвеле. В течение почти двухсот лет это был почти полностью еврейский квартал в Лондоне. Каждый год в праздник Пурим они устраивали своеобразную ярмарку на Дюкс-плейс. Праздник, который приходится на месяц Адар, *то есть* частично на февраль, частично на март, посвящен казни Хамана и избавлению евреев. Ярмарка проводилась без всякого разрешения до начала XIX века, когда она была разрешена на три дня, но обычно продлевалась до шести, а площадь Дьюкс-плейс была отдана под шоу. Это было признано нарушением общественного порядка и через несколько лет прекращено.

В течение многих лет после разрушения церкви Приората у жителей пректа не было своей приходской церкви. Однако в 1622 году была построена церковь Святого Джеймса, ставшая приходской для участка. Церковь приобрела дурную славу из-за нерегулярных браков, которые заключались в ней без табеля или лицензии. В 1874 году приход Сент-Джеймс был объединен с приходом Сент-Катрин-Кри, а прежняя церковь была снесена.

Преक्вест был привилегированным, и, хотя он находился на территории города, лицам, не являющимся его свободными гражданами, разрешалось торговать в его пределах.

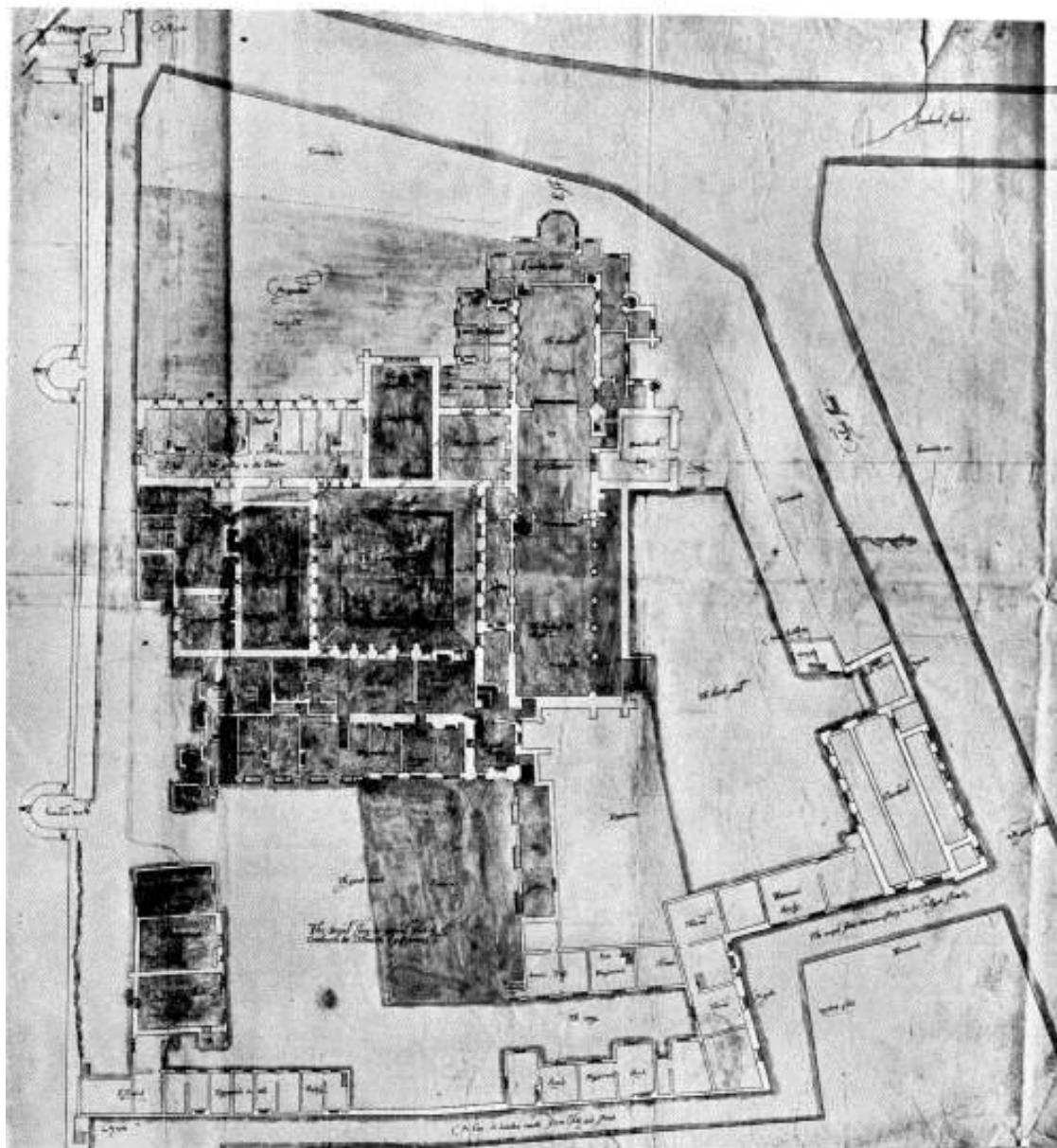
ПРИОРСТВО СВЯТОЙ ТРОИЦЫ И ЦЕРКОВЬ СВ. КАТЕРИНЫ КРИ

Эти планы были составлены землемером по имени Дж. Сайманс во времена правления королевы Елизаветы. Судя по упоминанию сада сэра Томаса Хениджа, они датируются, вероятно, до 1595 года, когда умер сэр Томас, который был хранителем Тауэрских записей. На первом изображен первый этаж существовавших тогда зданий. Первоначально монастырь простирался от улицы, которая сейчас называется Лиденхолл-стрит, на север и восток до старой стены. На планах видны два полукруглых бастиона и третий, образовавший одну башню Олдгейта, а также, среди прочих неизвестных доселе лондонским топографам объектов, церковь каноника и прихожан святой Катерины Кри. Оба эти здания теперь исчезли. Монастырская церковь на плане Сайманса уже была частично удалена лордом-канцлером Одли в пользу "Ивиной палаты". Чарнселл все еще цел и "owre Ladychapell"; но есть упоминание о "северном конце, где большая башня упала вниз" и "южном конце, который теперь заложен". Под "концом" Сайманс подразумевал трансепт. Клойстер и дом главы, одна часть которого помечена как "Это была часовня", тело церкви и южное крыльцо четко обозначены; в то время как из домашних построек мы выделяем сторожку, помеченную как "Путь из Аллгат Стрит в монастырь Кричерч": Дортер, или спальные покои монахов, которые открываются из клуатра; более одного обширного сада; "Большой коровник" и ряд квартир или отдельных небольших владений, сдаваемых различным арендаторам, чьи имена, например, Аунселл, Бейл и Кирвин, встречаются в нескольких местах на планах. На северной стороне "Большого сада, примыкающего к Дортеру" и вплотную примыкающего к городской стене, находится "Фундамент для новых зданий у стены"; похоже, он был сдан в аренду Оунселлу, у которого также есть аренда сада. Северный неф алтаря сдан в "новые владения". На Лиденхолл-стрит время от времени обнаруживаются некоторые реликвии сводов, или "фавлов"; несколько нормандских арок изображены Малкольмом, другие есть в "Pennant's London", 1793, и многих других книгах; но до сих пор не было опубликовано ни одного тюдоровского плана зданий.

ПЛАН ПРИОРЫ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ (первый этаж).

Более крупное изображение доступно [здесь](#).

План Святой Троицы (второй этаж).

Изображение большего размера можно найти [здесь](#).

Эти иллюстрации являются наиболее важными (с археологической точки зрения) из всех, представленных в этой книге. Ни одна из них не была воспроизведена в других местах. Оригиналы хранятся в коллекции маркиза Солсбери в Хэтфилд-Хаусе, и покойный маркиз дал разрешение на их использование. Они были отправлены в Британский музей для сохранности и сфотографированы там. Следует заметить, что на этих планах показано не только расположение всех зданий приорства, церкви, часовни, монастыря, общежития и т. д., но и план Сент-Кэтрин-Кри, положение верхних бастионов Лондонской стены, а также направление переулков и улиц в этих местах. Они служат основой для множества открытий.

Второй план помечен: "Этот план второго этажа или роста Кричерча нарисован Дж. Саймансом". На нем мы видим "Палату плюща", а рядом - южный трансепт, который был сдан в аренду "Дарси". Виден верхний этаж дортера с "галереей дортера", "большой кухней", "кухней для рядовых" и "большой башней", которая стояла в

северо-западном углу нефа, чтобы быть ближе к входу в "тело церкви" у западной двери.

На обоих планах приходская церковь изображена на месте нынешней, на углу Лиденхолл-стрит и Сент-Мэри-Экс. На этой улице есть надпись "Переулок к Лондонской стене от Аллгат Стрит"; а после поворота мимо одних из небольших ворот приорства - "Путь из монастыря в Аллгат Стрит". Церковь занимает угол стены монастыря, имеет неправильную форму и, по-видимому, башню на углу, под которой находится вход на улицу. Судя по частоте оконных проемов, она была выполнена в перпендикулярном стиле. Именно в этом здании было погребено тело художника Ганса Гольбейна, умершего от чумы во время написания картины в доме лорда Одли в ноябре 1543 года. В 1624 году эта церковь была разрушена. Двумя годами ранее прихожане, жившие ближе к Олдгейту, построили себе церковь Сент-Джеймс, Дюкс-плейс, которая стояла очень близко, если не точно на месте женской часовни конвентуальной церкви. Она также пришла в негодность и была снесена в 1874 году, а приход объединили с церковью Святой Катерины, которая тем временем, а именно в 1631 году, была перестроена архиепископом Лаудом и занимает место, указанное Саймансом, вместе с узким приделом, взятым из "церковного двора", с северной стороны. Возможно, его можно определить по узкому проходу, показанному на плане земли вдоль стены церкви, и до сих пор предполагалось, что он был частью клуатра. Церкви, подобные этой, для прихожан, есть во многих других монастырях - например, в монастыре Святого Альбана и Вестминстерском аббатстве.

ГЛАВА IV

ДОМ ХАРТИИ

На карте Лондона Агаса "Civitas Londinum", около 1560 года (см. "Конец Лондона времен Тюдоров"), к западу от Олдерсгейт-стрит изображена неправильная площадь или место под названием Charter House Square: в центре ее стоит небольшая церковь, а с северной стороны - монастырские здания; к северу от них - сады и огороды; в одном из них - небольшое здание, которое может быть предназначено для церкви, обнесенное стеной. Некоторые из этих монастырских зданий, с более поздними дополнениями и перестройками, сохранились до наших дней; площадь осталась, но фруктовые сады и огороды застроены, за исключением участка, когда-то огороженного монастырем, который сейчас является игровой площадкой школы купцов Тейлоров. До середины XIV века это место было частью "Ничейной земли", болотистой равнины, покрытой, как Смитфилд и Мурфилд, прудами, тростником и камышом. В 1349 году пришла Черная смерть, а поскольку городские церковные дворы стали настолько переполнены, что не вмещали больше людей, епископ Лондона купил участок этой земли, который он огородил для места захоронения, построив часовню, "которая теперь, - говорит Стоу, - расширена и превращена в жилой дом", и это место стало называться Пардон Черчиард. Впоследствии оно использовалось как место погребения самоубийц, преступников и людей, умерших насильственной смертью. Тело клали в повозку, завешенную черной тканью, принадлежащую госпиталю Святого Иоанна; на черной ткани был белый крест Святого Иоанна; внутри повозки висел колокол, который звонил при тряске катафалка - печальный звук и печальное зрелище.

В 1350 или 1351 году, когда чума еще продолжалась, сэр Уолтер Мэнни купил тринадцать акров земли, прилегающей к церковному двору Пардон, и подарил ее городу как новое место для захоронений; часовня стояла где-то на площади Чартер-хаус, возможно, примерно в ее середине. Раньше на этой усыпальнице стоял каменный крест со следующей надписью:...

"Anno Domini 1349, regnante magnâ pestilentiâ, consecratum fuit hoc cœmiterium in quo et infra septa presentis monasterii sepulta fuerunt mortuorum corpora plus quam quinquaginta millia præter alia multa abhinc usque ad presens: quorum animabus propitietur Deus, Amen."

В районе Чартер-Хаус и по сей день при вскрытии земли находят кости.

Несколько лет спустя сэр Уолтер Мэнни вместе с Майклом де Нортбургом, епископом Лондонским, основали на этом месте дом, который поначалу задумывался как колледж для двенадцати капелланов, один из которых должен был председательствовать; однако они расширили свой план и превратили колледж в дом карфузианцев, настоятель которого в 1362 году получил буллу Папы Римского на приобретение определенных бенефиций стоимостью 200 фунтов стерлингов в год. Девять лет спустя, в феврале 1471-72 годов, Дом получил разрешение на владение двадцатью акрами земли для своего участка, а также часовней, посвященной Благовещению Богородицы. По завещанию епископа Майкла, умершего в 1361 году, он уже получил 2000 фунтов стерлингов деньгами, множество ренты и земельных участков, библиотеку епископа и его лучшие облачения. Кроме того, дом был в значительной степени одарен другими королями и принцами. Сэр Уолтер Мэнни, умерший в 1471 году, был похоронен в хоре церкви.

УСТАВНОЙ ДОМ

Из грейнджеровского издания книги Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящейся в библиотеке Гилдхолла.

Ни один Дом не пользовался большим уважением, чем Дом Картузианцев, по той простой причине, что в то время как в других Домах Правило было смягчено или скандально игнорировалось, последующие поколения Картузианцев не изменяли своей строгости и не отступали от своего Правила. Они прибыли в Англию около 1180 года и поселились сначала в Уизаме, недалеко от Бата. Их аскезы описаны следующим образом.

"Они не носят ничего из мехов или льна, ни даже той одежды из тонкого льна, которую мы называем *Staminium*; ни бриджей, если только они не отправляются в путешествие, которые по возвращении они стирают и восстанавливают. У них есть две туники с капотами, но зимой они не носят никакой дополнительной одежды, хотя, если они считают нужным, летом они могут облегчить свое одеяние. Спят они одетыми и подпоясанными, и никогда после утрени не возвращаются в свои постели; но они так распоряжаются временем утрени, чтобы было светло до начала лауды: так намерены они следовать своему правилу, что не считают нужным пренебрегать ни одной мелочью или деталью его. Сразу после песнопений они поют приму, после чего отправляются на работу на установленные часы. Они завершают любое служение или работу, которую должны выполнить в течение дня, без какого-либо другого света. На ежедневных службах и на комплинах никто не отсутствует, кроме больных. Кельнер и гостеприимец после комплинов ждут гостей, соблюдая при этом строжайшее молчание. Аббат не позволяет себе никаких поблажек, кроме других, везде присутствуя, везде заботясь о своей пастве, за исключением того, что он не ест вместе с остальными, потому что его стол - для странников и бедных. Тем не менее, где бы он ни находился, он одинаково скуп и в еде, и в речах, ибо никогда не подается более двух блюд ни ему, ни его компании: сало и мясо - только больным. С сентябрьских идов до Пасхи, по причине уважения к любому празднику, они не принимают более одного блюда в день, кроме воскресенья. Они никогда не покидают монастырь, кроме как для работы, и никогда не разговаривают ни там, ни в других местах, кроме как с аббатом или настоятелем. Они неустанно внимают каноническим службам, не внося в них никаких дополнений, кроме выбывших. В богослужении они используют амвросианские песнопения и гимны, насколько они смогли выучить их в Милане. Оказывая помощь странникам и больным, они подвергают свое тело невыносимым истязаниям ради здоровья души". К этому перечню аскез можно добавить, что они носили волосяную одежду под кожей; что им не разрешалось покупать рыбу, но они могли ее принимать; что они делали хлеб из отрубей и пили разбавленное вино.

Дом Приветствия простоял 200 лет. В течение этого долгого периода братья продолжали соблюдать те же аскезы; нет никаких сведений о том, что они отступили от них; они всю жизнь оставались в стенах своего Дома; все, что мир знал о них, исходило от их слуг и посетителей. Другие дома могли расслабиться, в другие дома могла закрасться роскошь, но только не карфузианцы, они оставались верны себе до конца. История о конце относится к истории о роспуске религиозных домов. (См. Лондон во времена Тюдоров).

ГЛАВА V

ЭЛЬСИНГ СПИТАЛ

Этот дом, память о котором почти исчезла, был вновь возвращен в средневековый Лондон благодаря публикации "Календаря завещаний" доктора Шарпа. И поскольку первоначальные условия создания религиозного фонда и последующего роста религиозного дома путем завещаний и дарений не так часто доступны, я извлекаю из этой работы (1) краткое изложение первоначального завещания Уильяма де Элсинга, мерсера, по которому был создан этот дом; и (2) список, с датами, различных даров, которые время от времени делались этому дому. Итак, перед нами завещание, датированное 1348 годом, в котором он подтверждает свое основание от 1329 года.

Элсинггу (Уильяму де) Мерсеру - Роберту, сыну его, ренту с магазинами и садом в приходе С. Ботольф без Олдрихесгейта, и различные ренты в приходе С. Лоуренс ин Джури. Все его владения и ренты в приходах С. Альфеж и С. Мария де Олдерманбюри, вместе с присвоением упомянутой церкви С. Марии, в которой он уже начал строить каменную богадельню и церковь, он отдает на содержание больницы для бедных, слепых и неимущих обоих полов под руководством настоятеля и монастыря; и он завещает, что никто другой, церковный или светский, кроме упомянутых настоятеля и монастыря и названных после завещателя душеприказчиков, не будет вмешиваться в работу упомянутого дома или больницы. И поскольку нужды бедных слишком многочисленны, чтобы его средства могли полностью удовлетворить их, он оставляет указанному настоятелю и т.д. владения, магазины, ренту и т.д., в приходах С. Лауренс ин Джури, Олл-Холлоуз де Хонилейн, С. Мартин Помер ин Исмонгерелейн, С. Милдред ин Птицелов, С. Джайлс без Крепелгейта и Олл-Холлоуз де Грасчирч: также в Конингоплане в упомянутом приходе С. Милдред и в Кордванерстрете в приходе С. Мэри-ле-Боу, а также в приходе С. Бенедикта в Уодеварфе и в других местах, так что упомянутые настоятель и монастырь в настоящее время поддерживают песнопения для душ Роберта ле Фрюйтера, Ральфа де Холбеха и сэра Джеффри де Холбеха, Уильяма де Карлетона, Бартоломью де Кастелло, Уильяма де Гейтона и других. Уведомление о получении лицензии короля in mortmain на вышеупомянутые сделки; а также о согласии сэра Ральфа (де Стратфорда) епископа Лондонского, декана и капитула собора Святого Павла и других заинтересованных лиц на то, чтобы каноники упомянутого госпиталя были переданы под управление и орден Святого Августина, с обычаем каноников того же ордена, и чтобы их число было не менее пяти. Декан и капитул собора Святого Павла назначаются покровителями упомянутого госпиталя и исполняют обязанности надзирателей во время вакансий. Его душеприказчикам быть опекунами упомянутого госпиталя и всех вышеупомянутых владений и ренты до тех пор, пока приор и каноники не будут должным образом избраны и учреждены. Датировано в вышеупомянутом госпитале в понедельник, следующий за праздником Благовещения Пресвятой Девы Марии (25 марта) 1348 года н.э.

Как гласит завещание, госпиталь уже был основан на месте обветшавшего женского монастыря в Гэйспур-лейн, Лондон Уолл, для содержания слепых.

Основанный таким образом дом начал получать завещания. Роберт де Элсинг, сын основателя, заложил капеллы для душ своего отца и других людей. В Календаре завещаний до 1530 года я нашел тридцать два завещания, и это, конечно, не все.

В 1430 году к имуществу госпиталя прибавилось значительное состояние, когда тогдашний епископ Лондонский передал Элсингскому госпиталю владения пришедшего в упадок дома в Теле, Хартфорд, с условием основать два каноника в Теле и три в Элсинге для молитвы за души некоторых благотворителей Тела.

После передачи Элсинг-Хауса его годовой доход был возвращен в размере 193 фунтов стерлингов: 15: 5.

Приорат был передан сэру Джону Уильямсу, впоследствии лорду Уильямсу из Тана и хранителю королевских драгоценностей. Он превратил все здание в жилой дом для себя; двор часовни он превратил в сад, клуатр - в галерею, а комнаты постельщиков - в конюшни. Дом сгорел в 1541 году.

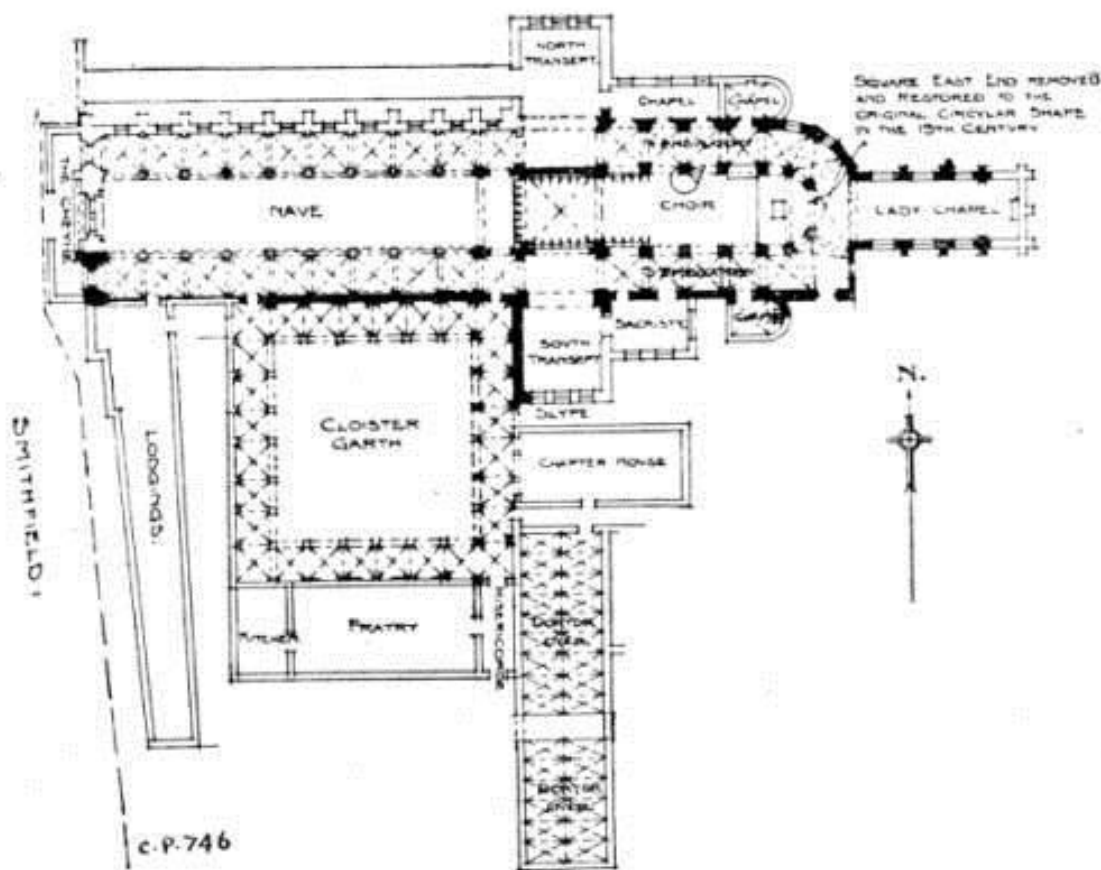
В это время часовня при монастыре была превращена в приходскую церковь Святого Альфежа. Старая церковь стояла на противоположной стороне дороги, под стеной, как и церкви Святого Августина и Всех Святых; ее церковный двор, расположенный к востоку от часовни, сохранился до сих пор, напротив входа в современную церковь. Прихожане заплатили королю 100 фунтов стерлингов за новую церковь.

ГЛАВА VI

ST. BARTHOLOMEW

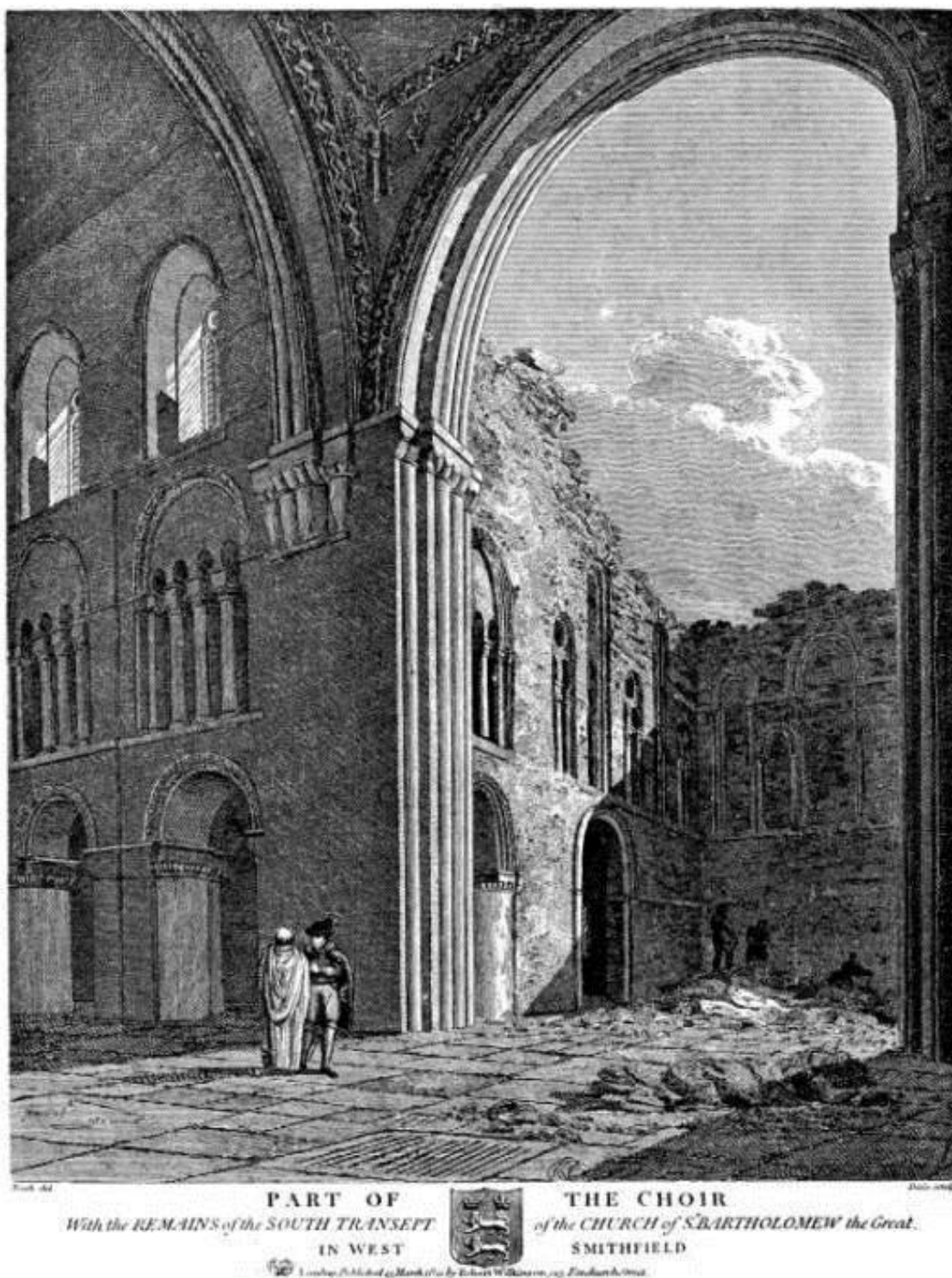
Госпиталь и приорство святого Варфоломея были отдельными и самостоятельными фондами, из которых первый управлялся вторым. Традиционная история этого фонда - одна из тех удивительных историй, которые относятся к тому периоду, когда материальное и воображаемое смешивались, а видения мозга, расстроенного болезнью, постом или одиночеством, были даже более реальными, чем осязаемые реалии человека и материи. Во времена Генриха Первого при дворе жил некто Рэре, рыцарь или менестрель, джентльмен или шут, человек знатного или неясного происхождения - в зависимости от того, как вам угодно, ибо истории расходятся. Говорят, что либо до, либо после своего "обращения" Рэре занимал кабинку в Чемберлейнс-Вуд у собора Святого Павла. Это было время, когда было много того, что современные евангелисты называют "убеждением в грехе". Разр был одним из тех, кто был убежден в этом. Как и многие другие в то время, когда волна религиозных эмоций захлестнула всю страну, Рэре жаждал углубить свое вновь обретенное чувство религии, отправившись в паломничество. О паломничестве, как части средневековой жизни, мы уже говорили в другом месте. Достаточно сказать, что Разрэ, отправившись в паломничество в Рим, следовал общепринятому обычаю того времени. Это было в 1120 году. По прибытии в Рим или по дороге его охватила злая лихорадка, так что он был близок к смерти. Поэтому он обратился с молитвой к святому Варфоломею, пообещав основать больницу для бедных, если с помощью святого ему будет позволено выздороветь. Кости святого Варфоломея были найдены в Индии в 1113 году н. э., всего за семь лет до прибытия Рахера, и, будучи привезены в Рим, были помещены на одном из островов Тибра, где раньше стоял храм Эскулапа. Возможно, Разрэ совсем недавно посетил это место; мы помним, с каким рвением средневековый народ бежал за каждым новым святым или за каждым новым открытием реликвий. Как бы то ни было, ему было видение, в котором святой явился ему и даровал выздоровление на условиях, обещанных просителем. Поэтому Рахере, вернувшись,

принялся за основание больницы. Но Святой обратился к нему: не хочет ли он сделать больше? Может быть, ему стоит основать еще и религиозный дом? Место - Смитфилд, гладкое поле - было частью болотистой равнины, лежавшей к северу от Лондонской стены: бесплодная пустошь, покрытая родниками и прудами, с изредка встречающимися купами деревьев. Здесь проводились скачки, еженедельная конная ярмарка, были конюшни, конюхи и люди, присматривавшие за лошадьми. Это был грубый и неотесанный народ, живший без юрисдикции Сити, и среди них не было ни церкви, ни религиозных людей; здесь также проводились казни, и это место считалось позорным. Раэрэ послушался святого и в этом отношении; он возвел свою больницу, начав строительство в 1123 году при содействии Ричарда де Бельмиса, тогдашнего епископа Лондона, и самого короля.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ ЗДАНИЙ ПРИОРСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ВАРФОЛОМЕЯ ВЕЛИКОГО ВО ВРЕМЕНА ПРИОРА БОЛТОНА (ОКОЛО 1530 Г. Н. Э.).

Изображение большего размера [можно посмотреть здесь](#).

ЧАСТЬ ХОРА

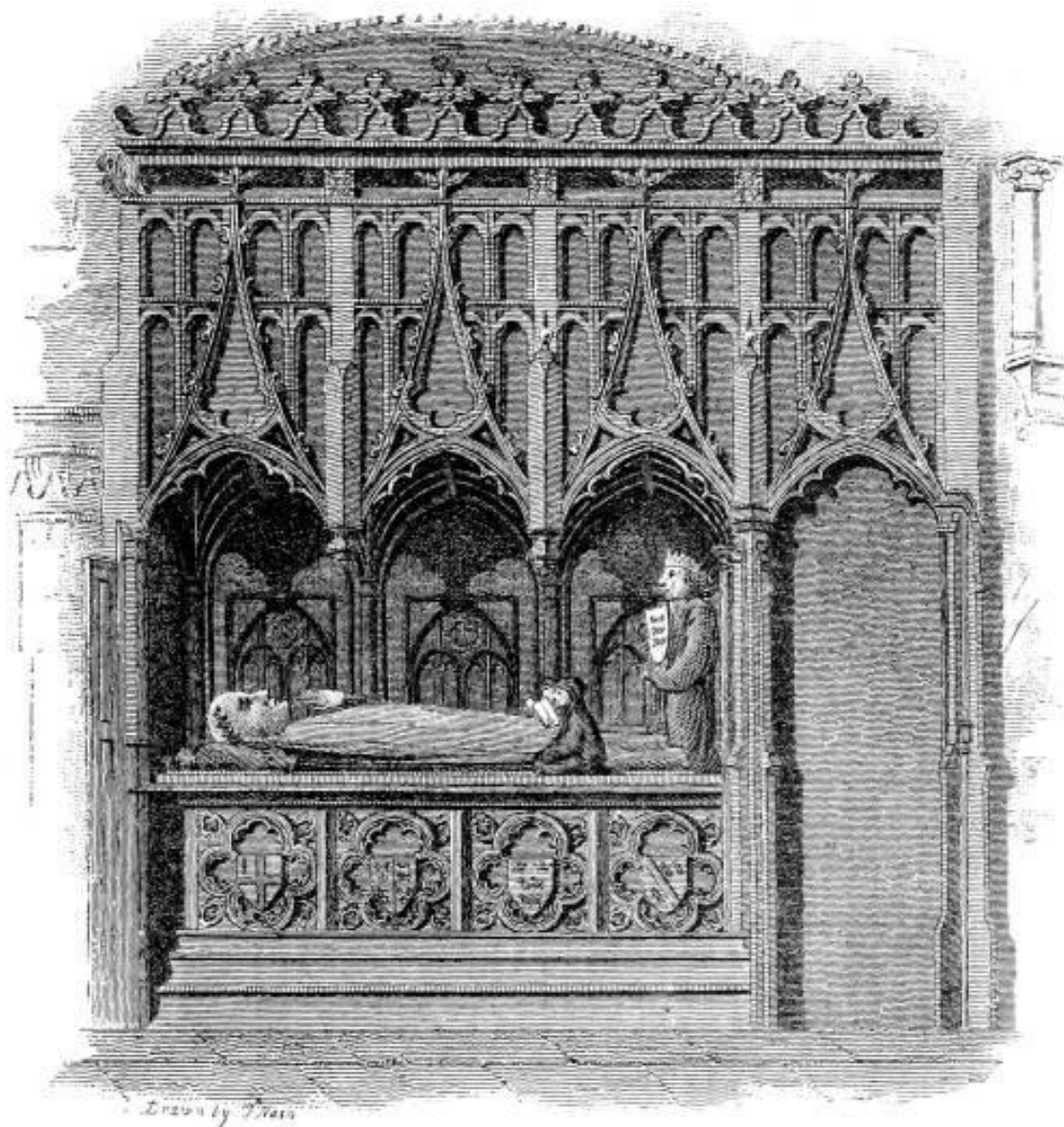
С ОСТАТКАМИ ЮЖНОГО ПЕРЕХОДА ЦЕРКВИ С^т. Варфоломея Великого.

В ЗАПАДНОМ СМИТФИЛДЕ

Лондон. Опубликовано 25 марта 1821 г. Робертом Уилкинсоном, 125, Фенчерч-стрит.

Затем Рахер основал рядом с госпиталем Приорат Святого Варфоломея. Свою первую хартию дом получил от Генриха Первого в 1133 году. В этой хартии король приказывает своим преемникам защищать Дом так же ревностно, как свою собственную корону. Приорат давно исчез, за исключением части церкви, но Госпиталь существует и по сей день, расширенный и богато одаренный, являясь неиссякаемым источником жизни и здоровья, а церковь Приората, та ее часть, которая еще сохранилась, является самым благородным памятником

средневековья, оставшимся в Лондоне. Госпиталь, согласно обычаям того времени, состоял из двойного зала или одного зала с приделами. Между нефами или в конце зала находилась часовня. В каждом приделе стояли кровати больных: мужчин - с одной стороны, женщин - с другой. Когда больных привозили, их укладывали в постель - двух, четырех, даже восемь на одной кровати - без учета того, от какой болезни они страдали, так что в случае заражения или инфекции другие обитатели кровати непременно заражались. Остается только удивляться, как при таких обстоятельствах кто-то вообще выписывался из больницы и как кто-то мог рассчитывать на выздоровление. Но все болезни не были заразными или инфекционными; что касается пациента, то он, вероятно, благодаря долгому опыту грязи и замкнутого воздуха, был защищен от многих вещей, которые сейчас были бы смертельными; затем для него была еда; была забота; если кто-то хотел пить, он мог пить; если кто-то был голоден, он мог есть; сестры были нежными и жалостливыми; Лекарь всегда был наготове; его средства были странными и удивительными, но основой служили знания старой жены о травах и их применении - легенды, которые не презирать; кроме того, главный ужас смерти был снят, потому что священник всегда находился в больнице с последними церковными службами, чтобы укрепить умирающего. Зал был просторным, высоким и хорошо освещенным - рай для страдающего лихорадкой несчастного из лачуги без дымохода, пола и окон; кровати были мягкими и чистыми, как тогда понимали чистоту; путь к смерти был облегчен, даже если в восстановлении здоровья было отказано.

ГРОБНИЦА НАСТОЯТЕЛЯ РАЭРЕ

В церкви Святого Варфоломея Великого.

Сам Рахере стал первым настоятелем своего монастыря; он умер 20 сентября 1144 года и был похоронен в этой церкви; говорят, что гробница пятнадцатого века с балдахином, которая до сих пор стоит в алтаре Святого Варфоломея Великого, покрывает прах основателя, чье изображение может быть работы двенадцатого века. На гробнице изображены два монаха, читающие в Библиях, открытых на пятьдесят первой главе Исайи и третьем стихе: - "Ибо Господь утешит Сион".

"Ибо Господь утешит Сион; утешит все пустыни его; и сделает пустыню его, как Эдем, и пустыню его, как сад Господень; радость и веселие найдет в нем, благодарение и голос мелодии".

Трудно было бы найти более подходящий текст. На гробнице четыре щита: Англии, Лондона, госпиталя и приората. Сама гробница была осквернена рабочими в 1864 году. Одна из кожаных сандалий была снята с ноги Рэре и пропала на тридцать лет; теперь она найдена и вместе с другими вещами помещена в небольшой стеклянный футляр в церкви.

Рахере вступил в орден каноников Святого Августина, которые были великими строителями и архитекторами и, помимо прочего, занимались медициной.

Из первоначальных построек сохранилась небольшая часть хора церкви, который был полностью восстановлен, и, возможно, часть или фрагменты трансептов. Неф давно разрушен, трансепты появились позже. Первоначально здесь были апсидальная часовня Леди и две апсидальные боковые часовни: северная посвящена святому Варфоломею, южная - святому Стефану. Когда Разр умер, в новом фонде было тринадцать каноников, а при его преемнике их число увеличилось до тридцати пяти. Поэтому можно не сомневаться в успехе Дома. Каноники не были обязаны нести службу в госпитале. Для обслуживания больных существовал еще один фонд, состоящий из госпитальера с восемью братьями и четырьмя сестрами, под управлением приора. Здания Рахера были значительно расширены его преемником. Примерно в то же время были построены ворота в Смитфилд, которые, к счастью, стоят до сих пор, избежав вандалов, строителей, домовладельцев и любых опасностей. Нынешний западный фасад, конечно же, современный, а церковный двор занимает место бывшего нефа.

В этом приорстве произошла та самая позорная сцена насилия, в которой архиепископ Кентерберийский, пришелец из Прованса, был главным агрессором, когда он посетил приорство вопреки правам епископа Лондона и ответил на протест насилием. Этим прелатом был Бонифаций, дядя королевы Элеоноры Прованской, который был привезен в эту страну вместе со многими своими соотечественниками и предпочел занять самое высокое место в королевстве (см. т. I. с. 29).

В этом эпизоде мы имеем наглядное и наиболее показательное представление о том, какое отчаяние вызывало допущение иностранцев к должностям и достоинствам, которые, прежде всего, требовали знания страны, ее институтов и предрассудков. Права и привилегии церковников и религиозных домов защищались с максимально возможной ревностью и упорством. Очевидно, что привилегией этой палаты было то, что их гостем был епископ Лондонский, и что архиепископ не имел права вторгаться в палату. То, что он это сделал, свидетельствует о попытке вторжения, на которую англичанин был бы неспособен. Но обратите внимание и на высокомерие прелата. Он хватает субприора и швыряет его о столб; каноники бегут ему на помощь, а архиепископа с позором бросают на спину, показывая, что под епископской мантией у него есть оружие. А его люди, его последователи, сами чужаки и пришельцы - такие же жители Прованса, как и он сам.

ВОРОТА СВ. ВАРФОЛОМЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Из гранжевого издания книги Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящейся в библиотеке Гилдхолла.

Можно также заметить, что у горожан был свой стандарт епископских обязанностей, если правильно переданы слова. "Он не победитель душ", - кричат они: "Он вымогатель денег, которого ни Бог, ни законные или свободные выборы не привели к этому повышению". То, что идеал народа настолько превосходил практику прелатов в таких случаях, как этот, показывает, что можно справедливо утверждать, что приходской священник Чосера, нарисованный сто пятьдесят лет спустя, существовал уже в XIII веке.

Восстановленный план Приората воспроизводится здесь с разрешения преподобного сэра Боррадайла Сэвори, Барта.

В 1410 году церковь была перестроена "почти заново". Апсида восточного конца была удалена; квадратный восточный конец, заканчивающийся двумя большими окнами, был вставлен; нормандская женская часовня была снесена и возведена нынешняя с криптой; нормандский клирос был снесен и заменен нынешним; нормандские капители были изменены; каменный экран под северным трансептом был вставлен, вероятно, чтобы придать прочность опорам. С северной стороны северного нефа была построена часовня-кантри. В завещаниях этого периода упоминается часовня Святой Катерины, а также церковный двор Пардон. На хорах была установлена каменная кафедра. Перезвон из пяти колоколов был подарен церкви в 1520 году неким Томасом Буллсденом. Это самый старый звон в Лондоне, а колокола посвящены соответственно святому Варфоломею, святой Анне, святому Петру, святой Катерине, святому Иоганну Баптисте.

Последним настоятелем, кроме одного, был Болтон (1506-1522). Он построил восточное окно на южной стороне хора. Его ребус с изображением болта в туннеле находится на центральной панели. Тот же ребус находится в спирали двери, ведущей в ризницу, и в кирпичной кладке башни Канонбери в Ислингтоне, которую также построил Болтон. Эта башня с ныне разрушенными зданиями, стоящая на обширной территории, границы которой еще можно различить, была, по-видимому, летней резиденцией каноников.

Если вернуться к госпиталю, то первым госпитальером Раэра был Альфун, который построил церковь Святого Джайлса в Крипплгейте, также за пределами стен. Каждое утро Альфун ходил по развалинам, выпрашивая объедки и куски мяса для больных мужчин и женщин. В его подчинении находились восемь братьев госпиталя, которые были священниками и врачами, и четыре сестры.

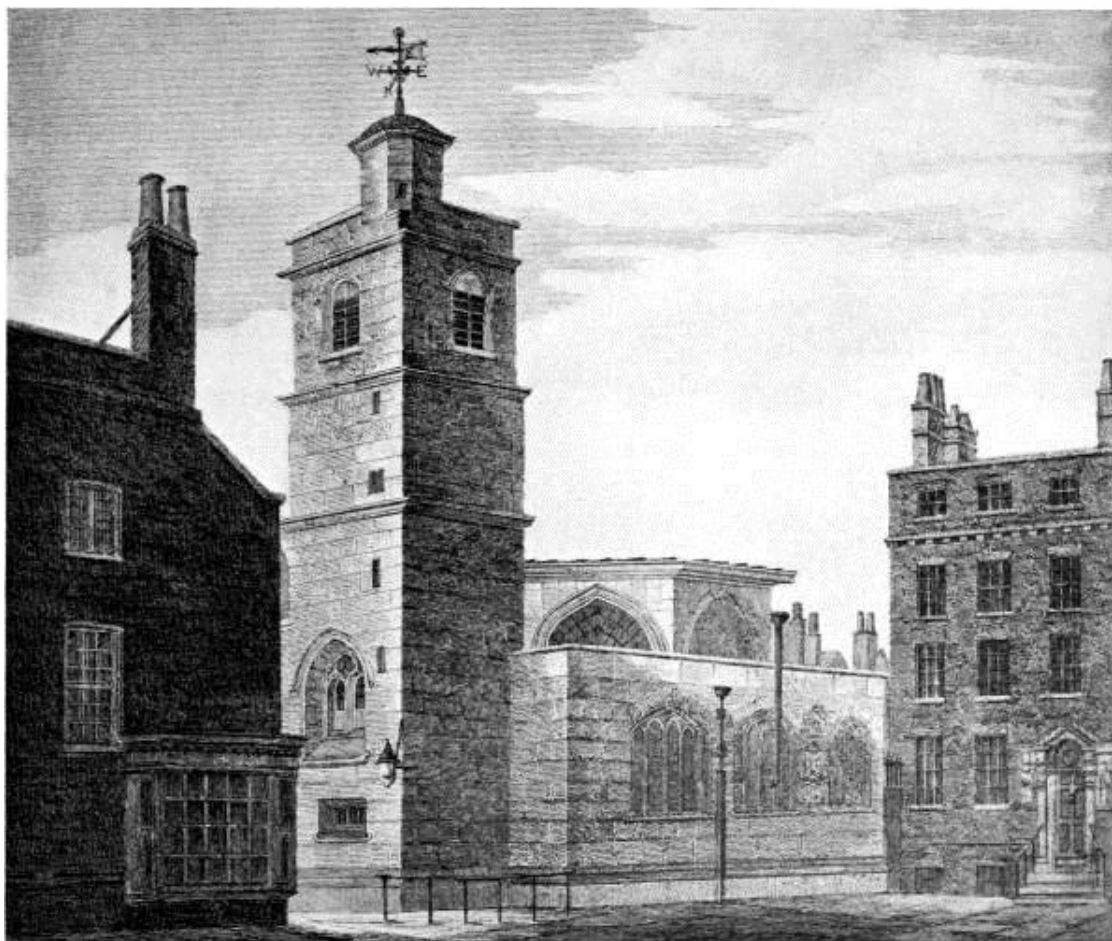
Изображение средневекового госпиталя показывает двойной зал, священник совершает последние церковные обряды над одним пациентом, сестры зашивают тело другого, только что умершего, у алтаря поют мессу, посетитель стоит на коленях в молитве. Таков первый госпиталь Раэре, таким был каждый средневековый госпиталь.

О госпитале в период между его основанием и роспуском сохранилось мало сведений. В царствование Генриха Третьего некая Кэтрин, вдова Уильяма Харделла, получила грант на небольшой участок земли, по двадцать футов в каждую сторону, для строительства кельи якоря рядом с "часовней святого Варфоломея" - была ли это часовня госпиталя или величественная церковь приората? Особым долгом анкорита было молиться о процветании Дома и о душах тех, кто в нем находится. Возможно, он молился и за Госпиталь, и за Приорат. В правление Эдуарда Третьего госпиталь был "подтвержден" королем. В 1423 году душеприказчики Уиттингтона отремонтировали здания; в том же году мы узнаем, что в госпитале была библиотека, поскольку сэр Джон Вакенинг, бывший когда-то священником в этом доме, обогатил их библиотеку, подарив прекрасную Библию.

В сборниках одного лондонского [горожанина](#)²¹ есть следующее сообщение о госпитале: - "Bartholomew ys.

"Бартоломью и Спетилл. Hyt ys a place of grete comfote to pore men as for hyr loggyng, and yn specyalle to yong wymmen that have mysse done that ben whythe chylde. Там они были очень добрыми, и до времени пурфиксации у них были метелки и сушки из

мест, которые стоили и были полны, честно собранные и сохраненные. And in ys moche as the place maye they kepe hyr conselle and hyr worschyppe, God graunte that they doo so hyr owne worschippe that have a-fendyde. Аминь."

СВ. ВАРФОЛОМЕЙ МЕНЬШИЙ

Из гранкированного издания книги Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящейся в библиотеке Гилдхолла.

Ссылаясь на имеющиеся в моих руках весьма обширные заметки, я вношу следующие дополнения в предшествующую историю:...

Хартия Генриха Первого от 1133 года, дарующая основание Приорату и адресованная архиепископу Кентерберийскому и Гилберту Вселенскому, епископу Лондонскому, была напечатана в 1891 году доктором Норманом Муром с копии, хранящейся в Бюро записей. Читателя, желающего получить более подробную информацию об этом доме, мы также отсылаем к работе доктора Нормана Мура о церкви святого Варфоломея Великого. Существует огромное количество литературы по теме этого дома. Приведенный ниже список ни в коем случае не является исчерпывающим, но послужит для этого:- Можно ознакомиться со статьями в *Vetusta Monumenta*, vol. ii.; в *Transactions of St. Paul's Eccl. Soc.* vol. ii.; *Archæologia*, vols. xv. and xix.; *Notes and Queries*-see Indices; the *Antiquary*-see Indices; the *Reliquary*-see Indices; the *L. and Midd. Arch. Soc.* vols. i., ii., iii.; *Journal of Brit. Architects*, i., xxx., xli.; *Archæolog. Journal*, vols. xli. and xlvi.

В 1362 году мы находим спор между канониками Приората и братьями госпиталя относительно списка больных. В 1433 году епископ Лондонский издает ордонансы для лучшего управления Приоратом. Другой спор между Приоратом и некоторыми лицами в епархии Линкольна был признан достаточно важным, чтобы потребовать папской комиссии, уполномоченными которой были декан и капитул собора Святого Павла, чтобы решить его. В 1310 году приор и каноники пожаловались на отбросы, выбрасываемые во флот у Холборн-Бридж. Им удалось добиться принятия ордонанса, но о его исполнении история умалчивает. Позже мы находим их петицию против застройки ям и канав в Смитфилде - петиция, ссылающаяся на какую-то временную обиду, показывает, что Приорат считал себя в некотором роде опекуном Смитфилда. По-видимому, поскольку это требование выдвигается и в других случаях, при избрании нового приора существовал обычай давать пенсию одному из королевских клерков. Джон де Херкластон, клерк, в 1316 году обращается с письмом к приору и каноникам, требуя такой пенсии по праву обычая. В том же году некий Николас де ла Марш умоляет приора принять его в свой дом, "поскольку он старый слуга короля и немощен". В 1530 году мы узнаем, что некий Томас Корнуэлл, осужденный за ересь и приговоренный к ношению на рукаве приколотой пидорки - приятного напоминания об ортодоксальности, - был отправлен под вечную стражу в Дом Святого Варфоломея за неповиновение приговору. Эта история открывает большое поле для безнадежных исследований. Сколько заключенных за ересь было в домах на момент роспуска? Всем ли им было позволено выходить на свободу? Есть ли какие-либо свидетельства о последующей истории кого-либо из них? Что касается Томаса Корнуэлла, то если он был помещен "на покаяние", *то есть* на хлеб и воду, в одиночную камеру, то он, вероятно, не дожил до роспуска своей тюрьмы. С другой стороны, если он и дожил, то вряд ли увидел, что его частная ересь стала вероучением Католической Церкви.

О ярмарке святого Варфоломея мы расскажем в другом месте. (См. London in the Eighteenth Century, p. 465 et seq.)

25 октября 1540 года Фуллер, последний приор, сдал дом. Доход тогда составлял 773 фунта стерлингов: 0: 1-1/2; чистый доход - 693 фунта стерлингов: 0: 10-3/4. Неф был разрушен, а камни были использованы королем для других построек.

Здания Приората, состоящие из дома настоятеля, лазарета, общежития, трапезной, клуатров, кухонь, конюшен и садов, были проданы сэру Ричарду Ричу за 1064 фунта стерлингов. Место нефа длиной восемьдесят семь футов стало церковным двором, а хор - приходской церковью. Король назначил первого ректора, после чего патронаж перешел к сэру Ричарду Ричу как его преемнику.

Сэр Ричард Рич, будучи лордом-канцлером, председательствовал на суде над Анной Эскью и, согласно сообщениям, своими руками помогал ей в пытках. Он также присутствовал при ее казни.

ИНТЕРЬЕР СОБОРА СВ. ВАРФОЛОМЕЯ ВЕЛИКОГО

В 1516 году королева Мария передала монастырь Черным монахам, которые жили здесь до своего изгнания в 1559 году Елизаветой.

В книге *Londina Illustrata* говорится, что старая приходская церковь примыкала к церкви Приората; что когда черных монахов изгнали, церковь Приората вместе со старой приходской церковью стала приходской церковью. В таком случае старая приходская церковь должна была стать частью структуры церкви Приората. Рассказ путается, потому что далее автор сообщает, что старая приходская церковь была снесена, за исключением деревянного шпиля, который стал разрушаться и был снесен в 1628 году, после чего была возведена нынешняя башня.

Великий пожар был счастливо остановлен до того, как он смог пересечь Смитфилд.

В 1697 году в этой церкви был крещен Хогарт.

В 1863 году началась реставрация. Леди-часовня была превращена сначала в жилой дом, а затем в мануфактуру по производству бахромы; часть фабрики выходила на церковь и поддерживалась железной балкой и двумя железными колоннами. В северном трансепте находилась кузница, в южном - школа для мальчиков.

Ниже приводится рассказ о самой интересной Реставрации - да будет позволено тому, кто не является архитектором, сказать "самой ценной", - изложенный в документах, подготовленных к повторному открытию Дамской часовни 18 мая 1897 года:...

В начале реставрации в 1863 году пол был опущен до первоначального уровня, скамьи убраны, вокруг церкви образовалась сухая площадка, а стены и опоры, которые

разрушились, были приведены в порядок. Апсида также была достроена на уровне первого этажа путем установки двух центральных опор, а этаж выше был занят мануфактурой по производству бахромы. В общей сложности было собрано и израсходовано около 5000 фунтов стерлингов. (Позднее преподобный Дж. Эббисс, магистр искусств, ректор).

В 1884-86 годах бахромчатая фабрика, которая выступала на двадцать футов в восточную часть церкви и покрывала остатки крипты и дамской часовни, была куплена за £6500.

Апсида была отреставрирована на средства патрона, преподобного каноника Филлипса. Церковь была заново покрыта крышей.

Была приобретена кузница, занимающая место северного трансепта. Восстановленные части были вновь открыты 30 ноября 1886 года. (Поздний преподобный У. Панкридж, магистр богословия, ректор).

В 1887-92 годах Южный трансепт. Временная ризница, занимавшая верхнюю часть арки Южного трансепта, была удалена. Норманнская арка с северной стороны и переходная норманнская арка с южной стороны были раскрыты и показаны, а также проведены другие работы, представляющие значительный интерес. Один пролет был добавлен, чтобы обеспечить баптистерий и сформировать подходящий подход с южной стороны церкви. Сейчас трансепт занимает примерно половину площади первоначального трансепта. Он был открыт 14 марта 1891 года.

Школа для мальчиков была перенесена из северного трифория, а новые школы были построены рядом с церковью. Под школами был построен Клуб рабочих, который находится в единоличном ведении ректора.

Под органным чердаком был воздвигнут мемориальный экран в честь покойного ректора, преподобного Вм. Панкриджу, М.А.

В 1892-93 годах северный трансепт - кузница - был демонтирован, а неглубокий трансепт перестроен, обеспечив опору для больших арок Перехода, и предоставив утреннюю часовню, а также открыв много старых работ. Этот трансепт был открыт 5 июня 1893 года.

Было построено северное крыльцо, обеспечивающее доступ в церковь со стороны Суконной ярмарки и предоставляющее комнату для работника миссии.

Было построено западное крыльцо с комнатой над ним. Западный фасад был заново облицован кремнем и камнем, а подход к нему расширен.

Была возведена новая кафедра, подаренная покойной секстонессой.

ВОСТОЧНЫЙ МОНАСТЫРЬ СВ. ВАРФОЛОМЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Из гравированного издания Брейли "Лондон и Мидлсекс", хранящегося в библиотеке Гилдхолла.

В память о брате, покойном Фредерике Джоне Уизерсе, был возведен новый органный шкаф, подаренный мистером Генри Томасом Уизерсом.

Были открыты северная и южная трифории. Колокольный звон был заново подвешен, а колокольня отремонтирована.

В 1895 году крипта была отреставрирована и вновь открыта в качестве часовни-усыпальницы.

В 1897 году была отреставрирована Леди-часовня, которую 18 мая 1897 года епископ Лондона открыл в качестве Утренней часовни.

Мистер (ныне сэр) Астон Уэбб, архитектор, руководивший работами, на протяжении всего времени руководствовался здоровыми принципами: (1) никогда не снимать с места ни одного обработанного камня.

(2) Не добавлять никаких новых работ, кроме тех, которые вызваны требованиями дня.

(3) Чтобы новая работа гармонировала со старой, но отличалась от нее, чтобы последующие люди не могли перепутать работу одного века с работой другого.

И, наконец, помнить о наставлении, содержащемся в видении Рахера: "Доверившись Ему, не сомневайтесь в стоимости здания, только проявите усердие, а моя часть будет заключаться в обеспечении необходимым, руководстве, строительстве и завершении работы".

(Преподобный сэр Боррадейл Сэвори, барт, магистр искусств, ректор).

Больница Святого Варфоломея, когда она была упразднена, в то же время оценивалась в 35 фунтов стерлингов в год. Мы делаем замечание по поводу этой больницы, аналогичное тому, что было предложено по поводу больницы Святой Марии. Как, спрашиваем мы, дом, состоящий из мастера, восьми братьев и четырех сестер, мог содержаться на 35: 5: 7 фунтов стерлингов в год? И на какие средства принимались и лечились больные? Должен был существовать какой-то организованный способ получения подписки, пожертвований, милостыни и подарков натурой. История о том, что произошло, когда заведение перешло в ведение города, показывает, что добровольная и организованная помощь больным, безусловно, была не в новинку.

"Тогда же были разработаны порядки для помощи бедным, жители были созваны в свои приходские церкви, где сэр Ричард Доббс, тогдашний мэр, их несколько олдерменов или другие уважаемые граждане красноречивыми речами убеждали их, как велики и как много благ будет для них и их города, если бедняки разных сортов, которые они называли, будут взяты с их улиц, переулков и аллей, и будут отданы и обеспечены в больницах за границей, и т. д. Поэтому каждый был побужден щедро давать то, что он мог бы выделить на подготовку и оборудование таких больниц, а также то, что он мог бы еженедельно вносить на их содержание в течение некоторого времени, которое, по их словам, не должно быть больше года или двух, пока они не будут лучше оборудованы: короче говоря, каждый давал щедро, по мере своих возможностей: были составлены книги помощи в каждом приходе города для новых больниц."

ГЛАВА VII

ST. ТОМАС АКОНСКИЙ

Очень интересным для людей фондом был госпиталь святого Фомы Аконского или святого Фомы Акроского. Известно, что Томас Бекет принадлежал к богатой городской семье, его отец был горожанином нормандского происхождения. Гилберт Бекет умер, оставив после себя

значительную собственность в виде домов и земель. Стал ли архиепископ владеть этим имуществом как сын своего отца или же передал его своей сестре, я не знаю. Точно известно, что после его смерти его сестра Агнес, вышедшая замуж за Томаса Фиц-Теобальда де Хейли, передала все семейные владения для создания госпиталя, посвященного ее брату, святому и мученику. Ничего не должно быть утаено, все должно быть отдано; мы видим, с какой привязанностью, скорбью, гордостью относились к новому святому члены его семьи. Нет столь ревностных служительниц церкви, как дочери епископа; не может быть более набожных прихожан у алтаря святого Томаса а Бекета, чем его родная сестра.

ПЕЧАТЬ ГОСПИТАЛЯ СВ. ТОМАСА АКОНСКОГО

Из книги Джона Уотни "Некоторые сведения о
госпитале святого Фомы Аконского.

Полное название дома гласило: "К чести Всемогущего Бога и Пресвятой Девы и самого славного мученика Святого Фомы, для магистра и братьев Militiæ Hospitalis S. Thomæ Martyris Cantuariensis de Acon."

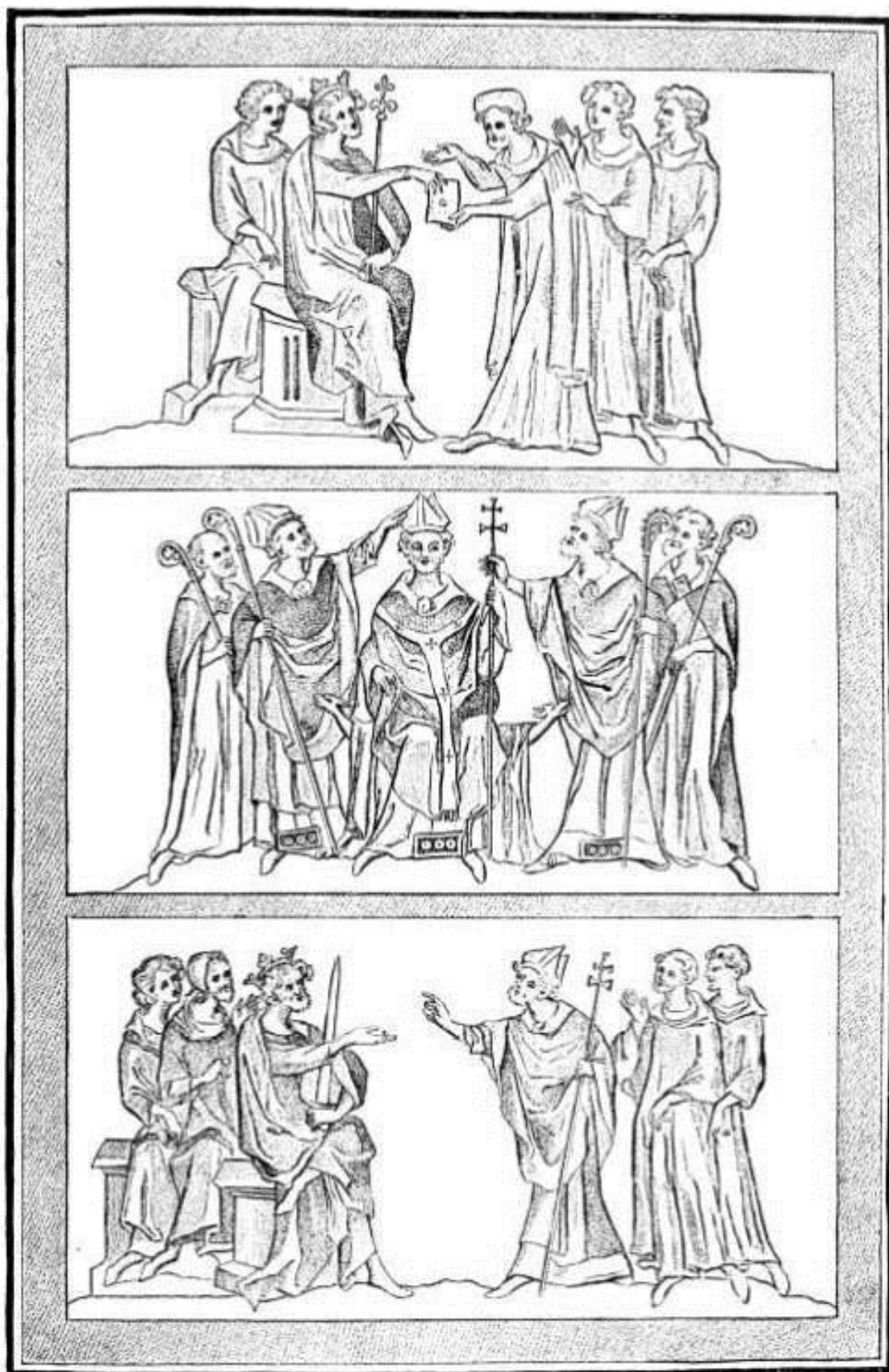
Ньюкорт дает два объяснения этому посвящению и названию Акон:...

"Радульф де Дицето, декан Лондона, который в своей "Истории", озаглавленной "Imagines Historiarum", живя в Ann. Dom. 1190, ann. 2 Ric. I., когда город Акр или Акон в Святой земле (называемый также Птолемаисом) был осажден христианами, пишет следующее: примерно в эти дни, когда город Акон был впервые осажден, некто Уильям, англичанин по происхождению, будучи капелланом Радульфа де Дисето, декана Лондона, когда тот отправился в Иерусалим, связал себя обетом, что если он благополучно войдет в Акон, то построит часовню св. Фомы Мученика за свой счет, в соответствии со своими способностями, и обеспечит там, к чести упомянутого Мученика, церковный двор, который будет освящен, что и было сделано. Тогда многие стекались со всех концов, чтобы служить в этой капелле, сам же Уильям в знак своего христианства принял имя приора, который, служа телом как пастырь Христа, особенно заботился о бедных, и он свободно отдавал все свое усердие и труд на погребение тел тех, кто умер, как естественным путем, так и тех, кто был убит мечом, представляя себя в глазах людей следующим преемником того великого Тобиаса.

Другое мое свидетельство (говорит он) взято из Театра Чести, Lib. 9, cap. ii., где, повторяя о военных орденах Святой Земли, он говорит так: "Орден Святого Фомы был учрежден королем Англии Ричардом, по фамилии Кёр де Лион, после сюрпрайзаля Акры, и, будучи английской нации, они придерживались правила св. Августина, носили белое одеяние и полный красный крест, украшенный посередине белым гребешком; они взяли своим покровителем (как я слышал) архиепископа Кентерберийского, митрополита Англии, Томаса Бекета, который принял мученическую смерть (как говорят его фавориты) при короле Англии Хен. II. этого имени. Петр де Рупибус, епископ Винчестерский, пробывший пять лет в Святой Земле, перенес тамошнюю церковь святого Фомы Мученика с непригодного места на более удобное и повелел патриарху Иерусалимскому принять постановление, чтобы братья этой церкви, бывшие до того мирянами, были посвящены в орден храмовников, нося на груди крест. Он также завещал этому дому святого Фомы Аконского 500 марок. Так пишет М. Парис в "Жизни Хен. III. p. 472, sub Anno 1238.

Отсюда ясно, что посвящение этого госпиталя или часовни святому Фоме Акрскому или Аконскому должно быть связано с аналогичным посвящением часовни и святого ордена в городе Акко, в Святой Земле, тому же архиепископу: Все эти три Посвящения происходили примерно в одно и то же время, в течение нескольких лет после смерти архиепископа. И вполне вероятно, что в подражание тем Посвящениям в Акре, это в Лондоне могло бы сделать то же самое". (Newcourt's Repertorium, vol. i. pp. 552-553.)

В 1171 году сестра Бекета основала госпиталь. Сначала он простирался от Айронмонгер-лейн до Олд-джери; позже Общество купило сады на другой стороне Олд-джери и получило разрешение возвести через улицу коммуникационную галерею, чтобы иметь доступ к своему саду. Именно с этой галереи Генрих Восьмой наблюдал за Марширующим дозором (см. Лондон времен Тюдоров, стр. 262). Здания включали в себя канцелярию и часовню Св. Стефана и Николая. Над воротами (которые сейчас являются входом в Мерсерс-холл) стояла статуя святого. Эта фигура, которая была "недавно установлена" (14 марта 1554 г.) "над дорогом святого Томаса Аконского, была позорно изувечена: у нее были отрезаны сердце и правая рука, а у образа, который когда-то до этого времени был отрезан, а после был вновь установлен и сломан". Протестантское рвение еще раз атаковало этот злосчастный образ. Именно в царствование Елизаветы какой-то пылкий энтузиаст уничтожил его, а на его место поставил документ с обличением поклонения святым.

БЕКЕТ ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ОТ ГЕНРИХА II. НАЗНАЧЕНИЕ ЕГО КАНЦЛЕРОМ.
ПОСВЯЩЕНИЕ БЕКЕТА В КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ.
БЕКЕТ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К КОРОЛЮ С НЕОДОБРЕНИЕМ.

Совершенно правильно и естественно, что до протестантской ярости против поклонения святым или заступничества святых жители Лондона глубоко верили в защиту, оказываемую им их собственным святым, чье имя и слава были распространены по всему христианству - например, обратитесь к истории семьи Арнольда ФицТедмара (стр. 67). Томас Бекет, без сомнения, был горожанином и сыном горожанина - даже с самого начала предназначался для меркантильной жизни. Святой в самом начале своего блаженства благосклонно внимал молитвам Вильгельма, впоследствии Вождя с длинной бородой, и проводил его и его друзей в порт и к победе. Такая история, естественно, распространилась во все стороны. Для города было величайшей честью обладать таким святым; с каждым днем гордость за святого Томаса росла и усиливалась сообщениями и слухами о чудесах, совершаемых в ответ на молитвы паломников.

Была и другая причина, по которой святой Фома стал покровителем Лондона. Энтузиазм средневековья по поводу своих святых мог ослабнуть, угаснуть и даже исчезнуть. Старые саксонские святые - где они? Святилище святого Эркенвальда все еще пылало золотыми сосудами и восковыми светильниками, но чудеса случались редко: по-прежнему существовали церкви, посвященные святой Этельбурге, святому Оситу, святому Свитину, не говоря уже о датчанах, святом Олафе и святом Магнусе, но никто больше не ждал от них чудес. Как поблекшие изображения на деревянной ширме пятнадцатого века теперь кажутся современному еkkлезиологу, так и фигуры саксонских святых в тринадцатом веке стали просто *umbræ*, тенями прошлого. Святилище Эдуарда Исповедника по-прежнему было великолепным, но чудеса короля больше не цитировались, так сказать, паломниками и торговцами чудесами. Городу нужен был новый святой. Небеса дали им его - Фому Чепийского.

Поэтому в день, когда лорд-мэр приводился к присяге в Казначействе, он вместе с олдерменами отправлялся в часовню святого Томаса Акона; после молитвы и славословия у его алтаря они образовывали процессию и шли к собору Святого Павла, откуда отправлялись в церковный двор Пардон в округе Святого Павла, где были похоронены Гилберт Бекет и его жена; а затем шли обратно к святому Томасу Акону, где каждый предлагал пенни.

Давайте рассмотрим, как обогащался и поддерживался такой фонд, как этот, не самый богатый, но всегда процветающий дом. Прежде всего, первоначальный фонд был достаточным, если не сказать обильным, для расходов скромного числа братьев. Но вскоре стали поступать завещания благодарных, раскаявшихся или благочестивых граждан. В течение трехсот пятидесяти лет существования монастыря не прекращался, хотя и уменьшался, непрерывный поток даров. Так, за период с 1262 по 1535 год (завещания Шарпа) было основано около сорока вечных капелл. Эти завещания свидетельствуют о привязанности горожан к своему святому. Но были и более значительные и важные дары. Генрих Третий, Эдуард Первый, Джеффри Фиц-Петер, граф Эссекс, Эдуард Третий, Генрих Шестой - все они были благотворителями этого госпиталя. Мэр и простолюдины были посетителями дома; компания мерсеров, в случае вакансии магистра, имела право назначить двух или трех человек из монастыря, из которых братья должны были выбрать себе хозяина.

Между Госпиталем и улицей сэр Джон Аллен, мерсер и мэр в 1525 году, построил очень красивую часовню, и после смерти в 1544 году был похоронен в ней. Над часовней находился зал, который Ньюкорт называет залом Мерсеров. Часовня, очевидно, находилась вдоль линии улицы - если северная сторона Чепе была еще выровнена - потому что через несколько лет после Расторжения брака тело и гробница сэра Джона Аллена были

перенесены в саму церковь, а часовня была разделена на магазины и сдавалась в аренду; после пожара, уничтожившего все здание, магазины были отстроены на том же месте.

Среди имен тех, кто был похоронен в этой церкви, мы находим имена Батлеров - Эрлов из Ормонда, Кавендиша из четырнадцатого века, Фроуика, Ли и многих других. Говорят, что церковь была "большим и благородным сооружением, состоящим из хора и тела церкви с боковыми нефами". (Ньюкорт.)

Дом был сдан в 1539 году, последним хозяином был Лоуренс Госпеллер, который получал пенсию в размере £66: 13: 4. Годовой доход оценивался в £277: 3: 4. Через посредничество сэра Ричарда Грешема Мерсеры выкупили участок и в 1541 году вновь открыли церковь как часовню Мерсеров. Здесь находилась бесплатная грамматическая школа, перенесенная после пожара на место Сент-Мэри Коулчерч.

ГЛАВА VIII

СТ. АНТОНИЙ

Госпиталь святого Антония находился на улице Нидл-стрит, прямо напротив Финч-лейн. Изначально это была келья при доме святого Антония во Вьенне, и основана она была в царствование Генриха Третьего. По словам Стоу, евреи построили там синагогу, которую у них отобрали и превратили в церковь, посвященную Богородице. Эта церковь стала часовней госпиталя. Дом состоял из хозяина, двух священников - впоследствии их число увеличилось до четырнадцати - и двенадцати бедняков. К занимаемой таким образом земле был пристроен мессуаж с садом, который под руководством Джона Карпентера (1441) был превращен в школу и богадельню. Школа получила от Генриха Шестого несколько поместий для содержания пяти бедных учеников в Оксфорде, с выплатой десяти пенсов в неделю на каждого ученика. С учетом нынешней стоимости денег это составляло не более десяти шиллингов в неделю, что было бы очень скудным пропитанием для молодого и голодного студента. Общее жалованье священника-кантри, которое, как я полагаю, было самой низкой формой преференций, составляло 6 фунтов стерлингов в год, или около 28 д. в неделю.

Генрих Пятый, подавляя чужеземные дома, предоставил этому дому независимость. В 1474 году Эдуард Четвертый предоставил Дому такое же учреждение, как и Дому святого Антония Вьеннского, а в 1485 году Дом был присоединен к Колледжу святого Георгия Виндзорского и включен в его состав. Другие дары и завещания достались Обществу Святого Антония. В 1411 году некий Джон Соваж, желая быть похороненным в церкви святого Антония и перед алтарем святой Катерины, оставил все свои земли и владения магистру и братьям госпиталя, с обычными условиями соблюдения некролога. В 1435 году Томас Ноллес, бакалейщик, завещал монаху Джону Снеллу, начальнику, прецептору или мастеру Дома Святого Антония, магазин в приходе Святого Бенедикта Финка, на содержание лампы, которая должна гореть в алтаре церкви указанного Дома, и на соблюдение некролога - не своего, а указанного начальника; великий и, возможно, уникальный знак дружбы - обеспечить безопасное и быстрое прохождение через чистилище друга, а не свое собственное. В 1484 году Уильям Уайз, цирюльник, оставил свою пивоварню "le soure super le Hoop" в приходе Оллхоллоус-ин-те-Уолл, чтобы содержать клерка для обучения детей прихода св. Антония в пении под музыку (*in cantico organico*) и в простом пении (*in plano cantico*), а также для обеспечения

специальных молитв от имени Джона Карпентера, епископа Вустера, первого учителя школы, со сборником "Rege quæsumus, Domine, famulum tuum", пока он жив, и после его смерти, начинающимся "Deus qui inter apostolos".

Об этой палате известно одно любопытное происшествие. Когда инспекторы рынка находили свинью, непригодную для еды, слишком худую, слишком старую или по какой-либо другой причине не подходящую для убийства, они отмечали это, отрезая животному уши. Затем прокторы церкви Святого Антония завладевали этим существом и повязывали ему на шею билль, чтобы обозначить свое право собственности. Этим свиньям, и никаким другим, разрешалось бегать по улицам и питаться тем, что они могли найти, или тем, что им давали. Если они вырастали толстыми и здоровыми, их убивали для нужд больницы. Но никто не осмеливался их трогать. "Но, - говорит Стоу, - если кто-нибудь давал им хлеб, они следили и ежедневно ходили за этими дарителями, скуля до тех пор, пока им что-нибудь не давали". После этого возникла пословица: "Такой-то пойдет за таким-то и будет скулить, как свинья Энтони".

В свое время школа была равна по репутации школе Святого Павла и выпустила столько же ученых и епископов - среди них сэр Томас Мор, архиепископ Хит и архиепископ Уитгифт. Он пришел в упадок после присоединения к собору Святого Георгия в Виндзоре. Некий Джонсон, пребендарий Виндзора и магистр Сент-Антони, похоже, воспользовался своим положением, чтобы разорить дом. Он выгнал бедесменов, распустил хор, вывез тарелки и продал колокола. После этого школа быстро пришла в упадок.

Раз в год, 15 сентября, когда школа процветала, мальчики проходили процессией от Майл-Энда по Олдгейту, по Корнхиллу до рынка Стокса, а затем до Остин-Фрайерс, с развевающимися флагами и барабанами.

После Расторжения брака церковь была передана валлонам, или французским протестантам, которые сохранили ее, отстроив после пожара, до недавнего времени.

Школа, которая не была закрыта в 1561 году, продолжала существовать как приходская гимназия, пока Великий пожар не уничтожил ее. После этого она не восстанавливалась.

Приятно отметить, что роспуск домов не лишил стипендиатов и постельничих их наделов. В 1565 году сборщик ренты Дома святого Антония указал в своих счетах сумму в 17 фунтов стерлингов, выделенную на обучение стипендиатов грамматике, и 31 фунт 4 шиллинга на стипендии двенадцати бедняков на один год с еженедельной платой в 1 шиллинг за каждого. Также 2s. было выплачено, как обычно, на "le skavinger".

ГЛАВА IX

ПРИОРСТВО СВ. ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО

История этого дома относится к истории рыцарей Святого Иоанна, или рыцарей-госпитальеров. Орден был основан около 1048 года, начав, как и все великие ордена, с малого и скромного - с госпиталя для паломников в Иерусалиме; после завоевания города братья были объединены в религиозную организацию, связанную обетами целомудрия, бедности и послушания; в 1118 году они стали военной организацией, поклявшейся защищать Гроб Господень. В течение двух столетий они стали чрезвычайно богатой организацией, единственными соперниками которой были тамплиеры. Поверх доспехов они

носили красный сюртук, а в качестве значка - Мальтийский крест, покрытый белой эмалью и окантованный золотом. Их девизом было "Pro fide", а позже к нему добавилось "Pro utilitate hominum".

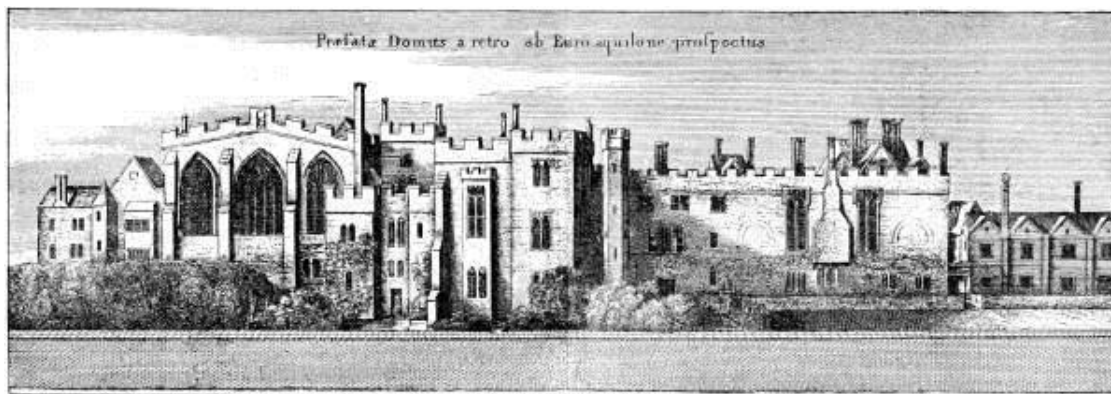
Около 40 000 рыцарей были разбросаны по различным приорствам, командорствам и прецепториям ордена; они были разделены на восемь "языков" - Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия, Германия и Кастилия.

Великий приор Клеркенвелла был первым бароном Англии; он обладал абсолютной властью над английским филиалом; после подавления тамплиеров госпитальеры получили номинальное пожалование всех своих владений, но они были так сильно обременены юридическими и другими расходами, что новые владельцы не сильно обогатились.

Церковь Приората была освящена Ираклием, патриархом Иерусалимским, в 1185 году. Английская ветвь рыцарей росла и процветала; они приобрели большое количество поместий; они посылали за границу компании и контингенты везде, где велась борьба с мусульманами; никто не мог обвинить рыцарей в том, что они отказываются выполнять свои клятвы в том, что касается борьбы. Но они стали очень непопулярны; как и тамплиеры, они приобрели репутацию деспотичных землевладельцев и гордых соседей. Во время восстания Уота Тайлера месть особенно сильно обрушилась на рыцарей-госпитальеров. Толпа напала на Приорат, захватила его, разрушила и подожгла; не позволяя никаким усилиям остановить пламя, они наблюдали за его горением в течение недели; они разрушили дом приора в Хайбери.

Когда восстание было подавлено, рыцари вернулись в свой разрушенный Приорат и принялись отстраивать его с еще большим великолепием; перестройка, проходившая в неторопливой средневековой манере, заняла почти двести лет; только в 1504 году дом был завершен сэром Томасом Докврой, тогдашним приором, и это было всего за одно поколение до подавления Ордена в Англии и конфискации его имущества.

Роспуск ордена произошел в 1540 году. Акт о его подавлении был впервые прочитан в Палате общин 22 апреля, второй раз - 26-го, третий - 29-го. 7 мая орден был подавлен. Стоимость его доходов в Англии оценивалась, согласно Стоу, в 3385 фунтов стерлингов: 19: 8; согласно Дагдейлу, в 2385 фунтов стерлингов: 12: 8. Последний приор, сэр Уильям Вестон, получил от короля обещанную пенсию в 1000 фунтов стерлингов в год - огромную пенсию, учитывая стоимость денег. Но он умер в день пресечения.

ПРИОРСТВО СВ. ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО, ЛОНДОН

Londina Illustrata, vol. i.

В отличие от многих домов, приорство с его благородной церковью на некоторое время избежало рук разрушителей. О том, что с ним случилось, рассказывает Стоу: - "Эта церковь и дом Приората.

"Эта церковь Приората и Дом Святого Иоанна были сохранены от порчи или разрушения до тех пор, пока правил король Генрих VIII, и использовались в качестве хранилища для королевских трудов и палаток, для охоты, для войн и т.д.; но в 3-й период правления короля Эдуарда VI., церковь, по большей части, а именно: корпус и боковые приделы, с большой колокольной (любопытнейшее произведение искусства, позолоченное и эмалированное, к большому украшению города, и превосходящее все другие, что я видел), была подорвана и взорвана порохом; камень из нее был использован при строительстве дома лорда-протектора в Стрэнде. Та часть хора, которая осталась, с некоторыми боковыми часовнями, была кардиналом Поулом в царствование королевы Марии закрыта в западном конце и отремонтирована иным образом; и сэр Томас Грешем, рыцарь, был тогда сделан лордом-приором там, с возвращением некоторых земель, но то же самое было снова пресечено в первый год королевы Елизаветы." (Survey, vol. ii.)

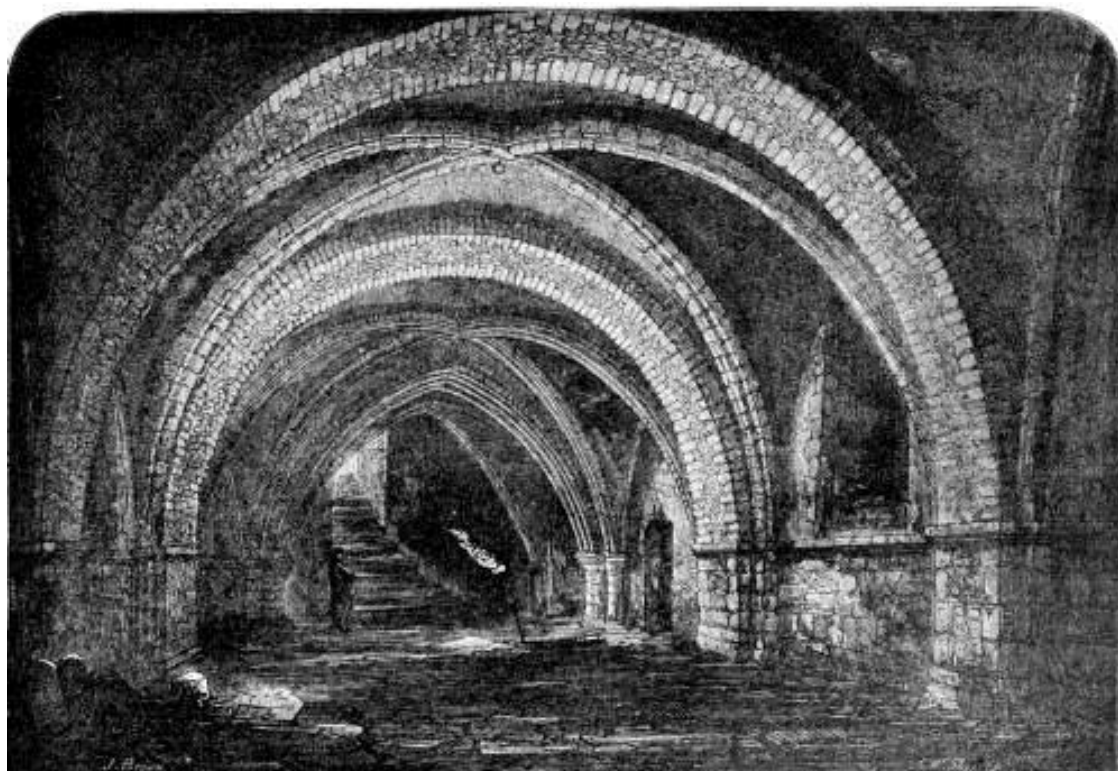
Даже тамплиеры, достигшие наивысшего расцвета, не превзошли этих рыцарей в великолепии и роскоши, в гордости и независимости. Будучи непопулярными, они не подвергались такому одиозному осуждению, как тамплиеры. В своей гордыне и своих привилегиях, правда, они были равны соперничающему ордену; они были такими же жесткими землевладельцами; но у них было огромное превосходство над тамплиерами в том, что они честно продолжали дело, ради которого были основаны: они сражались с мусульманами без перерыва в Акре, на Родосе, на Кипре, на Мальте и в Средиземном море. Они сохранили уважение всего мира за непобедимую храбрость.

В 1191 году рыцари-госпитальеры взяли Акко, который удерживали до 1292 года. Потеряв этот последний христианский оплот в Святой земле, они удалились на Кипр, где спокойно лежали, вынашивая свои планы в течение четырнадцати лет. Несомненно, именно знание о том, что они разрабатывают планы нового нападения на сарацинов, спасло их после гибели тамплиеров. В 1308 году они завоевали Родос, который защищали более двухсот лет. В 1522 году они были изгнаны с этого острова; немногие рыцари, оставшиеся в живых, уплыли с Родоса вместе с 4000 солдат и другими людьми и укрылись в Кандии, на Сицилии и в Неаполе, надеясь на помощь, чтобы снова захватить Родос. Этой помощи не последовало, но они приняли от Карла Пятого острова Мальта и Гозо, куда и переехали со всеми своими архивами и реликвиями в 1530 году. В течение двухсот пятидесяти лет после этого рыцари продолжали воевать с турками, алжирцами и маврами в Средиземноморье. Однако в 1798 году они позволили Наполеону высадиться на берег, не нанеся ни одного удара.

Их правила были настолько строгими, что поначалу кажется удивительным, как в них могло закрасться столько гордыни и роскоши. Но история каждого монашеского дома показывает, как можно уклониться от правил или подчиниться им настолько, чтобы уничтожить дух, придерживаясь буквы.

"Бедность, целомудрие и послушание: ожидать только хлеба и воды и грубой одежды. Священнослужители должны служить в белых сюртуках у алтаря. Священникам, в сюртуках, нести Святыню больным, а дьякон или дьячок предшествует им, неся фонарь и губку, наполненную святой водой. Братья могут выезжать за границу по назначению хозяина, но никогда поодиночке, чтобы не нанести обиду. Не нанимать для них женщин; при сборе

милостыни посещать церкви или известных людей и просить у них милостыню; если не получают, то покупать достаточно для пропитания; отчитываться за все свои поступления перед хозяином, а он должен раздавать их бедным, оставляя себе только третью часть провизии, а излишек отдавая бедным. Братьям ходить за милостыней только по разрешению; носить с собой свечи; не носить шкур диких зверей или одежды, унижающей орден. Есть только два раза в день в среду и субботу, а с Септуагезимы до Пасхи не есть никакой плоти, кроме как в преклонном возрасте или при недомогании. Спать накрывшись. В случае недержания наедине, каяться наедине и совершать епитимью; если брат будет обнаружен, его должны были лишить мантии в городской церкви после мессы, подвергнуть жестокой порке и изгнать из ордена; но, если он действительно раскаивался, его могли снова принять, но не без покаяния и годичного изгнания, и т. д."

CRYPT OF ST. ДЖОНА, КЛЕРКЕНУЭЛЛ

Если мы проследим судьбу Дома после воцарения Елизаветы, то обнаружим, что южные ворота были пожалованы королем Яковом в 1604 году сэру Роджеру Уилбрахаму в пожизненное владение. В 1607 году участок дома площадью пять акров был пожалован Ральфу Фримену и его наследникам. Хор, восстановленный или перестроенный кардиналом Поулом, стал собственностью сэра Уильяма Сесила; граф Элгин получил его в результате брака с Дианой, дочерью графа Эксетера; его сын, став графом Эйлсбери, назвал его Эйлсберийской часовней. Во времена правления Якова Второго в префекте Святого Иоанна был основан римско-католический монастырь монахов-бенедиктинцев. Рассказ об этой попытке приводится в "Истории Клеркенвелла" Т. Кромвелля: - "Оказывается, в период правления Якова Второго в Клеркенвелле был создан монастырь.

"Оказывается, в то время, о котором идет речь, некий *отец Коркер* был "резидентом в Англии при курфюрсте Колена" (Кельна); и что, сначала основав часовню в Савойе, откуда, из-за спора с иезуитами, король убедил его удалиться, "он

отправился в Сент-Джонс, искаженно называемый St. Jone's, и построил там очень красивый монастырь, который революция 1688 года снесла до основания, к его большому убытку, так как, будучи деканом розария, он переплавил большой золотой потир и паттен, чтобы помочь этому зданию, заменив их серебряными, точно такими же. Он причислил этот монастырь для обращения душ к тем вещам, на которые святые отцы Церкви разрешают тратить церковные сокровища". Этот монастырь, по-видимому, обошелся бенедиктинцам в значительную сумму денег; в их бухгалтерских книгах того периода часто встречаются записи о суммах, выплаченных на его возведение и т. д. В этих книгах он всегда называется "Фабрика" или "Фабрика в Клеркенвелле".

В 1721 году поместье было куплено Саймоном Мишеллом, а в 1723 году он отремонтировал и расширил часовню, которую продал уполномоченным по строительству пятидесяти новых церквей за 2950 фунтов стерлингов. Церковь была объявлена приходской, и к ней был приписан бывший участок Приората.

В настоящее время остатки Приората состоят из ворот, крипты церкви, некоторых фрагментов древних стен и фундаментов бывших зданий. Крипта, которая до недавнего времени была заполнена гробами, теперь расчищена; это один из самых замечательных памятников в Лондоне; при раскопках было обнаружено, что раньше она простиралась гораздо дальше на запад, вероятно, до всего объема церкви.

Гейтхаус состоит из самих ворот, двух комнат, по одной с каждой стороны, и большой камеры над ними. В 1731 году ее занял издатель Эдвард Кейв, и отсюда выходил журнал *Gentleman's Magazine*. Ассоциации Джонсона, Голдсмита и других с воротами относятся к другому месту.

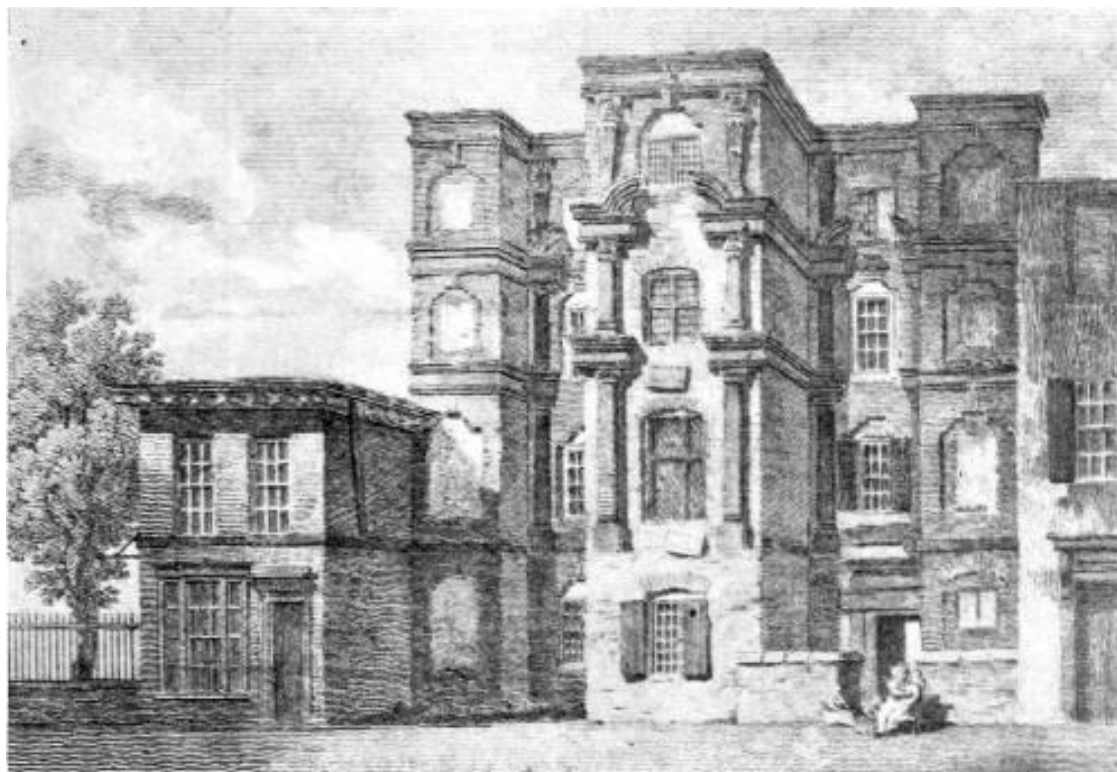
Некоторое время Гейтхаус служил таверной. В 1876 году в нем разместился капитул английского ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Тамплиеры

Теперь мы переходим ко второму из двух великих военных орденов, относящихся к эпохе Средневековья. Тамплиер, как и рыцарь-госпитальер, разъезжал по улицам со своей свитой, надменный, богатый, роскошный, ненавидимый народом как жесткий и жестокий землевладелец; ненавидимый королем за свои привилегии; церковью как находящийся вне епископальной юрисдикции; городом за свою гордыню и пороки, которые ему свободно приписывали.

История уничтожения ордена рыцарей-тамплиеров в 1306-1312 годах - это историческая проблема, которая, я полагаю, никогда не получит удовлетворительного объяснения. Основные факты хорошо известны. В 1305 году, благодаря влиянию Филиппа ле Бея, короля Франции, Бертран, архиепископ Бордо, был избран папой и принял титул Климента Пятого. Он стал первым из Авиньонских пап. В обмен на тиару Климент обязался совершить определенные деяния, числом шесть. Пять из них известны. Предполагается, что шестым, хранившимся в тайне, было подавление тамплиеров. Действительно, существовали различные причины, по которым король - или любой другой король в Западной Европе - должен был желать подавления этого ордена. Рыцари чрезвычайно разбогатели; некоторое представление об их богатстве можно получить, перечислив некоторые поместья, которыми они владели в одной только Англии. Возьмем одно графство, Хартфордшир (C. G. Addison's *Knights Templars*, p. 94). В этом графстве им ранее принадлежали город и лес Броксборн, поместье Челсин Тамплиеров (*Chelsin Templariorum*), поместья Лаугенок, Броксборн, Летчворт и Темпл Диннесли; земли в Стэнхо, Престоне, Чарлтоне, Уолдене, Хиче Челлесе,

Левекампе и Бенигхо; церковь в Броксборне, две водяные мельницы и замок на реке Леа; владения в Хичене, Пиртоне, Икилфорде, Оффели-Парве, Уолден-Реджисе, Фурнивейле, Иполице, Вандсмилле, Уоттоне, Терлетоне, Уэстоне, Грейвеле, Вилиене, Лекчуорте, Болдоке, Датворе, Рассендене, Кодпете, Сумершейле, Бантинфорде и т.д., и церковь Уэстона.

"ТЕМПЛАРЫ": СТАРИННЫЙ ДОМ В ХАКНИ

Рисунок и гравюра С. Роула.

Не следует думать, что Хартфордшир был исключительным в этом отношении; вся Англия была усеяна владениями ордена. Все эти земли были отданы ордену в то время, когда первый пыл крестовых походов угас, и принцы начали думать, что для страны будет лучше, если людям будут платить за борьбу с сарацинами. Поначалу тамплиеры были очень хорошим полком, великолепно экипированным и полным доблести. Содержать этот полк было, несомненно, хорошим делом, почти таким же хорошим, как лично сражаться. Земля была дана им с условием, что большая часть доходов будет ежегодно отсылаться Великому магистру Дома и Ордена в Иерусалиме. Кроме того, они владели ею на таких условиях, о которых раньше и слыхом не слыхивали; рыцари были освобождены от всех налоговых пособий и "амерсиментов"; их нельзя было принудить к суду, кроме как перед королем или его верховным судьей; они имели право проводить суды; налагать штрафы на своих арендаторов; проводить рынки; судить преступников, пойманных на их землях; они могли путешествовать без уплаты пошлины; они не были обязаны вносить вклад в строительство мостов и других сооружений; они отбирали имущество у всех преступников, пойманных на их землях. Но и это еще не все: они были освобождены от уплаты десятины; их не могли отлучить от церкви ни епископ, ни священник; их дома имели право святилища; у них был собственный церковный суд с судьей, которого они называли Conservator Privilegiorum Suorum. Великий магистр и Братство подчинялись только Папе; в Орден было принято большое количество священников, которые были полностью свободны от Церкви в любой стране. Этот великий орден в начале четырнадцатого века насчитывал, как утверждают, пятнадцать сотен рыцарей, с капелланами и служащими братьями, которых было бесчисленное множество. Доходы, как уже было показано, были огромны, и ни один пенни

не пошел на цели, ради которых орден был учрежден. Святая земля была очищена от христиан; Латинское королевство, название которого сохранилось, было уничтожено более чем на сто лет; выродившиеся внуки крестоносцев давно были рассеяны на четыре ветра; рыцари-тамплиеры и рыцари-госпитальеры были изгнаны из страны, даже из укрепленных портов: Яффа и Антиохия пали в 1268 году, Триполи - в 1290-м, Акко - в 1291-м. Затем тамплиеры, уменьшившись в численности, ушли на Кипр, откуда в 1300 году Жак де Морэ, последний Великий магистр, предпринял неудачную попытку захватить Александрию, а в 1303 году, когда он попытался основать поселение в Тортосе, исчезла не только власть рыцарей, но и их престиж. Эти даты необходимы, потому что они показывают, что как только тамплиеры оказались неспособны выполнять работу, ради которой они существовали, на них началась атака, и не раньше.

РЫЦАРЬ-ТАМПЛИЕР

РЫЦАРЬ-ТАМПЛИЕР: ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Центральный дом тамплиеров в Лондоне назывался Храмом. Сначала он был построен на северо-восточном углу Чансери-лейн. Остатки этого дома простояли до самых современных времен. Когда орден разбогател, его члены купили участок земли, простирающийся от Уайтфрайерс до Эссекс-хаус, и возвели там великолепный монастырь, часовня которого сохранилась до наших дней. Магистр Храма был магистром английских тамплиеров. Однако по стране было разбросано около пятидесяти прецепторий - монастырских заведений, каждым из которых управлял приор, а жили в них в основном больные или престарелые тамплиеры. Место расположения многих их прецепторий до сих пор сохранило название, например, Темпл Комб в Сомерсетшире, Темпл Ротли в Линкольншире и другие. В руках настоятелей прецепторий находилось управление поместьями и сбор ренты и пошлин.

ЧУЧЕЛО В ХРАМЕ
ЦЕРКВИ, ОШИБОЧНО
ОШИБОЧНО НАЗВАННОЕ ЧУЧЕЛОМ
ДЖЕФФРИ ДЕ МАНДЕВИЛЬ

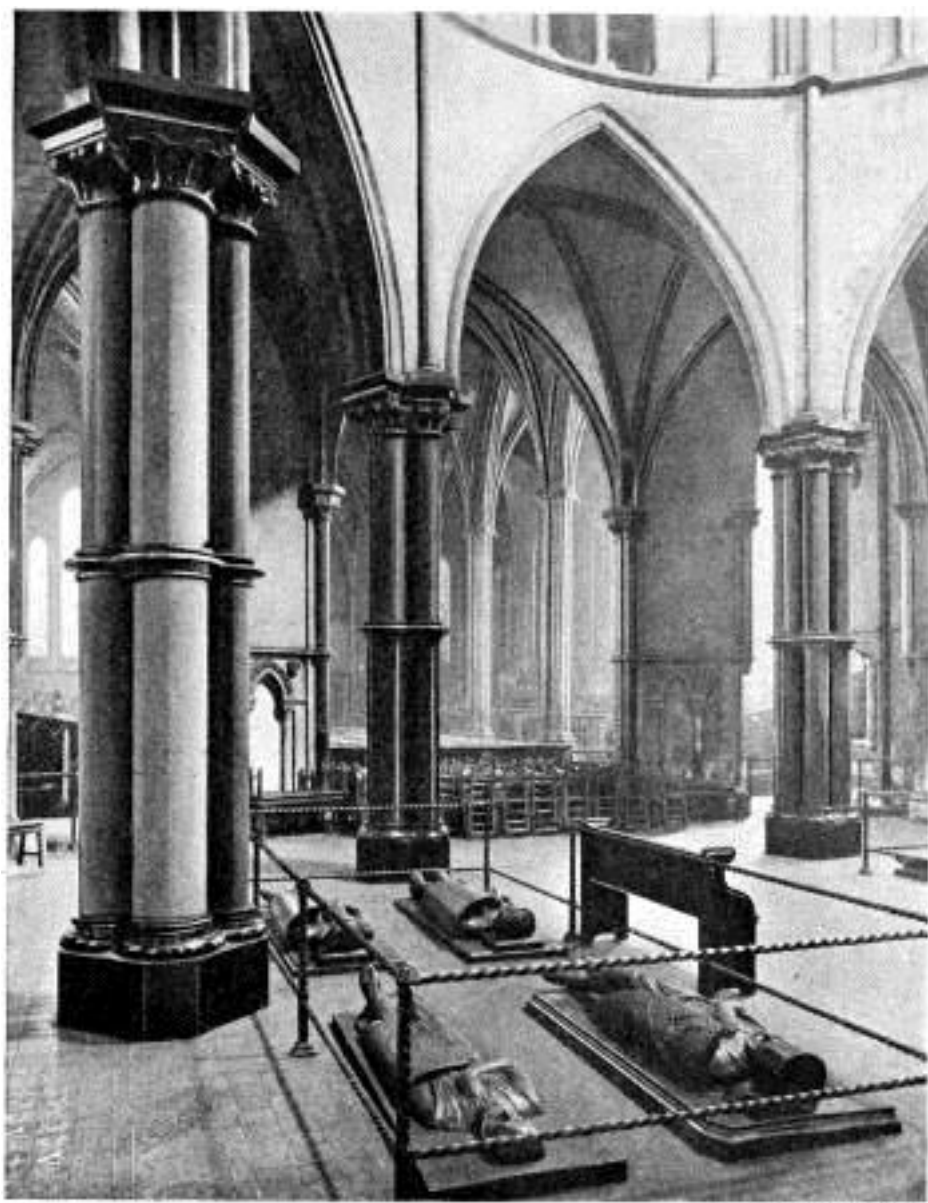
Лондонский храм, благодаря рыцарскому гарнизону, монашескому характеру и привилегии святилища, стал местом, где великие лорды и даже короли хранили свои сокровища. Дары королевы Беренгарины были переданы в руки тамплиеров. Губерт де Бург сделал Храм своим банком, и рыцари отказались позволить королевским чиновникам вывезти деньги и драгоценности, которые он передал на их попечение. Короли делали это место своей резиденцией; король Иоанн был там, когда его бароны пришли к нему с требованием "вольностей и законов короля Эдуарда". Генрих Третий, после небольшой ссоры с орденом, примирился с ними и некоторое время жил в Храме; он сделал их хранителями своих сокровищ; он присутствовал при освящении канцелярии их церкви в 1240 году. А некоторых кастильских послов он отправил в Храм в качестве своих гостей. Но к началу четырнадцатого века тамплиеры, несомненно, стали непопулярны. Королю было неприятно думать о поместьях и лордствах, которые не приносили королевству никаких доходов; дворяне недолюбливали иммунитет ордена и помнили, что земли тамплиеров когда-то принадлежали их предкам, прежде чем были благочестиво отчуждены; купцы не могли спокойно смотреть на ежегодный вывоз огромных сумм денег из страны; епископы жаждали десятины и относились к тамплиерам с подозрением и неприязнью как к объединенному телу, над которым они не имели власти. Наконец, солдаты и военные историки помнили, что в последние дни в Палестине Орден не подчинялся ни королю, ни епископу, ни Совету; рыцари стояли отдельно, компактным телом; так далеко, говорили, что они не поддерживали Крест в Святой Земле, а своей упрямой независимостью делали все возможное, чтобы свалить его. В войне нет более жесткого и непреклонного правила, чем правило подчинения одному генералу. Это правило тамплиеры нарушили. То, что они сражались с доблестью, никто не мог отрицать, но они сражались за себя. И наконец, раз в Палестине больше не было боевых действий и не было надежды на их начало, зачем было продолжать высылать все свои сокровища из страны? И какой толк от рыцарей-тамплиеров? Признаки

приближающейся бури появились после падения Акко в 1291 году. Эдуард Первый конфисковал деньги, предназначенные для отправки на Кипр, сославшись на то, что цели, ради которой они были отправлены в прежние годы, больше не существует. Правда, он отдал их по просьбе Папы Римского. Перед этим он конфисковал десять тысяч фунтов, принадлежавших тамплиерам, и эти деньги он не вернул. Эдуард Второй также забрал из Храма пятьдесят тысяч фунтов серебра, а также множество золота, драгоценностей и драгоценных камней. То, что эти акты насилия были совершены без протеста или возмещения, указывает на то, что власть тамплиеров сильно уменьшилась. Этих соображений в сочетании с невыносимой гордостью рыцарей и их великолепием, которое высмеивало мелкое дворянство, было достаточно, чтобы объяснить непопулярность ордена и всеобщее согласие на его подавление. А в обществах, как и в людях, когда они становятся непопулярными, начинают распространяться зловещие слухи, обвинения в преступлениях, слова.

6 июня 1306 года Климент Пятый направил приглашение Великим магистрам тамплиеров и госпитальеров, приглашая их обоих на конференцию по вопросу возвращения Святой земли. Считается, что в его намерения входило навлечь на оба ордена одну общую гибель. Однако, поскольку большая часть имущества тамплиеров впоследствии была передана госпитальерам, маловероятно, что в намерения Папы входило именно это. Жак де Морэ, Великий магистр тамплиеров, принял предложение: Великий магистр госпитальеров отказался присутствовать. Де Морэ прибыл во Францию с шестьюдесятью рыцарями и длинным обозом мулов, везущих его сокровища, оцениваемые в 150 000 золотых флоринов, и огромное количество серебра. 14 сентября король, не дожидаясь согласия Папы, отдал секретные приказы всем своим сенешалям, предписывая им созвать мощные силы в ночь на 12 октября; не открывать приказы до этой ночи, а затем исполнить их. В эту ночь все тамплиеры во Франции были арестованы. Мир с изумлением узнал, что этот великий и доблестный орден виновен в самых страшных преступлениях. Они были распределены по пяти категориям:

- (1) Что при посвящении они отреклись от Христа и наплевали на Крест.
- (2) Что они поклонялись идолу какой-то чудовищной формы.
- (3) Что на этих приемах они дарили и принимали отвратительные поцелуи.
- (4) Что они опускали слова освящения в мессе.
- (5) Что они практиковали противоестественные пороки.

Были и другие, более мелкие обвинения. Среди них, например, то, что Великий магистр претендовал на право даровать отпущение грехов; то, что они носили магический шнур; то, что они находились в тайном союзе с магометанами. Как возникли эти обвинения, доказать невозможно; говорили, что они исходили от некоего Сквина де Флориана, человека, который был заключен в тюрьму за свою порочную жизнь, и, по словам других, от некоего Носсо, тамплиера-отступника, которые между собой придумали и изобрели все это.

Photochrom Co. Ltd.

Фотохром Ко. Ltd.

ИНТЕРЬЕР ХРАМОВОЙ ЦЕРКВИ

То, как эти обвинения стали обвинительным актом против тамплиеров в Париже, как их пытали, пока они не признавались, и медленно сжигали до смерти, когда они отказывались, относится к общей истории ордена. Здесь же мы имеем дело только с тамплиерами в Лондоне. Французский король Филипп отправил гонца, некоего Бернара Пелетина, к Эдуарду Второму, своему зятю, информируя его об отвратительных преступлениях, в которых виновны тамплиеры, и призывая последовать его примеру. Эдуард поначалу отказался верить обвинениям. Но Папа Римский написал то же самое, и Эдуарду, вопреки его желанию, не оставалось ничего другого, как арестовать тамплиеров в Англии, Шотландии и Ирландии. Арест был произведен 8 января. К этому времени новости из Парижа облетели все прецептории страны; многие ожидали ареста, спасаясь бегством; но лидеры, магистр Храма, приоры и главные офицеры не делали попыток скрыться. Рыцарей, за исключением магистра, который был освобожден под залог, держали в тюрьме до сентября следующего года, когда прибыли два инквизитора, назначенные папой. Всего было 229 рыцарей. Сообщается, что произошла всеобщая скупка вещей и имущества рыцарей - несомненно,

храм и прецептории были полны серебряных пластин, гобеленов и доспехов. Суд начался в зале дворца епископа Лондонского. Первые допросы в Лондоне, Дублине, Йорке и Линкольне ничего не дали. Все без исключения упорно отрицали выдвинутые против них обвинения. В то же время, поскольку Папа прислал буллу, в которой считал уже доказанной вину ордена и преступление, в котором обвинялись его члены, инквизиция должна была признать рыцарей виновными. Здесь следует заметить, что, хотя пытки еще не применялись, рыцари не могли не знать о том, что делалось во Франции, где к несчастным узникам применялись пытки, слишком страшные, чтобы их можно было описать. Вероятно, они ожидали того, что должно было последовать. Однако позор пыток принадлежит Папе Римскому, а не Эдуарду. Именно Папа написал своему дражайшему сыну письмо, в котором увещевал его, что "вопрос" должен быть решен. Эдуард уступил: он приказал заключить узников в отдельные комнаты, чтобы инквизиторы посещали их и делали с их телами "все, что сочтут нужным, согласно церковному закону". Итак, в течение трех месяцев рыцари подвергались допросам под пытками. Ни один не признался ни в чем. Затем инквизиторы допросили свидетелей обвинения. Свидетельства от начала и до конца были получены со слов. Они свидетельствуют о большой ненависти к тамплиерам, поскольку о них могли шептаться, но нет ни малейших прямых доказательств. Затем рыцари составили декларацию веры, которую и передали. Она полна и ясна, в ней самым решительным образом утверждается их ортодоксальность и вера. Снова были применены пытки. К этому времени заключенные заполнили все городские тюрьмы. Кто-то находился в Тауэре, кто-то в тюрьме Олдгейт, кто-то в Крипплгейте, кто-то в Бишопсгейте, кто-то в Ладгейте, а кто-то в Ньюгейте.

На них надели кандалы; их поместили в одиночную камеру; их держали в подземельях; они жили на хлебе и воде; ослабленные, они подвергались пыткам инквизиции и беспокойству докторов богословия, которым наконец удалось добиться признания от двух служащих братьев и одного капеллана. В признаниях не было ничего, кроме того, чего хотели инквизиторы. Однако, вооружившись этим, они смогли удовлетворить Папу. Процесс против тамплиеров в Лондоне был, по крайней мере, более гуманным, чем в Париже. Пытки были, но по прямому указанию Папы; не было сожжения, даже магистра; не было и проклятого медленного поджаривания, которое делает французское дело таким зверским.

Чтобы положить конец инквизиции, в Лондоне произошло следующее. Епископы Лондонский, Винчестерский и Чичестерский побеседовали с некоторыми тамплиерами и сказали им, что они явно виновны в ереси, полагая, что Великий магистр имеет право отпускать грехи, и что для них было бы хорошо очистить себя от этой и любой другой ереси, в которой их могут обвинить. Заключенные ответили, что очень хотят очистить себя от любой ереси, в которую они могли впасть. Обратите внимание, что ни слова не было сказано ни об одном из пяти обвинений, выдвинутых Филиппом; они были спокойно сняты. Таким образом, тамплиеры были публично примирены с Церковью и получили отпущение грехов в форме слов, в которых было осторожно сказано, что "они не смогли полностью очиститься от ересей, изложенных в апостольской булле". Конечно, более ясного приговора о невиновности нельзя было вынести. Затем примирились остальные. Все, кроме Уильяма де Морей, магистра. Он умер в тюрьме от разрыва сердца. В то же время в Арагоне, Португалии, Таррагоне и Германии орден, хотя и подвергался пыткам, был признан невиновным в выдвинутых против него обвинениях. Спустя долгое время рассказывали, что при своем предсмертном вздохе Жак де Морэ призвал папу и короля встретиться с ним перед судилищем Божьим. Оба они умерли в следующем году. Все, кто, как сообщалось, и как считалось, был связан с испытаниями и жестокостями, пришли к плачевному концу. Жалкий

человек, придумавший обвинения, Сквин де Флориан, был повешен за какое-то новое преступление. А что касается мучительной смерти Эдуарда Второго, то люди шептались, что так и так с ним поступили в отместку за его отношение к тамплиерам. В первом десятилетии XIV века трудно услышать голос народа, хотя хотелось бы знать, что он думает о введении пыток в качестве судебного инструмента. Ведь до этих процессов пытки в Англии были неизвестны. Быть судимым, быть повешенным, отрубить руку, получить клеймо - все это люди понимали, но пыток они не знали. Более того, они были настолько невежественны в искусстве и методах пыток, что для обучения палачей были посланы два француза. К пыткам всегда относились не только англичане, но и судьи и юристы с таким ужасом, которого не было на континенте, где продолжали пытать заключенных вплоть до XVIII века. Нет сомнений, что ненависть к римско-католической религии впоследствии разжигалась и поддерживалась сообщениями из Испании и Португалии о пытках, которым инквизиция подвергала заключенных во имя этой религии. Тюдоровские государи иногда применяли пытки. Но в 1628 году судьи признали незаконными пытки Вильерса, убийцы Бекингема. Учитывая массовый характер пыток тамплиеров, а также то, что они проводились в городских тюрьмах, и то, что они были хорошо известны мэру и шерифам, а значит, надо полагать, и всему миру, можно было бы ожидать, что в сознании людей останется какое-то воспоминание об этом событии, какой-то затянувшийся ужас. Но ничего подобного нет. Пламя Смитфилда, в котором повинна Мэри, остается в памяти людей. Но жестокие пытки этих людей и их незаслуженные страдания сразу же ушли из памяти и были забыты. Три с половиной года английские тамплиеры находились в тюрьме. Они были арестованы в январе 1308 года и освобождены в 1311 году. В апреле 1312 года на Соборе, состоявшемся в Вене, орден был окончательно пресечен.

Имущество тамплиеров по приказу папы римского было передано рыцарям-госпитальерам. Их личная собственность, огромные груды золотых и серебряных пластин, мебель, gobelены, доспехи, драгоценные вещи, мешки с деньгами были конфискованы и растащены с самого начала. Если богатый прецепторий вдруг оказывался пустым и заброшенным, за исключением нескольких слуг на улице, любой соседний барон мог войти и вынести все содержимое. Их поместья и лордства, их церкви, деревни, пошлины и права король Эдуард раздавал щедрой рукой. Ни один король со времен Вильгельма Завоевателя не раздавал так много, как Эдуард; и ни один король не будет иметь столько до роспуска домов. Папа выступил с разъяснениями. Но заставить новых владельцев отказаться от своих владений было трудно: был принят парламентский акт, но он оказался бесполезным. Позже, при Эдуарде Третьем, был принят другой акт, и часть имущества была передана госпитальерам. Во Франции Филипп передал все, но так обремененный собственными требованиями, что госпитальеры оказались ничуть не богаче.

Свидетельства и признания наводят на определенные размышления. Например, рыцари носили магический шнур. То, что шнур существовал, ясно, и все они носили его, но в основном не знали его значения. Он должен был напоминать им об обетах целомудрия; предполагалось, что его пропускали вокруг талии Девы Марии. Шнур остался, но его символическое значение было утрачено. Что же касается отрицания своей религии, братского поцелуя и т. д. Существовало и существует множество мужских обществ, в которых существует тайная форма инициации, с церемониями, которые носят символический характер. Я не вижу причин сомневаться в том, что при посвящении тамплиера его вводили в зал голым или только в рубашке - он должен был быть без гроша в кармане, голым, без оружия, беспомощным - все мирские дары он должен был получить от своих братьев. Не слишком ли много, если предположить, что он проходил через форму поклонения идолу, изображенному на статуе или картине, находясь в этом голом, доисторическом состоянии,

чтобы получить свою религию также от рыцарей, и таким образом быть обязанным Братству всем в этом и следующем мире? Принимая во внимание другие инициации, о которых мы кое-что узнали, я вполне готов признать вероятность такой церемонии. Что же касается происхождения слухов, то достаточно жить в невежественную эпоху, быть возвышенным над обычным стадом благодаря богатству, быть отделенным от остального мира и соблюдать тайну в отношении некоторых форм и церемоний. Против таких людей быстро появятся слухи и сплетни, которые распространятся по всему миру и заполонят всю землю. И это, можно быть уверенным, не будут сообщения о добродетели или слухи о святости.

Передача имущества тамплиеров их соперникам заставляет усомниться в том, что целью Папы был грабеж. Поскольку мы не можем поверить, что он уничтожил один орден из-за его богатства и могущества только для того, чтобы сделать другой орден еще богаче и могущественнее, кажется несомненным, что ревность к богатству тамплиеров не была причиной действий понтифика. Так была ли это действительно вера в обвинения, выдвинутые против них? Мы видели, что, насколько известно, не было никаких доказательств, подтверждающих эти обвинения: в Испании, Португалии и Германии орден был признан "невиновным"; в Лондоне был вынесен вердикт, практически равнозначный "невиновности"; и только в Париже рыцари были приговорены к наказанию как еретики и рецидивисты. Если Климент Пятый действительно поверил в слуховые свидетельства о невероятности и невозможности, то он должен был обладать гораздо меньшей способностью к судейству, чем это свойственно даже церковному уму. Если бы такой человек был мирянином, его бы назвали самым озорным глупцом, когда-либо сидевшим на судебной скамье. Предположим, что Климент не был дураком, что тогда? Зачем он написал эти буллы? Было ли это сделано в соответствии с шестым условием, согласованным с Филиппом? Несет ли Филипп, и только Филипп, ответственность за это ужасное преступление, величайшее из всех преступлений Средневековья? Неужели он уничтожил орден только ради его богатства? И не воспользовался ли он, чтобы завладеть им, невежественными и досужими сплетнями, которые ходили о нравах и обычаях Тайного дома? И на все эти вопросы бесполезно даже предлагать ответ.

ГЛАВА X

КЛЕРКЕНВЕЛЬСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Принято считать, что основательницей монастыря, посвященного Чествованию Бога и Успению Девы Марии, была некая Джордан Брисет около 1100 года. Стоу говорит так, будто в этом вопросе вообще нет никаких сомнений: - "За этим домом святого Джордана Брисета.

"За этим домом Святого Иоанна находился Приорат Клеркенвелла, названный так из-за прилегающего к нему Кларкс-Уэлла; этот Приорат также был основан около 1100 года Джорданом Бризетом, бароном, сыном Ральфа, сына Брайана Бризета: Который подарил Роберту, священнику, четырнадцать акров земли, лежащей на поле, примыкающем к упомянутому Кларкс-Уэллу, чтобы тот построил дом для религиозных людей, который он воздвиг в честь Бога и Успения Богоматери; и поместил в нем черных монахинь. Этот Джорден Брисет также подарил тому дому один участок земли, на котором он построил ветряную мельницу и т.д. После роспуска этого Приората он стал приходской церковью, называемой Сент-Джеймс, Клеркенвелл".

Мистер Дж. Раунд, однако, обнаружил, что дата основания была установлена слишком рано, и что основателем был вовсе не Джордан Брисет, а некий человек, названный младшим сыном недоарендатора из "Domesday", который сам основал приорства Брисет для остинских монахов и Стэйнгейт для монахов-кониан. По мнению мистера Раунда, и этот дом, и приход Святого Иоанна были основаны около 1145 года.

Стоимость дома на момент сдачи составляла, согласно Дагдейлу, 262 фунта 19 шиллингов 0 шиллингов, согласно Спиду - 282 фунта 16 шиллингов 5 шиллингов. В Календаре завещаний нет ни одного завещания монахиням этого дома.

Изабелла, последняя настоятельница, была дочерью сэра Ричарда Сэквилла. Она представляет собой еще один пример, доказывающий, что монастыри и женские обители перешли в руки знатных и благородных семей. После роспуска она получала пенсию в размере пятидесяти фунтов в год; она умерла в 1569 году и была похоронена в своей собственной церкви.

Место для Дома было отдано герцогу Норфолку, который обменял его у короля на другое место. Затем Уолтер Хенли и Джон Уильямс, рыцари, получили грант на это место. В течение последующих ста лет он переходил из рук в руки. В частности, им владел сэр Томас Чаллонер, воспитатель принца Генриха, сына Якова Первого. Он построил просторный дом на территории Приората, на фасаде которого выгравировал следующие строки, редкую дань памяти ушедшим сестрам: "Casta Fides superest".

"Casta Fides superest, velare tecta Sorores

Ista relagatæ deseruere licet:

Nam venerandus Hymen his vota jugalia servet,

Vestalemque focum mente fovere studet."

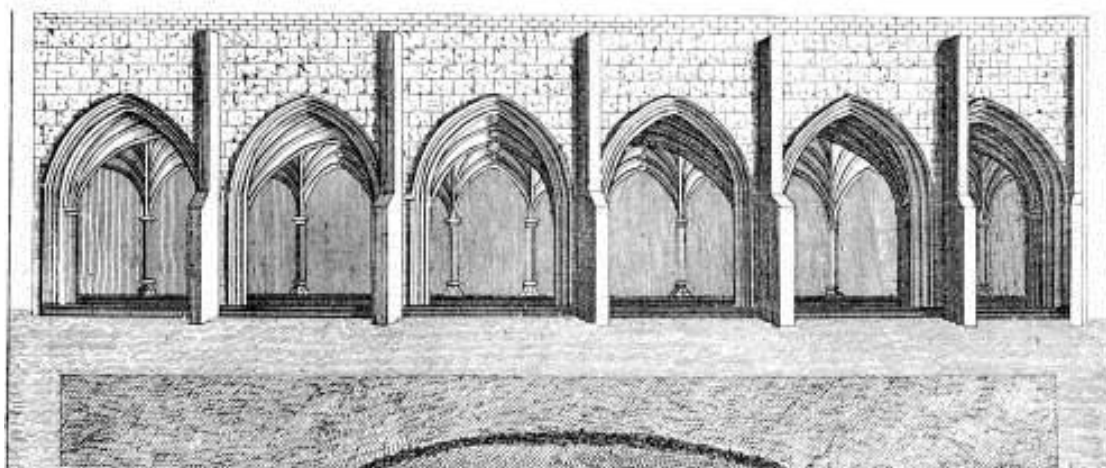
Таким образом, Фуллер утверждает:...

"Целомудренная Вера все еще остается позади, хотя и улетает.

Те монахини в одежде, что здесь прежде покоились:

Для благородного брака супружеские обеты даёт,

И священный огонь хранит здесь в верной груди".

ДРЕВНИЕ МОНАСТЫРИ В КЛЕРКЕНВЕЛЛЕ

Некоторые остатки монастырей сохранились в 1785 году. Они были изображены в журнале Gentleman's Magazine за тот год.

Церковь Святого Иакова изначально была хором женского монастыря, а после роспуска стала приходской церковью.

"Около 1623 года шпиль упал, простояв без всякого ремонта; в записях этой церкви не удалось найти ни одного упоминания о подобном. Этот шпиль при его перестройке и близком завершении снова упал, по недосмотру гробовщика, который не проверил прочность того, на что ему предстояло водрузить такую тяжесть. Вместе со шпилем упали колокола, их каретки и рамы, повалив перед этим большую часть крыши, а вес всего этого вместе свалил на землю два больших столба южного нефа, изрядную галерею над кафедрой, кафедру, все скамьи и все, что было под ними или рядом с ними". Однако к 1627 году церковь была капитально отремонтирована, а шпиль обновлен, на что было потрачено 1400 фунтов стерлингов.

25 августа 1788 года земля была подготовлена для строительства новой церкви, которая была освящена 10 июля 1792 года Бейлби Портеусом, епископом Лондонским". (London and Middlesex Notes, pp. 80-81.)

ГЛАВА XI

ST. ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ, ИЛИ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ХОЛИУЭЛЛ

Монастырь Халиуэлл, или Холиуэлл, был назван в честь святого источника или колодца на восточной оконечности Финсбери Филдс, в приходе Святого Леонарда, Шордич. В окрестностях Лондона было много других святых колодцев, особенно тот, что находится на Стрэнде, к западу от церкви Святого Клементя Дейнса. Как один источник стал считаться святым по сравнению с другими, неизвестно. Однако несомненно, что этот источник в Шордиче был местом значительного отдыха и большой святости, что послужило достаточной причиной для того, чтобы его владелец, Роберт Фиц Гелран, каноник собора Святого Павла, обнес его стеной и возвел над ним женский монастырь. Дом был построен в честь Христа, Девы Марии и святого Иоанна Крестителя для монахинь-бенедиктинок. Это было сделано примерно в 1127 году. Роберт, граф Глостер, Ричард Первый, Генри де Холлингбери, Саймон, епископ Ели, Джон де Гейтсбей, Ричард де Бомес, епископ Лондона, Стивен Грейвсенд, епископ Лондона, сэр Томас Ловелл были главными благодетелями этого дома. Ричард Первый подарил монахиням часть болота, на котором был построен их дом; он также подарил им церковь в Дантоне, земли в Бедфордшире, в Кембервелле, в Суррее, и в лондонском Сити. Нет необходимости перечислять все эти дары. Незадолго до роспуска Дом был перестроен сэром Томасом Ловеллом. Он наделил его еще большим количеством земли и похоронил в часовне, построенной им самим для своей усыпальницы, не подозревая, что менее чем через поколение дом, часовня и все остальное будет разрушено. На расписных окнах и на стенах были начертаны такие стихи:...

"Все вы, монахини Халиуэлла

Молитесь день и ночь

За душу сэра Томаса Ловелла.

Которого Гарри Седьмой сделал рыцарем".

Годовой доход женского монастыря Холиуэлл после сдачи составлял 293 фунта стерлингов по данным Стоу, 347 фунтов стерлингов: 1:3 по данным Спида.

В 1553 году следующие сестры были еще живы и получали пенсии: Сибилла Нудигейт, в год, L *li.*; Елена Клавер, в год, liij s. iiij *d.*; Алисия Мартейн, годовая, iiij *li.*; Алисия Голдвелл, годовая, iiij *li.* vj s. viij *d.*; Беатрика Фицлевас, годовая, Lxvj s. viij *d.*; Агнес Болни, годовая, Liiij s. iiij *d.*

В 1544 году королева Екатерина Парр попросила этот участок для Генри Уэбба. Его дочь принесла это место своему мужу, сэру Джорджу Пекхэму. Церковь и дом были снесены, а на месте построены дома "для проживания дворян, чужестранцев и других".

В 1785 году был снесен последний значимый фрагмент - каменные ворота: до сих пор сохранились несколько стен, небольшая арка и часть дверного проема в подвале таверны под названием "Старый король Джон".

На месте земли, принадлежащей Дому, были построены два ранних театра - "Занавес" и "Театр".

ГЛАВА XII

БЕРМОНДСЕЙСКОЕ АББАТСТВО

Абсолютное забвение, в которое погрузился этот некогда благородный дом, так что среди людей, живущих на его территории, больше нет ни памяти, ни традиций о его существовании, не лишено аналогов в случае с другими лондонскими домами. Однако он примечателен тем, что его территория и сады оставались открытыми и незастроенными до ста лет назад, в то время как почти на памяти людей сохранилось множество руин и частей прежних зданий.

Внутренняя история аббатства, естественно, не представляет интереса. Сохранился список приоров и аббатов: их было шестьдесят девять с момента основания дома в 1082 году до роспуска в 1538 году. Таким образом, продолжительность правления каждого приора составляла в среднем шесть с половиной лет; но многие из них умерли вскоре после своего избрания, что свидетельствует о том, что избрание происходило, как правило, по старшинству, или, по крайней мере, что братья выбирали в качестве своего главы того, кто был в летах и имел большой опыт.

Сначала и на протяжении трехсот лет Дом был чужим Приоратом, зависимым от Приората Ключни. Он был основан жителем Лондона по имени Эйлвин или Этельвин Чайлд в 1082 году. В эту страну ключников привез Уильям, граф Уоррен, который вместе со своей женой Гунхильдой остановился в Ключни и был очень впечатлен святостью и преданностью братьев. Он убедил аббата разрешить некоторым монахам приехать в Англию и в 1077 году основал ключниковский дом в Льюсе. За ним последовал еще один в Уэнлоке, а в 1082 году - дом в Бермондси.

Среди благотворителей дома были Уильям Руфус, Мария, сестра королевы Генриха Первого, сам король, король Стефан, графы Глостер и Стаффорд и многие другие. В 1390 году, при Ричарде Втором, Бермондси перестал быть чужеземным приорством и стал денизеном. Это произошло не без протеста со стороны Ключни. Пятьдесят лет спустя три монаха-ключнийца были посланы сюда, чтобы изложить претензии Материнского дома. Братья изложили свою позицию, но не смогли добиться внимания к своим аргументам. Один из них умер в этой стране, двое других вернулись домой, так ничего и не добившись. Жалостливое письмо аббату Сент-Олбанса объясняет их положение: - "Для остальных известно, что это не так.

"Что касается остального, то да будет вам известно, милорд, что, потратив четыре с половиной месяца на наше путешествие и следуя нашему Праву у светлейшего лорда короля и его Тайного совета, мы ничего не добились: более того, нас отправили назад весьма удрученными, лишили наших поместий, отняли наши пенсии, и, что еще хуже, нам отказано в послушании всех наших монастырей, коих насчитывается 38: Ни наши юридические акты, ни свидетельства ваших хроник ничего нам не дали, и в конце концов, после всех наших мольб и расходов, мы вернулись домой без денег, ибо, по правде говоря, после оплаты того, что мы съели и выпили, у нас осталось всего пять крон, чтобы пройти назад около 260 лиг. Но что же делать? Мы продадим все, что у нас есть; мы пойдем дальше, и Бог все устроит. Больше ничего не приходит в голову, чтобы написать вашему отцу, но как мы въехали в Англию с радостью, так и уезжаем оттуда с печалью; мы похоронили одного из наших спутников - архидиакона, самого младшего из нашей компании. Да упокоится он с миром! Аминь."

ГЕРБ И ПЕЧАТИ НАСТОЯТЕЛЯ И МОНАСТЫРЯ С^Т. СПАСИТЕЛЯ В БЕРМОНДСИ
 W. Б. Гроув.

Заседания Совета время от времени проводились в Бермондси: в царствование Генриха Третьего многие дворяне, принявшие Крест, собирались здесь для обсуждения. В 1213 году тогдашний приор Ричард основал в Саутварке альмонерию, которая впоследствии превратилась в госпиталь Святого Томаса.

В 1276 году возник спор между епископом Винчестерским, который претендовал на ежегодную прокурсию, развлечение на один день во время своего визита, и Домом.

В 1309 году из-за прорыва в речной стене земли Дома были настолько повреждены, что братья были освобождены от поставок сена и кукурузы.

В 1324 году Эдуард Второй выдал грамоту на арест настоятеля, Джона де Каузансия, и некоторых монахов за укрывательство мятежников. Вероятно, это были приверженцы Томаса, графа Ланкастера, который после поражения при Бороубридже укрылся в аббатстве. В 1337 году епископ Эли отлучил от церкви некоторых людей за кражу принадлежащего ему ястреба из монастыря аббатства. Много других ассоциаций возникает вокруг этого дома. Мармион, лорд Фонтенэ, был благодетелем Бермондси; монахи продали свои земли в Саутварке во времена Ричарда Второго Роберту Парижскому, от которого это место получило название Парижские сады; кардинал Бофор посетил аббатство и был принят в процессии монахами. Приор Генри, впоследствии аббат Гластонбери, принимал активное участие в освобождении короля Ричарда.

В 1323 году большая церковь Святого Спасителя в Бермондси и большой алтарь были посвящены в честь Святого Спасителя и Пресвятой Девы и Всех Святых. В тот же день были посвящены еще три алтаря в церкви - Крестовый, в честь Богородицы и святого Фомы Мученика, а также в честь святого Андрея и святого Иакова и всех апостолов.

Здесь были похоронены Леофстан, Портрив Лондона в 1115 году; Уильям Мортэйнский, или Мортэйн, граф Корнуолла; Мария, дочь Малькольма Третьего из Шотландии и сестра королевы Мод, которая умерла 18 апреля 1115 года. На ее могиле высечена следующая надпись:.

"Nobilis hic tumulata jacet Comitissa Maria:

Actebus hæc nituit: larga benigna fuit.

Regum sanguis erat: morum probitate vigeat,

Compatiens in opi: vivit in arce Poli".

Также Матильда, дочь Гая, графа Уорика, умершего в 1368 году; Маргарет де ла Поль; Анна, вдова лорда Одли, и убитый герцог Глостер, до того как его тело перевезли в Вестминстер.

Но самыми прославленными обитателями дома были две королевы, умершие в его стенах.

Первой из них была Екатерина Валуа, вдова Генриха Пятого, которая тайно вышла замуж за Оуэна Тюдора и стала бабушкой Генриха Седьмого. Об этом браке не узнали в течение нескольких лет. Королеве, должно быть, служили преданно и лояльно, ведь дети не могут рождаться без наблюдения. Оуэн Тюдор, должно быть, вел дела с благоразумием выше всяких похвал. Несомненно, рядовые члены семьи ничего не знали и не подозревали, потому что прошло несколько лет, прежде чем возникли какие-либо подозрения. Всего родилось три сына и одна дочь. Старший, Эдмунд из Хэдхэма, был назван так потому, что родился там; второй, Джаспер, был из Хэтфилда; третий, Оуэн, из Вестминстера; младшая, Маргарет, умерла в младенчестве.

Подозрения вызвало время рождения Оуэна, которое произошло, очевидно, раньше, чем ожидалось, и без всех необходимых мер предосторожности, в королевском доме в Вестминстере. Младенца сразу после рождения тайно отвезли в монастырь Святого Петра. Маловероятно, что аббат принял ребенка без полного знания его родителей. Однако он принял ребенка, и здесь маленький Оуэн остался, вырос в монастыре и в свое время принял обеты. Здесь он жил и здесь он умер, бенедиктинец Вестминстера.

Похоже, что Хамфри, герцог Глостерский, услышал какой-то шепот или слух об этом рождении, или ему что-то рассказали об истинной природе болезни королевы, потому что он издал весьма необычную прокламацию, предостерегая весь мир от брака с вдовствующими королевами, как будто эти дамы растут у каждой изгороди. Однако когда через год или около того после этого родился четвертый ребенок, Маргарет, Хамфри узнал всю правду: о деградации, как он считал, королевы, опустившейся до такого союза с человеком скромного ранга, и о дерзости валлийца. Он незамедлительно принял меры. Он отправил Кэтрин с несколькими ее фрейлинами в аббатство Бермондси, где она должна была оставаться в почетном заточении: он арестовал Оуэна Тюдора, также священника - вероятно, того самого священника, который совершил брак, и его слугу, и отправил всех троих в Ньюгейт.

Всем троим удалось сбежать из тюрьмы. В этот момент история становится запутанной. Сам король, как нам рассказывают, будучи тогда пятнадцатилетним подростком, послал к Оуэну приказ явиться на совет. Почему они не арестовали его снова? Оуэн, однако, отказался довериться Совету - не был ли среди них Хамфри, герцог Глостерский? Он попросил о конвоировании. Они пообещали его в устной форме. Где же он был, чтобы все эти послания отправлялись взад и вперед? Думаю, он должен был находиться в Санктуарии. Он отказался от устного послания и потребовал письменного конвоя. Оно было ему предоставлено, и он вернулся в Лондон. Но он не поверил даже письменному обещанию; не желая предстать перед Советом, он укрылся в Вестминстерском соборе, где его боялись схватить. И здесь он оставался некоторое время. Говорят, что они пытались выманить его оттуда, присылая старых друзей, которые приглашали его в таверны за пределами аббатства. Но Оуэн не поддавался на уговоры. Он знал, что герцог Хамфри покончит с ним, если сможет. Поэтому он остался на месте. Я думаю, что у него, должно быть, было какое-то тайное соглашение с королем, потому что однажды, узнав, что сам Генрих находится в Совете, он внезапно предстал перед ним и заявил о своей правоте. Мягкий молодой король, нежный к своей матери, не позволил продолжать дело, а велел ему выйти на свободу.

Он удалился, поспешив покинуть столь нездоровый воздух; он направился в Уэльс. Здесь враждебность герцога Хамфри преследовала его по-прежнему; его снова арестовали, отвезли в Уоллингфорд и поместили в тамошний замок в качестве узника. Из Уоллингфорда его снова перевели в Ньюгейт, его самого, его священника и его слугу. В очередной раз они все трое сбежали из тюрьмы, "нецензурно" ранив надзирателя при достижении свободы, и вернулись в Уэльс, выбрав для проживания горные районы, в которые английские гарнизоны никогда не проникали.

Когда король достиг совершеннолетия, Оуэну Тюдору разрешили вернуться и назначили пенсию в 40 фунтов стерлингов в год. Примечательно, однако, что он не получил никакого повышения или звания; он никогда не был посвящен в рыцари, и титул эсквайра был единственным, под которым он был известен. Похоже, что притязания Оуэна Тюдора на звание джентльмена не были признаны ни королем, ни глашатаями. Возможно, валлийское дворянство было так же мало понятно этим норманнам, как и ирландское королевское достоинство - однако по длине родословной и валлийцы, и ирландцы значительно превосходили норманнов.

Двое сыновей, Эдмунд и Джаспер, были отданы под опеку Кэтрин де ла Поул, аббатисы Баркинга и сестры графа Саффолка. Когда король достиг совершеннолетия, он вспомнил о своих сводных братьях; Эдмунд стал графом Ричмондом, Джаспер - графом Пембруком; оба получили титул раньше всех остальных английских графов. После этого Эдмунд был женат на Маргарет Бофорт, которая, будучи графиней Ричмондской, стала основательницей

колледжей Христа и Святого Иоанна в Кембридже. Ее сыном, как всем известно, был Генрих Седьмой.

Что касается Оуэна Тюдора, то этот галантный авантюрист, который так хорошо начал на поле боя, так же хорошо и закончил, сражаясь, как и положено, за своего пасынка и короля, под значком Красной розы. Когда начались Гражданские войны, он присоединился к войскам короля, хотя ему было уже ближе к семидесяти, чем к шестидесяти. Он сражался при Уэйкфилде; преследовал йоркистов до Мортимерс-Кросса, где произошла еще одна битва. Ланкастеры потерпели поражение. Оуэн попал в плен и был жестоко обезглавлен на поле боя. Это было правильно и справедливо, что он так сражался и так погиб. Он пережил свою королеву на двадцать четыре года.

Екатерина прожила не более года после своего заточения. Незадолго до смерти она составила завещание, в котором нет ни слова о ее втором муже или детях от Оуэна Тюдора. В преамбуле она заявляет: "Я доверяю, - обращаясь к своему сыну королю, , - и совершенно уверена, что среди всех существ земных вы лучше всех можете и будете благосклонны к моей воле, распоряжаясь моей душой и телом, следя за тем, чтобы мои долги были уплачены, а мои слуги были обслужены, и нежно и благоприятно исполняя мое намерение".

Второй королевой, умершей в Бермондсийском аббатстве, была Елизавета Вудвилл. Ее заточение в аббатстве было воспринято с большим удивлением. Это произошло в 1486 году, когда в Ирландии вспыхнуло восстание в пользу мнимого графа Уорика, сына герцога Кларенса: был проведен совет, после которого, без объяснения причин и предъявления каких-либо обвинений, овдовевшую королеву перевезли в Бермондси, где она оставалась до конца своих дней. Общепринятая причина заключалась в том, что она знала Эдуарда Плантагенета и могла подсказать и проинструктировать претендента в его образе принца. Бэкон говорит: "Из предшествующих и последующих действий наиболее вероятно, что главным источником и мотивом этого поступка была вдовствующая королева; несомненно, она была занятой, ведущей переговоры женщиной, и в ее покоях вынашивался удачный заговор короля против Ричарда Третьего, о котором король знал и помнил слишком хорошо; и в то время она была крайне недовольна королем, считая свою дочь, как король вел дело, не продвинутой, а подавленной".

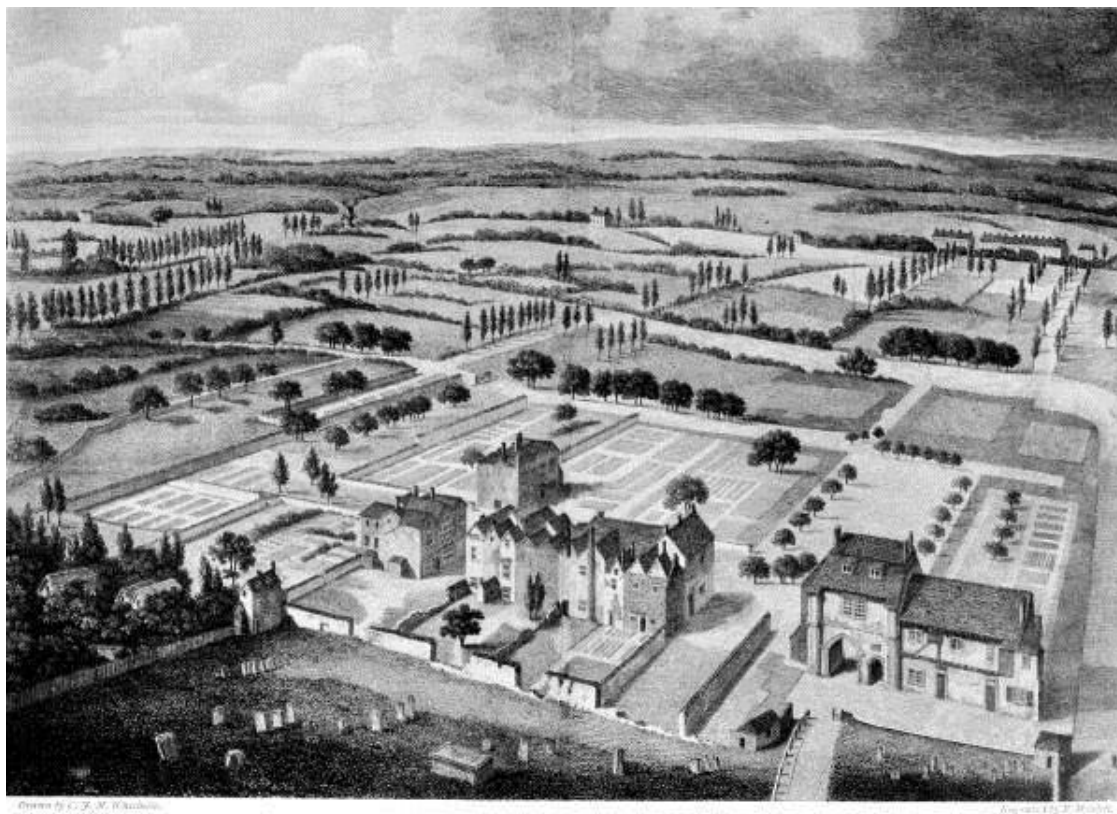

АББАТСТВО БЕРМОНДСИ

Нелегко найти сочувствие к этой несчастной женщине, однако в истории мало сцен, более полных пафоса и скорби, чем та, когда ее мальчик Ричард был вырван из ее рук; и она знала - все знали, даже архиепископы, когда давали свое согласие, знали, - что мальчик должен быть предан смерти. Когда говорят о королевах и их несчастьях, вспоминают, что немногие королевы страдали больше, чем Елизавета Вудвилл. В своих несчастьях она стоит особняком от других королев, ее единственными спутницами были Мария Шотландская и Мария Антуанетта. Ее послужной список полон горестей. Но в той долгой войне, кажется, невозможно найти ни одного персонажа, мужчины или женщины - если только это не король Генрих, - который был бы верен и предан. Все - все лживы, вероломны, жестоки, корыстны. Все горды, как Люцифер. Убийство - друг и спутник самого благородного лорда, лжесвидетельство идет по другую сторону от него, вероломство - за ним, все - его приспешники. Елизавета встретила лжесвидетельство и предательство интригами, заговорами и контрзаговорами; она была дочерью своего времени. Ее обвиняли в причастности к заговорам Ламберта Симнела и Перкина Уорбека; она была большей йоркисткой, чем ее муж; она ненавидела Красную розу еще долго после того, как Красная и Белая соединились в ее дочери и Генрихе Седьмом. То, что ее подозревали в этих интригах, показывает, какой характер она носила. Мы должны сделать поправку: она всегда находилась в ложном положении; Эдуарду не следовало на ней жениться; ее ненавидела собственная партия; в интересах своих детей она была вынуждена постоянно обороняться; и в своем поведении защитника она была дочерью своего века. Все это, однако, несколько лишает ее жалости, которую мы должны испытывать к стольким несчастным.

Ей тоже пришлось уйти в уединение в Бермондси, где она могла сидеть и смотреть, как поднимаются и опускаются корабли, и чувствовать, что мир, к которому она больше не имела отношения, все еще продолжается. Высказывалось предположение, что она добровольно удалилась в аббатство. Такое затворничество было не в характере Елизаветы Вудвилл, пока оставалась дочь или родственник, за которого можно было бороться. Как и Екатерина Валуа, она достойно завершила свою жизнь. Свидетельствуют следующие пункты ее завещания

"Я завещаю, чтобы мое тело было погребено вместе с телом моего лорда в Виндзоре, согласно воле моего и моего лорда, без внесения вымпелов и без дорогостоящих расходов на это. Поскольку у меня нет никаких благ, которыми я мог бы порадовать милость королевы, мою дражайшую дочь, а также наградить кого-либо из моих детей, я умоляю Всемогущего Бога благословить ее милость со всеми ее благородными детьми, и с таким добрым сердцем и умом, какие только возможны для меня, я дарую ее милости свое благословение, а всем вышеупомянутым - своих детей. Пункт, я завещаю, чтобы те небольшие вещи и блага, которые у меня есть, были истинно использованы для погашения моих долгов и для здоровья моей души, насколько они будут простираться. Если кто-либо из моей крови завещал что-либо из упомянутых вещей или товаров, мне принадлежащих, я завещаю, чтобы они имели предпочтение перед любым другим."

Нарисовано К. Дж.М. Уайчелло. Гравировка Б. Хаулетта.
ОБЩИЙ ВИД ОСТАТКОВ АББАТСТВА БЕРМОНДСИ, СУРРЕЙ

Как оно выглядело в 1805 году, с прилегающей территорией. Снято со шпиля церкви Святой Марии Магдалины.

Расположение аббатства Бермондси, на первый взгляд, было точно таким же, как и Вестминстера: оба аббатства стояли на островках, слегка приподнятых над уровнем воды; вокруг каждого островка простирались болота, а вокруг них - другие крошечные островки, как в Челси и Бэттерси. Но было и отличие. Перед Торни был брод; сзади Торни был брод; за бродом на юге проходила дорога на Дувр; за бродом на севере - дорога в сердце страны. Бермондси находился рядом с рекой, но река здесь была широкой и глубокой даже во время отлива; Бермондси не располагался на торговой дороге; дорога в Дувр проходила рядом с аббатством, конечно, но не прямо через него, как в Вестминстере. Аббатство лежало в тишине и отдалении даже от Саутварка; после строительства речной стены на юге, когда бы это ни было сделано, болота превратились в низинные луга, усеянные прудами и деревьями, где коровы спали на солнце. Аббатство стояло одиноко, вдали от домов, среди садов и

огородов; можно было подумать, что оно находится в деревне, так тихо и спокойно было вокруг. Но с реки доносилось "йо-хив-хо" моряков; мачты и паруса виднелись над речной стеной; каждый день звучал хвалебный гимн, которым моряки отмечали свое благополучное прибытие в порт; и звон множества лондонских колоколов доносился через реку до этого тихого места.

В аббатстве находился чудотворный Руд, к которому совершалось паломничество. Это была одна из многих святынь, расположенных в окрестностях Лондона, от которых можно было за день совершить приятное путешествие в деревню. В "Письмах Пастона" Джон Пастон пишет: "Я молю вас посетить Руд Святого Спасителя в Бермондси, пока вы живете в Лондоне, и пусть моя сестра Марджери пойдет с вами и помолится им, чтобы у нее был хороший муж или она вернулась домой".

Этот святой руд был найден в Темзе в 1117 году и почти сразу же начал творить чудеса. В 1118 году Уильям, граф Мортон, был "чудесным образом освобожден из лондонского Тауэра благодаря силе этого святого креста".

Двадцать два года спустя тот же Уильям, граф Мортон, вошел в аббатство и принял обеты. Руд был снят в тот же день, когда епископ Рочестерский уничтожил Руд Грейс Кентский на Полс-Кросс.

Одним из последних деяний Генриха Седьмого было учреждение в этом доме "юбилея" для молитв о добром и благополучном состоянии короля при его жизни, о процветании королевства, о душе его покойной королевы Елизаветы - не Елизаветы Вудвилл, о которой не упоминается, о душе Эдмунда, графа Ричмонда, отца короля, и Маргарет, графини Ричмонд, его матери; и о душах его детей.

На момент роспуска доходы дома оценивались в 548 фунтов стерлингов: 2: 5-1/2. Аббат, ставший епископом Сент-Асафа, получал пенсию в 500 марок, или 333 фунта 6,8 пенсов в год. Пятнадцать лет спустя, в 1553 году, в живых оставалось семь или восемь аннуитетов: один - 15 марок в год; три - 9; два - 8; и меньшие аннуитеты в размере 11 марок в год.

Дом и поместье были пожалованы сэру Роберту Саутвеллу, магистру роллов. Он продал его сэру Томасу Поупу, основателю Тринити-колледжа в Оксфорде. Сэр Томас снес многие монастырские постройки и возвел из материалов величественный дом. Дом с садами он продал сэру Роберту Саутвеллу, у которого он его купил; поместье он продал Роберту Трапсу, гражданину и ювелиру.

В 1583 году в доме умер граф Сассекс, лорд-камергер королевы Елизаветы.

Приходская церковь Святой Марии Магдалины была построена монахами для своих арендаторов. Графу Сассексу пришлось перестроить ее, когда стало известно, что она приходит в упадок.

Среди различных благ, которые даровали стране монашеские дома, гостеприимство занимало далеко не последнее место. Но очевидно, что гостеприимство можно было проявлять только тогда, когда дом стоял рядом с шоссе. Поскольку аббатство Бермондси находилось вдали от дорог и магистралей, монахи могли выполнять свои обязанности по отношению к бедным, разместив свой альмонер на Хай-стрит Саутварка. Однако аббатство обладало школой с большой репутацией. Лиланд в своем труде "Cantu Cygni", написанном за несколько лет до роспуска, говорит

"И да здравствует ты, о Дом милосердия, кормилица
Многих студентов, которым помог кошелек Гиффорда.
Ты, счастливый, снежный лебедь, в безмятежной обители своей,
Где гордится Бёрмси своими известными островами.
И впрямь известных, ибо там видна святыня.
Где жрецы ее трудятся в деле божественном".

ГЛАВА XIII

ST. МАРИЯ ОВЕРИ

Приорат Святой Марии Овери, или Овери, был одним из самых древних домов в Лондоне. Он стоял рядом с паромом, на южном конце которого находился длинный и узкий причал, который можно увидеть и сейчас, недалеко от нынешней церкви. Другой конец парома, возможно, также все еще существует в том месте, которое сейчас называется Доугейт-Док; правда, напротив него ничего нет, но можно предположить, что Оллхоллоус-лейн вела к северному концу парома. Этот паром существовал задолго до постройки Лондонского моста и продолжал действовать еще долгое время после него. Действительно, если учесть узость старого моста, плату за проезд, переполненные автомобили, преграждающие путь, и долгие задержки, которые, должно быть, возникали при проезде через мост, то можно понять, что переправа на пароме была бы быстрее и дешевле, чем по мосту. Здесь, во всяком случае, был паром, а на южном конце находился небольшой женский монастырь, молившийся за безопасность путешественников. В каждом пункте отправления или возвращения средневекового путешественника находился какой-нибудь религиозный объект, где молились о его безопасности или возносили хвалу его возвращению; у четырех лондонских ворот стояли церкви, посвященные святому Ботольфу, избранному святому путешественников. За Крипплгейтом находилась церковь Святого Джайлса. За Ньюгейтом находилась церковь Святого Гроба Господня. В Ладгейте находилась церковь Святого Мартина. За Флит-Бриджем находилась церковь Святой Невесты. Когда был возведен первый каменный мост через Темзу, посреди него была построена двойная часовня; пока мост был деревянным, на обоих его концах стояли часовни - южная, как ни странно, была посвящена датскому святому. Поэтому я склонен полагать, что небольшой женский монастырь к югу от парома, возможно, имел свою сестру - женский монастырь или церковь на севере; если это был женский монастырь, то его существование было начисто забыто; если церковь, то ею мог быть All Hallows the Great.

This figure of a Knight Templar, carved in wood, & painted, was taken up to make room for Lodoyer's Monument, and was afterwards placed upright, against the North wall, near the Vestry door.

Эта фигура рыцаря-тамплиера, вырезанная из дерева и раскрашенная, была убрана, чтобы освободить место для монумента Локьера; после этого ее поставили вертикально у северной стены, рядом с дверью ризницы.

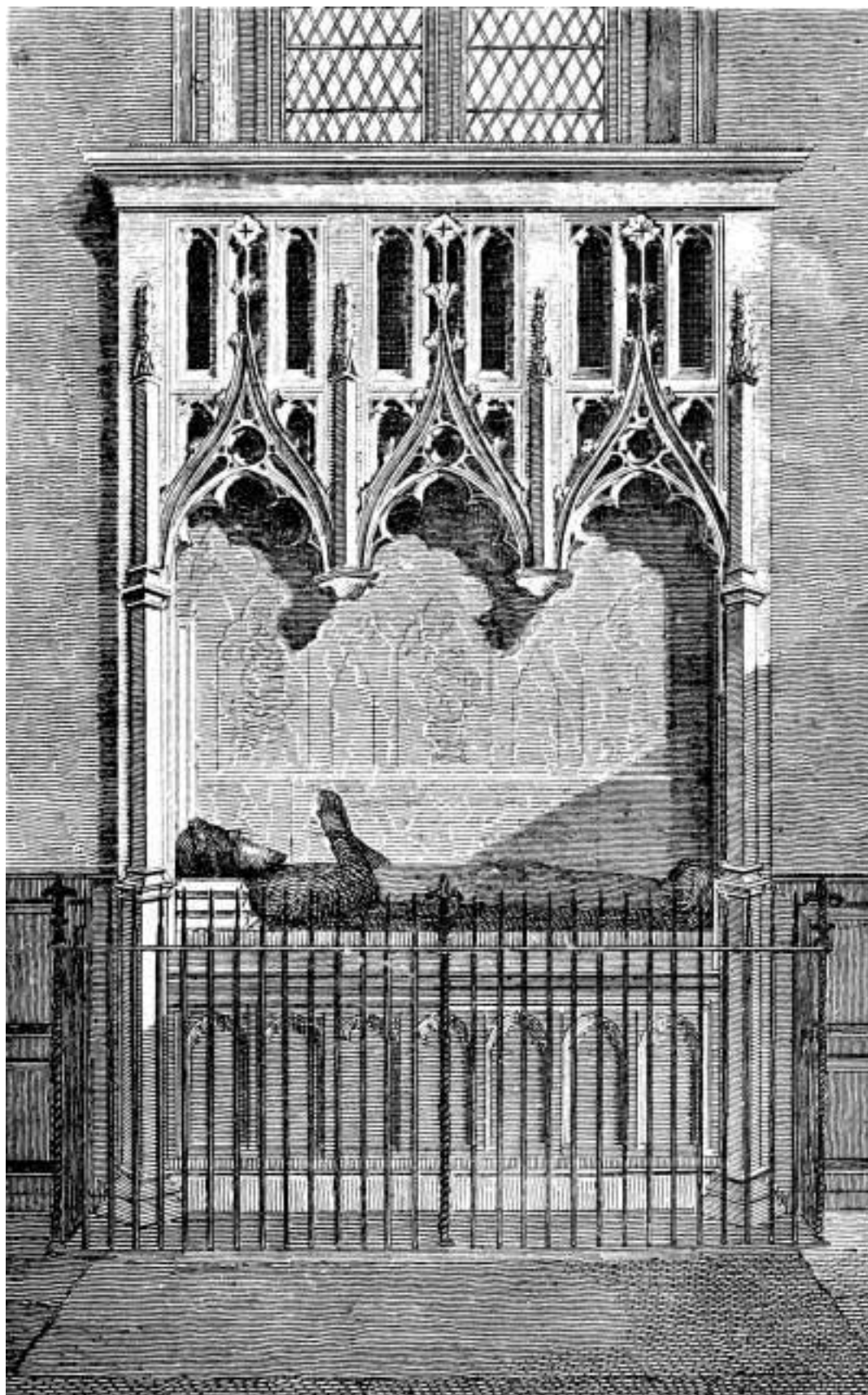

This Monument is placed on the ground, under the North window in the Spiritual Court. It is traditionally said to be in memory of Old Overie, father of Mary Overie, foundress of the Priory.

Этот монумент установлен на земле под северным окном в Духовном дворе, и традиционно считается, что он поставлен в память о Старом Овери, отце Мэри Овери, основательницы Приората.

Из Гранжеризованного издания Лондона и Мидлсекса в библиотеке Гилдхолла.

История первого основания полностью легендарна; говорят, что некая Мэри, дочь Авдри, паромщика, основала на этом месте небольшой дом для монахинь еще до Завоевания. По преданию, он был преобразован некой Свитиной в колледж священников. Однако в 1106 году он был заново основан двумя нормандскими рыцарями, Уильямом Пон-де-л'Арк, у которого был особняк в Даугейте, и Уильямом Донси, как дом для каноников. Уильям Гиффорд, епископ Винчестерский, присоединился к основанию и построил неф церкви. Генрих Первый, еще один благотворитель, подарил Дому церковь Святой Маргариты в Саутварке; король Стефан подарил каноникам дом их основателя, Понт-де-л'Арк. В 1212 году Приорат был уничтожен пожаром. Тогда Питер де Рупибус взял в руки фонд, все еще очень бедный, и отстроил церковь; он же основал часовню Святой Марии Магдалины, впоследствии превращенную в приходскую церковь. Сто лет спустя несчастные монахи отправили прошение Эдуарду Первому, в котором говорилось, что дом впал в глубочайшую нищету; что у них не хватает средств на самое необходимое, и они зависят от благотворительности; что их церковь разрушена, но они не могут ее восстановить; и что они даже допустили, чтобы набережную унесло, и ежедневно находятся в ужасе от наводнения. Тем не менее, в течение четырнадцатого века им удавалось как-то выживать. В начале пятнадцатого дом обрел еще двух благодетелей - Генриха Бофора, епископа Винчестерского, и поэта Гоуэра. Последний был похоронен в церкви после того, как несколько лет прожил в доме. Его памятник можно увидеть и сейчас. Сохранился список приоров с 1130 по 1540 год. После расторжения брака дом был оценен в 624 фунта стерлингов: 6: 8. Приор получал пенсию в размере 100 фунтов стерлингов в год.

ПАМЯТНИК ГОУЭРУ, СВ. МЭРИ ОВЕРИ

Расположение приората рядом с дворцом епископа Винчестерского делало его удобным для проведения многих мероприятий. В этой церкви в 1406 году венчались Эдвард Холланд, граф Кентский, и Лючия, дочь лорда Милана. Здесь же в 1424 году венчался Яков Первый, король

Шотландии, поэт и ученый, о котором Драммонд Хоторнденский писал, что "о прежних королях можно сказать, что народ сделал королей, а об этом короле, что он сделал народ народом". Его невестой стала Джоан, дочь графа Сомерсета и племянница кардинала Бофора.

"Прекраснейший и свежайший цветок йонге.

Который я видел до этого часа".

В 1539 году дом был пресечен и передан сэру Энтони Брауну, сын которого стал лордом Монтегю, дав свое имя древней обители монастыря. В следующем году церковь стала приходской, включая церковь Святой Марии Магдалины, которая стояла рядом с ней, как Святой Григорий стоял рядом с собором Святого Павла, или Святая Маргарита рядом с Вестминстерским аббатством, или Святой Петр-ле-Пур рядом с церковью Остинских монахов.

В церкви сохранилось множество памятников: алтарь, трансепты и башня с часовней Леди до сих пор составляют прекраснейшую из старинных церквей во всем Лондоне.

Здесь похоронены, согласно преданию, Мария, основательница; два благодетеля, Пон-де-л'Арк и Донси - деревянная фигура, возможно, изображает одного из них; Джон Гоуэр, на памятнике которого до сих пор можно прочесть слова, написанные им для этой церкви: - "En toy qui es Filz".

"В игрушке, которая является фильтром Дьё ле Пера,

Sauvé soit qui gît sous cest pierre".

Ланселот Эндрюс, епископ Винчестерский, похоронен в Леди-часовне; поэт Дайер, умерший в 1607 году; Эдмунд Шекспир, брат поэта, где-то в церкви; Лоуренс Флетчер, один из акционеров театра "Глобус", умерший в 1608 году; Филип Хенслоу, умерший в 1616 году; Джон Флетчер, умерший в 1625 году; Филип Массинджер, умерший в 1639 году. На могиле Ричарда Хамбла, который покоится вместе со своими двумя женами и детьми, есть такие строки:.

"Как дамасская роза, которую ты видишь,

Или как цветок на дереве,

Или как изысканный майский цветок,

Или как утро дня,

Или как солнце, или как тень,

Или как тыква, что была у Ионаса,

Так и человек; прядет человек нить,

Вытянута, обрезана, и так до конца.

Роза увядает, цветок распускается;

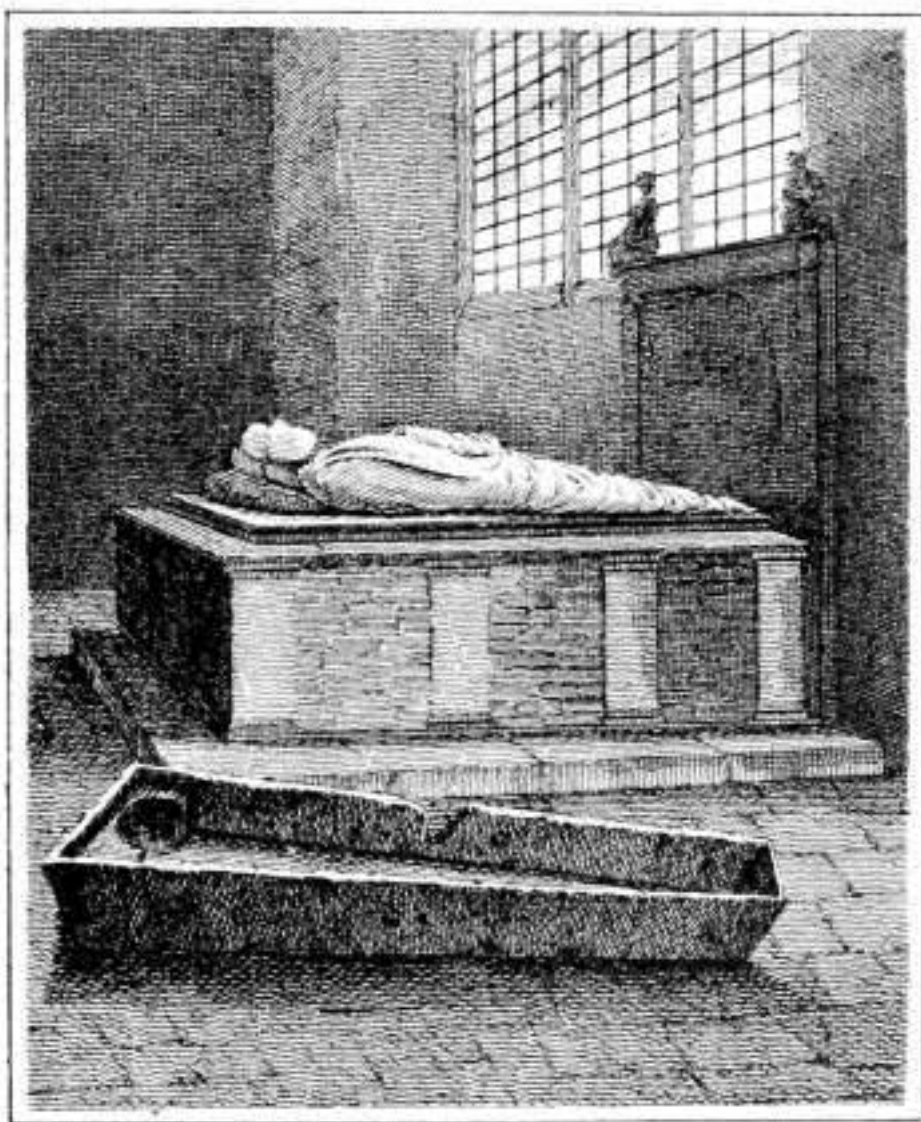
Цветок увядает, утро спешит;

Солнце садится, тень летит,

Тыква съедается, и человек умирает".

В женской часовне этой церкви проходили многие суды над мучениками во время марианских гонений: например, над епископом Хупером, Джоном Роджерсом, Брэдфордом, Кромом, Сондерсом, Ферраром и Тейлором. Смерть Гардинера, гонителя, казалась простым людям промыслом Божиим в наказание его жестокости. Однако ему устроили пышные похороны, начавшиеся в этой церкви. Мачин описывает это так

"В ххiiij день февраля состоялось отпевание самого почитаемого отца в Боге, Стевина Гарденера, доктора и байсшопа Винчастура, прелета Гартера и латте-шанселера Англии, и одного из преве-конселей короля Генриха Viiij и Квена Маре, тилля его деда; И вот после этого в Сант-Маре Овересе с рингингом, а после этого в Дурге; с паллой ткани золотой, и с ij ветвями, и ij дозами стайф-торчиз борнинга, и iiij гретыми тапурами; и милорд Монтигив, шеф-утренник, и милорд Биссшоп из Линкольна, и сир Робарт Рохастер, контролер, и с дайверами Одур в Блейке, и с монахами Блейка в платьях и котах; и совершили заупокойную молитву и оффертинг, бе-гане сармон; и так совершили молитву, и так отпели милорда Монтигува; И в вашем доме труп был помещен в повозку с двумя колодцами, покрытыми блейками, а над корсом - пиктур, безумный с вашим мистером на голове, с вашими руками, и пять великолепных мужчин, которые держали в руках ваши знамена в платьях и одеждах, затем один Гарольдс в своем ларце, мастер Подвязки и Руж-Кросс; Потом пошли люди, заботясь о факелах, в которых они горели, при поклоне корсетов на всем пути; и затем утренние люди в платьях и кокошниках, до номбура к ij C. a-for and be-hynd, and so at sant Gorges cam prestes and clarkes with crosse and sensyng, and ther they had a grett torche gyffynt them, and so to ever parryche tyll they cam to Wunchaster, and had money as many as cam to mett them, and durge and masse at evere logyng." Уилкинсон, который приводит несколько видов церкви и зданий вокруг нее, сохранил один, снятый с северо-востока, на котором изображена вся северная сторона церкви, с Малой часовней, Леди-часовней и самой церковью в 1813 году (см. [с. 307](#)). Монтегю Клоуз, откуда был сделан вид, вскоре застроили зданиями, что не позволило повторить рисунок с этой точки; но в 1825 году он сделал набросок Малой часовни и части Леди-часовни.

ГРОБНИЦА ЕПИСКОПА АНДРЮСА, СВ. МАРИИ ОВЕРИ

О существовании Малой капеллы почти забыли, однако при рассмотрении церкви в целом становится ясно, что она является ее естественной частью. В 1626 году эта часовня была выбрана в качестве подходящего места для гробницы и памятника Ланселота Эндрюса, который сейчас находится в Леди-часовне. От этого памятника место стало называться Епископской часовней.

По счастливой случайности эта прекрасная церковь сохранилась. Она наверняка была бы снесена, как и изысканная церковь Свято-Троицкого приорства, как и церкви Истминстера, Уайтфрайарса и Блэкфрайарса, если бы не вмешательство Стивена Гардинера, который поддержал - и, несомненно, подстрекнул - прихожан церковью Святой Маргариты и Святой Марии Магдалины в прошении к королю с просьбой предоставить церковь приорства в качестве их приходской церкви. Прошение было удовлетворено, и церковь была спасена.

Конечно, не при жизни Стивена Гардинера, а после его смерти, во времена королевы Елизаветы, хотя церковь и была спасена, но Леди-часовня и, конечно, Малая часовня вместе с ней, были осквернены. В издании Энтони Мундея о Стоу, вышедшем в 1633 году, он рассказывает нам о том, для каких низменных целей была использована эта благородная часовня: - "Теперь она называется "Новая часовня".

"Теперь она называется *"Новая часовня"*"; и действительно, хотя она очень старая, ее можно назвать новой, потому что недавно выкупленная из такого использования и применения, как в отношении того, для чего она была построена, Божественных и религиозных обязанностей, она вполне может быть заклеена стилем убогой, низменной и недостойной, ибо до этого злоупотребления она была (и есть сейчас) прекрасной и красивой часовней, теми, кто был тогда корпорацией (это тело, состоящее из 30. ризничих, шестеро из этих тридцати - церковные старосты) был сдан в аренду, и этот Дом Божий превратился в пекарню.

Две очень красивые крыши, что с двух боковых илов часовни этой церкви, и две, что отбрасывают голову часовни (как и сейчас), входили в нее, были обшиты рейкой, замазаны и заделаны: два столба были обычными столбами, на которые они складывали заготовки и батоны; в этом месте у них были печи, в том - болтовое место, в том - корыто для замешивания, в другом (я слышал) - корыто для свиней; ибо слова, которые мне передали, были таковы: в этом месте, я знаю, есть корыто для свиней, в другом - кладовая, чтобы хранить их охмеленную мякоть; и во всем этом - нечто из этого убогого вида и состояния.

Впервые она была сдана в аренду вышеупомянутой корпорацией одному Уайату, после него - одному Пикоку, после него - одному Клейбруку, а последним - одному Уилсону, все они были пекарями, и эта пекарня до сих пор используется в их торговле, как пекарня, хотя некоторая часть этой пекарни была превращена в крахмальный цех.

Время пребывания ее в таком виде, от первой сдачи ее в аренду Уайату до возвращения ее снова церкви, составило три сорока с лишним лет, в год Господа Бога нашего 1624, ибо в этот год руины и разрушенное имущество, в которые продала ее старая корпорация, были корпорацией этого времени отремонтированы, обновлены, хорошо и очень достойно благоустроены; плата за нее за тот год, со многими вещами, сделанными с ней с тех пор, составила двести фунтов.

Это, как и все прежние ремонты, - единственная плата и расходы прихожан.

Один ил в этом Чаппеле был вымощен за один только счет одного мастера *Джона Хеймана*, Тейлора и Торговца, в 1625 году".

ПУТЬ СВ. МАРИИ, САУТВАРК
Londina Illustrata, vol. i.

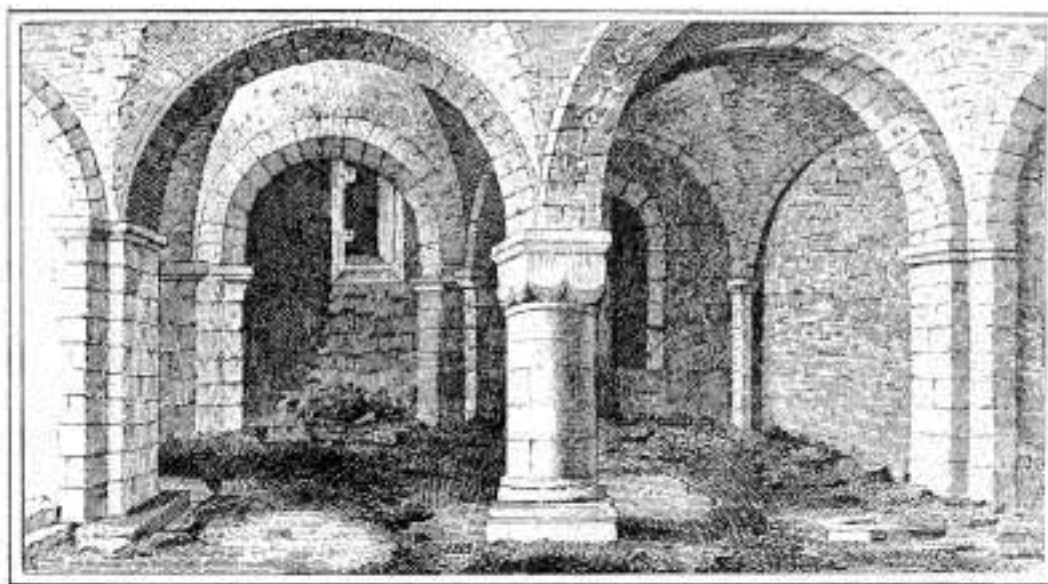
Таким образом, сразу после реставрации останки епископа Эндрюса были помещены в Малую часовню. Не было ли здесь какой-то мысли о том, чтобы предотвратить дальнейшее осквернение памятника этого ученого божества?

Часовня была снесена в 1830 году. Памятник епископу занимал почти всю восточную часть; над ним первоначально был мраморный навес, но он был сломан в 1676 году, когда обрушилась крыша часовни; алтаря не было, и в часовне не проводилось никаких служб; был еще один памятник гражданина по имени Хейман, похороненного здесь в том же году, что и епископ. Еще один памятник, установленный в 1807 году, принадлежал Абрахаму Ньюланду, главному кассиру Банка Англии. В часовне сохранились два каменных гроба; здесь же находились каменные ступени, ведущие в хранилища; говорят, что часовня была совсем простой, "с желобчатой крышей, крепкими ребрами и каменным сиденьем с обеих сторон и в восточном конце".

Демонтаж часовни стал частью реставрационных работ 1830 года. В это время церковь находилась в самом опасном состоянии: крыша нефа настолько обветшала, что в ней невозможно было проводить службы. Поэтому скамьи, орган и памятники были перенесены в алтарь и трансепт, крыша была разобрана, а материалы проданы, а стены и нефы просто оставлены на произвол судьбы.

Уилкинсон так описывает то, что за этим последовало: - "Разрушенная таким образом крыша была прекрасной.

"Разрушенная таким образом крыша была прекрасным образцом архитектуры XIII века и обладала поразительной особенностью: карнизы, от которых отходили ребра арок, располагались перпендикулярно над колоннами. Эти колонны уже были опоясаны железом, а стены были зелеными и темными от явного разложения, хотя, как говорят, некоторые из древних бревен все еще находились в прекрасном состоянии сохранности; но во исполнение вышеупомянутого приказа орган был снят, чтобы сформировать временное завершение хора, а неф был раскрыт и обнажен; в этом плачевном состоянии он все еще продолжается, август 1834 года, не отличаясь от полуразрушенного здания собора Лландаффа.

ДРЕВНЯЯ КРИПТА, САУТВАРК

Весьма похвальные, ревностные и заботливые усилия, предпринятые для сохранения Леди-часовни в восточной части церкви, увенчались, однако, полным успехом; хотя в течение некоторого времени велись серьезные споры о том, следует ли ее разрушить или восстановить. Но даже в ризнице выступали против сноса, и 28 января 1832 года в таверне масонов состоялось многочисленное общее собрание за сохранение строения, на котором был принят ряд резолюций на этот счет. Главные из них гласили: "Немногие оставшиеся памятники готического или раннеанглийского остроконечного стиля архитектуры в этом королевстве представляют большой интерес: Что часовня Богоматери в церкви Святого Спасителя является великолепным образцом этого стиля архитектуры: Поскольку приход Святого Спасителя потратил 30 000 фунтов стерлингов на ремонт этой церкви, из которых 8000 фунтов стерлингов остались неоплаченными, целесообразно начать общественную подписку, чтобы позволить приходу восстановить часовню Леди; и назначить комитет для содействия реставрации путем сбора общественных подписок. Несмотря на огромные расходы, которые приходу уже принесла перестройка церкви Святого Спасителя, из некоторых выступлений на этом собрании было очевидно, что проект сноса часовни Леди ни в коем случае не был даже частично одобрен в Саутварке, а только то, что для столь дорогостоящего предприятия требовалась помощь общественности; но, возможно, почти полностью благодаря неустанным и заслуженным усилиям мистера Томаса Сондерса, было достигнуто такое высокое качество. Томаса Сондерса, что этот вопрос вызвал такой всеобщий и живой интерес. Сметная сумма реставрации составляла 2500 фунтов

стерлингов, и к февралю было собрано почти 1400 фунтов стерлингов; но настроения прихожан были наиболее неоднозначно выражены на общем опросе всех приходских плательщиков, который по требованию мистера Сондерса состоялся 9 и 10 февраля; в результате большинство в 240 голосов было отдано за восстановление здания. Впоследствии подписка продолжалась с большим усердием, а также была расширена до восстановления древней алтарной перегородки в хоре; в осуществлении всего этого им помогло исполнение Священной музыки в церкви в четверг, 21 июня 1832 года, и чтение нескольких научных лекций. Руководство реставрацией безвозмездно взял на себя мистер Гвилт, подрядчиком строительства выступил мистер Хартли, а первый камень в основание нового здания был заложен 28 июля 1832 года. Прилагаемые два современных вида экстерьера этой церкви дают точное представление о внешнем виде Леди-часовни до реставрации, за исключением того, что тогда она представляла собой четыре обветшалых и черепичных фронтона, и что та часть, с которой была снята епископская часовня, была белой, а остальная часть представляла собой испорченный и обесцвеченный камень, грубо восстановленный кирпичом. При демонтаже арки, ведущей в епископскую часовню, была обнаружена часть стрельчатого окна, изначально находившегося в этом месте; оно послужило ценнейшим образцом для восстановления остальных. В нынешнем усовершенствованном состоянии этого здания, восточный конец его демонстрирует четыре оригинальных фронтона, каждый из которых увенчан богатым крестом, и содержит в точке небольшое тройное стрельчатое окно, с резными кронштейнами и колончатыми мульонами; с большим окном того же описания внизу. Форма остекления в последнем состоит из больших пересекающихся кругов и ромбов; в витражах есть гербовые знаки и т.д. Крыши часовни покрыты свинцом, а стены из кремня, как и в других отреставрированных частях церкви, с каменной лепниной и квинтонами; четыре контрфорса и северо-восточная башня с лестницей также отреставрированы подобным образом; последняя имеет бойницы и низкую крышку из камня. На каждой стороне здания также тщательно скопированы своеобразные окна. Внутри Дамская часовня имеет 42 фута в длину, а ее крыша разделена на девять желобчатых арок, поддерживаемых шестью восьмигранными колоннами с круглыми валами на углах. Когда это место ранее использовалось для консисториального суда епископа Винчестерского и визитаций деканата Саутварка, северо-восточный угол был отделен в виде скамьи и содержал письменный стол, стол и возвышенное сиденье; но оставшееся пространство было заброшено для приема пиломатериалов.

Пока шло восстановление часовни, возникла еще одна трудность, связанная с очень узким фронтом, который должен быть обеспечен для нее на южном подходе к Новому Лондонскому мосту. Уже в ноябре 1830 года смотрители храма Святого Спасителя обратились в Бридж-комитет с меморандумом, в котором просили выделить достаточно места для экспозиции сооружения и предлагали проем в 130 футов. 19 апреля 1831 года приход постановил, что ширина в 60 футов, предложенная Комитетом, совершенно недостаточна, и добавил к этому условие, что Леди Часовня должна быть снесена; поэтому в октябре следующего года приход обратился с мемориалом к лордам Казначейства. В ходе беседы между ними последние высказались за увеличение проема, но 24 января 1832 года зрителям сообщили, что будет разрешено не более 70 футов, и то только при условии удаления часовни, если будет получено согласие епископа Винчестерского. Однако в письме по этому поводу епископ отказался дать свое согласие компании "Лондон Бридж", заявив, что нельзя утверждать, что демонтаж Консисториального двора был необходим для общественных нужд, что, по его мнению, является единственной оправданной причиной для сноса церкви или любой ее части. Затем было решено обратиться в Комитет Палаты общин, назначенный по биллю об улучшении подходов к Новому Лондонскому мосту; 29 февраля 1832 года, после четырехдневного обсуждения и большинством голосов 17 против 3, было решено, что проем

к церкви Святого Спасителя должен составлять 130 футов, а не 70, как предлагали авторы билля. Таким образом, дома на западной стороне Веллингтон-стрит напротив часовни Леди заканчиваются так, чтобы образовать боковые стороны красивого подхода к ней. Отсюда в будущем можно будет сделать ступеньки к зданию, расположенному под ней, а также возвести соответствующее ограждение вокруг церкви, но в настоящее время строение защищено с восточной стороны только высоким круглым ограждением из досок.

вид с северо-востока на **церковь св. SAVIOUR'S CHURCH**.консисторский двор и часовня **ST. ДЖОН**

Взято с улицы Монтегю Клоуз, Саутварк.

Londina Illustrata, опубликовано в 1813 году Робертом Уилкинсоном, № 58 Cornhill.

Последней достойной реставрацией церкви Святого Спасителя стала реставрация древнего алтарного экрана, подаренного в начале XVI века Ричардом Фоксом, епископом Винчестерским; подписка на нее в конечном итоге была объединена с подпиской, начатой для женской часовни. В последний из этих фондов нынешний епископ Винчестерский дал 300 фунтов стерлингов, а на экран - 100 фунтов стерлингов; кроме того, быстро и либерально были внесены и другие крупные суммы. До того, как мистер Гвилт восстановил хор, восточная стена церкви была покрыта композицией из дерева и штукатурки, приписываемой по традиции сэру Кристоферу Рену, хотя, очевидно, не имеющей под собой никаких оснований. Над этим экраном появилось изуродованное и неуклюжее широкое окно шестнадцатого века, арка которого была изваяна in relievio, в виде панелей; в центре - ангел, держащий щит, а по бокам - пеликан, кормящий птенцов, эмблема Христа и эмблема епископа Фокса. Также была резная фасция, на которой повторялся пеликан, со святым агнцем и дубовыми листьями, стиль которой полностью расходился со стилем алтарной части, расположенной ниже. При демонтаже современной ширмы на перегородке позади был обнаружен ряд небольших скиний-ниш, навесы которых были срублены почти до ровной поверхности; хотя они все еще обладали такой красотой, что восстановление всего этого стало обстоятельством, представляющим большой интерес. Работы были завершены в начале 1834 года архитектором церкви мистером Робертом Уоллесом, подрядчиком мистером

Фёртом и главным резчиком мистером Пёрди; сумма контракта составила всего 700 фунтов стерлингов. Древним материалом для этого экрана служили огненный камень и камень из Кана, а реставрация была выполнена из камня из Пейнсвика в Глостершире, который хорошо сочетается с первым. Там, где это было возможно, была сохранена оригинальная работа, но почти вся декоративная резьба была выточена из форм и заменена в точном соответствии с древними скульптурами, откуда они были взяты. Вся ширма возвышается, а общая композиция ее делится на три этажа в высоту и столько же простенков в ширину. В центре самого нижнего этажа находится место для алтаря с тремя высокими скрижалями и козырьками над ними, а с каждой стороны - дверь с вдавленной остроконечной аркой. С каждой стороны от дверных проемов находится ниша, поднимающаяся от земли, фланкированная стройными контрфорсами и покрытая треугольным табернаклем из двух козырьков, с угловым острием впереди. В каждой нише - высокий пьедестал с богато вырезанной головой; над дверями - короткие двойные балдахины в том же стиле, хотя и возвышающиеся над боковыми, и прерывающие линию широкого фриза с полуангелами, над которым - узкая линия резных пеликанов, священных агнцев и свитков. Этим заканчивается первый этаж; второй и третий состоят из большой ниши в центре с полушестиугольным балдахином, расположенным между пятью нишами по бокам, с пьедесталами и балдахинами, подобными тем, что внизу; второй фриз из ангелов и т.д. разделяет два этажа. Поскольку история завершила остатки древнего экрана, мистер Уоллес разработал завершение антаблемента из ангелов, поддерживающих щиты, с карнизом, похожим на корону, над которым, скорее всего, возвышалась оригинальная конструкция." (Londina Illustrata, vol. i.)

ГЛАВА XIV

ST. ГОСПИТАЛЬ ТОМАСА

Общепринятое мнение об основании этого госпиталя заключается в том, что он возник из алмонри, принадлежащего аббатству Бермондси, основанного в 1213 году Ричардом, настоятелем этого дома. Это утверждение было сделано Стоу, и ему последовали Страйп, Мейтланд и другие; Уилкинсон, однако, с ним не согласен.

Согласно Таннеру и Дагдейлу, альманах аббатства, состоявший из богадельни для новообращенных и школы для бедных мальчиков, был пристроен к стенам дома, посвящен святому Фоме Кентерберийскому и находился в ведении монастырского альмонера. Этот алмонер погиб вместе с аббатством во время роспуска и не имел никакого отношения к госпиталю святого Фомы.

Таннер утверждает, что после пожара 1212 года, уничтожившего церковь Святой Марии Овери вместе с ее госпиталем, настоятель и братья возвели рядом с руинами госпиталь, в котором на время устроили свою церковь. Когда их собственный дом был отстроен, Питер де Рупибус, епископ Винчестерский, перенес госпиталь на другую сторону канатной дороги из-за предполагаемых преимуществ воздуха. Он был построен на земле, принадлежавшей Амициусу, архидиакону Суррея, и посвящен святому Фоме Мученику. Он всегда находился под покровительством епископа Винчестерского. Сохранился список мастеров.

Однако Стоу утверждает, что госпиталь принадлежал Бермондсийскому аббатству, и что в 1428 году Тетфорд, тогдашний аббат, продал магистру госпиталя право держать все земли,

принадлежащие аббатству и находившиеся в то время во владении госпиталя, за небольшую арендную плату.

Примири эти утверждения невозможно, если только не предположить, что сам Госпиталь, всегда отделенный от аббатства и независимый от него, занимал земли аббатства, над которыми хотел сохранить контроль.

По состоянию на момент роспуска, годовой доход Дома оценивался в 309 фунтов стерлингов: 1: 11 чистыми; в нем были хозяин, братья, три сестры-мирянки и сорок прислуги для больных с питанием и питанием.

В 1552 году город выкупил дом Эдуарда Шестого и снова открыл его как госпиталь.

Это место имеет мало истории. Братья имели у своих ворот право торговли кукурузой и другими товарами. В 1238 году архидиакон Суррея имел в госпитале зал, часовню, конюшню и резиденцию. Епископы Винчестера претендовали на право посещения, которое неоднократно осуществлялось.

Старые здания простояли до конца семнадцатого века, когда их разобрали и на их месте возвели госпиталь. Этот дом простоял до тех пор, пока не возникла необходимость его разрушить, чтобы освободить место для железнодорожной станции и пристройки на ее месте. Снос старого здания Святого Томаса - один из немногих актов разрушения, к которому можно относиться с удовлетворением. Ибо перемещение госпиталя на переполненные улицы Ламбета, оставив Гая для восточной части Южного Лондона, было, несомненно, большим выигрышем для первого и никаким ущербом для второго, который полностью обслуживается Гаем.

ГЛАВА XV

ST. GILES-IN-THE-FIELDS

Больница, известная как *Сент-Джайлз-ин-те-Филдс*, была основана Мод, королевой Генриха Первого, около 1117 года. Это был большой фонд, рассчитанный на сорок прокаженных, хозяина, капелланов, матрон и слуг.

Первоначальная сумма пожертвования составляла всего 3 фунта стерлингов в год, что даже в двенадцатом веке не позволяло содержать сорок прокаженных. Однако, судя по всему, обычай, согласно которому прокаженные ходили просить милостыню с чашей и хлопушкой, считался правильным, поскольку говорят, что проктор дома ходил просить милостыню для прокаженных. Вероятно, тем, кто мог ползать, поначалу разрешали просить за себя.

Но посыпались и другие благодеяния. Прокаженные получили ренту и земли в Айлворте, Сент-Клемент-Дейнс и вокруг собственного дома; они также получили поместье Фелтхэм в Мидлсексе; Генрих Второй подарил им земли в Хестоне; люди оставили им дома в Лондоне; Дом стал богатым.

Было много разногласий и споров по поводу правления и управления этим домом. В конце концов, они были прекращены Эдуардом Третьим, который передал его в ведение Дома Бертон-Лазарс, центральной больницы прокаженных Англии.

Площадь, которую занимала территория госпиталя, составляла восемь акров, впоследствии она была значительно увеличена. Здания госпиталя располагались рядом с нынешней церковью, к западу от нее; они были окружены треугольной стеной, идущей вдоль Краун-стрит (бывший Хог-лейн), Хай-стрит и Монмут-стрит. В нижнем конце улицы Тоттенхэм-Корт-Роуд, на западной стороне, находился Паунд: когда виселицу перенесли с Элмс в Смитфилде, ее установили в северном конце больничного корпуса напротив Паунда. На этом же месте несколькими годами ранее был медленно зажат до смерти сэр Джон Олдкасл.

В более поздние времена преступники, направлявшиеся в Тайберн, останавливались в Сент-Джайлсе, чтобы выпить последнюю порцию эля в таверне под названием "Чаша".

Вероятно, все лазарные дома подчинялись схожим законам и правилам. Так, в Шерберне, недалеко от Дарема, действовали другие законы и правила. Дом был посвящен Христу, Пресвятой Деве, Лазарю и его сестрам Марфе и Марии. Прокаженные находились под властью управляющего; было три священника и четыре клерка, из которых один был дьяконом. Во время Великого поста и Адвента все братья должны были три раза в неделю подвергаться телесным наказаниям в часовне, а сестры - в присутствии настоятельницы. Почему прокаженных нужно было пороть больше, чем обычных людей, не ясно. Возможно, существовало некое чувство, что отвратительная и неизлечимая болезнь вызвала гнев Всевышнего за какое-то великое преступление. Ежедневное питание прокаженных было следующим: буханка и галлон эля на каждого; одна порция мяса на двоих в течение трех дней в неделю; или рыба, сыр или масло в остальные четыре дня; в высокие праздники двойная порция; в день святого Катберта - свежий лосось; в день Михаила - четыре порции одного гуся. Одежда прокаженных обычно состояла из серого платья с капюшоном, и каждый носил с собой тазик и деревянную хлопушку.

ГЛАВА XVI

ST. ХЕЛЕН

Этот дом монахинь-бенедиктинок был основан примерно в 1212 году, когда Алардус де Бернхем, умерший в 1216 году, был деканом собора Святого Павла. Право или разрешение на основание дома содержится в сохранившемся документе.

На печати монастыря изображено обретение Креста Святой Еленой: она стоит рядом с Крестом, держа в руке три гвоздя, а толпа монахинь стоит на коленях с воздетыми руками.

В 1439 году тогдашний декан Рейнольд Кентводе составил новый свод правил для сестер. Ниже приведены основные пункты:.

"Рейнольд Кентвод, декан и капеллан церкви Паулса, религиозным женщинам, приорессе и ковенант приорства Сейнт-Элейнс, под чьим покровительством и юрисдикцией оно находится, и каждой монахине упомянутого приорства, славной в Боге, с желанием соблюдать религию и посвящать себя ей. Ибо, как в обычном посещении вашего Приората,

так и в мембрисе, который в последнее время фактически осуществлялся, мы обнаружили много недостатков и излишеств, которые, нуждаясь в нотариальном исправлении и реформировании, мы желаем беречь, и святой религии, чтобы быть сохраненными, как в правилах в вашем ордене, мы приказываем и делаем определенные орденуны и инъюнкционы, которые мы посылаем вам, чтобы вы были сохранены в форме, как они были изложены и переданы вам.

Во-первых, мы приказываем и радуемся, что девичьи службы будут совершаться вами должным образом днем и ночью, и молчание будет соблюдаться должным образом в то время и в том месте, после соблюдения вашей религии.

Также мы ежедневно и с удовольствием посылаем вас, Приоры и Ковенанты, и каждого из вас синглерно, чтобы вы сделали должную и дырявую исповедь исповеднику, назначенному нами.

Также мы наслаждаемся вашим Приорессом и Ковенантом, что вы заказываете удобное место фирмы, в котором ваши доходы могут быть честно сохранены и соотнесены с расходами и затратами вашего дома, привыкшими в религии в течение времени его сикенесса.

Также мы радуемся, что вы, приоры, сохраняете свой дортур и живете в нем, соблюдая свою религию, без того, чтобы дело было таким, чтобы лаве и соблюдение вашей религии позволяли вам делать противоположное.

Также мы приказываем и радуем вас, Приоресс и Ковент, чтобы никто из посторонних не задерживался в границах монастыря; чтобы никто из посторонних не входил внутрь после того, как будет соблюдено правило, за исключением слуг и детей, также допускаются полдни, пребывающие в монастыре без нашего ведома.

Sir Thos. Gresham.

Sir Wm. Pickering.

Sir John and Lady Crosby.

Сэр Тос Грешем, сэр Вм. Пикеринг. Сэр Джон и леди Кросби.

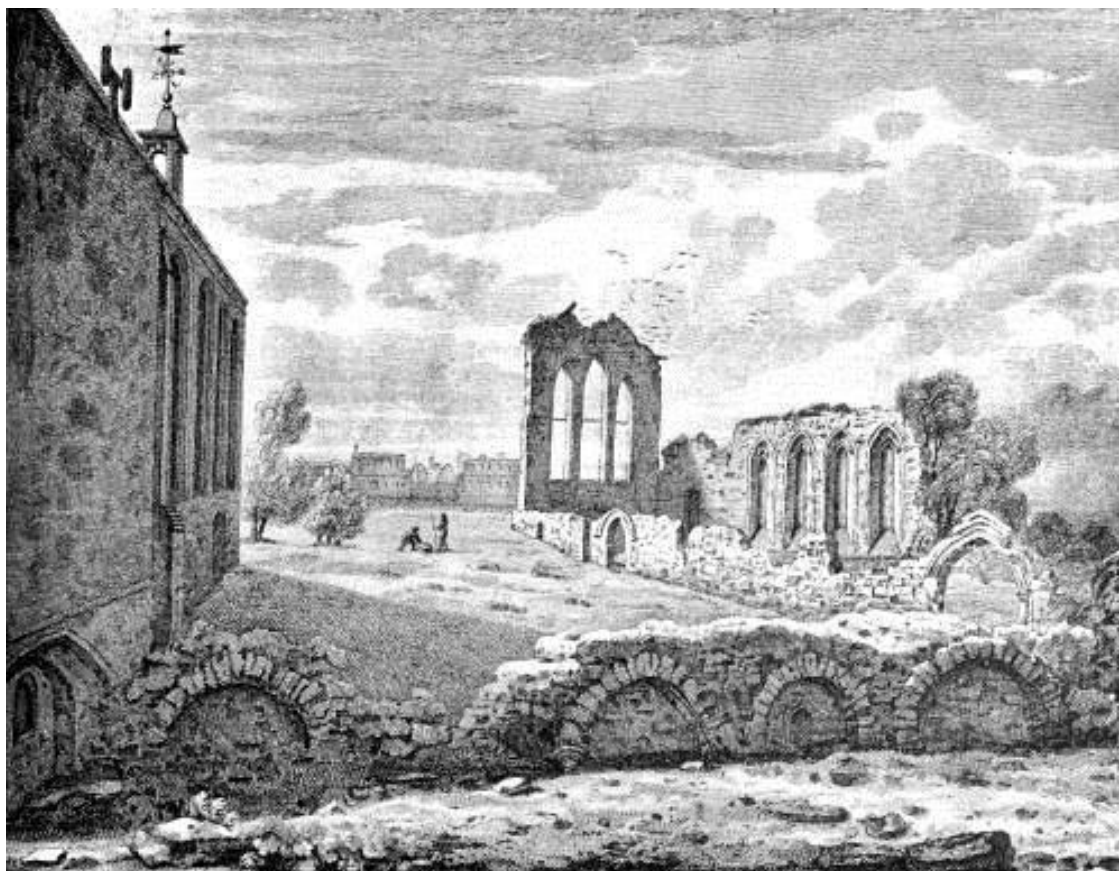
ВИД С ЮГО-ЗАПАДА НА ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ СВ. ЕЛЕНЫ НА БИШОПСГЕЙТ-СТРИТ.

Снято во время ремонта в 1808 году. С изображением некоторых главных памятников.

Londina Illustrata, опубликовано в 1817 году Робертом Уилкинсоном.

Также мы повелеваем и наслаждаемся вашим Приоратом и Ковентом, чтобы вы, и никто из ваших слуг, не использовали и не имели никакого места в пределах Приората, торгоз виче эвел суспэксон или клаундере мит арисэ; В этих местах, по определенным причинам, которые движут нами, мы не заходим сюда в нашем нынешнем состоянии, но не заходим в ваше Приоратство; и не имеем ни локинга, ни зрелищ, ни варде, в то время, как вы в мирских удовольствиях.

Также мы просим вас, чтобы все уныние и почитание были совершенно запрещены среди вас, кроме Рождества и других честных дней отдыха, среди вас самих, в отсутствие секуляров во всем мире.

ВИД НА ЮГО-ВОСТОК ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ХЕЛЕН, БИШОПСГЕЙТ-СТРИТ
Londina Illustrata, опубликовано в 1819 году Робертом Уилкинсоном, 125 Fenchurch Street.

Также мы приказываем и радуемся вашей Приорессе, чтобы была сделана хижина из [разумного?] хейта, с гребнем и пиками из герна, перед входом в ваш монастырь, чтобы ни один проливной пепиль не мог войти в него с цертеиновыми клеветами, которые были предоставлены вам, и чтобы вы были подопечными для таких людей, как вы и ваш покой и конабел.

Также мы наслаждаемся вашей приорессой, что никто не имеет ключей от постерной двери, которая находится в церковном дворе, кроме приорессы, так как туда приходит много людей, и они не имеют доступа". (*Londina Illustrata*, vol. i.)

Во время роспуска доходы этого дома оценивались, согласно Дагдейлу, в 314 фунтов стерлингов: 12: 5, а согласно Спиду - 376: 6s.

Участок и церковь были переданы Кромвелю. Эдуард Шестой передал владения епископу Лондона, но с тех пор они вернулись к декану и капитулу собора Святого Павла.

Здания были куплены компанией кожевников, которые превратили зал монахинь в свой общий зал, и так продолжалось до сноса всех старинных зданий в 1799 году.

Из слов Малкольма следует, что он считал, что Зал монахинь был снесен, а новый зал построен в 1567 году. Вот его слова

"Мы предположим, что монастырь Святой Елены снесен, материалы утилизированы, а покупка участка завершена Компанией. Архитектор находит фундамент, намного превосходящий тот, который могли бы обеспечить его средства, и поэтому обкладывает стены подвала кирпичом, а мостовую (готовую для его целей) заставляя служить полом для нового зала. И в этом случае он поступил мудро; ведь его работа 1567 года стала слишком разрушительной и дорогой для ремонта в 1797 году, была снесена и забыта. Что же остается сказать о старинной крипте? То, что она не нуждалась бы в ремонте еще 500 лет. Если бы огромные массы грибковой паутины, свисавшие с арок этой прекрасной работы, были тщательно сметены, а стены протерты сухой метлой, старинные окна вновь открыты, земля, засорявшая мостовую, удалена, а прочие осквернители очищены, эти крипты, ныне разбросанные в кучах мусора, образовали бы церковь, бесконечно превосходящую сорок, которые я мог бы назвать!

Сожаление, с которым я смотрел на эти стройные колонны, вырванные из своих оснований, и на крепкие, хотя и хрупкие арки, разрушенные в массе, до сих пор согревает мое воспоминание. Углы были засыпаны белым песком, слоем земли, другим песком, слоем дубовых щепок; один из них теперь лежит передо мной. Шестьсот лет прошло с тех пор, как это дерево было срублено, и след топора свеж на нем, и так до тех пор, пока не заполнилось все пространство". (Vol. iii. pp. 562-563.)

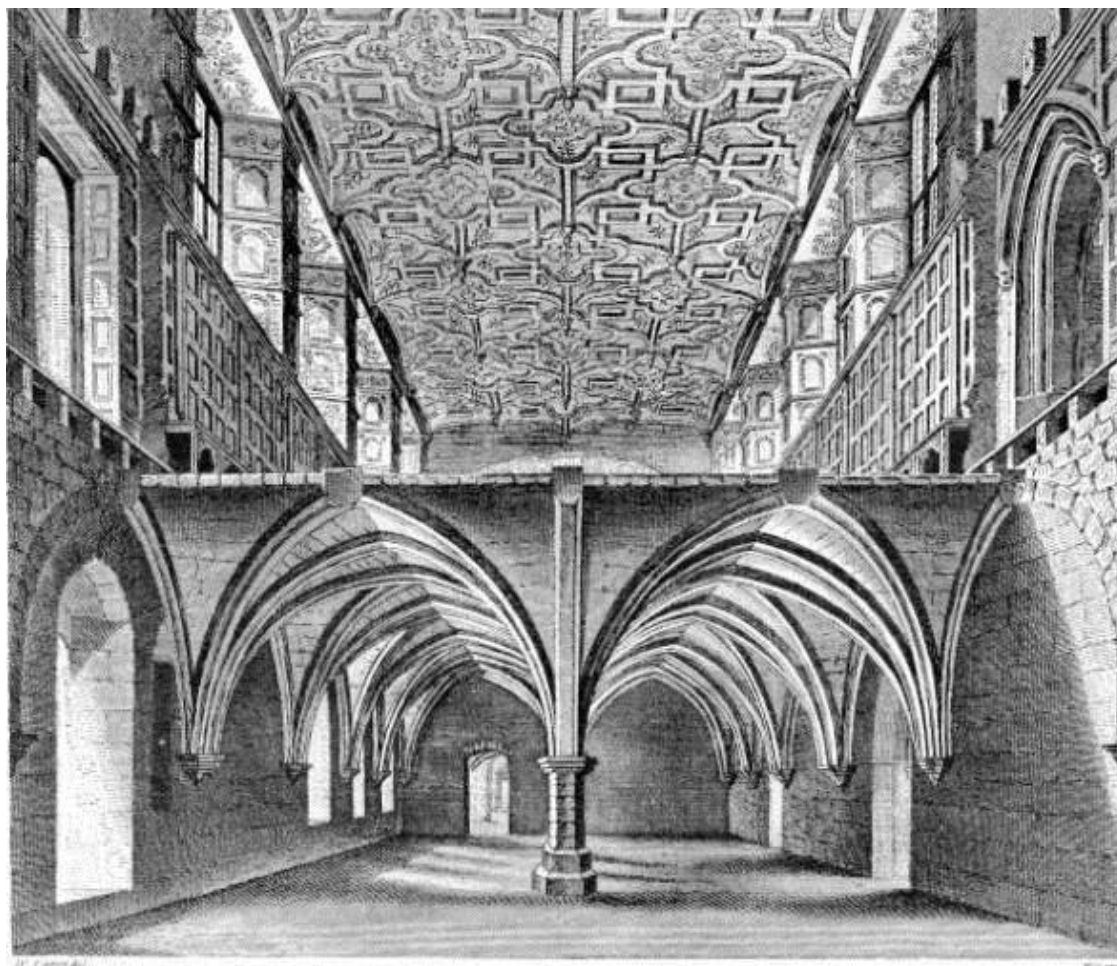
Представление зала, данное Уилкинсоном, и представление, данное Малкольмом, похоже, не во всем совпадают.

Малкольм добавляет вид, не представленный Уилкинсоном, на котором видны руины монастырей.

В другом месте я уже обращал внимание на тот примечательный факт, что Лондон до конца XVIII века обладал большей коллекцией средневековых руин, чем любой город Европы, и что никто, ни поэт, ни историк, ни антиквар, ни эссеист, не обратил на них ни малейшего внимания. Уилкинсон, однако, замечает, что группа руин "напоминает скорее романтический фрагмент древности, который можно найти в дальних странах, чем расположенный в самом центре густонаселенного Лондона, и если бы не современные здания, виднеющиеся на заднем плане, зритель мог бы представить себе сцену, удаленную от метрополии Англии на много миль".

Этот дом монахинь-бенедиктинок продолжал свой неспешный путь более трехсот лет. То и дело монахини прокладывали дорожку через свои владения, то сдавали свои земли в долгосрочную аренду, то получали в наследство новые земли, то бесхозно растрачивали свои владения, то хоронили настоятельницу и вынуждены были избирать другую. Больше о них почти ничего не известно. Именно на этой земле был построен Кросби-Хаус на девяносто девять лет аренды. Тем временем церковь Святой Елены выполняла свои обязанности как для монахинь, так и для прихода.

В 1534 году стоимость дома оценивалась в 376 фунтов стерлингов: 6 с. в год. Имущество монахинь показывает, что этот дом всегда был исключительно лондонским. У них были дома в Сити, в Мидлсексе, Кенте, Эссексе, Хартфорде и Букингеме - но все они относились к домашним графствам. В стране у них было мало собственности, если она вообще была.

W. Capon del. Wise sculp.

КРИПТА ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ЕЛЕНЫ НА БИШОПСГЕЙТ-СТРИТ

С севера, показывая расположение двух часовен в южной части. В верхней части листа показан потолок и т.д. прекрасной квартиры над криптой, которая использовалась в качестве столовой компании кожевников, купивших женский монастырь после Реформации, и была снесена по их приказу в 1799 году. На этом месте сейчас стоят здания, образующие площадь Святой Елены.

Londina Illustrata, vol. i.

Коллекция фактов, касающихся последних лет существования женского монастыря, составленная покойным преподобным Томасом Хьюго, проливает значительный свет на положение дома.

Во-первых, имена сменявших друг друга настоятельниц и сестер, по-видимому, в основном лондонского происхождения; во-вторых, завещания, зафиксированные в Календаре завещаний, в количестве двадцати семи, все сделаны жителями Лондона. Кроме того, они расположены в разных районах города, что свидетельствует о том, что дом считался принадлежащим всему Сити, а не какой-то его части. Некоторые из завещаний составлены без какой-либо конкретной цели; некоторые сопровождаются условиями и обязанностями; так, в одном случае речь идет о предоставлении вина для причастия, в то время как другие должны сопровождаться разрешением на погребение в церкви.

Читая о том, как монахини распоряжались своим имуществом, нельзя не заподозрить, что иногда они находились под влиянием некоторых не совсем бескорыстных лиц. Так, некий Ричард Берде, горожанин и гуртовщик. Сначала он взял в аренду на сорок лет участок в приходе Святой Этельбурги, принадлежащий Дому, за 20 шиллингов. Затем он берет другой участок в том же приходе на шестьдесят лет за 45 с. в год. Затем он становится арендатором у сестер большого мессиджа, или постоянного двора, называемого "Черный бык", с подвалами и т. д., и двух прилегающих к нему участков на один-двадцать лет с рентой в 9 фунтов 14 шиллингов в год. Таким образом, он стал владельцем в долгосрочной аренде одного большого дома и четырех земельных участков. Разумеется, совершенно точно, что он намеревался сдать их все в субаренду с выгодой для себя, и что сестры в этой сделке получили худшую долю. Но Ричард Берде получил от монахинь не только это: они сделали его своим сенешалем, приемником и сборщиком, с жалованьем в 12 фунтов, ежегодной суммой в 20 с. на его ливрею, пансионом и жильем, с пособиями на пиво и вино, топливом и бесплатным пользованием палатой и гостиной. Расторжение брака, должно быть, стало тяжелым ударом для доброго Ричарда Берде: он лишился своего жалованья и пособий; надо полагать, ему все же разрешили сохранить за собой право аренды домов. Он получал пенсию в 40 фунтов, но что это было по сравнению с той чрезвычайно удобной работой, которой его лишили?

Последнюю настоятельницу звали Мэри Роллесли. Каким родственником была эта дама Джону Роллесли, джентльмену? Спрашивается, потому что Джон Роллесли, похоже, тоже неплохо справлялся с сестрами. Он получил от них поместье Берстон в аренду на восемьдесят лет с арендной платой в 9 фунтов стерлингов. А на следующий год после этой уступки он приобрел поместье в Клозе Святой Елены, которое, должно быть, было большим домом, поскольку его занимал епископ Лландафский, в аренду на четыреста лет с арендной платой в 46 с. 8d. Кроме того, он получил в аренду на тот же срок десять земельных участков, также в Сент-Эленс-Клоуз, с ежегодной рентой в 15 фунтов стерлингов. И в тот же день он получил еще два участка за пределами Клоуз и болото в Стебенхите (Степни) на срок шестьдесят лет с арендной платой 8 фунтов 15 шиллингов 4 шиллинга. Два года спустя благодарные монахини дали Джону Роллесли небольшую пенсию в четыре марки в год за добрые советы, а Эдвард Роллесли, джентльмен - очевидно, из той же семьи, - получил аннуитет в 40 шиллингов также за добрые советы. Одним из последних действий последней настоятельницы было оставление Джону Роллесли поместья Марке, в приходе Лейтон и Уолтемстоу, на четыреста лет с арендной платой в 8 фунтов стерлингов. Вероятно, все поместья Дома были переданы таким образом людям, которые занимались сельским хозяйством, получая прибыль за счет сдачи их в субаренду. Эти факты показывают, какой удачей для семьи в благословенные и религиозные дни до Реформации могло стать присутствие среди них настоятельницы.

ПЕЧАТИ МОНАСТЫРЯ СВ. ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ.
Londina Illustrata, vol. i.

Далее отметим, что монахини платили главному управляющему, приемщику и аудитору; что они выплачивали пенсию трем капелланам; а также ежегодные выплаты церковным старостам церкви Святой Марии Ботау, старостам братства в церкви Боу, епископу Линкольна за прокурации и т.д., настоятельнице Баркинга и ежегодные подаяния бедным в определенные дни. Все эти факты, взятые вместе, как будто бросают неожиданный свет на разветвленность и разделение церковной собственности.

Монахини были разогнаны в 1538 году. Восемнадцать лет спустя, в 1556 году, список оставшихся в живых показывает, что в живых осталась последняя настоятельница, Мэри Роллесли, и шесть сестер. Из этих шести сестер пять получали пенсию в размере £2: 13: 4, а одна, которая, вероятно, занимала какую-то монастырскую должность, получала пенсию в размере £3: 6: 8. Во время Расторжения брака в монастыре было два священника-кантри, которые получали стипендии в размере £8 и £7 соответственно.

Значительная часть руин этого дома простояла до конца XVIII века. Уилкинсон описал некоторые детали. Следующее описание взято из "Обзора королевских кабинетов", сделанного, когда монахини покинули его (Archæologia, vol. xvi. 1806):-.

"Покойный Приорат Святой Елены в пределах Лондонского Сити.

Вид и осмотр сделаны в xxith день июня, в xxxiij год правления нашего суверенного лорда Кинга Генриха VI-го, Томасом Милдмэем, одним из назначенных королевских аудиторов. То есть,

Фырст, вход или вход в тот же самый покойный Приорат находится в и у уличных ворот, находящихся в приходе Св. Elenes in Bysshopsgate Streat, которая ведет в маленькую корову, примыкающую к тем же воротам, имеющую палаты, хаусы и буйлдинги, окружающие ее, из этой коровы есть вход, ведущий во внутреннюю корову, которая с северной стороны также окружена строениями и буйлдингами, называемыми Stewardes lodging, с Countinge house apperteninge to the same. И рядом с тем же коровником находится сказочный Кечинг, с пастельным домом, кладовыми и другими служебными помещениями, примыкающими к тому же: и в конце того же Кечина и входа, ведущего в тот же зал, с примыкающей к нему небольшой площадкой, имеющей под тем же залом и площадкой несколько служебных помещений, примыкающих к Кластеру, и одно помещение, называемое Ковент-площадкой. Пункт, iij. честные палаты, примыкающие к залу, из которых одна над входом, ведущим в кластер, другая над баттри, а третья над кладовой. Пункт, от упомянутого входа в зал, к клаустру, которая клауэтра все еще остается покрытой остролистом, и на северной стороне той же клауэтры длинный проезд, называемый Фратрия. А в самом конце той же клауэтры - домик, называемый Суприорс, с маленьким садиком, примыкающим к нему. И у того же домика пара лестниц, ведущих к дортору, на южном конце которого есть маленький домик, где сейчас хранятся доказательства упомянутого домика, со всеми домиками и домиками под тем же дортором. Пункт, на западе того же монастыря, дор, ведущий в нунций позднего квира, простирающийся от дора из церковного двора до планки или птичника, отделяющего приорство от писхи, которая обложена остролистом. Пункт, в самом конце упомянутого монастыря, вход, ведущий в маленький сад, и из того же маленького сада в большой сад, называемый Ковент-садом, занимающий, по оценкам, пол-акра. И, на севере упомянутого сада, дор, ведущий в другой сад, называемый Кечин-садом: и на западе того же сада есть Голубятня; и в том же саду дор к прекрасному лесу, с хаусами, птиконами и садами, внутри того же сада - жилой дом с садом, конюшней и другими вещами, принадлежащими тому же дому, называемый Элизабет Хоутс Лоджинг."

На карте Огилби (см. "Конец Лондона времен Стюартов") изображено это место, каким оно было сто лет спустя. Осталась часть монастыря, часть сада монахинь. Что касается границ в 1542 году, то южной границей женского монастыря была стена, разделяющая церковь Святой Елены; восточной - Сент-Мэри-Экс или, возможно, ряд домов с западной стороны; западной - Бишопсгейт-стрит внутри, а северной - Камомил-стрит или Лондонская стена, если только на южной стороне не было ряда домов.

В моем распоряжении имеется огромное количество заметок, относящихся к этому важному лондонскому дому. Большинство из них не имеют большого значения. Однако следует признать, что в летописях этого дома зафиксировано, пожалуй, больше ссор, чем в мужских монастырях.

В 1432 году декан и капитул монастыря Святого Павла издают постановления о реформации монастыря. Чуть раньше тот же орган отлучает от церкви некую Джоузу или Джойсу, которая, приняв постриг как исповедующаяся монахиня монастыря Святой Елены, покинула обитель и вступила в брак. Примерно в то же время разразился скандал, связанный с обращением настоятельницы с Джоан Хейрон, одной из монахинь. У Джоан была подагра в руках и ногах, настолько сильная, что она не могла выполнять свои канонические обязанности. Настоятельница, вероятно, решив, что Джоан притворяется, посадила ее в тюрьму, из которой декан собора Святого Павла приказал ее освободить, а Папа Римский - не менее

авторитетный авторитет - дал указания по ее содержанию. Этот небольшой анекдот открывает возможность для весьма интересных спекуляций на тему Роу-Рояля, который должен был потребовать сначала вмешательства декана, а затем обращения к Папе. Например, можно понять, что Джоан Хейрон была лондонкой по происхождению, что у нее были влиятельные родственники, и что они не собирались этого терпеть. Мы видим, как священники-кантри принимаются по завещанию; прошения об избрании настоятельницы вместо умершей сестры; пожалования земельных участков; прошения о создании рынка и т. д.

ГЛАВА XVII

СТ. МАРИЯ СПИТАЛЬ

За Бишопсгейтом, на месте, которое сейчас занимает площадь Спитал, стоял самый почтенный и самый благотельный дом, называемый *Домус Деу*, или *Домус Битæ Мариес*. Он был основан Уолтером Брюном и его женой Розией для каноников в 1197 году. Уолтер, архидиакон Лондона, заложил первый камень, а Уильям, епископ Лондона, посвятил его Иисусу Христу и Его Матери, назвав *Domus Dei et Beatæ Mariæ extra Bishopsgate*. В течение трехсот пятидесяти лет он вел безупречное и полезное существование. Когда его расформировали, оказалось, что в нем находится не менее ста восьмидесяти кроватей для больных бедняков. Кровати считались предназначенными не только для одного человека, но и для стольких, сколько в случае необходимости можно было вместить, поэтому можно считать, что в этом доме всегда принимали и лечили не менее трехсот шестидесяти бедняков.

Границы дома описаны Стоу: "Границы, в которых, как и положено, находится дом".

"Границы этого дома, как явствует из документа, составленного между парсоном и настоятелем упомянутого госпиталя, касающегося Тайтса, начинаются на Бервардс-лейн, на юге, и простираются в ширину до прихода Святого Леонарда, Соресдитч, на севере; а в длину - от Королевской улицы, на западе, до поля епископа Лондонского, называемого Лоллсворт, на востоке. Настоятель этого дома Святой Марии Спитл, для увековечивания и присвоения приорства Бикенакар, в Эссексе, своему упомянутому дому Святой Марии Спитл, дал Генриху Седьмому 400 фунтов стерлингов, в 22-й год его правления.

Этот госпиталь, сданный Генриху Восьмому, был оценен в 478 фунтов стерлингов, где, кроме украшений церкви и других товаров, относящихся к госпиталю, стояли сто восемьдесят кроватей, хорошо обставленных, для приема бедных из благотворительности; ибо это был госпиталь большой бедности....".

"Часть большого церковного двора, относящаяся к этой больнице, и отделенная от остальной части кирпичной стеной, все же остается, как и в прежние времена, с находящимся в ней крестом с кафедрой, несколько похожим на тот, что в церковном дворе Павла. А против упомянутой кафедры на южной стороне перед часовней святого Эдмонда, епископа, и Марии Магдалины (эта часовня была основана в 1391 году У. Ившемом, гражданином и пеппером Лондона, который был там похоронен),

остался также один честно построенный дом в два этажа высотой для мэра и других почетных лиц, с олдерменами и шерифами, чтобы сидеть в нем и слушать проповеди, произносимые в пасхальные праздники. В мансарде над ними стоял епископ Лондонский и другие прелаты; теперь дамы и жены олдерменов стоят там у честного окна или сидят по своему усмотрению.

И здесь следует отметить, что издревле существует похвальный обычай, что в Страстную пятницу после полудня какой-нибудь особо ученый человек, по назначению прелатов, читает проповедь у Креста Павла, рассказывая о страстях Христовых: и в три следующих праздника Пасхи, в понедельник, вторник и среду, такие же ученые мужи, по такому же назначению, имеют обыкновение проповедовать днем на упомянутом вертепе, чтобы убедить в воскресении Христа: и затем в Светлое Воскресенье, до полудня, один другой ученый человек на Павловом Кресте должен сделать репетицию тех четырех прежних проповедей, либо похвалив, либо осудив их, как ему (по суждению ученых богов) кажется удобным. И, сделав это, он должен произнести проповедь о себе, которая в целом была пятью проповедями в одной. На этих проповедях, прочитанных по отдельности, майор со своими братьями и олдерменами имеет обыкновение присутствовать в фиалках у Павла в Страстную пятницу; и в алых, как они, так и их жены, у Пряхи в праздники, кроме среды, в фиалках; и майор со своими братьями в низкое воскресенье в алом у Павлова креста, что продолжается до сего дня.

Что касается древности этого обычая, то я нахожу не что иное, как то, что в 1398 году. Король Ричард, получив из Рима подтверждение тех статуты и постановлений, которые были приняты в парламенте, начавшемся в Вестминстере и закончившемся в Шрусбери, заставил прочитать и произнести это подтверждение на Полс-Кросс и в церкви Святой Марии Спитл в проповедях перед всем народом. Филипп Малпас, один из шерифов в 1439 году, 18-м году правления Генриха VII, дал 20 фунтов стерлингов в год трем проповедникам в Спитле. Стивен Форстер, майор, в 1454 году дал 40 фунтов проповедникам Паульс-Кросс и Спитл. Я также обнаружил, что вышеупомянутый дом, в котором заседают мэр и олдермены в Спитле, был построен (для этой цели) на средства и с помощью душеприказчиков Рича Роусона, олдермена, и его наследников. Роусона, олдермена, и Изабель, его жены, в 1488 году. В 1594 году эта кафедра, будучи старой, была снесена, и поставлена новая, лицом проповедника повернутая к югу, которая прежде была обращена к западу. Также был построен большой дом (с восточной стороны от упомянутой кафедры), чтобы в нем могли сидеть управляющие и дети больницы Христа: это было сделано на средства Уильяма Элкинса, олдермена, покойного. Но в течение первого года тот же дом обветшал и, похоже, упал, и был снова (с большими затратами) отремонтирован за счет города". (Survey, vol. i)

На Спитал-сквер, Бишопсгейт-стрит без, находится место монастыря или, возможно, внешнего двора дома Святой Марии Спитал. В период пресечения его доход составлял 478 фунтов стерлингов; в нем было сто восемьдесят больничных коек. Это означает, что в госпитале размещались, согласно тогдашнему значению этого слова, четыре или пять сотен пациентов. При оценке содержания в 5 фунтов стерлингов за голову возникает вопрос, как содержались все эти койки и не зависел ли госпиталь частично от добровольных пожертвований. Известно, что госпиталь Святого Варфоломея посылал своих людей просить мясо в Шамблс; посылал ли госпиталь Святой Марии людей на те же поиски?

Один обычай сохранился в доме - пасхальные проповеди. Было принято, что в Страстную пятницу, во второй половине дня, какой-нибудь ученый человек, по назначению епископа, должен читать проповедь на Кресте Павла о Страстях; что в три пасхальных праздника, в понедельник, вторник и среду, другие ученые люди должны читать проповеди на Кресте Шпиталя о Воскресении; и что в Низкое воскресенье другой ученый человек должен "отрепетировать" на Кресте Павла эти четыре проповеди, либо похвалив, либо осудив их. Это, безусловно, было единственное мероприятие во всем христианстве, на котором одного проповедника пригласили публично критиковать проповеди четырех других проповедников. Эти проповеди имели большую древность. В 1398 году Ричард Второй использовал их для публикации или подтверждения определенных статуты Папой Римским. В 1439 году Филипп Малпас, шериф, давал двадцать шиллингов ежегодно; в 1454 году Стивен Форстер дал сорок фунтов для проповедников; "дом", в котором сидели мэр и олдермены с женами, чтобы послушать проповедь в Сент-Мэри-Спитал, представлял собой нечто вроде двойной галереи, открытой спереди. Если мэр и олдермены надевали свои фиолетовые плащи в Страстную пятницу, алые - в понедельник и вторник в Шпитале, фиолетовые - в среду, а алые - в Светлое воскресенье, как говорит Стоу, то проповеди в Шпитале Святой Марии должны были быть очень пышными и торжественными.

ГЛАВА XVIII

СВ. МАРИЯ ВИФЛЕЕМСКАЯ

Храм Святой Марии Вифлеемской, от которого происходит слово "Бедлам", был основан шерифом Саймоном Фиц-Мэри в 1247 году. Договор дарения хранится в архиве Вифлеемской больницы. За копию я обязан преподобному Э. Г. О'Донохью, капеллану госпиталя. Имя главного свидетеля, "Питер Фиц-Алвин", вероятно, является ошибочным прочтением "Питер Фиц-Алан". Преамбула опущена.

The deed by which Simon Fitzmary conveyed his land in Bishopsgate to the Bishop of Bethlehem for the foundation of a Priory in honour of S. Mary of Bethlehem.

По причине моего почтения к Самому Господу и к той же Его нежнейшей Матери, к чести и славе моего господина Генриха, прославленного короля Англии (да возьмет вышеупомянутая Мать Божья и Ее Единородный Сын его жену и детей под свою опеку и защиту!), на благо Лондонского Города, в котором я родился, а также для спасения моей собственной души, душ моих предков и потомков, для спасения душ моих родителей и моих друзей, и особенно для душ Гая Марловского, Джона Дюранта, Ральфа Асви, Матильды, Марджери и Дионисии, их жен.

Я отдал и даровал (и настоящим Хартийным актом подтвердил дарение) Богу и церкви Святой Марии Вифлеемской всю ту мою землю, которую я имел в приходе Святого Ботольфа без Бишопсгейта, Лондон, - а именно, все, что я имел или мог иметь там, дома, сады, огороды, рыбные пруды, каналы, болота и все прочее, что к ним относится, как определено их границами. Они простираются в длину от Королевского шоссе на востоке до канавы на

западе, которая называется Дедич, а в ширину - до земли, принадлежавшей Ральфу Даннингу на севере, и до земли церкви Святого Ботольфа на юге.

Для хранения и удержания в качестве милостыни, дарованной вышеупомянутой церкви Бетлема, свободной от всякого светского контроля, налогов или службы на вечные времена, и особенно для основания там Приората и для учреждения там Приора, Каноников и Братьев, а также Сестер, как только Иисус Христос дарует ему Свою благодать. Они должны торжественно исповедовать в указанном месте правила и порядки указанной церкви Бетлема и должны при этом публично носить на своих копнах и мантиях знак звезды.

И там должны совершаться богослужения за души вышеупомянутых и за души всех верных умерших.

Но в особенности этот Приорат должен быть основан для того, чтобы принимать в нем епископа Бетлемского, каноников, братьев и легатов на все времена, так часто, как они будут приезжать туда.

Кроме того, с целью возведения там церкви или оратория, как только Господь изольет на нее свою благодать, на таких условиях, чтобы рукоположение, учреждение и увольнение настоятелей, каноников, братьев и сестер указанного места, вместе с правами посещения, исправления и реформации, будут вечно принадлежать епископу Бетлемскому и его преемникам, а также капитулу его церкви и его легатам, так часто, как они будут приходить туда, и будут желать, и будут видеть, что это целесообразно, без противоречий и препятствий со стороны кого-либо, кроме случаев, когда к упомянутой земле относятся службы, причитающиеся лордам-настоятелям.

И для большей безопасности этого дара

Я поместил себя и своих вне упомянутой собственности, торжественно вступил в фактическое владение ею и передал владение всем вышеупомянутым лорду Годфри, одному из префектов города Рима, в настоящее время избранному епископу Бетлема (как подтвердил наш Господь Папа), и в настоящее время фактически находящемуся в Англии, от своего имени и от имени своих преемников, а также от имени капитула Бетлемской церкви.

И он получил во владение упомянутое имущество и вступил в него в установленной форме.

Теперь в знак подчинения и почтения указанное место в Бишопсгейт Без в Лондоне должно ежегодно выплачивать в указанном городе одну марку стерлингов в день Пасхи епископу Бетлемскому или его представителю в счет своего имущества.

И поскольку имущество упомянутого места будет по дару Божьему все более и более увеличиваться, таким же образом упомянутое место будет выплачивать больше, пропорционально своим доходам, в вышеупомянутый день своей материнской церкви Бетлема.

Настоящий договор дарения и подтверждение настоящего устава моего фонда я от своего имени и от имени моих наследников сделал надежным и обязательным.

В год Господа нашего 1247 в среду после праздника святого Луки Евангелиста.

Свидетели:

Питер Фиц-Алвин, тогдашний мэр Лондона, и т. д. и т. п.

Вот что пишет о доме газета London Citizen (см. "Собрания лондонского горожанина")

"Это дом Овре Леди, которая намыла Бедлем. And yn that place ben founde many men that ben fallyn owte of hyr wytte. И они честно держались в том месте, и все они были в покое, и все они были в покое, и все они были в покое, и все они были в покое, и все они были в покое, и все они были в покое, и все они были в покое. И все они были там в состоянии покоя, потому что они были так сильно обеспокоены своим положением, что они не могли быть уверены в человеке. И к тому месту ys grauntyde moche pardon, more thenne they of the place knowe."

Приорат просуществовал почти триста лет, и за это время он так и не обрел ни популярности, ни существенного увеличения своих доходов. Просматривая календарь завещаний, мы находим несколько завещаний, оставленных дому до 1411 года. После этой даты о доме больше ничего не упоминается.

Затем на него обрушилась бедность: он получил разрешение просить милостыню; а сестры Бретрен - были ли они вообще? - после их смерти не были заменены; между 1411 и 1538 годами - то есть на протяжении ста двадцати семи лет - в завещаниях царит мертвая тишина. Мы знаем, что здесь была капелла для лорда Бассета, который был благотворителем; и мы знаем, что Генрих Четвертый назначил в 1423 году Роберта Дейла, а в 1471 году Ричарда Снита настоятелем или надзирателем. Дом был, вероятно, самым ярким примером в Лондоне фонда, от которого осталась только оболочка. Его пожертвования исчезли, "особая преданность" основателя Вифлеемской церкви больше не понималась, уважение к священному месту Вифлеема пришло в упадок, и, наконец, исчезли сами братья. При роспуске в доме нашли одного человека, магистра, который перестал носить орденскую привычку. Был ли он совсем беден? Жил ли он один, бродил ли по призрачному монастырю, пел ли заутреню в полночь в одиночестве в заплесневелой часовне, крыша которой проваливалась? Или возделывал маленький огород у городской канавы, выращивая овощи и корни, которые составляли большую часть его пищи? Странная жизнь! Или же доходы были достаточно велики, чтобы содержать его в комфорте, а слуги прислуживали ему, так что он жил в полуэкклезиастическом обличье?

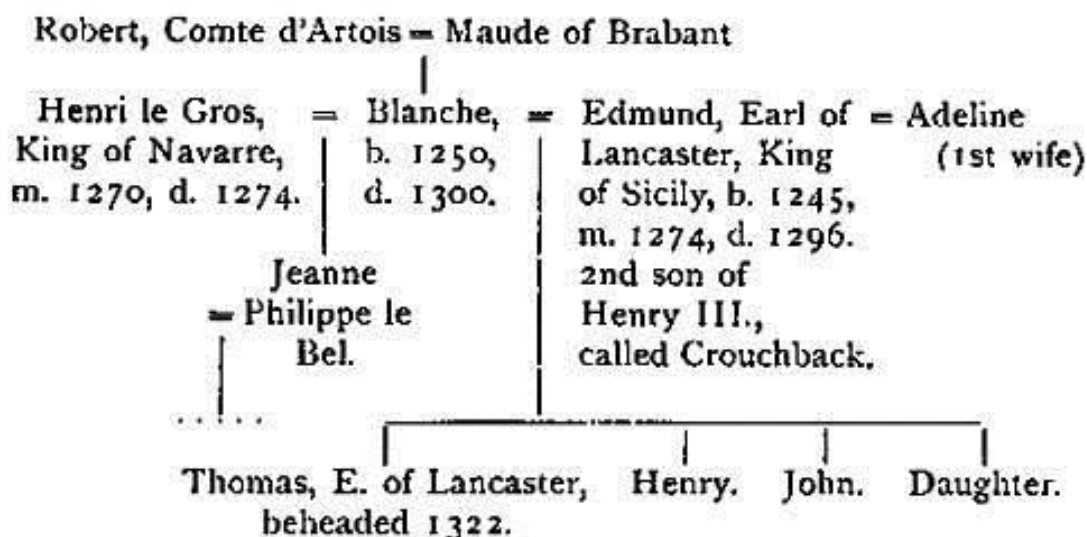
Существует некоторая неясность относительно превращения дома в убежище для душевнобольных. Стоу говорит, что он стал приютом, но не называет дату. Ньюкорт утверждает, что "однажды один из английских королей" - что весьма неопределенно - не одобряя присутствия рядом с судом приюта для умалишенных, который находился на Чаринг-Кросс, приказал перевезти его обитателей в Вифлеем, что свидетельствует о том, что это место пришло в упадок за некоторое время до Расторжения брака. В 1523 году некий Стивен Дженнингс дал 40 фунтов стерлингов на покупку патронажа дома, и мэр предпринял шаги к осуществлению этой цели, когда произошло Расторжение брака, и заведение, стоимость которого не указана, перешло к королю. Безумцы были брошены на произвол судьбы; неизвестно, куда они отправились и как жили: однако в 1546 году король передал Дом городу, а мэр купил патронаж, дома и участки, принадлежащие ему, и заменил безумцев.

Церковь была снесена во времена правления королевы Елизаветы. Судя по всему, у дома не было никакой собственности, поскольку пациентов содержали их друзья, а если те были слишком бедны, то за счет прихода. Дом был рассчитан на шестьдесят пациентов. Через пять лет после дарения королю Джону Уайтхеду, настоятелю дома, было дано разрешение просить милостыню в епархиях Лондона, Эли и Линкольна.

ГЛАВА XIX

КЛАРЫ

Аббатство Святой Клэр, стоявшее на месте церкви Святой Троицы в Минорисе, было основано Бланш д'Артуа в 1293 году. Приведенная ниже генеалогия в достаточной степени объясняет связь Бланш с этой страной и Лондоном.

Табличная версия доступна [здесь](#).

Дом был основан в 1293 году для приема "некоторых монахинь, посвятивших себя служению Богу, Святой Марии и Святому Франциску, которые, как ожидается, вскоре придут и поселятся в этом королевстве". Первыми монахинями были француженки, которых привезла Бланш. Они принадлежали к ордену, называвшемуся *Clares*, по имени святой Клэр, основательницы францисканских монахинь, которая была канонизирована в 1253 году, через два года после ее смерти. Они называли себя *Sorores Minores* - так же, как их францисканские монахи были *Fratres Minores*; их также называли "богатыми Клер", потому что им было позволено владеть наделом и землями; другие члены того же ордена были "бедными Клер", которые жили исключительно за счет благотворительности людей. Их также называли урбанистами, поскольку их правила были пересмотрены папой Урбаном; им было *запрещено* выходить за стены монастыря, кроме как по причине моровой язвы, войны или пожара.

Вначале они получили три земельных участка и четыре участка земли вблизи или на месте Дома, а также несколько домов в Уэст-Чепе, которые приносили 30 фунтов стерлингов в год.

Последующие наделы включали в себя большое количество особняков, домов, пристаней и магазинов в Лондоне и Уайтчепеле. Было бы интересно выяснить, какая часть Лондона на самом деле принадлежала религиозным домам.

Младенческий монастырь получил три буллы от папы Бонифация VIII. В первой он принял Дом со всеми его зданиями и имуществом под свою особую юрисдикцию. Во второй он

объявил дом свободным от юрисдикции епископа Лондона и архиепископа Кентерберийского. В третьем он объявил дом неприкосновенным и приказал епископу Лондона освятить для монахинь всю церковную утварь и священные сосуды.

В царствование Эдуарда Второго король освободил сестер, ввиду их бедности, от всех податей, причитающихся короне за их земли и дома в Лондоне.

В правление Эдуарда Третьего они получили грант в тридцать марок в год и еще двадцать марок от частных лиц. Кроме того, они получили от Изабеллы, матери Эдуарда Третьего, титулы настоятелей трех церквей с условием молиться за душу покойного короля. Эдуард Третий также одарил их землями и домами.

Автор статьи в Archæologia перечисляет множество подарков в виде поместий и т.д., сделанных сестрам за двести пятьдесят лет их существования. В Календаре завещаний за период с 1341 по 1519 год я нашел двадцать пять завещаний этому дому, из которых все, кроме семи, относятся к четырнадцатому веку.

Значительная часть руин монастыря простояла до конца восемнадцатого века, когда большинство из них было разрушено. В 1706 году было установлено, что северная стена нынешней церкви Святой Троицы была частью стены часовни сестер; в 1793 году при рытье фундамента дома на Хейдон-сквер была обнаружена массивная каменная стена, несомненно, являвшаяся частью Дома, поскольку она образовывала границу прихода. Дома на западной стороне площади, построенные в 1803 году, были частью первоначального здания, стены были каменными, даже перегородки между комнатами. В 1797 году пожар, уничтоживший многие дома к югу от церкви, от Минори до Хейдон-сквер, к востоку, обнаружил остатки зала, который, по-видимому, был трапезной.

Стоу приводит следующие сведения об этом доме:.

"Лицензия на его основание была датирована 21 Е. I. настоятельнице Сент-Клер без Олдгейта. Была дана хартия 9 Е. II. о том, что сестры-миноритки без Олдгейта должны быть освобождены от таллажа за их земли и владения в Лондонском Сити. В другой хартии 14 года н. э. II. она называется "Аббатство минориток Святой Марии из ордена Святой Клэр без стен Сити": В этой хартии подтверждены некоторые их заведения в Винтри, на Вуд-стрит, Лад-лейн, Олд-Фиш-стрит, а также одно заведение и две лавки на Ломбард-стрит, в переулке Церкви Христа и в Ширбург-лейн; получены от различных хорошо влиятельных лиц: Какими были хартии и вольности этих минориток, можно узнать из подтверждения их в 1 Н. V. и 16 и 25 Аппо, а также 2 Н. 4, которые сохранились в Тауэрских записях. Манур Апельдеркома был пожалован настоятельнице минориток без Олдгейта, 1 Н. IV. и 22 Н. VI. Месс под названием Хертешорн, в приходе Святой Марии Матфелон, был пожалован им Николасом Уолшем, 7 Е. IV. Ко всему прочему добавим следующее.

Что этот дом был впервые возведен для приема монахинь, которых должна была привезти Бланка, королева Наваррская, жена вышеупомянутого графа Эдмунда: и они исповедовали служение Богу, Пресвятой Деве и Святому Франциску, как явствует из этой лицензионной хартии, которую упомянутый Эдмунд получил от короля, своего брата, 21-го числа его правления".

Дом пользовался большим уважением горожан. Об этом свидетельствуют завещания, которыми осыпали сестричество; они продолжались вплоть до XV века, долгое время после

того, как поток благотворительных пожертвований прекратился для других религиозных домов Лондона. Об этом также свидетельствует просьба многих дам похоронить их в часовне монахинь - среди них была Елизавета, герцогиня Норфолкская, которая умерла в 1506 году, всего за тридцать лет до роспуска. В другом месте уже было отмечено, что нигде не было найдено ни одного скандала или предположения о скандале, касающегося религиозных женщин лондонских домов.

У Дома нет истории. В течение двухсот пятидесяти лет сестры вели тихую жизнь; они не произвели на свет ни одного святого; они не наслаждались экстатическими видениями; они подчинялись Правилам с теми изменениями, которые вносились время от времени; их жизнь была однообразной, но у них были свои маленькие развлечения. О них известно только одно событие - чума 1515 года, когда только в этих стенах скончались двадцать семь сестер, а также мирянки и служанки.

На момент роспуска их доход составлял 318 фунтов 16 шиллингов 5 шиллингов. Если учесть, что жалованье священника-кантри составляло не более 6 или 7 фунтов в год, на которые он мог прожить, мы можем умножить этот доход как минимум на десять, и сделать вывод, что число сестер, с учетом содержания Дома, не превышало тридцати, а возможно, и меньше, поскольку в последние времена, когда было мало завещаний, численность сестричества сократилась, поэтому они были в достатке.

Кляры не были включены ни в первый приказ кардинала Вулси о подавлении малых домов от 1528 года, ни в приказ от 1536 года. Однако настоятельница, леди Элизабет Сэвидж, оставила свой пост в 1538 году, за год до принятия окончательного закона.

В течение двух лет монастырь оставался пустым и заброшенным. Однако в 1540 году король предоставил дом епископу Бата и Уэллса для лондонской резиденции. Епископом в то время был Джон Кларк, человек, чья роль в судьбоносных событиях того времени почему-то обойдена историками.

Он родился около 1480 года, получил степени бакалавра и магистра в Кембридже, изучал право в Болонье, принял священный сан и получил множество благодеяний, включая магистерскую должность в доме Дье в Дувре. Поскольку эти преференции были разбросаны по многим графствам, очевидно, что он не выполнял ни одной из обязанностей. Его занимали другие дела. В 1519 году он был отправлен королем с посланием к Луизе Савойской; он стал архидиаконом Колчестера, деканом Виндзора, судьей суда Звездной палаты; в 1521 году ему было поручено представить работу короля Генриха против Лютера. В течение четырех лет он оставался в Риме в качестве посла короля и слуги Вулси; он участвовал в посольстве ко двору Франции и был отправлен в Рим во второй раз. Он вернулся вместе с кардиналом Кампеджио. К этому времени он получил должность епископа Бата и Уэллса.

Он недолго наслаждался своей лондонской резиденцией. В том же году, когда он получил подарок, он был отправлен с посольством к герцогу Клевскому и вместе со своими слугами был отравлен. Он вернулся, чтобы умереть в январе 1541 года, и был похоронен в капелле Клер.

Дом снова перешел во владение короны: в 1548 году епископ Барбер обменял его на другую собственность. В 1552 году Эдуард подарил его герцогу Саффолку. Однако не похоже, что леди Джейн Грей, его дочь, когда-либо проживала в доме Клер. Герцог был казнен 23 февраля 1554 года. Можно предположить, что в часовне исчезнувших монахинь еще сохранялась часть былой святости. Есть основания полагать, что голову герцога принесли в

часовню и похоронили перед алтарем. В 1852 году тогдашний граф Дартмут осматривал хранилища под современной церковью, где похоронены некоторые из его предков. Он наткнулся на что-то, что могло быть корзиной, наполненной опилками. При осмотре оказалось, что это хорошо сохранившаяся голова со следами обезглавливания на шее. Черты лица напоминали черты обезглавленного герцога, и кажется вероятным, что либо по его собственной просьбе, либо по благочестивой заботе слуги голова была принесена сюда, чтобы быть положенной в часовне самого герцога, бывшей часовне *Sorores Minores Inclusæ*.

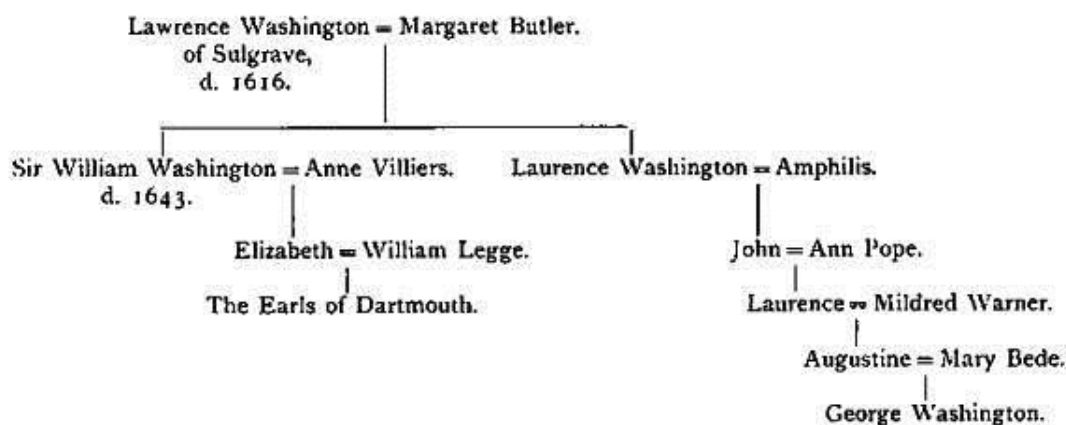
После воцарения королевы Елизаветы территория аббатства, как и многие другие территории, оставалась тихим местом, в котором были построены близкие дома. Церковь была передана жителям этого места при условии, что они будут содержать священника для прихода, который занимал точно такое же место, как и бывшее аббатство.

Это был небольшой приход, не более 255 футов в длину, выходящий на городскую стену. Старые здания постепенно сносились, а материалы использовались для строительства новых домов, но даже к концу XVIII века их осталось достаточно, чтобы образовать живописную коллекцию руин. Пожар 1767 года уничтожил большую часть зданий. Что касается церкви, то она стала церковью Святой Троицы; ее ремонтировали в 1618, в 1624, в 1636 годах; она избежала лондонского пожара. Но, к большому сожалению, в 1740 году ее снесли, за исключением северной стены, и отстроили заново маленькую и бедную церковь, которая так и останется стоять в качестве церковного дома, в то время как приход, состоящий из Хейдон-Грин и небольшого количества других зданий, был поглощен приходом Святого Ботольфа, Олдгейт. В новой церкви сохранилось кое-что от старой часовни: купель, ризница, мостовая перед алтарем, памятники, установленные на северной стене. Церковная утварь также богата и любопытна. Благотворительные фонды очень малы, в общей сложности они составляют не более 13 фунтов стерлингов в год.

Одно время, примерно в конце семнадцатого века, церковь была - излюбленным местом для проведения свадеб. В 1697 году их было 956; иногда за один день проходило шесть, восемь или десять свадеб. Причина, по-видимому, заключалась в том, что церковь претендовала на статус особой и не подлежала посещению обычными властями, поэтому лицензий для нее требовалось не больше, чем для Сент-Джеймской, Дюк-Плейс, Флит или Майской ярмарки.

Римский саркофаг, обнаруженный в этом приходе, сейчас хранится в Британском музее.

Церковь гораздо богаче ассоциациями, чем можно было бы предположить по ее внешнему виду. Здесь находится медный памятник Констанс Люси, одной из знаменитой семьи Люси; гробница сэра Джона Пелхэма и его сына; здесь похоронен первый лорд Дартмут, сын полковника Уильяма Легга, и тридцать два его потомка; здесь есть портрет сэра Исаака Ньютона, а по преданию, он когда-то жил на Хейдон-сквер и молился в этой церкви; Майлз Ковердейл проповедовал здесь, как установил историк церкви, доктор Киннс, одиннадцать раз. На могиле полковника Уильяма Легга, жившего в аббатстве, сохранился его щит, на котором выбиты гербы семьи Вашингтонов, со звездами и полосами, от которых ведет свое начало американский флаг. Связь Уошингтонов и Леггов описана доктором Киннсом в следующей родословной.

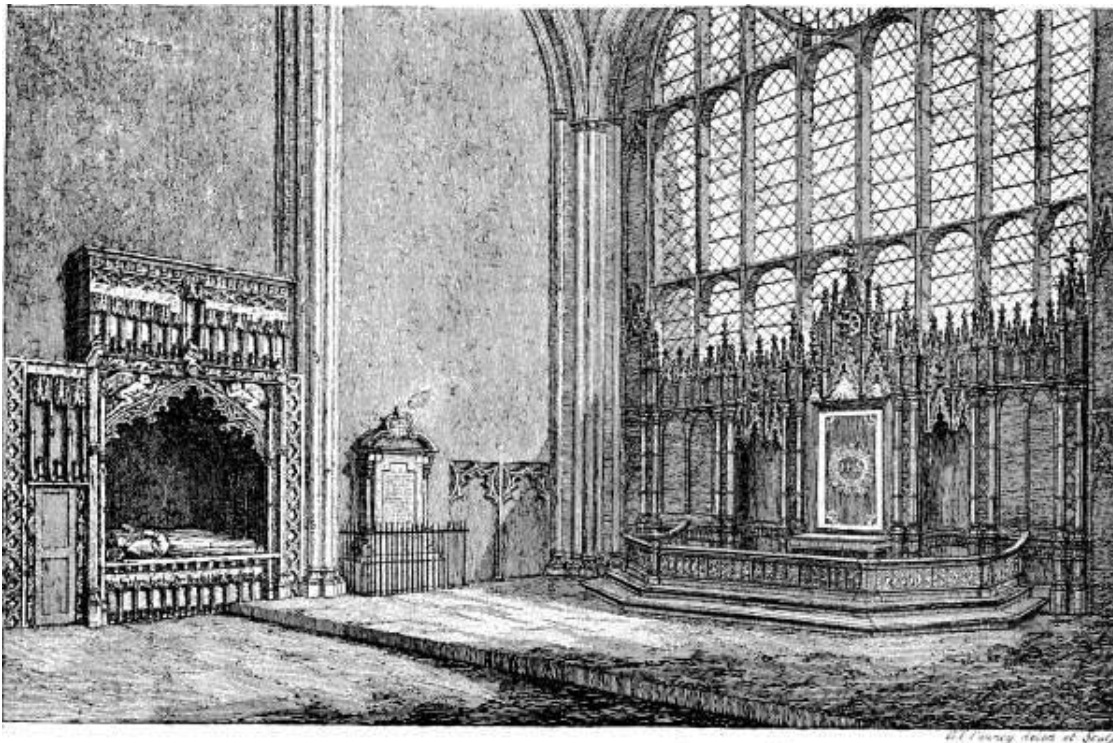
Табличная версия доступна [здесь](#).

ГЛАВА XX

СТ. КАТЕРИНА У БАШНИ

В тридцатый день октября тысяча восемьсот двадцать пятого года по милости Божьей собралась община, чтобы отслужить самую скорбную службу, которая когда-либо звучала в церкви. Местом служения был участок Святой Кэтрин, а церковью - та, что известна как Святая Кэтрин у башни - самая древняя и почтенная церковь во всем Восточном Лондоне - городе, в котором сейчас осталось всего две старинные церкви, в Боу и Степни, не считая старой башни в Хакни.

Предположим, было объявлено, что в определенный день в Вестминстере состоится последняя, прощальная служба перед сносом аббатства; что после службы старая церковь будет снесена; что часть памятников будет снята, а остальные уничтожены; что кости знаменитых усопших будут вывезены и разбросаны, а на месте церкви разместятся склады, используемые в коммерческих целях. Можно представить себе неистовую ярость и отчаяние, с которыми повсеместно будет воспринята эта новость; можно вообразить, как всколыхнутся сердца всех тех, кто во всех частях света наследует англосаксонскую речь; можно услышать рыдания и стенания, сопровождающие последний гимн, последнюю проповедь, последнюю молитву.

B.T. Pouncy delin et sculp'

ГОТИЧЕСКАЯ АЛТАРНАЯ ЧАСТЬ В КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ СВ. КЭТРИН, С ПАМЯТНИКАМИ ГЕРЦОГУ ЭКСЕТЕРСКОМУ И ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДЖ. Г. МОНТАЖА

Св. Кэтрин у Тауэра было аббатством Восточного Лондона: Бедное и маленькое, конечно, по сравнению с соборной церковью Сити и аббатством Запада, но величественное и древнее; одаренное полудюжиной государей; освященное памятью семисот лет, наполненное памятниками великих и малых людей, похороненных в его стенах; стоящее на своем собственном участке; со своими судами, духовными и временными; со своими судьями и служителями; окруженное зданиями клауистра, принадлежащими магистру, братьям, сестрам и бедесам. Церковь и госпиталь давно пережили замыслы основателей; и все же, когда они стояли, такие расположенные, такие древние, такие почтенные, среди плотного населения грубых моряков и матросов, с такими огромными возможностями для доброй и полезной работы, священной и светской, остается только удивляться, что на их разрушение можно было получить согласие парламента, даже в корыстных целях. И все же церковь Святой Кэтрин была разрушена. Когда голос проповедника затих, разрушители приступили к своей работе. Они снесли церковь; они рубили памятники и выкапывали кости; они разрушили дом магистра и вырубили деревья в его тихом саду; они снесли дома братьев вокруг маленькой старинной площади; они снесли ряд домов сестер и бедных женщин; они вымели людей из пректа и разрушили улицы; они снесли суды, духовный и временный, и открыли двери тюрьмы; они разрыли место захоронения. Костями и прахом мертвецов, а также мусором фундаментов они заполнили старый резервуар водопровода Челси и позволили мистеру Кьюбитту построить Экклстон-сквер. Когда все закончилось, они спустили воду в большую дыру, которую сделали, и назвали ее Доком Святой Кэтрин. После всего этого их стали мучить укоры совести. Они полностью снесли, смахнули и уничтожили то, что никогда нельзя было заменить; им захотелось сделать что-нибудь, чтобы унять эти укоры. Поэтому они построили новую часовню, которую архитектор назвал готической, шесть аккуратных домиков в два ряда и большой дом с садом в Риджентс-парке, и назвали его Сент-Кэтринз. "Сэры, - сказали они, - неправда, что мы вообще разрушили

этот древний фундамент; мы только перенесли его в другое место. Вот ваш собор Святой Екатерины!" Конечно, ничего подобного. Это не церковь Святой Екатерины. Это фикция, дом Шамса и Теней.

Начало госпиталю было положено семьсот сорок лет назад, когда Матильда, королева Стефана, основала его, чтобы совершать мессы за упокой двух своих детей, Болдуина и Матильды. Она приказала, чтобы госпиталь состоял из магистра, братьев, сестер и некоторых бедняков - вероятно, тех же, что и при более позднем основании. Она назначила настоятеля и каноников Святой Троицы вечными опекунами госпиталя; она оставила за собой и всеми последующими королевами Англии право назначать магистра. Ее пожалование было одобрено королем, архиепископом Кентерберийским и Папой Римским. Вскоре после этого Вильгельм Ипрский даровал приору Святой Троицы землю Эдредешеде, впоследствии названную Квинхайт, с условием ежегодной выплаты 20 фунтов стерлингов госпиталю Кэтрин в Тауэре.

Это был первоначальный фонд. Это не было благотворительное общество; это был религиозный дом с определенным долгом - молиться за души двух детей; у него не было других благотворительных целей, кроме тех, что присущи любому религиозному фонду, - раздачи милостыни бедным, и он не был предназначен в качестве церкви для людей; в те дни за пределами Тауэра не было людей, кроме жителей нескольких разбросанных коттеджей вдоль стены реки и фермерских домов Стебенхута (Степни). Он был просто основан для блага душ двух маленьких принцев.

Приор и каноники Святой Троицы без Олдгейта продолжали осуществлять некоторую власть над госпиталем, но, очевидно, вопреки протестам и ворчанию Общества Святой Кэтрин. Однако официально госпиталь был передан им сто сорок лет спустя Генрихом Третьим. После его смерти королева Элеонора по каким-то, теперь уже неясным причинам, захотела прибрать госпиталь к своим рукам. Епископ Лондонский отобрал его у Приората и передал ей. Затем, возможно, с целью предотвратить любые последующие притязания Приората, она объявила госпиталь распущенным.

На этом заканчивается первая глава в истории госпиталя. Фонда для душ двух принцев больше не существовало - дети, несомненно, были давно отпеты в чистилище. Королева Элеонора, однако, тут же основала его заново. Госпиталь, как и прежде, должен был состоять из магистра, трех братьев, трех сестер и постельниц. Также было предусмотрено, что шесть бедных учеников должны быть накормлены и одеты, но не обучены. Королева также постановила, что 16 ноября каждого года двенадцать пенсов должны выдаваться бедным ученым и столько же - двадцати четырем беднякам; а 20 ноября, в годовщину смерти короля, тысяча бедняков должна получить по одному полпенни. Это первое введение благотворительности. Госпиталь перестал быть только церковным фондом; он содержит ученых и раздает существенную милостыню. Кто получал эти милостыни? Конечно же, жители квартала, а если в нем не было жителей, то бедняки Портсокенского прихода. В любом случае благотворительность была местной - что очень важно. Королева Элеонора также продолжила правило своей предшественницы, согласно которому патронаж госпиталя должен навсегда остаться в руках английских королей; если королевы не было, то в руках вдовствующей королевы; если ее не было, то в руках короля. Это правило действует до сих пор. Королева назначает хозяина, братьев и сестер дома Шамса в Риджентс-парке, так же как ее предшественники назначали хозяев дома Святой Кэтрин в Тауэре.

За королевой Элеонорой последовали и другие королевские благотворители. Эдуард Второй, например, подарил приход Святого Петра в Нортгемптоне. Королева Филиппа,

которая, как и Элеонора, относилась к этому месту с особой любовью, наделила его поместьем Апчерч в Кенте и поместьем Квинбери в Хартфордшире. Она также основала костел с 10 фунтами стерлингов в год для капеллана. Эдуард Третий основал в честь Филиппы еще один хантри с ежегодным сбором в 10 фунтов стерлингов на содержание ганаперской канцелярии; он также передал ей право рубить дрова на топливо в Эссекском лесу. Ричард Второй подарил ему поместье Решинден в Шеппи и сто двадцать акров земли в Минстере. Генрих Шестой подарил ему поместья Чезингбери в Уилтшире и Квасли в Хантсе; он также дал хартию с привилегией проводить ярмарку. Наконец, Генрих Восьмой основал при соборе Святой Катеины у Тауэра гильдию Святой Варвары, состоящую из мастера, трех причетников и большого числа членов, среди которых были кардинал Вулси, герцог и герцогиня Норфолк, герцог и герцогиня Бекингем, граф и графиня Шрусбери, граф и графиня Нортумберленд и другие великие и знаменитые личности.

Это внушительный список благотворителей. Очевидно, что фонд святой Катеины пользовался большой благосклонностью королей и королев Англии. Были у него и другие благотворители, в частности Джон Холланд, герцог Эксетерский, лорд верховный адмирал и констебль Тауэра, сам имевший королевское происхождение. Он был похоронен в церкви вместе со своими двумя женами и завещал госпиталю поместье Мач-Гаддесден. Он также подарил ей чашу из берилла, украшенную золотом, жемчугом и драгоценными камнями, и золотой потир для празднования Святых Таинств.

В 1546 году все земли, принадлежащие госпиталю, были переданы короне.

В это время все доходы госпиталя составляли 364 фунта 12 шиллингов 6 шиллингов, а расходы - 210 фунтов 6 шиллингов 5 шиллингов; разница составляла стоимость магистратуры. Магистром при роспуске был Гилберт Лэтом, священник, а братьев было пятеро - три прежних и два священника для капелл. Четверо из пятерых получали "на свое жалованье, мете и сушке, по годам", сумму в 8 фунтов стерлингов, то есть пять пенсов-фартингов в день; остальные - 9 фунтов, то есть шесть пенсов в день. Было бы интересно, сравнив цены, выяснить, сколько всего можно купить на шесть пенсов в день. Три сестры также имели по 8 фунтов в год, а постельницы - по 2 фунта 5 шиллингов и 6 пенсов в год. В доме было шесть стипендиатов, которые получали по 4 фунта в год за "мету, сухарь, одежду и другие необходимые вещи"; кроме того, в доме было четверо слуг: стюард, дворецкий, повар и младший повар, которые стоили по 5 фунтов в год каждый. В доме было два сада и двор, то есть площадь, ограниченная домами братьев и церковью.

На этом заканчивается вторая глава в истории госпиталя. С прекращением отпевания умерших ее религиозный характер сошел на нет. Остались только службы в церкви для жителей участка времен Генриха Восьмого.

Теперь госпиталь использовался только как благотворительное учреждение. К счастью, он не был, как Приорат Святой Троицы, передан придворному, иначе его бы сместили, как сместили Приорат или Эльсингский Шпиталь. Через некоторое время он продолжил свое существование, но с изменениями. Он был секуляризован. Магистрами на протяжении ста пятидесяти лет, не считая периода правления королевы Марии, были миряне. Братья, как правило, были мирянами. Первым магистром третьего периода был сэр Томас Сеймур: его сменил сэр Фрэнсис Флеминг, генерал-лейтенант королевской артиллерии. Флеминг был лишен должности королевой Марией, которая назначила на его место священника Фрэнсиса Маллета. Королева Елизавета лишила Маллета полномочий и назначила на его место Томаса Уилсона, мирянина и доктора права. Во время его правления в госпитале не было ни одного брата и лишь несколько сестер или бедесвумен. Госпиталь стал богатой

синекурой. Среди магистров были сэр Джулиус Сезар, магистр Роллс, сэр Роберт Актон, доктор Кокс, три брата Монтегю - Уолтер, Генри и Джордж, лорд Браункер, граф Февершем, сэр Генри Ньютон, судья Высокого Адмиралтейского суда, почтенный Джордж Беркли и сэр Джеймс Батлер. Братья были восстановлены - их имена перечислены Дюкарелем, - один или два из них были орденовыми клерками, но все остальные были мирянами. Они по-прежнему получали старое жалованье в размере 8 фунтов стерлингов в год и небольшой дом. Что касается остальной части значительно возросшего дохода, то она поступала к магистру в порядке, характерном для всех старых благотворительных организаций. Во второй половине XVI и в течение всего XVII века приют святой Катерины у Тауэра состоял из красивой старинной церкви, вокруг которой теснились здания: дом магистра, богато украшенный резьбой и старинными изделиями из дерева, с садами и огородами, домами для братьев, сестер и бедесвумен, каждая из которых продолжала получать то же жалованье, что и при королеве Элеоноре. В церкви проводились службы для жителей участка, но госпиталь был полностью светским. Магистр поглощал большую часть доходов, а подавальщицы - братья, сестры и бедесвумен - не имели никаких обязанностей.

В 1698 году эта, третья глава в жизни госпиталя, была закрыта. Лорд-канцлер, лорд Сомерс, провел в том году инспекцию госпиталя, результаты которой интересны тем, что свидетельствуют, во-первых, о сохранении старых церковных традиций, а во-вторых, о том, что с доходами госпиталя следует делать что-то полезное. Поэтому в новых правилах, разработанных канцлером, было предписано, что братья должны быть в священных орденах и что при госпитале должна содержаться школа из 35 мальчиков и 15 девочек. Не похоже, что от братьев ожидалось какие-либо обязанности. Как и стипендиаты колледжей в Оксфорде и Кембридже, все они должны были быть в священнических орденах, и по той же причине, поскольку при первоначальном основании колледжей, как и госпиталя, все стипендиаты были священниками. Что касается магистра, то он оставался мирянином. Таким образом, новый порядок вещей возвысил положение братьев и придал новое достоинство Госпиталю; кроме того, Школа, как и Бедесвумен, определила свое положение как благотворительная организация. Все это еще далеко, очень далеко, не соответствовало тому, чем могло бы быть, но в период с 1698 по 1825 год не было таким бесполезным, как раньше.

План участка с рисунками церкви внутри и снаружи, а также памятников в церкви можно найти у Лайсонса. Неизвестность Госпиталя и запустение, в которое он впал в XVIII веке, подтверждается тем, что в книгах о Лондоне XVIII века и начала прошлого столетия ему уделено мало внимания. Здания госпиталя состояли из площади, северную сторону которой занимал дом магистра с большим садом за ним и фруктовым садом между садом и рекой; на восточной и западной сторонах располагались дома братьев, а на южной стороне площади находились церковь и дом капитула. К востоку от церкви находилось место для захоронений. К югу от церкви находился Сестринский квартал с домами, которые занимали сестры и бедесвумен. Старые дома братьев были снесены и перестроены примерно в 1755 году, а дом магистра, старинное здание, украшенное резьбой, также был снесен, так что в 1825 году, когда госпиталь был окончательно разрушен, единственным почтенным зданием, стоявшим в прежнее время, была сама церковь. Если взглянуть на чертежи этой старой церкви и подумать о том, с какой любовью к ней относились бы, если бы ей позволили дожить до наших дней, а затем рассмотреть "готическое" здание в Риджентс-парке, то становится совсем грустно. Церковь состояла из нефа и алтаря с двумя приделами, построенными епископом Беккингтоном, бывшим хозяином. Восточное окно высотой в тридцать футов и шириной в двадцать пять было когда-то очень красивым, когда на его стеклах появились витражи.

Рельеф был по-прежнему прекрасным; колесо святой Катерины занимало самую высокую часть, а под ним была роза; но ни одно из окон не сохранило своего расписного стекла, так что общий эффект интерьера, должно быть, был холодным. Резное дерево кафедр и огромная кафедра, подаренная сэром Юлием Сезаром, до сих пор можно увидеть в часовне в Риджентс-парке, где также находятся некоторые памятники. Церковь была полна ими. Самый красивый (сейчас он находится в Риджентс-парке) - Джону Холланду, герцогу Эксетерскому, и двум его женам; еще один - достопочтенному Джорджу Монтею, магистру госпиталя, который умер в 1681 году; и еще памятник с коленопреклоненными фигурами Каттинга и его жены, с гербом. На сиденьях стойл, как это часто бывает, вырезаны гротескные фигуры: люди-птицы, обезьяны, львы, мальчики верхом на свиньях, ангелы, играющие на волынке, звери с человеческими головами, пеликаны, кормящие своих птенцов, и дьявол с копытами и рогами, уносящий скопище душ. Эпитафий было больше, чем обычно. Так, на табличке в память о дочери одного из братьев было написано:

"Так мы в нужде, более чем в обладании, познаем

Ценность вещей, в которых мы нуждаемся".

На памятнике Уильяма Каттинга, благотворителя Гонвилла и Кайуса в Кембридже, написано:

"Не мертв, если бы добрые дела могли поддерживать жизнь людей,

И не все мертвы, поскольку добрые дела оживляют людей".

Гонвилл и Кайус записали его добрые дела,

И, несомненно, похвалят его за это".

На табличке Чарльза Стэмфорда, священнослужителя:

"Mille modis morimur mortales, nascimur uno:

Sunt hominum morbi mille sed una salus".

И в память о Роберте Бидлесе, масоне, одном из канониров Тауэра Его Величества, который умер в 1683 году:

"Теперь он покоится спокойно, в своей могиле в безопасности;

Где шум пушек он еще может вынести;

Его воинственная душа, несомненно, теперь успокоилась,

Кто при жизни так часто был угнетен

Заботами и страхами, и странными крестными деяниями в последнее время,

Но теперь он счастлив и в славном состоянии.

Бурный шторм жизни с ним покончен,

И он высадился на тот счастливый берег.

Где он может больше не надеяться и не бояться".

Там они и покоились, добрые люди из участка Святой Катерины. Они принадлежали ко всем профессиям, но главным образом к тем, которые требуют спуска в море на кораблях. В

списке имен полдюжины капитанов, один из них - капитан корабля *H.M.S. Monmouth*, который умер в 1706 году в возрасте 31 года; есть имена лейтенантов; парусных мастеров и канониров; сержанта Адмиралтейства, денежного служащего Тауэра, ткача, горожанина и канцеляриста, голландца, который упал за борт и утонул, землемера и коллекционера - всех тех профессий и занятий, которые могли бы собраться в этом маленьком прибрежном районе, отделенном и отрезанном от остального Лондона. Среди живших здесь людей были потомки тех, кто ушел с англичанами при взятии Кале, Гиснеса и Хамеса. Они поселились на улице под названием Хамес и Гиснес Лейн, переименованной в "Прибыль палача". Перепись населения, проведенная в правление королевы Елизаветы, показала, что из проживавших в этом районе 328 человек были голландцами; 8 - датчанами; 5 - поляками; 69 - французами - все шляпники, 2 испанца, 1 итальянец и 12 шотландцев. Здесь родился антиквар Верстеген, здесь жил Раймон Люлли. В прошлом столетии этот участок почти полностью заселили моряки, принадлежащие ко всем нациям и религиям под солнцем.

Это было место, которое некоторым учредителям компании по строительству доков было позволено полностью уничтожить. Место с семисотлетней историей, которое могло бы, если бы его церковный характер был сохранен и развит, превратиться в собор для Восточного Лондона; или, если бы его светский характер был сохранен, могло бы стать благородным центром всех видов полезной работы для великого хаотичного города Ист Лондона. Они позволили разрушить его. Он разрушается уже шестьдесят лет. Что касается названия места в Риджентс-парке больницей Святой Екатерины, то это, повторяю, абсурд. Больницы Святой Екатерины больше не существует.

ГЛАВА XXI

КОСТЫЛЬНЫЕ МОНАХИ

Орден костыльных, или перекрещенных, монахов - "Братья Крестоносцы" - был учрежден в двенадцатом веке. Некоторые из них появились в Англии в конце XIII века. Два лондонских горожанина, Ральф Хостер и Уильям Сабернес, привлеченные святостью монахов, взяли для них три особняка с ежегодной рентой в 13s. 4 д. от Приората Святой Троицы, а сами либо вступили в Орден, либо приняли орденское братство. Двадцать лет спустя община получила достаточно средств, чтобы купить другие дома того же Приората и построить для себя монастырь. Местом строительства стал участок земли, лежащий к востоку от Ситинг-Лейн. Монахи носили в руках крест, а также отличались тем, что носили на спине крест из красной ткани. В отличие от других братств, Дом, по-видимому, владел определенными землями в Саффолке и домами в Сити: возможно, земли и дома были лишь дарственной на некролог или ежегодное поминовение дарителя и его семьи. Как и все монастыри, этот дом всегда был беден: на момент сдачи он оценивался не более чем в 52 фунта 13 шиллингов 4 шиллингов. Стою не может перечислить более двадцати достойных лондонцев, которые были здесь похоронены. Самым значительным из них был сэр Джон Милборн, основавший в 1521 году богадельню для тринадцати человек, которые были обязаны каждый день посещать восьмичасовую мессу у алтаря Богоматери, основанного сэром Джоном Милборном, и молиться там за душу своего благодетеля. Завещание основателя иллюстрирует изменения, произошедшие в сознании людей. Милборн не вышел за пределы веры в мессы и молитвы за умерших, но он вышел за пределы веры в безукоризненное служение священника-кантри;

он хотел избавить бедняков от нужды; это было бы более достойным делом, чем содержание священника, которому не нужно ничего делать в мире, кроме ежедневной мессы; молитвы постельничего должны быть по крайней мере столь же эффективны, как и молитвы оплачиваемого священника-кантри.

Братья Крутчед сдались в 1539 году. Их дом и поместье были оценены в 52 фунта 13 шиллингов 4 шиллинга, как говорилось выше. Церковь и здания были снесены, на их месте построили столярную мастерскую с теннисным кортом и другими помещениями. Зал был превращен в стеклянный дом, а через тридцать пять лет после Расторжения брака был сожжен. Таким образом, от Дома не осталось никаких остатков или руин, разве что своды или склепы.

Позднее на этом месте был возведен Дом военно-морского флота, а в настоящее время все еще можно увидеть открытую площадку, которая когда-то, вероятно, была местом монастыря Братьев-распинателей. Сейчас он принадлежит какой-то железнодорожной компании. Сначала монастырь монахов, затем стеклянный дом и теннисный корт, затем военно-морское ведомство и, наконец, приемный пункт железной дороги - вот последовательность использования, которую сэр Джон Милборн вряд ли смог бы предугадать. После Расторжения брака это место привлекало многих людей в качестве места жительства, предположительно из-за тишины, которая все еще сохранялась в окрестностях. Здесь у доктора Тернера был свой ботанический сад, в чем нельзя сомневаться, - на месте Монастырского сада. Он посвятил свою книгу "Новая трава" (1568 г.) королеве Елизавете, написав: "Мой дом в Лондоне в Скрещенных Фрайерах". Доктор Уайт Кеннетт, служитель церкви Святого Ботольфа, Олдгейт, 1699-1728, жил в "Крутчет Фрайерс", а Дневник Пеписа, конечно же, полон упоминаний о Морском офисе, Крутчет Фрайерс.

ГЛАВА XXII

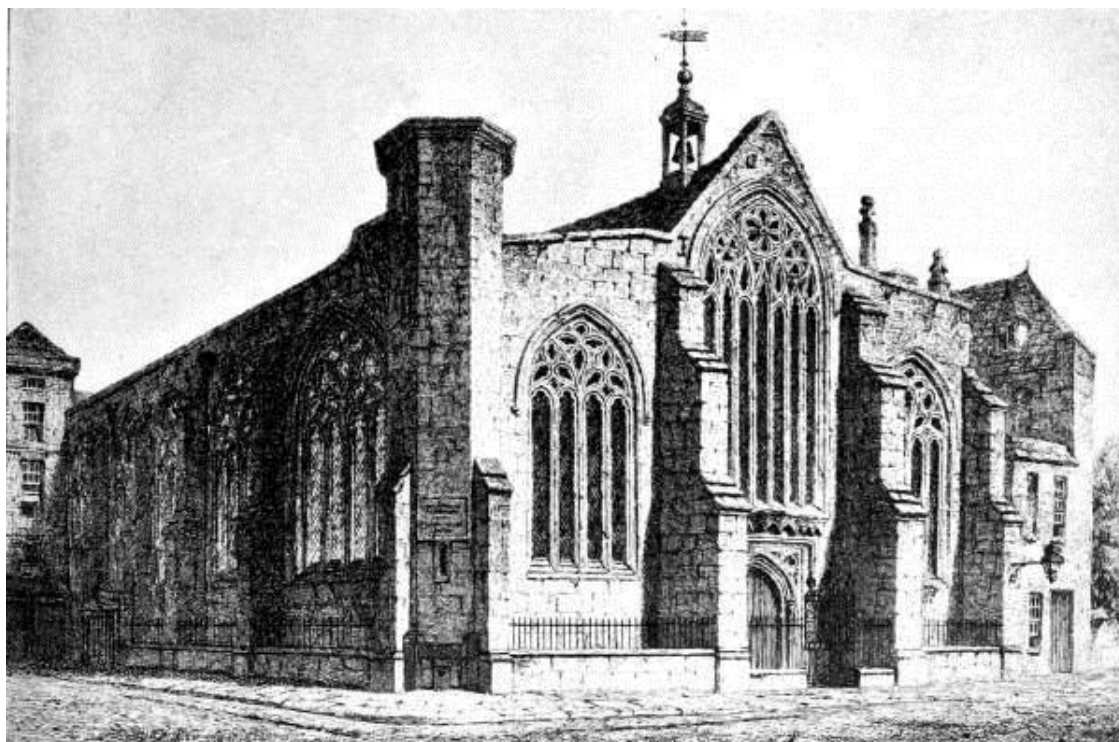
ОСТИНСКИЕ МОНАХИ

Дом остинских монахов, *то есть* монахов-эремитов ордена святого Августина, был основан в 1253 году Хамфри Бохуном, графом Херефорда и Эссекса, "во славу Бога и Пресвятой Матери, Девы Марии, и для здоровья душ его самого, его предков и его потомков". В 1344 году дом был обогащен благодаря щедрости Реджинальда Кобхэма, а в 1354 году правнук основателя построил церковь, часть нефа которой сохранилась до сих пор. Эта церковь, одна из самых благородных в Лондоне, обладала шпилем, или *флешем*, который, как и шпиль парижской Сент-Шапель, был предметом гордости и восхищения всего города. Как и все церкви монастырей, она долгие годы считалась особо святым местом для погребения. Среди тех, чей прах покоится здесь, - Эдмунд, первый сын Жанны Прекрасной, матери Ричарда Второго; Хамфри Бохун, основатель; Ричард, граф Арундел, Суррей и Уоррен; сэр Фрэнсис Куртенэ; граф Пемброк; Джон де Вер, граф Оксфорд, обезглавленный в 1463 году; Эдуард, герцог Бекингем, обезглавленный в 1521 году; многие бароны, убитые на Барнет-Филд; и еще целый список знатных рыцарей и дам. Остинские монахи пришли сюда в 1251 году; они нашли радушный прием не только в Лондоне, но и в других местах; например, у них были дома в Оксфорде и многих других местах. Августинцы выпустили множество ученых, среди которых был и главный оппонент Уиклифа. Орден, в отличие от ордена святого Франциска, исповедовал культивирование знаний. Монашеская одежда остинского монаха

представляла собой длинную черную мантию с широкими рукавами и капюшоном из тонкой ткани, белый халат и скапулярий, а также черный кожаный пояс, застегнутый на пряжку из слоновой кости.

Дом никогда не был богатым, но всегда сохранял устойчивую репутацию, не только как центр обучения и письма, но и благодаря более скрупулезному соблюдению дисциплины, чем в некоторых других отделениях.

Остин Фрайерс был, по сути, лондонским домом. Однако он никогда не был так популярен, как многие другие дома. Изучение лондонских завещаний показывает, что Остинские монахи не пользовались таким уважением горожан, как, например, Серые монахи, или даже как некоторые из небольших домов, таких как Элсинг Спитал. У богатых и благочестивых людей было принято оставлять деньги всем орденам монахов в городе, и даже каждому монаху в отдельности. Братство Августина, правда, не обойдено вниманием в этих благочестивых дарах, но в них мало завещаний, представляющих какую-либо ценность; то тут, то там назван участок земли, некоторые дома должны быть проданы и поделены между монахами Августина и другими; иногда дарится воск или какая-нибудь подобная мелочь. Одно завещание, связанное с этим домом, заслуживает внимания. Это завещание Уильяма Калли, драпировщика, датированное 1515 годом. Он оставляет Достопочтенной компании драпировщиков и их преемникам определенные владения в приходе Святой Маргариты, Лотбери, с тем чтобы указанная компания хранила некролог в лондонском "Братстве Августинов" для блага его души, души Моуд, его жены, и других названных лиц; завещание также содержит определенные благотворительные дары. Компания и Смотрители Ремесла должны присутствовать на упомянутой некрологе, а затем принимать такие трапезы и угощения, которые упомянутые Фрейеры "укажут и приготовят". А в кодициле Уильям Калли желает быть похороненным в церкви Августинцев, за что братья взимают значительную плату.

ЦЕРКОВЬ ОСТИНСКИХ МОНАХОВ

Рисунок и гравюра Джона Кони.

Упоминания об этом доме не слишком обширны и не имеют большого значения. Статья о церкви, написанная мистером Г. Х. Birch была опубликована в журнале St. Paul's Eccles. Soc., vol. i. Он отмечает, что ее опоры - перпендикулярные, окна - поздние декорированные, аркады построены, вероятно, во второй половине XV века, а неф шире, чем у любого английского собора, кроме, пожалуй, Чичестера. Крыша, до пожара 1862 года, была крышей из вагонки, балки которой относятся к той же дате, что и аркады.

Следует отметить, что при строительстве собственной церкви монахам пришлось разрушить древнюю приходскую церковь святого Олава на Брод-стрит, но на ее месте они построили приходскую церковь на участке, примыкающем к церкви святого Петра-ле-Пура.

У Дома было четыре печати: одна - тринадцатого века, две - четырнадцатого и одна - пятнадцатого. Печать генерального приора ордена содержит фигуру Святой Екатерины, увенчанной короной и держащей колесо.

В 1895 году при сносе некоторых домов к северу от церкви были обнаружены остатки клуатра, вместе с боссами, на одном из которых была изображена женская фигура, держащая колесо. Статья об этом открытии была опубликована мистером Алленом Уокером в журнале The Builder (29 февраля, 4 апреля 1896 г.). (См. также Midd. and Herts. N. and Q., ii. pp. 86, 136.)

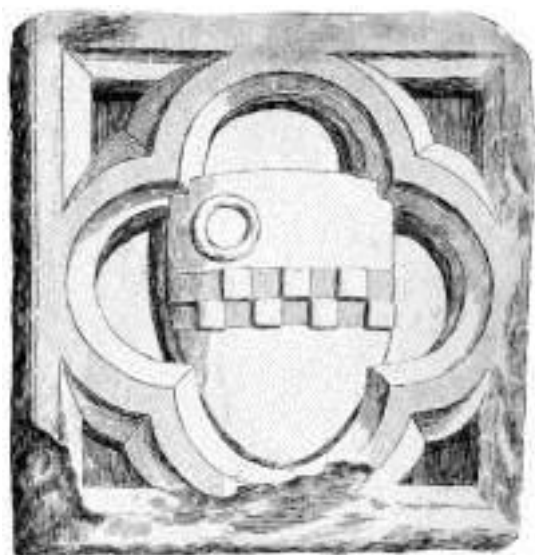
Многие упоминания об этом доме относятся к периоду сразу после роспуска. Есть петиция Сент-Питер-ле-Пур против разрушения *флешу*. (L. and Midd., i., ii., 17.)

После сдачи Остинским монахам его доходы оценивались в 57 фунтов стерлингов. Братья, которых было не более тринадцати, подписались под признанием королевского верховенства в 1534 году. Окончательно они были рассеяны 12 ноября 1549 года. Хотя доходы Дома в то время оценивались в столь незначительную сумму, мы должны помнить, что монахи не исповедовали владение собственностью; предполагалось, что они будут жить на милостыню от народа. Джордж Браун, один из тех, кто подписал Признание, стал архиепископом Дублина; остальные получали небольшие пенсии. Участок был по частям пожалован сэру Томасу Вриотсли, сэру У. Полетту, впоследствии маркизу Винчестерскому, и сэру Ричарду Ричу. На месте дома и клуатра был построен Винчестерский дом; великолепные памятники церкви были разрушены, а материалы проданы и вывезены в телегах на сумму 100 фунтов стерлингов. Прекрасный шпиль был снесен, несмотря на горячие протесты мэра; алтарь и трансепты были разрушены, остался только неф, который частично сохранился до наших дней. Около тридцати лет назад этот фрагмент сильно пострадал от пожара, но был восстановлен, и в настоящее время, с его скудной паствой голландцев, которой он пользовался со времен подавления, он позволяет посетителю понять, насколько большой и просторной была часть церкви.

На карте Вингерда и на карте Агаса (см. конец книги "Лондон при Тюдорах") есть грубый набросок этого дома в том виде, в каком он стоял до подавления или сразу после него. На обеих картах есть четкое указание на расположение клуатров. Они стояли на севере церкви, трансепт и северная стена нефа служили двумя сторонами. Трансепта уже давно нет, а на его месте стоят современные дома. В стене одного из них несколько лет назад была найдена каменная арка. На нее обратил внимание какой-то антиквар, но больше ничего не предпринималось. Однако в феврале 1896 года, во время сноса этого дома, арка была найдена снова, и перед тем, как ее снесли, ее место было отмечено и сфотографировано, вместе с некоторыми резными камнями, лежащими в земле. Судя по ее расположению, мало сомнений в том, что эта арка была входом, возможно, из дома настоятеля, в восточный монастырь.

ГЛАВА XXIII

СЕРЫЕ МОНАХИ

ГЕРБ СЭРА Р. УИТТИНГТОНА, СЕРЫХ МОНАХОВ, НЫНЕ ХРИСТОВА БОЛЬНИЦА

В 1224 году, на восьмом году правления короля Генриха Третьего, в Дувр прибыла небольшая компания из девяти священников, которые были братьями *Fratres Minores*, францисканского ордена, еще не известного в этой стране. Пятеро из них были священниками, а остальные четверо - мирянами. Без промедления они добрались до Кентербери, где остановились и попросили разрешения начать миссионерскую работу в этом городе. Им выделили комнату, в которой они спали по ночам, а днем использовали ее как школу. Через некоторое время было решено попытаться основать филиал в Лондоне. Поэтому, пока священники оставались в Кентербери, миряне были отправлены в Лондон, чтобы присмотреть за ними. Сначала они на две недели поселились у монахов-проповедников в Холборне. Затем они наняли дом в Корнхилле у Джона Треверса, одного из шерифов, где построили - предположительно в саду - грубые кельи из плетня и глины и начали проповедовать и служить среди бедняков города. Очень быстро по всему миру разнеслась молва, что в стране появился новый святой религиозный орден; что его последователи совершенно не похожи на всех других религиозных деятелей; что их аскетизм, строгость их правил, их искренность, их красноречие, их бедность - ведь они не владели ничем, абсолютно ничем, даже церковной утварью, и жили на милостыню, просто на все, что давали им благотворители, - были вещами, никогда прежде не известными среди людей; И что жизнь их проходила не в молитвах и литаниях, а в работе среди отбросов народа; что никто не был слишком низменным, слишком низким, слишком деградировавшим, слишком отвратительным по болезни для служения этим добрым монахам. Впечатление, произведенное этим явлением, только усилилось, когда Джон Юэн, Мерсер, купил участок земли в приходе Сент-Николас Шэмблз и отдал его в пользование братьям, на котором они могли построить дом и церковь. Тогда все горожане стали наперебой делать великолепные подарки церкви этих францисканцев - для себя они не брали ничего, кроме, как и прежде, ломаных сухарей и корок, которые им давали благотворители. Уильям Джойнер, мэр, построил хор; Генри

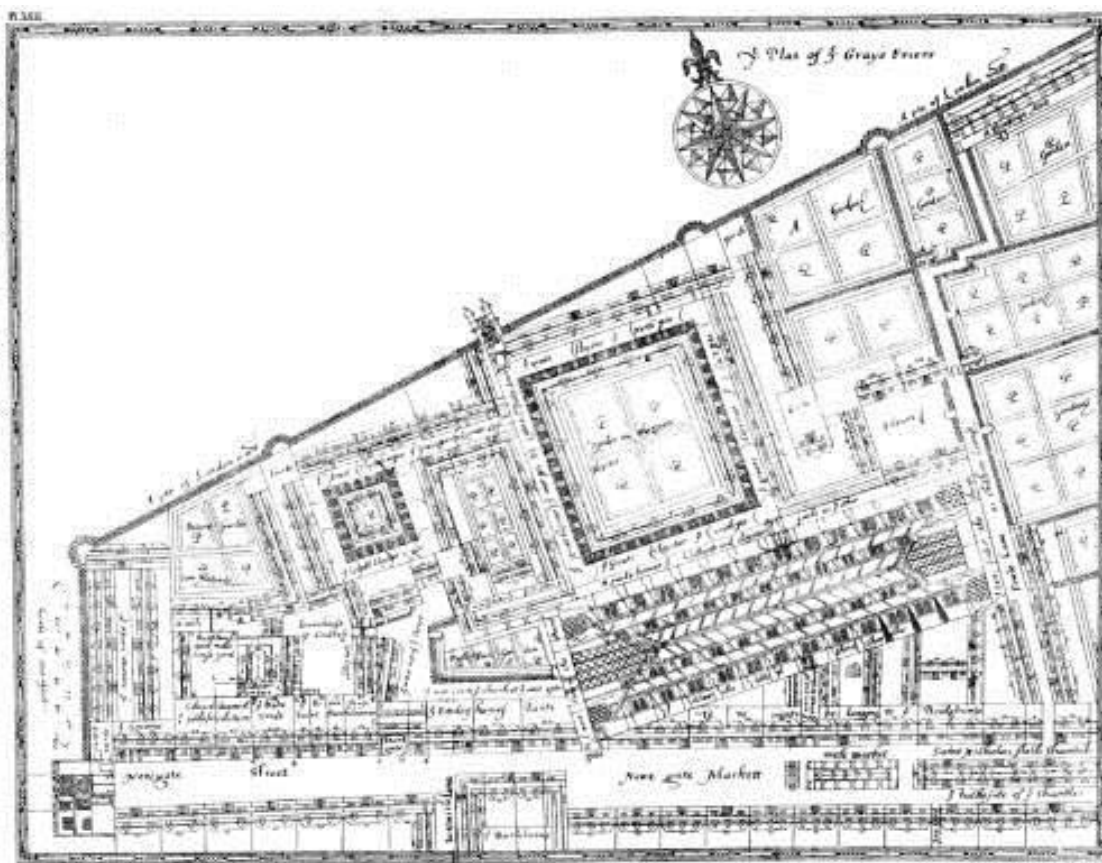
Уэйлис, мэр, построил неф; Уолтер Поттер, олдермен, построил дом капитула; Томас Филчем построил дом ризницы; Грегори Роксли, мэр, построил дортуары и обставил их; Бартоломью из замка построил трапезную; Питер де Хейланд построил кабинет; Ричард Уиттингтон, мэр, основал библиотеку. Поддержка францисканцев не ограничивалась горожанами. Королевы, принцессы и великие лорды помогали одаривать Дом и делать этих бедных пономарей богатыми. Королева Маргарита, королева Изабелла, королева Филиппа; графы Глостер, Ричмонд и Пемброк; графини Пемброк и Норфолк - все они дарили монахам деньги, пластины, земли или здания. Одна королева считала, что хор должен быть более великолепным, и перестроила его; другая считала, что неф должен быть более великолепным, и перестроила его; ни один дар не мог быть слишком щедрым, ни одно здание не могло стоить слишком дорого для религиозных людей, столь искренне и нелицемерно религиозных. В наших глазах жалко наблюдать, с какой надеждой и уверенностью, всегда готовой к обновлению, но всегда обреченной на разочарование, люди обращались от одного исповедуемого аскетического ордена, который - увы! - отступил от своего первого исповедания и теперь стал богатым, толстым и ленивым, к другому, начинавшему с самыми лучшими намерениями, которому самому суждено было в скором времени отпасть от первого рвения и первых аскез. Кто мог сохранить первоизданную строгость, когда на него сыпались все эти дары? Когда прорва еды превратилась в постоянный ливень из всех благ, которые могла дать земля? А презируемые и нищие братья, худые, голодные, с впалыми глазами, наполненные жаром веры и рвения, превратились в элегантных и удобных монахов, о которых хорошо отзывались все люди?

БОЛЬНИЦА ХРИСТА, ИЗ МОНАСТЫРЯ

Их церковь была 300 футов в длину, 89 футов в ширину и 64 фута 2 дюйма в высоту. В ней было огромное количество памятников, так как земля считалась самой святой во всем Лондоне. Здесь были похоронены Маргарита, дочь Филиппа, короля Франции, и вторая жена Эдуарда Первого; Изабель, дочь Филиппа ле Бея, короля Франции, и жена Эдуарда Второго - с ней сердце мужа, которого она предала; Жанна из Тауэра, дочь Эдуарда Второго и жена Эдуарда

Брюса, короля Шотландии; Леди Изабель Фицваррен, Изабель, графиня Бедфордская, дочь Эдуарда Третьего; Элеонора, герцогиня Бретани; Беатрис, герцогиня Бретани; Элеонора, герцогиня Букингемская; леди де Лисл; графиня Девонская; Маргарет, герцогиня Норфолкская; Элеонора, герцогиня Нортумберлендская; и огромное количество великих и знатных особ. Если бы церковь со всеми ее памятниками сохранилась, в стране, а может быть, и в любой другой стране, не было бы церкви, более переполненной именами, представляющими личный и исторический интерес. Из лондонских знаменитостей мы видим галантного Джона Филпота, бывшего когда-то мэром; Николаса Брембре, также мэра, который закончил свою карьеру смертью предателя; Джона Гизорса, бывшего мэром; многих Блантов, лордов Маунтджоев, которые женились в лондонских семьях - жена Эдварда Бланта, лорда Маунтджоя, была вдовой одного мэра и дочерью другого; Уильям Блант, лорд Маунтджой, женился на дочери Генри Кебла, мерсера. Кроме того, их было огромное количество, некоторые из них перечислены Стоу, который говорит нам, что в церкви было десять больших гробниц из алебаstra и мрамора - он имеет в виду гробницы с часовнями и резными работами. Менее дорогих гробниц было несколько десятков. Во время роспуска все великолепные мраморные и алебастровые работы были проданы за пятьдесят фунтов или около того сэром Мартином Боуэром, ювелиром. Доход Дома составлял не более 32 фунтов 10 шиллингов.

"Платформа Грейских братьев" 1617 г.

по неопубликованному рисунку, хранящемуся в больнице С^т. Больнице Варфоломея.

Более крупное изображение доступно [здесь](#).

Изучение тех лондонских завещаний (Календарь завещаний Шарпа), в которых есть хоть какое-то упоминание о Серых монахах, показывает, что из пятидесяти трех почти все

завещают деньги "на десяток месс"; на дирижабля и плацебо в церкви; на "мессы"; на молитвы; в некоторых случаях основывается благотворительная организация; во многих завещатель желает быть похороненным в церкви; в очень многих случаях деньги оставляются всем орденам монахов в городе, которые иногда называются, но обычно нет. В другом месте я уже обращал внимание на тот примечательный факт, что поток завещаний и наследств религиозным домам сужается в начале пятнадцатого века и полностью иссякает к концу.

Масштабы монастыря Серых монахов можно проследить, рассмотрев нынешнее место расположения госпиталя Христа. Школа, не имея возможности расширяться на восток, запад или север, распространилась за пределы стены, которая была снесена вскоре после основания школы. Таким образом, с северной стороны монастырь был ограничен стеной, с востока - улицей короля Эдуарда, бывшей Мясницкой, и старым Стинкингем, с запада - стеной и Ньюгейтом, а с юга - Ньюгейт-стрит. Он занимал угол города неправильной формы: 600 футов с востока на запад; 300 футов в наибольшей ширине с севера на юг; и 80 футов, а может быть, и 100, в наименьшей ширине; площадь, то есть около 45 000 квадратных футов. Клойстеры, в которых похоронено множество жителей Лондона, были заасфальтированы и использованы для игрового поля для мальчиков; некоторые фрагменты старого здания все еще сохранились. Что касается старого монастыря, то он полностью сгорел - церковь, клуатры, все - во время пожара 1666 года. Памятники, как мы знаем, исчезли задолго до этого.

Пока я пишу, само место обречено. Дух варварского вандализма охватил школу. Скоро школа, которая на протяжении трехсот лет была предметом такой гордости и привязанности горожан, перестанет существовать. Другая школа - новая, не та же самая - будет названа этим именем и найдется где-нибудь в стране, а школа Bluecoat, со всеми ее воспоминаниями о греках, о юном короле Эдуарде и о Серых монахах, будет сметена и стерта с лица земли. Жалко, но удивительно, что такое возможно.

План Серых Братьев в 1617 году, когда старые здания еще не были полностью разрушены, а план дома еще можно было разобрать, хранится в госпитале Бартоломью и был воспроизведен Лондонским и Миддлским археологическим обществом. *Archæological Society, vol. v. p. 420*. На нем видно, что северная сторона Ньюгейт-стрит состояла из ряда домов, принадлежащих компании Голдсмитов: дома Бридж и собора Святого Варфоломея; за домами и к югу от стены находился участок Серых монахов. Церковь, с ее средним и двумя боковыми нефами, большим западным окном, высокой крышей и Клерским ярусом, можно перерисовать с эскиза на плане; Большой и Малый клуатры все еще стоят со старыми дворами и садами, Пивоварня и Пекарня, Мельница и большие и малые ворота; стена, идущая вдоль северной стороны, пробита воротами, соединяющими участок со Смитфилдом, а стена участка, идущая вдоль восточной стороны, - это Вонючий переулок.

В записях, относящихся к этому дому, нет ничего важного. В 1340 году сильная буря разрушила до основания часть церкви, особенно западный конец. В 1360 году мы видим, как некие лица, убив портье Ньюгейтской тюрьмы, укрылись в церкви Серых монахов. Это указывает на бегство и преследование, поскольку святилище Святого Мартина-ле-Гранд, гораздо более безопасное место, находилось всего в нескольких минутах ходьбы по улице.

К моменту роспуска, как уже говорилось, состояние и репутация монахов были настолько плохими, насколько это вообще возможно; их здания разрушались, они продавали свои золотые и серебряные сосуды и свинец с крыш; число францисканцев в Лондоне сократилось до пятнадцати, когда Дом сдался. Глава дома один из своего ордена получал пенсию.

Некоторое время дом служил складом для всевозможных вещей, особенно товаров, вывезенных из Франции. В первый год правления Эдуарда Шестого все гробницы, алтари, лавки, хоры и алтари в церкви были разобраны и проданы, конечно, как много мрамора и камня в необработанном виде.

Когда Дом был передан городу, в нем были перечислены Фратрия, Библиотека, Дортер, Дом капитула, Большой клуатр, Малый клуатр, а также палаты и здания, которые в недавнем прошлом принадлежали определенным лицам.

Некоторые из зданий, спасшихся от Великого пожара, все еще стояли в конце XVIII века. Южная сторона Клойстеров еще не была сметена; на северной стороне сохранились некоторые стены и окна библиотеки Уиттингтона. Западный ход Клуатра находился под Большим залом, который вместе со зданиями Уиттингтона был снесен в 1827 году.

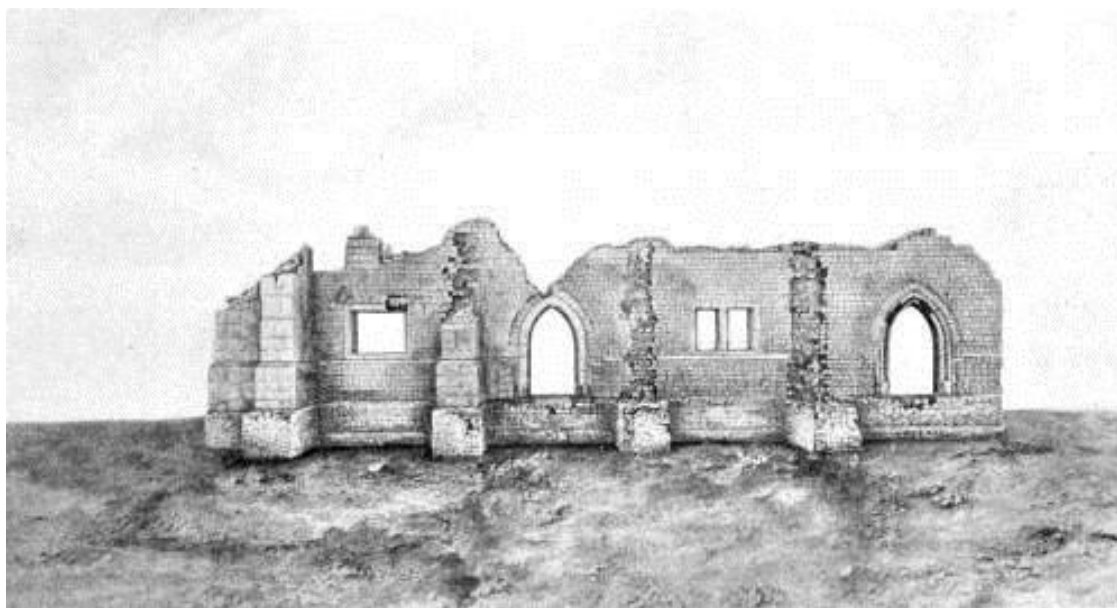
ГЛАВА XXIV ДОМИНИКАНЦЫ

Доминиканцы, или черные монахи, прибыли в Англию вместе со своим настоятелем Жильбером де Фраксинето в 1221 году. Их было тринадцать человек. Сначала их принял Стивен Лэнгтон, архиепископ Кентерберийский, который пригласил приора проповедовать, и, будучи очень доволен его речью, стал покровителем ордена в Англии.

Их первая резиденция находилась в Холборне на южной стороне, на месте Линкольнс-Инн. Здесь они построили дом и церковь, а их ворота выходили на Холборн с западной стороны Чансери-лейн. Они оставались здесь более пятидесяти лет, когда в 1276 году мэр города Грегори де Роксли дал архиепископу Кентерберийскому разрешение перекрыть некоторые переулки, примыкающие к замкам Байнард и Монфишет. Это было сделано для того, чтобы доминиканцы могли построить новый дом на берегу реки Флит без городской стены. Однако монахам было разрешено снести стену между Ладгейтским холмом и рекой и использовать камни замка Монфишет для своих новых зданий. В то же время король приказал построить новую стену вдоль Ладгейтского холма и далее на юг вдоль берега Флита до Темзы. Об их первом доме известно немного. Однажды там проходил собор их ордена, на котором присутствовали четыреста монахов, чтобы посоветоваться о своих делах. Сообщается, что в один день собравшихся принимал король, на следующий - королева, а в другие дни - епископ Лондона и аббаты Сент-Олбанса, Уолтема и Вестминстера.

Если мы рассмотрим здания второй палаты, то нам в некоторой степени поможет расположение дворов и переулков в настоящее время. Таким образом, границы участка совпадают с границами нынешнего прихода Святой Анны. Таким образом, доказано, что монахи начали с того, что разобрали старую стену города между Ладгейтским холмом и рекой, чтобы застроить ту часть своего участка, которая досталась им по другую сторону стены. Опять же, поскольку место захоронения в городе почти всегда древнее, мы можем сделать вывод, что любое захоронение, находящееся сейчас на территории прихода, раньше находилось на территории участка. И если у нас есть размеры церкви, мы можем точно определить ее местоположение, при условии, что у нас есть хоть один угол или угол, с которого можно начать.

Так вот, усыпальница Святой Анны до сих пор остается нетронутой. Его длина с востока на запад составляет около 60 футов. Церковь монахов была 220 футов в длину и 66 футов в ширину. Вероятно, она состояла из алтаря и нефа или антаблемента без трансептов; клуатр представлял собой квадрат в 110 футов; дом капитула на западе был 44 фута на 22 фута. Если длина алтаря составляла 60 футов, что очень справедливо, то он как раз помещался к югу от нынешней усыпальницы, а блок зданий, выходящих на Черч-Корт, соответствовал ширине церкви. Таким образом, если выстроить церковь с учетом этих данных, мы обнаружим, что клуатр также вписывается в площадь в 110 футов, которую сейчас частично занимает двор Аптекарского огорода.

ПРИОРСТВО БЛЭКФРАЙЕРС

Со старой картины в музее Гилдхолл.

Остальные здания - дортуары, капитул, трапезная, Большой зал, Мизерикордия - располагались на площади северо-западного угла. Поместить их ниже церкви и клуатров означало бы разрушить эффект группы зданий со стороны реки, что было отвратительно для средневекового ума. Нижнее пространство площадью более трех акров, несомненно, было заполнено садами, огородами и офисами. Говорили, что по внешнему виду дом напоминает крепость, поскольку с двух сторон его окружают крепостные стены и башни. (См. Приложение IX.)

Если францисканцы на протяжении многих поколений были самыми любимыми из всех религиозных, то их соперники, Черные монахи, считавшиеся самыми стойкими защитниками веры, были наиболее уважаемы за свою образованность. Даже когда народ угрожал уничтожить их Дом из-за их высокомерия, они все равно сохраняли всеобщее уважение к учености. Их участок был святилищем, как и участок Серых Братьев; их комнаты и сокровищницы использовались для хранения национальных записей, актов и хартий; они насчитывали в своем составе величайших ученых, теологов и юристов; их зал использовался для заседаний парламента, а их церковь - для слушания важных дел. Так, в 1382 году архиепископ Куртений провел в церкви Блэкфрайерс свой суд по осуждению мнений Уиклифа; здесь же изо дня в день и из недели в неделю проходил великий процесс перед кардиналами Кампеджио и Вулси по поводу развода королевы Екатерины. В зале доминиканцев собирался один из парламентов Генриха Шестого; здесь же начался так называемый "Черный" парламент Генриха Восьмого.

С этим орденом в Лондоне связано множество других исторических заметок. Вот одна или две из наиболее важных:.

В 1258 году король отдал приказ, чтобы доминиканцы имели по своему желанию камень для изготовления резных статуй из камня и пьедестала для статуи Девы Марии; свинец для акведука и другие материалы для продвижения их работы. Очевидно, поэтому они занимались строительством в своем старом доме.

В 1326 году, когда королева и ее сын обратились с письмами к жителям Лондона, призывая их помочь в уничтожении врагов страны, и особенно Хью ле Деспенсера, именно в Доме монахов-проповедников мэры и олдермены приняли представителей общины на совещании. Чуть позже произошла очень любопытная история (Chron. of Mayors and Sheriffs, p. 267) об удалении Эдуарда Второго в замок Беркли из опасения, что он может быть похищен при пособничестве и содействии брата Томаса Данхведа, доминиканца, который, вместе со многими другими членами этого ордена, вступил с ним в заговор. Этот брат Томас был послан Эдуардом к Папе Римскому, чтобы молить его о разводе с Изабел; теперь он собрал людей на службу королю, не добился успеха, был взят в плен, заключен в замок Понтефракт и убит при попытке к бегству. Очевидно, среди монахов-проповедников было две партии.

Позже мы узнаем о ссоре между герцогом Йоркским и герцогом Сомерсетом, а также о порче вещей последнего людьми первого в монастыре проповедников.

КОЛОННА ИЗ ЗАЛА ПРИОРСТВА БЛЭКФРАЙЕРС

Обнаружена в ходе раскопок. Сейчас находится в монастыре Святого Доминика, Хэмпстед.

Это место было также одним из тех, где принимали королевских особ и знатных особ. Например, доминиканцы принимали Карла Пятого из Испании во время его визита к Генриху Восьмому. Именно в этом зале, называемом Парламентской палатой, Уолси был признан виновным по делу Прэмунира. Братья, конечно, не принимали участия в этих мероприятиях, но тот факт, что они проходили в их доме, доказывает, какое положение они занимали. Они не могли, будучи мендикантами и не имея собственности, развлекать королевских особ за свой счет. Приговор Уолси был последним важным событием, связанным с Черными

монахами. Через несколько лет после этого суда гордые доминиканцы оказались на улице. Вся их собственность состояла из нескольких домов в пректе, которые оценивались в 104 фунта 15 шиллингов 4 шиллингов в год, так что, как и францисканцы, они оставались фактически мендикантами до самого конца. О том, с каким уважением относились к этим монахам, особенно представители лучших слоев общества, свидетельствует список великих людей, похороненных в их церкви. Среди них имена Маргариты, королевы Шотландии; Хьюберта де Бурга, графа Кента; детей графа Арундела; королевы Элеоноры, жены Эдуарда Первого, чье сердце лежало здесь; графов Марча и Херефорда; герцогини Эксетерской и многих других. Дом был сдан в 1539 году. Не похоже, что при жизни Генриха Восьмого с ним что-то делали. Очень может быть, что он сохранил это место как удобное для проведения парламентов по случаю; кроме того, оно было, по крайней мере со времен Эдуарда Второго, домом, где хранились записи и хартии. Эдуард Шестой подарил зал и место, где находился дом приора, сэру Фрэнсису Брайану; через три года после этого он подарил весь участок сэру Томасу Кавардину.

Мы уже видели, что вольности Санктуария, особенно Сент-Мартинс-ле-Гранд, всегда доставляли городу большие неприятности и раздражали его. Теперь на пректы как Серых, так и Черных монахов претендовали - хотя монахов там больше не было - те, кто получил их в собственность, как на неподсудные городу и привилегированные, будь то для тех, кто принимал убежище в пректе, или для тех, кто занимался торговлей, свободной от города. Городские власти оказали упорное сопротивление этому требованию, и в 1586 году дело рассматривалось в суде перед верховными судьями.

Рядом с большой церковью стояла небольшая церковь Святой Анны, так же как церковь Святой Маргариты рядом с аббатством, Святого Григория рядом с церковью Святого Павла, Святого Петра рядом с Остинскими монахами. Участок стал приходом Святой Анны. Старая церковь Святой Анны, похоже, погибла вместе с церковью монахов. Возможно, в ней был придел. Затем они построили еще одну церковь, которая была не более чем верхней палатой. Что касается вольностей и привилегий участка, то они были постепенно забыты и утрачены, как и права Серых монахов. Церковь лишили крыши ради свинца; затем ее разделили на две части, часть превратили в плотницкий двор, а часть - в конюшни. По словам Вингерда, церковь не имела трансептов, поэтому ее было легко разделить. Зал оставался еще некоторое время и использовался для театра - театра Бербеда, - и в нем ставились некоторые шекспировские пьесы.

Во времена правления королевы Елизаветы участок был "много населен" дворянами и джентльменами. Затем здесь стали жить перочинные и стеклодувные мастера - поскольку это было все еще за пределами Сити, - а позже и художники. "Затем в Блэкфрайерс, посетите художников, где вы можете увидеть картины" (Бен Джонсон, "Дьявол - осел"). Вандик умер здесь в 1641 году; Корнелиус Янсен жил здесь; Исаак Оливер умер здесь. В современном Блэкфрайерсе есть одно место, которое все еще можно узнать как часть древнего дома доминиканцев. Если пройти через Плейхауз-Ярд к зданию редакции "Таймс" и свернуть в узкий переулок под названием Черч-Энтри, то там находится небольшое заброшенное захоронение, о котором я уже рассказывал. Открытый двор на другой стороне двора, по-видимому, был частью кладбища монахов, как и в Вестминстере, где монастыри предназначались для братии, а за пределами церкви могла находиться площадка для захоронений. На сайте к востоку от этого двора сохранился фрагмент древней стены, а в столярной мастерской (№ 7 Ireland Yard) до сих пор (апрель 1900 г.) сохранилась одна арка, которая когда-то была частью Дома. Я не знаю, какому зданию принадлежала эта арка;

впоследствии на этом месте находились морг и сторожевой дом, но я не знаю, какое из этих назначений было более ранним.

ГЛАВА XXV

УАЙТФРАЙЕРС

На северном берегу реки, между Брайдуэллом и Храмом, стоял дом Белых монахов - Братства *Беаты Марии де Монте-Кармели*, - впервые основанный сэром Ричардом Греем в 1241 году. Король Эдуард Первый выделил им землю на Флит-стрит; их дом был расширен и благоустроен в 1350 году Хью Кортенеем, графом Девонским. Джон Лавкин, мэр Лондона, подарил им переулок, идущий от Флит-стрит к реке, чтобы расширить западную часть их церкви. Сэр Роберт Ноулз в правление Генриха Четвертого перестроил церковь. Лондонский Дом белых монахов всегда был домом со скромными притязаниями и небольшим достатком, хотя время от времени он получал покровительство богатых меценатов.

Здания дома, судя по всему, не представляли особой ценности. После Расторжения брака они обветшали и были снесены. Несколько лет назад было обнаружено, что небольшая часть крипты, по-видимому, церкви, все еще существует. Она находится рядом с подвалом дома в небольшом дворе.

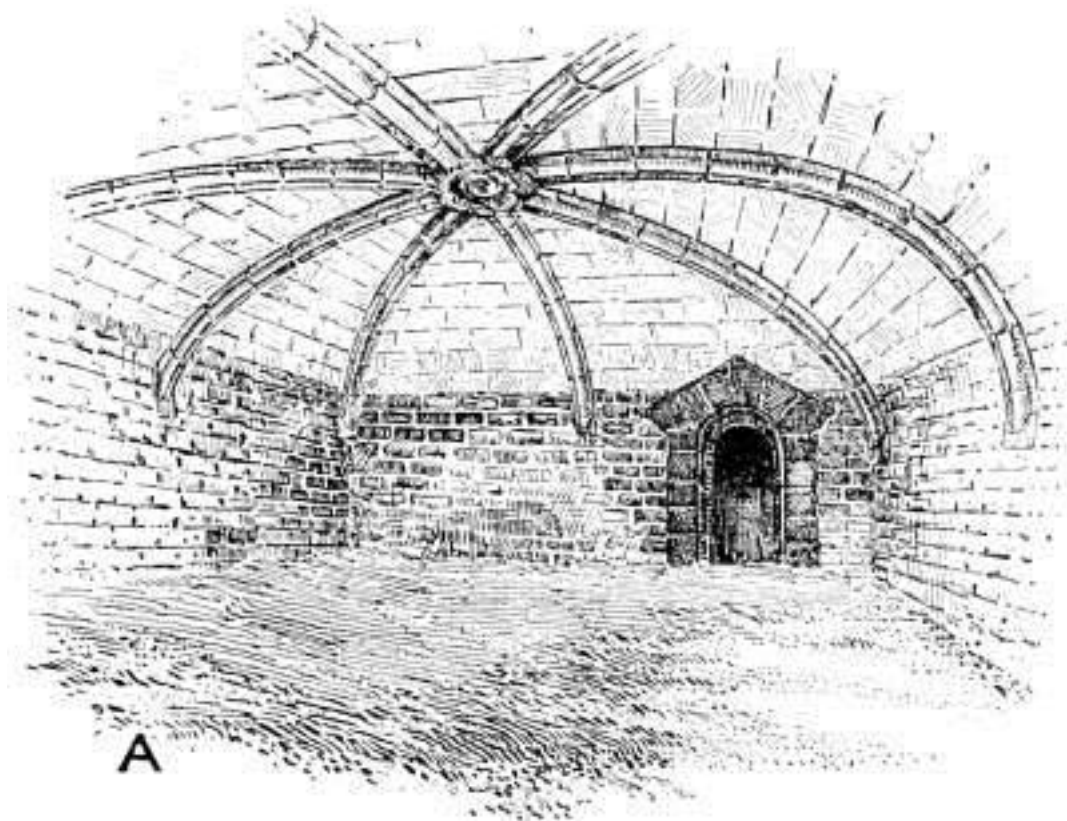
В одной старой и очень скандальной истории я узнал, что некий Джон ле Муань вместе с Уильямом Портехорсом из лондонского братства кармелитов и другими были обвинены в том, что ночью убили некоего монаха Гилберта де Стреттона из ордена, а затем вскрыли казначейство и украли 300 фунтов стерлингов, принадлежавших сэру Юстасу де ла Хача. Джон ле Муань был признан невиновным. По-видимому, по этому же делу было проведено еще два судебных процесса. В первом из них место Джона ле Муаня занял Уильям Крепин, остальные заключенные были теми же. Во втором случае Бартоломью Портехорс, предположительно брат монаха, предстал перед судом с тем же составом заключенных и был оправдан. О монахе Уильяме и остальных ничего не сказано. Остается надеяться, что их невиновность также была полностью доказана.

Время от времени в этом доме проходили судебные процессы. В 1313 году Джон де Эли за то, что принимал подарки от жителей Лондона и препятствовал королевскому праву, предстал перед королевским советом в монастыре кармелитов, был осужден и отправлен в Ньюгейт.

Некоторое время в этом доме хранились канцелярские списки. В письмах Пастонов двое из семьи желают быть похороненными в церкви "Проповедников Фрайерс"; сэр Джон Пастон, однако, в своем завещании пожелал быть похороненным в церкви Белых монахов.

Белые монахи сдали свой дом в 1538 году. Он был оценен вместе с их имуществом в 62 фунта 7 шиллингов 3 пенса. Похоже, не было никакой задержки в сносе церкви и зданий этого дома, и очень скоро после пресечения, по словам Стоу, дворяне и другие люди построили на этом месте. В одном из новых домов жил сэр Джон Чейк, воспитатель Эдуарда Шестого. К сожалению, право убежища, которое принадлежало пректу, пока он был монашеским учреждением, продолжали требовать и после того, как он стал секуляризованным. В 1609 году хартией Якова Первого это право было официально предоставлено не только этому участку, но и Блэкфрайерсу. Эта привилегия, превратившая Уайтфрайерс в пресловутую

Альсатию, просуществовала до 1697 года, когда была окончательно отменена. Часть дома была разрешена к сохранению и стала резиденцией некоторых Грей. Джон Селден, юрист и писатель, жил в нем с 1651 по 1654 год, когда он умер.

КРИПТА СТАРОГО ПРИОРСТВА УАЙТФРАЙЕРС

В "А" вклинивается современное здание, которое не показано на рисунке.

Здания были настолько полностью разрушены, что все следы их надземной части исчезли, по-видимому, еще во времена Стоу. До недавнего времени также не было известно, где на самом деле стояла церковь монахов. Однако осенью 1895 года было сделано открытие, которое, похоже, проливает свет на этот вопрос. На западной стороне Уайтфрайерс-стрит, в низине, расположен небольшой двор под названием Бриттенс-корт, в котором находится полдюжины домов, которым, судя по всему, около двухсот лет. Один из них, номер 4, был выставлен на продажу господами Ламли, земельными агентами и аукционистами с Сент-Джеймс-стрит, 22. Осмотрев дом, мистер Ламли обнаружил, что в нем есть небольшой подвал под самим двором. Этот подвал, почти заваленный мусором, использовался в качестве склада для дров и угля. При осмотре оказалось, что это крипта, размером в квадрате 12 футов 3 дюйма, высотой 8 футов над уровнем котлована, а высота от венца свода до тротуара двора составляет около 2 футов 6 дюймов. Крипта относится к концу XIV века. Восемь ребер сходятся в розу в центре. Крыша выполнена из церковного камня, который использовался при строительстве Вестминстерского аббатства. В северо-западном углу находится старый дверной проем.

ГЛАВА XXVI

ST. МАРИЯ ГРАЧЕСКАЯ

Этот дом назывался домом Святой Марии Грейс, или Истминстерским, или Новым аббатством. Он располагался за стенами у Восточного Смитфилда. Ньюкорт рассказывает о нем следующее.

"В 1348 году (23 эдв. III.) начался первый в его время великий мор и усилился настолько, что за неимением места в церковных дворах для погребения умерших в городе и пригородах, некто Джон Кори, клерк, выкупил у Николаса, настоятеля Святой Троицы в Илдгейте, один софт земли возле Ист-Смитфилда для погребения умерших, с условием, что он будет называться "Церковный двор Святой Троицы"; И эту землю он с помощью разных благочестивых граждан обнес каменной стеной, и она была посвящена Ральфом Стратфордом, епископом Лондонским, где впоследствии было погребено бесчисленное множество тел умерших, и в том же месте построена часовня в честь Бога. На что король Эдуард (попавший в бурю на море и в опасности утонуть давший обет построить монастырь во славу Бога и Леди Милости, если Бог даст ему милость безопасно добраться до суши) построил монастырь, назвав его Ист-Минстер, поместив туда аббата и монахов цистерцианского или белого ордена.

Для этого упомянутый король Эдуард своими грамотами, датированными в Вестминстере 29 марта 24-го года его правления (1349), для первого основания и одаривания этого аббатства передал аббату и монахам все те поместья с пристройками на Тауэрском холме, которые он имел от Дж. Кори, вышеупомянутого, в чистую и вечную милостыню. Приказав называть этот дом "Liberam Capellam Regiam Beatæ Mariæ de Gratiis". А затем другими грамотами, датированными 5 октября, в 50-й год его правления. 5, в 50-й год своего правления, он дал и пожаловал Джону, герцогу Ланкастерскому, Симону, архиепископу Кентерберийскому, Джону, епископу Линкольнскому, и другим, определенные поместья и земли, которые он приобрел в Кенте и других местах, для дальнейшего одарения этого аббатства, которые они после его смерти даровали и подтвердили указанному аббату и монахам на определенный срок.

Но когда эти земли по определенным причинам попали в руки короля Ричарда II как конфискованные, он своими Патентными грамотами от 3 августа 12-го года своего правления по совету своего адвоката отдал и пожаловал ренты, доходы и прибыль тех мануров и земель, которые были манурами Лейбруса. 3, в 12-й год своего правления, по совету своего советника, отдал и пожаловал ренты, доходы и прибыль этих маноров и земель, которыми были маноры Лейборн, Грейвсенд, Лич, Уоттингбери, Гор, Паррок и Байкенор, с их приходами, вместе с авуарами церкви Байкенор и церковью других вышеуказанных мест, со всеми другими их приходами в графстве Кент. А также возвращение поместья Гомшалф с его наследствами в графстве Сурри после смерти Томаса де Станеса, чтобы молиться за доброе состояние упомянутого короля, пока он был жив, и за его душу, когда он умрет, и за душу его деда короля Эдуарда III, и за души всех его родоначальников, наследников и наследниц, и всех верных, умерших согласно намерениям и воле его упомянутого деда. И далее, дал разрешение упомянутому Джону, герцогу Ланкастерскому, и Джону, епископу Лондонскому, оставшимся в живых феофилам Эдуарда III, освободить и уступить указанные поместья и земли упомянутым аббату и монахам и их наследникам, как явствует из его патентных грамот, датированных в Ноттингеме 3 июля.

Уильям де С. Крус, покойный аббат Герандена из цистерцианского ордена, по желанию короля стал первым аббатом этого дома, которому король выделил 20 фунтов стерлингов в год на содержание его самого и его монахов, 24 марта 1349 года.

Уилл де Варден стал аббатом этого дома 27 августа 1360 года.

Это аббатство было передано Анно. 1539 (30 Hen. VIII.), и было оценено в £546: 0: 10 за Ann., Dugdale; £602: 11: 10, Speed.

С тех пор указанный монастырь, будучи королем Хен. VIII. в 34 году его правления был пожалован сэру Артуру Дарси, рыцарю, был снесен. И в последнее время на его месте построили большой магазин для victual, и там же построили удобные печи для выпечки бисквитов, чтобы служить кораблям Ее Величества: и это victual для Королевского флота по сей день; земли, прилегающие и принадлежащие ранее упомянутому аббатству, заняты небольшими особняками, построенными на них." (Newcourt, i. pp. 465-466.)

К этому можно добавить, что дом, похоже, не привлек много других благотворителей, а в Календаре завещаний есть только шесть завещаний аббатству. Один завещатель выделяет деньги на постройки; другой дарит небольшую сумму денег; трое оставляют дома; один основывает костел. Можно предположить, что пропорция завещаний этому дому по сравнению с другими была такой же в завещаниях, не представленных в этих двух томах. Тем не менее, как мы уже видели, их уступка была значительной. В первом томе Transactions of the Lond. and Midd. Археологической ассоциации" опубликовано раннее изображение аббатства, сделанное, вероятно, незадолго до роспуска.

ГЛАВА XXVII

МАЛЫЕ ФОНДЫ

Среди домов, упомянутых Арнольдом ФицТедмаром, есть два или три, не учтенных в вышеприведенном перечислении. Это дома Святой Анны на Тауэрском холме, Святого Иакова в храме, Святого Иакова на стене, Святого Стефана в Вестминстере, часовня Святого Фомы на мосту, Святого Иакова в поле, Святой Марии Магдалины в Гилдхолле, Святой Марии в Раунсволле и Святой Урсулы в Птичнике. Есть еще один или два, о которых мы вкратце упомянем.

О многих из этих домов известно так мало, что этот список становится просто каталогом. Положение этих небольших домов в городе в некоторых отношениях соответствовало положению скромных диссидентских часовен в наши дни. Иными словами, хотя в то время не могло быть и мысли об отделении или расколе, бедняки чувствовали себя в малых домах как дома. В них существовали свои братства; их священники были не великими церковными лордами величественных аббатств и приорств, а людьми более скромного облика, доступными для самих себя.

Орден Покаяния, или Братья Сакка (Fratres de Saccâ)

Орден Покаяния вырос из учения Франциска Ассизского в самом начале его карьеры. Он был подчинен булле "Significatum est" от 16 декабря 1221 года, но, как утверждают, существовал и до этой даты.

Помимо прочего, орден фактически запрещал ношение оружия. Они предвосхитили квакеров, они предвосхитили Общество мира, они на много веков опередили человечество. Как и квакеры, они не понимали, что само существование народа в условиях того времени - да и нашего времени тоже - зависит от силы и мощи оружия.

Великим новшеством, задуманным Третьим орденом, было согласие; это братство было союзом мира, и оно пыталось донести до изумленной Европы новое Божье перемирие.

Второй важнейшей обязанностью Братьев Покаяния, по-видимому, было по возможности сокращать свои нужды и, сохраняя свое состояние, через соответствующие промежутки времени раздавать бедным ту часть дохода, которая оставалась после удовлетворения строгих жизненных потребностей.

С удовлетворением и добросовестно выполнять обязанности своего призвания; искать святое вдохновение в малейших поступках жизни; находить в бесконечно малых и эфемерных событиях бытия, в вещах, казалось бы, самых обыденных, промысел Всевышнего; хранить чистоту от порочающих поступков, слов, мыслей, амбиций и интересов, пользоваться вещами, как бы не владея ими, подобно слугам из притчи, которые знали, что им придется дать отчет о вверенных им талантах; закрыть свое сердце для ненависти; широко открыть его для жалости; оказывать помощь старикам, бедным, немощным, больным, отверженным и покинутым: таковы были другие основные обязанности этого превосходного ордена покаяния.

Письмо ко всем христианам, в котором прозвучали эти мысли, является живым воспоминанием об учении святого Франциска, преподанном терциариям. Чтобы представить их себе в совершенно конкретной форме, мы можем прибегнуть к легенде о святом Луккезио, которого традиция делает первым братом Покаяния.

История первого Брата Покаяния может быть сжата в краткое повествование:...

Уроженец небольшого тосканского города, он покинул его, чтобы избежать политической вражды, и обосновался в Поджибонси, недалеко от Сиенны, где продолжал торговать зерном. Уже будучи богатым, ему не составило труда скупить всю пшеницу и, продавая ее в условиях дефицита, получать огромные прибыли. Но его мучила совесть: он был убежден - в точности как на собрании Армии спасения - проповедью Франциска Ассизского: он получил возможность увидеть себя со стороны - что, собственно, и является началом всякого покаяния и убеждения: он решил раздать все свое излишнее богатство бедным и не содержать ничего, кроме своего дома с небольшим садом и одного осла. С тех пор его можно было видеть посвятившим себя возделыванию земли и превращению своего дома в подобие бесплатной гостиницы, которая была заполнена бедняками и больными. Он не только принимал их, но и искал их, даже в кишашую малярией Маремму, часто возвращаясь с больным человеком на спине, которого сопровождал его осёл, несущий такую же ношу. Ресурсы сада были ограничены: когда не было другого выхода, Лучезио брал кошелек и ходил от двери к двери, прося милостыню, но чаще всего в этом не было необходимости, так как его бедные гости, видя его таким старательным и добрым, лучше довольствовались несколькими бедными овощами с огорода, разделенными с ним, чем самой обильной

трапезой. В присутствии своего благодетеля, столь радостного в своей бедности, они, как говорят, забывали о собственной нищете - кто бы сомневался, - и привычный ропот несчастных, полуголодных и больных существ превращался во всплески восхищения и благодарности. Обращение не убило в нем все семейные узы: Донна Бона, его жена, стала его соратницей, и когда в 1260 году он увидел, как она постепенно угасает, его горе было слишком глубоким, чтобы его можно было вынести. "Ты знаешь, дорогая спутница, - сказал он ей, когда она принимала последние таинства, - как сильно мы любили друг друга, пока могли вместе служить Богу: почему бы нам не оставаться вместе, пока мы не отойдем к неизреченной радости? Подождите меня. Я тоже приму таинства и отправлюсь на небо вместе с вами".

ФЛАГЕЛЛАНТЫ

Факсимиле миниатюры в Сите де Дье (MS. XV века в Библиотеке Святой Женеьевы, Париж).

Так он говорил, и снова позвал священника, чтобы тот отпел его. Затем, держа руки своей умирающей супруги и утешая ее нежными словами, когда он увидел, что ее душа ушла, он

совершил над ней крестное знамение, растянулся рядом с ней и, воззвав с любовью к Иисусу, Марии и святому Франциску, уснул вечным сном.

Орден, известный как Penitentiarii или Fratres de Saccâ Order, состоял как из мужчин, так и из женщин: последние были *Sorores de Pœnitentia*. Они могли быть женаты, в этом случае в определенные дни предписывалось супружеское воздержание; , но не могли вступать в брак после принятия в орден; они могли единолично или коллективно владеть имуществом. Они пришли в 1257 году и оставались здесь до 1307 года, когда их орден был распущен. Для своего дома они использовали старую еврейскую синагогу Old Jewry, и, по-видимому, всегда были довольно небольшим братством. Помимо лондонского дома, в Англии существовало семь домов ордена: в Линне, приор которого возглавлял орден; в Кентербери, Кембридже, Норвиче, Вустере, Линкольне и Лестере.

В 1307 году их дом был передан Роберту ФицУолтеру: этот же дом впоследствии принадлежал Роберту Ларджу, у которого Кэкстон был подмастерьем; он стоял на северо-восточном углу Старого еврейства.

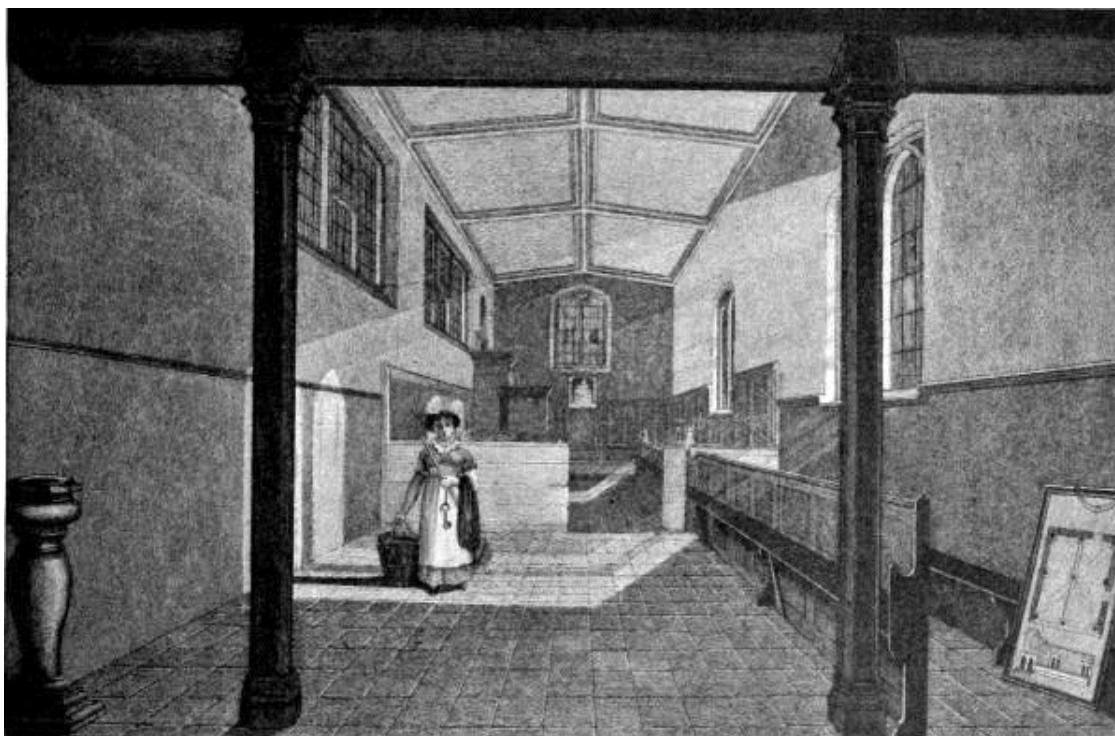
Сент-Джеймс на стене

Если встать в юго-западной части церковного двора Святого Джайлса, Крипплгейт, то можно увидеть бастион старой каменной стены, которая до сих пор там сохранилась. Внутри этого бастиона, в углу стены в конце Монквелл-стрит, раньше находился небольшой религиозный дом, келья аббатства Гарендон, называвшийся Сент-Джеймс ин Уолл; первоначально это был эрмитаж, и он был помещен в угол, несомненно, по той же причине, по которой Грейфрайерс был помещен в следующий угол, идущий на запад, как в место незанятое и не относящееся к делу.

Считается, что основателем Эрмитажа был Генрих Третий. Уилкинсон (*Londina Illustrata*) считает, что он был основан как часовня-кантри, предназначенная для одного священника; но Эрмитаж появляется в очень ранний период. Существует документ, цитируемый Уилкинсоном, датированный 1253 годом, в котором упоминается часовня. В 1275 году выясняется, что хранителем этого места был мэр Лондона. Он был назначен королем по любопытной причине - чтобы предотвратить разорение места и грабеж потиров, облачений и т. д. после смерти отшельника. Спустя несколько лет хранение Эрмитажа было передано констеблю Тауэра Энтони Беку, впоследствии епископу Даремскому. В 1299 году забота о келье была передана аббатству Гарендон в Лестершире, не знаю почему. Ньюкорт рассказывает анекдот об отшельнике 1311 года, который иллюстрирует ревность, которую всегда испытывали приходские священники к отшельникам и другим людям, вторгавшимся в их должность: - "Я узнаю, что в год, когда отшельник жил в городе, я узнал, что в году, когда отшельник жил в городе, он был отшельником.

"Я обнаружил, что в 1311 году (Ральф де Болдок, будучи тогда епископом Лондонским), Томас де Вайрефорд, отшельник этой кельи (самонадеянный, беспокойный человек, как кажется), взял на себя обязанность выслушивать исповеди людей из соседних приходов, наслаждаться покаяниями, давать индульгенции на 500 дней тем, кто часто посещал его скит, и тому подобное, не имея на то законных полномочий. За эти преступления он был судим епископом и признан виновным и нарушителем канонов; после чего ему было рекомендовано в течение 15 дней принести удовлетворение за то же самое и запрещено делать то же самое, а также люди были предупреждены не следовать за ним и не соблазняться им под страхом отлучения". (*Newcourt, vol. i.*)

В 1315 г. управление этим местом было поручено некоему Уолтеру Кемеси: в 1343 г. отшельником был Уильям де Лайонс. В 1347 году аббатство Гарендон отправило сюда двух капелланов, чтобы те помолились за душу графа Пемброка, убитого на турнире в день своего третьего брака, и за его вдову, которая удалилась от мира и посвятила себя делам благочестия и благотворительности.

ИНТЕРЬЕР ЧАСОВНИ СТАРОГО ЛАМБЕ, МОНКВЕЛЛ-СТРИТ

Вид на памятник основателю и место магистра в восточной части.

Londina Illustrata, vol. i.

В 1543 году Генрих Восьмой подарил участок Эрмитажа Уильяму Ламбе, горожанину и суконщику, одному из джентльменов здешнего королевского дома.

Пожар, по-видимому, повредил, но не уничтожил эту часовню. Она была восстановлена со значительными изменениями и продолжала использоваться в качестве церкви до ее сноса в 1825 году, когда под ней был обнаружен склеп, представляющий большой интерес. Он описан в журнале *Gentleman's Magazine* за май 1825 года мистером А. Дж. Кемпе.

"Он утверждает, что недавний снос верхней части часовни Ламбе с целью ее перестройки открыл доступ к любопытному склепу, занимающему пространство под ней. Спустившись по десяти или двенадцати узким ступеням, можно было попасть в низкую сводчатую камеру, длиной 26 футов с востока на запад и шириной 20 футов; в ней изначально было девять коротких круглых колонн, шесть из которых сохранились, поддерживая желобчатую крышу помещения. Капители этих колонн были саксонскими, украшенными листьями и волютами на углах, а капители четырех угловых столбов были расположены по диагонали к квадрату здания. Некоторые из пересекающихся каменных ребер, идущих от колонн, были простыми, а другие украшены зигзагообразными, витыми и другими старинными лепными украшениями; образцы которых, с одной из колонн и планом направлений арок, приведены в правой части нижней части настоящей гравюры старой часовни Ламбе. На другой стороне соответствующей части той же плиты изображен разрез орнаментированной лепнины одной

из арок; а прислоненный к стене, на внутреннем виде в верхней части плиты, представлен план склепа с наружной частью часовни. Материал, из которого был построен этот склеп, - красноватый камень, поверхность которого сильно разложилась; здание пересекают несколько современных кирпичных стен". (Londina Illustrata, vol. i.)

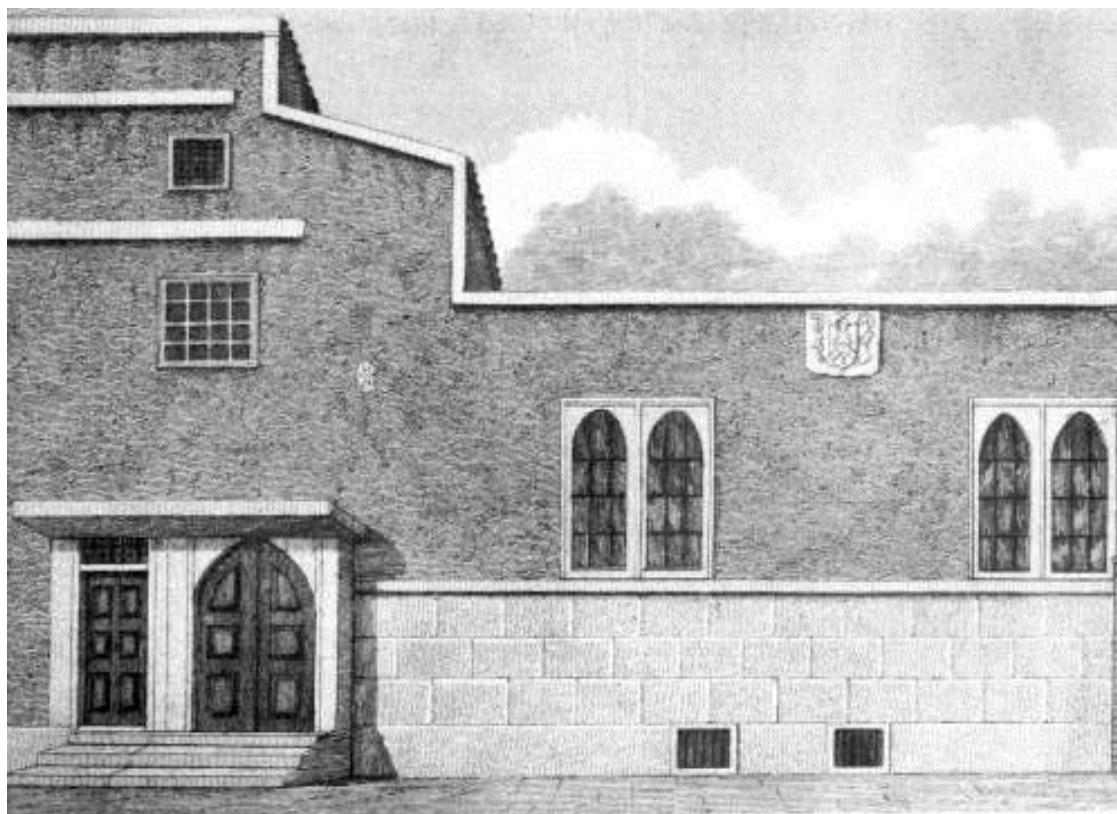
Дом Ролсов

Очень любопытную и интересную историю "Дома Роллса" впервые рассказал о его первоначальных объектах мистер У.В. Филлимор, редактор "London and Middlesex Note-Book", 1896. За более подробной информацией я отсылаю читателя к этой статье. Здесь же мы приводим только основные факты.

Ньюкорт, рассказав о происхождении Дома, говорит, что число новообращенных уменьшилось после изгнания евреев в 1290 году; поэтому в 1377 году Дом был передан Уильяму Берстоллу, хранителю роллов: тем не менее, "те из евреев, которые в этом королевстве были обращены в христианство, получили там облегчение". Как видно, это голословное заявление дает весьма ошибочное представление об этом месте и его истории.

В 1232 году Генрих Третий выделил ежегодный грант в 700 марок на содержание обращенных в христианство евреев, чтобы найти им дом и построить церковь. Эта сумма должна была выплачиваться из казначейства до тех пор, пока палата не обзаведется собственным эквивалентом имущества. В то же время король основал аналогичный Дом в Оксфорде. Число новообращенных стало сравнительно большим: В 1256 году королевский алмонер предоставил ткань для 150 одеяний новообращенных; в 1257 году - 171 тунику для Пасхи и 164 для Пятидесятницы; в 1265 году Дом был расширен; в 1267 году был добавлен третий капеллан; в 1275 году была расширена часовня; в 1280 году король Эдуард утвердил определенные правила управления Домом, в частности, предписав, чтобы заключенные занимались своим ремеслом, и если они в состоянии сами зарабатывать на жизнь, им не разрешалось получать пособие, положенное всем. Он также пожаловал новообращенным половину стоимости всего их имущества, которое по праву принадлежало ему самому, а также шеваж или головной налог со всех евреев Англии. Этот налог за 1281 год составил 14,14,9 фунтов стерлингов, что в пересчете на 3 фунта за голову означает всего 1179 евреев во всей Англии - цифра, которая ни в коем случае не совпадает с числом тех, кто был изгнан в 1290 году.

Доходы палаты за этот год составили чуть более 50 фунтов стерлингов, в дополнение к которым они получили ежегодную субсидию от Казначейства в размере 53 фунтов 6 пенсов 8 пенсов.

ВНЕШНИЙ ВИД ЮЖНОЙ СТОРОНЫ ЧАСОВНИ СТАРОГО ЛАМБЕ

Зарисовано из двора богадельни. Это здание было снесено в 1825 году.

Londina Illustrata, vol. i.

В 1290 году число новообращенных сократилось до 80 человек. Первоначальные обитатели дома к этому времени, должно быть, умерли, а их дети влились в общую массу населения. Отсутствие какой-либо традиционной касты или сословия, как, например, *у каготов* на юге Франции, свидетельствует о том, что это поглощение общим населением было полным.

В том же году новообращенные обратились к королю с просьбой о назначении хранителя, который бы заботился об их интересах. Следует отметить, что в течение последующих ста лет многие хранители *Domus Conversorum* были также хранителями списков.

Однако король ответил на прошение, установив содержание Дома в размере 202 фунтов стерлингов, из которых должны были поддерживаться ткани, оплачиваться работа мастера, капелланов и клерка, а новообращенные должны были получать еженедельные пособия. В случае смерти новообращенного сумма гранта должна была уменьшаться. Очевидно, предполагалось, что новообращенные будут вымирать. Однако этого не произошло. С другой стороны, хотя число новообращенных быстро сокращалось, Дом никогда не оставался без новообращенных. Мистер Филлимор не говорит, откуда приходили эти новообращенные: если бы в Англии не осталось ни одного еврея, в этой стране не могло бы быть новообращенных.

В 1308 году новообращенные пожаловались, что им не выплачивают пособие. Король приказал провести расследование. Выяснилось, что из всех заключенных в 1290 году 34 умерли, 12 покинули дом, а 56 все еще живут в нем. После этого король назначил пониженную оплату в размере 123 фунтов 10 шиллингов 6 шиллингов.

В 1330-1 году новообращенных было 8 мужчин и 13 женщин.

В 1334 году было 7 мужчин и 13 женщин.

В 1337-8 годах было 13 мужчин и столько же женщин.

В 1350 году было 2 мужчины и 2 женщины.

В 1351 году под опекой Генри де Инглби находился только 1 новообращенный.

В 1371 году Уильям де Берстолл, который был хранителем роллов, стал хранителем Дома бесед: тогда там было два новообращенных. В 1377 году, узнав, что Уильям де Берстолл отремонтировал обветшавшие здания, Эдуард Третий распорядился, чтобы эти две должности занимались вместе.

В 1386 году были запрошены деньги на содержание хранителя, одного капеллана, одного клерка и трех новообращенных.

Очень любопытно, что поставки новообращенных продолжались; только однажды они полностью прекратились; иногда был только один, затем три, четыре, восемь, пять, два и так далее. Откуда, повторяю, они приходили? Одну женщину звали Элизабет Португал - очевидно, португальская еврейка; другую - Элизабет Баптиста; третью - "Катерин Уэтели", которую иногда называли Айса Рудейва; четвертую - Мэри Кок, она же "Омелл Фэйлл Исиа".

Томас Кромвель был назначен хранителем в 1534 году. За время своего пребывания в должности он провел в Доме суд, который, однако, не обошелся без новообращенных. В 1550 году, когда хранителем стал Джон Бомонт, у него была лишь одна новообращенная, вышеупомянутая Мэри Коук.

Когда Мэри Кок умерла в 1551 году (?), последовал период в 26 лет, когда новообращенных не было вообще. В 1578 году появляется Йехуде Менде, за которым следуют Фортуна Масса, Филипп Фердинандо и Элизабет Фердинандо. В 1606-7 годах новообращенных было четверо. И тут пособия прекращаются.

Некий Пол Джейкоб обратился к королю Якову с просьбой оказать ему помощь, но его не приняли в Дом. На этом часть его истории была закрыта.

В 1708 году мы слышим, что здания сильно обветшали: в 1717 году на месте Домуса был построен Роллс-хаус. А капелла использовалась в качестве комнаты для хранения канцелярских протоколов, пока их не перевезли в Государственное бюро записей.

Часовня Святой Марии Магдалины и Гилдхолл Всех Святых

По словам Стоу, основание колледжа, посвященного Святой Марии Магдалине, произошло в 1299 году. Судя по всему, семьдесят лет спустя он был настолько обогащен Адамом Фрэнсисом и Генри де Фровиком, что стал новым фондом. Третий благодетель, Питер Фантор, умер до того, как его намерения были осуществлены. Он выделил пять капелланов, которые должны были молиться за души основателей, их жен и детей, короля Эдуарда Третьего и всех усопших королей, мэров, надзирателей, шерифов и камергеров города. В 1430 году здания, пришедшие в негодность, были снесены, а на их южной стороне возведены другие. В 1450 году приходские клерки получили разрешение на создание в часовне гильдии, посвященной Святому Николаю, с двумя капелланами и семью милостынниками.

К моменту роспуска колледжа в нем были начальник, семь капелланов, три клерка и четыре хориста. Часовня была передана мэру и олдерменам, для которых в ней проводились службы по определенным случаям.

В 1785 году в часовне был устроен Просительный суд, и так продолжалось до 1820 года, когда она была снесена.

Часовня и колледж в Лиденхолле

Этот очень древний рынок стал собственностью города еще в первой четверти четырнадцатого века. Колледж был основан Саймоном Эйром, драпировщиком и мэром, в 1445 году, когда он также построил зернохранилище.

Он должен был состоять из начальника, пяти светских священников, шести клерков и двух хористов для ежедневного пения мессы: также должны были быть три школьных мастера с причетником; один мастер, с причетником, для грамматики, один для письма и один для пения; мастера должны были получать ежегодное жалование в размере 10 фунтов стерлингов, каждый другой священник - 8 фунтов, каждый клерк - 5 фунтов 6,8, а каждый хорист - 3 фунта 6,8. Стоу говорит, что условия завещания не были выполнены в отношении служб в капелле и бесплатной школы.

Однако в 1466 году тремя священниками было основано Братство Святой Троицы, связанное с капеллой. Оно состояло из 60 священников с другими братьями и сестрами. Они совершали богослужение каждый базарный день во второй половине дня, а раз в год проводили торжественную службу с процессией всего братства. Имущество братства составляло 7 фунтов 10 шиллингов в год.

Часовня избежала Великого пожара. Она была снесена в 1812 году. Уилкинсон описывает ее следующим образом:-

"Эта часовня выступала на восток из восточных клуатров Лиденхолла, откуда в нее вел большой арочный дверной проем с гербом основателя над центром; с каждой стороны внутренней арки находился перфорированный готический экран изысканной работы. Здание имело продолговатую форму и с внешней стороны было разделено на четыре части контрфорсами, доходящими почти до крыши и разделяющими столько же больших окон вдавленной остроконечной формы, каждое из которых было разделено на три света каменными мульонами с сабельниками; окно в восточном конце было значительно больше других и содержало пять огней. Снаружи часовня была почти полностью закрыта корпусом из деревянных навесов, доходивших почти до оснований окон. Она была покрыта стропилами и черепицей самой грубой современной работы, вместо древней остроконечной крыши, и поддерживалась внутри резными кронштейнами из каштанового дерева, опиравшимися на косоуры, вделанные в стены против контрфорсов: но от этих кронштейнов при разрушении здания остались только свитки и один фрагмент. Внутри часовни, в юго-западном углу, находилась небольшая дубовая дверь с любопытными шипами и панелями, открывающаяся в квадратное помещение, которое, вероятно, было ризницей; на стенах которого мистер Джон Томас Смит обнаружил небольшие остатки нарисованных фигур. Одна из них изображала щеку, ухо и боковую часть головы с длинными желтыми волосами, струящимися по синей и красной драпировке; все это очень напоминало картины, обнаруженные в часовне Святого Стефана в Вестминстере, выполненные в эпоху правления

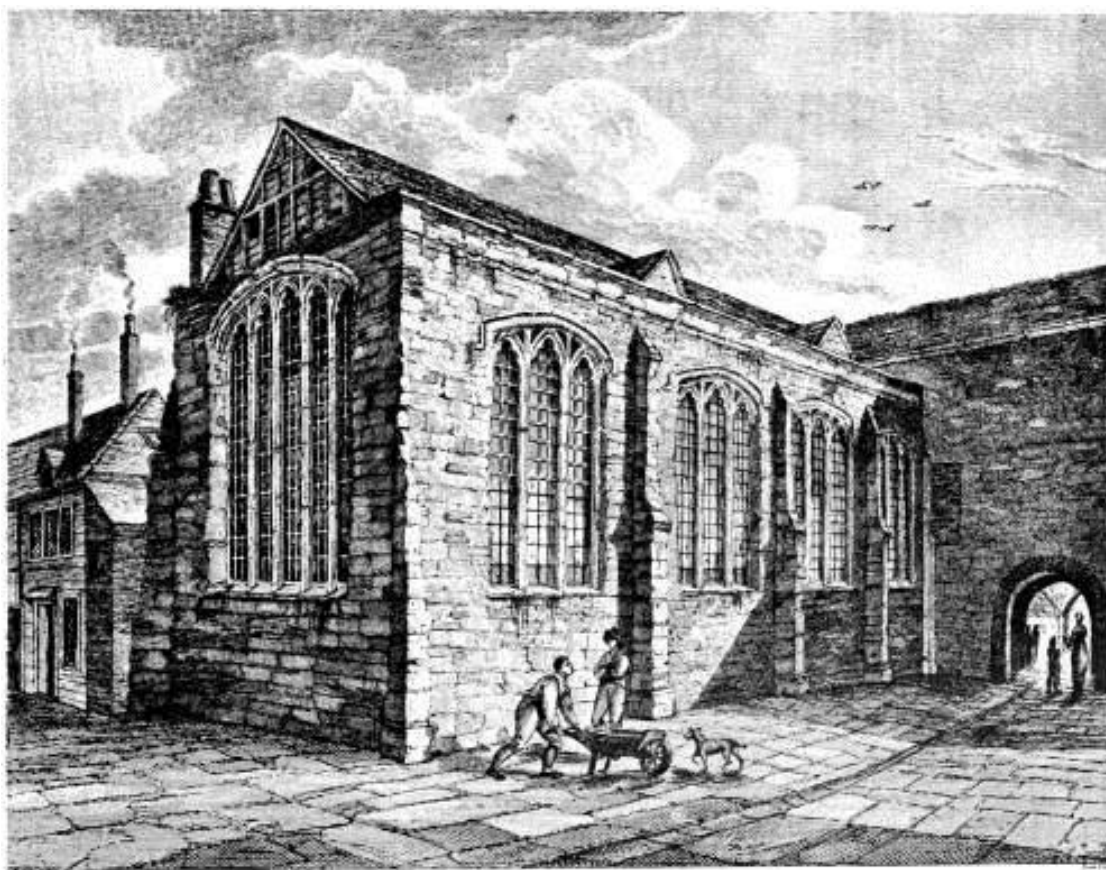
Эдуарда III. Однако картины в Лиденхолле не были ни рельефными, ни позолоченными, а были очерчены и заштрихованы красной охрой". (Wilkinson, vol. ii.)

Женский монастырь в Килберне

Этот небольшой дом, являющийся кельей Вестминстерского аббатства, в историческом плане является главным свидетельством ревности епископа Лондонского и аббата Вестминстерского в отношении епископальной юрисдикции.

Его история любопытна. Некий Годвин, отшельник, построил скит в Килберне на принадлежащей ему земле. Он передал эту землю Вестминстерскому аббатству, которое построило на этом месте небольшой монастырь для трех дам, фрейлин Матильды, королевы Генриха Первого. Годвин стал пожизненным начальником монастыря, а аббатство выделило средства на содержание монахинь.

После основания женского монастыря Гилберт, епископ Лондона, освободил его от своей юрисдикции. Это освобождение было поставлено под сомнение Роже ле Нуаром, епископом в 1229 году. В 1231 году было заключено соглашение между деканом и капитулом собора Святого Павла, с одной стороны, и аббатом Вестминстера - с другой.

ВИД НА СЕВЕРО-ВОСТОК

Londina Illustrata, опубликовано в 1825 году Р. Уилкинсоном, № 125 Fenchurch Street.

"В соответствии с этим соглашением епископ на время получал доступ в Килбернскую келью, принимал процессии, проповедовал, выслушивал исповеди и предписывал покаяния, но не имел права претендовать на прокурации. Было также признано, что светский священник, или надзиратель, поставленный аббатом над домом, должен при своем назначении

представляться епископу и нести ему каноническое послушание, но сменяться только аббатом. Настоятельница дома, хотя и назначаемая аббатом и его преемниками, должна быть в повиновении у епископа, сохраняя во всем каноническое почтение и подчинение, которое она издревле оказывала аббату. Однако все управление домом, касающееся дел и лиц в его пределах, с исправлением излишеств и реформацией злоупотреблений, а также учреждение или лишение настоятельниц и монахинь, должно принадлежать аббату и его преемникам на вечные времена; При условии, что в случае, если какие-либо дела, требующие пребывания в нем людей, будут игнорироваться им в течение месяца после предупреждения, сделанного ему (или в его отсутствие настоятелю) епископом, то, при явном доказательстве такого пренебрежения исправлением, епископ должен быть вправе сам приступить исправлению и реформированию их таким образом, как 'prout secundum Deum viderit expedire.' Далее было постановлено, что никто из монахов, кроме аббата (а в случае вакансии, отсутствия или болезни - настоятеля), не должен приближаться к монахиням, чтобы выслушивать их исповеди и предписывать покаяние. Епископ должен, по просьбе аббата, совершать чин благословения или посвящения монахинь, но впредь никакой другой епископ не должен быть введен или допущен в Килберн для совершения каких-либо епископских церемоний. Наконец, чтобы ни епископ, ни его глава не оспаривали в силу этого состава никакой юрисдикции или подчинения над аббатисой и монахами Вестминстера и ни в чем не ущемляли прав вышеупомянутых монахинь или их кельи". (London and Middlesex Notes, pp. 422-423.)

Дом получал много благодеяний, но всегда оставался небольшим фондом. Доходы на момент роспуска составляли, по разным данным, от 74 фунтов 7 шиллингов 11 шиллингов до 121 фунта 14 шиллингов. Опись всего имущества, принадлежащего Килбернскому женскому монастырю, составленная в 11 день мая 28 года Генриха Восьмого, свидетельствует о том, что дом был хорошо и полностью обставлен. В нем был зал, пять покоев для дам дома: Кухня, маслобойня, кладовая, кладовая, пивоварня, пекарня, погреб; три палаты для капеллана и мужей; исповедальня и церковь.

Сейчас от этого дома не осталось и следа. Последней настоятельницей была Анна Браун.

Женский монастырь в Стратфорд-ле-Боу

Этот монастырь находился в приходе Бромли, но так близко к деревушке Стратфорд-ле-Боу, что его стали называть по ее имени. Иногда его путают с монастырем белых монахов в приходе Уэст-Хэм, который назывался аббатством Стратфорд-Лангторн.

Считается, что этот женский монастырь, посвященный святому Леонарду, был основан Уильямом, епископом Лондонским, во времена правления Вильгельма Завоевателя. Он всегда был небольшим. Мы читаем о некоторых пожертвованиях и благодеяниях - о землях на Хаселингском поле; о церкви Нортим, впоследствии названной Нортон-Мандевиль; о дарах Генриха Второго; о поместье Бромли; о землях, принадлежащих Идоне Крикет в царствование Эдуарда Первого, за то, что она держала салфетку короля во время коронации.

Здесь была похоронена Елизавета, сестра королевы Филиппы и дочь Уильяма, графа Хайно.

Во время Расторжения брака здесь жили настоятельница и девять монахинь. Доходы дома оценивались, согласно Дагдейлу, в 108 фунтов стерлингов: 1: 11-1/2, а согласно Спиду - в 121 фунт 16 шиллингов. В то время содержание священника канцелярии составляло 5 или 6 фунтов стерлингов в год, десяти монахиням требовалось около 50 фунтов стерлингов на свое содержание, оставалось 70 фунтов стерлингов на содержание дома и службы. Сибилла Кирк,

последняя настоятельница, получала пенсию в размере 15 фунтов стерлингов в год. В 1553 году она еще жила.

Участок, на котором находился приорство, церковные владения и поместье Бромли были переданы сэру Ральфу Саддлеру. Сейчас часовня является приходской церковью Боу.

Папский дом Святого Августина

История этого интересного дома, ранее почти неизвестная, была спасена покойным преподобным Томасом Хьюго, который прочитал доклад на эту тему в Археологическом обществе Лондона и Мидлсекса (vol. v.).

Он был основан в 1442 году четырьмя лондонскими священниками: Томасом Симсоном, ректором собора Всех Халлоусов на стене; Уильямом Кливом, священником благотворительного общества Святого Иоанна Крестителя в церкви Святой Марии Олдермари; Уильямом Барнеби, священником собора Святого Павла; и Джоном Стаффордом, священником в Лондоне. Фонд был госпиталем или колледжем для престарелых и немощных священников. Церкви того времени были заполнены священниками-кантри, каждый из которых должен был жить на очень небольшое пожертвование кантри - обычно 6 или 7 фунтов стерлингов в год, иногда меньше - в обмен на ежедневную мессу, совершаемую за душу основателя. Когда возраст достигал этих людей, и они уже не могли выполнять единственную простую обязанность своей жизни, что они могли делать? Как они могли жить? Мы не можем поверить, что старый и бессильный священник когда-либо голодал. В то же время, пока не была основана благотворительная организация "Папея", участь многих из них, должно быть, была нестабильной, зависимой и самой жалкой.

Папский дом располагался в стене у северного конца улицы, которая сейчас называется "Сент-Мэри-Экс". В "Собрании лондонского горожанина" (Камденское общество) написано: "Паппи Чирче в стене между Олдгейтом и Бевисс Маркс. И там был большой братский дом, состоящий из престарелых и других людей. And there were founde of almys certayne prestys both blynde and lame that be empotent: and they have day masse and xiiij a weke, barber, and launder, and one to dresse and provyde for hyr mete and drynke." Им также полагались хлеб и уголь, а один пожилой мужчина и его жена следили за чистотой в доме.

Церковь и приход Святого Августина недавно были объединены с церковью Всех Халлоусов в Стене. Поэтому именно заброшенная церковь была впервые предоставлена в распоряжение этих бедных священников. Кроме того, ректор Олл-Холлоуз передал в их пользование некий особняк с садом, который был подарен Олл-Холлоуз одним из покойных горожан. Образованная таким образом община должна была быть названа в честь святой Милосердия и святого Иоанна Евангелиста. Однако жители так и не дали дому этого названия, называя его по-прежнему Святым Августином, дополняя словами De Pareу - то *есть папы* или отцы, которые жили здесь. Фонд был беден, но владел домом в замке Байнард, шестью коттеджами и двумя особняками в Павин-аллее; был также особняк в Бевис-Маркс, подаренный им ректором Олл-Холлоуз. Это все имущество, которое, как можно доказать, принадлежало. Те из членов, кто мог ходить и петь, иногда посещали похороны великих людей и таким образом пополняли скудные доходы Дома. На момент основания в доме было двадцать четыре брата и пятнадцать сестер - неизвестно, как и по какой причине были избраны сестры.

Насколько мне известно, история Палаты не отмечена ни одним событием. Он просуществовал 106 лет и был пресечен Актом от 2 изд. VI. об упразднении всех шантри, госпиталей и подобных фондов. Стоимость земли и имущества Фонда была оценена в 23 фунта 11 шиллингов 8 шиллингов. Уильям Невилл приобрел дом за 102 фунта. В то время там было шесть старых священников, но не было сестер. Все они, как можно с удовлетворением отметить, получали небольшие пенсии: магистр - шестьдесят шесть шиллингов и восемь пенсов в год, чуть больше двух пенсов-фартингов в день, а братья - сорок шиллингов, чуть меньше 1-1/3 д. в день. Церковь была снесена, и на этом месте аптекарь открыл свой магазин, церковный двор был превращен в сад, а дом священника стал частной резиденцией. Так был разрушен и уничтожен фонд, который мог бы продолжать делать доброе дело и по сей день. Среди всех многочисленных благотворительных организаций, фондов и пожертвований, принадлежащих церкви, на сегодняшний день нет ни одного дома, который бы хоть немного соответствовал этому древнему фонду святого Августина Папея.

Позднее основание Дома, в то время, когда завещания религиозным домам стали уменьшаться, а затем и вовсе прекратились, в достаточной степени объясняет его бедность. Сохранились лишь одно или два завещания, и те, очевидно, незначительные. (См. Приложение X.).

Колледж Уиттингтон

Колледж Святого Духа и Святой Марии, основанный Уиттингтоном, чье намерение было осуществлено его душеприказчиками, был рассчитан на магистра, четырех стипендиатов, клерков, хористов и т. д., а также на богадельню. К счастью, богадельня была отделена душеприказчиками от колледжа, так что ее удалось спасти, когда колледж был ликвидирован. Ниже приводится часть первоначальных постановлений Благотворительного общества, составленных душеприказчиками

"Горячее желание и наилучшее намерение благоразумного, мудрого и благочестивого человека, который будет бросать перед и делать *seure* состояние и *thende* короткой жизни с *Dedys* милосердия и *Pite*: и, в частности, провидеть таких людей, которых угнетают жадный Пенюэр и жестокая Фортуна, и которые не в силах добиться своей жизни ни ремеслом, ни каким-либо другим телесным трудом: таким образом, в день последнего суда он сможет принять свою часть с теми, кто будет спасен. Принимая во внимание, что вышеупомянутый достойный и знатный Мерчант Ричард Уиттингтон, который, пока он жил, оказывал щедрые и большие услуги нуждающимся и богатым людям, в своей смертной постели поручил нам, своим вышеупомянутым душеприказчикам, после его смерти построить Дом Альмса для вечного содержания таких богатых людей, как указано выше: и в этот момент он полностью объявил нам о своем намерении. И мы, по мере наших сил, желаем исполнить его похвальную волю и благородный десерт в этой части, как мы обязаны.

Во-первых, мы основали, с достаточными полномочиями, в церкви Сейнт Мигеллс, в Лондонском Ройоле, где родились Ричард и Алиса, его жена, достойную похвалы коллегия из определенных пресвитеров и клерков, чтобы совершать там каждый день богослужение для вышеупомянутых Ричарда и Алисы.

Мы также основали, после вышеупомянутого Уилля, Дом Альмов для XIII пуэров людей последовательно на вечные времена; чтобы жить и быть обслуживаемыми в том же Доме. Который дом расположен и укреплен на некой сойле, которую мы купили в приходе Сейнте Мигель, о котором говорилось выше: то есть между вышеупомянутой церковью и стеной, которая закрывается в этом месте, за высоким отелом той же церкви на южной стороне, и нашим большим особняком, который в прошлом был домом вышеупомянутого Ричарда Уоттингтона на северной стороне. И он простирается от жилища Мастера и Престиса вышеупомянутого Колледжа. Который также мы в конце концов пристроили в восточной стороне к большому месту нашей земли. Которое, с Божьей помощью, мы намерены законно освятить для церковного двора той же церкви в течение короткого времени на западном берегу." (Stow, i. bk. iii. pp. 3-4.)

А таинства для бедняков таковы: - "Быть двенадцатью пудами".

"Должно быть двенадцать человек по пуру в одиночку из мужчин или женщин вместе; после печального благоразумия и доброй совести надзирателей и хранителей того же дома, чтобы быть обеспеченными и принятыми.

Которые каждый день, в должное и удобное время, будут молиться на вечные времена, за всех ныне живущих, а также и за прошедших, Богу; Чьи имена великой Особы были выражены в настоящем Уставе.

Быть одному *Начальнику*, который должен превосходить всех других по власти и почтению, и называться Учителем. В его ведении будут товары Альмесского дома, которые будут поступать в его руки, хорошо и верно служить. Разобранные товары собирать снова в кучу; на пользу Альмес-хауса: И в хозяйстве того же дома, в той мере, в какой он может хорошо наблюдать, распоряжаться и рукополагать; заставляя себя питать и поддерживать милосердие и мир среди своих феллахов.

Бедняки должны всегда повиноваться указанному *наставнику*.

Тринадцать бедняков должны быть приветливы в разговоре и честны в жизни.

Этот же дом будет вечно называться *Домом Бога*, или Домом Альмса, или Больницей *Ричарда Уоттингтона*.

Л. Майор будет надзирать за упомянутым Альмесхаусом, а хранители Содружества ремесла мерсеров будут называться навеки *хранителями* вышеупомянутого дома.

Наставник должен иметь место для себя, то есть келью или маленький домик, с дымоходом и превиком, и другими необходимыми вещами. В нем он должен лежать и отдыхать. И чтобы он мог в одиночестве, без посторонней помощи, заниматься созерцанием Бога, если захочет.

Каждый воспитатель и бедняки каждый день, когда они встают с постели, стоя на коленях, читают Pater Noster и Ave Maria, с особой и искренней рекомендацией, обращенной к Богу и нашей Пресвятой Деве Марии, о вышеупомянутых Ричарде Уоттингтоне и Алисе. И в другое время дня, когда ему будет лучше и приятнее всего иметь для этого досуг, для государства всех вышеупомянутых душ, произносите три или два саутера нашей Госпожи по меньшей мере: то есть тридцать севен Ave Marias, с XV pater nosters, и три Credes. Если же его попустит лихорадка или какой-либо другой разумный кашель, то, по крайней мере, один раз в день, если это может случиться: то есть после мессы или во время Комплина, они приходят вместе в

Колледж около гробницы вышеупомянутого Рича. Whyttington and Alice, and they that can sey, shall sey for the Soules of the seid Richard and Alice, and for the Soules of al Christen people, this Psalm de Profundis with the Versicles and Orisons that longeth there. И те, кто может, должны произнести три Pater noster, три Ave Marias и одно Crede. И после этого наставник или один из старших мужчин из них открыто скажет по-английски: "Господи, помилуй души наших основателей и всех Христов". А те, кто остался, пусть ответят и скажут: "Аминь".

Они обязуются постоянно проживать в доме сейда Альмса и в его пределах: И чтобы каждый день, во время собрания и сопиров, они ели и питались в упомянутом доме Альмса. И пока они будут на собрании или в супере, они воздерживаются от вейн и йдель слов. И если они хотят говорить о чем-либо, то пусть это будет честным и полезным.

Чтоб одежда наставника и наперсников была дерьмового и коричневого цвета, и не бросалась в глаза, и не синела, и была разной, в соответствии с их степенью". (Stow, i. bk. iii. pp. 4-5.)

Богадельня, перенесенная со своего прежнего места за церковь Святого Михаила Королевского, все еще существует в Хайгейте.

Мы можем быстро пройти по нескольким оставшимся небольшим домам.

Госпиталь Дентона указан как один из них, но он никогда не существовал, кроме как в намерениях основателя, Роберта де Дентона. В 1369 году он получил королевское разрешение на основание госпиталя для заблудших священников и других людей, но не смог осуществить свои намерения и вместо этого основал капеллу в доме Святой Катерины у Тауэра.

О больнице Чаринг-Кросс я не нашел ничего, кроме предания, что один из королей, раздраженный присутствием пациентов так близко ко двору, приказал перевести их в Вифлеемскую больницу.

Святой Михаил, Крукед-Лейн. Этот колледж был основан сэром Уильямом Уолвортом, который объединил несколько церковных приходов, присоединил к ним земли и несколько домов и таким образом сформировал колледж для содержания магистра и девяти священников.

Колледж Баркинг был приписан к церкви Всех Святых, Баркинг. Ричард Первый основал здесь часовню в честь Девы Марии. Джон, граф Вустер, добавил братство с магистром и братьями, одаренными из чужих домов Тутинг, Боу и Океберн. Ричард Третий перестроил часовню и основал колледж с деканом и шестью стипендиатами. Он был распущен Эдуардом Шестым, здания снесены, а земля превращена в сад.

Колледж Хольма при соборе Святого Павла был основан Роджером Хольмом, канцлером собора Святого Павла, в 1395 году как колледж из семи священников, чьи службы проходили в часовне Святого Духа. Здания колледжа располагались в приходе Святого Григория, к югу от соборного участка.

Ланкастерский колледж был основан Генрихом Четвертым и душеприказчиками Иоанна Гонтского в связи с собором: здания колледжа также находились в приходе Святого Григория.

Еще одним колледжем, связанным с собором, был колледж каноников-малOVERов, основанный Ричардом Вторым. У них были дома, примыкающие к пректу, и общий зал на территории пректа.

Коллегия Святого Лоуренса Поултени, связанная с этой церковью, состояла из магистра или надзирателя, тринадцати священников, клерков и хористов.

В Даугейте находился небольшой колледж священников под названием "Общины Иисуса": Стоу говорит, что это был "Дом, хорошо обставленный латунью, оловом, салом, тарелками и т.д., а также прекрасная библиотека, хорошо укомплектованная книгами: все это в давние времена давалось нескольким священникам, которые должны были держать там общины". Очевидно, это тихий и спокойный колледж, не похожий на колледж Всех Душ в Оксфорде.

Сент-Джеймс ин Филдс, больница, основанная с незапамятных времен для прокаженных девственниц города, была пресечена Генрихом Восьмым. На его месте стоит Сент-Джеймский дворец.

Больница Святой Марии Раунсволл или Раунсволл на Чаринг-Кросс, подавленная как чужой дом Генрихом Пятым, была вновь основана как Братство Эдуардом Четвертым, снабжена новым уставом для Мастера, Уорденов, Братьев и Сестер Генрихом Седьмым, и вновь подавлена Эдуардом Шестым. Нортумберленд-Хаус с садами занимал участок Святой Марии Раунсволл. Он был построен, как Нортгемптон Хаус, в 1614 году.

Рядом с этим домом находился скромный Эрмитаж, названный в честь Святой Екатерины, основанный Эдуардом Первым (см. также Приложение XI.).

ГЛАВА XXVIII

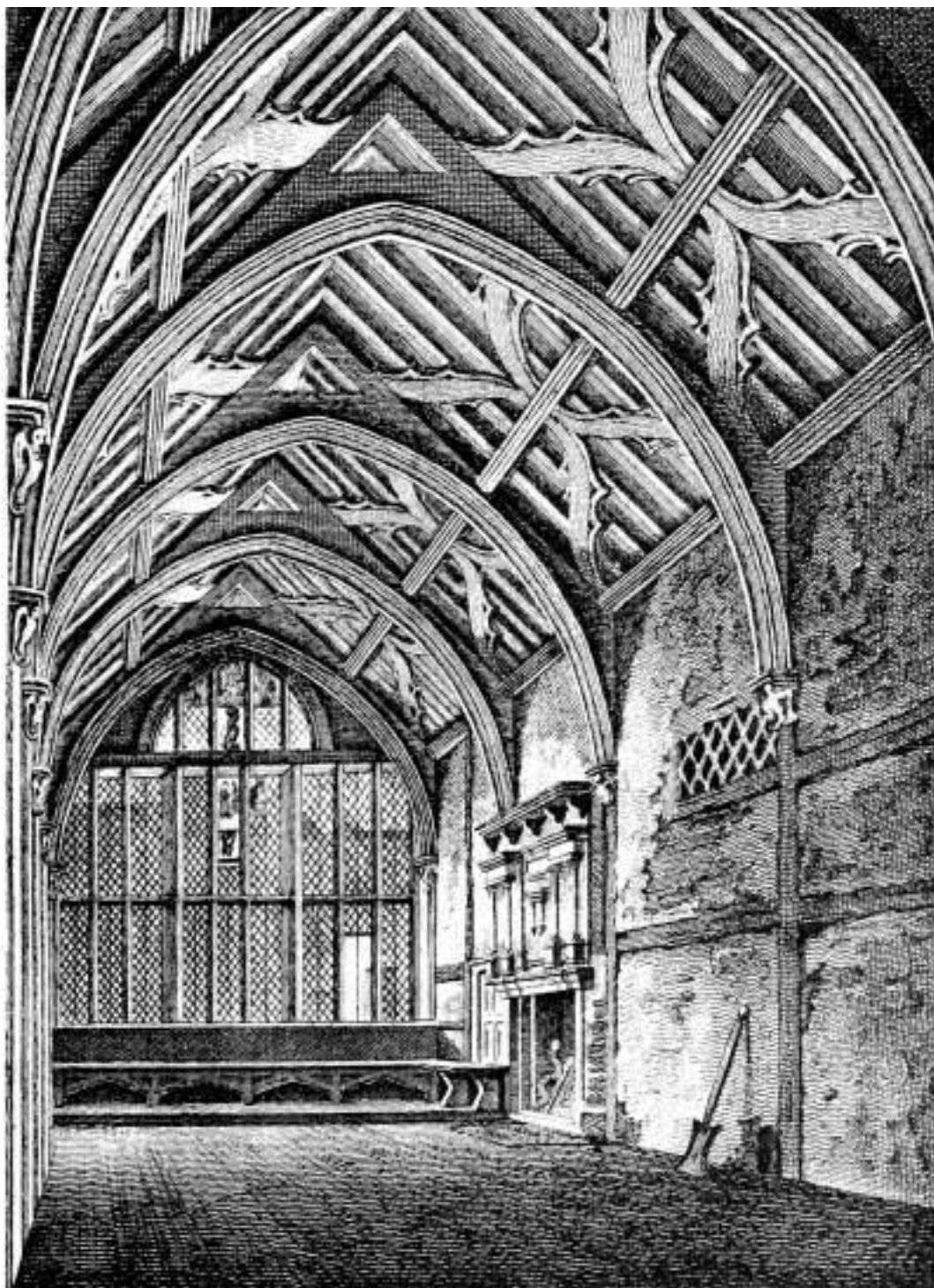
БРАТСТВА

Нельзя забывать и о братствах. Не было, я думаю, ни одной приходской церкви, которая не имела бы своего братства. За исключением военных действий, когда все маршировали по приказу короля, первой попыткой объединения было приходское братство. Приходская церковь всегда была естественным центром, вокруг которого собирались как мирские, так и духовные заботы прихода. Братство, посвященное Святому покровителю прихода, объединяло всех для защиты всех: члены поддерживали больных и стариков, обучали и воспитывали сирот, защищали вдов, совершали заупокойные мессы. Они составляли единую семью. Почему же тогда мы видим так много братств, принадлежащих к отдельным профессиям? Возможны два объяснения. Первое - приходы стали полностью состоять из мужчин, занимающихся одним ремеслом, с их семьями: второе - в приходе жила большая часть мужчин, занимающихся одним ремеслом. В первом случае братство приходской церкви становилось братством одного ремесла: в другом случае было разумно, чтобы люди, занимающиеся одним и тем же ремеслом, жили как можно больше вместе, для удобства, использования инструментов, приобретения сырья и регулирования производства: чтобы они отделились от одного общего приходского братства и образовали свое собственное братство для собственной выгоды.

Таким образом, мы имеем Братство Святого Антония, состоящее из пепперов; Братство Святого Николая, состоящее из приходских клерков; Братство Тела Христова, состоящее из суконщиков; Братство Святого Георгия, состоящее из оружейников; Братство Святого Иоанна Крестителя, состоящее из торговцев-тайлоров; и Братство Святой Марии, состоящее из драпировщиков. (См. Приложение XII.)

Другими словами, компании не возникли из братств: объединение людей, работающих в одной профессии, росло медленно: братство было первым внешним доказательством того, что такой союз был создан: оно освящало его. Когда компания была окончательно сформирована, она лишь установила в качестве определенного закона то, что в течение многих лет было обычаем; братство ни в коей мере не было затронуто новым уставом; таким образом, религиозная сторона союза продолжала существовать и процветать, пока все подобные братства не были уничтожены.

Однако существовали и другие братства. В XIV веке я нахожу упоминания о более чем ста: из них гораздо большее число составляют братства приходских церквей. Кроме того, существуют торговые братства, о которых говорилось выше, и те, которые представляют собой некую форму религиозного рвения, с помощью которого церковь давала выход энтузиастам.

ЗАЛ БРАТСТВА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

В приходе Святого Ботольфа, Олдерсгейт, в том виде, в каком он сохранился в феврале 1790 года.

Со старой гравюры.

Это были братства Святого Креста, Света Святого Креста, Святой Троицы, Иисуса, Святого Духа, Успения Богородицы, Воскресения Христова. Ежегодные службы и процессии, определенные обеты воздержания и целомудрия, милостыня, некое внешнее украшение - все это отличало братьев и помогало сделать жизнь более интересной, а себя - более значимыми. Между тем, истинное значение братств в истории Лондона заключается в том, что они впервые указали путь к совместным действиям и сделали возможными независимость, достоинство и богатство торговли.

Важное значение имело братство Олдерсгейт, которое первоначально было больницей для бедных. Это был чужой фонд, поэтому, когда Генрих Пятый запретил все подобные дома, он был передан вместе с землями приходу Святого Ботольфа в Олдерсгейте, а на его месте возникло братство Святой Троицы. У этого братства была своя часовня. Она просуществовала до времен Генриха Восьмого.

Рядом с ней находилась часовня другого небольшого религиозного объединения, называвшегося Часовня горы Голгофы без Олдерсгейта.

Третьим домом за пределами Олдерсгейта был госпиталь аббата Уолдена, основанный 15 изд. II.

Братство Святого Иакова, Гарликхит, управлялось по правилам, которые сохранились у Стоу: - "В поклонении Господу Богу.

"В знак поклонения Всемогущему Богу, нашему Создателю, и его модистке Святой Марии, и Вседержителю, и Святому Апостолу Иакову, в церкви Святого Иакова в год нашего Господа 1375 было создано Братство, состоящее из множества людей, для исправления ее ливрей и свиноматок, и чтобы питать больше любви среди братьев и сестер Бредерхеда. И каждый из них поклялся на книге исполнить все пункты под ее властью.

Все, кто желает, чтобы другие были в том же Бредерхеде, они ничего не должны делать из хороших условий и беринга: и чтобы он любил Бога и святую Церковь, и своих Нейбуров, как святая Церковь делает менцию.

Кто вступает в то же братство, тот должен при входе в общую ложу vi s. viiid.

По воле предвиденного Братства, в нем должны быть Вардейны. Которые надзиратели должны собирать квартридж Бретерена и Сустрена, и давать отчет о нем каждый год раз, надзирателям, которые были до этого в Бретерхеде, с другими высшими из Бретерхеда.

Также бретерен и сустрен каждый год должны быть одеты в суйту, и каждый человек должен платить за то, что у него есть.

Также братья и сестры, по одному согласию в суите, должны каждый год собираться вместе, чтобы питать больше знаний и любви, на пир. Which Feast shal be the Sunday after the Day of St. James Apostle, and every pay their xxd.

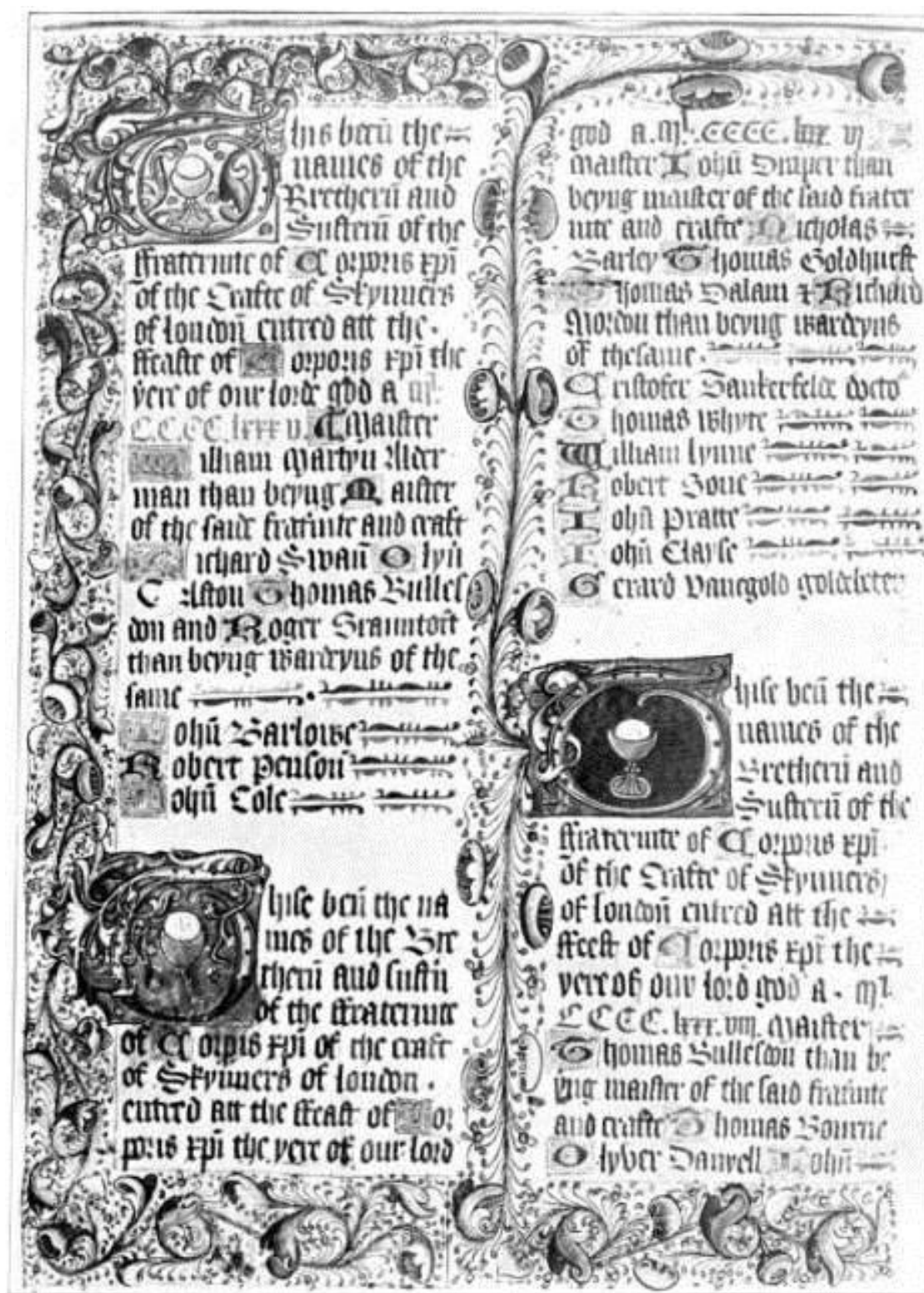
В четыре часа, а также один раз в год по два шилла в день счета мейстеров. Чтобы Вардейн мог вести свой счет и т. д.

Каждый Брат или Сустер, который состоит в Братстве, если он обладает властью, должен давать немного на поддержание Братства, что ему нравится.

Также если в Братстве есть какой-нибудь бунтовщик, другой контекур или иной человек, от которого Братство может пострадать, то он должен быть изгнан из него, в то время, когда у него есть поправки к осквернителям и т.д.

Если кто-либо из Форсейда Бретерхеда впадет в такое несчастье, что не будет иметь ни одного, ни другого несчастья по немощи: и проживет в Бретерхеде семь лет, и будет выполнять все обязанности в течение этого времени: каждый день после этого, он будет иметь из общей ложи xiiid. Терм его Lyfe: но он должен быть восстановлен в Mischeffe.

Также, если кто-либо из указанных лиц будет заключен в тюрьму ложно кем-либо другим по ложному сговору, и у него не будет никого, с кем можно было бы заключить его, и он также находился в Братстве семь лет и т.д., он должен иметь xiiid. во время своего заключения каждый Wyk."

СТРАНИЦА ИЗ СПИСКА, СОДЕРЖАЩЕГО ИМЕНА "БРАТЬЕВ И СЕСТЕР" ГИЛЬДИИ БРАТСТВА ТЕЛА ХРИСТОВА, 1485, 1486, 1488 ГГ.

Из иллюстрированных книг Общества. Из книги Уодмора "Некоторое описание Общества скорняков" (Worshipful Company of Skinners).

Более крупное изображение доступно [здесь](#).

ГЛАВА XXIX

БОЛЬНИЦЫ

Стоу приводит список больниц в Сити и пригородах, "которые существовали в давние времена и существуют в настоящее время (1598 г.)".

"Госпиталь Святой Марии, в приходе церкви Баркинг, который предоставлялся бедным священникам и другим людям, мужчинам и женщинам в лондонском Сити, впавшим в безумие или потерявшим память, до тех пор, пока они не выздоровеют, был с тех пор пресечен и передан госпиталю Святой Катерины у Тауэра.

Церковь Святого Антония.

Святой Бартлмью в Смитфилде.

Св. Джайлз-ин-филдс, больница для больных проказой.

Св. Иоанна Иерусалимского, в Западном Смитфилде, госпиталь рыцарей Родоса.

Святой Иаков в поле, больница для прокаженных девственников лондонского Сити.

Святой Иоанн в Савойе, больница для помощи ста беднякам, основанная Генрихом VII, пресеченная Эдуардом VI: вновь основана и одарена королевой Марией.

Святая Катерина у лондонского Тауэра.

Святая Мария в Крипплгейте, больница, основанная Уильямом Элсингом.

Святая Мария Вифлеемская, без Бишопсгейта, госпиталь, основанный Саймоном Фицмари.

Святая Мария без Бишопсгейта, госпиталь и приорство, называемое Сент-Мэри Спитал.

Святая Мария Раунсвол, у Чаринг-Кросс.

Святой Фома Аконский, в Чипе.

Святой Фома в Саутварке.

Госпиталь без Олдерсгейта, келья при доме Ключи, французского ордена, подавленного королем Генрихом V.

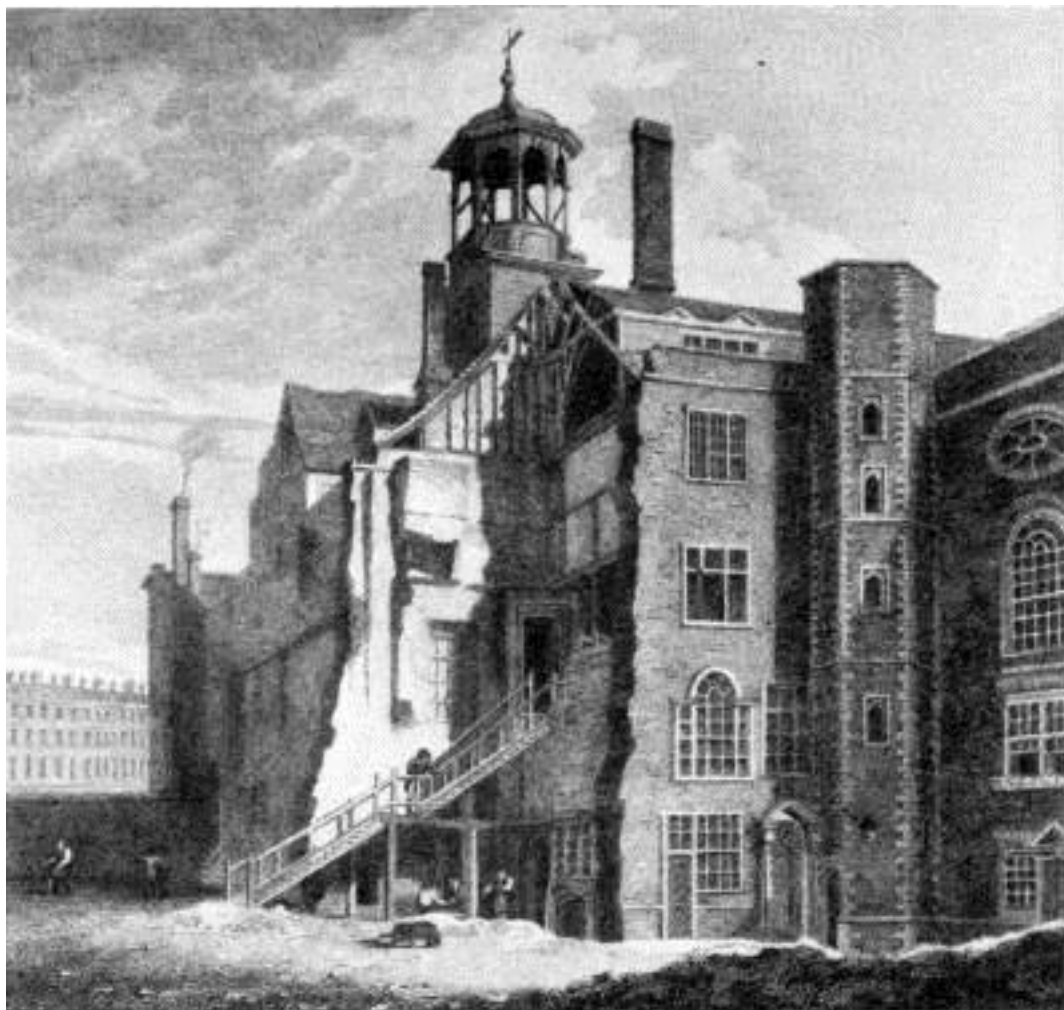
Госпиталь без Крипплгейта, также подобная келья при упомянутом доме Ключи, пресеченная королем Генрихом V.

Третий госпиталь в Олдборне, также являющийся кельей при упомянутом доме Ключи, пресеченный королем Генрихом V.

Госпиталь или богадельня, называемая Домом Бога, для тринадцати бедняков, с колледжем, называемым Уиттингтон-колледжем, основанным Ричардом Уиттингтоном.

Больница Христа, расположенная на Ньюгейтском рынке.

Брайдвелл, ныне госпиталь, или исправительный дом, основанный королем Эдуардом VI, как работный дом для бедных и праздных жителей города, где в настоящее время работает большое количество бродяг, которые получают облегчение за счет горожан. Обо всех этих больницах, которых насчитывается двадцать, вы можете прочесть в соответствующих местах, а также о добрых и благотворительных пожертвованиях, сделанных для бедных разными благожелательно настроенными горожанами".

ВИД С СЕВЕРО-ЗАПАДА НА ЧАСОВНЮ И ЧАСТЬ БОЛЬШОЙ ЛЕСТНИЦЫ, ВЕДУЩЕЙ В ХОЛЛ БОЛЬНИЦЫ БРАЙДВЕЛЛ, ЛОНДОН

Londina Illustrata, опубликовано в 1813 году Робертом Уилкинсоном, № 58 Cornhill.

Уход за больными, особенно за беспомощными и неизлечимыми, - одна из первых обязанностей, которую осознают люди, когда начинают жить вместе. Стоу утверждает, что больница для больных проказой женщин в Сент-Джеймском соборе существовала с незапамятных времен. Проказа - самая неизлечимая из всех болезней; она пожирает тело и разум; она делает несчастную жертву беспомощной. Поэтому дом Лазаря, естественно, был основан раньше всех остальных больниц. В Лондоне уже упоминались Сент-Джеймс на месте нынешнего дворца и Сент-Джайлс в Холборне, основанный Матильдой, королевой Генриха Первого. К ним впоследствии, в 20-м году правления Эдуарда Третьего, были

добавлены четыре замка для прокаженных: один на Олд-Кент-роуд, один на Майл-Энд-роуд, один в Кингсленде и один в Найтсбридже; все они, как можно заметить, находились на удобном расстоянии от городских стен. Во времена правления Эдуарда Четвертого Уильям Поул, йомен короны, заболев проказой, основал больницу для прокаженных в Хайгейте. За триста лет до этого король Стефан основал Дом лазаря в Грейт-Илфорде в Эссексе, который до сих пор существует как богадельня.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I
СПИСОК ПРИХОДОВ ЛОНДОНА

3 Эдуард I

Nomina Wardarum, 1274 г.

Mod. Англия, 1897 г.

Адриан, Иоганн, вард (см. Уолбрук)	
Алв'ния, Анкетили ле Мерсир де, Варда	Фаррингдон внутри и снаружи
Аунгер, Петр, Варда	Брод-стрит
Блэкторн, Иоганн де Варда	Олдерсгейт
Бейсинг, Том де, Варда	Кэндлвик
Бассиешах, Варда де	}
	} Бассишоу
Блонд, Рад ле Вард	}
Коулманнстейт, Варда де (см. Мелдеберн)	
Ковентри, Анр де, Варда	Винтри
Доугейт, Варда де	Даугейт
Дарем, Уилл де, Варда, он же Динолл, Уилл де, Вард	Хлебная улица
Эдельметон, Петри де, Варда	Замок Байнард
Эссекс, Волмер де, Варда	Биллингсгейт
Фабри, Рад'и, де Корнхилл, Варда	Лайм-стрит
Фори, Варда	Дешевые
Фроуик, Анр'де, Варда	Крипплгейт, внутри и снаружи
Хадесток, Симонис де, Варда	Квинхит
Хадесток, Вилли де, Варда	Башня
Горн, Йоханнис, Варда	Мост внутри
Лангеберн, Варда де	}
	} Лэнгборн
Винтон, Нич де, Уорд	}

Мелдеберн, Роберт де, де Коулманнстейт, Варда	}
	} Коулман-стрит
Коулманнстейт, Варда де	}
Норхэмптон, Йох'ис де, Варда	Олдгейт
Портсокен, приорис де Кристешче, экстра Алегат	Портсокен
Потер, Уолтер ле, Варда	Корнхилл
Тайлур, Ф'и ле, Варда	Бишопсгейт
Уолброк, Варда де	}
	} Уолбрук
Адриан, Джо, Уорд	}
Уэйлис, Хенр' ле, Уорд	Кордвейнер
Уинтон, Нич де, Уорд (см. Лэнгборн)	

РОТ. СТО", 3 ИЗД. I

Орден вардов

- Варда Петр де Эдельм'тон.
- Варда Фори.
- Варда Иоганн де Блактхорн.
- Варда Рад' Фабр'.
- Варда Иоганн де Норт.
- Варда Иоганн Хорн.
- Варда Уилл де Хадесток.
- Варда Иоганн Адриан [также называемый Варда де Вальброк].
- Портсокн.
- Вард Том де Бейсинг.
- Вард де Дуэгейт.
- Вард Вольмар де Эссекс.
- Уорд Хенр' де Ковент.
- Уорд Анкетини.
- Вард Пети Ауг.
- Вард Рад ле Блонд [также называемый Варда де Бассиешах].
- Вард Нич' де Винтон [также называемый Варда де Лангеберн].
- Вард Хенр' де Фровик.
- Вард Уолт ле Патер.
- Уорд Уилл де Динолл [также называемый Уордом Уиллом де Даремом].
- Уорд Ф' ле Тейлур.
- Уорд Роб' де Мальдеберн.
- Уорд Симон де Хадесток.
- Уорд Хенр' ле Уэйлис.
- Варда Петр Аунгер.

- Приор Портшокне де Кристчерич Экза Алегат.
 - Варда Йох'ис де Норхэмптон Лонд.
 - Варда Роберт де Мелдеберн де Коулманнэстейт.
 - Варда Уолтер' ле Патер Лонд'.
 - Варда Симон де Хадесток де Чивитат Лонд.
 - Варда Уилл де Дарем Лонд [также называемый Варда Уилл де Динолл].
 - Варда Волмер де Эссекс Лонд'.
 - Варда Йох'ис де Блэкторн Лонд'.
 - Варда де Валеброк Лондский [называется также Варда Иоганн Адриан].
 - Варда де Лангеберн в Лондоне [называемый также Варда Нич де Винтон].
 - Варда Анкетили ле Мерсир де Алв'ниа Лонд'.
 - Варда Том де Бейсинг Лонд.
 - Варда Фори.
 - Варда Хенр' де Ковинтро Лонд'.
 - Варда Ф'и ле Тайлур Лонд'.
 - Варда де Бассиешах [также называемый Варда Рад' ле Блонд].
 - Варда Рад'и Фабри де Корнхулл Лонд'.
 - Варда де Дунегейт Лонд'.
 - Варда Хенр' ле Вале Лонд'.
 - Варда Хенр' де Фроуик' Лонд'.
 - Варда Вилли де Хадесток.
 - Варда Йох'ис Хорн Лонд'.
 - Варда Петри де Эдельметон Лонд'.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК ОЛДЕРМЕНОВ

(Предположительно датируется ок. 1285-1286 гг.; из "Календаря завещаний", Pt. i. p. 702)

Ниже приводится копия самого раннего списка олдерменов Лондонского Сити, сохранившегося в архивах корпорации (Letter-Book A, fol. 116), вместе с названиями приходов, которые они соответственно представляли. Он не датирован, но есть все основания предполагать, что он был написан около 14 года Эдуарда Первого [1285-1286 гг. н. э.].

Nomina propria Wardarum Civitatis Londoniarum et nomina Aldermannorum

Варда Фори	Стефанус Асви
Варда де Лодгейт и Нойгейт	Виллельмус де Фарндон
Варда Кастри Бейнард	Рикардус Асви
Варда де Альдрейдсгейт	Виллельмус ле Мазенер

Варда де Бредстрат	Анкетин де Бетевиль
Варда де Рипа Регина	Симон де Хадесток
Варда Винетри	Йоханнес де Жизор
Варда де Дуэгат	Грегориус де Роксле
Варда де Вальброк	Томас Бокс
Варда де Колеманстрат	Йоханнес филиус Петри
Варда де Бассиешо	Радульфус ле Блаунд
Варда де Крепелгейт	Хенрикус де Фровик
Варда де Кэндлвистрат	Робертус де Басинг
Варда де Лангефорд	Николаус де Винтония
Варда де Кордеванерстрат	Хенрикус ле Вейлис
Варда де Корнхулл	Мартинус Бокс
Варда де Лимстрат	Робертус де Роксле
Варда де Биссопсгейт	Филипп ле Тейлур
Варда де Алегейт	Йоханнес де Норхэмптон
Варда де Турри	Виллельмус де Хадесток
Варда де Биллингсгейт	Вольмарус де Эссекс
Варда Понтис	Йосеус ле Ахатур
Варда де Лодингебери	Робертус де Аррас
Порсокне	Приор Санкте Тринитатис де Алегате

В ближайший вторник перед праздником святого Ботольфа [17 июня], анно 21 Эдуарда I [1293 г. н.э.], старшие люди каждого округа в присутствии сэра Джона ле Бретуна, начальника Лондона, избрали себе по олдермену, которых представили указанному начальнику, заявив, что все, что избранный таким образом олдермен совместно с начальником определит для управления городом и поддержания мира короля, они ратифицируют и примут без возражений.

Ниже приводятся имена олдерменов, представленных старосте от каждого прихода по этому случаю, и это самый ранний список, сохранившийся в архивах корпорации (Letter-Book C, fol. vi.).

- Warda Fori []
- Варда Ладгейт и Невгейт представляет Николая де Фарндона
- Варда де Олдридсгейт представляет Виллелмума ле Мазелинера
- Варда де Крепелгейт представляет Вальтерума де Финчингфеда
- Варда Кастри представляет Рикардума Асви
- Варда Рипе Регина представляет Виллелмума де Беттойна
- Варда де Бредстрат представляет Йоханнема ле Блаунда
- Варда де Кордеванерстрат представляет Энрикума ле Галейса
- Варда де Дуэгейт представляет Йоханнема де Банкеля
- Варда де Вальброк представляет Йоханнема де Данстапла

- Варда де Кандлвистрат представляет Робертума де Басинга
- Варда де Лангеберн представляет Адама де Роксле
- Варда де Бассишхоу представляет Радульфума ле Блаунда
- Варда де Корнхулл }
- modo vocatur Bradestrates } presentat Martinum Box
- Варда де Лотебери представляет Томама де Станеса
- Варда де Биссопесгейт представляет Хенрикум ле Боле
- Варда Туррис представляет Йоханнема де Кантуария
- Варда де Лимстрат представляет Робертума де Рокеля
- Варда де Алегат представляет Виллелмума де Херефорда
- Варда Порсокне представляет Priorem Sancte Trinitatis [†] (sic)
- Варда Винетри представляет Йоханнема де Гизорса
- Варда де Биллингсгейт представляет [].
- Варда Понтис Лондонский представляет Адама де Фолехема
- Варда де Коулманнэстрат представляет Элиама Рассела.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ОЛДЕРМЕНОВ, ЧЬИ ИМЕНА УКАЗАНЫ НА АКТАХ В ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ

(Из Liber Trinitatis)

	ФАМИЛИЯ.	ПРИХОД.	ДАТА.
A	Адриан	Всех Святых, Баркинг	1253
	Ричард Асви	Св. Бенет Вест	1290
	Питер Армигер	Св. Матфей Аутвих	1262
	Питер Ангер	Всех святых, Лондонская стена	1264
	Роб. де Арраз	Святой Барт Меньший	1286
B	Герваз Барн или Барум	Св. Олдгейт	1223 или 1314
	Адам Бейсинг	Сент-Панкрас, Сопер-Лейн	1257
	Питер Бландус	Св. Олава у Тауэра	1221-1248
	Мэтью Букерел	Святой Эдмунд, Ломбард-стрит	1270
	Роберт Бландус	Святой Клемент, Кэндлвик	1221-1248
	Джеймс Блант	Св. Бенет Финк	1221-1248
	Стивен Букерель	Святой Албан, Вуд-стрит	1250
	Эндрю Букерел	Св. Мария Олдерманбери	(? 13 в.)
	Герваз Кордеван, Кордуэйнер	Святая Троица	1237
C	Тос Крос	Святой Андрей Хаббард	1293

	Барт де Капелл	Святой Джайлс, Крипплгейт	1270	
	Хью Кабур	Св. Михаил Бассишоу	1221	
D	Тос де Дарем	Всех Святых, Фенчерч	(? 13 в.)	
	Томас де Дантон	Святой Клемент, Кэндлвик-стрит.	1221	
E	Эдмунд	Св. Андрей Ундершафт	1147-1167	
F	Николя де Фарндон	Святой Матфей, Пятница Св.	1302-1303	
	Алекс. Феррун	Святая Мария Вулчерч	1253-1255	
	Алекс ле Ферн	Св. Иоанн, Уолбрук	1248-1291	
	Гилберт Фулк	}		
	Фиц Фулк	}	Сент-Кэт. Олдгейт	1221-1248
	Уилл. Фитц Бене	Св. Бенет Шерехог	1221-1248	
	Тос Фитц Томас	Св. Мария Колеч.	1220-1221	
	Джош. Фитц Питер	Св. Гроба Господня	1221	
	Рич. Фитц Роджер	Св. Бене'т Грейсчерч	1221	
	Рич. Фитц Уолтер	Всех Святых, Коулман Ст.	1221-1248	
	(?) Гилберт Фиц Фиск	Всех Святых, Коулман Ст.	1221-1248	
	Мартин Фиц Элис	Сент-Мич, Патерностер	1218, 1219	
	Саймон Фитц Мэри	Сент-Джон, Уолбрук	1248	
G	Анкетен де Жизорс	Св. Кат., Олдгейт	1313-1314	
	Джеффри	Святой Михаил, Корнхилл	1170-1189	
	Джон де Гизорс	Святой Михаил, Патерностер	1266-1268	
	Стивен ле Грас	Св. Бот., Олдгейт	1221-1248	
H	Роб. Хардел	Св. Бенет Финк	1251	
	Джон Ханин (заместитель олдермена)	...	1230	
	Уилл де Хэдсток	Весь зал. Стейнинг	1277-1278	
	Генри де Сент-Элен	Св. Ботольф, Бишопсгейт	1187-1221	
	Уилл де Херефорд	Святой Олав у Тауэра	1285	
	Герберт	Сент-Олав у Тауэра	1221-1248	
	Уилл де Хаверхилл	Сент-Албан, Вуд-Сент.	1203	
J	Джермес	Св. Мартин Оргар	1182-1221	
	Джос Джунье	Святая Мария Абчерч	1221-1248	
L	Люмигус	Всех Святых, Баркинг	1189-1221	
	Уолтер де Лисл	Святой Мартин, Аутвич	? Генрих III	
M	Мэтью	Сент-Дунстанс Ист	1182-1221	

N	Джон де Нортгемптон	Святая Мария Экс	1260-1264
P	Уолтер Потер	Святой Михаил, Корнхилл	1271-1272
R	Рич. Ренгер	Святая Маргарита Брайдс	1223-1226
	Грегори де Роксли	Святой Михаил, Патерностер	1275
S	Джон Сперлинг	Святой Леонард, Истчип	1221-1248
	Ральф Сперлинг	Сент-Леонард, Истчип	1243
T	Майкл Тови	Святой Бенет Финк	1251-1252
	Томас Тидмар	Святая Мария, Абчерч	1269
	Арнольд Тидмар	Святой Эдмунд, Грейсч. St.	1269
V	Джон Вайел	Святой Николай, аббатство Коул	1221-1248
	Сэр Джон Витал	Святой Николай, аббатство Коул	1221-1248
W	Николас де Винтон	Святой Эдмунд, Ломбард- Сент.	1225
	Джеффри де Винтон	Святой Мартин, Оргар	1258
	Томас де Уимбурн	Святой Ботольф, Олдгейт	1256-1257
	Рич. де Уолброк	Св. Михаил, Бассишоу	1262-1263

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СПИСОК ПРИХОДОВ

- Оллхоллоуз Баркинг, Грейт-Тауэр-стрит.
- Все Халлоу, Хлебная улица (церкви нет), объединен с Сент-Мэри-ле-Боу.
- Оллхоллоу, Великий и Малый, Верхняя Темз-стрит.
- Оллхоллоуз, Хони-лейн (без церкви), объединен с Сент-Мэри-ле-Боу.
- Оллхоллоу, Ломбард-стрит.
- Оллхоллоуз, Лондонская стена.
- Оллхоллоуз-Стейнинг (церкви нет), объединен со святым Олавом, Харт-стрит.
- Церковь Христа, Ньюгейт-стрит, с церковью Святого Леонарда, Фостер-лейн.
- Святая Троица Меньшая, объединенная со Святым Джеймсом, Гарликхит.
- Святой Албан, Вуд-стрит, со святым Олавом, Силвер-стрит.
- Святой Альфаж, Лондонская стена.
- Св. Андрей Хаббард (церкви нет), объединен со св. Марией-ат-Хилл.
- Св. Андрей Ундершафт, Св. Мария Экс.
- Св. Эндрю у Гардероба, Св. Эндрюс-Хилл, Квин-Виктория-стрит, с Св. Анной, Блэкфрайерс.
- Святая Анна, Блэкфрайерс, объединенная со Святым Андреем у Гардероба.

- Святой Анны и Святой Агнессы, Грешем-стрит, со святым Иоанном Захарием.
- Святой Антолин, объединенный со святой Марией Олдермари.
- Святой Августин, иначе Остин, Олд Мендж, с собором Святого Веры под собором Святого Павла.
- Святой Варфоломей, Биржа, объединенный со святой Маргаритой, Лотбери.
- Св. Варфоломей Великий, Вест-Смитфилд.
- Св. Варфоломей Меньший, больница Св. Варфоломея.
- Св. Варфоломея, Мур-Лейн.
- Святой Бенет Финк, объединенный со святым Петром-ле-Пуром, Олд-Брод-стрит.
- Св. Бенет, Грейсчерч-стрит (церкви нет), объединен с Оллхоллоуз, Ломбард-стрит.
- Святой Бенет, Полс-Уорф, Верхняя Темза-стрит, с Святым Петром, Полс-Уорф, объединен с аббатством Святого Николая Коула.
- Святой Бенет Шерехог, объединенный со святым Стефаном, Уолбрук.
- Святой Ботольф, Олдгейт.
- Святой Ботольф, Биллингсгейт, объединенный со святым Георгием, Ботолф-Лейн.
- Святой Ботольф без, Олдерсгейт-стрит.
- Св. Ботольф без, Бишопсгейт, Бишопсгейт-стрит без.
- Святая Бриджит, иначе Святая Невеста, Флит-стрит.
- Святой Кристофер-ле-Сток, объединенный со святой Маргаритой, Лотбери.
- Святой Клемент, Истчип, вместе со святым Мартином Оргаром.
- Святой Дионис Бэкчерч, Фенчерч-стрит, объединенный с Оллхоллоуз, Ломбард-стрит, Святой Бенет, Грейсчерч-стрит, и Святой Леонард, Истчип.
- Святой Дунстан на Востоке, холм Святого Дунстана, Гт. Тауэр-стрит.
- Святой Дунстан на западе, Флит-стрит.
- Святой Эдмунд Король и Мученик со святым Николаем Аконом, Ломбард-стрит.
- Святой Этельбурги, Бишопсгейт-стрит внутри.
- Святой Фейт под собором Святого Павла, объединенный со святым Августином, Олд Менендж.
- Святой Гавриил, Фенчерч, объединенный со святой Маргаритой Паттенс.
- Св. Георгия, Ботолф-Лейн, с Св. Ботолфом, Биллингсгейт.
- Св. Джайлс без, Крипплгейт, Форе-стрит.
- Святой Григорий у Святого Павла, объединенный со Святой Марией Магдалиной, Олд Фиш Стрит, и Святым Мартином, Ладгейт.
- Святой Елены, Грейт-Сент-Хеленс, с Сент-Мартином Аутвичем.
- Святой Джеймс, Олдгейт, объединенный со святой Кэтрин Кри, Лиденхолл-стрит.
- Святой Иаков, Гарликхит, со святым Михаилом, Куинхит, и Святой Троицей Меньшей.
- Святой Иоанн Креститель, на Уолбруке, объединенный со Святой Марией, Олдермари.
- Св. Иоанн Евангелист (церкви нет), объединен со св. Мэри-ле-Боу, Чипсайд.

- Св. Иоанн Захарий, объединенный со Святой Анной и Святой Агнессой.
- Святая Катерина Коулман, Фенчерч-стрит.
- Святая Кэтрин Кри, Лиденхолл-стрит, с Сент-Джеймсом, Олдгейт.
- Святой Лоуренс Паунтни, объединенный со Святой Марией, Эбчерч.
- Святой Лаврентий Еврейский, Грешем-стрит, с церковью Святой Марии Магдалины, Милк-стрит.
- Св. Леонард, Истчип, объединенный с Оллхоллоу, Ломбард-стрит.
- Св. Леонард, Фостер-лейн (церкви нет), объединен с церковью Христа, Ньюгейт-стрит. Святой Магнус-мученик, Нижняя Темза-стрит, с
- Святой Маргаритой, Нью-Фиш-стрит, и Святым Михаилом, Крукед-лейн.
- Святая Маргарита, Лотбери, со святым Кристофером-ле-Сток; святым Варфоломеем у Биржи; святым Олавом, Олд Джури; святым Марином, Померой; святой Милдред Девой, Птицелов, и святой Марией Коулчерч.
- Святая Маргарита Мозес, объединенная со Святой Милдред, Хлебная улица.
- Святая Маргарита, Нью-Фиш-стрит, объединенная со святым Магнусом Мучеником, Нижняя Темза-стрит.
- Святая Маргарита Паттенс, Руд-Лейн, объединенная со святым Гавриилом, Фенчерч.
- Святой Мартин, Ладгейт, объединенный со святой Марией Магдалиной, Олд-Фиш-стрит, и святым Григорием у Святого Павла.
- Святой Мартин Оргар, объединенный со святым Климентом, Истчип.
- Святой Мартин Аутвич, объединенный со Святой Еленой, Грейт-Сент-Эленс.
- Св. Мартин Померой, объединенный со св. Маргаритой, Лотбери.
- Святой Мартин Винтри, объединенный со святым Михаилом, Патерностер Ройал.
- Святая Мария Абчерч, Абчерч-Лейн, объединенная со святым Лоуренсом Паунтни.
- Святая Мария Олдермари, Боу-Лейн, со святым Антолином, святым Иоанном Крестителем и святым Фомой Апостолом.
- Святая Мария-ат-Хилл, Истчип, со святым Андреем Хаббардом.
- Святая Мария Ботау, объединенная со святым Свитином, Лондон Стоун, Кэннон-стрит.
- Святая Мария Коулчерч, объединенная со святой Маргаритой Лотбери.
- Сент-Мэри-ле-Боу, Чипсайд, с Сент-Панкрасом, Сопер-Лейн, Олл-Холлоуз, Хани-Лейн, Олл-Холлоуз, Бред-стрит и Сент-Джон Евангелист.
- Святой Марии Магдалины со святым Григорием, святым Павлом и святым Марином, Ладгейт.
- Святая Мария Магдалина, Милк-стрит, объединенная со святым Лоуренсом Джури.
- Святая Мария Маунтхоу и Святая Мария Сомерсет, объединенные с аббатством Святого Николая Коул.
- Святая Мария Стейнинг, объединенная со Святым Михаилом, Вуд-стрит.
- Святая Мария Дева, Олдерманбери.

- Святая Мария Вулнот и Святая Мария Вулчерч Хоу, объединенные, Ломбард-стрит.
- Святой Матфей, Пятничная улица, со святым Петром, Уэстчеп, объединенный со святым Ведастом, Фостер-Лейн.
- Святой Михаил Бассишоу, Бейсингхолл-стрит.
- Святой Михаил, Корнхилл.
- Святой Михаил, Крукед-Лейн, объединенный со святым Магнусом Мучеником, Лондонский мост.
- Святой Михаил, Патерностер Ройал, и святой Мартин Винтри, Колледж Хилл, с Олхоллоу, Великий и Малый.
- Святой Михаил, Квинхит, Верхняя Темза-стрит, объединенный со святым Иаковом, Гарликхит.
- Святой Михаил ле Кверн, объединенный со святым Ведастом, Фостер-Лейн.
- Святая Милдред, Хлебная улица, объединенная со святой Маргаритой Мозес.
- Святая Милдред Дева, Палтри, объединенная со святой Маргаритой, Лотбери.
- Святой Николай Акон, объединенный со святым Эдмундом Королем и Мучеником.
- Святой Николай Коул Эбби и Святой Николай Олейв (объединенный), улица Королевы Виктории, со Святой Марией Сомерсет; Святой Марией Маунтхоу; Святым Бенетом, пристань Пола, и Святым Петром, пристань Пола.
- Св. Олава, Харт-стрит, с Олл-Холлоуз-Стейнинг.
- Святой Олав, Олд Джури, объединенный со Святой Маргаритой, Лотбери.
- Святой Олав, Сильвер-стрит, объединенный со святым Албаном, Вуд-стрит.
- Святой Панкрас, Сопер-лейн (церкви нет), объединен с Сент-Мэри-ле-Боу.
- Святой Петр, Корнхилл.
- Св. Петр, Полс-Уорф, с Св. Бенет, Полс-Уорф, объединенный с аббатством Св. Николая Коула и др.
- Св. Петр-ле-Пур, Олд-Брод-стрит, с Св. Бенет-Финк.
- Святой Петр ад Винкула.
- Святой Петр, Уэстчип, объединенный со святым Ведастом, Фостер-Лейн.
- Св. Гроба Господня, Холборнский виадук.
- Святой Стефан, Коулмен-стрит.
- Святой Стефан, Уолбрук, вместе со святым Бенетом Шерехогом.
- Святой Свитин, Лондонский камень, Кэннон-стрит, со святой Марией Ботау.
- Св. Фомы Апостола (церкви нет), объединена со св. Марией Олдермари.
- Св. Ведаст, он же Фостер, Фостер-лейн, со св. Михаилом ле Кверном, св. Матфеем, Пятничная улица, и св. Петром, Уэстчип.
- Уайтфрайерс (участок), объединенный со Святой Троицей, Грейт-Нью-стрит.

Следующие названия городских бенефиций взяты из Liber Custumarum, pp. 228-230 (Riley, 1859):-.

[Nomina Beneficiorum Londoniarum].

Санкти Андреаэ супер Корнхулл - Санкти Андреаэ де Холеборн - Санкти Андреаэ де Кастро Байнарди - Санкти Андреаэ Хуберт - Санкти Антоний - Санкти Августини ад Портам - Санкти

Августини Папай - Санкти Альфеги - Санкти Аудоени - Санкти Альбани-Санкти Ательбурги-Санкти Агнетис-Санкти Ботульфи экстра Биссхопсгейт-Санкти Ботульфи апуд Биллингсгейт-Санкти Ботульфи де Алегате-Санкти Ботульфи де Альдресгате-Санкти Бенедикти ад Рипам Санкти Паули-Санкти Бенедикти де Гарширхе-Санкти Бенедикти Финке-Санкти Бенедикти Шорхогге-Санкти Варфоломей Парви-Санкти Бригидае-Санкти Варфоломей Магнус де Сметефельде-Капелла Беати Фома Мученик супер Понтема-Санкти Клементис де Эстхепе-Капелла Episcopi juxta Sanctum Paulum-Capellanus Domini Archidiaconi-Sancti Dunstani de Weste-Sancti Dunstani apud Turrim-Sancti Dionysii-Duo Capellani in Ecclesia Sancti Pauli-Sancti Egidii extra Crepelgate-Sancti Edmundi de Graschirche-Sanctae Fidis in Cryptis Sancti Pauli-Sancti Gregorii juxta Sanctum Paulum-Sancti Georgii de Estchepe-Sanctae Helenae-Hospitalis Beatae Mariae extra Bisschopesgate-Sancti Johannis Zakariae-Sancti Jacobi de Garlechethe-Sancti Johannis de Вальброк - Санкти Катерина Тринитатис - Санкти Лаврентий в Кандельвикстрете - Санкти Леонарди в Венелле Санкти Ведасти - Санкти Лаврентий в Иудаизме - Санкти Леонарди де Эстшепе - Санкти Леонарди де Шордиче - Санкти Михаэлис в Форо ад Бладум - Санкти Михаэлис ад Рипам Регине - Санкти Михаэлис де Вудестрете - Санкти Михаэлис де Бассиешо - Санкти Михаэлис де Корнхулле - Санкти Михаэлис де Крокеделан - Санкти Михаэлис де Патерностерширхе - Санкти Мария де Олдерманнебири-Санктаэ Марияэ Волноте-Санктаэ Марияэ де Экс-Санктаэ Марияэ Аббечирче-Санктаэ Марияэ Волчирчау-Санктаэ Марияэ Сомерсет-Санктаэ Марияэ Монтенхаут-Санктаэ Марияэ Станнинглейн-Санктаэ Марияэ де Колчирче.-Sanctae Mariae atte Hille-Sanctae Mariae de Arcubus-Sanctae Mariae de Eldemariechirche-Sanctae Mariae de Bothawe-Sanctae Mariae de Iseldone-Sanctae Mariae Magdalenae de Veteri Piscaria-Sanctae Margaretae ad Pontem-Sanctae Margaretae de Lodebiri-Sanctae Margaretae Patines-Sanctae Margaretae Moysy de Fridaystrete-Sancta Mildreda in Poletria, cum Capella de Conehop-Sancta Mildreda in Bredstrate-Sancti Martini Orgar in Candelwikstrete-Sancti Martini de Ludgate-Sancti Martini in Vinetria-Sancti Martini de Pomerio-Sancti Martini Otheswike-Sancti Matthaei in Fridaystrete-Sancti Magni ad Pontem-Sancti Michaelis extra Sanctae Trinitatis-Sancti Николай Альдретегейт ад Мацеллас-Санкти Николай Колдабби-Санкти Николай Хакун-Санкти Николай Олоф-Новум Темплум-Экклесия Омниум Санкторум де Фенчирхе-Омниум Санкторум де Колманнечирхе-Омниум Санкторум де Беркингчирхе-Омниум Санкторум де Хонилане-Омниум Санкторум ад Фенум-Омниум Sanctorum super Cellarium-Omnium Sanctorum de Bredstrete-Omnium Sanctorum de Garschirche-Omnium Sanctorum de Staningchirche-Sancti Olavi in Judaeismo-Sancti Olavi juxta Turrim-Sancti Olavi de Mocwelle-Omnium Sanctorum ad Murum-Sancti Petri de Bredstrete-Sancti Petri supra Tamisiam-Sancti Petri de Cornhulle-Sancti Petri in Foro de Westchep de Wodestrete-Sancti Pancratii-Sancti Stephani de Colemanneestrete-Sancti Swithini-Sancti Sepulchri-Sacrista Sancti Pauli-Servientes Capituli-Sancti Thomae Apostoli-Sanctae Trinitatis Parvae-Sancti Vedasti-Sanctae Wereburgae-Sancti Christophori.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПАТРОНАЖ ГОРОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ

О патронаже лондонских церквей в тринадцатом и четырнадцатом веках рассказывает летописец Арнольд.

Декан и капитул собора Святого Павла имели в своем дару девятнадцать лондонских бенефиций. Архиепископ Кентерберийский имел семь.

- Приор Святой Троицы - шесть.
 - Декан Сент-Мартинс-ле-Гранд }
 - Епископ Лондонский }
 - Приор Сент-Мэри Овери - по пять.
 - Аббат Вестминстерский }
 - Настоятельница монастыря Святой Елены }
 - Король }
 - Аббат Бермондси } четыре.
 - Настоятель церкви Христа, Кентербери }
 - Магистр Лоренс Паунтни }
 - Аббат из Баркинга } 2.
 - Аббат Тауэр-Хилл }
 - Настоятель церкви Святого Варфоломея }
 - Мэр и олдермены } два.
 - Настоятель Ботли, Саффолк }
 - Епископ Эксетера, один.
 - Епископ Херефорда, один.
 - Епископ Вустера, один.
 - Аббат Алнвикский, один.
 - Аббат Ившема, один.
 - Аббат Глостера, один.
 - Аббат Колчестера, один.
 - Аббат Мальмсбери, один.
 - Аббат Винчестера, один.
 - Аббат белых монахов, один.
 - Настоятель Августинских монахов, один.
 - Настоятельница Клеркенвелла, один.
 - Приор Элсинг-Спиталя, один.
 - Магистр Святого Антония, один.
 - Проректор Итона, один.
 - Магистр Сент-Томас Акон, один.
 - Магистр Баллиол-колледжа, Оксфорд, один.
 - Лондонский архидиакон, один.
 - Герцог Саффолк, один.
 - Граф Шрусбери, один.
 - Компания Гвинов, один.
 - Компания мерсеров, 1.
 - Компания "Мерчант Тейлорс", один.
 - Мистер Пейдж из Дартфорда, один.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Глоссарий праздников", опубликованный в Liber Custumarum, прольет свет на религиозную жизнь Лондона. Для удобства за алфавитной таблицей следует годовая таблица.

Adventus Domini. Адвент Господа нашего; четыре недели, предшествующие Рождеству, которые Церковь посвящает подготовке к приходу Христа.

Альмес. Праздник всех душ, 2 ноября.

Andreae Apostoli, Festum Sancti. Праздник святого апостола Андрея Первозванного, 30 ноября.

Ascensio Domini. Вознесение Господне. Передвижной праздник, совершаемый в четверг на Rogation week, следующей за неделей Пятидесятницы, или Неделей Вайтсун.

Варнавы Апостолы, Festum Sancti. Праздник святого апостола Варнавы, 11 июня.

Варфоломеевские апостолы, Festum Sancti. Праздник святого апостола Варфоломея, 24 августа.

Benedicti, Translatio Sancti. Перевод святого Бенедикта, 11 июля.

Carnilevaria. Последний день карнавала или сезона, предшествующего Великому посту. Масленичный вторник.

Carniprivium. Начало Великого поста.

Chaundelour, Chaundeloure, Chaundelure. Кандлемас; Сретение Девы Марии, 2 февраля. См. Mariae, Purificatio Sanctae.

Circumcisionis Domini Festum. Праздник Обрезания Господня, 1 января.

Clausum Paschae. Близость Пасхи или воскресенье после Пасхи.

Clementis, Festum Sancti. Праздник святого Климента, 23 ноября.

Crucis Sanctae Exaltatio. Воздвижение Святого Креста, 14 сентября. Этот праздник посвящен воздвижению Креста, на котором пострадал наш Спаситель, после его изобретения или открытия святой Еленой, 307 или 325 г. н.э.

Dies Sabbati. День субботний, суббота.

Dunstani, Festum Sancti. Праздник святого Дунстана, 19 мая.

Edmond, le jour Seint; Edmundi Regis, Festum Sancti. Праздник святого Эдмунда, короля, 20 ноября.

Edwardi Regis et Confessoris, Translatio Sancti. Перевод святого Эдуарда, короля и исповедника, 13 октября.

Eriphania Domini. Богоявление, или Явление, Господа нашего, 6 января. См. Тифейн.

Gregorii Papae, Festum (Dies) Sancti. Праздник святого Григория, папы Римского, 12 марта.

Hillarie, la Sent; Hillere, la Seint; Hillarii, Festum Sancti. Праздник святого Иллария, 13 января.

Ипполити Мученик, Natale Sancti. Рождество святого Ипполита, мученика, 13 и 22 августа; было два мученика с таким именем.

Indictio. Год индиктиона; назван так по эдиктам римских императоров; так как один такой эдикт должен был появляться каждые пятнадцать лет, то годы отсчитывались по расстоянию от последнего индикта. Этот способ отсчета использовался, в частности, в Риме со времен Никейского собора (325 г. н.э.), но в Англии был введен еще при короле Эдгаре.

Innocentium Dies (Festum) Sanctorum. Праздник Святых Иннокентиев, день Чайлдермаса, 28 декабря.

Jacobi Apostoli, Festum Sancti. Праздник святого апостола Иакова, 25 июля.

Johan, la Feste Seint: Johannis Baptistae Nativitas. Рождество святого Иоанна Крестителя, день святого Иоанна, 24 июня.

Johannis Baptistae, Decollatio Sancti. Деколляция святого Иоанна Крестителя, 29 августа.

Kalendarum Maii Caput. Начало (или 18-е число) майских календ, 14 апреля.

Lucae Evangelistae Festum; Lucie, la Feste Seinte. Праздник святого Луки, евангелиста; 18 октября по римскому календарю, 13 октября по карфагенскому.

Marci Evangelistae, Festum Sancti. Праздник святого Марка, евангелиста, 25 апреля.

Margaretae, Festum Sanctae. Праздник святой Маргариты, 20 июля.

Mariae, Festum Sanctae. Праздник (Рождества) святой Марии, 8 сентября.

Mariae, Festum Annuntiationis Beatae. Праздник Благовещения Пресвятой Девы Марии, Женский день, 25 марта. См. Nostre Dame.

Mariae, Purificatio Sanctae (или Beatae). Сретение Святой Марии, или Кандлемас, 2 февраля. См. Chaundelour.

Mariae Virginis, Festum Assumptionis Beatae. Праздник Успения, или вознесения на небо, Пресвятой Девы Марии, 15 августа.

Mariae Magdalene, Festum Sanctae (или Beatae). Праздник святой Марии Магдалины, 22 июля.

Martin, la Feste Seint; Martini, Festum Sancti. Праздник святого Мартина, или Мартинмас, 11 ноября.

Matthiae Apostoli, Festum Sancti. Праздник святого апостола Матфея, 24 февраля.

Michaelis, Festum Sancti. Праздник святого Михаила, или Михайловы дни, 29 сентября (*passim*).

Michel, les Utaves de Seint. Октавы святого Михаила; через неделю после Михайловских праздников. См. Octabae.

Natale Domini. Рождество Господа нашего, день Рождества, 25 декабря.

Nostre Dame (Daume) en Quarenne. (Праздник) Богоматери в Великий пост; Женский день, или праздник Благовещения. См. Mariae, Festum Annuntiationis.

Новел. Рождество.

Octabae. Октава, или октавы. Восьмой день после праздника включительно, иными словами, неделя этого дня. Считается, что празднование октавы возникло в связи с тем, что первые христиане отмечали свои праздники в течение восьми дней, но последний из этих дней был самым торжественным, на основании Левит, xxiii. 36. Октава - американское название октавы.

Omnium Sanctorum Festum. Праздник Всех святых, или Всех святых, 1 ноября.

Пасха; паск. Пасха.

Passionis Festum. Праздник Страстей. Период между пятым воскресеньем Великого поста и Пасхальным воскресеньем. Со времен Реформации термин "Страстная неделя" применяется исключительно к последней неделе Великого поста.

Pauli, Conversio Sancti. Обращение святого Павла, 25 января.

Pentecoste; Pentecouste. Пятидесятница, или Белокуриха.

Perpetuae et Felicitatis, Festum Sanctarum. Праздник святых Перпетуи и Фелицитаты, 7 марта. Считается, что эти святые приняли мученическую смерть в царствование императора Валериана.

Petri ad Vincula, Festum Sancti. Праздник цепей святого Петра, или святого Петра в тюрьме, 1 августа.

Petri in Cathedra, Festum Sancti. Праздник кафедры святого Петра; в память об основании им Антиохийской кафедры, 22 февраля.

Petri et Pauli, Festum Apostolorum. Праздник апостолов Петра и Павла, 29 июня.

Филиппы и Якобы, Праздник Апостолов (Philippi et Jacobi, Festum Apostolorum). Праздник апостолов Филиппа и Иакова, 1 мая.

Квадрагезима; Кварем. Квадрагесима, или Великий пост, сорокадневный пост перед Пасхой.

Рамис Пальмарум, Доминикана. Вербное воскресенье, первое воскресенье перед Пасхой.

Simonis et Judae, Festum Apostolorum. Праздник апостолов Симона и Иуды, 28 октября.

Свитини, Dies Sancti. День (преставления) святого Свитуна, или Свитина, 2 июля.

Swithini, Translatio Beati; Swythan, la Feste Seint. Праздник перевода святого Свитина, 15 июля.

Symonis et Judae, Festum Apostolorum. См. Simonis et Judae, Festum.

Thomae Apostoli, Festum Sancti. Праздник святого апостола Фомы, 21 декабря.

Thomae Martyris, Festum Beati; Thomae Martyris, Translatio Sancti. Перевод святого мученика Фомы, 7 июля. Страсти святого Фомы Кентерберийского были 29 декабря; неясно, что имеется в виду в первую очередь - он или его Перевод.

Тифейн. Богоявление, 16 января; искажение *от Феофании*, Богоявления. Но в греческой церкви слова θεοφάνεια и ἐπιφάνεια использовались как синонимичные выражения для обозначения дня Рождества Спасителя. См. "Тезаурус" Суицера, i. p. 1200, и "Мед. календарь" Хэмпсона. Ævi Kalendar ii. s.v. Eiphanía и Theophanía.

Trinitatis, Festum Sanctae; Trinite, Feste de la; Jour de la. Праздник Троицы, воскресенье после Пятидесятницы или Белой недели.

Trinitatis Sanctae Octabae. Октава Святой Троицы; воскресенье после Троицкого воскресенья.

Valentini, Festum Sancti. Праздник святого Валентина. Вероятно, он отмечался 14 февраля; но были и другие праздники в честь людей с таким именем: 16 апреля, 16 июля, 13 ноября, 9 и 16 декабря.

Vincentii Martyris, Festum Sancti. Праздник святого Винсента, мученика, 22 января.

(Liber Custumarum, Riley, vol. ii. pt. ii. pp. 841-844.)

- 1 января. Обрезание.
- " 13. Святой Иларий.
- " 16. Богоявление.
- " 22. Святой Винсент.
- " 25. Обращение святого Павла.
- 2 февраля. Свеча. Очищение Б. В.М.
- " 14. Святой Валентин.
- " 22. Petri in Cathedra Festum.
- " 24. Святой Матфей.
- Февраль или март. Масленичный вторник и Карнипривиум.
- 7 марта. Святые Перпетуя и Фелицитас.
- " 12. Св. Григорий.
- " 25. Благовещение.
- " 25. Благовещение.
- Март или апрель. Пасха. Воскресенье после Пасхи (*Clausum Paschae*).
- 25 апреля. Святой Марк.
- 1 мая. Святые Филипп и Иаков.
- " 19. Святой Дунстан.
- " 19. Святой Дунстан.
- Май или июнь. День Вознесения. Неделя Уитсун. Троицкое воскресенье.
- 11 июня. Святой Варнава.
- " 24. Св. Иоанн Креститель.
- " 29. СВ. Петр и Павел.
- 2 июля. Святой Свитин.
- " 7. Святой Фома Мученик.

- " 11. Святой Бенедикт.
 - " 15. Перевод святого Свитина.
 - " 22. Святая Мария Магдалина.
 - " 22. Святая Маргарита.
 - " 25. Святой Иаков Апостол.
 - 1 августа. Святой Петр в Винкуле.
 - " 13, 22. Святой Ипполит.
 - " 15. Успенский Б. В.М.
 - " 24. Святой Варфоломей.
 - " 29. Усекновение главы св. Иоанна Крестителя.
 - 8 сентября. Рождество Б. В.М.
 - " 14. Воздвижение Креста.
 - " 29. Святой Михаил.
 - 13 октября. Перевод Эдуарда Исповедника.
 - " 18. Святой Лука.
 - " 28. СС. Симон и Иуда.
 - 1 ноября. Allhallows.
 - " 11. Св. Мартин.
 - " 20. Святой Эдмунд.
 - " 23. Святой Климент.
 - 21 декабря. Святой Фома.
 - " 25. День Рождества.
 - " 28. Чилдермас.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

КЕЛЬЯ АНКОРИТА²²

"Вскоре после начала нынешних работ в стене алтаря, прямо у поворота апсиды с северной стороны, было обнаружено странное отверстие. Оно около 4 футов в высоту и 20 дюймов в ширину. В нем нет каменной кладки. В кремневой стене пробито прямоугольное отверстие, стороны которого оштукатурены и представляют собой нечто вроде гладкой поверхности. Дверь не предусмотрена и не обозначена. Трудно было определить причину, по которой было проделано это отверстие. Тем не менее, можно было с уверенностью сказать, что какая-то причина для этого была. Как ни груб он, но в нем достаточно тщательности, чтобы понять, что это не одно из тех отверстий, которые иногда оставляют в стенах зданий для удобства вноса вещей во время строительства и заделывают по окончании работ. Кроме того, он слишком мал для такого использования. Было высказано предположение, что его могли сделать для того, чтобы вносить гроб на похоронах. Но и для этого он слишком мал: нужно показать, зачем людям нужно было проламывать стену, чтобы занести гроб, если гораздо проще занести его через дверь. Тогда предположили, что оно могло принадлежать какой-то вымершей печи для обогрева церкви; но ни положение, ни форма отверстия не

казались подходящими для такого использования. Оно слишком маленькое, чтобы быть входом в ризницу, хотя расположение вполне подходящее; и, конечно, в нем должна была быть дверь, если бы оно предназначалось для этого. Однако если отверстие имело более чем временное назначение, оно должно было вести в какую-то камеру снаружи, поскольку церковь не могла бы использоваться, если бы была открыта для непогоды.

Несколько месяцев назад на это место был брошен дополнительный свет, когда с внешней стороны стены был содран слой современного цемента. Затем было обнаружено второе отверстие, примерно такого же размера, как и первое, но прорезанное лишь частично в стене. Оно оштукатурено изнутри глиной и было заполнено кремнями и глиной. Чуть выше этих отверстий, к востоку и западу от них, соответственно, находятся два небольших отверстия, в которые, возможно, вставлялись концы бревен. Они также были засыпаны глиной. Прилагаемая иллюстрация объясняет работу лучше, чем любое описание.

Похоже, что к стене церкви когда-то была пристроена небольшая деревянная хижина. Небольшие отверстия дают представление о ее длине с востока на запад - около восьми футов внутри, а также, возможно, о ее наибольшей высоте - около шести футов. Но последняя и ширина с севера на юг неясны, так как не видно, какой формы была крыша, а если и был когда-то фундамент, то сейчас его не найти. Стены, вероятно, были сложены из жеребца и глины, а крыша - из соломы.

Вряд ли это место могло быть чем-то иным, кроме как логовом анкера. И, несомненно, оно было одним из наименее удобных. Примечательно, что их удалось обнаружить так мало, ведь когда-то число анкеров в Англии должно было быть значительным. О них много написано во втором томе нового издания "Готической архитектуры" мистера Блоксама, и мистер Блоксам отнес бы к анкерам большинство жилых помещений, пристроенных к церквям, над ризницами и папертями и в других местах. Очень вероятно, что некоторые из них использовались анкерами более легкого сорта: но я думаю, что большее количество занимали светские клерки и капелланы, а местом анкера была хижина, построенная снаружи у стены, под карнизом церкви, как сказано в "*Ancren Riwle*" тринадцатого века, которая рассказывает нам об анкерах больше, чем любая другая известная мне книга.

Келья располагалась таким образом, что анкеру не нужно было покидать ее ни для поклонения, ни по какой-либо другой причине. В ней имелось окно, через которое он мог участвовать в богослужении у алтаря, а иногда и принимать причастие. А еще одно окно или люк выходило наружу, через него можно было получать необходимые вещи и общаться с посетителями или слугами. Окно или косой глазок часто встречается в палате над ризницей в сторону главного алтаря, а иногда и в палате на паперти: но, находясь на верхних этажах, они не могли иметь другого окна, поэтому я считаю, что большинство из них не были анкерхолдами. Хотя, поскольку степень строгости сильно варьировалась и, похоже, по большей части устанавливалась только самим анкером, возможно, что некоторые из них использовались именно так. Анкер самого строгого рода был *inclusus* - навсегда заперт в своей келье, куда он входил с разрешения и благословения епископа. Такой человек вряд ли мог обитать в верхней камере. Был ли наш Бенгео Анкер инклюзом или нет, точно неизвестно. Вход в его келью не имел двери, но, возможно, был заблокирован, и его перекрывала косая щель или петля в сторону алтаря. Если он был открыт, то через него должна была быть перекинута занавеска, возможно, черная ткань с белым крестом, как в *Ривле*, которую приказано было повесить на окно "гостиной".

Углубление в церковной стене к западу от дверного проема - это место для сидения и, возможно, для сна. А его кости, возможно, лежат внизу, поскольку, похоже, у анкеров был обычай готовить себе могилы в своих кельях".

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

МОНАСТЫРСКИЕ ДОМА

Список религиозных домов и приходских церквей

Религиозные дома и церкви города и его пригородов, существовавшие в пятнадцатом веке, перечислены в "Хронике Арнольда". Арнольд, живший и писавший в конце пятнадцатого века, принадлежит к средневековому Лондону, чего не скажешь о Стоу, писавшем сто лет спустя. Поэтому мы возьмем из списка Арнольда в качестве руководства для этого исследования Средневекового Лондона те церкви и церковные фонды, которые он считает особенно принадлежащими Лондону. Здесь используется его собственная орфография.

- Граунт Сейнт Мартин
- Крист-Чирч
- Дом Шартура
- Эльсингшпитель
- Приорат Сейнт-Барту
- Шпитель Сейнт-Барту
- Сейнт Том из Акры
- Сейнт Антонис
- Сейнт Йоханнес в Смитфельде
- Клеркенвелл Нонри
- Халивелл Нонри
- Аббатство Бармондсей
- Сейнт Мэри Уэри Приорат
- Сейнт-Томс Шпитель
- Сент-Джайлс ин Фелде
- Сейнт Хеленс Нонри
- Сейнт Мэри Шпитель
- Сейнт Мэри в Беетелеме
- Нонри Менурес
- Сейнт Анна в Турхиле
- Сейнт Катерины
- Сгорбленные фрайеры
- Фрайеры Августины
- Фьеры Майноры
- Фьеры П'чарс

- Сейнт Джеймс в стене
 - Уит Фрайеры
 - Сейнт Питер в аббатстве Уэстм
 - Сейнт Джеймс в храме
 - Сейнт Стефанис в Вестминстере
 - Часовня Сейнт Томс на мосту
 - Сейнт Джеймс в полях
 - Сейнт Мария Магдалина Йелдхолл
 - Сейнт Мэри Раунсьюал
 - Сейнт Урсула, часовня в Птицелове
-

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

ДОМ ДОМИНИКАНЦЕВ

Следующие заметки взяты из журнала "Археолог. Journal:-

"Традиции доминиканского ордена требовали, чтобы здания располагались четырехугольно, окружая участок земли, на котором находилось кладбище для усопших членов общины, одна сторона которого была занята церковью; но не было принято никакого фиксированного правила для распределения служебных помещений. Это видно из планов нескольких английских приорств, основанных в тот же двадцатилетний период. В Глостере, Бристоле и Стэмфорде церковь занимала северную сторону четырехугольника, тогда как в Норвиче и Кентербери - южную, а в Ньюкасле-на-Тайне - восточную, что, вероятно, было обусловлено удобством местности; но даже ориентация сохранялась не всегда. Кулинарные кабинеты в Глостере, очевидно, находились на юге, в то время как в Кентербери они стояли на западе.

Ранние доминиканские церкви были очень просты в устройстве и строги в деталях. Хороший пример - церковь в Кентербери, где хор, неф и два нефа находились под одной длинной неразрывной крышей, а крыльцо в западном конце служило входом для прихожан. Церковь в Глостере, состоящая из хора, нефа, северной капеллы или трансепта и северного нефа, перестроенная в начале XVI века, несколько отклонилась от этого плана, так как капелла была покрыта отдельной поперечной крышей. Она занимала лишь три четверти стороны четырехугольника, остальная часть была заполнена монастырскими постройками. В церкви было три алтаря; шпиль с двумя колоколами и придел исчезли.

Остальные здания, завершающие четырехугольник площадью около 73 футов, несомненно, являются оригинальными постройками тринадцатого века. Общежитие, занимающее второй этаж с южной стороны, с наружной лестницей, сохранилось до наших дней, вплоть до каменных перегородок отдельных келий. На первом этаже, вероятно, находилась трапезная. Заслуживает внимания трехстворчатое окно в южном фронте западного здания. Но интерьеры всех этих зданий были настолько сильно изменены и приспособлены к современным требованиям, что трудно определить их монастырское предназначение. Подвалы обширны, но не представляют собой ничего достойного внимания".

ПРИОРИСТВО БЛЭКФРАЙЕРС

(Обследование проведено до 1552 года)

[Документ Лосли MSS. в Лосли Холл, Гилфорд].

Обследование Блэкфрайера.²³

Sñ□xlvi li vjs viijd vlē . xiiij li vjs. xiiij. de redditibz woodman & vlē xx li de redd Saunders in toto□lxxix li. xiijs. iiij.

Itm A gallery oū²⁴ the water cominge owt of the townedyche at Holbo'ne runynge into the temys abuttynge vpon the highe waye leadinge from brydwell to the watersyd on the west syde and vpon the tenemente of James la forheye on the est syde conteyninge that waye в длину xliij fote и примыкает к A payre of stayers и waye leadinge from the blackfryers to bryd well ou²⁵ the seid dyche on the northe syde and vpon the seide dyche runynge in to the temys on ye sothe syde conteyninge in breddethe that wage xiiij fote.

Itm James la fforher broderer holdeth one tenemente abutinge vpon the seid highe waye on the northe parte & и примыкает к саду, который примыкает к той же самой дороге на северной стороне и примыкает к саду и к саду Джона Тейлора на восточной стороне и примыкает к саду Джона Тейлора на северной стороне и примыкает к саду, который примыкает к тому же примыкает к северной стороне и примыкает к саду и к саду Джона Тейлора на западной стороне и примыкает к саду Джона Тейлора на восточной стороне... ²⁶ More or Creswell on the sothe syde conteynunge that waye at the west end abuttynge vpon the seide dyche xxiiij fote and at the est end abuttynge vpon the garden of the seide tenement of John Taylor xxxj fote and in lenge from the east ende to the weste end on the sowthe syde xxix ffoote and on the northe syde xxxj ffoote payinge therefore by year ... lxvjs. viij.

John Taylor Carpenter holdeth a tenemente Abuttynge vpon the tenmente of James la fforheys on the weste syde and vpon the tenmente of Robt Damanye on the easte syde conteyninge that waye in lengthe xxx ffoote and vpon A сад, принадлежащий ему, на сев. стороне и на сев. дороге на сев. стороне и на сев. дороге на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне и на сев. стороне... Mr. Creswells on the sowthe syde conteyninge in breddethe that waye att the weste ende xxxj fote and at the eeste ende xlv ffoote & abuttynge v[p]on the garden of the tenemente of James la fforhaye on the west syde & и примыкает к саду владения Робта Дамани на эсте сид конт џн бриддэ ит путэ на северном конце xxx футов и на сев. конце xxx футов, платя lxvjs. xiiij.

Robt Damany bokebynder holdethe A tenemente abutt on the seid highwaye on the northe syde Conteynynge in lengethe xxiiij ffoote and vpon A garden to the same belonginge on the sothe syde Conteyninge in и на западе сид на приморской дороге, ведущей²⁷ от шоссе к владениям²⁸ Джона Тейлера x ffoote и на приморском владении Джона Тейлера xiiij ffoo bee in the hole в том западном конце xxiiij ffoote и примыкании к эсте сиде на участке в собственности Мэриан Тернер в западном конце xxiiij ffoote и в саду участка в собственности сейда Мэриан in breddethe x ffoote bee in the hole breddethe at y'easte ende xxiiij ffoote w²⁹ A garden therto adioynge on the northe syde conteyne in lengethe xvij fote and on the sowthe syde vpon A garden f³⁰ Mr. Creswel xvij ffoote &c. на западной стороне в саду J. Taylers coñ xlv ffoote and on the easte syde vpon the gardens of the tenementes of Thomas Gemyny and ... coñ l^{te}³¹ ffoote payinge therefore ... lxvjs. viij.

Maryan Turner ffounder holdethe A Tenemente abuttinge vputtinge vpon the seid highwaye on the Northe syde and coñ in lengethe that waye xl foote and on the sowthe syd vpon a garden plott to the same tenement belonginge & coñ xix foote and vpon A garden of the tenemente of Nicholas ...³² sadler cont xiiij fote and vpon the tenement of Robt Damanye vij ffoote in the hole on that syde xl^{te}ffoote abuttinge on the weste syde vpon the tenement of Robt Damanye & coñ xiiij ffoote and on the easte syd vpon the garden of the tenemente of Nicholas шорника iij foote и на территории владения Джона де Хорса шляпника xj foote в отверстии на том конце xiiij foote. / w^tA garden therto adioynynge on the northe syde & coñ xix ffoote and abuttinge vpon the garden of the tenement of ... Taylor on the sowthe syde & coñ xix foote and vpon the tene^m of Robt Damany on the weste syde coñ x ffoote and vpon the garden of the tenement of Nicholas ... the sadler on the easte syde coñ ix ffoote. / платя поэтому ad ij^{os}Ai ^{Diuios}33-- lxvjs. viijd. John de Horse hattmaker holdethe A tenement abuttinge on the northe syde vpon the seide highwaye cont xxxj ffoote &c. / на сев. стороне от участка Николаса ... шорника coñ xviiij ffoote и в саду участка Николаса xiiij f. в яме на той стороне xxxij ffoote. / abutt^d on the weste vpon the tenement of Maryan Turner coñ xi ffoote & vpon an highwaye leadynge from Ludgate to the bridge of the blacke ffryers on the easte syde coñ xj ffoote payinge therefore by yeare ad ij^{os}Ai diuinis ... lxs.

Nicholas—Sadler [в тексте MS. это стерто].

A bridge and Stayers on the towne dicke comynge ff from Holbo'ne ^{bride}34 and forby Brydewell into the temys abuttinge weste vpon the highwaye leadinge forby brydewell to the temys coñ x fote brode abuttinge sothe and northe vpon the seid dicke coñ on eache syde xxxix ffote. / w^tA lane leadinge ff from the seide bridge to the highwaye leadinge from ludgate to the black ffryers bridge and abutt ~ easte upon y^thighwaye coñ ... ffoote and abutt weste vpon the seide bridge of bridewell coñ xij ffoote abutt sothe vpon all the seide tenemente of James la fforhaye John Tayler Robt Damany, Maryan Turner and John de horse. / и к северу от ... кона в длину от востока до запада Клии Футе, пройденной в темпе. /

Этот же переулоч находится между мостом Брайдвелл и владениями Дж. Дамани xix foote brode и lij ffoote longe и между владениями Й^tи Хай-роуд, ведущими к мосту Блэкфрайерс, x ffoote brode и ^{Ci}35 ffoote longe.

Николас ... Sadler holdethe A tenemente abuttinge easte vpon an highe waye leadinge from Ludgate to the bridge of the blacke fryers coñ xv ffoote / abuttinge weste vpon A garden belongynge to the same tenemente coñ xiiij foote / abuttinge northe vpon the tenemente of John de horse coñ xviiij foote and sothe vpon the tenent of Edward Charratt Tayler coñ xxviiij ffoote w^tA garden therto belongynge abutt easte vpon thys seid tenemente coñ xiiij foote / weste vpon the garden of the tenement of Maryan Turner coñ x ffoote sowthe vpon the garden of the tenem^t of Edwd Charrat tayler coñ xij ffoote / and northe vpon the tenement of Maryan Turner coñ xij foote lxvj s. viij d.

Edward Sharratt Tayler holdeth A tenement abuttinge easte upon the high waye leadinge from ludgate to bridge of y^eblackffryers coñ xxx ffoote / weste upon A garden belonginge to the same tenemente coñ xxx ffoote Sowthe vpon the tenement Thomas Gemeny coñ xxxv ffoote and northe vpon the tenement of Nicholas con xxviiij ffoote w^tA garden th to adjoininge & abuttinge easte coñ xxx^tffoote. / к западу от сада владения Робта Дамани с xxv ffoote / к северу от сада владения Мэриан Тернер xviiij ffoote и Николаса его сада xiiij fote в отверстии на том сиде xxxj fote и к югу от сада владения Томаса Гемени с xxiiij ffoot' payinge vj^{li}xijjs. iiij d.

Thomas Gemeny printer holdethe A tenemente Abuttinge easte vpon the seid highwaye to the Blackefryers Bridge & coñ xxxiii ffoote and weste vpon A garden to the same belongynge con xxx ffoote / Northe vpon the tenemente of Edward Sharrat tayler coñ xxxv^{ts}foote / and Sowthe vpon A garden of Mr. More or Mr. Cresswell coñ xxviiij ffoote. / w^tA garden thereto adioyninge and abutt

easte coñ xxx ffoote weste vpon ye garden of ye tenement of Rbt Damany coñ xxviiij ffoote. / Northe vpon the garden of the tenemente of Edward Charrat tayler coñ xxiiij ffoote and sothe vpon A garden of one Mr. More or Mr. Cresswell coñ xxviiij ffoote payinge vj^{li}xijs. iiijd.

John Potter broderer holdethe A [tenemente36](#) abuttinge weste vpon the seid high waye to the blackffryers bridge & coñ xxvijⁱ ffoote. / К востоку от сада г-на Гернинга в собственности одного Томаса Нассе Каппера соñ xxvij ffoote К югу от конюшни того же г-на Гернинга в собственности старшего Томаса Сондерса рыцаря соñ xviiij ffoote И к северу от участка, принадлежащего г-ну Гернингу. gernynghm во владении сеньора Т. Нассе соñ xviiij ffoote, выплачивая ad ij^{os} Ai Diuios eq^alz [ad duos Anni divisiones equales] lijs. iiijd.

... Scryven gent holdeth A tenemente abutt northe vpon the seid highe waye to the blacke fryers bridge coñ xxx^(ts) [37] ffoote and weste vpon the same highe waye coñ l^{ts}37 ffoote. / Sowthe vpon the tenemente of Jame ffremounte widowe coñ xxiiij ffoote. / и к востоку от свободного места, которое было телом церкви с lxij^{ts} ffoote и на дворе A howse в владении Т. ffillyppes xv ffoote в отверстии на той стороне lxxvij ffoote wt a lofte [saylinge38](#) ou' входа владения сейда Jame ffremounte widowe. / будучи в длину xxviiij ffoote и в ширину xij ffoote. / ... viij li.

Jame ffremounte wydowe holdethe A tenemente whereof the entrye is under the seid tenemente of J (?) ... Scryven and [thother39 ioines](#) [joines] under the lodginge of the lord Cobam the hole abuttinge easte vpon the late body of the churche of the blacke ffryers xxviiij ffoote by est? [оценка] и в отношении покойного Клойстера той же церкви xij ffoote в отверстии на той стороне xlix ffoote по оценке. / weste vpon certen howses one in the tenure of Mr. Harper coñ xlix foote & vpon ye seid high waye iiij ffoote bee the rome of her dore in the hole liij ffoote. К северу от дома ... Scryven xxiiij foote vpon the wall of the seide late bodie of the churche towarde [theste40](#) syde xx ffoote & upon the seid howses in the tenure of Mr. Harper towards the weste syde xv ffoote in ye hole on that syde deductyng seven ffoote of the butt ageanst Mr. harpers howses wch is also A pcell of the xxiiij foote abutted ageanst ... Scryvens tenemente liij ffoote. and on the Sowthe side abutting vpon certen howses in the tenure of the lorde Cobhm coñ lii ffoote. / платя по годам liijs. iiijd.

ИССЛЕДОВАНИЕ БЛЭКФРАЙАРСА

[Документ, хранящийся в Лосли-холле, недалеко от Гилдхолла, относящийся к Блэкфрайерс, 2 изд. VI.]

[Howesses At the blacke ffryars in London.[41](#)

A [Survey42](#) of certen Edifices bildinge and vo[yde] grounde ... [слово неразборчиво? "и т. д."], взятых ... [пробел в MS.] of Marche in the ij yere of the rayne of Kinge Edward the vjth by ... [пустота в тексте].

FFIRSTE A voyde grounde wth A decayed Galerye theryn and voyde romes therunder wheryn owlde tymber and carte wheles doe lye cont in lengeth iiij / xx x viij [i.e. 98] foote abuttinge ageanste bridewell diche on the weste ende bee there in breddethe at that ende lxxiiij foote abuttinge on the este ende to the comune highe waye and lane that goethe to the comune stayre at the temmes side $\angle$ bee in breddethe at that ende iiij / xx x iiij (94) foote And abuttinge on the Northhe side to the ladie or Mrs. Harpars garden and to one ffraunsis garden And on the Sowthe syde to S $\square$ [Sir] Xpoffer Mores garden wch galery runneth alonge by the northe side of the seide voyde grounde from the est ende te the weste ende as it is above bounded. /

Примечание переводчика: $\angle$ используется для обозначения символа, похожего на рыбий крючок, который, возможно, представляет собой знак, указывающий на то, что слова "on the este ende" должны быть перенесены на эту точку из строки выше.

Itm Cutchyn yarde an owlde cutchyn an entree or passage Joyninge to the same cont in lengethe xx/iiij iiij (84) foote, abuttinge on the weste syde to the lane aforseide and beinge in breddethe at that ende lxxvij foote / and abuttinge ageanste the owlde buttrye on the este side beinge there in breddethe at that ende lxxiiij foote Abuttinge on the sowthe syde to Mr. Portmarys parler nexte the lane And to my lorde Cobh̃ms brack wall and garden on the Northe syde. /

Itm an owlde buttrye and enterye or passage wtha greate Stayre therin wthSellers therunder wtha halle place at the upper ende of the Stayre and an entree there to the frater over the same buttrye all w^{ch}conteyne in lengethe xxxv^{ts}ffoote / и в лоне iiij / xx x v (95) фута, примыкающего к клуатре на восточном конце и к Кутчину на западном конце и на северной стороне к лорду Cobh̃ms howse и на южной стороне к A blynde pler, что утверждал мой [лорд43](#) начальник.

Itm A [howse44](#) called the upper frater [?] in lengethe Cvij foote and in breddethe lij foote.

Itm vnder the same A hall A pler A lytle Chaumber A litle Cutchen therunder wthiiij^{or}small sellers and darke holes therunder of the same lengethe and breddethe aforeseide /.

Itm A voyde rome cont in lengethe xxx^tfoote and in breddethe xvij foote //

Itm a Chaumber called the Duchie Chaumber wtha darke loginge therunder cont in lengethe [l45](#) foote and in breddethe xvj foote.

ПРИЛОЖЕНИЕ X ПАПЕЙ

"Госпиталь Ле Папей был основан в 1442 году Томасом Симминессоном, Уильямом Кливом, Уильямом Барнаби и Джоном Стаффордом, священниками Лондонской епархии. Симминессон, иначе называемый Симессон и Симсон, был ректором церкви Всех Святых, или Всех Святых, на стене; Клив был священником благотворительного общества Святого Иоанна Крестителя в церкви Святой Марии Олдермари; Барнаби был священником-кантри в соборной церкви Святого Павла; о Стаффорде мне известно только то, что он был священником в городе Лондоне. Госпиталь был основан для тех членов их ордена, кого возраст или болезнь лишили возможности активно исполнять свои обязанности". (Поздний преподобный Томас Хьюго, Лондон и Мидд. Археологическое общество, том v.)

"Название госпиталя произошло от названия церкви, которая, как мы увидим, была приписана к нему и обычно известна как церковь святого Августина де Папей" (Ibid. 187.).

"Хартия об основании выглядит следующим образом. В нем содержатся различные интересные сведения, которые я до сих пор опускал ради краткости.

Всем сыновьям нашей Святой Матери Церкви, до которых и до чьего сведения дойдут эти письма или их содержание, а также тем, кого касаются или будут касаться в будущем написанные под ними письма, Томас Симминессон, парсон [викарий или викарий, примечание на полях] приходской церкви Всех Святых у стены Лондонского Сити, вместе с церковью Св. Августина Паппея того же города, обычной властью и по истинным, законным и честным причинам присоединенной, присоединенной и включенной в ту же церковь Всех Святых; и Уильям Клив, капеллан костела, основанного при алтаре св. Иоанна Крестителя в

церкви Пресвятой Марии Олдермарийской церкви Лондона; и Уильям Барнаби, один из капелланов костела в соборной церкви Святого Павла в Лондоне; и Джон Стаффорд, капеллан лондонского Сити, шлют приветствие в Господе нашем вечном.

Знайτε все вы по этим подаркам, что превосходнейший принц во Христе и наш господин и повелитель, знаменитый Генрих Шестой, король Англии и Франции и лорд Ирландии, по своей особой милости, уверенному знанию и простому желанию, по совету и согласию этого великого совета, в своих грамотах, суть которых изложена ниже, нам и другим милостиво предоставил и дал разрешение ему и его наследникам, сколько в нем есть, чтобы мы трое или любые двое из нас могли начать, сделать, основать, рукоположить, объединить и учредить в честь св. Милосердия и св. Иоанна Евангелиста, некое вечное братство, состоящее как из нас самих, так и из других капелланов капелл и наемников [проводит, прим. на полях], а также из других честных людей, в каком-нибудь удобном и честном месте упомянутого города, которое мы предоставим для этой цели, для помощи и поддержания бедных священников, разрушенных [разрушенных, прим. на полях] бедностью и задержанных болезнями, которым не на что жить, но, к великому неудовольствию Божию, а также к поношению духовенства и позору Святой Церкви, умоляем благочестиво молиться о здоровом состоянии и счастливом процветании нашего упомянутого господина короля и королевства Английского, а также дворянства и пэров, братьев и сестер вышеупомянутого братства, а также за души всех усопших верных, как в вышеупомянутой королевской грамоте, к которой и содержанию которой мы вас отсылаем, и которая в ней же, здесь вставленной, содержится более полно.

Итак, мы, Уильям Клив, Уильям Барнаби и Джон Стаффорд, вышеупомянутые капелланы, - полагая, что предположения эти благие, благочестивые и достойные, и твердо намереваясь эффективно и безусловно исполнить их, и основать вышеупомянутое вечное братство, во имя Святой и Нераздельной Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, Пресвятой Девы Марии, Св. Благотворительности и Святого Иоанна Евангелиста, в честь которых вышеупомянутое братство по королевскому разрешению, данному и пожалованному, как сказано, основано и рукоположено [права всех и единственных заинтересованных лиц... в этой части даны и уступлены], начать и продолжить после этого приказа." (Там же).

"Поскольку об этой древней церкви и приходе Святого Августина известно так мало, я, возможно, окажу услугу некоторым из моих читателей, предоставив им здесь все сведения, которые, как считается, сохранились, в дополнение к тем, что уже включены в настоящий мемуар. Стоу говорит, что граф Оксфорд имел свой постоянный двор в его пределах, и что последнее завещание Агнес, леди Бардольф, датированное 1403 годом, было датировано отсюда такими словами: "Hospitio, &c., from the Inn of the Habitation of the Earl of Oxford, in the parish of St. Augustine's de Papey, London". Когда и кем была основана церковь, мне неизвестно. Но имена настоятелей, насколько они сохранились в епископских реестрах, следующие:

Стивен де Бенитон, клерк, представленный настоятелем и монастырем Святой Троицы, Олдгейт, xiiij Kal. Апрель (20 марта), 1321-2.

Роджер Оксекумб, ----?

Адам Лонг, священник, по смерти Р. О., представлен им же, 21 октября 1372 года.

Адам Нанн, капеллан, по смерти А. Л., представленный им же, 19 января 1395-6 гг.

Я предполагаю, что он был последним ректором. Когда он умер или иным образом отказался от своей миссии, я не могу определить. Но после его ухода церковь, как уже говорилось, была слишком бедна, чтобы быть достойной принятия, и была включена в состав церкви описанным способом. Могу ли я предположить, хотя и с большими сомнениями, что небольшое кладбище, которое до сих пор можно увидеть на Камомил-стрит и которое когда-то использовалось в качестве места погребения соседним, но не примыкающим приходом Святого Мартина Аутвича, все еще отмечает место этой древней церкви?" (Ibid.).

"Братья госпиталя отбирались по возрасту и немощам. При поступлении они неизбежно оказывались бедными, а скудных доходов дома едва хватало на удовлетворение общих потребностей человеческого существования. За исключением их дома и благотворительных пожертвований, о которых я уже писал, мне не известно ни о какой собственности, принадлежавшей им, кроме следующих: во-первых, аренда в замке Байнард, о которой случайно упоминается в меморандуме в Коттонской рукописи, дословная копия которого приводится ниже.

Of the vaute in our ten't at Bayn^dcastell-

Да будет помянуто, что в нашем замке Бэйн ^(д)Хаузе (Howse at Bayn^dCastell) есть чертог, из которого вход в венту. да. vj. fote from the Reredoce of the Chy'ney beneth in the Kechyn and ij. fote & di' from the wall-plate or ground sell of the est syde of the sayd Kechyn.

Затем им принадлежали шесть коттеджей или палат в Паньер-аллее, в приходе Сент-Майкл-Куэрн, и два поместья в том же переулке, некоторые сведения о которых я нашел в Патентном списке от 17-го года Елизаветы". (Ibid.)

"Церковь была снесена, и на ее месте "некто Грей, аптекарь, построил стойло и сеновал". В то время, когда Стоу писал свое "исследование", примерно в 1598 году, на месте церкви стоял жилой дом, а церковный двор был превращен в садовый участок. Дом священника, судя по всему, так и остался стоять, а в качестве его арендаторов упоминаются имена мистера Морриса из Эссекса, сэра Фрэнсиса Уолсингема и мистера Баррета, также из Эссекса.

Последняя запись, которую я могу предоставить о возмущенных и разграбленных братьях, изгнанных таким образом из их древнего дома, содержится в пенсионной книге кардинала Поула, где четверо из них перечислены как живущие и получающие пенсии в 1556 году: Роберт Фокс, который, как помнится, был последним хозяином, получал ежегодную пенсию в размере lxvj s. viij d.; Ричард Би и Джордж Строгер, последние надзиратели, каждый с пенсией в liij s. iiij d.; и Джон Мардок, с пенсией в xl s. Двое из шести, которые были свидетелями подавления их дома, Ричард Бирхолл и Джон Барретт, судя по всему, умерли в промежутке". (Ibid.)

ПРИЛОЖЕНИЕ XI БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

I. Богадельни (из Стоу)

Ниже приводится список благотворительных пожертвований.

Богадельня сэра Джона Милборна, драпировщика, мэра в 1531 году, основанная в Вудрофф-лейн для 13 бедняков и их жен.

В Бишопсгейте - для приходских клерков, всех, кто остался от подавленного братства.

В Литтл-Сент-Эленс - для 7 бедняков, принадлежащих к кожевенникам.

Приют на Грешем-стрит, основанный сэром Томасом Грешем, для 8 бедняков.

Больница Святого Антония. Школа и богадельни.

В Спитл-лейн или Стодил-лейн - богадельня виноделов для 13 бедняков.

На улице Монксвелл - богадельни, основанные сэром Амброзом Николасом, мэром 1575 года, для 12 бедняков.

На Уайт-Кросс-стрит - дома, которые братство использовало в качестве богадельни и пресекло.

В Бич-лейн компания драпировщиков основала богадельни для 8 бедняков.

В Голдинг-лейн Ричард Галлардс - для 13 бедняков.

В Стейнинг-лейн - богадельня Габердашеров для 10 бедняков.

На Хлебной улице - богадельня Солтеров для 8 бедняков.

В Троицком переулке - богадельни для 8 бедняков.

На Питерс-Хилл - богадельня Дэвида Смита для 6 бедных вдов.

На Колледж-Хилл колледж Уиттингтона и богадельни для 13 бедняков.

II. Благотворительные фонды в целом

Что касается благотворительных организаций и благотворительных фондов в целом, то нельзя не процитировать самого Стоу: "Я сам был в том упадке.

"Я сам, в то упадочное время благотворительности, часто видел у ворот лорда Кромвеля в Лондоне более двухсот человек, которым каждый день дважды подавали хлеб, мясо и питье в достаточном количестве; ибо он соблюдал этот древний и благотворительный обычай, как и все прелаты, дворяне или люди чести и культа, его предшественники, делали это до него; В качестве примера преподобный Беда пишет, что прелаты его времени, имевшие, кроме деревянных церквей, еще и деревянные, имели, тем не менее, на доске во время трапезы одно блюдо для милостыни, на которое вырезали добрую порцию мяса из каждого другого блюда, приносимого к их столу; Все это было отдано бедным, кроме оставшихся кусочков, так что в тяжелое время бедный прелат, нуждаясь в продуктах, заставлял свое блюдо для милостыни, которое было серебряным, разделить между бедными, чтобы они меняли его, как могли, пока Бог не пошлет им лучший запас.

Таким прелатом был Этельвальд, епископ Винчестерский, в царствование короля Эдгара, около 963 года от Рождества Христова: во время сильного голода он распродал все священные сосуды своей церкви, чтобы облегчить участь почти голодающих, говоря, что нет

причины, чтобы бессмысленные храмы Божьи изобиловали богатствами, а живые храмы Святого Духа испытывали в них недостаток.

Вальтер де Саффилд, епископ Норвича, был такого же мнения; около 1245 года, во времена великого дефицита, он продал все свои тарелки и раздал их бедным до последнего пенни.

Роберт Уинчелси, архиепископ Кентерберийский, в 1093 году, помимо ежедневных трат на свой дом, каждую пятницу и воскресенье давал каждому нищему, приходившему к его воротам, буханку хлеба, достаточную для этого дня, и обычно в каждый такой день милостыни во время безденежья собиралось до пяти тысяч, а в остальное время - не менее четырех тысяч; Более того, в каждый великий праздничный день он раздавал сто пятьдесят пенсов стольким беднякам, чтобы ежедневно посылать мясо, хлеб и питье тем, кто по возрасту или болезни не мог принести ему милостыню, и посылать мясо, деньги и одежду тем, кто, по его мнению, в этом нуждался.

Я читал, что в 1171 году Генрих II, после своего возвращения в Англию, совершил покаяние за убийство Томаса Бекета, из которых (в условиях сильного недостатка) десять тысяч человек, начиная с первого апреля и до появления новой кукурузы, были ежедневно накормлены и поддержаны.

Более того, я нахожу запись, что в 1256 году, 20-м году правления Генриха III, Уильяму де Хаверхолу, казначею короля, было приказано, чтобы в день Обрезания Господа нашего в Вестминстере кормили шесть тысяч бедняков для состояния короля, королевы и их детей. Подобное же повеление упомянутый король Генрих дал Хью Гиффорду и Уильяму Брауну, чтобы в пятницу, следующую после Богоявления, они заставили накормить в большом зале в Виндзоре на хорошем огне всех бедных и нуждающихся детей, которых только можно найти, а королевских детей взвесить и измерить, и их вес и меру распределить на их добрые имения. Этих нескольких примеров благотворительности королей может быть достаточно.

Я читал, что в царствование Эдуарда III Ричард де Бери, епископ Даремский, еженедельно жертвовал на помощь бедным восемь четвертей пшеницы, из которой делали хлеб, помимо своей посуды для милостыни, частей своего дома и больших сумм денег, которые он раздавал бедным во время своих путешествий. А о том, что эти блюда для милостыни были в ходу как у знатных людей, так и у прелатов, здесь достаточно одного замечания.

Я читал, что в 1452 году, когда Ричард, герцог Йоркский, претендовавший тогда на корону, лорд Риверс должен был отправиться за море по делам короля, но остановился в Плиммоте, пока не истратил свои деньги, а затем послал за новыми, герцог Соммерсет прислал ему образ святого Георгия из серебра и золота, чтобы продать его вместе с блюдом для милостыни герцога Глочестера, которое также было в большой цене, ибо монеты у них не было.

В заключение о порядках и обычаях в этом городе, а также о больших семьях, которые содержали почетные люди, чинившие здесь ремонт, и о благотворительных милостынях, раздававшихся в прежние времена, я скажу, что все знатные люди и другие почетные и уважаемые лица, в прежние времена жившие в этом городе или на его свободе, безропотно несли свои доли в сборах с горожан, в соответствии с их оцененными состояниями, как я уже говорил раньше и мог доказать на примерах; Но пусть люди вспомнят сэра Томаса Кромвеля, тогдашнего лорда тайной печати и генерального викария, лежащего в городе Лондоне; он нес свои сборы на большом сборе там в 1539 году. Д. 1539; он послал своих людей в большом

количестве в мильный конец, а за ними их доспехи в машинах, с их плащами из белого сукна, с гербом этого города, то есть красным крестом и мечом на груди и спине; эти доспехи и плащи они носят среди горожан, без всякого различия, и маршировали через город к Вестминстеру".

Следующие дополнения взяты из списка, составленного Стоу; некоторые из оснований уже рассматривались в главах, посвященных религиозным домам:...

Следует заметить, что среди этих фондов одиннадцать были основаны в четырнадцатом веке, двадцать три - в пятнадцатом и тридцать два - в шестнадцатом. Мы уже обращали внимание на упадок завещаний на благотворительность и душевные мессы, "дни разума" и подарки монахам и религиозным деятелям в пятнадцатом веке; интересно отметить, что в то время как старая мода на завещания приходит в упадок, новая мода прогрессирует.

"Жители Лондона, не считаясь со временем, основали больницу Святого Иакова на полях для больных проказой женщин своего города.

В 1197 году Уолтер Брюн, гражданин Лондона, и Розия, его жена, основали больницу Богоматери, называемую Домус Деи, или Святой Марии Спитл.

В 1247 году Саймон Фицмари, один из шерифов Лондона, основал госпиталь Святой Марии под названием Бетлем, также без Бишопсгейта.

В 1283 году Генри Уоллис, тогдашний мэр, построил Тюн на Корнхилле, чтобы служить тюрьмой для ночных гуляк, и рыночный дом, называемый Стокс, как для рыбы, так и для плоти, стоящий посреди города. Он также построил несколько домов на западной и северной стороне церковного двора Поула; прибыль от всех этих зданий идет на содержание Лондонского моста.

В 1332 году Уильям Элсинг, лондонский мерсер, основал в Крипплгейте приют Элсинг Спитл для ста бедных слепых.

Сэр Джон Поултни, драпировщик, четырежды мэр, в 1337 году построил прекрасную часовню в церкви Поула, где и был похоронен. Он основал колледж в приходской церкви святого Лаврентия, называемый Поултни: построил приходскую церковь под названием Литтл-Аллхаллоуз на Темз-стрит; церковь монахов-кармелитов в Ковентри; даровал облегчение заключенным в Ньюгейте и на Флите, а также десять шиллингов в год госпиталю святого Джайлса в Олдборне на вечные времена, и другие завещания, о которых долго рассказывать.

Джон Стоди, виноградарь, мэр 1358 года, отдал виноградарям весь квартал, где сейчас стоит Винтернс-холл, со всеми владениями вокруг, от Стодис-лейн, где основаны тринадцать богаделен для стольких бедняков и т.д.

Джон Лофкен, рыботорговец, четырежды мэр, в 1367 году построил больницу Магдалены в Кингстоне-на-Темзе; передал ей девять домов, десять магазинов, одну мельницу, сто двадцать пять акров земли, десять акров луга, сто двадцать акров пастбища; кроме того, в Лондоне он построил прекрасную приходскую церковь святого Михаила в Крукед-Лейн и был там похоронен.

Джон Барнс, мэр 1371 года, подарил сундук с тремя замками и тысячей марок в нем, чтобы одалживать его молодым людям под достаточный залог, а для пользования им говорить *de*

profundis или *Pater noster*, и не более: он также был великим строителем приходской церкви Святого Фомы Апостола, о чем свидетельствует его оружие, как из камня, так и из стекла.

Этот сэр Роберт Ноулз, получив таким образом достойное гражданское звание, основал колледж с госпиталем в Понтефракте: он же построил большой каменный мост в Рочестере, через реку Медуэй, и т. д.

Джон Черчмен, бакалейщик, один из шерифов, в 1386 году, для спокойствия купцов, построил некий дом на Шерстяной пристани, в Тауэрском приходе, чтобы служить для тронажа или взвешивания шерсти, и чтобы в нем сидели заказчик, контролер, клерки и другие должностные лица, и т.д.

Адам Бамме, золотых дел мастер, мэр 1391 года, во время сильной скудости закупил кукурузу за морями, чтобы привезти ее в таком количестве, чтобы хватило на город и прилегающие страны; для продолжения этого доброго дела он взял из сиротского сундука в Гилдхолле две тысячи марок, чтобы купить упомянутую кукурузу, и каждый олдермен выложил по двадцать фунтов на ту же цель.

Томас Ноулз, бакалейщик, мэр 1400 года, со своими братьями олдерменами начал новое строительство Гилдхолла в Лондоне и вместо старого маленького коттеджа на Олдерменбери-стрит построил честный и добротный дом, более близкий к церкви святого Лаврентия в Джури: он заново отстроил церковь святого Антония и отдал бакалейщикам свой дом близ нее для помощи бедным на вечные времена. Кроме того, он заставил подавать сладкую воду к воротам Ньюгейта и Ладгейта для облегчения состояния заключенных.

Джон Хинд, драпировщик, мэр 1405 года, заново построил свою приходскую церковь Святого Свитена из лондонского камня.

Томас Фальконер, мерсер, мэр 1414 г., построил почтовую станцию под названием Мурегейт, очистил городские каналы и сделал много других вещей на благо того же города.

Уильям Севеноке, бакалейщик, мэр 1419 года, основал в городе Севеноке, в Кенте, бесплатную школу для детей бедняков и тринадцать богаделен: в его завещании говорится, что для двадцати бедных мужчин и женщин.

Ричард Уиттингтон, мерсер, трижды мэр, в 1421 году основал библиотеку Серых монахов в Лондоне на сумму четыреста фунтов: его душеприказчики на его средства основали и построили колледж Уиттингтона с богадельнями для тринадцати бедняков и лекциями по богословию, которые будут читаться там вечно. Они отремонтировали больницу Святого Варфоломея в Смитфилде; они взяли на себя часть расходов по остеклению и мощению Гилдхолла; они взяли на себя половину расходов по строительству библиотеки в нем, и они построили западные ворота Лондона, в старые времена называвшиеся Ньюгейт, и т. д.

Джон Карпентер, городской клерк Лондона, в царствование Генриха V., с большими затратами нарисовал на доске, около северного клуатра Поула, памятник Смерти, ведущей все сословия, с речами Смерти и ответом каждого государства. Этот клуатр был снесен в 1549 году. Он также отдал городу владения, чтобы найти и воспитать четырех детей бедняков с мясом, питьем, одеждой, обучением в школах при университетах и т. д., пока они не станут предпочтительными, а затем других на их место навечно.

Роберт Чичли, бакалейщик, мэр 1422 года, назначил своим завещанием, что в день его памяти должен быть назначен компетентный обед для двух тысяч четырехсот бедняков, домовладельцев этого города, и каждый человек должен иметь два пенса деньгами. Кроме

того, он подарил один большой участок земли, на котором будет построена новая приходская церковь святого Стефана, неподалеку от Уолбрука.

Джон Рейнвелл, рыботорговец, мэр 1427 года, отдал ренту, чтобы освободить некоторых подопечных Лондона от пятнадцати пенсов и других платежей.

Джон Уэллс, бакалейщик, мэр 1433 года, был великим строителем часовни или колледжа в Гилдхолле и был там похоронен. По его приказу пресная вода подавалась из Тайборна к штандарту в Вест-Чейпе для нужд города.

Уильям Истфилд, мерсер, 1438 г., поручил своим душеприказчикам из своего имущества доставлять сладкую воду из Тайборна и построить честный канал у церкви Олдерманбери, что они и исполнили, а также сделали стандарт на Флит-стрит в конце Шоу-Лейн; они также доставляли воду в Крипплгейт и т. д.

Стивен Браун, бакалейщик, мэр 1439 года, отправился в Пруссию, чтобы оттуда привезли кукурузу; таким образом он снизил цену на пшеницу с трех шиллингов за бушель до менее чем половины этой суммы.

Филипп Мальпас, один из шерифов 1440 года, по своему завещанию передал сто двадцать пять фунтов на облегчение участи бедных заключенных, а также ежегодно в течение пяти лет четыреста рубашек и плавок, сорок пар простыней и сто пятьдесят платьев из фриза для бедных; пятистам беднякам в Лондоне шесть шиллингов и восемь пенсов; на браки бедных девиц сто марок; на дороги сто марок; двадцать марок в год выпускнику для проповеди; двадцать фунтов проповедникам в Спитле в три пасхальных праздника и т. д.

Роберт Лардж, мерсер, мэр 1440 года, дал своей приходской церкви святого Олава в Суррее двести фунтов; церкви святой Маргариты в Лотбери двадцать пять фунтов; бедным двадцать фунтов; Лондонскому мосту сто марок; на свод над водотоком Уолбрук двести марок; на браки бедных девиц сто марок; бедным домовладельцам сто фунтов и т. д.

Ричард Рич, мерсер, один из шерифов, в 1442 году основал богадельни в Ходсдоне в Хартфордшире.

Саймон Эйр, драпировщик, мэр 1346 года, построил Лиден-холл для общего сбора кукурузы для нужд города и оставил пять тысяч марок на благотворительные цели.

Годфри Болейн, мэр Лондона в 1458 году, по своему завещанию щедро одарил тюрьмы, больницы и лазарные дома, а также тысячу фунтов стерлингов для бедных домовладельцев в Лондоне и двести фунтов стерлингов для бедных домовладельцев в Норфолке.

Ричард Роусон, один из шерифов, в 1477 году по завещанию дал большое наследство тюрьмам, больницам, лазаретным домам, другим беднякам, шоссе, водопроводам, кроме того, на браки бедных девиц триста сорок фунтов, а его душеприказчики построили большой дом на церковном дворе святой Марии Спитл, где мэр и его братья имеют обыкновение сидеть и слушать проповеди в пасхальные праздники.

Томас Илам, один из шерифов, в 1480 году за свой счет построил большой водовод в Чипе.

Эдвард Шоу, золотых дел мастер, мэр 1483 года, за свой счет построил Крипплгейт в Лондоне и т. д.

Томас Хилл, бакалейщик, мэр 1485 года, из своих товаров построил канал на Грасс-стрит.

Хью Клоптон, мерсер, всю жизнь холостяк, мэр 1492 года, построил большой арочный мост в Стратфорде-на-Эйвоне в Уорикшире и совершил много других благотворительных дел, как в моем резюме.

Роберт Фабиан, олдермен и один из шерифов, в 1494 году собрал из разных хороших авторов, как латинских, так и французских, большую Хронику Англии и Франции, которую он опубликовал на английском языке, к своим большим расходам, для чести этого города и общей пользы всего королевства.

Сэр Джон Персивалл, купец-тейлор, мэр 1498 года, основал грамматическую школу в Маклфилде в Чешире, где он родился; он наделил ту же школу достаточным количеством земель, чтобы найти там священника-магистра, который бы свободно обучал всех без исключения детей, отправленных туда.

Леди Томасина, его жена, основала такую же бесплатную школу, вместе с приличными жилищами для школьных учителей, учеников и других, и добавила двадцать фунтов ежегодного дохода для поддержания сборов, в Сент-Мэри-Уик в Девоншире, где она родилась.

Стивен Геннингс, купец-тейлор, мэр 1509 года, основал прекрасную гимназию в Ульфримхэмптоне в Стаффордшире, оставил хорошие земли, а также построил большую часть своей приходской церкви, называемой Сент-Эндрюс-Андерсхафт, в Лондоне.

Генри Кембл, бакалейщик, мэр 1511 года, при жизни был великим благотворителем нового здания церкви Олд Мэри и по завещанию дал тысячу фунтов на его отделку; он дал дорогам двести фунтов; на браки бедных девиц сто марок; бедным крестьянам в Оксфорде и Уорике сто сорок лемехов и сто сорок сошников из железа; а в Лондоне - семи милостынникам по шесть пенсов в неделю на вечные времена.

Джон Коллет, гражданин Лондона по происхождению и достоинству, декан Поула, доктор богословия, воздвиг и построил одну бесплатную школу в церковном дворе Поула в 1512 году для трехсот пятидесяти трех детей бедняков, чтобы их бесплатно обучали в той же школе, назначив мастера, сурмейстера, и капеллана с достаточным жалованьем, чтобы это продолжалось вечно, и поручил надзор за ней лондонским мерсерам, поскольку сам был сыном Генри Коллета, мерсера, мэра Лондона, и наделил мерсеров землями на сумму сто двадцать фунтов в год или больше.

Джон Тейт, пивовар, затем мерсер, мэр 1514 года, приказал снести свою пивоварню под названием "Лебедь", примыкающую к госпиталю святого Антония в Лондоне, для расширения упомянутой церкви, тогда только что построенной, на большую часть своей платы. Это был хороший фонд, с богадельнями, бесплатной школой и т. д.

Джордж Монокс, драупер, мэр 1515 года, восстановил обветшавшую приходскую церковь Уолтонстоу, или Уолтемстоу, в Эссексе; он основал там бесплатную школу и богадельню для тринадцати человек, сделал деревянную дорогу через болота от Уолтемстоу до Лок-Бриджа и т. д.

Сэр Джон Милборн, драупер, мэр 1522 г., построил богадельню, четырнадцать штук, у церкви Крестоносцев в Лондоне, где разместились четырнадцать бедняков; и оставил драуперам несколько домов, особняков и садовых участков в приходе святого Олава на Харт-стрит для выплаты пособий упомянутым богадельням и других целей.

Роберт Торн, купец-тейлор, умерший холостяком в 1532 году, по завещанию передал на благотворительные цели более четырех тысяч четырехсот сорока фунтов стерлингов и завещал своим бедным родственникам более пяти тысяч ста сорока двух фунтов стерлингов, кроме того, его долги прощены и т.д.

Сэр Джон Аллен, мерсер, мэр Лондона и член совета при короле Генрихе VIII, умер в 1544 году, похоронен в церкви святого Фомы Акрского в построенной им прекрасной часовне. Он подарил лондонскому городу богатый золотой воротник для ношения мэром, который первым надел сэр У. Лакстон. Он дал пятьсот марок в качестве запаса морского угля; его земли куплены у короля, а рента с них будет вечно распределяться среди бедняков в приходах Лондона. Кроме того, он дал тюрьмам, больницам, лазаретам и всем другим бедным в городе или в двух милях от него, очень щедро, и долго перечислять.

Сэр Уильям Лакстон, бакалейщик, мэр 1545 года, основал честную бесплатную школу в Оундале в Нортгемптоншире, а также шесть богаделен для бедных.

Сэр Джон Грешем, мерсер, мэр 1548 года, основал бесплатную школу в Холте, рыночном городе в Норфолке.

Сэр Роуленд Хилл, мерсер, мэр 1550 года, построил множество дорог для лошадей и людей; построил четыре моста, два из камня, в них восемнадцать арок; построил одну примечательную бесплатную школу в Дрейтоне в Шропшире; подарил госпиталю Христа в Лондоне пятьсот фунтов и т. д.

Сэр Эндрю Джад, скорняк, мэр 1551 года, построил одну примечательную бесплатную школу в Танбридже в Кенте и богадельни рядом с церковью Св. Елены в Лондоне, и оставил скорнякам земли стоимостью шестьдесят фунтов три шиллинга и восемь пенсов в год; за это они обязаны платить двадцать фунтов школьному учителю, восемь фунтов привратнику, ежегодно, навечно, и четыре шиллинга в неделю шести богадельням, и двадцать пять шиллингов и четыре пенса в год на угли навечно.

Сэр Томас Уайт, купец-тейлор, мэр 1554 года, основал колледж Святого Иоанна в Оксфорде и раздал большие суммы денег разным городам Англии для помощи бедным, как в моем резюме.

Эдвард Холл, джентльмен из Грейс-Инн, гражданин по рождению и должности, общий сержант Лондона и один из судей в суде шерифов; он написал и опубликовал знаменитую и красноречивую хронику под названием "Объединение двух благородных семейств, Ланкастеров и Йорков".

Ричард Хиллс, купец-тайлор, в 1560 году дал пятьсот фунтов на покупку дома, называемого поместьем Розы, где купцы-тайлоры основали свою бесплатную школу в Лондоне; он также подарил указанным купцам-тайлорам один участок земли с несколькими небольшими коттеджами на холме Тауэр, где он построил прекрасные богадельни для четырнадцати одиноких женщин.

Примерно в то же время Уильям Ламберт, эсквайр, уроженец Лондона, мировой судья в Кенте, основал колледж для бедных, который назвал именем королевы Елизаветы, в Восточном Гринвиче.

Уильям Харпер, купец-тейлор, мэр 1562 года, основал бесплатную школу в городе Бедфорд, где он родился, а также был похоронен.

Сэр Томас Грешем, мерсер, 1566 г., построил Королевскую биржу в Лондоне и по завещанию оставил свой жилой дом на Бишопсгейт-стрит для проведения чтений, выделив большое жалование чтецам и несколько богаделен для бедных.

Уильям Паттен, джентльмен, гражданин по происхождению, клиент лондонской внешней торговли, мировой судья в Мидлсексе; приходская церковь в Стоукенвентоне была разрушена, он ее отремонтировал, вернее, построил заново.

Сэр Томас Роу, купец-тайлор, мэр 1568 года, отдал купеческим тайлорам земли или поместья, из них десяти беднякам, суконщикам, плотникам, плиточникам, штукатурам и оружейникам, по сорок фунтов в год, а именно по четыре фунта каждому; также сто фунтов в долг восьми беднякам; кроме того, он обнес кирпичной стеной около одного акра земли, относящейся к госпиталю Бетлема, для погребения умерших.

Амброз Николас, солевар, мэр 1576 года, основал двенадцать богаделен на Монке-вел-стрит, неподалеку от Крепл-гейт, где поселил двенадцать бедняков, каждому из которых полагалось по семь пенсов в неделю, а раз в год - пять мешков угля и четверть сотни фуг, все в его дар на вечные времена.

Уильям Ламбе, джентльмен и суконщик, в 1577 году построил водопровод в Олдборн-Кросс на сумму пятнадцать сотен фунтов и совершил много других благотворительных действий, как указано в моем резюме.

Сэр Т. Оффли, купец-тайлор, мэр города, умерший в 1580 году, в своем завещании назначил половину всего своего имущества и двести фунтов, вычтенные из другой половины, передать своему сыну Генри, чтобы его душеприказчики отдавали и дарили их в делах благотворительности, согласно его уверенности и доверию к ним.

Джон Хейдон, шериф 1583 года, дал большое наследство, более трех тысяч фунтов, на помощь бедным, как в моем резюме.

Барнард Рэндольф, обычный сержант Лондона 1583 года, дал и передал своей рукой девятьсот фунтов на строительство водопроводов, что и было сделано. Кроме того, по завещанию он передал тысячу фунтов на благотворительные цели; но эти деньги находятся в крепких руках, и я не слышал, как они были переданы, больше, чем в других завещаниях добрых людей, которые должны быть выполнены.

Сэр Уолстон Дикси, скорняк, мэр 1586 года, основал бесплатную школу в Босворте и одаривал ее двадцатью фунтами земли в год.

Ричард Мэй, купец-тайлор, дал триста фунтов на новое здание Блэквелл-холла в Лондоне, где продавались шерстяные ткани.

Джон Фуллер, эсквайр, один из судей лондонского суда шерифов, своим завещанием, датированным 1592 годом, поручил своей жене, ее наследникам и правопреемникам после его смерти возвести одну богадельню в приходе Стиконет,⁴⁶ для двенадцати бедных одиноких мужчин в возрасте от пятидесяти лет и старше, и еще одну богадельню в Шордиче для двенадцати бедных пожилых вдов-женщин того же возраста; она наделит их ста фунтами в год, то есть пятьюдесятью фунтами на каждого навечно, из его земель в Линкольнском шире, закрепленных навечно за определенными вотчинами в доверительном управлении, по акту о пожаловании. Более того, он отдал свои поместья, земли и владения, лежащие в приходах Сент-Бенет и Сент-Питер, у Поула, в котором он живет. Петра, у пристани Поула в Лондоне, в доверительное управление, ежегодно на вечные времена, чтобы все доходы и

прибыль от указанных земель и участков шли на облегчение участи и освобождение бедных заключенных в палатах "Дыра" или "Два пенни" в двух компартментах Лондона, равными долями в каждом компартменте, так чтобы заключенные не превышали сумму в двадцать шесть шиллингов и восемь пенсов на каждого заключенного в любое время.

Таким образом, я отметил благотворительные действия знаменитых граждан, по большей части совершенные ими при жизни. Остатки, оставленные в доверительное управление их душеприказчикам, как мне известно, некоторые из них почти (или никогда) не выполняли; поэтому я желаю людям, чтобы их собственные руки были их душеприказчиками, а их глаза - их надзирателями, не забывая при этом старую пословицу: "Женщины забывчивы, дети забывчивы".

Женщины будьте забывчивы, дети - недобры,

Исполнители должны быть жадными и брать все, что найдут.

Если кто-нибудь спросит, куда делось имущество умершего,

Они отвечают: "Да поможет мне Бог, и святая дама, он умер бедняком".

Один достойный гражданин купец-тейлор, много лет размышляя над этой пословицей, поэтому установил двенадцати бедным пожилым мужчинам, купцам-тейлорам, по шесть фунтов два шиллинга каждому ежегодно на вечные времена. Он также дал им платья из хорошей широкой ткани, тщательно подшитые лаврами, и они должны получать каждые три года новые платья на вечные времена.

А теперь о некоторых женщинах, женах горожан, заслуживающих памяти, для примера потомкам.

Дама Агнес Фостер, вдова, жена Стивена Фостера, рыботорговца, мэра 1455 года, расширив тюрьму Ладгейт в 1463 году, добилась в общем совете этого города, чтобы были установлены определенные статьи для облегчения, комфорта и помощи бедным заключенным, как в главе ворот, которую я изложил.

Авис Гибсон, жена Николаса Гибсона, бакалейщика, одного из шерифов 1539 года, по разрешению своего мужа основала бесплатную школу в Рэдклиффе, недалеко от Лондона, назначив туда для обучения шестидесяти детей бедняков школьного учителя и училища с пятьюдесятью фунтами; Она также построила богадельни для четырнадцати бедных пожилых людей, каждый из которых должен получать ежеквартально шесть шиллингов и восемь пенсов за штуку на вечные времена; управление этой бесплатной школой и богадельнями она доверила Куперам в Лондоне.

Маргарет Данн, вдова Уильяма Данна, железоделателя, одного из шерифов Лондона, по завещанию передала железоделателям две тысячи фунтов стерлингов, чтобы они ссужали молодых людей из этой компании, выплачивая по пять фунтов в год за каждую сотню; эти сто фунтов, ежегодно возрастающие, должны быть использованы на благотворительные цели, как она тогда назначила, но не исполняться более тридцати лет после.

Дама Мэри Рэмси, жена сэра Томаса Рэмси, мэра города около 1577 года, получив в наследство земли на сумму двести сорок три фунта в год, с его согласия передала их в госпиталь Христа в Лондоне для помощи бедным детям".

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

Ниже приводится далеко не полный список лондонских братств.

- Братство С. Альбоне, в церкви С. Альбоне.
- "" Олхоллоуз, Лондонская стена.
- "" All Hallows de Bredstret.
- "" Все Святые, в церкви Станинга.
- "" Святой Анны, в церкви Святого Аудеона в Нейгате.
- "" Святой Анны, в церкви Святого Михаила, Корнхалл.
- "" Успения, в церкви Святого Ботольфа, Биллингсгейт.
- "" В.В. Марии в Абчерче.
- "" Б.В. Марии в церкви С. Мэтью, Пятничная улица.
- "" Святой Бригиды, в Флетестрет.
- "" Кандельвикштрете.
- "" "Чарнелл" в церковном дворе С. Павла.
- "" S. Christopher, в церкви S. Christopher.
- "" С. Кристофер и С. Джордж.
- "" Церковь С. Маргарет де Беркинг.
- "" Тело Христово в церкви Всех Святых де Бредстрет.
- "" Тела Христовы в церкви Святой Милдред Птицелов.
- "" Тело Христово в церкви Святого Иоанна Уолбрука.
- "" Тело Христово в часовне Святой Марии Конихоуп Лейн.
- "" Св. Элигий (С. Элой) в церкви С. Джайлс, Крипплгейт.
- "" С. Элигиус в церкви Св. Фомы Апостола.
- "" С. Эркенвальд.
- "" SS. Фабиан и Себастьян в церкви Святого Ботольфа без Олдричегейта.
- "" Св. Георгий, в церкви С. Джайлса без Крипулгейта.
- "" Св. Джайлса в церкви С. Джайлса без Крипулгейт.
- "" Х. Кросс в церкви С. Ведаст.
- "" Свет Х. Креста в церкви С. Лауренс ин Джури.
- "" Н. Ghost.
- "" Х. Троицы в церкви С. Ботольфа без Олдрихесгейта.
- "" Н. Троицы в церкви С. Марии де Аббехерш.
- "" Х. Троицы возле Тауэра.
- "" Х. Троицы и Св. Марии в приходской церкви Св. Августина в Хакени.
- "" Х. Троицы, Св. Марии и Св. Иоанна Крестителя.
- "" С. Джеймс, Гарлехит.
- "" Иисус, в крипте собора Святого Павла.
- "" Св. Иоанн, основан в церкви Св. Андрея, де Холборн.

- "" Св. Иоанн Креститель лондонских портных.
- "" Св. Иоанн Евангелист в церкви Св. Иоанна, Ватлингстрете.
- "" Календари, в Эксетере.
- "" Календари, в Винчестере.
- "" Св. Катерины, в церкви Всех Святых на Сенной.
- "" Св. Катерина, в церкви С. Эндрю Хьюберд, близ Эстчепа.
- "" С. Кэтрин, в церкви С. Ботольфа без Олдрихесгейта,
- "" С. Кэтрин, в церкви С. Ботолфа около Биллингсгейта.
- "" С. Кэтрин, в церкви Х. Троицы.
- "" Св. Катерина, ранее находившаяся в церкви Св. Катерины де Колман, а затем в монастыре Ньючирчхоу (или Новое аббатство).
- "" Св. Катерина, в церкви С. Мартина Помера в Исмонгерелейне.
- "" Св. Катерина, в церкви Св. Марии де Колхирхе.
- "" Св. Катерина, в церкви Св. Матфея в Пятнице-Штрете.
- "" Св. Катерина, в церкви Св. Павла.
- "" С. Кэтрин, в церкви Святого Гроба Господня без Ньюгейта.
- "" Св. Катерина, возле Тауэра.
- "" Свет Б.В. Марии, в церкви Святого Гроба Господня.
- "" Светильники Святой Катерины и Святой Анны, в церкви Святого Лаврентия Джури.
- " для поддержания Salve Regina в церкви S. Magnus.
- "" Св. Марии, в церкви Оллхоллоус под Стеной, рядом с Бишоппсгейт.
- "" Святой Марии, в церкви Святого Бенедикта де Грешерч.
- "" Св. Марии, в церкви Св. Ботольфа, Биллингсгейт.
- "" Святая Мария, в церкви Святой Бригиды в Флетестрете.
- "" Св. Мария, в церкви С. Дунстан Ист.
- "" Св. Марии, в церкви С. Джайлса без Крепулгейта.
- "" Св. Марии, в церкви Святой Троицы в пределах Алгейта.
- "" Св. Мария, в церкви С. Леонарда де Истчип.
- "" Св. Мария, в церкви С. Мартина в Ладгейте.
- "" С. Мария, в церкви С. Мэри ле Боу.
- "" Св. Марии, в церкви Св. Марии Магдалины, рядом со старым Рыбным рынком.
- "" С. Мэри, в церкви С. Мэри Вулнот.
- "" Успение Святой Марии.
- "" Свет Св. Марии, в церкви Св. Михаила Бассингхау.
- "" Святая Мария и Все Святые.
- "" Святая Мария из Бедлехема.
- "" Часовня Святой Марии, в церкви Святой Марии де Волчерче.
- "" С. Мария де Кричирхе.
- "" Св. Марии и Св. Дунстана на Флит-стрит.
- " или Гильдия Святой Марии и Святого Джайлса в церкви Святого Джайлса без Крепулгейта.

- "" Св. Марии и Св. Иоанна Крестителя, в церкви Св. Ботольфа, Бишопсгейт.
 - "" С. Мэри атте Накс.
 - " или гильдия Св. Марии и Св. Стефана в церкви Св. Гроба Господня.
 - "Гильдия Святой Марии, Святого Стефана и Святого Гавриила в церкви Святого Гроба Господня.
 - "" Святая Мария в Стронде.
 - "" Св. Михаила в церкви Св. Михаила, Корнхалл.
 - Братства Святого Михаила и Пресвятой Богородицы, а также Святой Анны и Святого Георгия, в церкви Святого Михаила, Корнхалл.
 - Братство Святого Николая.
 - "" Часовня Святого Николая де Беркингчирхе, рядом с Тауэром.
 - "" С. Осите, в церкви С. Эндрю в Холборне.
 - "" Паппи.
 - "" Приходские клерки.
 - "" С. Питер, в церкви С. Питер, Корнхилл.
 - "" Священники.
 - "" Воскресение Христово, в церкви С. Павла.
 - "" Воскресение Святого Павла.
 - "" Salve, в церкви Святого Магнуса Мученика в Бригестрете.
 - "" Св. Себастьяна в церкви Св. Ботольфа без Олдрихесгейта.
 - "" Св. Стефан, на улице Колман.
 - "" Св. Стефан в церкви Святого Гроба Господня.
 - "Таннерсельд.
-

КОНЕЦ

Отпечатано компанией "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

ССЫЛКИ:

1 "Во Франции коммунальная конституция в этот период поощрялась, хотя и не очень сердечно, Люисом Шестым, который видел в ней средство сковать действия баронов и епископов и обеспечить себе поддержку сильной части своего народа". (Stubbs.)

2 Древнее написание Mortaigne, но не путать с современным французским городом Мортань.

3 J. H. Раунд, *Коммуна Лондона*.

4 О присяге мэра см. [с. 76](#).

5 Интересно отметить места, упомянутые в этом документе. Это Старый храм (в Холборне, на северо-восточном углу Чансери-лейн); Еврейская улица, *то есть* старое еврейство; еврейство Святого Олава; Маркет-стрит (Чипсайд); Фиш-стрит; церковь Святой Маргариты;

церковь Святого Петра на Корнхилле; Чепе; Флит; Олдерменбери; церковь Святого Клементя и церковь Святого Павла.

Измерения земли показывают, что она была разделена на дома и сады примерно так же, как сейчас разделена земля в пригородах; участки обычно имеют ширину 30 футов и длину 100 футов, что примерно соответствует площади, которую сейчас занимает небольшой пригородный дом. Арендная плата за такой участок земли составляла около 2 с.

6 См. также Приложения I. и II.

7 В промежутке поместье было продано Уильяму де Фарндону.

8 Или Вьель.

9 *FitzThedmar* (Riley's edit.), p. 59.

10 См. иллюстрацию, с. 199, *Лондон времен Тюдоров*.

11 Это может означать только олдерменов, или всех арендаторов *in capite*, или мэра и олдерменов, которые должны были отвечать за выборы.

12 Печать Ньюгейта.

13 Франк-альмуаж, или свободная милостыня. Владение духовной корпорацией только за духовную службу.

14 Т. Мэддокс, *История казначейства*.

15 Глубокие тарелки или порринджеры для супа.- Прим. ред.

16 *История и развитие гильдий*, 1870, с. 98-100.

17 *Кентерберийские рассказы*. Примечания, с. 118.

18 *История Англии*, т. ii. с. 433.

19 За этот отрывок и за перевод я обязан моему другу мистеру Филипу Викстиду.

20 Пособия на мясо, питье и одежду, на которые наследники основателей могли претендовать по праву - прим. ред.

21 Уильям Грегори.

22 *Археологический журнал*.

23 Подтверждено.

24 *Прочитано*.

25 Читать *сначала*.

26 Пустое место в тексте.

27 *Viz*.

28 Читать *tenement*.

29 Читать с.

30 Read of.

31 50.

32 Имеется в виду род занятий, а не фамилия.

33 Т.е. в два полугодия (ad duos Anni divisiones).

34 ? Мост.

35 101.

36 Nō [nota] there is w^holden from the same one lofts by the capper standing ou' [over] the nether pte of this tenemente.

37 50.

38 *Перечитайте.*

39 Nō [nota] she hathe paidd to Bowcher a q⁽ⁿ⁾tr's rente dewe at mydsom 1552 and she muste have a chimny by couenūte.

40 Читать *на востоке*.

41 Одобрение.

42 ... черные [фрайа]рсы, кроме Ладгейта, в городе Лондоне.

43 Т.е. лорд Кобэм.

44 Memord the lord warden clameth the seide hall plor and Cutchyn.

45 Читать 50.

46 Степни.

Генеалогические таблицы

- 1. Роберт, граф д'Артуа = Мод Брабантская
- 11. Бланш, род. в 1250 г., ум. в 1300 г. = Анри ле Грос,
- король Наварры,
- m. 1270, d. 1274.
- 111. Жанна = Филипп ле Бель.
- = Эдмунд, граф Ланкастер = Аделина
- Король Сицилии, р. 1245,
- m. 1274, d. 1296.
- 2-й сын Генриха III, прозванный Краучбеком.
- 112. Томас, И. Ланкастерский
- обезглавлен в 1322 году.
- 113. Генрих
- 114. Джон
- 115. Дочь

-
- 1. Лоренс Вашингтон = Маргарет Батлер.
 - из Сулгрейва, ум. в 1616 г.
 - 11. Сэр Уильям Вашингтон = Энн Вильерс.
 - d. 1643.
 - 111. Элизабет = Уильям Легге.
 - 1111. Графы Дартмутские.
 - 12. Лоуренс Вашингтон = Амфилис.
 - 121. Джон = Энн Поуп.
 - 1211. Лоуренс = Милдред Уорнер.
 - 12111. Августин = Мэри Беде.
 - 121111. Джордж Вашингтон.